

АКАДЕМИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ФЕНОМЕН РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА: ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

ПАРТНЕРСТВО В УСЛОВИЯХ РИСКА И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЭКОНОМИКЕ,
ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ ИЗВЕСТНОГО УЧЕНОГО И КРУПНОГО ОРГАНИЗАТОРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ И НА ЮГЕ РОССИИ ДОКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА А.Ф. СИДОРОВА

САМАРКАНД – КАРШИ

2020

Научная редакция

Сидоров В.А., доктор экономических наук, профессор;

Редакторская группа

Ядгаров Я.С., доктор экономических наук, профессор;
Кузнецова Е.Л., кандидат экономических наук, доцент.

Рецензенты:

Липциу Н.В., профессор, доктор экономических наук,
заведующая кафедрой финансов,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет»;

Альпидовская М.Л., доктор экономических наук, профессор,
профессор Департамента экономической
теории, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации».

Ф42 Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Партнерство в условиях риска и неопределенности: сб. науч. трудов. VIII междунар. науч.-практ. конф. по экономике (Самарканд–Карши, 1–5 апреля 2020 г.) / под ред. д-ра экон. наук, профессора Сидорова В.А., д-ра экон. наук, профессора Ядгарова Я.С., канд. экон. наук, доцента Кузнецовой Е.В. – Майкоп, издательство ЭЛИТ– 2020. – 489 с.

ISBN 978-5-6043056-6-9

doi 10.34754/EP.2020.8.8.14719

Настоящее издание подготовлено к началу VIII Международной научно-практической конференции по экономике «Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Партнёрство в условиях риска и неопределённости», посвященной памяти известного ученого и крупного организатора экономической науки в Средней Азии и на Юге России доктора экономических наук, профессора А.Ф. Сидорова.

Необходимость издания материалов конференции связана с популяризацией историко-экономических, философских, методологических, институционально-поведенческих, теоретических и прикладных аспектов феномена рыночного хозяйства. В них акцентированы взгляды экономического сообщества постсоветского пространства на проблемные вопросы функционирования рыночного хозяйства, раскрыты его наиболее актуальные и значимые факторы развития, включая альтернативные парадигмы экономической науки, мировоззренческие платформы, воспроизводственный и территориально-отраслевой феномен, показана специфика агропродовольственной проблематики.

Издание предназначено специалистам в области экономического знания, широкой общественности, всем, кто интересуется спецификой функционирования рыночных механизмов хозяйствования.

УДК 330:061.2/.3
ББК 65.011

ISBN 978-5-6043056-6-9

9 785604 305669

© Коллектив авторов, 2020
© Оформление электронного
издания, ООО «ЭЛИТ», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
<i>Нуреев Р.М.</i> ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БОРЬБЫ С БЕДНОСТЬЮ: ВКЛАД АБХИДЖИТА БАНЕРДЖИ И ЭСТЕР ДЮФЛО.....	9
<i>Сидоров В.А.</i> ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ: СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА	26
<i>Ядгаров Я.С.</i> РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО В КОНТЕКСТЕ НЕЛИБЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ ПОСТМАНУФАКТУРНОГО ПЕРИОДА	38
<i>Скворцова Е.М.</i> «ВЕЛИКОРУССКИЙ АВОСЬ» И РЫНОК: КТО КОГО? НЕСОСТОЯВШИЕСЯ АЛЬТЕРНАТИВЫ РЫНОЧНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ XX ВЕКА	57
<i>Попадюк Н. К.</i> ФЕНОМЕН РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕГИОНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА.....	68
<i>Вареник С.С.</i> ПАРТНЕРСТВО СТРАН И ЗНАЧЕНИЕ ЗНАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	78
<i>Ильинова В.В.</i> РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ	89
<i>Матковская Я. С.</i> К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	103
<i>Груздева И.Г.</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ БРЕНДОВ В КОСМЕТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ (НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ L'OREAL)	117
<i>Денисенко И.А., Сорокина Г.А.</i> СОЗДАНИЕ И ПРОДВИЖЕНИЕ БРЕНДА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	125
<i>Бузаров О.Ш., Турсунов И.Э.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В УЗБЕКИСТАНЕ.....	136
<i>Фатхутдинова А.М.</i> РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	145
<i>Кузнецова Е.Л., Геворкян С.М.</i> ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДЕГРАДАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	155
<i>Шатилов А.Б.</i> ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА: В ПОИСКАХ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ».....	164

Попадюк Т. Г. КОРПОРАТИВНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	171
Мишулин Г.М., Дегтярева Е.Д., Губин А.В. ВЗАИМОСВЯЗЬ МАРКЕТИНГА И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИЙ КАК ПРОБЛЕМНАЯ ОБЛАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ .	181
Пономарева М.А, Гварлиани Т.Е. ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЬГИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ДЕНЕЖНОГО ОБОРОТА: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РИСКИ	205
Попова О.В. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЕЙШИХ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ.....	215
Саргсян Г. Л., Кочинян Н.С. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА АРМЕНИИ	223
Озган К.Е. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ	234
Шалашаа З.И. СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ	243
Эргашева Ю. А. РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ	254
Шеденов У. К., Сабыр Н. С. СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	263
Мырзалиев Б. С. ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА.....	276
Безсмертная Е.Р. «ЗЕЛЕННЫЕ» ФИНАНСОВЫЕ ИННОВАЦИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	290
Тураев Б.Х., Рузиев Х.Ж. ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АПК С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕОРИИ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....	299
Эргашев Р.Х., Хамраева С.Н., Файзиева Ш.Ш. ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ	310
Гайсин Р. С., Мигунов Р. А. ПРОБЛЕМА РАВНОВЕСИЯ НА РЫНКАХ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН (НА ПРИМЕРЕ РЫНКА МОЛОКА И МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ)	320
Бурковский П.В., Власова Н.В. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ.....	330

Вареник П.К. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ И КРЕСТЬЯНСКИХ ПОДВОРИЙ	348
Овчинников В. Н., Кетова Н. П. ВОЗДЕЙСТВИЕ РЫНОЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ И МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	359
Дамениа О.Н., Мирцхулава И.В., Цушба А.С., Шатица Х. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ АБХАЗИИ	370
Силагадзе А. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ ГРУЗИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ	381
Колодняя Г.В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ.....	395
Nazarova F.X., Eshev A.S. THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE AND ITS COMPETITIVENESS AS ONE OF THE IMPORTANT PRIORITY AREAS IN THE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN	406
Середа А.А. ИРРАЦИОНАЛЬНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В БРИТАНСКИХ КОМПАНИЯХ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ИЛИ РЕЗУЛЬТАТ НЕЭФФЕКТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА?	411
Чапля В.В. КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА ВОСПРОИЗВОДСТВА ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	418
Цхададзе Н.В. ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	430
Абанина И.Н. ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ	444
Марцева Т.Г. СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ: РОЛЬ ПРОФАЙЛИНГА В СИСТЕМЕ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ.....	451
Гануш Г.И. ПРИОРИТЕТЫ НАУЧНОГО И КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА РЫНКАХ АГРОПРОДОВОЛЬСТВИЯ	461
Гончарова Е.П. ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО РЫНКА ТРУДА – ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ	472
Ильин В.Ю., Жданова И.В., Ратникова В.В. ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ	479

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рыночному хозяйству свойственно обусловленное стихийным действием экономических законов неравномерное развитие предприятий, отраслей, стран. Всякое капиталистическое производство было бы вообще невозможно, если бы оно должно было развиваться во всех сферах одновременно и равномерно. В современных условиях неравномерность развития рыночного хозяйства в разных странах приобретает скачкообразный и волнообразный характер. Это находит отражение в усилении неравномерности экономического и политического развития и является объективной реальностью, не требующей какой-либо дополнительной аргументации. Современный мир, стоящий на пороге очередного глобального кризиса, вызванного не только резким изменением соотношения сил между ведущими странами, внутренними закономерностями рыночной формы хозяйствования, но и изменениями в международном экономическом и политическом положении государств.

К числу факторов, обусловивших ситуацию нестабильности можно отнести следующие:

– смещение центра мирового экономического влияния, обусловленного переходом конкуренции на межгосударственный уровень, в сторону формирования новой модели мирового порядка, основанной на интегрированной форме сотрудничества, включая международную валютную систему, системы инвестиций, торговли, права и инвестиционной среды;

– цифровая трансформация мирового порядка, позволяющая не только существенно снизить транзакционные издержки, но и увеличить возможности взаимодействия рыночных контрагентов безотносительно к территориально-пространственной их привязке, выводить глобальные процессы за рамки транснациональных компаний, трансформировать структуру отраслевых рынков;

– политизация международных отношений, возникшая в силу высокого уровня взаимозависимости стран современного мирового хозяйства, что создало прецедент глобальной нестабильности, возвысив роль политических решений при трансфере технологий, обмене информацией, размещении производственных структур, осуществлении торговой и финансовой политики;

– изменение топливно-энергетической структуры мирового рынка, обусловленное необходимостью контроля над источниками энергии для обеспечения всемирного господства, когда особое место в противоборстве стран отводится мировому рынку газа в связи с модернизацией технологий его производства и транспорта.

Серьезным генератором глобальной нестабильности выступают Соединенные Штаты Америки, которые не только экономическими, но и политическими методами вытесняют ключевых игроков с традиционных рынков, навязывая свою

продукцию повсюду. Политика США – серьезное препятствие на пути устойчивого развития мировой экономики и энергетики, за счет торгового, тарифного и санкционного давления диктуются правила и условия другим государствам. Особенно активно это проявляется по отношению к России, в частности, очевидно стремление изолировать ее как крупнейшего поставщика нефти и газа в Европу и под надуманными предлогами ограничить поставки. Ограничительные меры вводятся с использованием широкого арсенала инструментов, прежде всего тарифных барьеров и санкционных ограничений.

Если раньше на мировом рынке нефти действовало три регулятора: Россия, Саудовская Аравия и США, то сегодня тенденция такова, что, возможно, появляется единственный регулятор – США. Сейчас под американскими санкциями находятся Иран, Венесуэла, Россия, Сирия, Ирак, где сосредоточено более трети мировых запасов и добычи нефти. США фактически распространяют свою юрисдикцию на другие страны, в том числе на Евросоюз, который вынужден подчиняться санкционной политике Америки. За 2019 г. импорт нефти из Ирана в Евросоюз снизился на треть и продолжает сокращаться, тогда как США увеличили поставки своей нефти в 2,5 раза – до 23 млн т. Именно США стали главным бенефициаром санкционных ограничений на европейском рынке. В результате разрыва сделки с Ираном осуществлен серьезный удар по поставкам из стран Ближнего Востока, а оценку потерь мирового энергетического рынка от этого решения еще предстоит осуществить. Примечательным является факт увеличения добычи нефти и конденсата в США более чем на 40%. Техас по добыче нефти уже опережает Иран, Венесуэлу и Ливию вместе взятые. Активно расширяется география поставок – если раньше нефть из США приобретала преимущественно Канада, то после снятия ограничений на экспорт покупателями американской нефти стали уже более 40 стран, более четверти поставок приходится на долю Европы.

Целесообразно подчеркнуть, что углубление противоречий происходит на фоне стихийных колебаний капиталистического производства, развивающегося циклически. Функционирование блока развитых стран мира с одной стороны способствует развитию международной производственной специализации и кооперирования, о чем свидетельствует повышение удельного веса взаимной торговли в странах-участниках блока, с другой стороны, важнейшим результатом деятельности этой государственно-монополистической организации является рост концентрации производства и капитала. Таким образом, отчетливо проявляется столкновение центростремительных и центробежных сил современного рыночного хозяйства.

Усиление неравномерности экономического и политического развития рыночного хозяйства вызвали к жизни ряд структурных кризисов, усиливших ситуацию нестабильности. К ним следует отнести экологический, сырьевой, энергетический и продовольственный кризисы, совокупность которых характеризует

дальнейшее существенное обострение кризиса мирового рыночного хозяйства в целом.

Структурные кризисы являются кризисами относительного недопроизводства, приведшими к расточительному использованию природных ресурсов и к росту мировых цен на сырье, прежде всего – продовольственное. Эти кризисы стали серьезным фактором нарушения стоимостных пропорций воспроизводства общественного капитала в ведущих мировых державах, в еще большей степени обострив противоречия между ними, усилив неустойчивость и неравномерность экономического и политического развития, углубив кризис мирового хозяйства. Структурные кризисы усилили также противоречия между развитыми и развивающимися странами, привели к обострению проблемы бедности, занятости, росту стоимости жизни, усилили процессы экономической и социально-экономической дифференциации развивающихся стран.

Несмотря на некоторое сближение темпов экономического развития главных мировых экономических центров, на ослабление роли доллара в международных расчетах, за Соединенными Штатами Америки сохраняется первенство в научно-технических достижениях, в гонке вооружений, в потенциальном наличии собственных энергоресурсов, в усилении экспорта продовольственных товаров. Одновременно развитие интеграционных процессов в Европе, попытка осуществлять в ее пределах расчеты в национальных денежных единицах, тенденции к установлению непосредственных контактов с нефтедобывающими странами, обуславливают дальнейшее углубление неустойчивости и обострение борьбы между главными центрами современной рыночной системы хозяйствования.

Нестабильность современного мирового хозяйства становится все более очевидной, что подтверждается ходом экономического и политического развития последних лет и остается в силе на будущее, пока остается существующий мировой хозяйственный порядок.

Хочется надеяться, что многолетняя работа большого авторского коллектива найдет отклик в научном сообществе, а результаты конференции по проблемам рыночного хозяйства станут востребованы на всем постсоветском пространстве.

Председатель оргкомитета конференции
д-р экон. наук, профессор

В.А. Сидоров

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БОРЬБЫ С БЕДНОСТЬЮ: ВКЛАД АБХИДЖИТА БАНЕРДЖИ И ЭСТЕР ДЮФЛО¹

Нуреев Р.М.

доктор экономических наук, научный руководитель
Департамента экономической теории,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»,
ординарный профессор НИУ ВШЭ

Аннотация. Статья посвящена теории и практике борьбы с бедностью, начиная от Г. Мюрдаля и А. Дитона и кончая А. Банерджи и Э. Дюфло.

Демографический взрыв в развивающихся странах обострил проблему бедности, поскольку способствовал резкому сокращению смертности и увеличению продолжительности жизни населения. В результате многие ученые стали изучать пути и методы сокращения разрыва, существующего в подушевом потреблении населения бедных и богатых стран.

Работы А. Банерджи и Э. Дюфло учли этот опыт, но не ограничиваются им и находят новые методы по повышению эффективности борьбы с бедностью. В центре исследований новых нобелевских лауреатов не вопросы теории, а вопросы практики. С этой целью они используют рандомизируемый подход. Поскольку очень сложно поставить контролируемый эксперимент, ученые вынуждены в основном полагаться на наблюдения. С этой целью они сравнивают результаты контрольной выборки с выборкой, в которой проходит эксперимент.

В центре их внимания – исследование эффективности той помощи, которую оказывают международные организации развивающимся странам. В частности, новые нобелевские лауреаты доказывают, что средства борьбы с бедностью нужно искать совместно с получателями этой помощи. Это позволяет резко повысить ее эффективность. В результате в конце XX – начале XXI века были достигнуты определенные успехи в этом направлении: общая численность людей, живущих за чертой бедности, сократилась на 750 млн. чел., однако по-прежнему исчисляется сотнями миллионов людей.

Ключевые слова: демографический взрыв, экономика бедности, беднейшие слои, методы борьбы с бедностью, микрокредит, человеческий капитал, экономика развития.

Нобелевская премия по экономике 2019 года вручена Эстер Дюфло, Абхиджиту Банерджи и Майклу Кремеру за экспериментальный подход к искоренению глобальной бедности. Проблема бедности – отнюдь не новая в экономике развития. Не претендуя на полноту, кратко напомним вклад лишь главных предшественников, как с точки зрения теории, так и практики решения этой проблемы.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ по теме «Семейные домохозяйства как экономический субъект».

Нуреев Р.М.

Рисунок 1 – Ожидаемая продолжительность жизни в различных регионах мира, начиная с 1950 г. Источник: Дитон А. (2016). С. 129.

1. Предшественники.

Нобелевский лауреат 1974 года Гуннар Мюрдаль был одним из первых, кто в центр своих исследований «третьего мира» поставил не проблемы роста, а проблемы бедности и нищеты и пути их преодоления. В 1968. г. в Нью-Йорке вышла его трехтомная монография «Азиатская драма. Исследования бедности народов» [Myrdal G., 1968]². Подзаголовок работы явно свидетельствует о скрытой полемике с А. Смитом, в центре внимания которого было исследование причин богатства народов. Автор подчеркивает противоположность предмета исследования ученых, занимающихся проблемами стран Азии и Африки, и классиков политической экономии, изучавших экономику народов, первыми вставших на путь капиталистического развития. Для традиционного общества характерны высокая рождаемость и высокая смертность. Широкое распространение современных вакцин против холеры, оспы, сибирской язвы и др. привели к тому, что в странах Азии, Африки и Латинской Америки резко сократилась смертность, что привели к росту общей продолжительности жизни (см. Рис. 1). И хотя она не достигла уровня развитых стран, она привела к значительному увеличению населения (см. Рис. 2), что обострило проблему бедности. Начиная с середины XX века произошло известное рассогласование: рождаемость в развивающихся странах по-прежнему регулируются законами доиндустриального общества, а смертность – законами постиндустриального общества. В 1960–1970-е годы это вызвало взрыв неомальтузианской литературы. Однако предсказания мальтузианцев не оправдались. «Население мира с 1960-го по 1998 г. почти удвоилось, но производство

² Сокращенный русский перевод см.: Мюрдаль Г., 1972.

продуктов питания за этот период утроилось, причём как в богатых, так и в бедных странах. За последние двадцать лет мы стали свидетелями не роста дефицита продовольствия, а почти двукратного падения цен на него» [Истерли У. 2006. С.103.].

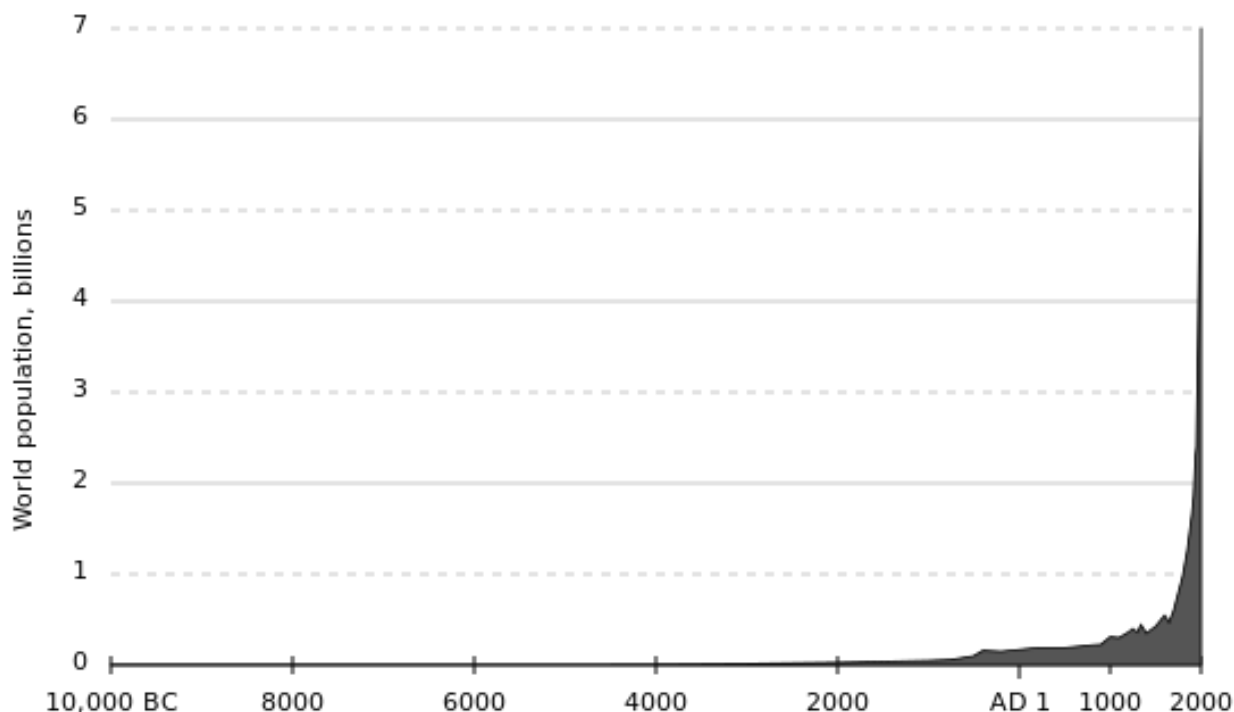

Рисунок 2 – Демографический взрыв

Концепция «Азиатской драмы» возникла неслучайно. Она отразила как объективное развитие освободившихся стран, так и субъективное осознание возникших перед народами «третьего мира» проблем. Демографический взрыв сопровождался на первых порах падением жизненного уровня в развивающихся странах. Он совпал с кризисом надежд на быстрое преобразование традиционного общества, разочарованием в неокейнсианских и неоклассических теориях. Слаборазвитость стала восприниматься не как быстро преодолемое зло, а как драма, центральными фигурами в которой оказались «сами народы Южной Азии и, прежде всего, интеллигенция» [Мюрдаль Г., 1972, С. 100]. Именно интеллигенция первой осознала глубину разрыва между западным и восточным обществами, именно ей предстояло выработать свою стратегию и тактику решения сложных практических проблем. Более того, для осуществления идеалов модернизации она должна была критически подойти к культурному наследию, национальным традициям, на которых она была воспитана и носителем которых она являлась. Ситуация усугублялась тем, что с приходом к власти после освобождения она была обязана выполнить свою прогрессивную миссию в чрезвычайно сжатые сроки.

Исследование Г. Мюрдаля начинается с резкой критики западного подхода к анализу освободившихся стран. Методологическая несостоятельность запад-

ного подхода заключается в том, что он пытается перенести реалии развитого общества в общество слаборазвитое. На практике это выливается в создание анклавной экономики – узкого сектора европеизированной промышленности, больше связанной с внешним, чем с внутренним рынком. Обеспечить капиталовложения в приоритетные отрасли оказалось гораздо проще, чем осуществить глубокие и всеобъемлющие преобразования экономики в целом. Гуннар Мюрдаль справедливо обращает внимание на значение институциональных условий преодоления бедности и на сохранение традиционного менталитета («азиатских ценностей»), которые на практике мешают развитию вперед и на роль, которых не обращает внимания большинство западных исследований (характерно название пролога книги Г. Мюрдаля: «шоры на наших глазах»).

Главная причина слаборазвитости заключается не в недостатке иностранного капитала, а в недоиспользовании трудовых ресурсов. Люди, не заинтересованные в своем труде, работают, считает Г. Мюрдаль, плохо и мало, в большинстве стран не преодолено презрительное отношение к простому физическому труду. И в этом повинна прежде всего система традиционных «азиатских ценностей». Признание этого обстоятельства больно ранит национальное самосознание. Нехватка внешних объективных ресурсов – товаров, денег, капитала и т.д. – не так остро затрагивает национальные чувства, как признание в качестве главных и определяющих факторов собственных недостатков.

Для преодоления отсталости, полагает Гуннар Мюрдаль, необходимо изменить систему возмещения трудовых затрат. Дело в том, что в странах Азии сохраняется прямая связь между уровнем жизни и производительностью, а «...с ростом дохода должны повыситься работоспособность и эффективность труда» [Мюрдаль Г., 1972. С. 251]. Поэтому главную проблему Г. Мюрдаль видит не в росте нормы накопления капитала, а в обеспечении населения продовольствием таким образом, чтобы стимулировать более интенсивный, более производительный труд.

Под влиянием книги Мюрдаля была подготовлена стратегия удовлетворения основных потребностей, рекомендованная экспертами ООН освободившимся странам, а её автор (вместе с Фридрихом фон Хайеком) был в 1974 г. удостоен Нобелевской премии за анализ взаимозависимости экономических, социальных и структурных явлений.

Развитие, с точки зрения Г. Мюрдаля, понимается как повышение степени удовлетворения основных потребностей всех членов общества.

Следующий крупный шаг сделал Агнус Дитон, получивший в 2015 году Нобелевскую премию по экономике «за анализ потребления, бедности и благосостояния». Уже по материалам докторской диссертации в 1992 А. Дитон выпустил монографию «Понимать потребление» (Understanding Consumption). В 1997 выходит его новая монография «Анализ исследований домохозяйств» [Deaton A., 1997], а в 2005 году под его редакцией выходит книга «Данные и догма: жаркие

споры вокруг индийской бедности» [Deaton A., 2005]. В 2013 выходит его монография «Большой побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства» [Дитон А., 2016].

В центре ранних работ Дитона стояла проблема потребления и его эффективности. В условиях демографического взрыва перед миллионами людей в Азии, Африке и Латинской Америки стояла проблема выживания. Поэтому естественно возникает вопрос, насколько эффективно используются те средства, которые расходуются на питание различными категориями населения. С. Субраманиян и А. Дитон поставили перед собой задачу рассмотреть зависимость между совокупными расходами экономических агентов и питательными свойствами потребляемых ими продуктов [Subramanian, S. and Deaton, A., 1996]³. Цель их работы: оценить, на сколько эффективно тратят бедные, богатые и представители среднего класса свои денежные средства с тем, чтобы покрыть свою потребность в калориях, необходимых для жизнедеятельности.

Поскольку городские домохозяйства приобретают большую часть продуктов в виде полуфабрикатов, поэтому сложно оценить количество калорий, которые они поглощают с этими полуфабрикатами. Это привело к тому, что в центре внимания оказались сельские домохозяйства. Авторы исследовали по 10 семей из 563 деревень (5630 сельских домохозяйств) в течение 30 дней и оценили эластичность потребления ими калорий. Для построения модели они использовали непараметрические методы. С. Субраманиян и А. Дитон пришли к неожиданному выводу, показав, что расходы на приобретение калорий, необходимых для дневной активности, составляют менее 5% заработной платы в день. Такой подход оказался в противоречии с предшествующими представлениями.

Название, вышедшей в 2013 году книги «Великий побег» навеяно фильмом о бежавших из лагеря военнопленных во время Второй Мировой войны. «...Основная идея фильма заключается не в частичном успехе конкретного побега, а в неудержимом стремлении человека к свободе, какими бы сложными не были обстоятельства» [Дитон А., 2016. С. 18]. «Великий побег» – это рассказ о том, как человечество попыталось избавиться от материальных лишений и ранней смерти. В ней ученый отмечает, что за последние 250 лет человечество совершило мощный рывок в развитии здравоохранения и повышении благосостояния людей. И хотя побег удался не всем, и не все были готовы воспользоваться открывшейся для них удачей, он говорит о большом прогрессе, которое пережило человечество за последние 50 лет.

И хотя успехи в преодолении бедности за последние годы огромны, значительная часть выделяемых на эти цели денег не доходит до цели. На это обратил внимание Уильям Истерли в вышедшей в 2001 году книге «В поисках роста. Приключения и злключения экономистов в тропиках». «С 1950 по 1995 год западные страны потратили на представление помощи 1 триллион долларов (в долларах 1985 года)» [Истерли У., 2006. С. 51]. Между тем, как справедливо отмечает У.

³ Материалы этой статьи вошли позднее в 4-ю главу монографии [Deaton A., 1997. P. 200-222]

Истерли, большая часть средств не достигла цели. Располагая данными по 88 стран за период с 1950 по 1995 год, автор задает следующие вопросы: «для того, чтобы можно было серьезно говорить о взаимосвязи объемов помощи инвестиций, это зависимость должна отвечать как минимум двум критериям. Во-первых, должна существовать положительная статистически значимая связь между предоставлением помощи и объемом инвестиций. Во-вторых, помощь должна переходить в инвестиции как минимум в соотношении один к одному: то есть каждый дополнительный процент ВВП в виде предоставленной помощи должен приводить к росту инвестиций на один процент.» [Истерли У., 2006. С. 55] Первый критерий соблюдается только в 17 случаях из 88. А из этих 17 только 6 отвечают второму критерию. Это означает, что подавляющее большинство стран (82 из 88) этим критериям не соответствуют.

Естественно, после критики Истерли вопрос эффективности работы Всемирного Банка и других международных организаций стал предметом изучения. Однако, в центре причин неудач у Истерли были обозначены главным образом макроэкономические проблемы. Новые нобелевские лауреаты А. Банерджи и Э. Дюфло перенесли поиск повышения эффективности на микроуровень, однако и здесь у них были предшественники.

Определённые предпосылки для практических работ нобелевских лауреатов 2019 года сложились в последние десятилетия. Групповые программы кредитования для развивающихся стран оказались в центре внимания уже в конце прошлого века. В ранее распространенных программах помощи женщинам обычно предусматривалось лишь обучение традиционным занятиям (шитье, приготовление пищи, основы гигиены). Между тем, для успеха аграрных реформ необходимо повысить производительность труда женщин. Дело в том, что мужчины стремятся получить оплачиваемую деньгами работы на плантациях и в городах. Поэтому доля женщин в общей численности занятой в аграрном секторе рабочей силы довольно высока. В Латинской Америке она достигает 40%, а в Азии и Африке – даже 60–80%. Высока роль женщин и в обеспечении семьи продовольствием.

В афро-азиатских странах дискриминация женщин всегда была типичным явлением. Женщины не могли вносить залог в обеспечение кредита. Закон запрещал им владение собственностью. Жены не могли заключать и финансовые сделки без разрешения мужа.

Гремин банк в Бангладеш нарушил эту традицию. В отличие от других банков Гремин Банк стал широко использовать предоставление кредита женщинам. Его основным клиентом стала наиболее угнетённая часть сельского населения. Он обслуживает 5400 селений, 250 тыс. человек и выдаёт кредиты небольшими суммами. Как правило, кредиты не превышают 100 долл., причем в структуре кредитов сроком на 1 год они занимают 97%, на 2 года – 99%. На их долю приходится 75% заемщиков. Удивительно другое – высокая степень возврата кредитов. Она составляет свыше 98% предоставленных кредитов. Это резко повысило эффек-

тивность инвестиций. Она превышает 150%⁴. Этот опыт микрокредитования получил дальнейшее развитие в работах нобелевских лауреатов по экономике 2019 года

2. Докторская диссертация Эстер Дюфло

Эстер Дюфло – самой молодой лауреат Нобелевской премии по экономике, родилась 25 октября 1972 года в Париже. Сначала Эстер хотела стать историком, а после поступления в Ecole Normale Supérieure (ENS) – экономистом. Ее дипломная работа была посвящена первой советской пятилетке. С этой целью она побывала в Москве, где изучала не только историю строительства крупных предприятий в годы первой пятилетки, но и работала помощником Джеффри Сакса, который консультировал Егора Гайдара.

В 1994 году она поехала продолжать учиться в Массачусетском технологическом институте, где выбрала курс профессора А. Банерджи, который стал ее научным руководителем, а в 2015 году и мужем. В MIT для Эстер Дюфло было сделано исключение – обычно этот престижный ВУЗ не оставляет на работу своих выпускников, Эстер Дюфло оказалась первой выпускницей, для которой этот принцип был нарушен. После защиты докторской диссертации она осталась в MIT.

Абхиджид Банерджи родился в Индии в 1961 году. После получения высшего образования в Индии Банерджи поступил в Гарвард, а затем получил должность профессора в MIT.

Рандомизированный подход активно использует и профессор Гарварда Майкл Кремер. Он родился 12 ноября 1964 года в Нью-Йорке. После получения степени доктора экономических наук в Гарварде он работал в Массачусетском технологическом институте и Чикагском университете. В 1999 году назначен профессором по развитию обществ Гарвардского университета. Он является основателем и президентом организации «WorldTeach», которое вовлекает студентов-выпускников Гарварда для участия в добровольных программах в развивающихся странах.

В 1999 году Эстер Дюфло защитила диссертацию, в которой рассматривала влияние программы индонезийского правительства на повышение уровня человеческого капитала в этой стране. Получив значительные средства в результате нефтяного кризиса 1973-1975 годов Индонезия была единственной страной, которая потратила полученные в результате роста цен на нефть средства на реализацию программы по строительству начальных школ. В соответствии с президентской программой (Sekolah Dasar INPRES program) в 1973/74–1978/79 годах была построена 61000 новых школьных зданий, рассчитанных на 3 учителя и 120

⁴ Этот опыт подробно проанализирован в статье Марка Пита и Шахидура Хандкера «Влияние групповых кредитных программ на бедные семьи в Бангладеш: имеет ли значение пол участников?» [Pitt, M., and S. Khandker., 1998].

школьников каждая [Duflo E., 1999. P. 5–6.]⁵. Целью правительства было увеличение охвата обучающихся детей в возрасте 7-12 лет с 69% в 1973 до 85% в 1978. Всемирный банк назвал эту программу одним из наиболее успешных случаев расширения системы школьного образования за всю историю.

Естественно, что такое грандиозное школьное строительство привело как к повышению уровня образования в стране, так и к росту заработной платы. Дети дошкольного возраста (которым в 1974 году, когда началась программа, было от 2 до 6 лет) получили прибавку в продолжительности обучения от 0,12 до 0,18 лет обучения на каждую построенную школу на 1000 человек в их регионе.

Сравнение когорт детей, охваченных новой школьной программой с теми, которые не смогли воспользоваться её благами (дети более старших возрастов и молодежь в возрасте 12-24 лет), позволяет автору сделать следующие выводы о том, что осуществление президентской программы привело к увеличению заработной платы каждого образованного индонезийца в среднем на 3,8%. Расчеты показывают, что экономическая отдача от обучения (выраженная в заработной плате) возраста и составила в Индонезии от 6,4% до 9,1%⁶.

3. Немного теории

Новые нобелевские лауреаты доказывают, что средства борьбы с бедностью нужно искать совместно с получателями помощи. Это позволяет резко повысить ее эффективность. «Бедные, – считает Э. Дюфло, – должны взять на себя ответственность за свою жизнь» [Duflo E., 2012]. Об этом Э. Дюфло подробно говорит в своей первой лекции «Патернализм vs свобода».

В основе сложившихся после промышленной революции традиционных представлений, полагает Э. Дюфло, лежат идеи патернализма. «С самого начала патернализм был направлен на бедных и предлагался в качестве замены (и альтернативы) индивидуальной ответственности и свободы, коллективной (класс/общество) солидарности и вмешательства правительства. Оно было основано на взглядах на бедных, которые часто были откровенно унижительными, даже когда было искреннее желание помочь им» [Duflo E., 2012]. В этих условиях благотворительность стала своеобразным способом избавиться от нашей ответственности. Поэтому, с точки зрения Э. Дюфло, «благотворительность» (нисходящие программы, которые не требуют, чтобы бедные вносили свой вклад) не только морально предосудительна, потому что она отнимает свободу, но, кроме того, сам акт отнимания этой свободы также заманивает бедных в бедность» [Duflo E., 2012].

Вслед за Амартия. Сеном Дюфло определяет свободу не отрицательно, а положительно, «как способность реализовать свой потенциал». «Мы часто принимаем несколько снисходительный тон, – пишет Э. Дюфло, – думая о бедных:

⁵ Об этой работе мы писали еще в первом издании «Экономика развития: модели становления рыночной экономики» [Нуреев Р.М., 2001. С150-153].

⁶ Подробнее об экономической отдаче от обучения в развивающихся странах см. работы: [Psacharopoulos G., 1973; Psacharopoulos G., 1981. P. 321-341; Psacharopoulos G., 1985. PP. 583-604; Psacharopoulos G., 1994. PP. 1325-1343].

почему они не кипятят воду? Почему они не прививают своих детей? Почему они не копят на черный день? Почему у них нет более калорийной диеты? Мы можем видеть, что все эти «правильные» выборы им доступны, но мы забываем, что они подразумевают активный выбор, когда «неправильные» выборы нам вряд ли доступны. Свобода здесь – просто свобода спотыкаться». К тому же мы часто забываем и о другой вполне понятной причине, ведь «выбор не обходится без затрат» времени, умственной или эмоциональной энергии.

Во 2-й лекции «Надежда как способность» Э Дюфло изучает эффективность программы помощи «ultra poor», реализованной Bandhan, одной из крупнейших микрофинансовых организаций Индии. Результаты оказались чрезвычайно положительными: «через 18 месяцев после того, как домохозяйства получили актив (в основном домашний скот), потребление продуктов питания на душу населения было в среднем на 15% больше среди бенефициаров, чем среди не бенефициаров. Эти увеличения потребления слишком велики, чтобы их можно было объяснить стоимостью ликвидации актива (хотя примерно треть бенефициаров, по-видимому, сделали это) или стипендией, которую они получали в течение нескольких недель.» [Duflo E., 2012]

Одним из путей к пониманию полученных результатов является анализ понятия «ловушки бедности». «Концепция ловушки нищеты играет центральную роль в экономике нищеты и развития. Тема этой лекции – может ли дефицит надежды стать источником ловушки бедности и, наоборот, может ли надежда подпитывать выход из ловушки бедности» [Duflo E., 2012]. Автор пытается выяснить, может ли надежда или ее отсутствие быть источником «ловушки нищеты». С этой целью она выделяет три этапа:

1. «Предвкусение вероятного провала может привести человека к рациональному решению сдерживать свои усилия, избежать инвестиций и, таким образом, достичь еще меньшего, чем он мог бы достичь в противном случае».

2. «Депрессия может делать людей менее эффективными в фокусировании на долгосрочной перспективе и, следовательно, более склонными к принятию решений, которые, вероятно, оставят нас бедными».

3. «Мы спрашиваем, что происходит в мире, где люди могут иметь рациональные ожидания, но не могут вести себя полностью рациональным, последовательным способом: улучшает ли самосознание или ухудшает потенциал для ловушки бедности, основанной на безнадежности?» [Duflo E., 2012].

Дело в том, что многие люди не знают степень своего истинного потенциала. С другой стороны, если не пытаться преодолеть существующее состояние, трудно оценить упущенные возможности. Автор приводит в качестве классического примера образование. Хотя, как правило, отдача от него представляется линейной. Многие родители склонны считать, что отдача от него возникает только при достаточно высоком уровне. При этом как правило, родители менее амбициозны в отношении карьеры своих дочерей и более амбициозны в отношении карьеры своих сыновей.

Эстер Дюфло подчеркивает, что пассивность делает негативные ожидания более вероятными. Это означает, что, чем больше негативных испытаний в жизни человека, тем более он склонен видеть мрачные ожидания относительно будущего. Так возникает порочный круг, выйти из которого довольно сложно. Поэтому Эстер Дюфло считает, что «психическому здоровью должно уделяться больше внимания в развивающихся странах, чем сейчас» [Duflo E., 2012].

Люди, как правило, неохотно рассуждают о том, что их ждет в будущем. Такой подход защищает людей от разочарования, однако не дает возможности выбраться из нищеты. К тому же бедняки с особой осторожностью относятся к деятельности, которая может нарушить их статус кво. Поэтому Эстер Дюфло делает вывод о том, что надежда действует как мощный стимул и, напротив, безнадежность, пессимизм оказывают давление и тормозят улучшение жизненных условий. С другой стороны, она предостерегает, что цели, которые ставят перед собой бедняки не должны быть чрезмерно высокими, так как в противном случае ошибки вызывают отсутствие желание к дальнейшим экспериментам.

Практицизм – любимое слово Эстер Дюфло в ее подходе к экономике.

4. Экспериментальный подход

В центре исследований нобелевских лауреатов не вопросы теории, а вопросы практики. С этой целью они используют рандомизируемый подход.

Поскольку очень сложно поставить контролируемый эксперимент, ученые вынуждены в основном полагаться на наблюдения. С этой целью они сравнивают результаты контрольной выборки с выборкой, в которой проходит эксперимент, по очень локальным факторам, которую нельзя экстраполировать на генеральную совокупность, ограниченную даже рамками одного региона (страны). В центре оказывается исследование эффективности той помощи, которую оказывают развивающимся странам.

Дело в том, что ежегодная помощь странам Азии, Африки и Латинской Америки составляет сотни миллиардов долларов. Однако, эффективность большинства из них довольно невысокая. Поэтому авторы сосредотачиваются на микроуровне с тем, чтобы выяснить какие именно факторы влияют на сравнительную эффективность этих программ в тех или иных домашних хозяйствах и деревнях.

Экспериментальный подход не нов. Дело в том, что изучение естественного хода явлений и процессов экономической жизни давно поставило в повестку дня проведение экспериментов. «Экономический эксперимент - это искусственное воспроизведение экономического явления или процесса с целью изучения его в наиболее благоприятных условиях и дальнейшего практического изменения» [см. Нуреев Р.М., 2008, с. 11].

Попытки экспериментировать возникли в экономической науке давно. Еще Даниил Бернулли (1700-1782) провел эксперимент в Санкт-Петербурге, посвященный определению вероятности событий. Правда, такого рода эксперименты были больше связаны с приложением математики, чем собственно с экономической теории.

Однако сознательное массовое экономическое экспериментирование - порождение XIX в. Наиболее известные экономические эксперименты, проведенные на микроуровне, связаны с деятельностью Р.Оуэна, «банками справедливого обмена» П.Ж.Прудона, а также с теоретиками научной организации труда, производства и управления – Ф.Тейлором, Г.Фордом и Э.Мейо.

Широкое появление лабораторных экономических экспериментов можно отнести лишь к 30-40 годам XX в. В 1931 г. появляется статья Л. Терстоуна, исследовавшего кривые безразличия, в 1944 – статья У. Уоллеса и М. Фридмена по принятию решений, в 1948 – статья Э. Чемберлена о формировании равновесной цены в условиях совершенной конкуренции.

Большая часть последующих контролируемых экономических экспериментов была посвящена олигополистическим рынкам. В конце 50-х годов XX в. появляются статьи Хоггатта, Сауэрманна и Селтена, Сигеля и Фоурэйкера. Эти исследования были подкреплены теорией игр, получившей свое дальнейшее развитие после публикации фундаментального труда Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна. Таков был уровень развития экономических экспериментов к моменту появления в этой области В.Смита [Нуреев Р.М., 2008, с. 11–12].

В отличие от Вернона Смита в центре внимания нобелевских лауреатов 2019 года не лабораторные, а полевые эксперименты. Поэтому если В. Смиту нобелевская премия была вручена «за проведение лабораторных экспериментов, используемых для эмпирического экономического анализа, особенно в изучении альтернативных рыночных механизмов», то А. Банерджи, Э. Дюфло и М. Кремеру «за экспериментальный подход к борьбе с глобальной бедностью».

Полевые эксперименты позволяют проверить причинно-следственные связи. Они позволяют ученым создать такую искусственную среду, в которой все объекты и состояния, кроме изучаемого, максимально контролируются исследователями, что позволяет точно определить эффективность предпринимаемых мер [подробнее см. Воробьев В.А., Кравченко А.А., Майборода Т.Л., 2019]. Идея на первый взгляд довольно проста – чтобы оценить влияние программы помощи необходимо рандомизировать воздействия. За последние 25 лет рандомизированные контролируемые испытания выросли с нескольких единиц до нескольких сотен. Это стало возможным благодаря Poverty Action Lab (J-PAL) в MIT, созданной по инициативе выпускника Мохаммедом Абдулом Латиф Джамилем (президентом саудовской компании ALJ) в 2003 году. Эта лаборатория провела уже более 1000 полевых исследований более чем в 50 странах. Полевыми проектами лаборатории за последние 15 лет были охвачены более 400 млн чел. (<https://www.povertyactionlab.org/>)

В настоящее время в этой лаборатории работает 181 профессор, а также более 400 штатных сотрудников.

Рассмотрим несколько практических экспериментов. В статье «Кино, маржа и маркетинг: поощрение внедрения обогащенной железом соли», написанной Абхиджитом Банерджи, Шароном Барнхардтом и Эстер Дюфло, рассматривается конкретный пример борьбы с анемией [Banerjee A., Barnhardt Sh., Duflo E.,

2015]. В настоящее время в мире от анемии страдают 1,6 млрд человек. При этом одной из основных причин анемии является дефицит железа. Поэтому, авторы рассматривают конкретный механизм повышения спроса на соль, обогащенную железом. В 200 деревнях из случайно выбранных 400 владельцами магазинов была представлена соль Tata plus, с тем, чтобы стимулировать ее потребление авторы заказали 26-минутный развлекательный фильм, а также стремились стимулировать владельцев магазина путем случайного представления владельцам магазинов одного в продажу соли, содержащей железа, с более высокой маржей для продукта. Эксперимент был поставлен в штате Бихар северной Индии, где одна треть жителей живет за чертой бедности.

Сотрудники лаборатории работали во всех 14 административных блоков района Бходшпура. Для исследования авторы случайным образом выбрали 27 деревень в каждом блоке с тем, что получить в общей сложности 400 деревень. При этом случайным образом выбрали половину деревень для лечения, и половину для контроля. Наибольшее воздействие на домохозяйство оказал фильм, потребление выросло на 5,5 п.п., и в гораздо меньшей степени стимулы магазинов, которому были предоставлены скидки на продажу соли, обогащенной железом. Однако, у авторов нет головокружения от успехов. Они справедливо отмечают, что «даже когда соль предоставляется бесплатно, только около половины домохозяйств используют ее для приготовления пищи. Когда им приходится покупать его чуть ниже половины цены, без какого-либо вмешательства, около 20% домохозяйств делают попытку, но только 10% все еще используют его примерно через три года.» [Banerjee A., Barnhardt Sh., Duflo E., 2015]

Однако не все эксперименты по ликвидации бедности оказываются успешными. Неудачей, в частности, окончилось попытка объединения медицинского страхования и микрофинансирования. [Banerjee A., Duflo E., Hornbeck R., 2014; Duflo E., Banerjee A., Hornbeck R., 2014]. В статьях анализируется неудачный опыт SKS Microfinance, которая в 2006–2007 годах решила сделать условием продления микрофинансирования покупку страховки. Типичный полис медицинского страхования стоил 525 рупий (или примерно 13 долл. по курсу 2007 года) по сравнению с размером кредита продления около 9,400 рупий. Это составляло 5,5 % от предоставляемой ссуды. Авторы произвольно выбрали 101 деревню, где можно было практически реализовать страховку из списка в 201 деревню – кандидатов, представленного SKS.

Причиной неудачи оказалось то, что многие домохозяйства не могли решить заранее, смогут ли они воспользоваться страховкой в будущем. Гораздо легче было предсказать беременность, чем другие расходы на здравоохранение. Но даже те домохозяйства, которые должны были получить реальные выгоды не решались на покупку страховки.

Требование покупки страховки привело к снижению возобновления кредита на 22 процентных пункта (или 31 % в экспериментальных группах по сравнению с контрольными, где страховой полис не был введен) [Duflo E., Banerjee A., Hornbeck R., 2014].

Вывод, к которому приходят авторы можно сформулировать следующим образом: «многие по-прежнему убеждены, что микрофинансирование может привести к значительному увеличению прибыли бизнеса и, следовательно, благосостояния. Наши результаты показывают, что первая часть верна: как и в случае с другими микрофинансовыми организациями, которые были оценены, кредиты СКС способствуют улучшению результатов бизнеса. Вторая часть неверна в том, что многие домохозяйства, получающие прибыль, получают очень мало в плане благосостояния» [Duflo E., Banerjee A., Hornbeck R., 2014].

5. «Экономика бедных»

Итоги исследований были суммированы в книге, выпущенной в 2011 году, под названием «Экономика бедных: радикальное переосмысление пути борьбы с глобальной бедностью» [Banerjee A., Duflo E., 2011]. Работа состоит из 10 глав, в которых анализируются опыт помощи международных организаций странам Азии и Африки. Они касаются разных аспектов жизни бедного населения. Это и проблемы питания, здравоохранения, образования, планирования семьи, микрокредитования, а также пути формирования среднего класса.

Важно, что авторы не ограничиваются общими рассуждениями, а разрушают сложившиеся стереотипы о бедных «третьего мира». Они, в частности, отмечают, что рациональность бедных несколько отличается от привычных представлений на Западе. Даже в условиях крайней нищеты бедные отдают предпочтение расходам, которые делают их жизнь менее скучной, тратя средства на мобильные телефоны, телевидение, культурные мероприятия, малоценную, но более дорогую пищу. Нерациональность проявляется и в том, что они часто покупают дорогостоящие лекарства вместо того, чтобы увлечься медикаментозным лечением, а не регулярно заниматься профилактикой болезней. К сожалению, в настоящее время профилактическая помощь в странах Азии и Африки используется явно недостаточно: медицинские учреждения часто закрыты, использование вакцин требует специального обучения, к тому же люди часто склонны медлить в ситуациях, когда надо принимать быстрые, эффективные решения. Поэтому авторы не устают повторять, что необходимо использовать дополнительные стимулы для преодоления сложившихся стереотипов (например, предоставлять бесплатное питание в качестве награды за прохождение последовательных этапов вакцинации).

Значение образования постепенно осознается в третьем мире. Оно значительно лучше в частных школах, которые обычно укомплектованы преподавательским составом. Однако большинство родителей стоят перед выбором кому из детей предоставить более высокий уровень образования. Как правило это мальчики, поскольку девочки чаще начинают помогать выполнять домашнюю работу в семье. Однако доходность от образования не линейна и отдача от него наступает лишь на определенном, довольно высоком уровне, который значительная часть населения третьего мира не достигает.

Отдельная глава посвящена планированию семьи. До сих пор представители развивающихся стран заинтересованы иметь большую семью, поскольку будущая заработная плата их взрослых детей позволит обеспечить старость родителей. Уровень подростковой беременности по-прежнему достаточно высок, и он также препятствует получению полного образования в школе, поскольку заставляет родителей начать трудовую жизнь в более раннем периоде. Авторы отмечают, что, к сожалению, программы, пропагандирующие воздержание, как стратегию предотвращения ВИЧ, далеко не всегда достигают успеха, поскольку бедные подростки беременеют от мужчин более старшего возраста. Девушки по-прежнему надеются, что беременность от пожилого мужчины поможет улучшить их благосостояние и обеспечить финансовую стабильность в будущем.

Развитие микрофинансирования создает некоторые предпосылки для становления мелкого и среднего бизнеса. К сожалению, до сих пор крайне бедные не могут регулярно платить необходимые страховые взносы за счет связывания наличных, поэтому авторы считают, что субсидированная страховка от правительства могла бы снизить подверженность риску до такого уровня, при котором бедные готовы и могут платить. Незрелость кредита приводит к тому, что очень многие бедные семьи платят слишком высокие процентные ставки, поскольку очень редко имеют доступ к современной банковской системе. Особенный дефицит в настоящее время существует по отношению к финансированию средних предприятий. Любопытно, что многие бедные, сталкиваясь с трудностями накопления денег, используют нетрадиционные способы сбережения, включая частичное строительство дома. Мелкие и средние предприятия часто разоряются и большинство таких предприятий с трудом преодолевают пятилетний период. Поэтому до сих пор родители мечтают о том, чтобы дети получили оплачиваемую работу в местном или региональном правительстве, чем начинать малый бизнес. Поскольку вероятность получения такой работы гораздо выше в городских районах, родители заинтересованы отправлять старших детей в города, хотя такой отъезд может быть довольно трудным и рискованным.

Э. Дюфло проводит активную политику пропаганды собственных взглядов. С этой целью регулярно организуются массовые открытые онлайн курсы [Duflo E., Banerjee A., 2014]. Они получили широкое распространение во втором десятилетии XXI века. Согласно собранным А. Банерджи и Э. Дюфло данным из 4600 учащихся в середине курса половина участников были мужского пола из 194 стран. Лидерами оказались слушатели из США (28%), Индии (10%), Великобритании (5%), а также Канады, Бразилии и Германии, на каждую из которых приходилось по 3%. Средний возраст слушателей составлял 30 лет. Слушатели этого курса были выходцами из относительно благополучных семей, поскольку у 99% учащихся дома был компьютер [Duflo E., Banerjee A., 2014].

Однако до сих пор эффективность таких курсов относительно невысока. Многие студенты только регистрируются, но так и не включаются в процесс обучения. Другие время от времени посещают лекции, но активными не являются,

поскольку не выполняют домашние задания. И хотя коэффициент удержания студентов курса Дюфло относительно высок, он составляет всего 11% от числа зарегистрировавшихся студентов, 18% от количества начинающих студентов и 36% от числа активных студентов (то есть тех, кто пытался выполнить хотя бы одно задание) [Duflo E., Banerjee A., 2014].

Конечно, не следует обольщаться успехами, однако в последние годы достигнут большой прогресс в ликвидации бедности. С 1981 по 2008 год общая численность людей, живущих за чертой бедности (\$1 с учетом ППС в день), сократилась на 750 млн. человек (Дитон А., 2016. С. 63). Это произошло за счет улучшения положения в двух странах: Китай и Индия, что и позволило Дитону охарактеризовать этот процесс как «Великий побег».

Однако за чертой бедности по-прежнему остаются сотни миллионов людей и необходима большая работа по повышению эффективности международной помощи. А. Банерджи и Э. Дюфло не только показывают существующие резервы, но и делают практические шаги в решении этой грандиозной проблемы.

Литература

1. Воробьев В.А., Кравченко А.А., Майборода Т.Л. (2019) Экономические полевые эксперименты: новый подход к сокращению бедности // Белорусский экономический журнал. №4. С. 4-26.
2. Дитон А. (2016) «Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства». М.: Издательство Института Гайдара.
3. Истерли У. (2006) В поисках роста. Приключения и злоключения экономистов в тропиках. М.: Институт комплексных статистических исследований.
4. Мюрдаль Г. (1972) «Современные проблемы третьего мира». М.
5. Нуреев Р.М. (2008) Экспериментальная экономика (комплекс исследований, по совокупности которых автору присуждена Нобелевская премия) / Вернон Смит, М.: ИРИСЭН; Мысль, с. 9-22.
6. Нуреев Р.М. (2001) Экономика развития: модели становления рыночной экономики. 1-е издание. НОРМА. ИНФРА-М. М.
7. Нуреев Р.М. (2020) Экономика развития: модели становления рыночной экономики. 2-е издание. НОРМА. ИНФРА-М. М.
8. Banerjee A., Barnhardt Sh., Duflo E. (2015) Movies. Margins and Marketing: Encouraging the Adoption of Iron-Fortified Salt. <http://economics.mit.edu/files/10695>
9. Banerjee A., Duflo E. (2011) Poor economics: a radical rethinking of the way to fight global poverty. NY. Public Affairs
10. Banerjee A., Duflo E., Qian N. (2012) On the Road: Access to Transportation Infrastructure and Economic Growth in China. <http://economics.mit.edu/files/7653>
11. Banerjee A., Ghatak M., Duflo E., Lafortune J. (2013) Marry for What? Caste and Mate Selection in Modern India. American Economic Journal: Microeconomics 2013, <http://economics.mit.edu/files/4114>

12. Banerjee A.t, Duflo E., Hornbeck R. (2014) Bundling Health Insurance and Microfinance in India: There Cannot be Adverse Selection if There is No Demand. American Economic Review: Papers and Proceedings 2014, <http://economics.mit.edu/files/9640>
13. Benhassine N., Devoto F., Duflo E., Dupas P., Pouliquen V. (2013) Turning a Shove into a Nudge? A “Labeled Cash Transfer” for Education. <http://economics.mit.edu/files/8936>
14. Deaton A. (1997) The Analysis of Household Surveys: A Microeconomic Approach to Development Policy. Washington, D.C.
15. Deaton A. (2005) Data and Dogma: The Great Indian Poverty Debate. The World Bank Research Observer.
16. Duflo E. (2012) Human values and the design of the fight against poverty. Tanner Lectures, <http://economics.mit.edu/files/7904>
17. Duflo E., Banerjee A. (2014) (Dis)organization and success in an economics MOOC. American Economic Review: Papers and Proceedings, 104(5): 514–518. <http://economics.mit.edu/files/9702>
18. Duflo E., Banerjee A., Hornbeck R. (2014) (Measured) Profit is Not Welfare: Evidence from an Experiment in Bundling Microcredit and Insurance. <http://economics.mit.edu/files/9879>
19. Duflo E. (1999) Schooling and Labour Market Consequences of School Construction in Indonesia: Evidence from and Unusual Policy Experiments. Mimeo Department Of Economics. MIT.
20. Hanna R., Duflo E., Greenstone M. (2012) Up in smoke: the influence of household behavior on the long-run impact of improved cooking stoves. Working Paper 12-10. http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?Abstract_id=2039004
21. Myrdal G. (1968) Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations. Vol. I–III N.Y.
22. Pitt M., Khandker S. (1998) The impact of group-based credit programs on poor households in Bangladesh: Does the gender of participants matter? Journal of Political Economy.
23. Poverty action lab (J-LAB) <https://www.povertyactionlab.org/>
24. Psacharopoulos G. (1973) Returns to Education: an International Comparison San Francisco. Jossy Bass-Elsevier.
25. Psacharopoulos G. (1981) Returns to Education: an Updated International Comparison. Comparative Education. V. 17.
26. Psacharopoulos G. (1985) Returns to Education: a further International Update and Implications // Journal of Human Resources V. 20. №4
27. Psacharopoulos G. (1994) Returns to Investments in Education: a Global Update /World Development. V.22 №9

Нуреев Р.М.

POVERTY THEORY AND PRACTICE: CONTRIBUTION OF ABHIJIT BANERJEE AND ESTHER DUFLO

Nureev R. M.

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Scientific supervisor of the Department of Economics –
Higher School of Economics Moscow, ordinary Professor*

Abstract: *the article is devoted to the theory and practice of combating poverty, starting from G. Myrdal and A. Deaton and ending with A. Banerji and E. Duflo.*

The population explosion in developing countries exacerbated the problem of poverty, as it contributed to a sharp reduction in mortality and an increase in life expectancy of the population. As a result, many scientists began to study ways and methods to narrow the gap that exists in the per capita consumption of the poor and rich countries.

A special section is devoted to the experience of Grameen Bank in the use of microcredit to combat poverty in Bangladesh. The works of A. Banerji and E. Duflo took this experience into account, but are not limited to it and find new methods to increase the effectiveness of the fight against poverty. In the center of research of Nobel laureates, not questions of theory, but questions of practice. To this end, they use a randomized approach. Since it is very difficult to set up a controlled experiment, scientists are forced to rely mainly on observations. To this end, they compare the results of the control sample with the sample in which the experiment takes place.

The focus of their attention is a study of the effectiveness of the assistance provided by international organizations to developing countries. In particular, the new Nobel laureates prove that the means to combat poverty must be sought together with the recipients of this assistance. This allows you to dramatically increase its effectiveness. As a result, at the end of the 20th - beginning of the XXI centuries, certain successes were achieved in this direction: the total number of people living below the poverty line decreased by 750 million people, but still hundreds of millions of people are still living.

Key words: *population explosion, poor economics, ultra-poor, poverty alleviation methods, microcredit, human capital, development economics.*

**ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ:
СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА**

Сидоров В.А.

*доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой
теоретической экономики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет»*

Болик А.В.

*кандидат экономических наук, доцент кафедры
теоретической экономики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет»*

Аннотация: в статье на основе эволюционно-ретроспективного подхода рассмотрена концепция формирования новой совокупности экономических интересов в современном рыночном хозяйстве, равно как и особого характера ее реализации на постсоветском экономическом пространстве. В качестве основы рассматриваются экономические законы, механизмом реализации которых выступают интересы. Предложена классификация интересов, исходящая из объективных предпосылок развития хозяйственной организации общества. Предложен методологический подход к понятию парадигмы экономических интересов как совокупности трансформирующихся элементов экономики. Сформулированы теоретические основы разработки механизма равновесной реализации экономических интересов разных уровней, принципы стабилизации на этой основе непосредственно рыночной системы хозяйствования в целом, равно как и жизнедеятельности ее социальных сторон. Предложены концептуальные направления реформирования рыночной системы посредством гармонизации экономических интересов и их структурных элементов.

Ключевые слова: экономические интересы, потребности, рыночное хозяйство, экономический закон, механизм реализации.

Объявленный переход отечественной экономики к ускоренному экономическому росту объективно требует развития теории экономических интересов. Помимо этого, задачи лучшего познания структуры и дальнейшего совершенствования механизма функционирования рынка можно разрешить лишь на основе более глубокого познания принципа функционирования экономических законов и опирающихся на них экономических интересов. Велением времени стало специальное рассмотрение этих законов в совокупности и взаимодействии, познание и раскрытие на этой основе сложного механизма их проявления и использования. Одно из важнейших направлений развития экономической науки состоит в том, чтобы

исследовать теоретические проблемы феномена рыночного хозяйства, закономерности его перерастания в информационное общество, механизм их действия и использования.

В последние годы в экономической литературе проблемам механизма действия и использования экономических законов уделяется недостаточно внимания. Среди экономистов нет единства взглядов по этому вопросу, что в значительной степени обуславливается неодинаковым толкованием самого содержания данного понятия («механизм действия экономических законов»). Подход к раскрытию этого содержания должен быть ориентирован в основном на установление связующего звена между субъективной деятельностью и объективно существующими экономическими законами, на выяснении того, каким способом действуют законы: путем ли автоматического самоосуществления или опосредовано, через некий передаточный механизм. Против фетишизации экономических законов и версий об автоматизме их действия всегда выступала классическая экономическая наука. Нет никаких оснований считать, что экономические законы, осуществляющиеся через деятельность человека, реализуются непосредственно, никак не преломляясь предварительно в осознанных, подчиняемых определенным целям действиях классов, социальных групп, отдельных индивидов, членов общества. С учетом изложенного можно говорить об опосредованном действии экономических законов.

Возникает, следовательно, вопрос: каким именно образом осуществляется опосредование действия экономических законов? Представляется, что такую функцию выполняет система экономических интересов. Интересы, порождающиеся системой экономических отношений и в конечном счете отражаясь в сознании людей, побуждают их к определенным действиям. Здесь мы уже входим в область соотношения объективного и субъективного в процессе действия экономических законов.

Как известно, экономические законы, возникнув на базе определенных производственных отношений, выражают не зависящие от воли и сознания людей назревшие потребности общественного производства. Последние реализуются только через деятельность человека, лишь через движущие им мотивы, то есть через интересы. Так как экономические отношения выражают определенные потребности общества и так как эти потребности реализуются только через деятельность людей, побуждаемых соответствующими интересами, представляется оправданным вывод о том, что конкретной формой проявления экономических отношений и законов, их выражающих, выступают определенные интересы. П.-Ж. Прудон считал, что основополагающим принципом общества, подчиняющим себе все остальные принципы, является справедливость [1]. Однако это не так, поскольку экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего, как интересы.

Потребности общества многообразны, потому многообразны и формы интересов. Было бы ошибочным выводить потребности общества из потребностей индивида. Потребности общества не создаются людьми, они объективно порождаются самим способом производства и реализуются через деятельность конкретного человека, конкретных групп людей, классов, через движущие их мотивы. Интерес, выступающий как движущий мотив деятельности людей, тоже не является продуктом сознания субъекта. В основе интересов лежат экономические отношения. Люди в процессе своей деятельности поступают, конечно же, сознательно, преследуя те или иные, так или иначе поставленные цели; это, однако, вовсе не означает, что интересы порождаются самими субъектами «из сознания», что они выступают только как факт сознания и, следовательно, носят субъективный характер. На деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его, – находят его как данное, наличное. Но кажется человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы. [2]

Интересы возникают из экономических условий жизни общества, которые отражаясь в сознании людей, выступают в форме тех или иных представлений, стремлений и т.д. Законы имманентные рыночной форме хозяйствования проявляются во внешнем движении капиталов, действуют как принудительные законы конкуренции и достигают сознания отдельного производителя в виде движущих мотивов его деятельности.

Объясняя материалистическое понимание объективности интересов, Г.В. Плеханов писал: «Откуда берутся интересы? Представляют ли они собой продукт человеческой воли и человеческого сознания? Нет, они создаются экономическими отношениями людей. Раз возникнув, интересы так или иначе отражаются в сознании» [3]. Весьма наглядно эта же, по существу, мысль была проиллюстрирована К. Марксом: «Когда отдельный капиталист путем повышения производительной силы труда удешевляет свой товар, например, рубашки, то он, быть может, вовсе и не задается целью pro tanto понизить стоимость рабочей силы, а, следовательно, и необходимое рабочее время; однако, поскольку он, в конце концов, содействует повышению общей нормы прибавочной стоимости. [4]

Мотивы деятельности, поступки человека могут противоречить экономическим условиям жизни данного исторического периода, если в своей деятельности люди исходят не из познанной глубинной необходимости, а из поверхностных представлений об экономических условиях своего существования. Например, в первые годы перестройки в некоторых отраслях нашей страны массово организовывались хозяйственные кооперативы с абсолютным присвоением произведенного дохода [5]. Такие действия могут быть объяснены лишь весьма поверхностным представлением об экономических отношениях рыночного общества, когда не была осознана вся длительность и сложность их эволюции.

По мере накопления и теоретического обобщения опыта общество, исходя из познанной необходимости, разрабатывает свою экономическую политику, устанавливает определенные принципы хозяйствования, выдвигает в конечном счете

перед каждым субъектом определенные требования, вытекающие из общих условий производства, распределения, обмена и потребления. Эти принципы или требования, будучи отражением рыночных производственных отношений, настолько прочно входят в жизнь, что люди не задумываются об их происхождении, привыкают к ним как к само собой разумеющимся.

Сложившиеся условия жизни общества, потребности его развития оказывают определяющее воздействие на формирование системы экономических интересов, которые, отражаясь в сознании людей выступают в качестве движущих мотивов их деятельности. В этом своем качестве интересы выступают как объективное экономическое явление. Носители же интересов – люди. Отражаясь в их сознании, интересы выступают в форме определенных целей, стремлений, желаний и других мотивов сознательной деятельности. Интересы, разумеется, существуют и как факт сознания, но и в этом своем проявлении они выступают уже в качестве субъективной формы общественно-производственных связей.

Фигуры владельца фирмы, банкира, земельного собственника являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов. Развитие экономической общественной формации – естественно-исторический процесс, поэтому отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось над ними субъективно [6]. Из данного замечания видно, что экономические отношения проявляются во внешнем движении субъектов общества, в движущих мотивах их деятельности. Таким образом, глубинные процессы существующих связей и зависимостей как бы всплывают на поверхность общества и обнаруживают себя лишь опосредовано, через экономические интересы. Носителями же интересов выступают субъекты.

Положение, согласно которому экономические отношения проявляются через систему экономических интересов, а законы при всей их объективности, осуществляются через сознательную деятельность людей, побуждаемых соответствующими объективными интересами, подтверждает, на наш взгляд, то, что связующим звеном между экономическими законами и сознательной деятельностью людей выступают экономические интересы. Таким образом, при исследовании механизма действия экономических законов необходимо иметь в виду, что деятельность людей одновременно и объективна, и субъективна. Правильное понимание соотношения объективного и субъективного позволяет глубже уяснить сущность экономических интересов – связующего звена между экономическими законами и человеческой деятельностью. [7]

Если в объективных интересах воплощаются, непосредственно проявляются экономические отношения, то осознанные интересы, - субъективная форма проявления производственных отношений, - лишь отражают эти отношения. Как объективные интересы отражаются в сознании человека зависит от многочисленных обстоятельств, обусловленных сложностью познания человеком реальной действительности.

Цели и движущие мотивы деятельности субъектов в разных общественно-экономических формациях неодинаковы, ибо различны экономические отношения, которые их определяют. Однако экономические интересы вне зависимости от своего конкретного содержания всегда входят в механизм действия экономических законов. Так как экономические законы осуществляются через человеческую деятельность, при определении характера их действия мы выясняем не то, что побуждает и приводит людей к действиям, а как последние совершаются. В одних экономических условиях действия людей могут быть стихийными, в других – планомерно направленными. Стихийные действия людей обусловлены такими объективными условиями, в которых общественные процессы совершаются вне контроля общества.

Социально-экономические интересы общества многообразны, они образуют взаимоувязанную систему, включающую интересы людей по поводу производства и распределения благ, удовлетворения их духовных запросов, интерес к сокращению рабочего времени, расширению времени свободной деятельности и т.д. На основе общественного разделения труда складываются специфические профессиональные интересы. Такого рода разнообразие интересов, их раздробленность существует и среди наемного труда, и среди владельцев предприятий.

Подобно тому как проводится классификация законов политической экономии на общие, особенные и специфические, следует на наш взгляд, различать общие, особенные и специфические экономические интересы. Сложность такого разграничения обусловлена не только тем, что оно еще не проводилось в экономической литературе, но и обилием многочисленных экономических интересов, выражающих сущности различного порядка [8]. Тем не менее путь к выделению общих, особенных и специфических экономических интересов следует искать. Представляется, что основываться здесь нужно на методологических принципах выделения групп упомянутых законов. Так, производство жизненных средств, время их изготовления, удовлетворение материальных потребностей всегда, во все времена развития человеческого общества интересовали людей. Эти интересы можно отнести к общим экономическим интересам, учитывая, однако, что форма их реализации зависит от существующих условий социально-экономической жизни. Соответственно интересы одной общественно-экономической формации должны классифицироваться как специфические.

Если под механизмом действия экономических законов понимается совокупность экономических интересов, побуждающих людей к определенной осознанной деятельности, через посредство которой реализуются экономические законы, то общество в лице определенных органов управления должно использовать этот механизм путем направления деятельности всех своих членов, концентрации их экономических интересов на решении конкретных задач. Общество, основанное на частной собственности, сталкивается с проблемой формирования общности

интересов, поскольку здесь интересы людей разрознены и подчас противоположны. Тем не менее, в различных критических ситуациях, мы эту общность наблюдаем.

Общепризнанный интерес носит объективный характер, так же как и те экономические отношения, которые его обуславливают, и проявляется в целеустремленных действиях каждого из членов общества. Так как движущие мотивы деятельности каждого индивидуума в общей ассоциации производителей тождественны, это обстоятельство формирует единство целей. Единство целей выступает, таким образом, осознанным стимулом экономического развития рыночного хозяйства в целом. Общность целей производителей обуславливает необходимость согласования, регулирования и направления действий. Это, с одной стороны, усиливает направленность действий всех производителей, с другой – повышает эффективность общественного производства.

Вызванная к жизни форма регулирования общественного производства соответствует как личному, так и общепризнанному интересу, ибо она не только позволяет избежать бесполезных затрат ресурсов, но и создает самые благоприятные условия для их наиболее эффективного использования. Рыночная форма управления экономикой предполагает эффективное использование не только средств производства, но и совокупного труда общества. Эта ситуация создает условия для регулирования действий производителей во всех сферах общественного производства. Общность интересов наемного труда отражает существенные, причинно-следственные связи отношений в этой сфере, возникающие по поводу производства, распределения жизненных благ. Этим на практике определяются последовательное осуществление демократических принципов хозяйствования, организации труда, управления и другие формы реализации общественного интереса. [9]

Только на основе научного познания сущности интересов и осознанного управления ими со стороны общества можно успешно овладеть механизмом действия экономических законов, а, следовательно, способствовать более глубокому их осуществлению. В этом вопросе у экономистов как раз и нет единства. Одни считают, что только с установлением общественного контроля над развитием производственных отношений, следовательно, и законов их выражающих, люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают [10]. Другие придерживаются свободной рыночной философии, полагая. Что только экономическая свобода может сформировать устойчивый общественный интерес [11]. Несмотря на столь различные подходы, все же становится ясным одно – общественное производство в современной стадии его состояния нуждается в управлении, в котором находится место и демократическому централизму, и планомерности, и рыночным свободам, позволяющим всем членам общества принимать участие в управлении хозяйственным процессом, получать точную информацию о потребностях

общества и его отдельных членов и на этой основе научно определить направление развития экономических интересов, их согласование на основе единого общего интереса.

Конкретизируя экономические интересы как формы проявления разных сторон производственных отношений, определяются соответствующие формы стимулирования (материального и морального), которые выступают главным условием мобилизации и направления действий членов общества на реализацию конкретных задач. При этом действия непосредственных производителей тем полнее приведут к реализации намеченной цели, чем полнее стимулы соответствуют их экономическим интересам. Различные экономические интересы (интересы общества, трудовых коллективов и отдельных индивидов к повышению эффективности производства, к росту национального дохода, прибыли, заработной платы и т.д.) как формы проявления различных сторон производственных отношений конкретизируются и отражаются в программах национального развития (например, в Концепции социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г.). Поэтому национальные программы выступают по существу основным инструментом сознательного использования экономических законов. Это позволяет прийти к выводу, что само осуществление экономических законов представляет собой двуединый процесс механизма действия и механизма использования экономических законов. При этом следует подчеркнуть, что несмотря на то, что эти процессы осуществляются одновременно, ибо действие законов предполагает сознательное их использование, понятия эти, строго говоря, не тождественны. Действие и использование экономических законов следует различать не только в теории, но и в практической деятельности.

Содержимое экономических интересов определяется производственными отношениями данного способа производства [12]. Это положение теоретически обосновано и не требует новых доказательств. Однако существующие многообразные определения экономического интереса (форма объективной необходимости; объективная потребность, обусловленная положением класса в обществе; исторически конкретная форма отношения субъекта к своим потребностям и пр.) позволяют сделать вывод о том, что разные авторы по-разному трактуют роль, которую играют производственные отношения в формировании экономических интересов. При этом многие исследователи раскрывают сущность экономических интересов с помощью анализа их взаимосвязи с потребностями, что по-видимому закономерно, так как потребности находят непосредственное выражение через интересы. Вместе с тем в экономических интересах проявляется более сложная совокупность экономических отношений, отражающая не только экономические условия существования отдельных личностей, групп людей и общества в целом, выраженные в потребностях, но также тенденции развития последних, обусловленные действием объективных законов. Экономические интересы, следовательно, проявляются как результат развития общественного производства, соци-

ально-экономическое содержание которого определяется существующими производственными отношениями, обуславливающими характер деятельности людей в сфере производства, распределения, обмена и потребления жизненных благ. Однако между производственными отношениями и производственной деятельностью людей нет прямой зависимости. Эта связь, определяемая объективными экономическими законами, опосредована экономическими потребностями участников производства, их интересами. Деятельность людей есть процесс, направленный на достижение определенной цели, которая формируется на основе осознания интересов. Воздействие же потребностей и экономических законов на производственную деятельность осуществляется через отражение их в экономических интересах. Следовательно, анализируя содержание экономических интересов, необходимо учитывать их связи не только с потребностями, но и с экономическими законами; чтобы правильно понять место экономических потребностей и экономических законов в формировании и реализации интересов, важно раскрыть также взаимосвязь последних с производственными отношениями.

Зависимость потребностей людей от уровня развития общественного производства показана его историческим условиями существования: на начальных ступенях культуры производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе со средствами их удовлетворения. Потребности современного человека являются результатом исторического развития процесса производства, создающего не только растущие потребности, но и все более многочисленные средства их удовлетворения – жизненные блага. Объем потребностей определяется данным уровнем развития производительных сил, который отражает границы власти людей по отношению к объективно существующей действительности. С развитием производства не только расширяются рамки потребностей, но и происходят глубокие изменения в их содержании. Показывая два пути возникновения потребностей человека, – возникших естественным путем и созданные самим обществом, – необходимо отметить, что по мере развития производства чисто естественные потребности, исходящие из своей первоначальной природной грубости и непосредственности, тоже принимают черты потребностей, порожденных развитием производства, и поэтому вместе с ними образуют категорию экономических потребностей. Созданные в конечном счете общественным производством, экономические потребности носят общественный характер. Наши потребности и наслаждения порождаются обществом, поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения [13]. Таким образом, экономические потребности социально обусловлены, выражают экономические отношения данного общества и находятся в процессе непрерывного изменения и развития.

Содержание экономических потребностей, на удовлетворение которых направлена деятельность людей, определяется характером господствующих производственных отношений. Вместе с тем производственная деятельность людей не может выходить за рамки экономических законов. Взаимосвязи существенных

сторон производственных отношений в процессе развития общественного производства, принимая форму объективных экономических законов, определяют рамки этой деятельности.

Экономические законы проявляют свое содержание через экономические потребности людей, определяя те объективные условия, при которых формируются и удовлетворяются эти потребности [14]. Следовательно, характеризуя экономические интересы как неотъемлемую часть производственной деятельности людей, необходимо учитывать роль, которую играют в их формировании экономические законы, поскольку в содержании экономических интересов эти законы проявляются, во-первых, косвенно, через экономические потребности, и, во-вторых, что более важно, непосредственно как выражение существенных сторон производственных отношений. Экономические законы, непосредственно отражаясь в интересах людей, определяют объективные возможности этих интересов. Если экономические потребности непосредственно показывают направленность интересов, то законы развития производства определяют объективные условия их реализации. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. Ставя перед собой ту или иную задачу, люди исходят из своих интересов. Содержание последних, их реализация включают не только удовлетворение сложившихся экономических потребностей, но и процесс осуществления той или иной тенденции развития общественного производства, выраженной в экономических законах. Исходя из своих экономических потребностей и положив в основу действий определенную тенденцию развития производства, люди вступают в определенные экономические отношения между собой и тем самым играют активную роль в развитии общественного производства. Разумеется, экономические отношения могут развиваться в том направлении, которое диктуется исторической необходимостью, то есть экономическими законами. Двойственность связи людей с общественным производством, которая проявляется в том, что люди, с одной стороны, удовлетворяют свои материальные потребности, а с другой – реализуют объективные тенденции развития производства, обусловлена двойственностью их экономических интересов.

Через реализацию экономических интересов, составляющих основу производственной деятельности, осуществляются на практике производственные отношения, а, следовательно, и экономические законы. Проявляясь в экономических интересах людей и составляя их внутреннюю необходимость, экономические законы тем самым побуждают людей к действию в соответствии с объективной необходимостью. С одной стороны, экономические законы, отражаясь в материальных интересах, обуславливают их содержание, а с другой – эти законы в практической жизни осуществляются посредством реализации интересов. В этой

своей функциональной роли интересы выступают как важнейшее звено в механизме действия экономических законов. На практике действие экономических законов и реализация людьми их экономических интересов – один и тот же процесс. Выражение его с помощью разных понятий преследует цель глубже познать этот процесс, выявить соотношение его существенных сторон; нельзя при этом не учитывать и то, что человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни [15].

В соотношении экономических законов и экономических интересов определяющая роль принадлежит экономическим законам. Однако это не означает, что в процессе осуществления экономических законов интересы играют пассивную роль: реализация экономических интересов людей есть форма движения экономических законов. Единство экономических законов и экономических интересов проявляется в том, что люди через деятельность реализуют свои интересы, а тем самым и действующие экономические законы. Разумеется, это вовсе не означает, что интересы являются результатом сознательной деятельности людей и могут произвольно ими изменяться. Как и экономические отношения, интересы развиваются через деятельность людей лишь в том направлении, которое диктуется объективным ходом общественного производства. Роль субъективного фактора в развитии экономических отношений и интересов зависит от степени осознания людьми объективных экономических законов.

Следует отметить, что с одной стороны, осознание интересов как непосредственного проявления производственных отношений в практической деятельности людей предшествует осознанию экономических отношений и законов [16]. С другой стороны, осознание интереса – это одновременно и осознание определенных производственных отношений. Отдельная личность в первую очередь осознает именно ту сторону производственных отношений, которая определяет ее экономическое положение и проявляется как ее экономический интерес [17]. Степень осознания собственных интересов отражает степень познания производственных отношений и экономических законов.

Воздействие экономических интересов на производство проявляется через отражение их в сознании работников и в формировании целей, являющихся непосредственной причиной действий людей. Однако формирование цели производственной деятельности опосредовано материальной заинтересованностью и материальным стимулированием. Отражение экономических интересов в сознании пробуждает у людей материальную заинтересованность. В этом смысле материальная заинтересованность есть результат осознания материальных интересов; последняя может превратиться во внутренний импульс развития производства лишь в условиях, когда практически создана и функционирует система экономического стимулирования, соответствующая направлению развития тенденций экономических интересов. Стимулирование становится необходимой формой реализации экономических интересов, ее экономическим условием. Действенность

стимулирования зависит, с одной стороны, от того, насколько оно соответствует содержанию объективно существующих экономических интересов. С другой стороны, стимулирование через материальную заинтересованность само воздействует на реализацию и развитие экономических интересов.

Изучая экономические интересы как форму непосредственного проявления производственных отношений, общество может воздействовать на их развитие. Чем глубже наши познания в области развития общественного производства, тем более точно совпадают поставленная цель и результаты нашей деятельности.

Литература

1. Туган-Барановский М.И. П.Ж. Прудон. Его жизнь и деятельность. М., Крандранд, 2020. – 80 с.
2. Ханипов А.Т. Интересы как форма общественных интересов. Новосибирск, наука, 1987 – 256 с.
3. Плеханов Г.В. Изб. произв. М., 1956, т. 2, с. 260.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 326
5. Экономические интересы и ускорение научно-технического прогресса / под ред. Б.И. Табачникаса. – Л. : Изд-во ЛГПИ, 1984. – 159 с.
6. Канапухин П.А., Хаустов Ю.И. Система экономических интересов и их роль в мотивационном механизме // Вестник ВГУ, Серия Экономика и управление. 2004. № 2. С. 11–21.
7. Белобородова Т.А., Чернецова Н.С. Взаимосвязь экономических интересов и социально-экономических институтов // Экономические науки. 2009. № 11(60). С. 63–68.
8. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества/ Ф. Уэбстер, пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхина, под. ред. Е.Л. Вартановой. М.:Аспект Пресс, 2004. –400 с.
9. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 41.
10. Флорида, Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее/ Р. Флорида. М.: Классика-XX1, 2007.
11. Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 204 с.
12. Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избр. труды по экон. теории / Г. С. Беккер ; пер. с англ.; сост., науч. ред., послесл. Р. И. Капелюшников ; предисл. М. И. Левин. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
13. Гринспен, А. Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы / А. Гринспен. – 2-е изд., доп. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 520 с.
14. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

15. Хиршман, А. О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа / А. О. Хиршман ; пер. с англ. Д. Уэланера. – М.: Институт Гайдара, 2012. – 200 с.

16. Ядгаров Я.С., Сидоров В.А., Ильинова В.В. Развитие рыночной экономики в России // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 4. С. 88–109.

17. Сидоров В.А. «Fake-экономика»: феномен рыночного хозяйства или инновации мистификаций / Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Бизнес, инновации, информационные технологии, моделирование // [электронный ресурс] : сб. науч. тр. материалы VII междунар. науч.-практ. конф. по экономике (Сочи, 27–31 марта 2019 г.) / под ред. д-ра экон. наук, профессора Сидорова В.А. и д-ра экон. наук., профессора Ядгарова Я.С. – Майкоп, издательство ЭЛИТ– 2019. С. 55–69.

THEORY OF ECONOMIC INTERESTS: MODERN INTERPRETATION IN THE CONTEXT OF THE MARKET PHENOMENON FARMS

Sidorov V. A.

*Doctor of Economics, Professor, head of the Department of theoretical Economics,
«Kuban state University»*

Bolik A.V.

*PhD in Economics, associate Professor of the Department theoretical Economics,
«Kuban state University»*

Abstract: *the article considers the concept of forming a new set of economic interests in the modern market economy, as well as the special nature of its implementation in the post-Soviet economic space, based on an evolutionary and retrospective approach. As a basis, economic laws are considered, the mechanism of realization of which is the interests. A classification of interests based on objective prerequisites for the development of the company's economic organization is proposed. A methodological approach to the concept of the paradigm of economic interests as a set of transforming elements of the economy is proposed. The theoretical foundations of the development of the mechanism of equilibrium realization of economic interests at different levels, the principles of stabilization on this basis of the market system of management as a whole, as well as the life of its social aspects are formulated. Conceptual directions of market system re-formation by means of harmonization of economic interests and their structural elements are proposed.*

Key words: *economic interests, needs, market economy, economic law, implementation mechanism.*

УДК: 330.8

РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО В КОНТЕКСТЕ НЕЛИБЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ ПОСТМАНУФАКТУРНОГО ПЕРИОДА

Ядгаров Я.С.

*доктор экономических наук, профессор, заведующий секцией
«История экономической мысли» Департамента экономической теории,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»*

***Аннотация.** В работе через призму марксова и современного концептуальных подходов рассмотрены исторические предпосылки возникновения, основные черты и особенности нелиберальных политэкономических исследовательских парадигм в постмануфактурный период эволюции экономической науки. Раскрыта критика базирующихся на абсолютизации принципов экономического либерализма теоретико-методологических ценностей лидеров классической политической экономии, начало которой положили морально-нравственные и реформаторские новации родоначальников исследовательских парадигм экономического романтизма, утопического социализма, а также приверженные системному анализу адепты немецкой исторической школы. Обосновывается резюмирующий вывод о том, что представители нелиберальных политэкономических исследовательских парадигм постмануфактурного периода обозначили актуальные и в наши дни время направления и механизмы реформирования и гармонизации рыночного хозяйства в условиях различных форм собственности и бизнеса.*

***Ключевые слова:** рыночное хозяйство; нелиберальные политэкономические исследовательские парадигмы; постмануфактурный период.*

1.1. Исследовательские парадигмы в экономической науке: от марксового концептуального подхода до современной концепции

Многообразные проблемы теоретического, методологического и эмпирического анализа феномена рыночного хозяйства и механизмов его функционирования через призму используемого в этих целях альтернативного методологического инструментария были и остаются одной из насущных в осмыслении процесса эволюции основных исследовательских парадигм экономической науки [15]. При этом упомянутые парадигмы в рамках осуществляемых изысканий с определенной условностью могут быть соотнесены на «либеральные» и «нелиберальные».

В данном контексте следует отметить, что начало рыночной системы хозяйствования и одновременно с этим начальный этап в истории экономической науки (политической экономии) в научном экономическом сообществе обычно увязывается с постулатами такой общеизвестной исследовательской парадигмы мануфактурного – доиндустриального – периода, как меркантилизм (период XVI–

XVIII вв.). Причем среди современных ученых-экономистов общепринятым является положение о том, что адепты меркантилизма привержены политике протекционизма, обуславливающей по сути «нелиберальный» характер методологических и теоретических оснований меркантилистской парадигмы, сформировавшейся на начальном этапе эволюции рыночного хозяйства и экономической науки.

Следующий период связан с вытеснением в результате непримиримой идейной борьбы «на второй план» меркантилистской идеологии и присущей ей нелиберальной исследовательской парадигмы либеральной парадигмой классической политической экономии, постулаты адептов которой о саморегулируемости экономики свободной конкуренции с конца XVII по вторую половину XIX столетия стали определяющими практически для всех ее адептов. Причем реальными последствиями подобного рода метаморфозы в указанном периоде явились, во-первых, постепенная смена в недрах меркантилизма мануфактурного (ручного) товарного производства индустриальным (фабрично-заводским) и обретение политической экономии статуса принципиально новой – «либеральной» политической экономии, названной в «Капитале» К. Маркса «классической». И, во-вторых, смещение акцентов в структуре методологического инструментария от аналитических принципов эмпиризма и протекционизма, абсолютизовавшихся меркантилистами, к принципам классового и каузального (причинно-следственного) анализа, а также экономического либерализма (ничем ограниченных экономических свобод или, что одно и то же *laissez faire*), которые абсолютизовались «классиками» политэкономии.

Между тем научный – с системных позиций – концептуальный подход к структуризации и научному осмыслению содержательных аспектов теоретико-методологических оснований исследовательских парадигм меркантилизма и классической политической экономии, как первых направлений мировой экономической мысли, стал достоянием экономической науки в I томе «Капитала» (1867), изданном еще при жизни К. Маркса. В этом томе, как и последующих (изданных посмертно после его кончины) втором и третьем томах данной работы, очевидными (но небесспорными и обусловившими впоследствии дискуссии) явились такие его новации, как:

- введение в научный оборот понятия «Классическая политическая экономия» и проявление тем самым причастности к научному осмыслению сущностных основ исследовательских парадигм экономической науки;

- выработка целостного видения ключевых аспектов альтернативы либеральной капиталистической экономике, периодически переживающей последствия всеохватных кризисных явлений;

- обоснование недостатков первых парадигм политической экономии, проявившихся сначала в научно-практических изысканиях периода меркантилизма, а затем – в нововведениях на этапе достигшего своего апогея в творчестве адептов «буржуазной» классической политической экономии;

– аргументирование положения о том, почему современную ему хозяйственную модель социально-экономической несправедливости (как в рамках последователей творческого наследия лучших «классиков» политической экономии Смита – Рикардо, так и первых апологетов «вульгарной буржуазной политической экономии» Сэя – Мальтуса) непременно должна сменить социально ориентированная экономика грядущей во всем мире «некапиталистической» системы хозяйствования.

Некоторые важные пояснения и комментарии в основные положения своего концептуального парадигмального исследовательского подхода к осмыслению эволюции экономической науки от меркантилистской (протекционистской) до «классической буржуазной» (либеральной) политической экономии К. Маркс изложил отчасти непосредственно на страницах I тома «Капитала» и отчасти – в послесловии от 1873 года ко второму изданию этого же тома. В частности, в первом томе этой работы его точка зрения на то, кого из его предшественников и современников следовало бы отнести к «классикам» политической экономии, аргументирована следующим образом: «Замечу раз навсегда, что под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства» [7, с. 91]. А в Послесловии к этому тому он указал имена тех, кто есть «последний великий представитель английской классической политической экономии» и с кого «начинается критика буржуазной политической экономии», назвав (учитывая их приверженность трудовой теории стоимости) в качестве первого Д. Рикардо, а второго – С. Сисмонди [7, с. 14].

На основе данных умозаключений при противопоставлении «достоинств» исследовательской парадигмы классической политэкономии и «недостатков» парадигмы «вульгарной» буржуазной политэкономии автор «Капитала» приходит к заключению о целесообразности отнести к достоинствам научного наследия «классиков» то, что последние не допускают апологетики и скольжения по поверхности экономических явлений, способствуя обретению политэкономией черт подлинно научной дисциплины. Кроме того, «классики», по Марксу, отвергли протекционизм в экономической политике государства и анализировали проблемы сферы производства с позиций классового подхода, будучи привержены наблюдаемым «законам производства» и другим независимым от воли людей «объективным экономическим законам». К их заслугам К. Маркс относит также попытки осмыслить (исследуя проблематику экономического роста и повышения благосостояния народа) проявляющиеся в процессе воспроизводства динамизм и равновесность состояния экономики страны посредством классификации экономических категорий на «первичные» и «вторичные», рассмотрения политики и государства как вторичные явления по отношению к социально-экономическим институтам. Позитивно К. Марксом оценивается и то, что именно адепты классической политической экономии, в отличие от буржуазных «вульгарных экономистов» [18, с. 72-79]:

- выявили механизм формирования стоимости (ценности) товаров и колебания уровня цен на рынке не в связи с «естественной природой» денег и их количеством в стране, а придерживаясь трудовой теории;
- признали деньги стихийно выделившимся в товарном мире товаром, который нельзя, «отменить» никакими соглашениями между людьми;
- были близки к научному осмыслению сущности и природы происхождения «закона прибавочной стоимости».

Согласно марксовой исследовательской парадигме, базирующаяся на принципах экономического либерализма классическая политическая экономия в острой идеологической борьбе сменила предшествовавшее ей меркантилистское направление, что, на его взгляд, позволяет выявить некие внутренне присущие имманентные противоречия «капитализма», которые будут преодолены лишь в условиях грядущей формации с ее «некапиталистической» социально ориентированной моделью хозяйствования. Полагая так, К. Маркс подчеркивал, что в целях достижения научной достоверности собственных изысканий он опирается одновременно три современные ему исследовательские парадигмы, назвав их: английская классическая политическая экономия Смита – Рикардо, немецкая классическая философия Гегеля – Фейербаха и французский утопический социализм Сен-Симона – Фурье. Причем, по собственному его признанию, у адептов первой из этих парадигм им заимствованы постулаты трудовой теории стоимости, положения закона тенденции нормы прибыли к понижению, производительного и непроизводительного труда и многое другое. Что же касается философской и социалистической парадигмы, то они (вкуче с первой) способствовали его убежденности, во-первых, в том, что «недиалектический подход» и необоснованное признание универсального характера «законов» капитализма не позволили понять адептам классической политической экономии то, что открытые ими же законы имеют специфический и преходящий характер; во-вторых, в том, что отношения между «главными» классами «буржуазного общества» не просто противоречивы, а имеют антагонистический характер и потому неразрешимы.

Не детализируя подробности изысканий К. Маркса в области осмысления вышеуказанных исследовательских парадигм «меркантилистской», «классической» и «вульгарной» политической экономии представляется правомерным отметить, что именно результаты его теоретико-методологических нововведений в наиболее концентрированном виде вобрали в себя важнейшие составляющие основополагающих предпосылок качественного обновления хозяйственной жизни и экономической науки. Ведь его размышления о «судьбах капитализма» с чередующимися подъемами и спадами деловой активности, о «буржуазной» политической экономии с присущими ей альтернативными исследовательскими парадигмами позволили автору «Капитала» сформулировать оригинальные идеи, обобщения и выводы социально-институциональной направленности, которые способствовали формированию нынешних, как принято говорить, социально ори-

ентированных междисциплинарных оснований современной парадигмы экономической науки. И не лишне здесь, думается, привести оценочное суждение американского экономиста и социолога Р. Хайлбронера, которое звучит так: «Ни один экономист той эпохи не считал склонность к кризисам – мы бы назвали их колебаниями деловой активности – неотъемлемым свойством капиталистической системы, но последовавшие события полностью подтвердили пророчество Маркса насчет чередования подъемов и спадов» [17, с. 209.]. Впечатляет также вывод Р. Хайлбронера по поводу парадигмального марксова концептуального подхода, а именно: «Европейский капитализм рухнул не столько по экономическим, сколько по социальным причинам – и это Маркс тоже предвидел!» [17, с. 211].

Но весьма пространные объемные размышления К. Маркса в «Капитале» о насущной необходимости в будущем принципиально новой модели хозяйственной жизни, которая бы стала альтернативой перманентным всеохватным кризисным явлениям в условиях либеральной капиталистической экономики, он фактически не воздал должное уже заявившим о себе в его бытность «нелиберальным» политэкономическим исследовательским парадигмам. Это – возникшие в постмануфактурном периоде (первая половина XIX века) «в противовес» сентенциям классиков преимущественно морально-нравственные исследовательские парадигмы, в числе которых:

- экономический романтизм (по терминологии К. Маркса – «мелкобуржуазная» и, стало быть, априори ненаучная политическая экономия);
- утопический социализм (по Марксу, – прежде всего «утопический» и по этой причине заведомо не могущий быть научным социализм);
- немецкая историческая школа (а с точки зрения К. Маркса – одна из школ все той же «вульгарной буржуазной» политической экономии).

Ведь адепты этих «нелиберальных» исследовательских парадигм, позиционируя себя в качестве оппонентов либеральных воззрений последователей, прежде всего, Смита – Рикардо положили начало новой современной немарксистской концепции исследовательских парадигм в экономической науке вне контекста классово-формационного аналитического подхода. Они отдавали себе отчет о сложившихся в их бытность кризисных явлениях в хозяйственной жизни, обращая особое внимание на то, что в постмануфактурном периоде впервые проявлявшие себя невиданные ранее социальные проблемы достигли своей кульминации и, начиная с 1825 года, стали обыденным явлением. Понимали и то, что «государство отказалось от всякого вмешательства в организацию производства и в отношения между рабочими и хозяевами» [4, с. 143], решительно отвергая по этой причине центральный постулат «классиков» о самопроизвольной гармонии между частным и общественным интересами [4, с. 145].

Таким образом, возникшие в первой половине XIX столетия исследовательские парадигмы экономического романтизма, утопического социализма и немецкой исторической школы с присущими им морально-нравственными, социально-

историческими ценностями и приверженностью еще и системному аналитическому подходу, являются неотъемлемой составляющей современных концепций исследовательских парадигм в экономической науке. Эти «нелиберальные» политэкономические исследовательские парадигмы заслуживают пристального внимания и беспристрастного осмысления в предстоящих изысканиях, направленных на вытеснение классово-формационных аспектов марксовского концептуального подхода к данной проблематике и обоснование с позиций современного морально-этического, нравственного, системного аналитического инструментария в экономической науке идеальной (адекватной современным условиям) социально ориентированной рыночной системы хозяйствования.

1.2. Исторические предпосылки возникновения нелиберальных политэкономических исследовательских парадигм

Нелиберальные политэкономические исследовательские парадигмы стали достоянием экономической науки в постмануфактурном периоде в течение первой половины (экономический либерализм и утопический социализм) и середины (немецкая историческая школа) XIX столетия, проявив себя реально еще в недрах, так сказать, доминировавшей в данной отрасли знаний марксовской либеральной исследовательской парадигмы классической политической экономии. Этот период обусловил, как известно, переход от мануфактурного производства и преобладания ручного труда к преимущественно машинному, механизированному труду в промышленности и от доминирования крестьянского типа хозяйствования к фермерскому в сельскохозяйственном производстве. Сопровождавшие названные процессы всемерная индустриализация и *коммерциализация* хозяйственной жизни, формирование широкой сети фабрик и заводов в городах и фермерских хозяйств на селе охватили в указанном периоде подавляющее большинство развитых стран, способствуя небывалому росту производительности труда во всех сферах и отраслях общественного хозяйства.

По оценке видных историков экономической мысли современности Ш. Жида и Ш. Риста, в первые 30 лет XIX века происходили глубокие перемены в экономическом мире. Проявилось это в том, что повсюду стал господствовать экономический либерализм, ничто больше не связывало *laissez faire*, повсюду пропагандировалась свободная конкуренция, а «государство отказалось от всякого вмешательства в организацию производства и в отношения между рабочими и хозяевами» [4, с. 143]. В этих условиях родоначальники и адепты нелиберальных политэкономических исследовательских парадигм явились истинными первыми противниками либеральных оснований классической политической экономии. Причем даже в постмануфактурном периоде, когда в творчестве своих новых лидеров в лице Д. Рикардо, Ж.Б. Сэя, Т. Мальтуса, Н. Сениора, Ф. Бастиа и других классическая политическая экономия переживала апогей своего развития, в их сочинениях по-прежнему во главу угла ставились принципы *laissez faire* и критика протекционистской экономической политики меркантилистов. Как следствие,

«классики» новой волны, в духе своих предшественников, были верны либеральным постулатам концепций об «экономическом человеке» и «невидимой руке» своего учителя А. Смита, изложенных в 1776 г. еще до свершения где-либо промышленного переворота в книге «Исследование о природе и причинах богатстве народов». Отсюда, по мнению современного историка экономической мысли Т. Негиши, и общность позиции «классиков», согласно которой «направляемая невидимой рукой рыночного механизма, основанного на общественном разделении труда, погоня за частными интересами ведет к богатству всего общества» [9, с. 26].

Однако, вопреки заверениям и прогнозам «классиков» (многие из которых называли себя убежденными смитианцами либо рикардианцами) обусловленные абсолютизацией ими принципов экономического либерализма социально-экономические реалии постмануфактурного периода в действительности оказались не настолько обнадеживающими, благотворными и радужными. Так, уже в течение первых десятилетий XIX века в условиях, практически сложившихся во многих развитых европейских странах фабрично-заводского и фермерского типов хозяйствования все с нарастающей остротой стали возникать и усугубляться никогда прежде не имевшие место проблемы экономического и социального характера. Основными негативными признаками этих проблем явились невиданные масштабы массового разорения вновь сформировавшихся в результате промышленного переворота предпринимательских структур в городских и сельских местностях, а также недобровольной безработицы, приводившие к массовым забастовкам и другим формам рабочего движения, к диспропорции в развитии промышленности, аграрного сектора, торговли и других отраслей национальной экономики. Более того, практически до второй половины того же XIX столетия отсутствовала законодательная основа регламентирования условий и требований по организации промышленного производства и нормированию труда наемных работников. И, как следствие, массовая практика того времени по привлечению в сферу наемного труда довольно дешевого по своей стоимости труда женщин, подростков и детей еще более усугубляла социальную напряженность в обществе.

Например, вышеупомянутые французские исследователи Ш. Жид и Ш. Рист, размышляя о вновь возникших в постмануфактурном периоде социально-экономических проблемах, указывают на следующие, по меньшей мере, четыре момента [4, с.144–145]. Это, во-первых, такая проблема, как введение в индустрию режима частных соглашений, «свободу которых не ограничивает еще ни один закон», и это та свобода, «которой в действительности пользуются только работодатели». Далее, во-вторых, это такие два поразительных для наблюдателей феномена, как, с одной стороны, феномен скопления в «громдах центрах богатства нового и несчастного класса – класса фабричных рабочих», и феномен «кризисов перепроизводства», с другой. В-третьих, это: эксплуатация детей всякого возраста в самых нездоровых и жестоких условиях; почти бесконечная длина

рабочего дня женщин и взрослых рабочих; нищенская заработная плата, невежество, грубость, болезни и зарождающиеся в таких плачевных условиях пороки. И, в-четвертых, это с 1825 года периодически возникающие кризисы, которые «в близкие промежутки времени, в течение всего XIX столетия, втягивая в свою сферу все более обширные области, по мере того, как будет расширяться область крупной индустрии».

Наряду с указанными выше обстоятельствами возникновение нелиберальных политэкономических исследовательских парадигм обусловлено также тем, что им – противникам классической политической экономии – удалось выработать альтернативный методологический аналитический инструментарий, который в их изысканиях постулируется посредством убедительной аргументации негативных последствий чрезмерного увлечения «классиками» намеренно идеализируемой либеральной саморегулирующейся модели социально-экономического устройства общества абстракциями и дедуктивным подходом. Благодаря своим методологическим новациям лидеры экономического романтизма, утопического социализма и немецкой исторической школы представили научному экономическому сообществу целостную аргументированную критику политики *laissez faire*. Особенно важной в этой связи их заслугой следует признать введение в научный оборот с морально-нравственных и этических позиций различных альтернативных по сути версий концепций реформ, направленных на обеспечение (либо «сверху» – по инициативе правительства, либо «снизу» – по инициативе самих трудящихся) социальной справедливости и бескризисное социально ориентированное развитие рыночной экономики.

Необходимо, кроме того, отметить, что критика «противниками» классической политической экономии либеральных ценностей ее адептов и формирование на этой основе вышеупомянутых нелиберальных политэкономических исследовательских парадигм широко проявили себя, прежде всего, в тех странах, которые первыми прошли путь смены экономики мануфактурного типа экономикой постмануфактурного типа. В данном контексте вполне понятно, почему нововведения исследовательских парадигм экономического романтизма и утопического социализма возникли и получили наибольшее распространение в таких впервые перешедших на европейском континенте на индустриальный путь развития государствах, как Англия и Франция. Но что касается исследовательской парадигмы немецкой исторической школы, то объективные причины ее зарождения и формирования именно в Германии связаны с особенностями эволюции этой страны, где создание централизованного государства и переход к рыночной системе хозяйствования состоялся лишь в середине XIX века. Поэтому в этой стране переход к рыночным экономическим отношениям и создание фабрично-заводской промышленности и фермерского сельского хозяйства исторически состоялся позднее, чем в ряде других европейских стран.

Таковы основные историко-экономические предпосылки возникновения в постмануфактурном периоде всех трех нелиберальных политэкономических исследовательских парадигм в Англии, Франции и Германии. Важно также заметить, что творческое наследие ученых-экономистов этих стран существенно повлияло на судьбы экономической науки, во-первых, тем, что их адепты, дискутируя с «классиками» через призму положений не абсолютизируя принципы *laissez faire*, опираются не только на анализ факторов экономической среды, но и на постулаты социальной справедливости, морали, нравственности и этики. А, во-вторых, тем, что они обозначили небезынтересное и в наши дни видение путей (механизмов) реформирования и совершенствования экономики в целях гармонизации хозяйственной жизни в условиях различных форм собственности и бизнеса.

Лейтмотив морально-нравственных и реформаторских оснований исследовательской парадигмы экономического романтизма, введенной в научный оборот ее ведущими представителями французскими учеными-экономистами первой половины XIX века С. Сисмонди и П. Прудон, является положение о несовпадении в условиях *laissez faire* частного и общего интересов. При этом каждый из них пути и методы «обуздания» тех злоупотреблений (которые через призму принципов ничем не ограниченной свободной конкуренции пропагандировались «классиками» политической экономии) сводил к реализации таких многообразных мероприятий, которые бы обеспечили ведущую роль в хозяйственной жизни мелкой собственности и соответственно мелкого товарного производства или различных форм малого бизнеса. Разве что, как отмечалось выше, в рамках реформаторских идей С. Сисмонди ведущая роль в организации требующихся социально-экономических преобразований отводится государству, а, по мысли П. Прудона, реформы должны инициироваться «снизу», но, ни в коем случае, указаниями либо предписаниями «сверху». Но, несмотря на это, наиболее важным общим положением в их творчестве является, как очевидно, обоснованная и четко аргументированная критика центрального положения адептов классической политической экономии о безусловной равновесности и эффективности такой модели хозяйственной жизни, которая основана на идеологии экономического либерализма.

Необходимо особо отметить, что и С. Сисмонди, и П. Прудон своим творчеством предвосхитили обусловленность бескризисного развития и социальной направленности экономики такими перманентными мерами государственного регулирования рыночного механизма хозяйствования, в которых во главу угла ставятся идеи доминирования в экономике малого бизнеса, моральных и нравственно-этических ценностей и принципы социальной справедливости. В частности, К. Маркс, характеризуя в своей работе «Теории прибавочной стоимости» новаторство родоначальника экономического либерализма С. Сисмонди, подчеркивает: «Сисмонди глубоко чувствует, что капиталистическое производство само себе противоречит» и поэтому, в отличие от Д. Рикардо, «для Сисмонди кризисы являются не случайностью, а существенными проявлениями имманентных противоречий, разражающихся в бурной форме через определенные периоды» [8, с.

51–52]. Через призму марксовых политэкономических сентенций счел возможным охарактеризовать личность и новации С. Сисмонди и В.И. Ленин. Именно с этих позиций он назвал его «оратором» неких «мелких буржуа», который «указал на тот процесс «ломки» старой хозяйственной жизни и старых полупатриархальных отношений в западноевропейских государствах», а также «на тот общественный факт, что, при известных условиях, свободная торговля ускоряет эту «ломку»» [6, с. 124].

В свою очередь видный историк экономической мысли М. Блауг, заслугу С. Сисмонди видит, во-первых, в его убежденности в том, что современная ему «новая индустриальная система обречена на неизбежные повторяющиеся кризисы и хроническую тенденцию недопотребления». И, во-вторых, в том, что решение главной проблемы он видел в глубоком государственном вмешательстве, чтобы обеспечить гарантированную минимальную плату для работающих и безработных, ограничение минимального рабочего времени, ограничение максимального и минимального трудоспособного возраста и введение системы участия в прибылях [2, с. 274–275]. Но также важно заметить то, подчеркивает М. Блауг, что «на самом деле Сисмонди, а не Мальтус считался в то время главным оппонентом Рах Ricardia» [1, с. 162], то есть пострикардинства. Кроме того, по Блаугу, «Новые начала» оказали «глубокое влияние на работу Т. Мальтуса “Принципы политической экономии (*Principles of Political Economy*, 1820)”», вследствие чего оба эти сочинения содержат «один и тот же акцент на том, что мы назвали бы в наше время недостаточным совокупным спросом». Но, тем не менее, убежден он, «на самом деле, дух кейнсианства в работе Сисмонди значительно сильнее, чем в работе Мальтуса» [2, с. 275].

С. Сисмонди в своем главном в творческом отношении сочинении «Новые начала политической экономии» (1819) предназначение данной науки видит в том, что она должна призывать «ко вмешательству власти в дело регулирования богатства» и не сводить «всю политическую экономию к простому... принципу *laissez faire*» [14, т. 1, с. 133] и тем самым внести значительные изменения в «систему Адама Смита» [14, т. 1, с. 141]. Одновременно с этим, в отличие от А. Смита, считает для себя важным то, что «рост богатства является не целью политической экономии, а лишь средством для обеспечения всеобщего счастья» и что «само по себе увеличение богатства и населения есть лишь абстракция...» [14, т. 1, с. 134, 143]. Поэтому, согласно Сисмонди, политическая экономия как наука, указывая «правительству правильную систему управления народным богатством», является «важной отраслью науки о счастье народа» [14, т. 1, с. 148].

Придерживаясь таких неординарных теоретико-методологических позиций, С. Сисмонди наперекор постулатам либеральной исследовательской парадигмы классической политической экономии утверждает на страницах своих «Новых начал» о том, что [14, т. 1, с. 291, 360]:

– вообще в политической экономии следует беречься ...абсолютных предположений, точно так же, как и абстракций, ...всякая абстракция всегда есть заблуждение;

– политическая экономия наука не просто расчета, а наука моральная, ... она вводит в заблуждение, когда оперируешь голыми цифрами, и ведет к цели лишь тогда, когда приняты во внимание чувства, потребности и страсти людей;

– политическая экономия в значительной мере нравственная наука, ...она должна предвидеть, что может оказать влияние на их (людей. – Я.Я.) страсти.

Собственно квинтэссенция морально-нравственной и реформаторской исследовательской парадигмы экономического романтизма в связи с творческими новациями С. Сисмонди очевидна в нижеследующем:

1) вера в то, что «только власть» может не допустить расширение производства ради интересов «отдельных лиц», ибо целью наций должно быть соображение «роста всеобщего довольства и достатка» [14, т. 1, с. 168];

2) неприятие для политической экономии метода научной абстракции, из-за которой наука, принимая «спекулятивный характер, ...кажется оторванной от всякой практики» [14, т. 1, с. 169];

3) отрицание доктрины А. Смита об «экономическом человеке», согласно которой «интерес каждого образует общий интерес» и «каждый, стремясь осуществить свой собственный интерес за счет других, пускает в ход все доступные средства», из-за чего «...благополучие каждого промышленника строится на разорении его собрата» [14, т. 1, с. 335 – 336, 357];

4) обоснование целесообразности применения в экономическом анализе не только каузального, но и функционального метода, утверждая о том, что «в политической экономии все связано, все заключено в круг, так как следствие становится, в свою очередь, причиной» [14, т. 2, с. 139];

5) убежденность в том, что суть кризисов в формирующейся повсеместно постмануфактурной экономике «представляет историю нашего собственного будущего, если мы будем продолжать поступать по тем принципам, которым она (Англия. – Я.Я.) следовала» [14 т. 1, с. 134, 140];

6) обоснование с морально-этических и нравственных позиций вывода о том, что «лучше направленные частные интересы сами исправят то зло, которое они же причинили обществу» [14, т. 2, с. 176].

Причастность к формированию морально-нравственных и реформаторских оснований исследовательской парадигмы экономического романтизма творчества П. Прудона наряду с его предшественником С. Сисмонди очевидна в пропаганде им идей целесообразности таких реформаторских преобразований, которые бы способствовали разукрупнению в промышленности фабрично-заводских, а в сельском хозяйстве фермерских структур. Но если у С. Сисмонди критика принципов экономического либерализма проявляла себя в дискуссии, прежде всего, с такими лидерами классической политической экономии, как А. Смит и Д. Рикардо, то П. Прудон полемизировал не только с «классиками», но и социалистами-

утопистами, отвергая у первых либеральные доктрины, а у вторых, как он выражался, коммунизм. Ведь ко времени выхода в свет его главных сочинений «Что такое собственность» (1840) и «Система экономических противоречий или философия нищеты» (1846) в своих трудах заявили о себе еще и классики «новой волны» Ж.Б. Сэй, Н. Сениор, Ф. Бастиа, Дж.С. Милль и социалисты-утописты К. Сен-Симон, Ш. Фурье и другие.

П. Прудона с родоначальником экономического романтизма С. Сисмонди сближают в числе прочего осмысление ряда ключевых в постмануфактурном периоде теоретико-методологических положений. В частности, это очевидно из прудоновского постулата о том, что работник, даже после получения им заработной платы, сохраняет естественное право собственности на произведенную им вещь. О близости их суждений свидетельствуют и прудоновские определения природы и механизма происхождения доходов, включая его утверждение о том, что мошенническое утаивание ...ведет к обеднению трудящихся, роскоши бездельников и к неравенству условий жизни. Или же, когда П. Прудон утверждает, что труд собственника ...скорее вреден, нежели полезен обществу, ...своим трудом собственник создает жалование, но не доходы и т.д. [11, с. 81, 84, 85, 89].

Ключевые аспекты реформаторской концепции П. Прудона весьма подробно освещены в книгах «Что такое собственность», «Философии нищеты» и в ряде других более поздних работ. В первой из них говорится, в частности, о том, что, по его мнению, «совершать справедливость ...это значит давать каждому равную часть благ, под условием равной суммы труда, это значит действовать соответственно интересам общества» [11, с. 163]. Во второй обращает на себя внимание неприятие им реализации мер по преобразованию хозяйственной жизни революционными насильственными мерами. Ведь полагая так, он в одном из писем К. Марксу, в частности, утверждал: «...мы не должны выдвигать революционное действие как средство социальной реформы, ибо это мнимое средство было бы призывом к насилию, к произволу, словом, было бы противоречием. Таким образом, я ставлю себе следующую проблему: с помощью экономической комбинации ввести в общество те богатства, которые вышли из общества с помощью другой экономической комбинации» [4, с. 511].

Привлекателен также в ряде своих составляющих проект прудоновского реформаторского эксперимента, связанный с организацией посреднических структур – Народных банков (подобно «базарам справедливого обмена» социалистов-утопистов) с целью введения ими дарового (беспроцентного) кредита, упорядочения обмена и товарного обращения, а также совершенствования отношений платежеспособности хозяйствующих субъектов в сфере малого бизнеса. Важное место в реформаторской концепции П. Прудона отводится выпускаемым Народными банками бонам обращения (обмена), которые должны были отличаться от рабочих денег социалистов-утопистов тем, что их предназначение в процессе частных сделок не будет зависеть от уровня стоимости подлежащих реализации товаров, среднего времени производства, средних затрат труда.

Многие ученые, исследовавшие особенности нелиберальной политико-экономической мысли постмануфактурного периода (начиная с К. Маркса и его последователей) нередко небезосновательно подвергают критике прудоновские новации. Но, как полагают в этой связи Ш. Жид и Ш. Рист, претензии к творчеству П. Прудона в известной степени преувеличены в той части, что в них не принимается во внимание главное достоинство его реформаторской концепции. А состоит оно, во-первых, в том, что в ней очевидно «глубокое чувство безусловной необходимости для индустриальных обществ индивидуальной свободы как двигателя экономической деятельности». И, во-вторых, в том, что так как «всякая глубокая реформа должна опираться на эту свободу» и покоиться «на глубоком чувстве экономической реальности», то «и ныне социальная проблема ставится в тех же рамках, в каких поставил ее П. Прудон: реализовать справедливость в свободе» [4, с. 245].

1.4. Коллективистские и реформаторские основания исследовательской парадигмы утопического социализма

Подходы основоположников исследовательской парадигмы утопического социализма во многом аналогичны установкам приверженцев исследовательской парадигмы экономического романтизма. В частности, и те, и другие ставили во главу угла положения не абсолютизации принципов *laissez faire*, не совпадения в условиях экономического либерализма частного и общего интересов и выдвигали в некоторой степени близкие друг к другу реформаторские идеи по деиндивидуализации и делиберализации хозяйственной жизни, устранению социально-экономических кризисов.

Парадигмальные особенности утопического социализма постмануфактурного периода, обусловлены тем, что социалисты-утописты (в силу специфики своих методических аналитических позиций) не приемлют (Р. Оуэн) либо критикуют (К. Сен-Симон и Ш. Фурье) институт частной собственности, осуждают идею и практику экономики ничем не ограниченной свободы конкуренции, видя в последней причину эксплуатации человека человеком, неизбежной монополизации хозяйственной жизни и экономических кризисов. Поэтому в целях обоснования путей решения проблем в современной им «несправедливой» экономической системе они ратуют за реформаторские преобразования, которые, с одной стороны, подтвердят неоспоримые преимущества гармоничного коллективистского взаимодействия трудящихся в сфере крупного и малого бизнеса; а, с другой стороны, обеспечат уничтожение антагонистических классов и конкуренции при сохранении свободы и производственных запросов в рамках рекомендуемых (и организуемых лично) свободных ассоциативных образований трудящихся при сохранении каждым для себя полного продукт своего труда.

В числе именитых лидеров утопического социализма Р. Оуэн явился единственным, кто лично предпринимал попытки социализации хозяйственную жизнь через призму реализации принципов этики, морали, нравственности и справедли-

ности. Одна из такого рода попыток имела место в период 1800 – 1824 гг. в шотландском городе Нью-Ланарке на текстильной фабрике, совладельцем которой он являлся. Причем своим опытом он фактически предвосхитил возникшие спустя почти столетия первые фабрично-заводские законодательные материалы, в соответствии с которыми стало, к примеру, обязательной нормой установление протяженности рабочего времени такой же, как тогда на его предприятии, то есть не 17, а только 10 часов. Общеизвестно также, что в период оуэновских преобразований на балансе его фабрики состояли ясли, детский сад, школа начального обучения для детей и вечернего образования для рабочих. Кроме того, за счет доходов фабрики было создано подразделение сберегательного банка, а также организованы розничные торговые подразделения для удовлетворения потребностей семей фабричных рабочих в товарах бытового назначения и повседневного спроса [3, с. 30 – 34].

Реформаторская концепция Р. Оуэна базируется на постулируемых им положениях о не одномоментном характере требующихся социально-экономических преобразований, а о достаточно длительных во всемирных масштабах мероприятиях по созданию кооперативной ассоциации на основе самоорганизации трудящихся и при господстве общественной собственности в течение требующегося в этих целях переходного периода (до 10 лет). В результате, убежден ученый, сформируется общество будущего, в котором не будет иметь место эксплуатация одним человеком другого человека, установятся местное самоуправление и «новые разумные принципы», позволяющие всем людям быть гарантировано трудоустроенными для наиболее полного удовлетворения своих материальных и духовных потребностей. И, как отмечает сам Р. Оуэн, в числе важнейших задач в рамках требующегося реформирования экономики свободной конкуренции и придания ей неизменно социальной направленности, включая сферу сельского хозяйства и фабрично-заводского производства и организации управления, одной из первоочередных должна стать задача воспитания и формирования характеров членов общества [10, т. 2. с. 189].

Еще один именитый противник либеральных идей классической политической экономии и родоначальник утопического социализма К. Сен-Симон, в духе Р. Оуэна, обосновывал в своих сочинениях необходимость реформаторских преобразований одновременно во всех странах мира и так же, как он, отвергал потрясения революционного насилия. Этот французский ученый постмануфактурного периода особо выделяется в вышеуказанной триаде социалистов-утопистов, прежде всего, своим неумным желанием доказать, что государству (правительству) требуется осуществить «коренную перемену социальной организации» требующимися для этого мерами для «политического утверждения промышленного строя» [13, т. II., с. 230]. Причем такой сценарий реформ по инициативе «сверху» является, по его убеждению, тем «святым начинанием», благодаря которому будет окончательно преодолена анархия, поскольку, во-первых, о цели, путях, средствах и сроках проведения реформы возвестит народу непосредственно первое

лицо государства, имеющее на то полномочие. Во-вторых, потому, что к преодолению анархии будут также причастны такие прогрессивные слои общества, как промышленный класс нации (способный претворить в жизнь общественное мнение о необходимости и неотвратимости процесса осуществления реформ) и ученые (на которых возможно возложить вопросы управления государственным и хозяйственным развитием, воспитательными и иными моральными интересами общества). И таким образом, заключает К. Сен-Симон, станет реальностью его предвидение о том, что социально-экономическое развитие страны и уровень жизни ее трудящихся в значительной мере будут обеспечивать ученые, вследствие чего «наиболее важным дополнением к Академии наук будет образование отделения политической экономии» [13, т. II, с. 256].

Счастливым социально-экономическим будущим в русле парадигмальных исследовательских особенностей утопического социализма (в контексте коллективистских и реформаторских принципов) не менее отчетливо, чем у Р. Оуэна и К. Сен-Симона, интерпретируется и в сочинениях Ш. Фурье, ратовавшего за реформы, иницилируемые самими трудящимися, то есть «снизу». Но, согласно Фурье, саморазрушение общества (вследствие доминирования пропагандируемых «классиками» принципов *laissez faire*) неизбежно по причине неотвратимости в условиях экономики свободной конкуренции усиливающихся кризисов перепроизводства и поэтому только непредвзятые исследователи, не абсолютизируя либерализм, способны своими «открытиями» претворят в жизнь общепланетарные реформаторские (в «промежутке времени в 30 лет») преобразования.

В отношении конечных результатов, рекомендуемых Ш. Фурье преобразований необходимым, представляется отметить, во-первых, о том, что, будучи критически настроенным к частной форме собственности крупных размеров, он все же допускал в своих детально охарактеризованных фаланстерах и встроенных в них фалангах возможность владения собственностью каждым, кто непосредственно причастен к товарному производству. Во-вторых, о том, что, данный французский социалист-утопист, пропагандируя социально-экономические структуры будущего – фаланстеры, считал, что только они способны обеспечить истинную «социальную согласованность» населения на всем земном шаре при единстве «языка, мер, типографских знаков и других средств сношений». И, в-третьих, о том, что, по его убеждению, сам по себе все еще существующий «порядок цивилизации нелеп в частях, как и в целом» [16, т. I, с. 116, 353, 375].

1.5. Истоки системного анализа исследовательской парадигмы немецкой исторической школы

Системный анализ как научный метод познания берет свое начало со сформировавшейся в постмануфактурном периоде исследовательской парадигмы немецкой исторической школы и повсеместно востребован и в наше время. Первый опыт системного подхода в экономической науке, непосредственно связанный с этой школой, позволил ее адептам не только критиковать классическую по-

литической экономии за абсолютизацию принципов экономического либерализма (*laissez faire*), но и впервые опровергнуть методические сентенции классиков о якобы универсальном (космополитическом) характере экономической науки.

Непосредственными родоначальниками и пионерами немецкой исторической школы (как и политэкономического обоснования концепции системного подхода и первого опыта его реализации в истории экономической науки) явились видные немецкие ученые Вильгельм Рошер (профессор Гёттингенского университета), Бруно Гильдебранд (профессор университетов в Марбурге, Цюрихе, Берне и Йене), Карл Книс (профессор Фрайбургского и Гейдельбергского университетов). В частности, В. Рошером выпущены такие сочинения, как «Краткие основы курса политической экономии с точки зрения исторического метода» (1843) и «Начала народного хозяйства» (в 4-х тт.; 1854, 1860, 1881, 1886). Б. Гильдебранд явился автором произведения «Политическая экономия настоящего и будущего» (1848). Что касается К. Книса, то он обрел признание, издав книгу «Политическая экономия, рассматриваемая с исторической точки зрения» (1853; 2-е издание в 1883 году).

Именно немецкий профессорский триумвират Рошер – Гильдебранд – Книс, поставив во главу угла проблему системного метода экономического исследования, выдержал научный спор с, казалось бы, не неоспоримыми каузальными методологическими сентенциями классиков. Усилиями этих ученых и их многочисленных последователей и единомышленников удалось кардинально обновить методологию политической экономии новыми позитивными аналитическими элементами и, прежде всего, системным подходом, предполагающим акцентированное внимание исследователей на следующих трех методологических положениях:

- 1) учет влияния на экономическое развитие страны социальной среды, в том числе «человеческого фактора»;
- 2) выявление взаимосвязи и взаимообусловленности экономических и неэкономических факторов и категорий;
- 3) определение места и роли неклассовых критериев в исследовании фаз и этапов развития общества.

Указанные методологические положения немецкой исторической школы фактически явились некими ответами экономической науки на вызовы хозяйственной жизни постмануфактурного периода, сопровождавшегося перманентными кризисными явлениями. Причем важно учесть, что возникшая благодаря этой школе принципиально новая методологическая парадигма базируется на принципах учета влияния на экономический рост всей совокупности факторов и противопоставлении каузальному методу анализа функционального и исторического методов анализа. Ее реализация предполагает (также вопреки классикам) историко-экономические (с неклассово-формационных позиций) оценки развития форм, видов и этапов хозяйствования, обоснование идей целесообразности социальных реформ на принципах *laissez faire* (экономического либерализма).

Принципиально новым и значимым в контексте системного аналитического подхода стало, пожалуй, то, что немецкие авторы, наперекор «классикам» указали в своих сочинениях на неуниверсальный характер политической экономии как науки. Они впервые и небезосновательно утверждали о том, что результативность процессов хозяйственной жизни зависит одновременно как от экономических (базисных), так и от многообразных факторов неэкономического (надстроечного) свойства, включая «человеческий фактор», то есть, как принято говорить, от факторов социальной среды. Причем в числе неэкономических факторов чаще всего ими упоминаются национальные особенности и традиции, своеобразие исторического развития нации (и ее менталитет), историческая случайность, географические условия страны, особенности национальной культуры, психологии, религии и другое.

Важно также отметить, что благодаря неклассовоформационному историзму, как важнейшему инструменту для научных изысканий и обновления экономической науки, немецкая историческая школа достигла несомненных позитивных результатов. Подтверждение тому – не просто сам факт издания ее авторами ряда первых крупных фундаментальных историко-экономических монографий, а скорее то, что результаты этих исследований вызвали в дальнейшем весьма полезные дискуссии, способствовавшие на практике эффективным хозяйственным решениям в области многих актуальных социально-экономических проблем. Поэтому, по мнению американского историка экономической мысли Б. Селигмена, «представители немецкой исторической школы подняли бунт против казавшейся им жесткой классической доктрины», учли «возросшее сознание роли, которую играет человеческий фактор», усомнились «в том, достаточна ли простая имитация физики для разработки практически полезной общественной науки» [12, с. 20, 23].

Можно утверждать, что главная заслуга вышеуказанного триумvirата немецких профессоров для судеб экономической науки в прошлом и настоящем заключается, конечно же, в выработке основ методологических положений современного системного подхода. Руководствуясь их нововведениями, впоследствии (с определенными важными новыми аналитическими нюансами) внесли свою лепту в область данной проблематики родоначальники неоклассического направления экономической мысли – неоклассицизма, социально-институционального направления экономической мысли – американского институционализма, а также кейнсианских и неолиберальных теорий государственного регулирования экономики.

Представители исследовательской парадигмы немецкой исторической школы, полагает известный российский экономист Н.Д. Кондратьев, опираясь «на факт многообразия и динамичности исторической жизни ... отрицают возможность абстрактных законов политической экономии вообще и законов экономического развития в частности», исходят из «относительности законов хозяйствен-

ной жизни», пытаясь «дать конкретные эмпирические законы развития хозяйства» [5, с. 97]. Иными словами, данная школа исходит из того, что экономические законы не тождественны природным законам (химическим, физическим и т. п.), которые неизменно проявляют себя благодаря стабильному характеру вызывающих их действие заранее известных элементов и компонентов.

Наконец, если у классиков историзм проявляет себя посредством выделения на различных этапах эволюции народов и государств «высших» и «низших» (главных и неглавных) классов общества, то немецкие авторы, обосновывая фазы, этапы и схемы экономического развития общества на всем протяжении исторического пути нации, классовому критерию противопоставили сугубо хозяйственный. Благодаря неклассовоформационному историзму немецкая историческая школа достигла несомненных позитивных результатов, что подтверждается как фактами издания ее авторами фундаментальных историко-экономических монографий, так и результатами вызвавших этими исследованиями полезных дискуссий по многим актуальным и в настоящее время социально-экономическим проблемам.

Литература

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994.
2. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса / Пер. с англ. под ред. А.А. Фофонова. СПб. : Экономическая школа, 2005.
3. Волкова Е. Пророк «Разумного общества». Роберт Оуэн. Его жизнь и деятельность. 3-е изд. М.: Моск. союз потребительских обществ, 1917.
4. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений: Пер. с фр. / Предисл. Я.И. Кузьмина. М.: Экономика, 1995.
5. Кондратьев Н.Д. Избр. соч. М.: Экономика, 1993.
6. Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма. В кн.: Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. Т. I. М.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1937. С. 13-129.
7. Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961. Т. 23.
8. Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. III. – М.: Политиздат, 1964.
9. Негиши Т. История экономической теории: Пер. с англ. под ред. Л.Л. Любимова и В.С. Автономова. М.: АО «Аспект-Пресс», 1995.
10. Оуэн Р. Избранные сочинения. В 2 т. М. – Л.: Издат-во Акад. наук СССР, 1950.
11. Прудон П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. М.: Книгоиздательство анархистов-коммунистов «Светлая Звезда», 1919.
12. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.

Ядгаров Я.С.

13. Сен-Симон К.А. Избранные сочинения. В 2 т. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948.
14. Сисмонди Ж.С. Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. В 2-х т. М.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1937.
15. Феномен рыночного хозяйства: теоретические и эмпирические исследования проблем коммуникации: монография / под ред. д-ра экон. наук, профессора Сидорова В.А, д-ра экон. наук, профессора Ядгарова Я.С, канд. экон. наук, доцента Чапли В.В. – Лондон, издательство LSP – 2018.
16. Фурье Ш. Избранные сочинения в 4 т. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951-1954.
17. Хайлбронер Р.Л. Философы от мира сего / пер. с англ. И. Файбисовича. М.: Астрель, 2011.
18. Ядгаров Я.С. История экономических учений: учебное пособие для вузов / Я.С. Ядгаров. (4-е изд., перераб. и доп.). – М.: ИНФРА-М, 2012.

MARKET ECONOMY IN THE CONTEXT OF NON-LIBERAL POLYTECONOMIC RESEARCH PARADIGMS OF POST-MANUFACTUR PERIOD

Yadgarov Y.S.

*doctor of Economics, Professor, head section «History of economic thought»
of the Department of economic theory, Financial University under the Government
of the Russian Federation*

Abstract: in this work, through the prism of Marx and modern conceptual approaches, the historical prerequisites for the emergence, the main features and characteristics of illiberal political and economic research paradigms in the post-manufacturing period of the evolution of economic science are examined. A criticism of the absolutism of the principles of economic liberalism of theoretical and methodological values of the leaders of classical political economy is disclosed, the moral and reformist innovations of the founders of the research paradigms of economic romanticism, utopian socialism, as well as adherents of the German historical school, committed to a systematic analysis, began. The concluding conclusion is substantiated that the representatives of the illiberal political and economic research paradigms of the post-manufacturing period have outlined the current and modern times directions and mechanisms of reforming and harmonizing the market economy under various forms of ownership and business.

Key words: market economy; illiberal political and economic research paradigms; post-manufacturing period.

УДК 330.34

**«ВЕЛИКОРУССКИЙ АВОСЬ» И РЫНОК: КТО КОГО?
НЕСОСТОЯВШИЕСЯ АЛЬТЕРНАТИВЫ
РЫНОЧНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ XX ВЕКА**

Скворцова Е.М.

*кандидат исторических наук, доцент, департамент социологии,
истории и философии, Финансовый университет при Правительстве РФ*

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема возможностей рыночного развития экономики в советский период. Особое внимание уделяется эпохам НЭПа, послевоенному периоду и концу XX столетия как переломным моментам отечественной социально-политической и экономической истории. Автор акцентирует внимание на геополитических вызовах времени и системных ограничителях, препятствовавших разворачиванию рыночной альтернативе хозяйствования в стране. В работе используются методы конкретно-исторического, историко-экономического и философского анализа. Новизна работы заключается в установлении связи между ментальными, геополитическими и конкретно-историческими факторами развития социально-экономических процессов в бифуркационных точках истории.*

***Ключевые слова:** рыночное хозяйство, альтернатива, геополитические вызовы, менталитет, национальная психология, индустриализация, кооперация, модернизация, фермерство, научно-техническая революция, административная монополия, холодная война, трудовой энтузиазм, интенсификация, теневая экономика, шоковая терапия, протекционизм, свободная торговля, приватизация.*

В Отечественной истории XX век стоит особняком. Его можно назвать эпохой переломов. Более или менее плавное течение жизни страны прежних времен прервалось, и Россия попала на трек виражных гонок. Кое как справляясь с управлением в режиме бешеного темпа, она старалась удержаться на крутых поворотах истории, выровнять бег. Но это ей удавалось ненадолго. Сценарий зигзагообразного движения преследовал Россию с неумолимой повторяемостью: новый крутой вираж приводил к необходимости разрешения проблем по адаптации вызова к сложившимся условиям страны. Частота подобных стрессов нарастала обратно пропорционально падению способности здоровых сил страны адекватно реагировать на вызовы. Истощение организма России привело в конце концов к шизофреническому эффекту, выразившемуся в деятельности политического истеблишмента в последней четверти XX столетия.

Чем объяснить тот факт, что страна почти не выходила из зоны бифуркации в предшествующем веке? Можно дать стандартный набор объясняющих причин: резко и быстро менявшаяся геополитическая среда, предельно высокая степень

неразрешённости внутренних проблем, необходимость бега вдогонку за передовыми странами во имя самосохранения, гигантский размер государства, низкая мобильность власти, отсутствие среднего класса и т.д. Однако за всеми этими видимыми причинами кроется ещё нечто, что себя не афиширует, но действует как скрытая команда, которая заставляет всю эту гигантскую машину под названием Россия совершать странные для передового мирового сообщества действия. Даже тогда в начале XX столетия, когда страна шла, казалось бы, в русле общемирового развития, на нас смотрели с нескрываемой опаской – что, мол, ещё Россия может выкинуть?

И она выкинула в мировое пространство целую эпоху, которая никак не вписывалась в представления прагматичного Запада о путях развития человечества. Эту эпоху сформировал особый ген культурной информации, который вслед за Ричардом Докинзом принято называть «эгоистическим геном». Этот ген или, как ещё говорят, мем представляет собой фундаментальный передаваемый из поколения в поколение смысловой узел архетипа коллективного бессознательного россиян. Именно он, вступив в противоречие с определяющим направлением исторической эволюции человечества, создал зону повышенной бифуркации российской общественно-политической среды в XX веке и вел страну по ухабам её истории, героически отстаивая право на собственное существование с всё большей безнадежностью для себя.

Почти каждый русский историк знал о существовании этого мема и исследовал его влияние на жизнь народа. Наиболее глубоко и тщательно он описан В.О. Ключевским в «Психологии великоросса»: «Народные приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии. Она часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса; своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось... Житейские неровности и случайности приучили его больше обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший... В борьбе с неожиданными метелями и оттепелями, с непредвиденными августовскими морозами и январской слякотью он стал больше осмотрителен, чем предусмотрителен, выучился больше замечать следствия, чем ставить цели. Это умение и есть то, что мы называем задним умом крепок... Природа и судьба великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу» [2].

С чем же столкнулся «великорусский авось» в XX веке, что так глубоко пропахало мировой исторический тракт и его русскую просёлочную колею? Рос-

сия с петровских времен по необходимости пристраивалась к передовому мировому сообществу, правда, сохраняя за собой исключительные права. Возможность на такой эксклюзив резко поуменилась в эпоху завершения формирования государственно-капиталистической мир-системы в начале XX века, и почти исчезла в глобализующемся мировом пространстве его конца. Зажатая в тиски исторической обусловленности, Россия трепыхалась, как пойманная в клетку птица, она обламывала свои крылья, не понимая, что перед ней непробиваемая стена решётки, что ей придется петь в неволе нового мирового порядка и превратиться из жар-птицы в обычную прирученную домашнюю канарейку. Но петь, как канарейка, Россия всё равно не смогла. Жар-птицы пронзительно кричат.

Что с чем вступило в неразрешимое противоречие на заре XX века? Россия оставалась аграрной страной, две трети населения которой являлись носителями мема «авось да, небось». Правительственная попытка раскрестьянить Россию, создать класс русского фермерства и погасить оппозиционное настроение сельских тружеников натолкнулась на своё главное препятствие – нежелание большей части деревни вести хозяйство на рискованный рыночный манер. Главное чаяние крестьян – земля – находилась в руках помещиков, которые, как и крестьяне, в своей значительной части были не способны к полноценному рыночному поведению. Те немногие Штольцы и Левины, хотя и обеспечивали вместе с капиталистами крестьянами зерновой экспорт России, но внутри российской социальной среды продолжали оставаться белыми воронами и отторгались массовым сознанием сограждан как нечто чужеродное и опасное. Смекалистое российское купечество и выросшая из его недр буржуазия имели бледное общественное лицо, которое стыдливо прятали перед властью, прикармливавшей их со своей щедрой руки. Молодой рабочий класс, казалось бы, мог выступить носителем рыночного порядка жизни, поскольку продавал собственную трудовую силу, но на деле он был малочисленен, молод, попал в зону повышенного внимания радикалов и оказался тесно связанным со всё тем же крестьянством.

Так, «домотканая», с недораскрывшимся рыночным потенциалом, но, в общем-то, благополучная для самой себя самодержавная крестьянская Россия, сумевшая справиться с тяжелыми последствиями мирового экономического кризиса 1900–1903 гг., преодолевшая позорное поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг., отразившая революционное цунами 1905–1907 гг., оказалась беспомощной перед лицом надвигавшихся крутых глобальных перемен. Втянутая в воронку мировых противоречий на стадии резкого усиления неравномерности развития капиталистической мир-системы, Россия должна была продемонстрировать в ходе глобального военного конфликта 1914–1918 гг. свою конкурентоспособность или пасть на поле боя, освободив место на земной сцене более способным актерам общечеловеческой драмы.

Однако, вопреки очевидным ожиданиям, катастрофически неготовая к войне, бездарно растратившая в ней свой золотой человеческий потенциал и ма-

териальный ресурс и даже не севшая за стол парижских переговоров, Россия вышла из мировой мясорубки победителем, но не в деле делёжки версальского пирога, а победителем над собой. Воистину вспомнишь слова В.О. Ключевского о том, что природа и судьба приучили великоросса «выходить на прямую дорогу окольными путями». В стране победила воля трудового народа, обретшего в лице большевистской партии и её вождя В.И. Ленина достойных защитников своих истинных интересов. Победа советской власти и в октябрьские дни 1917 г., и в гражданской войне 1918–1920 гг. зиждилась на одной мощнейшей предпосылке – аграрной платформе большевиков, которую они неукоснительно и последовательно претворяли в жизнь, не идя ни на какие компромиссы с силами защиты крупного частного землевладения. Популярная в крестьянской среде аграрная программа партии эсеров только потому не могла быть реализована, а партия стать правящей, что её лидеры пошли на соглашение с буржуазными силами страны.

В годы революции и гражданской войны страна встала перед новым вызовом истории. Партия большевиков под руководством В.И. Ленина училась адаптировать абстрактные коммунистические идеалы и положения своих политических программ к живому и искромсанному телу России. Говоря словами Ленина, Россия в эти годы была «похожа на человека, которого били-били, но не добились». На полях сражений страна потеряла миллионы своих граждан. Эмиграция отняла другие миллионы. Родственников разводила по разную сторону баррикад идеология. Власть безжалостно ампутировала зараженные части тела страны, чтобы спасти от гибели организм в целом. И спасли, сохранили самое главное и жизненно необходимое, то есть трудового человека – опору будущего процветания страны, и не просто сохранили, но и нашли к нему единственно возможный на том этапе подход. Но этот подход никак не мог быть связан со стандартами рыночного поведения человека, основанного на не писанном кодексе жесткой глубоко индивидуализированной конкуренции с целью получения, прибыли для себя. По такому пути страну невозможно было бы организовать на подвиг защиты идеалов социалистической революции, скорейшего восстановления народного хозяйства и ускоренного модернизационного рывка, без которого революционные победы оказались бы напрасными. Большевики обратились к трудовому люду России с надеждой на фундаментальный инстинкт русского человека, глубоко коренившийся в народной психологии, – его способность к самоотвержению во имя общего блага.

Поддерживая подобные настроения в обществе, власть комплементарно и взвешенно, с учетом фактора национального мема, настраивала рычаги материального стимулирования жизни простых тружеников. Прежде всего, по классовому принципу проводилась продрозверстка, неукоснительно соблюдался Декрет о земле и Закон о социализации земли, поддерживались справедливые принципы распределения продуктов в условиях дефицита военного времени, реализовывалась старорусская домостроевская программа «кто не работает, да не яст», и, наконец, руководители страны подавали личный пример, выходя на трудовые

субботники наравне с простыми рабочими. Общество равных возможностей и самоуправления трудящихся, справедливая зарплата, привлечение «прачек и кухарок» к управлению страной – такое будущее грезилось кремлёвскому мечтателю и его команде. Было только одно «но»: раздав землю крестьянам, большевики обеспечили господство мелкотоварного хозяйственного уклада, неизбежно порождая рыночные отношения. И если военное время сглаживало противоречие между социально-экономической реальностью и политическими надеждами большевиков, то в условиях стабилизации мирной жизни после окончания гражданской войны оно вышло на первый план и превратилось в новый грозный вызов власти.

Был ли НЭП тем реальным рыночным прорывом, который бы смог изменить лицо страны и её народа, был ли он «всерьёз и надолго»? 125 млн. крестьян, организованных в 25 млн. индивидуальных хозяйств, из 144 млн. человек по переписи 1926 г. – показательны ли эти цифры? А ведь эти данные приведены на самый благополучный финансово-хозяйственный год. Завершилось восстановление народного хозяйства, стабилизировались деньги, началась в рамках программы индустриализации реконструкция расконсервированных промышленных государственных предприятий. Крестьяне, отдававшие по продналогу лишь десятую долю произведенного продукта в денежном исчислении, подчистую подмели все промтовары, цены на которые благодаря чекистским усилиям ведомства ВСНХ в лице его главы Ф.Э. Дзержинского были резко снижены. Ленинская программа развития кооперации деревни не встречала сопротивления ни сверху, ни снизу. И всё же, куда шла крестьянская Россия, впервые и единожды за всю историю своего существования оказавшаяся в зоне наибольшего благоприятствования?

Ответ парадоксальный: она как всегда никуда не шла, а просто жила, как ей было удобно, приспособившись к себе новую власть. Эта тихая спокойная жизнь могла бы продолжаться очень долго и меняться бы очень медленно под влиянием внутренних начал. Возможно, она вылилась бы в реализацию какого-то крестьянского мифа о сытой жизни без барина и без тяжелого труда. Пойти по сценарию фермеризации эта альтернатива имела мало шансов в 1920-е годы, ведь со времен П.А. Столыпина ничего толком не изменилось ни в психологии крестьян, ни в фундаментальных основах их жизни, если только не считать недостатка у крестьян земли-кормилицы и малых платежей в государственную казну. Но это крестьянское землевладение оставалось все тем же распоряжением, а не частной собственностью, к которой сельские труженики не особенно то и стремились. В большинстве своем их мало беспокоило, от имени кого они распоряжаются землей, от имени ли общества или от имени государства, главное, чтобы земли хватало на безбедную жизнь. Сохранялся на этом этапе в неизменности и минималистский тип трудовой и потребительской этики, тем более что государственная промышленность эпохи НЭПа не могла его коренным образом изменить, предоставив крестьянам изобилие привлекательных дешевых промтоваров. Для этого необходимо

было приоритетно развивать лёгкую промышленность, а курс 1925 г. взял крен в прямо противоположную сторону. Да и полноценный рынок советская власть допустить не могла по идеологическим соображениям.

Отмеченные противоречия эпохи НЭПа затянули петлю на горле традиционного крестьянского благополучия. Медленного поэтапного вращивания сельских тружеников в социализм через кооперацию и развитие экономических взаимовыгодных отношений с государственным сектором не получилось, страна оказалась в очередной ловушке. Новому руководству государства во главе с И.В. Сталиным необходимо было в кратчайшие сроки разрешить сложную альтернативу: либо сохранить положение мелкого сельского товаропроизводителя, подогнать под него приоритеты промышленного развития и дальше учиться управлять стихией рынка во имя безопасности социалистического строя, либо, сохранив взятую в 1925 г. ориентацию на развития тяжпрома, ускорить его, перестроив под эту задачу психологию и жизнедеятельность крестьянского мира и превратив деревню в донора сверхиндустриализации.

Надо заметить, что оба пути были непомерно сложными, непредсказуемыми, тернистыми. Мы знаем, что реализовали второй путь и знаем, сколько шишек набили на нем. Думается, что и тот другой, первый путь, для большевиков был вполне возможен, хватило бы и ума, и сил с ним справиться, и был бы он также не менее ухабист, нежели первый. Но вмешалось очередное «но», его раньше теоретиков уловили политики-практики, его недоучёт в нужный момент мог привести страну на очередной край её истории. Именно это «но» заставило команду практика Сталина, имевшего не только уникальный исторический нюх, но и способность всё претворять вовремя, реализовать второй путь. Политическое обоняние Л. Троцкого и Е. Преображенского включилось до срока на волне расцвета НЭПа и поэтому сыграло роковую роль для своих носителей.

Мир шел семимильными шагами ко второй мировой войне. Её опасность люди почувствовали не сразу, хотя сегодня задним числом историки безапелляционно утверждают идею изначальной чреватости версальской системы международных отношений новым планетарным катаклизмом. Но это делают историки, а современники межвоенного периода не могли надыхаться миром и надеялись, что он будет продолжаться вечно. Мировой экономический кризис 1929 – 1933 гг. выступил фактором-катализатором новой войны. Мировая история повторилась во второй раз всего лишь за полвека. Для политиков это означало взятие курса на милитаризацию экономик своих держав, а для дипломатов – шахматные многоходовые лжеманевры с целью оттяжки времени вступления в войну своих армий.

СССР вынужден был включиться в эту игру не по доброй воле, а в силу глубокой включенности в систему международных отношений, которую не отменили ни социалистическая революция, ни изоляция, ни отказ платить по долгам царского и временного правительств, ни инициированная нашей страной практика разжигания мирового революционного пожара под эгидой Коминтерна. При

этом пока мы почивали на лаврах своего мелкотоварного рая, Запад далеко продвинулся в современных производственных и военных технологиях. Мы, как и в допетровское время, стояли и моргали глазами, пока мимо нас на бешеном ходу промчался западный локомотив. Очнувшись от оцепенения, мы бросились догонять его с вилами и шашками наголо. И опять догнали и даже немного на каких-то перегонах опережали движение этого поезда. В эпоху индустриальной модернизации такие трюки ещё можно было совершать, но какой ценой? Для СССР это была цена жизни миллионов людей, которую они отдавали как добровольно, истощаясь с энтузиазмом на стройках первых пятилеток, так и принудительно, работая под надзором карабинов в Архипелаге Гулаг.

Теперь ученые экономисты и историки, исследуя эпоху первых пятилеток, говорят о власти-собственности как окончательно сформировавшемся типе управления страной с высоким уровнем насилия над массами во имя осуществления модернизационных прорывов, которых иными путями достичь было невозможно [5]. В этом есть доля правды. Но не вся она. В этих разговорах не хватает человека, его судьбы в истории, судьбы крестьянина, рабочего, управленца, творческой личности. Все они, и рядовые труженики, и руководители предприятий, и высшие чины государства, творили ту жизнь, приводили своей душевной энергией маховик истории в действие. На что у них была надежда? Они сообща, не жалея сил поднимали страну из её дремотного небытия, чтобы спасти себя, своих детей и дать ей путевку в большую жизнь. Пожалуй, впервые в нашей российской истории именно народ выступал её главным творцом, выступал осознанно и бескорыстно, работал не на барина, чиновника, хозяина, а во имя светлого будущего грядущих поколений. Сегодня эти слова почти под запретом, их стало как-то неудобно произносить, почти некультурно так говорить. Но именно эти настроения людей подняли великий Советский Союз к его великому будущему. А главный двигатель прогресса – уважительное отношение власти к созидательному труду во имя общего блага, который давал человеку высокое назначение в жизни, поднимал его над её темными сторонами, позволял людям чувствовать себя равными друг другу и равноценными. Исторический опыт воспитания такого человека – большая заслуга нашей страны в предвоенные годы.

Война наглядно продемонстрировала способность народа и власти к уникальной самоорганизации и сотрудничеству во имя самосохранения. Подобный опыт свидетельствует о жизнеспособности страны, взявшей в 1917 г. курс на создание государства трудящихся. Какие бы факты не приводили в опровержение этого постулата, все они только подтверждают его истинность от противного. Ни коллаборационизм, ни депортации, ни отдельные факты неумелого руководства войсками не отменяют главного – народ погибал на полях сражений во имя сохранения страны в том её виде, какую он создал перед войной. Гитлеровскую военную машину, хорошо отлаженную на деньги крупного капитала Запада, сломал советский народ, который только что вышел из пелёнок своего дремотного крестьянского существования. Мы долго запрягали свою индустриальную машину,

но быстро поехали на ней. Вряд ли мы смогли бы поспеть к началу войны, если бы форсированными темпам не перевели на положение рабочего класса почти половину крестьянского мира в ходе индустриализации 1930-х годов и, если бы не обучили людей грамотности в ходе культурной революции. Так эпоха перенапряжения сил государства и его граждан перед войной и в её годы не давали нашей стране опомниться и позаботиться о развитии начал экономической самоорганизации народнохозяйственного организма. Не было ни времени, ни ресурсов.

Изменилась ли ситуация после окончания Второй мировой войны? Внешне, казалось бы, да. Советские люди почувствовали себя в большей степени раскрепощенными, ибо от их находчивости, смекалки, инициативы нередко на полях сражений зависели жизни многих людей. Советский солдат с освободительной миссией прошел пол Европы и поднабрался ума и опыта, став свидетелем совсем другой жизни, менее зарегулированной и более благополучной. Многие возвращались на Родину с желанием попробовать свои силы на новый экономический манер. Это касалось и простых тружеников, и работников среднего и высшего управленческих звеньев. Эти настроения в первую очередь уловил радар людей творческих профессий, обладавших повышенной чувствительностью к общественным переменам. При обсуждении проекта новой Конституции, развернувшимся сразу после окончания войны, вносились предложения о предоставлении трудящимся права на индивидуальную коммерческую деятельность в границах, обозначенных социалистической законностью.

Сразу после войны, коммерческая деятельность процветала, но только не под эгидой закона, а вопреки ему. Толкучки, барахолки, торговля и бартерный обмен с причудливыми эталонами эквивалентности, нажитые на людской беде состояния, детская беспризорность и преступность, мародёрство, грабёж – это на одной стороне жизни, а на другой – подвиг женщин, детей, стариков, на своих плечах и почти безвозмездно поднимавших послевоенное сельское хозяйство, героический труд мужчин, выведивших промышленность городов из руин. Была и третья сторона – Гулаг, где советские заключенные трудились не только из-под палки, но и на началах социалистического соревнования, что поражало и современников, и не устаёт поражать потомков. Дополнял эту картину ещё и труд военнопленных, внесших немалый вклад в скорейшее восстановление экономики СССР. Казалось бы, столько положительных факторов восстановления, к которым добавлялись гигантские репарации, полученные нашей страной по Потсдамским соглашениям, что можно было бы власти и пойти на смягчение режима, да ещё и при таком-то героическом народе. Но этого не только не произошло, но, наоборот, государственно-политическая система воспроизвела себя с ещё большей жесткостью в сравнении с предвоенными годами. Почему так случилось вопреки ожиданиям широкой общественности, питавшейся послевоенными настроениями высокого морального подъема и глядевшей в будущее с надеждой на смягчение режима?

Советский Союз силой исторической непреложности вновь встал перед лицом очередного вызова времени. Третья научно-техническая революция, начавшаяся после окончания Второй мировой войны и вызванная этой войной, выдвинула перед страной задачу экономического гиперускорения вкупе с неизбежной для её решения перестройкой народного хозяйства на интенсивный путь развития. Он нацеливал на преодоление структурных и региональных диспропорций традиционного типа хозяйствования и ослабление административной монополии.

Этот приоритет наткнулся на целый ряд как новых, так и исторически заданных ограничителей. Первым в их ряду стояла экстенсивная экономическая традиция, обусловленная гигантскими размерами государства и неисчерпаемостью его ресурсов. Её усиливала созданная в годы предвоенных пятилеток жесткая система государственного социализма с распределительным типом экономики. Во весь рост после войны встала задача равномерного экономического развития регионов, значительно удаленных от центра и имевших глубокие различия и несопоставимые стартовые уровни. В социалистический эксперимент после войны включались республики, присоединенные в 1939–1940 гг.

Начавшаяся в 1946 г. «холодная война» втянула страну в беспрецедентную гонку ядерных вооружений, изматывавшую советскую экономику почти полвека. К этому надо добавить утрату трети нажитых до войны материальных ресурсов государства и 27 млн. человеческих жизней его граждан. Необходимость поддержания мировой системы социализма изымала из государственного бюджета миллиардные средства. Мы должны были учитывать колебания мировых цен на экспортировавшиеся энергоносители, затрачиваться на издержки удорожания процесса добычи энергоресурсов, отражать негативные демографические процессы, эхом отозвавшиеся после войны. Но это только видимая часть айсберга, таранившего воды советского моря-океана. Главная его опасность заключалась в изменениях настроений широкой общественной среды. Из десятилетия в десятилетие советский народ всё дальше отходил от соприкосновения с глубинной правдой социалистического образа мышления и жизни. В его повседневность врывались отголоски и шумы потребительского рая зарубежья. Иссякал главный двигатель прогресса советской экономики – трудовой энтузиазм населения. По иронии судьбы этот ручеек пересох именно тогда, когда советское правительство стало куда более остро ощущать заботиться о повышении уровня материального благосостояния людей.

В ходе развертывания этих условий и противоречий советская экстенсивная экономическая модель развития начала давать устойчивые сбои, а её интенсивный заместитель не успел включиться. Проработка коренных проблем интенсификации народного хозяйства требовала времени и опыта. В 70-е годы XX века уже были сделаны первые важные конструктивные шаги – нащупано оптимальное направление интенсификации народного хозяйства посредством совершенствования хозрасчетных производственных отношений, инвестирования научно-производственных и агропромышленных комплексов, финансирования программ

по развитию сельского хозяйства, лёгкой промышленности, сети инфраструктуры и жилищно-коммунального хозяйства. Но страна снова попала в свою очередную «историческую черную дыру» – перестройку. У советских хозяйственников, как когда-то у П.А. Столыпина, не оказалось тех требуемых двадцати лет спокойной жизни, чтобы получить новую советскую Россию.

Пришедшее к власти в 1985 году новое поколение советских руководителей во главе с М.С. Горбачевым начало осуществлять концепцию перестройки, экономическим стержнем которой выступала идея перевода централизованного планово-государственного хозяйства на рыночную, товарно-денежную основу в рамках социалистического типа отношений. Децентрализация управления экономикой привела уже в 1988 году к разбалансировке старого хозяйственного механизма, не скомпенсированного, однако, настройкой на новые рыночные основания. Стабилизационная программа не включилась в силу резкого упадка народного хозяйства и отсутствия в стране свободных товарных и денежных потоков. Рыночные стимулы экономики тормозились ростом ажиотажного спроса на самые необходимые товары, усилившейся инфляцией, дефицитом госбюджета. Неизбежным побочным продуктом всех этих деструкций стала легализация капиталов «теневой экономики» в рамках легитимации индивидуальной трудовой деятельности. Частная инициатива оказалась направленной не на производство, а в сферу услуг и товарооборота, где ежегодно отмывалось до 90 млрд. рублей.

В годы постперестройки был осуществлен переход к политике экономического либерализма и фритредёрства. Под ударом оказалась многовековая традиция протекционизма, которой придерживались Романовы и большевики. Рыночные механизмы регулирования производства, на действие которых уповали авторы программы «шоковой терапии», не заработали в предполагаемые сжатые сроки. Их настройка требовала значительно большего времени в силу исторически сложившихся в России общественных условий.

Современная экономика России не в лучшую сторону поменяла свои хозяйственные приоритеты. От преимущественного развития отраслей военно-промышленного комплекса она перешла к топливно-сырьевой ориентации и перекатке средств в непроизводственные подразделения с быстрым оборотом капитала – сферы товарооборота, услуг, финансов. Принимаемые правительственные программы структурных перестроек экономики в условиях «дикого» рынка, перекатки капитала за рубеж и криминализации хозяйственных отношений большого эффекта не дают. Дестабилизирующим фактором является также втягивание российской экономики в глобальные экономические кризисы при сохранении её периферийного положения в системе мировых экономических отношений. Следствием неизбежно становится нарастающее технологическое отставание страны, которое в условиях четвертой промышленной революции может привести Россию к национальной катастрофе.

Скворцова Е.М.

Литература

1. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. – М.: Эксмо, 2011.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция XVII. Психология великоросса // URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/.kluch18.htm>
3. Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в Наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2003. – М.: Рос-СПЭН, 2004. С. 20–54.
4. Нуреев Р.М. Экономическая история России (опыт институционального анализа): учебное пособие / Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. – 2-е изд., перераб. – М.: КНОРУС, 2016.
5. Цирель С.В. «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов // Общественные науки и современность, 2006. № 3. С. 119–131.
6. Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. – М.: Наука, 2006.

«VELIKORUSSKY AVOS» AND MARKET: WHO? FAILED ALTERNATIVES TO MARKET DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL CHALLENGES OF THE 20TH CENTURY

Skvortsova E.M.

candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: *the article considers the problem of opportunities for market development of the economy during the Soviet period. Special attention is paid to the epochs of NEP, the post-war period and the end of the 20th century as turning points of domestic social, political and economic history. The author focuses on geopolitical challenges of time and systemic restrictions that prevented the deployment of a market alternative to economic management in the country. In work methods of the concrete historical, historical and economic and philosophical analysis are used. The novelty of the work is to establish a link between mental, geopolitical and specific-historical factors of development of socio-economic processes in bifurcation points of history.*

Key words: *market economy, choice, geopolitical challenge, mentality, national psychology, industrialization, cooperation, modernization, farming, technological revolution, administrative monopoly, cold war, labor enthusiasm, intensification, shadow economy, shock therapy, protectionism, privatization.*

УДК: 330.354

ФЕНОМЕН РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕГИОНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Попадюк Н. К.

Доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

***Аннотация.** Статья показывает, что в условиях нарастающего глобального финансово-экономического кризиса необходимы другая теоретико-методологическая парадигма, способная объяснить его коллизии применительно к особенностям рыночного хозяйства в регионах постсоветского пространства. Такими возможностями обладает прежняя отечественная научная обществоведческая школа. Показано, что, неявно признавая специфику японской рыночной модели, научная общественность игнорирует национальные особенности на постсоветском пространстве становления рыночных моделей. Между тем успешность отладки национальных моделей во многом зависит от исследования особенностей, присущих именно конкретной национально-цивилизационной модели*

***Ключевые слова:** нарастающий глобальный финансово-экономический кризис, глобализация, либерально-рыночная идеология, культурно-цивилизационная национальная модель организации экономики и управления, специфика исторически развившихся форм собственности, власть-собственность.*

Сегодня, когда стало очевидным, что экономическая наука mainstream'а либерально-универсалистского толка не в состоянии не только должным образом охарактеризовать разворачивающийся глобальный финансово-экономический кризис, но и объяснить его даже в странах европейского цивилизационного ареала, не говоря уже о странах, позже примкнувших к «мировому» рыночному хозяйству, особенно возрастает актуальность использования тех наработок, которые существовали в отвергнутой в связи с переходом к рынку отечественной политической экономии. И здесь выясняется, что пространство для содержательного исследования и понимания происходящих процессов значительно шире, несоизмеримо глубже и системнее. Более того, выявляются интересные параллели в процессах, какие англо-американским либерализмом даже не рассматривались. Так, просматриваются параллели между тем, как национальными элитами республик бывшего СССР в позднее советское время не воспринималась иная точка зрения на нарративы собственной экономики чем та, которая была «прописана» идеологически, так и в настоящее время в странах, совершивших 30 лет тому назад переход «всех вдруг» к рыночным отношениям, игнорируется своеобразие и специфика феномена рыночного хозяйства в регионах постсоветского пространства и

шаблонизируются хрестоматийные нормы, какие должны быть, а то, что никак не укладывается в «прокрустово ложе» привычных догм, объявляется ничтожным.

Между тем и в советское время были ученые политэкономы, которые отстаивали точку зрения на то, что, наряду с общесоциалистическими формами производственных отношений, существовали и такие формы, которые имели национальную специфику. Об этом писал известный ученый советского Узбекистана, зав. отделом Института Экономики АН УзССР проф. И.Б.Блиндер [1]. Серьезным исследованием специфики производственных отношений в среднеазиатском обществе в Советском Союзе была работа ученого из МГУ им. М.В. Ломоносова С.П. Полякова [2].

В частности, С.П. Поляков писал: «Анализ экономических структур азиатского общества в подавляющем большинстве исследований просто неверный. Изобретение «азиатского» феодализма, как полной аналогии европейскому обществу, явилось логическим завершением создания нереальной картины азиатского общества на всех стадиях его существования» [2, с. 133]. Тому, как воспроизводился традиционализм в советском «развитом социализме», и посвящена эта книга. Соответственно и капитализм в таких обществах не есть капитализм в классическом понимании этого термина. Более того, капитализм даже в странах, где и не было советского периода, сформирован настолько иначе, что, например, в Японии его в западной литературе называют не капитализмом, а бюрократическим абсолютизмом [3, с. 66].

Нельзя сказать, что это обстоятельство не замечалось вовсе. Замечалось, но особенно стремления вникнуть в суть «пробуксовки» рыночных реформ в нетрадиционных рыночных странах не было. Появилась книга с исследованием одного перуанского экономиста – Э. де Сото – «Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире» [4], в которой на примере формирования городских агломераций были показаны перипетии складывания капитализма в латиноамериканском макрорегионе, но всех либеральных читателей удовлетворило объяснение самого Э. де Сото, что, мол, капитализм потому должным образом не раскрывает всех своих потенциальных возможностей в латиноамериканских странах, что в них не разработана и не отработана четкая система правовых отношений частной собственности, и на протяжении более сотни лет ее никак не могут отладить. Вопрос, почему на протяжении такого длительного периода так и не смогли отладить, уже либерально-научной общественности не интересен. А это как раз тот вопрос, какой является предметом настоящей статьи.

Система общественных, в том числе и производственных отношений, как было показано в марксизме, представляет собой объективный континуум социальной ткани, в которой все составные элементы воспроизводятся в соответствии с внутренней логикой их развития, даже если они названы не так, как они назывались раньше, а по рыночному. Это – та объективная реальность, которую должно учитывать, и на которую необходимо рассчитывать, вводя те или иные политико-

экономические и организационно-управленческие новации. К тому же материал для сопоставительного анализа есть в каждой стране постсоветского пространства. Необходимо только его должным образом критически проанализировать и попробовать затем из выявленных подсистем синтезировать, создав непротиворечивую целостность, раскрывающуюся по своей внутренней логике, когда воспроизведённая историческим синтезом структура задаёт соответствующие функции всем своим элементам, позволяющим им поступать так, как они поступали в поздний советский период. И здесь помощь окажет недавняя история своей национальной экономики, которая при анализе того, почему были сбои, например, с общественными фондами потребления или другими инструментами социализма, сможет помочь выстроить национальную экономическую модель, в наибольшей степени отвечающую ориентации на достойное будущее во взаимоотношениях с другими странами, опираясь на свои имманентно присущие преимущества.

Подобно тому, как советская цивилизационная модель в позднее советское время была деформирована сначала в деревне, а затем и в городе, выродившись в то, что пока должным образом ещё и не идентифицировано, так и рыночные преобразования, как бы фиксируемые сейчас на постсоветском пространстве в Средней Азии и в Казахстане, в Закавказье и на западных рубежах России, а также на территории Северного Кавказа и в других непромышленных регионах Российской Федерации, формируют суррогаты рынка, лишь по форме схожие с «классическими» капиталистическими. Проведённые с разной степенью радикальности рыночные реформы лишь затушевывают реальное наслоение жизнеспособного материала из будущего, и наоборот, отвлекают от поиска здоровых форм, требуя организационно-управленческого нажима там, где ощущается естественное сопротивление.

Сложность в проведении такой аналитической работы заключается и в том, что, «экспортируя» наименования тех или иных рыночных институтов (фондовая биржа, приватизация, валютные аукционы и т.п.) с процедурами, нацеленными на их «вживание» в ткань существующей хозяйственной системы, на самом деле происходит внедрение норм, какие сразу наполняются содержанием, соответствующим своей национально-культурной специфике. Соответственно содержательно они могут иметь иное наполнение, чем декларировалось.

Примером могут служить различия в особенностях развития мегаполисов в зависимости от национально-культурной модели страны их эволюционного развития и размещения. Напомним, мегаполисом называется город с населением свыше 10 млн. человек [5, с.4]. Содержание урбанистических процессов, казалось бы, по логике своего развертывания схожих на современном уровне урбанизации независимо от страны своего появления, тем не менее сильно отличаются, отражая по-особенному цивилизационно-национальное и социокультурное наполнение. Несомненно, есть общие для мегаполисов тренды, особенно в индустриально

развитых странах. Но задает вектор – культурно-цивилизационный характер развития, особенности формирования имманентных для этой культуры институтов, закрепляющих субъектность мегаполисов, динамику их развития.

Как показывает таблица [6, с. 164], при общем глобализационном тренде на содержательное наполнение мегаполисов как требование процесса глобализации происходит оно именно в зависимости как раз от этого национально-культурного и цивилизационного содержания. Благодаря им формируются и основные характеристики экономико-политической и организационно-управленческой структуры разных мегаполисов, принадлежащих разным культурным дискурсам. Таблица противопоставляет типовой образец либерально-западноевропейской, в частности, американской модели мегаполиса и во многом традиционалистской юго-восточноазиатской, в частности, японской модели мегаполиса. Это справедливо для любой другой восточноазиатской страны, просто таблица, подготовленная специалистами ИНИОН РАН, удобна для демонстрации указанных отличий.

Действительно, если *ведущими силами развития* в первой является транснациональный капиталистический класс и соответственно линия на финансовую глобализацию, при которой национальная (американская) принадлежность транснациональных компаний (ТНК) определяется только по месту «прописки» штаба, а по характеру – космополитической, то во второй, восточной (японской) модели имеет место националистическое наполнение. Более того, эта черта характерна для всех трендов развития мегаполиса. И здесь видно, что движущими силами в Токио является государственная бюрократическая элита, и она не только по месту «прописки» японская, но и по всем остальным параметрам. Для национальных ТНК глобализация осуществляется в рассредоточении национальных компаний по всему миру, но их национальная идентичность определена строго – это национальные компании.

Это же просматривается и *по организации субъектности этих ведущих сил*. Если для американского мегаполиса субъектность представлена финансовыми ТНК и вертикально-интегрированными фирмами, то для японских мегаполисов субъектность реализована государственными министерствами и ведомствами, которые и осуществляют свою политику через ведущие банки, связанными с бизнесом (таблица 1). Схожая ситуация просматривается и в части *экономической идеологии*: если для рыночно-ориентированной модели характерно следование либеральной идеологии, основанной на концепции саморегулирующегося рынка, то при сопоставлении с экономической идеологией национально ориентированной модели видно, что для государственно-ориентированной политико-бюрократической модели характерны национальные интересы в соответствии со стратегическими национальными приоритетами страны.

Таблица 1 – Политико-экономическое и организационно-управленческое содержание мегаполисов при разных моделях в зависимости от национально-культурной среды страны их дислокации [13]

	Рыночно-ориентированная модель (Нью-Йорк)	Государственно-ориентированная политико-бюрократическая модель (Токио)
<i>Ведущие силы</i>		
Группы	Транснациональный капиталистический класс	Государственная бюрократическая элита
Организации	ТНК. Вертикально интегрированные фирмы	Министерства, связанные с бизнесом через ведущие банки
Экономическая идеология	Либерализм. Саморегулирующийся рынок	Развитие. Стратегические национальные интересы
<i>Торговля, инвестиции и производство</i>		
Взаимодействие с мировой экономикой	Рыночно-рациональное	Планово-рациональное
Основные цели	Частное богатство	Национальное экономическое могущество
	Максимизация прибылей	Доля мирового рынка, максимизация занятости
Возможности глобального контроля	Система частных услуг	Государственные министерства Государственные корпорации Политические связи
Промышленная структура	Штаб-квартиры промышленных корпораций и вывод промышленных производств Особое значение сферы услуг	Штаб-квартиры промышленных корпораций и концентрация высокотехнологичных производств
Структура занятости (социальная и территориальная)	Политизированная Сокращение среднего класса Высокая степень неразвитости и сегрегации	Концентрированная Неполяризованная Низкая степень неравенства Низкая степень сегрегации
Иностранная иммиграция	Слабый контроль Высокий уровень	Низкий уровень
Культура	Потребительская культура Культура яппи (young urban professional) – молодых карьерно-ориентированных профессионалов, этническая	Производственная культура Культура наемных работников и служащих, получающих заработную плату
Отношение городских и центральных властей	Разъединение	Интеграция
Источник напряжения в городах и городском развитии	Спекулятивные доходы Рыночная неустойчивость Поляризация	Государственный контроль над капиталом Сверхрегулирование Централизация
Конкурентные преимущества	Плановое развитие Мобильность	Стабильность Плановое развитие

Также просматривается принципиальное отличие моделей политико-экономического и организационно-управленческого типов и *по основным целям*: для либерально рыночной – частное богатство и максимизация прибылей, для национально-бюрократической модели – национальное экономическое могущество и завоевание все большей доли мирового рынка, от чего зависит первая цель и максимизация занятости (табл.).

Разительные отличия и *в сфере торговли, инвестиций и производства*: взаимодействие с мировой экономикой при либеральной модели рыночно-рациональное по существу и планомерно-рациональное – в государственно-ориентированной политико-бюрократической модели – во второй; *в культуре* для первой – потребительская культура и культура яппи (young urban professional) – молодых карьерно-ориентированных профессионалов, этническая, для второй – приоритеты за производственной культурой, культурой наемных работников и служащих, получающих заработную плату, но в крупных корпорациях города по модели пожизненного найма различия практически по всем характерным позициям: *отношение между городскими и центральными властями* также строятся на противоположных полюсах – разъединение в первом случае и интеграция – во второй модели; *возможности глобального контроля* – система частных услуг для первой и государственные министерства, государственные корпорации – для второй (см. таблицу).

В этом проявляется *типовой механизм* адаптации новаций в национальную хозяйственную систему, о котором можно говорить, обобщая значительный материал: «В силу институционально-ментальных особенностей освоение новых цивилизационных моделей происходило всегда через приспособление их к действующей практике, что естественно для больших стран, постоянно корректирующих инновации национальными особенностями, «волнами» исходящими с окраин в центр и накатывающих на «очаги» инноваций, преобразуя их по-своему. В результате не преодоленный социокультурный стереотип трансформировал социокультурные инновации по форме, воспроизводя снова и снова традиционное содержание. При этом кажимость преобразований приобретала по форме соответствие продекларированным целям» [7, с. 305].

Поскольку с самого начала данного раздела было заявлено, что поисковое пространство для объяснения значительных различий в феноменах рыночного хозяйства в регионах постсоветского пространства следует искать в прежней политекономии, то необходимо сказать следующее. Европоцентризм, овладевший умами «прогрессивного человечества», практически установился как базовый концепт всего лишь четыре столетия назад. До этого существовал ряд очагов цивилизаций, где главенствовали восточные ценностные культурно-духовные конструкты: буддизм, конфуцианство, иудаизм, ислам, и христианство было лишь одной из таких основных культурно-духовных парадигм. И для всех них в качестве базовой формы собственности была не частная собственность, а власть-соб-

ственность. Это понятие, введенное в научный оборот известным российским историком-востоковедом Л.С. Васильевым, отражает синкретическую цельность власти и собственности, где они «еще нерасчленимы, они представляют единый феномен, власть-собственность: власть (владение) рождает понятие и представление о собственности, собственность рождается как функция владения и власти» [8, с. 42]. Это понятие более адекватно отражает специфику базовой структуры восточной цивилизации, независимо от ее видовых форм. Поддержал введение концепта «власть-собственность» и известный советский востоковед Л.Е. Куббель, видевший в нем логическое развитие мысли Ф. Энгельса о двух возможных путях классового развития [9, с. 154]. Но указанную нераздельность понятий собственности и власти Л.Е. Куббель также, как и Л.С. Васильев, связывал только с доклассовыми обществами, где, по их мнению, только и существовала единая система «власть-собственность» [9, с. 154]. Однако ко всей дальнейшей истории в качестве объяснительного принципа применимо понятие власти-собственности, хотя и уходящего своими корнями в начало человеческой истории, но составляющую современность всех восточных государств, включая не только мусульманский Восток, но и Японию, и КНР, и практически все современные неевропейские страны. Модифицируясь в каждой конкретной цивилизационной модели своими различными сторонами, власть-собственность оставалась в своей сущностной определенности по конституирующим чертам во всех них. И хотя власть-собственность, далеко не везде в качестве базовой идентифицируется, это ей не мешает быть таковой для подавляющего большинства стран планеты.

В западной экономической мысли, где марксистская традиция рассмотрения собственности как базисного производственного отношения остается маргинальной, независимо от того, какого направления экономической мысли они придерживались (маржиналистского, монетаристского, институционального и т.п.), собственность представлена как правовая форма. И здесь много интерпретаций («пучки» и «кусты» собственности, разделенных прав собственности и т.п.) вот почему феномен «власть-собственность» в западной экономической литературе и не рассматривался и ее не интересовал вопрос о формах собственности за пределами западной ойкумены. Поэтому и в латиноамериканском мире, как показал Э. де Сото [4], складывается не классический капитализм, а некий «мутант», а то, что за нее принималось, было дисперсными элементами частной собственности в тотальности континуума власти-собственности. Согласно Л.С. Васильеву, власть-собственность – «альтернатива европейской античной, феодальной и буржуазной частной собственности в неевропейских экономических структурах, причем это не столько собственность, сколько власть, так как функция собственника здесь опосредованы причастностью к власти, т.е. к должности, но не к личности правителя» [8, с. 69]. Но здесь этот феномен выступает как объект. Другой отечественный историк-востоковед, политолог и экономист М.А. Чешков идентифицировал субъекта власти-собственности. Им стал единственный властно-собственнический субъект азиатского способа производства – *государство-класс* как единое

целое. Оно и является субъектом производственных отношений, в том числе собственности [10, с. 243–244]. «Разбирая субъектов отношений эксплуатации в Древнем Вьетнаме и не найдя классического субъекта, отвечающего понятию «эксплуататор» в собственном смысле слова (аналог помещиков, лендлордов), а также хрестоматийно понимаемого класса, как субъекта, присваивающего в результате эксплуатации прибавочный и отчасти необходимый продукт, М.А. Чешков пришел к выводу, что единственным эксплуататором в таком обществе и одновременно классом является само государство как субъект не только политической власти, но и субъект экономической власти и собственности, субъект хозяйствования. Государство-класс использует труд своих поданных (на сельскохозяйственных и ремесленных работах) для получения своего дохода через ренту-налог, дохода для членов своей семьи и поддержания всей государственной челяди с их семьями, дружиной и всех занятых в государстве чиновников, а также для распределения (редистрибуции) внутри государства» [7, с. 636].

Как базовая экономическая структура власть-собственность, характерная прежде всего для общинной собственности, ранее была распространена везде, хотя идентифицирована в азиатском способе производства. Однако, будучи одной стороной отношения, власть-собственность предполагает и вторую, по отношению к которой и имеет место это базовое производственное отношение. Им является проживающее на подвластной территории население, платящее ренту-налог. Для нее территория и население как источники дохода становились синонимами, поэтому другой глубокий исследователь азиатского способа производства, Л. Дюмон, в форме индийской общины эту вторую сторону определил, как синкретическое «народ-на-территории». Современный английский исследователь мусульманского Ближнего Востока Бернард Льюис подчеркивал, что в мусульманском мире средневековые государства еще «не имели границ в современном смысле этого слова. На земле... не было точных демаркационных линий, а скорее были зоны, диапазоны или промежутки. Этого было достаточно для всех практических целей. Исламские законы, регулирующие отношения внутри и между государствами, имели дело с людьми, а не с территориями. Правитель господствовал на той территории, где он мог собрать налоги и поддержать порядок. Там, где налоги не собирались, точная граница не имела значения» [11, с. 144]. Здесь имплицитно подразумевается, как раз то, что люди и территория неразделимы, и последняя имеет значение только там, где есть люди, платящие ренту-налог. Следует заметить, что «на родине частной собственности, в Древней Элладе, до появления частной собственности на закате «темных веков», по утверждению К.Раафлауба, слово *demos* обозначало и «территорию», и «народ». Наоборот, для Запада территория как носитель земли – при капитализме опредмеченного капитала – сама по себе значима» [7, с. 637].

Таким образом, власть-собственность идентифицирована через свои субъекты с обеих сторон базового отношения: с одной стороны, государство-класс, а с другой – народ-на-территории. Власть-собственность в своем эволюционном

развитии на протяжении веков прошла различные этапы и стадии, принимала разнообразные формы реализации. Общинная собственность, представленная царской властью, на землю как на территорию-доход, территорию-ренту получила такую форму уже при относительно развитых товарно-денежных отношениях. В этом своем относительно развитом виде она имеет сходство с разработанной в европейской экономической мысли собственностью на землю как на объект хозяйствования, потому что как объект собственности земля не отчуждалась и не продавалась, а принадлежала восточному деспоту-государству, хотя и находилась в пользовании у всех работающих на земле. Власть-собственность, зародившись на основе племенной собственности, распространялась на соседние территории и племена. Это была еще и верховная власть над всеми подданными. Согласно К.Марксу, который и ввел понятие «азиатский способ производства», в большинстве «основных азиатских форм, объединяющее единое начало, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как высший собственник или единственный собственник, в силу чего действительные общины выступают лишь как наследственные владельцы» [12, с. 463].

Наличие власти-собственности в ее различных модификациях в независимых государствах бывшего СССР и определяют специфические формы рыночного хозяйства в регионах постсоветского пространства.

Литература

1. Таджимуратов М.А., Блиндер И.Б. Региональные факторы и проблемы ускорения социально-экономического развития союзной республики: (На материалах УзССР): Обзор / И. Б. Блиндер, М. А. Таджимуратов 36, [2] с. – Ташкент УзНИИТИ 1989

2. Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. – в: Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН. 2004. – 281, с. 123 – 233.

3. Вальфрен ван Загадка власти в Японии: народ и политика в безгосударственной власти. – в: Япония: общество и культура: Реф.сб./ РАН. ИНИОН Центр научн.-информ.исслед. глоб и регионал.проблем Отдел Азии и Африки. Отв. ред. Фурсов А.И.170, с. 6 – 77.

4. Де Сото Э. Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире: пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. – 272 с.

5. Животовская И.Г., Черноморова Т.В. Введение // Мегаполисы в условиях глобализации: Сб. обзоров и рефератов. /РАН ИНИОН. Центр научн.-информ. исследов. глобальных и региональных проблем. Отд. глобал. проблем. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – 178с., с. 4 – 6.

6. Животовская И.Г. Государство и городское развитие в условиях глобализации: концепции и эмпирические исследования // Мегаполисы в условиях глобализации: Сб. обзоров и рефератов. /РАН ИНИОН. Центр научн.-

Попадюк Н. К.

информ. исследов. глобальных и региональных проблем. Отд. глобал. проблем. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – 178 с., с. 150 – 177.

7. Попадюк Н.К. Век возрождения Востока: очерки политэкономической антропологии. – М.: Ленанд, 2015. – 800 с.

8. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства: формирование основ социальной структуры и политической администрации. – М.: «Наука», ГРВЛ, 1983. – 326.

9. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука, ГИВЛ, 1988. – 270 с.

10. Чешков М.А. Очерки истории феодального Вьетнама. – М.: Наука, ГИВЛ, 1967. – 318 с.

11. Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм / Пер. с англ. - М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2003. – 224 с.

12. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. Первоначальный вариант «Капитала» – Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд., т.46, часть 1.

13. Животовская И.Г. Государство и городское развитие в условиях глобализации: концепции и эмпирические исследования по Hill R.Ch., Kim J.W. Global city and development states: New York; Tokyo and Seoul // Urban studies. – L., 2000. - Vol.37, N 12 – P.2177; с. 163 – 164.

THE PHENOMENON OF MARKET ECONOMY IN THE POST-SOVIET REGIONS

Popadyuk N. K.

Doctor of economical sciences, associate Professor, Professor of the Department of the Chair of the University of Finance under the Government of the Russian Federation

Abstract: *the article shows that in the conditions of the growing global financial and economic crisis, another theoretical and methodological paradigm is needed that can explain its conflicts in relation to the peculiarities of the market economy in the regions of the post-Soviet space. The former Russian scientific social science school has such opportunities. It is shown that, implicitly recognizing the specifics of the Japanese market model, the scientific community ignores national features in the post-Soviet space of the formation of market models. Meanwhile, the success of debugging national models depends largely on the study of the features inherent in a particular national-civilizational model*

Key words: *growing global financial and economic crisis, globalization, liberal-market ideology, cultural and civilizational national model of economic organization and management, specificity of historically developed forms of ownership, power-property.*

УДК: 372.881.111.1

ПАРТНЕРСТВО СТРАН И ЗНАЧЕНИЕ ЗНАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Вареник С.С.

Преподаватель английского языка, Департамент Правового регулирования экономической деятельности Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва. Преподаватель английского языка, ГПОУ ТК 34 г. Москва

***Аннотация.** В статье рассмотрены вопросы о весомой роли знания иностранного языка для адаптации каждого человека к современным условиям. Указано огромное преимущество владения английским языком во многих сферах жизни для людей, которые его изучили в качестве иностранного для сотрудничества и партнерства. Было проанализировано, как языковая глобализация исходит из того, что язык является средством человеческого общения и имеет следствием развитие политических, социально-экономических и культурных изменений. Показано существенное расширение функции иностранного языка, в связи с включением России в мировой рынок, расширением сотрудничества с зарубежными странами. Проведен анализ значимости Иностранного языка не только как средства коммуникации, но и для успешного взаимодействия, как отдельных людей, так и различных стран мира в условиях экономической, политической, военной и культурной интеграции*

***Ключевые слова:** всемирное общение, деловые переговоры, международное измерение, основополагающий элемент, век глобализации.*

В настоящее время, в условиях глобализации знания иностранного языка человеку необходим как воздух. Для работы, для того, чтобы понять своих партнеров по бизнесу, для учёбы, поездок, общения с друзьями, расширения кругозора и просто для полноценной жизни.

В современном мире английский язык – всемирный язык общения. Футурологи утверждают, менее чем через сто лет языковой барьер утратится, и люди будут общаться исключительно на английском.

Лингвистов уже очень давно интересует английский язык. Но только в последние годы его изучение по-настоящему актуально. Английский язык имеет все условия, чтобы стать обязательным для изучения каждым человеком.

Знание английского языка – это сильный показатель многих важных качеств человека. Если человек хочет быть конкурентоспособным, то ему нужно обязательно выделять время для занятий английского языка. С каждым днем английский все больше нужен в нашей жизни. В настоящее время, просто невозможно представить выпускника института, не знающего хотя бы основы английского. А знание иностранного языка дает шанс более быстрого карьерного роста.

Знание английского представляет все более весомую роль к адаптации каждого человека к современным мировым требованиям и дает огромное преимущество во многих сферах жизни тем людям, которые его изучили в качестве иностранного, а для сотрудничества и партнерства необходимы более конкретные знания языка.

Почему же так важно изучение английского языка?

В наши дни английский язык занимает третью строчку, среди лидеров самых распространенных языков мира, на английском языке говорят 1,5 миллиарда людей в мире, а так же миллиард его изучает. В 21 веке английский язык является третьим по количеству носителей, на первом месте китайский, на втором – испанский. В США больше всего людей говорящих на английском (215 миллионов), Великобритании (58 млн), Канаде (18,2 млн), Австралии (15,5 млн), Ирландии (3,8 млн), ЮАР (3,7 млн), Новой Зеландии (3,5 млн человек). Для того чтобы изучить английский и общаться с носителями этого языка, подходят все эти страны. Английский в каждой из этих стран можно выучить в самые короткие сроки, так как в них нужно понимать английский. Индия и Китай лидеры по числу людей использующих английский как второй язык.

Весь мир принимает английский язык, как язык всемирного общения. Английский – язык дипломатии, медицины, СМИ, авиации. Сейчас знание английского является одним из важных требований при приеме на работу. Если вы знаете английский, вас поймет весь мир!

Человеку, знающему английский язык, открываются огромные перспективы выбора работы, как в элитных российских фирмах, так и возникает вероятность работать за границей. Так же, люди, знающие английский язык, располагают на более высокооплачиваемые должности.

Знание английского языка, дает ряд определенных преимуществ. В нашем веке активно развиваются информационные технологии. Глобально влияние всемирной паутины на нашу жизнь. Наибольшее число материалов в интернете опубликовано на английском языке. И чтобы изучить интересную информацию, необходимо владеть данным языком.

Зная английский, вы будете понимать смысл текстов. Вы будете понимать своего партнера по бизнесу, вам не понадобится переводчик на переговорах любого уровня. А для книголюбов появляется возможность прочтения любимых книг без искажения перевода.

Так же при устройстве во многие компании, обязательно требуется знание английского языка. Владение языком открывает новые возможности и перспективы развития на будущее. Например, сотрудники, которые знают английский язык, занимают высшие позиции карьерной лестницы и получают более высокую заработную плату.

Зная английский, появляется возможность общаться с людьми из любого уголка мира. Английский является международным языком. Обычно, персонал отелей и некоторые местные жители говорят на английском, тем самым

опускается потребность учить язык той страны, куда планируется путешествие. А так же, зная английский, можно завести друзей среди иностранцев и общаться с ними, совершенствуя своё владение языком.

Изучение английского языка – это подъём вверх по лестнице социального положения, так как на рынке труда человек, посетивший базовый курс английского, имеет большие шансы получить работу в престижной зарубежной фирме или в компании, ведущей активное сотрудничество с зарубежными партнерами. Заработная плата в таких организациях, очень высокая, но без знания английского на вакантное место вы не попадёте, так как язык понадобится для ведения деловых переговоров или переписки с партнерами из зарубежных стран.

В общем, бизнес общение на английском происходит по многу раз каждый день и в разных формах. Кроме как в качестве средства коммуникации в офисах, английский оказался незаменимым в следующих областях:

Медицина.

В эпоху нанотехнологий, наука стремительно несется вперед, появляются новые способы лечения тех или иных болезней, новые медицинские препараты и медицинская аппаратура. Инструкции и руководства к ним составляются, прежде всего, на английском языке, чтобы в любой части света нашлись специалисты для перевода его на местный язык (с английского ведь легче перевести, чем с финского, немецкого и т. д.). Кроме этого, компетентные врачи должны знать, что происходит в медицине других стран. Благодаря научным статьям, публикующимся на английском, это стало возможно.

Авиаиндустрия.

Как для персонала на борту самолета, так и для авиадиспетчеров на земле, английский – обязательное условие работы. В наше время пассажиры мультинациональные, и, в случае возникновения чрезвычайной ситуации, экипаж самолета обязан связаться с ближайшим аэропортом, над какой бы страной в это время не пролетал самолет.

Ресторанный и гостиничный бизнес.

Будь то европейский хостел или азиатский отель, известный ресторан в центре Парижа, удостоившийся суперзвезды, или маленькое семейное кафе в Рио - де - Жанейро, руководство занимается тем, чтобы обслуживающий персонал знал английский, ибо, массовый туризм заносит самых разных людей, говорящих на различных языках. Кроме умения изъясняться хотя бы так, чтобы собеседник понял, где находится главная достопримечательность города, или где можно вкусно и недорого покушать, сотрудники должны уметь обрабатывать письменные запросы на английском языке от потенциальных клиентов со всего мира.

IT- технологии.

Английский ключевой язык в мире компьютерных технологий. Всякий, кто хочет работать в сфере IT или начать бизнес в интернете, должен проштудировать

учебник бизнес английского, нацеленный на расширение словарного запаса на эту тематику и пройти соответствующие курсы.

Финансы.

Самые крупные мировые биржи находятся в англоговорящих странах – The New York Stock Exchange, the NASDAQ, the American Stock Exchange, London Stock Exchange, биржа в Торонто и Йоханнесбурге. Английский стал главным языком в сфере инвестиций, международных валютных операций и банковского дела. Поэтому крупные корпорации проводят занятия английским для своих сотрудников. Самые честолюбивые молодые люди, мечтающие о карьере в сфере финансов, отправляются на учебу в университеты англоговорящих стран, чтобы и как следует выучиться, и увеличить свои шансы в последующем поиске работы.

Все мы учим английский язык ради какой-то цели: просто для своего саморазвития, для работы, для общения с жителями англоязычных стран и так далее. Однако наиболее распространенная цель изучения английского, является возможность путешествовать за границей, не привязанным к переводчику. Отпуск за границей или рабочие ли это командировки, согласитесь, приятней общаться с людьми других стран грамотно, чтобы они понимали вас, а вы их, посещать все культурные места, да и, в целом, проживать в иностранном государстве, не нуждаясь в условиях переводчика.

Важным фактом изучения английского языка является то, что зная этот язык, вы получаете доступ ко всем свежим информационным источникам, как электронным, так и печатным, так как почти все книги и статьи мирового значения, пишутся на английском или переводятся на него.

Английский – самый распространенный язык в сети интернет. Интернет на 57% – англоязычный. В сфере бизнеса, науки и техники, информационных технологий, медицины и образования самые свежие публикации размещаются на англоязычных сайтах, а затем на остальных. Наибольшее количество книг по бизнесу изданы на английском языке, при этом они доступны в сети интернет, бесплатно или по низкой цене. Если вы будете знать разговорный английский, а тем более деловой, то вы можете пользоваться свежей интересующей вас информацией.

Из всего вышперечисленного можно сделать аргументированный вывод, что каждому человеку, который хочет хороший карьерный рост, расширить границы своего общения, получать свежую информацию из первоисточников, открыть новые жизненные перспективы и в конце- концов разнообразить свою жизнь и сделать ее более интересной, изучение английского языка в 21 веке просто необходимо.

Английский язык – это рабочий и официальный язык ООН. Каждый мировой акт, техническая публикация, книга, инструкция, песня, плакат, письмо будут прочитаны и поняты разными нациями и народами, если они будут изложены на английском языке. И, конечно, естественно, что английский язык в нынешнем мире стал языком интернационального общения. Турки и финны, чехи

и венгры, итальянцы и русский, не зная языка, друг друга, смогут общаться между собой на данном языке.

Английский язык настолько популярен, что стал стандартным языком международного общения. В настоящее время 75 % мировой почты на английском, 60% радиопрограмм транслируются на английском, более чем половины периодических изданий мира печатаются на английском языке.

Такое распространение английского языка по всему миру происходит из-за того, что Великобритания являлась и является мировой морской державой. Она имела колонии, а затем и доминионы по всему миру. Поэтому многие страны в настоящее время используют английский язык наравне со своим государственным языком: Индия, Ирландия, Канада, Новая Зеландия, Сингапур, ЮАР, Федеративные Штаты Микронезии и ряд других. Некоторые страны выбирают этот язык в качестве государственного языка: США, Антигуа и Багамы, Барбадос, Гана, Нигерия, Соломоновы острова, Тринидад и Тобаго, Ямайка и другие.

Английский язык стал «новым латинским». В сфере научного ноу-хау и технологического развития каждый должен знать английский, чтобы быть частью 21 века. Нетрудно понять, почему в Италии, например, английский обязателен для многих технических профессий. А в Китае это главный язык, изучаемый в школах.

Знания иностранных языков в условиях глобализации и интернационализации общества и образования стали неотъемлемой частью системы образования. Они вошли в XXI веке в процесс реформирования, в котором нас ждут новые реальности, новые шансы, новые проблемы и новые вызовы. Во-первых, это резкое повышение темпов общественных перемен. Во-вторых, это глобализация и универсализация политической, культурной и хозяйственной жизни, становление все единой, взаимосвязанной и многообразной человеческой цивилизации. В-третьих, это резкое увеличение роли информационных технологий, формирование информационной доминанты развития общества и производства. Мировые тенденции последних десятилетий неразрывно связаны с двумя явлениями: глобализацией и интернационализацией общества. Эти процессы находятся в зоне пристального научного внимания и неразрывно связаны со значительными технологическими и социальными изменениями последней четверти XX века. Такое расширенное определение глобализации обуславливается широкомасштабным, многоуровневым, разнонаправленным характером самого этого явления, его сложной структурой и содержанием. Сферы и направления глобализации многообразны: можно говорить о мировоззренческой глобализации, глобализации потребностей, профессионально трудовой глобализации, социальной, языковой, информационной глобализации, глобализации транспортной системы, экономической, экологической, демографической, религиозной, образовательной глобализации, глобализации культуры, научной и научно-технической глобализации, глобализации образа жизни, политической, криминальной и спортивной глобализации. Сферы

и направления глобализации выступают не сами по себе, не фрагментарно и изолированно друг от друга, а в тесном взаимном переплетении, как правило, однонаправленно, как единый процесс, являются хотя и разнородными, но органически взаимосвязанными и взаимодействующими атрибутами жизни человечества как глобальной общности в единстве с природной средой планеты Земля. В отдельности, каждый из указанных факторов, сфер и направлений можно рассматривать лишь теоретически ввиду их относительной самостоятельности, значимости и специфики участия в процессе глобализации жизнедеятельности человечества. Глобализация устраняет барьеры, препятствующие движению капиталов, технологий, интеллектуальных достижений, информации и квалифицированной рабочей силы. Глобализация подразумевает не только усиление сотрудничества между нациями, но и всемирное разделение труда. Глобализация неразрывно связана с появлением образованного общества и является характерной чертой нашего общественного, экономического и культурного пространства. Глубинной и исходной основой, изначальной движущей силой глобализационных процессов выступает являющаяся внутренним ядром человеческой природы предрасположенность человека к общению с другими людьми, то, что человек является социальным существом, нацеленным на формирование 13 разного рода человеческих общностей. Глобализация и интернационализация – два взаимосвязанных процесса, которые приводят к преобразованию общества в новые формы. Интернационализация основана на кросс коммуникации и обмене между разделенными народами. Согласно определению, принятому в исследованиях Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), интернационализацию образования на национальном, секторальном и институциональном уровнях принято понимать, как процесс, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение. Понятие интернационализации в сфере высшего образования в международной практике традиционно включает в себя два аспекта: «внутреннюю» интернационализацию (*internationalization at home*) и «внешнюю» интернационализацию, или образование за границей, межстрановое образование, трансграничное образование (*education abroad, across borders, cross-border education*). Интернационализация высшего образования создает новые возможности, способствует повышению доступности высшего образования и его качества, внедрению инновационных методов работы в системы высшего образования. Опираясь на достижения международного сотрудничества, интернационализация, в свою очередь, способствует его укреплению. Интернационализация образования преследует различные цели, среди которых: диверсификация и рост финансовых поступлений через привлечение иностранных студентов на платное обучение. Предполагается расширение учебных планов и обучение своих студентов в зарубежных вузах-партнерах; расширение региональной сети вуза для эффективного использования своих ресурсов; повышение качества образования и исследований за счет участия студентов

и преподавателей в международном процессе обмена знаниями. Развитие международного межвузовского сотрудничества позволяет организовывать совместные исследовательские проекты, обменные программы для студентов и преподавателей, специальные программы для иностранных студентов. Интернационализация образования включает в себя многие формы международного сотрудничества:

– индивидуальная мобильность: мобильность студентов или профессорско-преподавательского состава в образовательных целях;

– мобильность образовательных программ и институциональная мобильность; формирование новых международных стандартов образовательных программ;

– интеграция в учебные программы международного измерения и образовательных стандартов;

– институциональное партнерство: создание стратегических образовательных альянсов. Интернационализация образования направлена на сближение национальных систем, нахождение и развитие в них общих универсальных концептов и компонентов, тех общих оснований, которые составляют основу разнообразия национальных культур, способствуя их взаимообогащению. В отличие от глобализации интернационализация – не новый феномен. Идея кросс культурного сотрудничества в искусстве, науке и образовании зародилась еще в XVII в. В настоящее время появились новые формы международного сотрудничества. Интернационализация высшего образования сегодня подразумевает:

1. студенческую и преподавательскую мобильность;
2. реформу программ и учебных планов;
3. сотрудничество в научно-исследовательской сфере через сети и ассоциации;
4. открытое и дистанционное обучение без границ;
5. региональное и зарубежное сотрудничество учебных заведений;
6. международное разделение труда.

Предпосылкой успешной интернациональной кооперации является отсутствие языкового барьера. Все понимают, что первая предпосылка успешного международного сотрудничества – это обеспечение взаимопонимания посредством преподавания, с одной стороны, и изучения общего языка – с другой. В этом отношении западноевропейские страны с их традициями языкового образования находятся в более благоприятной ситуации, чем, например, Россия, где десятилетия жизни за «железным занавесом» не особенно стимулировали изучение иностранных языков. Однако в конце 1980-х гг., когда открылись границы, положение вещей решительно изменилось. Мировая глобализация, интеграция внутри Европы и трансформационные процессы в России и других странах Восточной Европы привели к бурному росту контактов во всех сферах нашей жизни на межкультурном уровне. Коммуникация с представителями других культур стала частью нашей повседневности. Межкультурные контакты имели место во все времена, но сегодня как никогда они носят глобальный и массовый характер, так как

современный мир стал более открытым, а живущие в нем люди более мобильными. Туристические поездки, обмен школьниками, студентами с целью более глубокого изучения языка, культуры, стажировки ученых и международные конференции, транснациональные концерны, совместные предприятия, выставки, гастроли, политические дискуссии на международном уровне, олимпийские игры, различные иные спортивные соревнования, личные контакты – вот далеко не полный перечень ситуаций межкультурного общения, прочно вошедших в нашу повседневность. Под влиянием глобализационных процессов увеличивается количество моделей социального поведения, и одним из новых условий социальной мобильности и успешной адаптации в социальном пространстве становится владение иностранными языками. С развитием международных деловых контактов, освоением новых зарубежных технологий и интенсификацией профессиональной деятельности в тесном контакте с иностранными специалистами, а также в связи с перспективой вступления России в ВТО особенно возросла потребность отдельных регионов России в специалистах, владеющих иностранными языками. Социально активное население Дальнего Востока все больше стремится использовать открывшийся им международный рынок труда, где в большой степени на успех влияет уровень владения иностранными языками. Все это – стремительное вхождение России в мировое сообщество, значительные изменения в политике, экономике, культуре, смешение и перемещение народов и языков, изменение отношений между русскими и иностранцами, абсолютно новые цели общения – приводит к закономерным результатам: в России отмечается небывалый спрос на изучение иностранных языков. Языковая глобализация исходит из того, что язык является средством человеческого общения и имеет следствием развитие многоязычия. Политические, социально-экономические и культурные изменения в России в 90-х гг. XX в. существенно расширили функции иностранного языка. Включение России в мировой рынок, расширение сотрудничества с зарубежными странами значительно увеличили возможность контактов для представителей различных социальных и возрастных групп. Появились реальные условия для получения образования и работы за рубежом, для продвижения 17 российских товаров и услуг на мировой рынок, для обмена студентами, школьниками, специалистами. Вследствие этого изменилась роль иностранного языка в обществе, и из учебного предмета он превратился в базовый элемент современной системы образования, в средство достижения профессиональной реализации личности. Роль языкового разнообразия в обществе отражена, например, в следующих официальных документах. План действий декларации призывает государства принять соответствующие меры, направленные:

1 сохранение языкового наследия человечества и содействие самовыражению, творчеству и распространению идей на максимально возможном числе языков;

2 поощрение языкового разнообразия – при сохранении уважения к родному языку – на всех уровнях образования везде, где это возможно, а также изучения нескольких языков с самого раннего возраста;

3 расширение языкового разнообразия в киберпространстве, а также содействие всеобщему доступу через глобальные сети к любой информации, являющейся общественным достоянием.

Конвенция об охране нематериального культурного наследия, 2003 признает жизненно важную роль языка как средства выражения и передачи нематериального культурного наследия. Повседневное использование и передача от поколения к поколению всех форм нематериального наследия – от 18 познаний о Вселенной до обычаев и обрядов, от исполнительских искусств до знаний и навыков, связанных с традиционными ремеслами – зависят от языка. В области устных традиций и форм выражения язык является не просто носителем нематериального наследия, а составляет его основу.

Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, 2005 г., в вводной части которой утверждается, что языковое разнообразие является основополагающим элементом культурного разнообразия. Затрагивая тему мер, направленных на охрану и поощрение разнообразия форм культурного самовыражения, которые предлагается принять странам-участникам, в Конвенции также рекомендуется принять положения, касающиеся языка, используемого в связи с культурной деятельностью, обменом товарами и услугами. Изменения, которые произошли за последние десятилетия в России, превратили страну из закрытой, ориентированной только на свои силы и резервы, в открытую всему миру. На всех уровнях возросла необходимость в контактах с представителями других стран. В связи с интеграцией России в мировое экономическое и культурное пространство, с расширением и качественным изменением международных связей адекватное историческому моменту владение иностранными языками становится одной из важных компетенций современного человека. Иностранный язык открывает путь к свободному общению людей разных национальностей, сближению культур, взаимопониманию. В соответствии с «Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 года» сформулирована новая языковая политика государства. Современная система обучения иностранному языку, согласно этой политике, характеризуется тем, что, во-первых, 19 практическое владение иностранным языком стало насущной потребностью широких слоев общества, и, во-вторых, общий социальный контекст создает благоприятные условия для дифференциации обучения иностранному языку. С реализацией новой языковой политики связано создание гибкой системы выбора языков и условий их изучения, а также вариативной системы форм и средств обучения, отражающих современное состояние теории и практики обучения. Сегодня владение иностранным языком – не роскошь, как это было когда-то, а жизненная необходимость. Изучение иностранного языка в современном мире – это один из самых важных составляющих моментов в жизни

современного, успешного человека. Иностранный язык необходим не только для того, чтобы эффективно взаимодействовать в науке и политике, культуре и искусстве, экономике и других важных областях нашей жизни. Основным моментом в изучении иностранного языка – это возможность окунуться в мир загадочного и непостижимого, возможность общения с людьми другого пласта мировоззрения и ментальности. Владение иностранным языком становится в настоящее время одним из условий профессиональной компетентности. Владение иностранными языками, особенно английским как языком международного общения, оказывается актуальным для всей российской молодежи, желающей найти хорошую работу, соприкоснуться с внешним миром, улучшить свои культурологические знания. Согласно исследованиям, 76% россиян считают, что изучение иностранных языков помогает познанию другой культуры, учит толерантности и развивает память, а также является важнейшей составляющей при их трудоустройстве, поэтому знать иностранный язык, по их мнению, обязательно. Практически невозможно представить себе жизнь современного человека, не знающего иностранный язык, ведь большинство современных средств коммуникации и общения ориентированы на людей, в той или иной мере владеющих языком. Знание иностранных языков в наш век – век глобализации – очень важно. Наше время отмечено глобализацией экономики, интеграцией политической, культурной и хозяйственной жизни, что ведет к укреплению связей между странами в различных областях. Все эти изменения привели к значительному повышению роли иностранного языка в обществе. Изучение иностранного языка в современном мире – это один из самых важных составляющих моментов в жизни современного, успешного человека. Знание хотя бы одного иностранного языка расширяет кругозор, позволяет больше узнать культуру и обычаи другого народа. Иностранный язык является не только средством коммуникации, но и условием успешного взаимодействия, как отдельных людей, так и различных стран мира в условиях экономической, политической, военной и культурной интеграции.

Литература.

1. Айдрус И. А., Филиппов В. М. Мировой рынок образовательных услуг: учеб. пособие. М.: РУДН, 2015. URL: http://web-local.rudn.ru/weblocal/uem/iop_pdf/260-Aidrus.pdf
2. Актуальность английского языка в современном мире // Каталог статей [электронный ресурс] – режим URL: [http://englishschool12.ru/publ/aktualnost_anglijskogo_jazyka_v_sovremennom_mire/3-1-0-852\(30.12.2016\)](http://englishschool12.ru/publ/aktualnost_anglijskogo_jazyka_v_sovremennom_mire/3-1-0-852(30.12.2016))
3. Актуальность создания и управления системой непрерывного образования в России // Непрерывное образование – ключ к карьерному росту. URL: <http://educonsulting.ru/statia1.html>
4. Алефиренко Н. Ф. Культурные концепты в языке и тексте: сборник научных трудов. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2015. 163 с.
5. Балезин Д. Зачем изучать иностранные языки? 2007. URL: <http://www.yourfreedom.ru/zachem-izuchatinostrannye-yazyki/>

Вареник С.С.

6. Барлыбаев Х. А. Глобализация: вопросы теории и практики // Век глобализации. Вып. № 2. 2016. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129849/> 198

7. Блажевич В. В. Влияние глобализации на развитие языковой компетенции молодежи российского Дальнего Востока: Автореф. дисс. ... канд. социолог. наук. Хабаровск: «Тихоокеанский государственный университет», 2017.

8. Бушуева Л. И. Информационно-аналитическое обеспечение маркетинговой деятельности организаций: теория и методология статистического исследования. М.: Изд-во «Академия Естествознания», 2017. URL: <http://www.rae.ru/monographs/16>

9. Значение английского языка в жизни современного человека // Центр Разговорного английского [электронный ресурс] – режим URL: <http://www.samaraenglish.ru/znachenie-anglijskogo-yazyka-v-zhizni/>

COUNTRY PARTNERSHIP AND THE IMPORTANCE OF KNOWLEDGE OF FOREIGN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Varenik S.S.

Professor of English, Legal Department Regulation of Economic Activity Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
Teacher of English, State Budget Professional Educational Institution

Annotation: *the article shows that in the conditions of the growing global financial and economic crisis, another theoretical and methodological paradigm is needed that can explain its conflicts in relation to the peculiarities of the market economy in the regions of the post-Soviet space. The former Russian scientific social science school has such opportunities. It is shown that, implicitly recognizing the specifics of the Japanese market model, the scientific community ignores national features in the post-Soviet space of the formation of market models. Meanwhile, the success of debugging national models depends largely on the study of the features inherent in a particular national-civilizational model*

Key words: *growing global financial and economic crisis, globalization, liberal-market ideology, cultural and civilizational national model of economic organization and management, specificity of historically developed forms of ownership, power-property.*

УДК 339.97

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Ильинова В.В.

кандидат экономических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, доцент, Всероссийская Академия Внешней торговли, факультет внешне-торгового менеджмента,

Аннотация. Показаны особенности глобальных рисков 2019-2020 гг. и специфика экономической глобализации начала XXI века. Рассмотрена роль интеграционных экономических объединений в глобальном управлении и проблемы современной многосторонней торговой системы. Показано становление института ВТО, его влияние на формирование правил международной торговли, отражены проблемы его функционирования и реформирования. Выявлены особенности нового этапа протекционизма после прихода к власти Д.Трампа. Рассмотрены мегарегиональные проекты в АТР и их роль в либерализации торговли.

Ключевые слова. Глобальные риски, экономическая глобализация, глобальное управление, региональные торговые соглашения, многосторонняя торговая система, мегарегиональные торговые соглашения, Всемирная торговая организация, Транстихоокеанское партнерство, протекционизм, правила международной торговли

В Отчете о глобальных рисках 2019, подготовленном Всемирным экономическим форумом, среди основных рисков и серьезнейших проблем, угрожающих миру в ближайшие десятилетия, выявлены пять областей, представляющих наибольший интерес: экономическая уязвимость, геополитическая напряженность, напряженная общественная и политическая обстановка, экологическая нестабильность, технологические риски. Угрозу международному сотрудничеству будут представлять, как экономические факторы, так и дальнейший рост геополитического напряжения между крупными державами. Экономические прогнозы и наблюдения, свидетельствуют, что потенциал международного сотрудничества будет ухудшаться. Результаты опроса 1000 экспертов и руководителей со всего мира в 2019 году указывали на ухудшение экономической и геополитической ситуации. 85% респондентов сообщили, что они ожидают увеличение риска «политических конфронтаций между крупными державами», 91% респондентов ожидают роста рисков, связанных с «экономической конфронтацией между ведущими державами», а 88% респондентов говорят о дальнейшем расшатывании многосторонних торговых правил и возможных разрывах соглашений. [1]

Эти тенденции сохраняются и в 2020 году. В этом году мир ожидает усиление экономического и политического раскола, поэтому человечество как никогда раньше нуждается в том, чтобы мировые лидеры и крупнейшие компании пред-

приняли шаги для устранения угроз в отношении климата, экологии, здравоохранения и технологических систем. Об этом говорится в ежегодном отчете о глобальных рисках Всемирного экономического форума 2020 года. Отчет, в подготовке которого участвовали свыше 750 международных экспертов и людей, отвечающих за принятие решений, предсказывает, что в 2020 году мир ожидает дальнейший раскол и замедление экономического роста. 78% экспертов, опрошенных в ходе подготовки отчета, заявили, что они ожидают усиления экономической конфронтации и внутреннего политического раскола в отдельных государствах в 2020 году [2]. Это может иметь катастрофические последствия для всего человечества. Геополитическая турбулентность делает мир более неустойчивым и ведет к усилению соперничества между крупнейшими державами, в то время как мировые лидеры должны «срочно сфокусироваться на совместной работе для борьбы с общими рисками», говорится в отчете.

Необходимость объединения усилий, в решении вопросов, где требуются глобальные коллективные действия, ставит вопрос о глобальном управлении, а вопрос о глобальном управлении возникает в контексте глобализации. Глобализация означает признание того факта, что такие сферы как мировая экономика и финансы, такие проблемы как изменение климата, экологические и гуманитарные катастрофы, терроризм, кибербезопасность требуют объединения усилий правительств ведущих держав и всего мира. Ухудшение международных отношений мешает странам реагировать на растущее количество серьезнейших глобальных проблем и своевременно их решать.

Современная концепция Global Governance - глобального управления возникла еще в девяностые годы прошлого столетия и была связана с распадом коммунистической системы, окончанием противостояния двух противоположных общественно-политических систем. Серьезная роль в глобальном управлении принадлежит интеграционным объединениям, различным международным организациям, действующим в определенных сферах, руководствующимся собственными правилами и политикой. Если говорить о глобальном экономическом управлении, то это такие объединения как МВФ, ВТО, Всемирный банк (ВБ), а также другие экономические организации. Другое авторитетное объединение - Большая двадцатка - G20 – клуб правительств и глав центральных банков государств с наиболее развитой и развивающейся экономикой, на встречах которых рассматриваются самые актуальные и острые проблемы мировой экономики и принимаются соответствующие решения. Данному объединению предшествовало G7 потом G8, которые включали представителей крупнейших экономически развитых демократических государств с целью неформального обсуждения мировых проблем.

Однако в XXI веке расклад сил в мировой экономике изменился в пользу быстро растущих развивающихся стран, таких как Китай, Индия, Бразилия, ни одна из которых не входила в «восьмерку». При этом вес и значение этих государств существенно возросли не только благодаря росту их экономик и доли в

мировой торговле. Именно развивающиеся страны в отдельные периоды времени стали выступать лидерами оживления мировой экономики. Однако упомянутые государства не только отсутствовали в «восьмерке», но и имели явно дискриминационные позиции в таких институтах как МВФ, Всемирный банк (ВБ), где доминирующее положение до последнего времени занимали крупные западные державы.

G20 исправила эту историческую несправедливость, включив тех, кто вполне заслуживает быть членом клуба. В группу G20 вошли различные, с точки зрения внутреннего политического устройства, страны, а именно: Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Южная Корея, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ЮАР, Япония, а также Евросоюз. Формат G20, наиболее удачным образом может представлять интересы развивающихся стран в решении глобальных проблем. До сих пор в рамках почти всех существующих глобальных организаций развивающиеся страны с большим трудом добивались понимания своих интересов у развитых.

Согласование позиций между членами G20 по ключевым вопросам, таким как финансовое регулирование, борьба с торговым протекционизмом потребовало серьезных усилий и компромиссов. Так на саммите G20 в Питсбурге в конце сентября 2009 г. чтобы обеспечить успешный выход из кризиса и не допускать новых опасных для мировой экономики ситуаций, участники встречи пришли к общему согласию о том, что экономика каждой из стран, входящих в G20, должна подвергаться анализу на предмет соответствия ее экономической политики согласованным принципам. Среди этих принципов, в частности, - снижение зависимости мировой экономики от американских потребителей, увеличение внутреннего спроса в Китае, сокращение Соединенными Штатами заимствований из-за рубежа, снижение барьеров для инвестиций в ЕС. [3]

Однако, как показала жизнь, подобные договоренности и решение следовать им в дальнейшем на национальном уровне, тем не менее, не гарантировали того, что национальные правительства будут строить свою внутреннюю политику в соответствии с выработанными правилами «двадцатки». Так, например, единодушные участники G20 в осуждении протекционизма на саммитах, не мешало им в своей стране заниматься возведением новых торговых барьеров под предлогом защиты своего производителя.

Рассматривая роль в глобальном управлении Международного валютного фонда, как одного из весомых международных экономических институтов, следует отметить, что, не все его действия были успешными. Так он не смог предвидеть кризис 1998 г. в странах Юго-Восточной Азии, а сами попытки справиться с этим кризисом были неудачны. Кроме того, одинаковые рецепты МВФ не подходили для разных стран с существенными различиями в экономических укладах. Например, в период девяностых годов прошлого века – начало 2000-х гг., компании латиноамериканских стран, как правило, имели сравнительно небольшие

долги, в то время как в Юго-Восточной Азии компании, наоборот, активно прибегали к заемным средствам и, следовательно, имели в среднем серьезную задолженность. В государствах Латинской Америки, где слабая кредитно-денежная политика привела к бурной инфляции, идеи МВФ дали определенный позитивный эффект, например, реформы в Бразилии в 90-х годах XX века. Однако страны ЮВА, которые проигнорировали рецепты МВФ, тем не менее, добились впечатляющего роста.

Среди институтов глобального экономического управления особое место принадлежит Всемирной торговой организации, и данный институт изначально предназначен для нужд глобальной экономики. Одной из серьезных задач ВТО стала борьба с протекционизмом, который существенно усилился в период кризиса 2008, и целью торговых соглашений, явилось предотвращение полномасштабных торговых войн.

Однако в отношении развивающихся стран существовала дискриминация: по результатам переговоров Уругвайского раунда за развитыми странами закрепились очевидные преимущества, в частности, в сфере сельского хозяйства, где применение субсидий развитыми странами фактически не позволяло длительное время производителям из бедных стран выйти на мировые рынки. Но в результате принятия на Министерской конференции в Найроби в 2015 г. документов по экспортной конкуренции в сфере сельского хозяйства этот недостаток был в принципе преодолен.

В дальнейшем в ходе переговоров на основе принципов недискриминации было обеспечено поэтапное снижение торговых барьеров, что способствовало развитию экономик всех участников процесса и в итоге – росту общего благосостояния. К достижениям ВТО относится также последовательное создание правил для торговли, а также достижение транспарентности процесса переговоров (подготовка решений ВТО стала открытым процессом). Весьма востребованной в условиях кризиса оказалась система мониторинга торгово-политического режима. Еще одно достоинство ВТО – это механизм разрешения споров между участниками (*Disput settlement mechanism*). Именно наличие этого уникального механизма в значительной мере способствовало созданию авторитета ВТО как эффективной организации, действующей на основе правил и способной обеспечивать урегулирование споров. Благодаря действию этой системы многие развивающиеся государства сумели добиться удовлетворения своих претензий к развитым странам.

Однако на Министерской конференции в Найроби в 2015 г. произошел раскол среди членов организации из-за различия подходов по содержанию повестки Доха-раунда. Для развитых стран была уже актуальна другая повестка дня и другая программа действий - создание новых правил в торговле, а именно: соглашений о защите инвестиций (в первую очередь о защите иностранных инвестиций за границей), о законах конкуренции и практике их применения, о содействии

торговле, о гласности и прозрачности при осуществлении правительственных закупок, об усилении защиты прав интеллектуальной собственности. Именно эти вопросы приобрели для развитых стран принципиальное значение. Но часть членов ВТО, в основном развивающиеся страны, выступили за сохранение повестки Доха-раунда в неизменном виде, другая часть, в основном развитые страны, выступили за ее модернизацию.

Компромиссный вариант не получил единодушного одобрения. Противоречия возникли вокруг мер, относящихся к защите национальных рынков сельхозпродукции – так называемых «особых продуктов» (special products) и «специального защитного механизма» (specials safeguard mechanism). Согласно рассматривавшимся предложениям, развивающиеся страны были бы вправе объявить тот или иной продукт «особым» и вывести его тем самым из-под тарифных сокращений, если того требуют интересы местного сельскохозяйственного развития и продовольственной безопасности страны. «Специальный защитный механизм» был призван позволить развивающимся странам временно повышать импортные тарифы на сельхозпродукцию в случае резкого нарастания импорта или обвального падения цен.

Группа развивающихся стран, озабоченных проблемой внутренней продовольственной безопасности, заявила, что готова согласиться с установлением 5-процентной доли продуктов, которые были бы освобождены от снижения импортных тарифов, но при этом предложила расширить набор продуктов, из которых может определяться эта доля, с 12% до 15%. Такие крупнейшие развивающиеся страны, как Китай, Индия, Индонезия аргументировали использование данных мер необходимостью защиты миллионов своих фермерских хозяйств от последствий либерализации в сфере сельского хозяйства. Однако развивающиеся страны-экспортеры выразили решительное несогласие с подобными предложениями, заявив, что ни один продукт не должен полностью выводиться из-под тарифного сокращения. К примеру, такие страны как Таиланд и Уругвай делают ставку на увеличение экспорта сельхозпродукции, рассматривая его в качестве ключевого фактора роста и развития. Многие участники женеvской встречи выразили серьезную обеспокоенность возможностью объявления Китаем таких продуктов как рис, сахар, хлопок «особыми», что нанесло бы ощутимый удар по целому ряду стран-экспортеров не только из развивающихся, но и развитых стран. Не случайно США в этой связи обусловили существенное снижение хлопковых субсидий своим фермерам открытием китайского рынка хлопка. Аналогичные опасения были высказаны в отношении Индии в случае, если и она воспользуется теми же мерами защиты своего сельскохозяйственного рынка. В итоге компромисс не был достигнут.

За период 2011–2018 гг. произошли серьезные изменения: резко возросла рыночная мощь таких стран, как Китай, Индия, Бразилия, которые стали использовать ее прежде всего, чтобы добиться выгод для «глобального Юга». Однако продолжающийся и даже возросший протекционизм (нетарифного характера) со

стороны индустриально развитых стран показал развивающимся странам, что достижение большего доступа на рынки «Севера» вряд ли может быть реализовано в рамках ВТО. Кроме того из-за разногласий стран-членов возникла патовая ситуация невозможности выработать новые правила, когда большая часть прежних не выполняется.

Но проблемы ВТО не остановили интеграционные процессы в мире. Более того, в конце XX и начале XXI века международная торговля продолжает находиться под возрастающим воздействием региональных интеграционных процессов, которые улучшают условия для развития экономик государств-членов региональных объединений, а также позволяют совместно решать спорные вопросы. Так, интеграция в рамках ЕС, АСЕАН и МЕРКОСУР (Общий рынок государств Южного конуса) способствовала существенному улучшению военно-политических отношений между странами-членами.

Однако, благоприятное воздействие региональных торговых соглашений (РТС) на межгосударственные отношения в регионе имеет оборотную сторону. Образование и рост числа РТС создают среду неоднородности правил торговли, искажая тем самым конкуренцию на мировом рынке. С ростом числа РТС возникла ситуация, когда целый ряд стран одновременно состоит в разных РТС. В результате появляется множество торговых правил, различных административных процедур и пр., что серьезно запутывает торговое законодательство и осложняет проведение торговой политики. Договоренности в сфере торговли услугами и инвестиций в РТС предусматривают доступ на национальные рынки сторон соглашения, предоставление национального режима, а в некоторых случаях и режима наибольшего благоприятствования (РНБ). При этом РНБ не определяет условия доступа на рынок, а лишь гарантирует, что они будут равными для всех участников многостороннего соглашения. Однако неоднородность правил торговой политики искажает условия конкуренции на мировом рынке.

Тем не менее ни мировой экономической кризис, ни тупик торговых переговоров Дохийского раунда не могут отменить движение глобальной экономики в сторону дальнейшей либерализации и создания необходимых для изменившихся условий правил торговли. В течение 2017–2018 гг. вступили в силу соглашения СЕТА (англ.) между Канадой и ЕС, СРТРР (англ.) между 11 странами АТР, ЕРА (англ.) между ЕС и Японией, которые также имеют все основные признаки МРТС151. Происходящий процесс развития МРТС (мегарегиональные торговые соглашения) дает основания считать, что ТТП (Транстихоокеанское партнерство), ТТИП, ВРЭП (Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство) и СЕТА претендуют на создание современных правил торговли в том числе в тех сферах, в которых их пока нет в рамках ВТО.

Транстихоокеанское партнерство (ТТП) один из мегарегиональных проектов в АТР. Предложение о создании ТТП было впервые выдвинуто в 2003 г. Новой Зеландией. США проявили интерес к Партнерству в 2008 г., взяв на себя впоследствии лидирующую роль в его формировании.

В рамках ТТП решались вопросы по макроэкономической политике, политики в области валютного курса, мер по устранению макроэкономических диспропорций. В правовой базе ТТП продвинулось дальше ВТО по некоторым вопросам. Соглашение о ТТП определяет, что каждое государство-участник имеет право развивать законодательство об охране окружающей среды, защищать ее и национальные приоритеты в области охраны окружающей среды. Однако экологические законы не должны препятствовать торговле и инвестициям. Иными словами, не допускается использование законодательства об охране окружающей среды в качестве скрытой формы протекционизма. Транспарентность и антикоррупционная деятельность также являются важными условиями, в документах ТТП подчеркиваются обязательства участников ТТП принимать и эффективно применять уголовное законодательство в целях предотвращения коррупции со стороны государственных должностных лиц, принять законы, устанавливающие уголовную ответственность за коррупцию в бухгалтерской деятельности, а также говорится о приверженности стран-участниц сотрудничеству в борьбе против коррупции. Указано на необходимость принятия мер по обеспечению прозрачности государственных структур, надлежащей процедуры отбора и подготовки кадров.

Проект ТТП неожиданно оказался под угрозой после избрания на пост президента США Дональда Трампа, который в числе первых своих актов подписал 23 января 2017 г. указ о выходе США из Партнерства, ибо оно, с его точки зрения, чревато негативными последствиями для страны. Принимая решение о выходе из ТТП, администрация Трампа не представила каких-либо убедительных данных в его обоснование. Выход из ТТП резко снизил вовлеченность США в международные торговые переговоры и, как следствие, ослабил его влияние в процессах формирования новой системы глобального управления торговлей, в которой наряду с ВТО, важная роль, по всей вероятности, будет принадлежать мегарегиональным торговым соглашениям (МРТС), а ТТП как раз стало первым подписанным соглашением данного формата.

Тем не менее, уже в начале ноября 2017 г. в рамках саммита АТЭС во Вьетнаме произошло важное событие – 11 стран-участниц заявили об окончательном решении реализовать ТТП без США и уже под новым названием «Всеобъемлющее и прогрессивное Соглашение для Транстихоокеанского партнерства» (ВПТТП) и 30.12.18 г. ВПТТП вступило в силу.

Другим масштабным мегарегиональным проектом в АТР является Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), которое включает 10 государств АСЕАН: Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам и шесть государств АТР, с которыми у первых есть соглашения о зоне свободной торговли: Австралия, Китай, Индия, Япония, Республика Корея, Новая Зеландия. По составу участников видно, что часть стран ВРЭП одновременно участвует в ТТП. Если в формировании ТТП

роль лидера бесспорно принадлежала США, то в случае ВРЭП, согласно распространённому мнению, на такую роль претендовал и претендует Китай.

О степени ожидаемого будущего воздействия ВРЭП говорит тот факт, что на 16 стран участниц приходится половины населения планеты и около трети мирового ВВП. Помимо снижения барьеров в торговле товарами в области интересов Партнерства вопросы инвестирования, конкурентной политики, защиты прав интеллектуальной собственности, электронной торговли, правил происхождения, санитарных и фитосанитарных мер. Это говорит о том, что положения ВРЭП также могут оказаться более продвинутыми, чем нормы ВТО, как это произошло в случае с ТТП.

Объявленный выход Д.Трампа из ТТП дал стимул протекционизму. Однако возведение торговых барьеров, как правило, лишь создает видимость борьбы с кризисом. В нынешних условиях глубокой взаимозависимости стран новые торговые барьеры ведут к продлению рецессии в мировой экономике. За последние годы и десятилетия торговый протекционизм претерпел значительные изменения. Государства, как правило, более не применяют заградительные пошлины, неприемлемые в рамках ВТО. Современные протекционистские меры часто основываются на изолированных технических и административных барьерах, требованиях к безопасности для здоровья людей, окружающей среды и т.п. Причина возросшего в последние десятилетия использования странами этих нетарифных и административных барьеров объясняется тем, что уровни тарифной защиты в рамках ГАТТ/ВТО значительно снизились и к тому же являются связанными, поэтому защитить внутренний рынок с их помощью стало намного сложнее. Формой протекционизма по существу являются проводимые в разных странах кампании «покупай отечественное» или «принудительное сотрудничество» с местными компаниями.

Развитые государства овладели самыми изолированными способами применения субсидий, которые позволяют использовать их без нарушения правил ВТО. Одна из иллюстраций тому – перевод мер поддержки сельского хозяйства в ЕС из «желтой корзины» (меры ограничены) в «зеленую корзину», где ограничений нет. Анализ проблемы протекционизма в современной торговле был бы неполным, если не упомянуть еще об одной его форме, известной еще со времен кризиса 1930-х годов. Речь идет о монетарном или валютном протекционизме, заключающемся в манипулировании обменным курсом валюты в целях поддержки национального производителя. Занижение курса национальной валюты – де-факто частный случай протекционизма, ибо оно сочетает в себе субсидии экспортерам и тарифы на импорт. В последние годы главным объектом критики в использовании валютного протекционизма стал Китай. Основные обвинения в адрес Пекина выдвигает Вашингтон, полагающий, что поддержание заниженного курса китайского юаня является одной из главных причин международного экономического дисбаланса.

С начала 2017 г. новая волна протекционизма исходит из Вашингтона, что связано с приходом к власти Д.Трампа. Поводом для ее возникновения явилось намерение нового американского президента добиться в сжатые сроки резкого сокращения торгового дефицита. По мнению Д.Трампа, американские товары облагаются в других странах сверхвысокими пошлинами, в то время как в США эти же страны ввозят свою продукцию почти по нулевым тарифам. Поэтому его администрация сочла, что в ответ на «недобросовестную торговую практику» других стран США могут не соблюдать правила Всемирной торговой организации и начать проводить более «агрессивную» торговую политику, отстаивая свои национальные интересы. Такое поведение не могло не вызвать серьезную озабоченность в мире. С 1 июня 2018 г. Вашингтон ввел повышенные импортные пошлины на металлы из Евросоюза, Канады и некоторых других стран – 25% на сталь и 10% – на алюминий. Как полагает нынешняя американская администрация, в последние годы в США произошло резкое снижение доли внутреннего производства металлов, что несет угрозу национальной безопасности. Однако правовое обоснование повышения Вашингтоном импортных пошлин было воспринято европейцами и канадцами как совершенно неприемлемое. В рамках ВТО каждая страна имеет свои обязательства, базирующиеся на ее правилах, выработанных в ходе Уругвайского раунда. Эти правила допускают ограничения импорта строго в трех конкретных случаях: при демпинге, применении незаконных субсидий, угрозе национальным отраслям ввиду резкого роста импорта. При этом в каждом из этих случаев необходимо доказательство ущерба от упомянутых действий страны поставщика. Ущерб устанавливается в ходе соответствующего прозрачного расследования с участием всех сторон. Нынешняя американская мера не вписывается ни в один из этих трех случаев, а вместо этого обосновывается «соображениями национальной безопасности».

В правовой базе ВТО предусмотрено ограничение доступа на рынок по соображениям национальной безопасности – соответствующие меры возможны в случаях нелегальной торговли оружием и ядерными материалами, опасности вооруженных действий, террористической угрозы и т.п. И потому в подобных случаях государство само определяет, какие меры по ограничению доступа на свой рынок следует принять, действуя в соответствии со статьей XXI ГАТТ, которая как раз посвящена «исключениям по соображениям национальной безопасности».

Однако американская сторона весьма субъективно формулирует «соображения национальной безопасности» в очевидном отрыве от существующих международных правил. Так, Вашингтон видит угрозу национальной безопасности в резком снижении доли внутреннего производства металлов, хотя подобная ситуация по сути является лишь следствием обычной международной конкуренции. Европейцев и канадцев шокировал тот факт, что пошлины против них устанавливаются США «по соображениям национальной безопасности».

Протекционистские инициативы новой американской администрации не нашли понимания со стороны торговых партнеров – Евросоюза, Японии, Канады.

После неоднократных попыток убедить Вашингтон в необоснованности его протекционистских мер в конце ноября 2018 г. Евросоюз, а также Китай, Канада, Норвегия, Мексика, Россия Турция, а затем Индия и Швейцария обратились в Орган по разрешению споров ВТО с жалобой против США о неправомерности введения американской стороной пошлин на сталь и алюминий в июне 2018. Предпринятый сразу девятью странами демарш в отношении США стал достаточно убедительным свидетельством активного сопротивления ведущих членов ВТО попыткам Вашингтона пересмотреть сложившиеся правила международной торговли.

За последние два десятка лет в повестке ВТО произошел кардинальный сдвиг от обсуждения взаимного снижения импортных тарифов к вопросам регулирования внутри национальных границ. В эту повестку вошли разнообразные сферы нетарифного регулирования, а именно субсидии, технические барьеры в торговле, а также сфера услуг и торговые аспекты прав интеллектуальной собственности. В перспективе обсуждение вопросов окружающей среды, конкурентной политики, инвестиций и пр. К этому следует добавить конец эпохи господства в международных организациях США и Западной Европы и формирование многополярного мира с многочисленными новыми игроками, готовыми использовать свое право вето там, где это возможно, в частности, в ВТО.

В сложившихся условиях перспектива реформирования ВТО в решающей степени определяется позициями трех ключевых игроков: США, Китая и ЕС. При этом позиции первых двух характеризуются очевидным антагонизмом, в связи с чем подходы США и Китая к решению проблемы заслуживают отдельного внимания.

Так позиция США сводится к неудовлетворенности существующими правилами ВТО и их применением в таких областях, как условия труда, конкурентная политика, рынок медицинского оборудования, а также отмечают нарушения прав интеллектуальной собственности в отношении американского бизнеса в Китае. В свою очередь, нарушая правила ВТО, США оправдывают свое поведение защитой интересов национальной безопасности. Кроме того, значительное внимание уделено ими положению в ВТО большой группы стран, которые, присоединившись в свое время к Организации со статусом развивающихся и получив соответствующие льготы, продолжают и сегодня считать себя таковыми, хотя многие из них достигли существенного прогресса в ряде отраслей экономики и даже обогнали некоторые развитые страны. При этом целый ряд развивающихся стран имеет непрозрачную торговую политику. В результате эти члены ВТО де-факто пользуются неоправданными, с точки зрения США, привилегиями, что, в конечном счете, блокирует прогресс в выработке новых правил ВТО и дальнейшей либерализации. И главные претензии США среди этой группы стран как раз обращены к Китаю.

Администрация Трампа считает, что на торговых переговорах Китай должен отказаться от роли крупнейшей развивающейся экономики, договаривающейся с крупнейшей развитой экономикой, а находиться на одном уровне с США. Китайская экономика, как неоднократно подчеркивали представители администрации Трампа, имеет в силу ранее обретенных привилегий, а также нарушений ряда рыночных принципов, огромные преимущества перед американской. Речь, в частности, идет о том, что Китай продолжает в качестве развивающейся страны пользоваться в ВТО Специальным и дифференцированным режимом (SDT), о противоречащей принципам ВТО, с точки зрения США, политике поддержки госпредприятий и соблюдения прав интеллектуальной собственности и др.

В этом заключается важнейшее условие США в вопросе реформирования ВТО – ликвидировать неоправданные, устаревшие, по мнению администрации Трампа, привилегии группы развивающихся стран, которые сегодня парализуют торговые переговоры и многостороннюю торговую систему в целом.

Китай, со своей стороны, отвергает указанный подход Вашингтона, указывая, что, несмотря на внушительный размер экономики и высокие темпы роста ВВП, Китай остается крупнейшей развивающейся страной, в которой жизненный стандарт населения значительно ниже, чем в развитых странах, и миллионы граждан еще предстоит вывести из состояния бедности, в частности, в центральных и западных районах. Более низким в Китае в сравнении с развитыми странами является и такой важный показатель, как ВВП на душу населения – менее 10 тыс. долл. в сравнении с 60 тыс. долл. в США в 2018 г. Именно в этом, полагает китайская сторона, состоит смысл предусмотренного ВТО режима SDT для развивающихся стран и, соответственно, Китай имеет полное право использовать его

Третья сторона ЕС видит своей задачей содействие разрешению торгово-политического конфликта между США и Китаем через механизмы многосторонней системы параллельно двусторонним переговорам между ними. При этом, с точки зрения рыночных принципов, для Евросоюза ближе позиция США по реформированию ВТО, но одновременно он осуждает американскую администрацию за нарушение правил международной торговли.

Конкретно, ЕС хотел бы одновременно оказать содействие Китаю в отказе от некоторых торгово-экономических практик, которые провоцируют споры, и убедить президента Трампа покончить с тарифной войной. Однако обе цели оказались трудно достижимыми

Таким образом, в начале XXI века наряду с продолжающимся процессом экономической глобализации, особенно после финансово-экономического кризиса 2008 г., стали проявляться отдельные признаки деглобализации, что неизбежно отразилось на устойчивости и характере функционирования ряда многосторонних институтов, в частности, МВФ и ВТО. Последствия этого кризиса внесли элемент неопределенности в международные экономические отношения.

Она, в свою очередь, усугубилась под действием таких факторов, как долговой кризис, брексит, миграционная проблема в ЕС, неясность перспектив взаимоотношений США и ЕС после вступления на пост президента США Дональда Трампа, протекционистские тенденции и попытки игнорирования новой американской администрацией международных экономических институтов и, как следствие, развязанные Вашингтоном после 2017 г. торговые войны с Китаем и другими странами.

Однако на рубеже XX–XXI вв. в результате быстрого экономического подъема новых индустриальных стран (НИС) ситуация в мировой экономике существенно изменилась. Лидеры НИС Китай и Индия сформировали свое представление о «глобальном порядке», отличающееся от того смысла, который был заложен в глобальные институты при их создании.

В частности, главным в этом представлении стало требование реального доступа для развивающихся стран на рынки развитых стран. Это обстоятельство в совокупности с быстрым ростом числа членов ВТО, явным численным преимуществом развивающихся стран и наличием среди них тех, кто неоправданно продолжает пользоваться полученными ранее привилегиями, привели к фактическому блокированию системы принятия решений на торговых переговорах. Это отчетливо проявилось в ходе затянувшегося более чем на полтора десятилетия Дохийского раунда торговых переговоров. Зафиксированный в Заключительной декларации 10-й Министерской конференции раскол подтвердил тупиковую ситуацию на переговорах Доха-раунда.

В итоге, авторитету важнейшего института глобального экономического управления/регулирования был нанесён ущерб. Кризис системы принятия решений является наиболее серьезной проблемой современной МТС (многосторонней торговой системы). Также за годы своего существования ВТО так и не нашла решения проблемы развития. Членство развивающихся стран привело к некоему парадоксу их участия в работе организации: с одной стороны, они безусловно нуждаются в либерализации и базирующейся на правилах системе торговли, но, с другой, применение этих правил на практике становится для них весьма непростой задачей. Именно в этом заключается проблема развития, которая занимает в последние годы весьма заметное место не только в ВТО, но и в других международных организациях.

Самым опасным вызовом для МТС в настоящее время и на ближайшую перспективу остается протекционизм в его различных формах. Риски для международной торговли заметно обострились с приходом к власти в США президента Трампа, администрация которого сделала протекционизм ведущей составляющей торговой политики США. С начала 2017 г. Вашингтон открыто заявил о готовности нарушить сложившиеся правила международной торговли и даже выйти из ВТО, если этого потребуют национальные интересы страны. Следствием этой политики стали торговые войны с Китаем и другими странами. Протекционизм и

Ильинова В.В.

торговые войны в случае их продолжения создадут весьма серьезную угрозу глобальной экономике и торговле.

Для обеспечения эффективности торговли как минимум необходимы соответствующие правила торгового обмена. Однако ВТО в начале XXI века уже не справляется с задачей своевременного генерирования новых правил, в то время как потребность в них возрастает по мере изменения характера торговли вследствие развития современных технологий, прогресса в международном разделении труда. Насущная потребность в новых правилах не может не побуждать участников торговли к поиску иных путей выработки этих правил уже за рамками ВТО.

Поиск этих путей привел в конце XX – начале XXI века к смещению переговорной активности в сферу региональных и преференциальных торговых соглашений с ограниченным кругом участников. Серьезный прорыв в создании правил торговли за рамками ВТО был достигнут с появлением новых форматов – мега-региональных торговых соглашений (МРТС). Подписанные и вступившие в силу в период 2016–2019 гг. Всеобъемлющее прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства (ВПТТП), Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение между ЕС и Канадой (СЕТА), Соглашение об экономическом партнерстве ЕС – Япония (ЕРА) продемонстрировали, что содержащиеся в них нормы на данный момент либо опережают нормы ВТО, либо создают их там, где многосторонние нормы пока отсутствуют.

Литература.

1. Отчет о глобальных рисках 2019г.// URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_314336800/Otchet.o.globalnykh.riskakh.2019.pdf
2. Отчет о глобальных рисках 2020г.// URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020>
3. Портанский А.П. Мировой кризис и проблема глобального управления // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 4. С. 28–29.

THE ROLE OF INTERNATIONAL ECONOMIC INTEGRATION IN GLOBAL GOVERNANCE

Ilyinova V.V.

Professor, All-Russian Academy of Foreign Trade, Faculty of Foreign Trade Management, Professor of the Department of Management and Trade

Abstract. *Specific features of the global risks that appeared in 2019-2020, as well as the specificity of the economic globalization at the beginning of the 21st century are shown. The role of the integrated economic agglomerations in the global management and the issues of the modern multilateral trade system are discussed. The development of the WTO institute and its impact on the formulation of world's trade rules are described and the problems of WTO functioning and reformation are discussed. The specificities of the new stage of protectionism that emerged after D.Trump came to power are brought out.*

Ильинова В.В.

Megaregional projects developed in the ATR and their role in the trade liberalization are considered.

Key words. *Global risks, economic globalization, global management, regional trade agreements, multilateral trade system, megaregional trade agreements, World Trade Organization, The Trans-Pacific Partnership (TPP), protectionism, rules of international trade*

УДК 330.83; 330.88

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Матковская Я.С.

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова российской академии наук

Аннотация. В статье поднимается вопрос о формировании теоретико-методологической базы для исследования феномена цифровой экономики, что обусловлено проблемой ее идентификации и экономического осмысления. Продолжая развивать данную тематику в этой статье, автор предлагает прежде чем формировать новые подходы и теории, провести своеобразный аудит идей, сформулированных в научных школах в индустриальную и доиндустриальную эпоху. В качестве вывода по данной работе и в качестве предварительного вывода по ретроспективному анализу теоретико-методологических основ исследования феномена цифровой экономики, отмечается, что значительный задел экономистами был создан еще в 20 веке, но всей конструкции цифровой экономики эти школы создать не могли, поэтому автор призывает научное сообщество к изучению и дискуссии.

Ключевые слова. Цифровая экономика, теория цифровой экономики, технологии.

Понятие «цифровой экономики» стало в последние годы одним из самых упоминаемых, как в научной, так и в практической среде, в общественных и политических кругах. Масштабы явления, называемого «цифровой экономикой» растут с увеличивающимися темпами. Этот феномен требует теоретического осмысления, поэтому перед современными учеными стоит важнейшая задача – задача идентификации цифровой экономики, определения степени ее самостоятельности, степени ординарности относительно других экономических моделей (систем), или, напротив, признание теоретической нецелесообразности формирования специальной теоретико-методологической базы, определения ее места в системе социально-экономических и технико-технологических отношений современной общества. Одним из самых концептуальных вопросов, при этом, является то, как рассматривать цифровую экономику – что это: экономическая или рыночная модель, сфера производства, отрасль экономики, хозяйственная система и т. п.? Иными словами, даже при не самом глубоком осмыслении этого явления (феномена), первая сложность возникает уже на этапе формулирования объекта исследования; более того, даже только постановка вопроса о самом объекте исследования инициирует появление целого ряда других вопросов, а те, в свою очередь в геометрической прогрессии ведут к образованию еще целого ряда вопросов и т.д. Таким образом, даже выбор аппарата

исследования (способного описать происходящие процессы цифровизации в современной экономике) становится сложным и неоднозначным.

Казалось бы, к изучению «цифровой экономики» можно было бы подойти просто и рассматривать только цифровые технологии, то есть технологии, обусловленные так называемой «четвертой промышленной революцией» или именуемые «сквозными технологиями», но она (цифровая экономика) затрагивает далеко не только технологические процессы, она формирует новое многообразие экономических, социальных, политических, а также психологических и этических (и т. д.) форм, явлений, закономерностей и т.д. Она уже сейчас показывает свой всепроникающий характер, а значит, не ограничивается только технико-экономическими процессами. Отчасти можно и сказать, что кризисные явления, которые испытывает на себе современная экономика (глобальный финансово-экономический кризис) не причина, а следствие технологической бифуркации, обусловленной резким ростом цифровых технологий, а еще больше – их потенциалом.

При анализе современных качественных характеристик «цифровой экономики» и ее многообещающего потенциала, раскрывающегося с применением каждой новой технологии новые, подчас безграничные возможности развития и трансформаций, создается впечатление, позволяющее сделать, казалось бы, абсурдный вывод: человечество, миновав настоящее, из прошлого сразу оказалось в будущем, описанном фантастами и футурологами двадцатого века. Наука, в том числе экономическая, фактически упустила свой шанс концептуально подготовиться к этому «наступившему будущему». Мы слишком долго и усердно занимались поиском причин глобального финансового экономического кризиса, его последствий и не рассмотрели главного – тех технологических изменений, которые видоизменяют (и уже видоизменяют) структуру мировой экономики и экономик отдельных отраслей и регионов. Но готово ли человеческое сообщество к этому будущему? Какие действия необходимо предпринять, чтобы правильно воспользоваться тем, что создает природа человеческой мысли и механизм научно-технического прогресса? Говоря о «будущем», в данном контексте, надо понимать, что цифровые технологии не только создают особую сферу экономической деятельности, но и трансформируют реальность, дополняя ее, преобразуя. Но это лишь с одной стороны, а с другой – не происходит ничего сверхъестественного – просто у человечества появились новые технологии, которыми оно может распорядиться и которые оно будет использовать в дальнейшем для собственного развития, поэтапно развивая ту или иную сферу приложения результатов НТП. Тогда цифровая экономика – это не что иное, как совокупность нескольких секторов производства благ и услуг. Однако, есть третья сторона – которая обещает разделение мира на цифровое и нецифровое (аналоговое, в терминах Всемирного банка) пространство. С данной позиции цифровое и «аналоговое» пространство будут сосуществовать, лишь косвенно соприкасаясь, хотя, учитывая проникающий характер цифровых

технологий, этот вариант развития событий маловероятен. Но что точно будет иметь место в грядущей модели мировой экономики, так это увеличение степени неравенства (прежде всего, регионального и социального), как в цифровом, так и в нецифровом «пространстве».

Следует отметить, что указывая понятие «цифровой экономики» в кавычках, мы, не претендуя на представление нового определения, подразумеваем, что она оказывает влияние на современные процессы, а в дальнейшем будет формировать всю совокупность социально-экономических, общественно-политических, производственно-технологических отношений, связанных, как с образованием цифрового сегмента экономики и цифровизацией многочисленных процессов, которые приведут, а во многом уже привели, к образованию новых бизнес-моделей на микроуровне и форм конкурентной борьбы на глобальном уровне. В том числе и поэтому сейчас остро необходимо идентифицировать «цифровую экономику», на категориальном уровне сформировать ее принципиальную теоретическую конструкцию, которая могла бы позволить не только определить качество этого социально-экономического и общественно-политического явления, но и создавать основу для реализации функций экономической теории (теоретической экономики), в том числе прогностическую, а значит, способную определять разнообразные, значимые для общественно-экономической жизни трансформации. Таким образом, мы разделяем позиции тех ученых, которые стремятся сегодня (возможно и с опозданием) определить теоретическую модель цифровой экономики. Предполагается, что это можно осуществить двумя путями – сформировать новую экономическую теорию – «теорию цифровой экономики» (или цифровую экономическую теорию) или воспользоваться существующим, разработанным ранее теоретическим аппаратом, выявить те экономические школы, которые способны объяснить происходящие сейчас процессы и те процессы, которые будут происходить в будущем в связи с институционализацией цифровой экономики и цифровых технологий. Скорее всего, объективный подход будет найден на пересечении, возможно, будет сформировано некоторое «неонаправление» (новая неоклассика, цифровой институционализм и т.п.). Но в любом случае необходима идентификация и наличие школ, способных объяснять и прогнозировать процессы, проходящие в современной экономике и обязанные своим появлением именно цифровым технологиям. Как справедливо отмечал М.Блауг, признаваясь в выводах своего монументального труда – «Методология экономической науки или как экономисты объясняют»: «На протяжении этой книги я доказывал, что основная цель экономической теории – предсказывать, а не только понимать» [1, с. 370] и эта задача нам представляется очень важной, необходимо построить жизнеспособную систему представлений о той модели экономических отношений, которая сегодня набирает темпы и будет развиваться завтра.

Очень важным представляется, как уже указывалось выше, прежде чем «бросаться» формировать новую теорию, необходимо провести анализ существующего объема знаний об экономике, проанализировать возможности применения концепций, предложенных великими экономистами прошлых и современной эпохи. Как правильно отмечал Г.Рид, на которого ссылается Ф.Тоффлер: «мы переживаем настолько основательную революцию, что нам необходимо исследовать многие прошедшие века, чтобы найти параллели» [5, с. 13]. Фактически, необходимо начать цикл работ, который посвящен аудиту экономических учений, которые актуальны для современной экономической эпохи и наперед. Необходимо осуществить поиск методологической базы, позволяющей описать сущность и направления развития цифровой экономики или процессов цифровой трансформации и найти его. Или, напротив призвать ученое сообщество к формированию новой теории, позволяющей описать происходящие цифровые процессы, дать им оценку и решить, с какой трансформацией мы имеем сегодня дело – с образованием новой формации или с образованием отдельного сегмента рынка, а также оценить масштабы происходящих перемен и их способность улучшить жизнь человечества, позволить создать модели развития будущего. Мы видим огромный потенциал, который позволил бы ответить на эти насущные вопросы, как в неоклассической экономической теории, в институциональной экономике, в других экономических школах, но в данной работе мы сосредоточились на некоторых, на наш взгляд, реперных точках, которые представляются интересными, а может быть и неожиданными с точки зрения выводов, к которым они позволяют прийти.

Безусловно, изучение вопроса о цифровой экономике и о ее влиянии на мировую систему невозможно без обращения к идеям Дж.Гэлбрейта, Д.Белла, К.Ясперса и др., а также Ф.Фукуямы и, конечно же, А.Тоффлера. Первое, на что обращаешь внимание в работе А.Тоффлера, также переосмысленной нами в контексте изучения цифровой экономики – это замечание, коррелирующее с нашим, данным выше, о наступлении будущего. А.Тоффлер пишет: «Пройдет три десятилетия, оставшиеся до XXI века и миллионы обычных, психически нормальных людей внезапно столкнутся с будущим» [5, с. 10]. Нас ожидает, по мнению А.Тоффлера «разрыв с прошлым», «я не думаю, - пишет А.Тоффлер, поясняя свою мысль о «разрыве с прошлым», – что все это сильно преувеличено» [5, с. 13]. В целом, анализируя сейчас, в начале второго десятилетия XXI века, «Футурошок» А. Тоффлера, можно прийти к выводу о том, что еще не все изменения, в том числе и в сфере техники, не говоря уже об общественных изменениях, предсказанных им, свершились. Многим элементам в его модели будущего только предстоит сформироваться. В том числе и поэтому следует признать тот факт, что его модель – это одна из немногих теоретических моделей будущего, которая актуальна на сегодняшний день.

Сегодня стоит еще раз пересмотреть и переложить на сегодняшнюю реальность сущность явлений, описанных А.Тоффлером, таких, как «чужое

временное сознание», вторгающееся в Европу из Америки [5, с. 34]. «интервал ожидания» [5, с. 35], «теория трансенции» (быстротечности)» [5, с. 36], «модульного человека» [5, с.72]. По мнению А.Тоффлера эти и другие явления ведут к «реорганизации», которая является «совершенно необходимым следствием ускорения перемен», а «Перемены создают совершенно новый климат и набор проблем» [5, с. 99].

Динамический характер технологического развития, особенно развивающегося в наши дни и стремящегося к нарастанию в будущем, причем, даже, в недалёком, что обусловлено развитием искусственного интеллекта, характеризуется ёмкой фразой А.Тоффлера – «технология подпитывает сама себя» [5, с. 23] и дополняется прогнозом, которому сложно дать позитивную или негативную оценку: «интеллект и творчество перестанут быть монополией человека» [5, с. 164].

В свете указанного выше, нам, экономистам, следует признать справедливость критики, высказанной в наш адрес А.Тоффлером: «Вынужденные мыслить прямолинейно, экономисты с большим трудом могут представить себе альтернативы коммунизму и капитализму, они не видят в росте крупномасштабной организации ничего, кроме линейной экспансии традиционной бюрократии. Они видят технологический прогресс как просто неревolutionное продолжение известного хода вещей. Обладая этим недостатком, обучение мышлению в ограниченных пределах, они едва могут представить себе общество, в котором основные материальные потребности человека были бы удовлетворены. Одна из причин недостатка их воображения заключается в том, что они думают о технологическом прогрессе, они концентрируются исключительно на средствах экономической деятельности. Но супериндустриальная революция также подвергает сомнению эти аспекты. Она угрожает изменить не только «как» производства, но и «почему». Короче говоря, она преобразует само назначение экономической деятельности. Перед таким переворотом даже самые сложные инструменты сегодняшних экономистов беспомощны» [5, с. 171]. Давая столь жесткую, но справедливую оценку экономическому мышлению, А.Тоффлер продолжает: «Только выйдя за рамки ортодоксальной экономической мысли и исследуя эти возможности, мы можем начать готовиться к завтрашнему дню» [5, с. 172], а рассуждая о «смерти технократии», футуролог отмечает: «Нам не нужно возвращение к иррациональному прошлому, не пассивное принятие изменений, не отчаяние или нигилизм, вместо этого нам нужна сильная новая стратегия» [5, с. 369].

Этой значимой фразой можно было бы как начать данную работу, так и закончить ее, призывая научное сообщество переосмыслить достижения ведущих экономистов прошлого, осуществить пересмотр экономических доктрин и подходов и сформировать актуальную и перспективную теоретико-практическую концепцию экономической системы и ее динамики. Но хотелось бы еще добавить, что мы (человечество, а не только экономисты) сейчас, в отличие от тех, кто

размышлял об экономике в середине и во второй половине XX века, не имеем моделей будущего, не строим коммунизм, не описываем в наших трудах ни «утопий», ни «антиутопий», слабо развиваем научно-обоснованную футурологию. Между тем все это нам необходимо для того, чтобы располагать «картинами будущего». В этом отношении весьма справедливой кажется и еще одна мысль А.Толфлера: «Сегодня мы страдаем от недостатка утопических идей, вокруг которых можно было бы организовать сопоставимые картины будущего» и от отсутствия антиутопий в том числе» [5, с. 381]. Действительно, большинство современных прогнозов дискретно, они, как правило, распространяются на три, максимум четыре десятилетия вперед и связаны, в основном с экологическими аспектами, энергетическими вопросами, развитием Интернета, медицины, но не выработано сильной, пусть полемичной, но общепризнанной в этом качестве, доктрины будущего, парадигмальной структуры, нет сильной научной школы, которая описывала бы общественное, экономическое, институциональное устройство будущего, какими моделями нас, в свое время, обеспечивали институционалисты, описывающие постиндустриальную эпоху или фантасты, такие как К. Чапек, А. Азимов, Р. Брэдбери, Ф. Дик, Дж. Оруэлл, Г. Уэллс, А. и Б. Стругацкие, А. Платонов и др.

Продолжая поиски экономического направления, созданного великими экономистами, актуальными для переосмысления в свете цифровых трансформаций, нельзя обойти вниманием Й.А. Шумпетера, который, раскрывая содержание своей «теории развития», подтверждает то, что и ранее экономическая наука сталкивалась с проблемой технического доминирования представлений об экономике. Подчеркивая значимость развития специальных отдельных взглядов экономистов на развитие экономики, Й. Шумпетер пишет: «Идеальная техническая картина, не учитывающая экономических условий, модифицируется. И поэтому в реальной действительности экономическая логика одерживает верх над техникой» [6, с. 73]. Надо отметить, что сегодня можно сказать, что создаваемые цифровой экономикой блага необходимы для общества, но являются ли цифровые технологии отдельным фактором производства? Могут ли они играть и активную, и пассивную роль? Действительно, во всех основных факторах производства (земля, труд, капитал) уже присутствуют цифровые технологии, но цифровые технологии могут и рассматриваться как знания (технологии), уже традиционно выделяемые как четвертый фактор производства. Возможно, в будущем будет актуально поставить и вопрос о том, чтобы цифровые технологии рассматривать и в качестве отдельного, дополнительного, n-ного фактора? Хотя сейчас это представляется нелогичным. Изучение цифровой экономики неизбежно приводит исследователя к необходимости постановки вопросов, таких как, какова специфика потребления в цифровой экономике и потребление цифровых продуктов? Как рассматривать потребительную стоимость цифровых благ и вообще потребительную стоимость в цифровой экономике? Какова природа дифференциальной ренты? Что логичнее

рассматривать: цифровое хозяйство или цифровой рынок? А может быть целесообразно говорить о современной модели экономики, как реализующей в рамках этих двух представлений? Является ли современная экономика рыночной (в контексте исследования ее цифровых трансформаций, изучаемых в настоящей работе)? Этот вопрос актуален с нескольких позиций. Она озвучена не только Й. Шумпетером, но именно ему принадлежит мысль о том, что в рыночном хозяйстве «... цены все продуктов при свободной конкуренции должны были бы быть идентичными ценам заключенных в них услуг труда и природы» [6, с. 93].

На передний фланг выходит и другая идея Й. Шумпетера – его теория экономического развития, глубокое понимание которой с точки зрения современной экономики указывает на два ее вывода, первый из которых связан «с постоянными изменениями исторических условий, которые именно по этой причине становятся исторически индивидуальными во времени. Данные изменения не совершают кругооборота, который бы почти систематически повторялся, столь же мало являются они и колебательными движениями вокруг некоторого центра. Оба эти обстоятельства дают нам определение понятия общества в совокупности с другим фактом – с тем фактом, что понято из предыдущего, а там, где этого в отдельных случаях не удастся добиться удовлетворительным образом, мы признаем существование неразрешенной, но отнюдь не неразрешимой проблемы» [6, с. 149].

Цифровая экономика, а, точнее, цифровые технологии, будучи результатом НТР, проявляются в экономической сфере именно в той форме, де факто, как это было описано выше, создают новые условия для развития, а не для кругооборота в шумпетеровском понимании, который предлагает под «развитием» понимать «лишь такие изменения хозяйственного кругооборота, которые экономика сама порождает, то есть только случайные изменения, «представленного самому себе», а не приводимые в движения импульсами извне народного хозяйства... Обычный рост экономики, выражающийся в увеличении населения и богатства, также не рассматривается здесь как процесс развития, так как он не порождает новые в качественном отношении явления, а всего-навсего дает толчок процессам их приспособления, подобно тому, как это происходит при изменении природных показателей» [6, с. 154]. Таким образом, возникшее в технической сфере, ставшее возможным, благодаря информационным технологиям (ИКТ), неожиданно создавшее само по себе эффективные механизмы коммерциализации знаний в области ИКТ, явление цифровой трансформации (цифровой экономики) является во многом, естественным процессом, ведущим к развитию, а не росту и не к кругообороту, оно ведет экономику к еще более неравновесному состоянию, чем то состояние экономики, к которому оно приходит в результате финансово-экономических кризисов или кризисов перепроизводства, поскольку в состояние неравновесия вводится не надстройка, а базис, но реализовано любое нововведение в обществе и в экономике будет только в случае наличия запроса

субъектов экономики на него, его востребованности в экономических процессах на разных уровнях.

Вместе с тем описание шумпетеровской теории развития – «по траектории» придает особую актуальность в описании современных трансформаций. Согласно Й. Шумпетеру развитие «представляет собой изменение траектории, по которой осуществляется кругооборот, в отличие от самого кругооборота», оно «представляет собой смещение состояния равновесия в отличие от процесса движения в направлении состояния равновесия, однако не любое такое изменение или смещение, а только, во-первых, стихийно возникающее в экономике, и, во-вторых, дискретное, поскольку все прочие изменения и так понятны, и не создают проблем. А наша теория развития есть – что еще не заключено в признании факта существования особого явления – специфической, ориентированной на данное и вытекающее из него явление и с ними проблемы метод исследования, есть теория разграниченных таким образом изменений траектории свершения кругооборота, теория перехода народного хозяйства от заданного на каждый данный момент времени центра тяготения к другому («динамика») в отличие от теории самого кругооборота, от теории постоянной адаптации экономики к меняющимся центрам равновесия и *ipso facto* также влияний этих изменений («статика»)» [6, с. 157]. Ранее Й. Шумпетер подчеркивает, что «Развитие в нашем понимании – и то, что обычном понимании слова является в нем, с одной стороны, «чисто экономическим», а с другой – принципиально важным с точки зрения экономической теории, – есть особое, различимое на практике и в сознании явление, которое не встречается среди явлений, присущих кругообороту или тенденциям к равновесию, а действует на них лишь как внешняя сила» [6, с. 157].

Й. Шумпетер продолжает эту важную для нас мысль: «Эти стихийные и дискретные изменения траектории свершения кругооборота и смещения, центра равновесия имеют место в сфере промышленности и торговле, но не в сфере удовлетворения потребностей потребителей конечных продуктов» [6, с. 157]. Это замечание Й. Шумпетера несколько ограничивает для нас возможности применения его теории экономического развития к проблемам цифровой экономики, хотя далее он отмечает, что потребление изменяется тогда, когда «производство привьет потребителям новые потребности» [6, с. 158], то есть инициатива изменений и развития вновь остается за производителями, что вполне справедливо относительно современного глобального олигополистического рынка.

Сдерживающим фактором для развития цифровой экономики, следуя логике Й. Шумпетера, будет выступать проблема «изъятия средства производства (вне всякого сомнения имеющихся средств) из кругооборота и их направления в новую комбинацию» [6, с. 165]. Таким образом, цифровая экономика – это экономика развития.

Развивая вышеуказанную мысль о том, что, начиная с 2007–2008 года, мировая экономика испытывала на себе не столько глобальный финансово-

экономический кризис и его последствия, сколько находилась в точке бифуркации, обусловленной научно-технической революцией, следует отметить, что в работах Й. Шумпетера мы также находим подтверждение этому тезису. Кризисы, с позиции ученого «связаны с нарушением промышленного развития и причины их могут быть экономическими и внеэкономическими» [6, с. 397]. «Главный признак явления кризиса, - продолжает он, – состоит в том, что кризис нарушает прежний ход развития экономики, прерывая поступательное движение» [6, с. 398]. Следовательно, если, по-иному взглянуть на природу кризиса, например, с позиций латерального мышления Де Боно [4], то именно зарождение цифровой экономики спровоцировало кризис (или спровоцирует в будущем), реализовав их (кризисов) важнейшее прогрессивное назначение: «кризисы являются поворотной точкой экономического развития» [6, с. 398]. Причем, Й. Шумпетер не призывает нас изучать явление кризисов в этом контексте, отмечая, что само по себе «распространенное понятие кризиса» «не представляет для нас никакого особого теоретического интереса» [6, с.399] и делает вывод о том, что «начав с проблемы кризисов, пришли к другой проблеме, которую считаем основной – к проблеме процветания (Prosperität) и депрессии (Depression)» [6, с. 400].

Следуя этой логике, современное состояние экономики можно считать депрессивным, когда причиной депрессии стало развитие цифровых технологий. Это иллюстрируется следующей мыслью Й. Шумпетера: «Процессы, происходящие в период депрессии являют собой картину неуверенности и беспорядочности, которую мы понимаем, как поиски нового равновесия, адаптации к относительно быстрым и существенным изменениям общей ситуации. Подобная неуверенность и беспорядочность вполне понятна. Для каждого предприятия изменилась привычная ситуация. О степени и типе и изменений можно судить лишь из опыта. Появляются новые конкуренты, уже нет старых клиентов и поставщиков, необходимо приспособиться к новым методам хозяйствования в любой момент могут произойти непредвиденные события...» [6, с. 415].

Конечно, приводя позицию Й. Шумпетера, нельзя не коснуться роли предпринимателя в цифровой экономике и этому вопросу, конечно, следует посвятить отдельную работу, но в рамках данной, обратим внимание и на то, что цифровая экономика, безусловно, трансформирует и роль и функции предпринимателя, но, что вряд ли изменится в особенностях предпринимательства, так это то, что и в новых условиях «премия за риск» не станет, как и ранее не являлась, «для производителя источником прибыли, таковыми они служат, в лучшем случае, для страховой компании» [6, с.98]. Огромный потенциал для осмысления происходящих финансовых процессов, инициированных цифровыми технологиями, имеют и взгляды Й. Шумпетера на природу денег, кредит, банки и т. д., им автором планируется посвятить другие работы, так как роль финансовых институтов еще более возрастает в цифровой экономике. Поэтому весьма актуальна и эта мысль Й. Шумпетера: «банкир – не

столько посредник в торговле товаром», «сколько производитель этого товара... По существу, он – феномен развития, впрочем, банкир делает возможным существование новых комбинаций и, выступая от именно народного хозяйства, выдает полномочия на их осуществления. Он – эфор рыночного хозяйства» [6, с. 169].

Изо всего изложенного, процитированного и прокомментированного из работ Й. Шумпетера следует, во-первых, то, что в современной экономике не произошло ничего сверхординарного, в истории экономики существовали аналогичные прецеденты, а во-вторых, что теория экономического развития Й.А. Шумпетера даже в первоизданном, а не в некотором «неошумпетерианском» виде способна давать оценку происходящим событиям, экономическому поведению тех или иных субъектов на всех уровнях и во всех сферах экономической деятельности, описывать экономические явления, выявлять и анализировать экономические формы и модели экономической деятельности. Но это не упрощает задачи современного исследователя, как и не упрощало и задачи исследователя начала 20 века. Причиной этому является сложность и многоуровневость экономических процессов и причинно-следственных связей, доминирующих в нем. В связи с этим Й. Шумпетер справедливо отмечал, что «мирохозяйствование обладает относительной автономией, потому что оно занимает столь значительное место в жизни народа, а также формирует большую часть остальных сфер жизни или оказывает на них влияние. Поэтому отобразить экономическую историю само по себе – это совершенно иное дело, чем, скажем, изложить историю войн» [6, с. 150].

Во многом открытием становится то, что осмысление качества цифровой экономики и оценка перспектив ее развития приобретают новые динамические характеристики, если основываться на идеях Ф. Броделя. Позиция этого французского ученого, экономиста, непревзойденного специалиста по истории экономики, представляется очень важной и содержательной в отношении исследуемого объекта. Одним из важнейших значимых для изучения цифровой экономики подходов, которые можно почерпнуть у Ф. Броделя является проведенная им дифференциация между рыночной экономикой и капитализмом, а также его тезис о том, что «никакой экономики «в себе» не существует» [3, с. 10]. Эта идея, заявленная в его лекции «Переосмысливая материальную и экономическую жизнь», отражающая результаты работы «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» весьма актуальна, как способная защитить исследователей от вычленения цифровой экономики из всей структуры современной экономики, а такие попытки уже осуществляются неэкономистами. Автору, изучающему не только экономическую литературу, но и техническую по параметрическим элементам цифровой экономики (цифровых технологий), приходилось наблюдать набирающие распространение представление о том, что цифровые трансформации рассматриваются только в техническом разрезе, что ведет к тому, что цифровые технологии создаются только для технических целей,

в отрыве от экономической составляющей, что совершенно неприемлемо для развития не только экономики, но и общества и самих цифровых технологий. Любой досуг, творчество, спорт, могут осуществляться личностью для самих себя, но это не может априори касаться экономики. Цифровые технологии не могут развиваться без экономического начала, для них, как минимум нужны ресурсы, спрос и организация. Вместе с тем, цифровая экономика, в любом случае, является частью экономической системы.

С этим же аспектом связана и другая, актуальная на сегодня, идея Ф. Броделя о дифференциации мировой экономики, как «рынка всего мира» и «мир-экономики», под которым, опираясь на немецкий термин *Weltwirtschaft* он понимает «экономику лишь некоторой части нашей планеты в той мере, в какой она образует экономически единое целое» [3, с. 85] и обладает признаками – некоторой географической целостностью, полюсом, «концентрически расположенными зонами», включая «центр», «промежуточные зоны», «периферию» [3, с. 85–87]. Согласно его идее – «мир-экономика» – это не просто национальная экономика или замкнутая национальная экономика, более того: «Я, – пишет Ф. Бродель, – даже прихожу к мысли о том, что любой мир-экономика часто управляется снаружи» [3, с. 99], а национальная экономика – это – «политическое пространство, превращенное государством в силу потребностей и под влиянием развития материальной жизни в связанное и унифицированное экономическое пространство, деятельность различных частей которого может быть объединена в рамках одного общего направления» [3, с. 105].

Весьма значимым для исследования цифровой экономики является разделение Ф. Броделем «двух уровней рыночной экономики». «Нижний этаж, – пишет Ф. Бродель, – с его рынками, лавками, торговцами вразнос, и верхний, на котором располагаются ярмарки и биржи» [3, с. 28], им отмечается и дифференциация этих рыночных механизмов в разных регионах. Изучая эту мысль Ф. Броделя, невозможно не задуматься о том, к какому уже из этих уровней может быть отнесена цифровая экономика или она находится на третьем уровне, а может быть, и сосуществует на обоих уровнях. Ответ на этот вопрос мы находим в другой работе Ф. Броделя (лекция «Игры обмена»), в которой (как и в некоторых других своих работах) французский ученый дифференцирует рыночную экономику и капитализм: «мы предполагаем различать оба эти сектора, которые, на наш взгляд, не сливаются в единое целое» [3, с. 44]. «Рынок, – продолжает он свою мысль, – представляет собой лишь несовершенную связь между производством и потреблением – несовершенную хотя бы в силу того, что она является неполной» [3, с. 49]. Основываясь на анализе процессов, связанных с образованием рынков, перехода экономики от феодальной эпохи к капиталистической, Ф. Бродель делает вывод, который, на наш взгляд очень актуален в силу сложившихся дискуссий о цифровой экономике и позволяет предложить тезис о ее сущности. Так, Ф. Бродель настаивает на отделении рыночной экономики от капитализма. Он пишет: «Прежде всего, некоторые

процессы, протекающие между XV и XVIII веками, нуждаются в особом названии. Присмотревшись к ним, убеждаешься, что простое отнесение их к рыночной экономике в обычном понимании граничит с абсурдом. Слово же, которое при этом само приходит на ум – это капитализм. В раздражении вы гоните его в дверь – оно тут же возвращается в окно. Ибо вы не находите для него адекватной замены – это симптоматично. Как сказал один американский экономист, лучшим доводом за использование словом капитализм, как бы его не порочили, является тот факт, что не найдено ничего другого, чтобы его заменить. Конечно, этот термин обладает существенным недостатком: за ним тянется целый шлейф споров и ссор. Однако эти споры – добрые, менее добрые и вовсе вздорные – не могут быть, по правде говоря, проигнорированы; нельзя действовать и вести обсуждение так, как если бы их не существовало. Есть и еще более серьезный недостаток: это слово наполнено смыслом, который придает ему современная жизнь» [3, с. 50–51]. Приводя историко-логический анализ, Ф. Бродель делает вывод: «Капитализм и рыночную экономику обычно не различают потому, что они развивались одновременно – со Средних веков до наших дней, а также потому, что капитализм часто представлялся как двигатель или вершина экономического прогресса. В действительности, все несет на своей широкой спине материальная жизнь: если она набирает силу, то все движется вперед; вслед за ней, в свою очередь, быстро усиливается рыночная экономика, расширяя свои связи. Однако от этого роста всегда выигрывает капитализм» [3, с. 67–68]. Оппонируя в этом контексте Й.А. Шумпетеру, Ф. Бродель делает интересное замечание: «Я не думаю, что Йозеф Шумпетер был прав, когда представлял предпринимателя неким *dues ex machina*. Я упорно продолжаю считать, что решающим является общее движение, и что любой капитализм соответствует прежде всего той экономике, на которую он опирается... Будучи привилегией немногих, капитализм немислим без активного пособничества общества. Он необходимо является реальностью социального и политического порядка и даже элементов цивилизации. Ибо необходимо, чтобы в известном роде все общество более или менее приняло его ценности» [3, с. 68]. Таким образом, «цифровая экономика», являясь частью рыночной экономики, укрепляет капитализм. Отличительной чертой капитализма, отличающего его от рыночной экономики, согласно концепции, этого французского ученого является иерархия. «Капитализму необходима иерархия. Но что такое иерархия... капитализм не изобретает, а лишь использует иерархии, так же как он не изобрел ни рынка, ни потребления. В долгой исторической перспективе капитализм – это вечерний час, который приходит, когда уже все готово. Другими словами, проблема иерархии как таковая лежит за пределами капитализма, трансцендентна по отношению к нему, логически ему предшествует» [3, с. 79–80]. Эта мысль заставляет задуматься, что следует, наверное, говорить не о цифровой экономике, а о цифровом капитализме и в данный момент мы живем в эпоху образования цифрового капитализма.

«Главной привилегией капитализма ныне, как и в прошлом, – пишет Ф. Бродель в заключении к анализу промышленной революции и экономического роста («В виде заключения: реальности исторические и реальности нынешние»), – остается свобода выбора, – свобода, которая зависит одновременно от его господствующего социального положения, от веса его капиталов, от его способности делать займы, от его информационной сети и в меньшей степени от тех связей, которые создают между членами могущественного меньшинства, как бы оно ни было разделено игрой конкуренции, ряд правил и форм соучастия» [4, с. 642]. Капитализм обладает «способностями к приспособлению», «подвижностью», «воспроизводительной силой», которые не «защищают капитализм от любого риска» [4, с. 643], а в разделе «Выживет ли капитализм», Ф.Бродель подчеркивает, что капитализм становится «все более и более делается некой превосходной степенью» [4, с. 650].

Основываясь на концепции Ф. Броделя можно выделить три признака «цифрового капитализма»: во-первых, он «основывается на использовании международных ресурсов и возможностей, он существует в мировом масштабе, по крайней мере, стремится заполнить весь мир. И главная его нынешняя забота состоит в восстановлении этого универсализма». Во-вторых, он «... опирается на монополии де-факто... Организация... по-прежнему приводит рынок в действие». В-третьих, «вопреки тому, что обычно говорится, капитализм не распространяется на всю экономику, на все занятое трудом общество; он никогда не заключает ни того, ни другого в свою, как утверждают, замкнутую совершенную систему. Тройное членение... на материальную жизнь, рыночную экономику и капиталистическую экономику (последнюю со значительным дополнением), сохраняет удивительную разрешающую способность и объяснительную силу» [3, с. 118].

К сожалению, в настоящей работе были представлены только три позиции. Эти позиции, будучи созданным в индустриальную эпоху выдерживают самую жесткую критику относительно своей состоятельности и универсальности для решения разного рода проблем развития цифровой экономики. Конечно, это исследование будет нами продолжено, а начато оно с изучения институционального взгляда на цифровую экономику (в печати). Однако пока наши поиски «идеальной» экономической школы, которая сразу бы дала ответы на все вопросы не увенчались успехом, хотя справедливости ради надо отметить, что нами приведены только несколько взглядов известных ученых. Поэтому в качестве вывода по данной работе и в качестве предварительного вывода по ретроспективному анализу теоретико-методологических основ исследования феномена цифровой экономики, следует отметить, что ряд ученых еще в двадцатом веке пришли к ряду важных выводов, которые помогут сформировать адекватную концепцию цифровой экономики, по меньшей мере в контекстах пересмотра позиций экономистов, применения теории экономического развития к исследованию и моделированию процессов, постановки вопроса о цифровом

Матковская Я. С.

капитализме, - в любом случае, необходимо продолжать эту работу, ученым-экономистам необходимо решить ряд задач теоретико-методологического характера, чтобы суметь не допускать ошибок в будущем.

Литература

1. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. Пер. с англ. Науч. ред и вступ. ст. В.С.Автономова. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
2. Бродель, Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т.3. Пер. с франц. М.: Прогресс, 1992. – 680 с.
3. Бродель, Ф. Динамика капитализма. Смоленск: «Полиграмма», 1993 – 128 с.
4. Де Боно, Э. Латеральное мышление. – СПб.: Питер-Пресс, 1997.
5. Тоффлер, А. Футурошок. – СПб.: Лань, 1997. – 464 с.
6. Шумпетер, Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры): пер. с нем. – М.: Издательство «Прогресс», 1982. – 456 с.

TO THE QUESTION OF FORMING A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF STUDYING OF THE PHENOMENON OF DIGITAL ECONOMY

Matkovskaya Ya. S.

*Doctor of Economy Sciences, prof. Leading Researcher
of the V.A. Trapeznikov ICS RAS*

Abstract: *the author raises the question of the formation of a theoretical and methodological base for studying the phenomenon of the digital economy, which is due to the problem of its identification and economic understanding. Continuing to develop this topic in this article, the author proposes, before forming new approaches and theories, to conduct a kind of audit of ideas formulated in scientific schools in the industrial and pre-industrial era. As a conclusion on this work and as a preliminary conclusion on a retrospective analysis of the theoretical and methodological foundations of the study of the phenomenon of the digital economy, it is noted that a significant backlog by economists was created back in the 20th century, but these schools could not create the entire construction of the digital economy, therefore the author calls scientific community to study and discussion.*

Key words: *digital economy, theory of digital economy, technology.*

УДК 339.91

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ БРЕНДОВ
В КОСМЕТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ
(НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ L'OREAL)**

Груздева И.Г.

*кандидат экономических наук, доцент, кафедры менеджмента и маркетинга,
Всероссийская Академия Внешней Торговли*

***Аннотация.** В настоящее время Группы компаний L'Oreal активно использует электронную коммерцию для предоставления услуг своим клиентам. Объединение онлайн и офлайн каналов открывает широкие возможности для бизнеса. В партнерстве с канадской компанией Modiface Группа компаний L'Oreal развивает технологии дополненной реальности, которые позволяют их клиентам виртуально испытать новые продукты и примерить новые луки. Предложенное решение помогает потребителям чувствовать себя более уверенными в правильности своего выбора и ведет к росту покупок. Интернет продажи группы растут и в настоящее время составляют 11% её консолидированного объема продаж.*

***Ключевые слова:** группа компаний L'Oreal, бизнес трансформация, машинное обучение, дополненная реальность, Modiface, Founder's Factory, блогеры, цифровые платформы, электронная коммерция.*

В настоящее время позиции парфюмерно-косметической компаний (далее бьюти-компаний) на глобальном мировом рынке оказываются теснейшим образом связаны с их способностью к бизнес трансформации, что подразумевает своевременную адаптацию к постоянно меняющимся условиям внешней бизнес среды и умение успешно конкурировать с другими участниками рынка. В ходе бизнес трансформации компании сталкиваются с необходимостью перенастраивать внутренние бизнес процессы и бизнес модели, совершенствовать предлагаемые продукты и услуги с целью максимально полного удовлетворения потребностей существующих клиентов и привлечения новых, а также развивать инновационные технологии продвижения и каналы сбыта продукции, приемы и инструменты брендинга.

В настоящее время, в эру Facebook, Instagram и Youtube, именно цифровые решения трансформируют бьюти-индустрию в целом и определяют положение бьюти-компаний на рынке, поэтому часто вслед за цифровой революцией 4.0 эксперты называют её индустрия красоты 4.0 и отмечают, что значительный рост индустрии за последнее десятилетие произошел именно под влиянием цифровых технологий.

По оценкам аналитиков банка JP Morgan, рост индустрии красоты в 2018 составил 6% году, сгенерировав розничные продажи в размере 320 млрд. долл. Ключевыми странами роста в последние два года стали Китай, США, Япония,

Бразилия и Германия. При этом, по данным Euromonitor International, объем российского рынка косметики в 2018 г. насчитывает 8,8 млрд. долл., что составляет около 2% от мирового оборота товаров косметики и парфюмерии. Согласно данным Euromonitor International рост продаж глобально показали такие категории: товары по уходу за кожей (7,6%), уход за волосами (7,2%), парфюмерия (5,5%), декоративная косметика (5,2%). Интересно отметить, что опережающий рост товаров ухода за кожей объясняется влиянием культурных предпочтений так называемого «поколения селфи» – молодых людей, которые активно используют Instagram и им важно, чтобы кожа на фотографиях выглядела ухоженно.

Что же революционно-нового привнесли информационные технологии в стабильно развивавшуюся индустрию? Важный аспект изменений связан, прежде всего, с сопутствующими цифровизации сетевыми эффектами. Сетевой эффект – это эффект, который пользователь товара или услуги оказывает на ценность этого продукта или услуги для других пользователей. Сетевые эффекты с моментальной скоростью разносят по всему миру не только новости, связанные с компанией, но и реакцию ее клиентов, которая может быть, как положительной, так и отрицательной. Помимо этого, ужесточается конкуренция, так как через цифровые каналы начинают продавать свою продукцию «новые игроки» – небольшие компании, которые выводят свои продукты под новыми брендами. Например, создатели парфюмерной марки Sillage Paris работают только через интернет, тем самым, не тратясь на дополнительные расходы в виде офиса и склада, и позволяют клиентам самим подобрать аромат с помощью специального опросника в Instagram. Таким образом, под воздействием цифровых технологий клиентские предпочтения начинают кардинально меняться и «старые игроки» должны выстраивать стратегии по формированию и управлению покупательской лояльностью с учетом всех происходящих на рынке изменений. Привлечение качественного лояльного покупателя в современных условиях возможно, если бьюти компания найдет для себя оптимальный путь цифровой трансформации и перейдет от просто разработки качественного продукта (не важно, в каком сегменте – люкс или масс-маркет) к трансформации его в предмет доступности, кастомайзингу, облачению в максимально персонифицированную форму, завоеванию покупателя через создание именно «своей», индивидуальной для него косметики.

Дело в том, что цифровая трансформация открывает новые возможности для игроков на бьюти рынке благодаря:

- использованию инструментов e-commerce,
- разработке платформ, которые предлагают инструменты моделирования и визуализации косметических продуктов,
- разработке более продвинутых косметических технологий, которые решают вопрос персонализации косметических продуктов в зависимости от запросов клиентов,
- улучшению качества производимого продукта посредством нового интеллектуального оборудования,

Груздева И.Г.

– использованию наработок стартапов в области искусственного интеллекта, которые осуществляют разработки с использованием дополненной реальности,
– созданию приложений, которые реализуют возможность создания виртуального макияжа или вариантов изменения цвета волос,
– совершенствованию существующих маркетинговых технологий и стратегий, например стратегии вывода товаров на рынок, с учетом требований цифровой экономики.

Использование перечисленных возможностей цифровой трансформации позволило выйти на новый уровень эффективности, одному из ведущих лидеров бьюти рынка глобальной компании L'Oreal.

Компания L'Oreal была основана в 1909 году французским химиком Эженом Шюллер. Первым продуктом компании стала нетоксичная краска для волос Schueller, разработанная в 1907 г. и продаваемая в парижские салоны красоты. Два года спустя, в 1909 г., молодой химик зарегистрировал свой бизнес под названием Safe Hair Dye Company of France. В 1957 г. его дочь Лилиан Бетанкур унаследовала L'Oreal, став главным акционером компании. В 1963 г. компания стала публичной, но за Бетанкур сохранился контрольный пакет акций. В 1974 г. она обменяла почти половину своей доли на 3% акций «Nestlé». Именно при Бетанкур L'Oreal стал крупнейшим в мире производителем косметики. В 2017 г. Forbes оценил капитализацию компании в 07,5 млрд. долл., что позволило ей занять 198 место в рейтинге 2000 крупнейших компаний мира. На сегодняшний день в L'Oreal работают почти 90 000 человек, компания в 2018 г. показал рост 5,5% и объем продаж более 200 млрд евро во всем мире, её бренд портфолио включает 500 международных брендов. L'Oreal считает цифровую трансформацию бизнеса критическим фактором успеха своего развития в последние годы.

Какие же конкретные изменения позволили компании расти в последние годы, во многом опережая показатели рынка?

1. Прежде всего, цифровые технологии позволила выстроить новые каналы взаимодействия с потребителями.

Теперь информация о предлагаемых продуктах предлагается через сайты, специально разработанные приложения, каналы в мессенджерах, информационные порталы в социальных сетях.

Цифровые технологии позволили создать новый канал дистрибуции. Сейчас на него приходится 11% всех глобальных продаж, что составляет более 2 млрд евро. Люди легко переходят на приобретение косметики онлайн, например, в Китае более 40% косметики люксовых брендов приобретается через интернет.

2. Цифровые технологии изменили и традиционный ритейл.

Объединение онлайн-овых и оффлайн-овых каналов позволило создать омни-канальный ритейл, а потребитель может теперь получать сервис одинакового уровня, используя любой из каналов. Клиента также можно стало идентифицировать по его номеру карты лояльности, мобильного телефона, а обмен данными между оффлайн точками продаж и онлайн площадками позволил собрать больше

информации о покупательских предпочтениях клиентов и степени их лояльности к брендам компании.

3. Обработка огромных массивов данных о клиентах компании позволило глубже понять их потребности, их требования к качеству потребляемой продукции, а также какие факторы влияют на их покупательское поведение.

Процесс покупки кажется простым только на первый взгляд, на самом деле он достаточно сложен и очень важно учитывать все существующие нюансы: как человек ищет информацию о продуктах, как делает выбор, как люди информируют друг друга уже о состоявшейся покупке. Ведь поведение потребителей меняется очень быстро, эксперты говорят, что за последние три года оно изменилось больше, чем за предыдущие тридцать лет. Поэтому, чтобы опережать запросы клиентов, компания анализирует самые разные данные, от постов в социальных сетях до колебаний мировых обменных курсов, а извлечение информации из этих массивов данных позволяет L'Oreal точнее учитывать переменные, влияющие на поведение потребителей.

4. Основным становится направление персонализации: взаимодействия с потребителем, продукта, контента, рекламы.

Например, направление персонализации косметики известно с момента зарождения индустрии красоты. Ранее проблему подбора индивидуальных средств решали маркетинговыми средствами, сейчас - с помощью технологий. По статистике, 50% женщин не могут правильно подобрать оттенок тонального крема, особенно это касается тех, у кого светлая или очень темная кожа. Для решения данной проблемы L'Oreal приобрела IT-компанию Modiface с их разработками в области дополненной реальности (AR) и модифейс – клиент смотрится в зеркало, оно анализирует и выдает результат: такой цвет волос стоит носить, впишется ли этот крем в программу ухода за кожей и какой тональный крем подходит, а какой – совсем нет. В данном случае визуализация дает ощущение реальности и предельной достоверности.

В результате партнерства с Modiface были разработаны несколько новых сервисов на основе искусственного интеллекта (machine learning): подбор цвета волос (для бренда L'Oreal Professionel), виртуальная «примерка» макияжа, диагностика состояния кожи лица. С приобретением Modiface L'Oreal опробовала новую бизнес модель: компания стала приобретать уже не просто бьюти бренды, а технологические компании и бьюти-техстартапы. В отношении стартапов L'Oreal проводит системную работу, обеспечивающую компании прямой доступ к мощной глобальной экосистеме стартапов и инновационных технологий, что позволяет инвестировать на ранних стадиях в инновационные бизнес модели, основанные уже на цифровых платформах. С этой целью L'Oreal вступил в эксклюзивное партнерство с Founders Factory's для получения возможности инвестировать в бьюти-тех стартапы по всему миру, а также создала Технологический Инкубатор, расположенный в Сан Франциско, в котором разрабатывается ряд прорывных цифровых сервисов, таких как всемирно

известный Makeup Genius, виртуальный make-up тренер, загруженный более 20 миллионов раз.

В 2019 г. L'Oréal анонсировала запуск DTC (Direct-To-Consumer) платформы Color&Co, которая позволяет потребителям получить желаемый ими цвет волос, не покидая собственного дома, за счет индивидуальных консультаций колориста и советов эксперта. DTC платформы дают возможность обеспечить каждому потребителю уникальный опыт как в магазине, так и онлайн, за счет объединения персонализированных продуктов и уникальных сервисов. Данный канал является критически важным для различных инициатив по выстраиванию дальнейших отношений с потребителями.

Кроме того, L'Oreal внедряет технологии искусственного интеллекта совместно с компьютерным разработчиком AI Automat Technologies Inc, который осуществил запуск службы Beauty Glitter в Facebook – пользователи могут общаться и советоваться с ботом при выборе и покупке косметических средств. Компьютерный собеседник запрограммирован задавать ряд вопросов, которые помогут определить характеристики профиля покупателя. Проанализировав полученные данные, чат-бот предоставит индивидуальные рекомендации, касающиеся выбора бренда и продукции, соответствующих личным предпочтениям и материальным возможностям потребителя. Также был запущен публич-чат бренда в Viber, который на данный момент насчитывает 282 тысячи подписчиков. Средний индекс вовлечения в публич-чате Viber достиг 1,4%, что в четыре раза выше аналогичного показателя группы бренда в Одноклассниках и в шесть раз выше, чем во «ВКонтакте» и на Facebook. Публич-чат «L'Ореаль Париж» по количеству участников обогнал даже многие популярные на тот момент небрендированные публики Viber о красоте, макияже и уходе за собой: «40КГ», «Салон Красоты» и «Женский журнал Jewelry». L'Oreal поддержал тематическим стикерпаком «Хочу в Париж» свою промокампанию с розыгрышем билетов во Францию в 2016 г. За первые несколько дней его установили более 750 тысяч раз. Стикерами «Хочу в Париж» делились суммарно более 5 млн раз.

Совместно с французской телекоммуникационной компанией Orange Business Services компания L'Oreal внедрила стратегически важную информационную систему интеллектуального интерактивного голосового ответа, включающую высококачественное распознавание и генерацию речи, программируемые ответы на вопросы, интеграцию с базами данных заказчика и корпоративными голосовыми сетями. За данный проект Orange Business Services был отмечен на конкурсе «Проект Года», проводимом порталом Global CIO, охватывающим 9 предметных областей, 9 отраслевых направлений и 9 региональных секций.

В рамках проекта была установлена система для контроля присутствия консультантов в точках продаж, а также управления продажами - ускоренного получения отчетности о реализованных товарах, информирования консультантов о планах продаж на день. В результате внедрения Smart IVR многоступенчатая схема движения информации была заменена голосовой передачей отчета в ходе

общения консультанта с роботизированной системой. Информация стала поступать в базу данных напрямую от консультантов и обратно. Использование Smart IVR позволило сократить время на сбор полной информации о текущих продажах по всей стране с 20 до 1 дня. Также удалось отказаться от использования супервайзеров, так как функции контроля сотрудников на рабочих местах были аналогично возложены на Smart IVR. В рамках проекта были оптимизированы процессы передачи данных, финансовой отчётности, контроля местонахождения персонала и многие другие. Дополнительные возможности у компании появились в результате внедрения функции гео-локации, позволяющей точно определять местонахождение консультанта в любое время.

L'Oreal придерживается мнения, что компьютерные инновации – это будущее бьюти-индустрии, которые уже сейчас кардинально меняют привычный рынок рекламы.

В настоящее время уже 38% глобального медийного бюджета компании приходится на цифровую рекламу, и каждый год эта цифра только увеличивается. Мобильные интерфейсы диктуют новые правила игры в рекламе и рекламные форматы становятся все более короткими: вместо 20–30 секундных видео шесть или две секунды. Новые площадки также рожают новые требования к креативу: для запуска продукта 10–15 лет назад были бы произвели две или три единицы контента, сейчас уже сотни. Чтобы эффективно взаимодействовать с потребителями нового поколения, L'Oreal создает фабрики контента, например, площадку Makeup.ru, которая отвечает на поисковые запросы о макияже, это российская инициатива, которая вдохновляет L'Oreal на других рынках.

Современный потребитель часто узнает о косметических новинках от блогеров или с помощью социальных сетей, а затем сверяется с площадками отзывов или электронной коммерции, чтобы принять решение о покупке, поэтому инфлюенсер маркетинг активно развивается в L'Oreal последние три года. Выбор блогеров достаточно широк: помимо известных спортсменов и представителей шоу бизнеса, также актриса Хелен Миррен, Искра Лоуренс «модель плюс size». Блогеры и «лидеры мнений» также переживают трансформацию: из еще одного канала медиа они превращаются в партнеров, которые участвуют в создании контент и даже продуктов - Lancôme уже выпускает целые коллекции макияжа в сотрудничестве с блогерами. Сейчас в маркетинговых подразделениях появились сотрудники, которые специализируются на комьюнити-менеджменте: они выстраивают отношения с лидерами мнений и ищут новых интересных блогеров.

Формирование позитивного имиджа бренда компании в цифровую эпоху заставляет компанию учитывать эволюцию потребностей и ожиданий потребителей, понимать проблемы, которые их волнуют и участвовать в мероприятиях, которые помогут найти правильные пути решения. Сейчас для всех людей на переднем плане находится проблема загрязнения окружающей среды и сокращения отходов производства, поэтому L'Oreal активно участвует в решении этой проблемы.

Груздева И.Г.

Так, в 2018 г. в числе 250-ти крупнейших мировых компаний-производители (Unilever, PepsiCo, Nestle, H&M и Coca-Cola) L'Oreal подписала соглашение Global Commitment: к 2025 году компании-подписанты обязались увеличить до 25% количество продукции, изготовленной из переработанных материалов.

В 2014–2016 гг. в компании была разработана платформа SPOT, содержащая данные об экологическом следе всех ингредиентов, упаковки, процессов производства и транспортировки для каждого продукта, а также о воздействии продукта, которое он оказывает на сообщества, вовлеченные в его производство. К середине 2020 г. L'Oréal разместит в открытом доступе всю информацию об экологических и социальных характеристиках каждого продукта, чтобы каждый потребитель мог принять решение о покупке более осознанно и информировано. Многие марки L'Oréal также проводят коммуникационные кампании с социальным и экологическим смыслом. Например, уже сейчас в фирменных магазинах Kiehl's можно сдать на переработку пустые пластиковые баночки из-под продуктов бренда и получить скидку за участие в этой инициативе.

В 2017 г. в рамках поддержки инициативы Science Based Targets (SBTi) L'Oréal поставила перед собой новые цели: к 2020 г. по всему миру увеличить долю вторично переработанного пластика или пластика, произведенного из возобновляемых ресурсов, в упаковке продуктов до 50%; к 2025 г. на уровне группы добиться, чтобы 100% пластиковой упаковки было пригодно для повторного использования, вторичной переработки или компостирования, что значительно снизит использование ископаемого сырья и поможет поддержать экономику замкнутого цикла.

Внимание к устойчивому развитию и экологическим проблемам в современных условиях просто необходимо и может идти рука об руку с экономическим успехом: с 2005 г. производство выросло на 33%, а выбросы парниковых газов, напротив, снизились на 77%. 79% новых продуктов в 2018 году имеют улучшенный экологический или социальный профиль. Операционная прибыль за 2018 год составляет 4,92 млрд. евро, +8,5% прирост дивидендов на акцию и +6,5% прирост дохода в расчете на одну акцию.

В заключении можно отметить, что компания L'Oreal около 10 лет последовательно осуществляет мероприятия по цифровой трансформации бизнеса и показывает реальные успехи по таким критическим направлениям, как персонализация взаимодействия с потребителями с использованием технологии искусственного интеллекта, дополненной реальности, машинного обучения для управления продажами и продвижение через социальные сети. Все предпринятые действия положительно сказываются на экономических показателях и способствуют формированию позитивного имиджа компании на глобальных и национальных рынках.

Литература.

1. Philip Kotler, Kevin Keller, Mairied Brady, Malcolm Goodman, Torben Hansen. Marketing Management. London: Pearson Education Limited, 2009.

Груздева И.Г.

2. Bernard Marr The amazing ways how L'Oreal uses artificial intelligence to drive business performance// <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2019/09/06/the-amazing-ways-how-loral-uses-artificial-intelligence-to-drive-business-performance/#b3b840c4bbad>

3. How L'Oreal is using AI and Machine Learning to disrupt the beauty industry// <https://digital.hbs.edu/platform-rctom/submission/how-loreal-is-using-ai-and-machine-learning-to-disrupt-the-beauty-industry/>

4. Digital трансформация маркетинга L'Oreal <https://lpgenerator.ru/blog/2017/04/26/digital-transformaciya-marketinga-loreal/>

5. 100% упаковки L'Oreal станет пригодной для повторного использования или переработки, интервью Клаудио Кавикьоли Генерального Директора L'Oreal Group в России и СНГ// <http://makingsense.rbc.ru/loreal>

6. Мари-Гюлен Мерль Цифровая трансформация L'Oreal// <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/success-stories/cases/tsifrovaiatransformatsiia-loreal/>

DIGITAL TRANSFORMATION OF GLOBAL BRANDS IN THE COSMETIC INDUSTRY (EXAMPLE OF L'OREAL)

Gruzdeva I.G.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Management and Marketing, All-Russian Academy of Foreign Trade

Annotation: *presently e-commerce is changing to offer new distribution methods and services for L'Oreal Group. The convergence of online and offline channels also provides a lot of business opportunities. Their influencer-driven sales are growing increasingly fast. L'Oreal Group has partnered with Modiface company to develop augmented reality technologies to allow their customers to virtually try out products and simulate different looks. This solution helps them to feel more certain about their choices, leading to increased purchases. Voice ordering has become increasingly effective on e-commerce websites and will be the next big challenge for the Group's brand. Online sales have earned their seat at the table and now account for 11% of the Group's consolidated sales.*

Key words: *L'Oreal Group, business transformation, machine learning, augmented reality, Modiface, Founder's Factory, bloggers, digital platforms, e-commerce.*

УДК 658.8: 334.012

СОЗДАНИЕ И ПРОДВИЖЕНИЕ БРЕНДА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Денисенко И.А.,

Кандидат экономических наук, доцент, ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», Институт экономики и бизнеса, Кафедра маркетинга и менеджмента

Сорокина Г.А.

Доктор педагогических наук, профессор, Первый проректор, ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», Институт экономики и бизнеса, Кафедра маркетинга и менеджмента

***Аннотация.** Трансформация маркетинговой среды и структуры экономики сегодня происходит в процессе бурного развития общества и цифровизации большинства отраслей народного хозяйства, актуализировала поиск целей направленных на создание и развитие концепции бренда малых и средних предприятий. Результаты проведенных кабинетных исследований, в форме маркетингового анализа интернет аудитории крупных региональных экономик, свидетельствуют о наличии беспроводной связи на маркетинговую деятельность предприятий регионов.*

Актуальность применения в практике менеджмента предприятия новых программных платформ обусловлена необходимостью влияния на информационное поле предприятий, которое существенно увеличилось в результате развитого международного трансграничного сотрудничества и логистических возможностей национальных предприятий по экспорту и импорту сырья и готовой продукции. Потребность формирования бренда становится очевидной, в ряде случаев олицетворяя владельца малого или среднего предприятия, но требуют развития теории бренда малых и средних предприятий с целью ускорения и стимулирования экономического роста экономики государства средствами маркетинга.

***Ключевые слова:** маркетинг, малые и средние предприятия (МСП), бренд, фирменный стиль, дифференциация бренда, предпринимательство, имидж, цифровая экономика, интернет, маркетинговая деятельность, потребитель.*

В настоящее время происходит развитие информационного общества, которое именуется «цифровой экономикой». Поскольку одним из важнейших направлений развития любого государства является экономическое, внедрение «цифровой экономики» представляет собой рычаг развития экономической структуры и маркетинговой среды в целом.

Доктора экономических наук, профессора Карпунина Е.К., Горчев Й., Стримова М.А. отмечают цифровую экономику, с одной стороны, как новую систему хозяйствования, в основе которой лежит реальное производство товаров и

услуг с применением цифровых технологий, новых методов генерирования, обработки, хранения, передачи данных и современных методов их обмена и распределения. С другой стороны, она представляет собой виртуальное пространство для генерации оригинальных идей и создания новых продуктов, в котором возникают нестационарные экономические процессы, порождающиеся устойчивым состоянием неравновесия и поддерживаемые положительными обратными связями, действующими лишь ограниченный период времени. [1]

Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н. также изучают ее с двух позиций: как тип экономики, который основанный на практическом использовании новых цифровых технологий сбора, обработки, передачи информации, и как сложную систему социально-экономических и организационно-технических отношений, включающую множество элементов. [2]

Зозуля Д.М. определяет цифровую экономику в качестве комплексной интегрированной системы гибких технологий и коммуникаций интеллектуального общества, обеспечивающей решение актуальных экономических задач, основными признаками которой выступают непрерывное развитие, изменение, повышение гибкости, аддитивность, обмен информацией и реализация операций в режиме реального времени, самообучающееся цифровое «умное» общество. [3]

Цель данного исследования состоит в определении влияния цифровой экономики на маркетинговую деятельность предприятия и предложено решение по созданию бренда малых и средних предприятий (МСП), а также установлены факторы, влияющие на создание и концепцию бренда МСП.

Для достижения поставленной цели в научном исследовании необходимо решить ряд задач, рассмотреть подходы к определению «цифровой экономики»; исследовать аудиторию интернета крупных регионов России и выявить влияние беспроводной связи на маркетинговую деятельность предприятия.

На сегодняшний день имеется существенный потенциал применения современных цифровых технологий в деятельности различных организаций и именно благодаря современным технологиям на предприятиях внедряются такие программные платформы, которые предоставляют возможность менеджменту с минимальными транзакционными издержками взаимодействовать со всеми субъектами хозяйственной деятельности. Благодаря свойствам и специфике присущих цифровым технологиям, значительно увеличилось информационное поле предприятий и общества в целом, а также возросла роль информации как ресурса в экономических системах управления. Цифровые технологии оказывают существенное воздействие на изменение практически всех аспектов деятельности организации, начиная от бизнес-моделей и процессов и заканчивая формами взаимодействия с потребителями и партнерами.

Современные технологии приносят кое-какие изменения в место размещения товара, так как стремительное развитие электронной коммерции и интернет-магазинов освобождает от запретов, которые накладывались ранее на торговые площадки по площади складских помещений. Пропадает необходимость в аренде

и дорогостоящем оформлении торгового зала, витрин, стеллажей и прочего, необходимого для представления товара и расположения внимания потенциальных покупателей. Все это сегодня заменяют электронные площадки и сайты, а также, все больше набирающие популярность страницы в социальных сетях, создание, оформление и ведение которых намного дешевле, чем подобные операции по отношению к торговым помещениям. Кроме того, ограничивается либо совсем исчезает географическая привязка к размещению магазина, у потребителей возникает возможность заказывать товары и услуги из любой точки планеты.

В нынешнее время Интернет является не просто глобальной сетью, а действенным методом воздействия на потребителя, который с каждым разом заинтересовывает все большее количество пользователей. И как результат, привлекает потребителей продукции и услуг, речь идет о тех предприятиях, которые в своей деятельности используют инструменты интернет маркетинга.

Так, наряду с традиционными инструментами маркетинга, все большее распространение получают и такие инструменты интернет маркетинга как:

- Web-сайт;
- e-mail-маркетинг;
- SEO маркетинг;
- интернет-реклама;
- мобильный маркетинг;
- вирусный маркетинг;
- видео маркетинг;
- социальные сети.

По сравнению с традиционным маркетингом к существенным преимуществам использования интернет-маркетинга относят:

– экономичность – существенное снижение расходов, связанных продвижением продукции/услуг, наймом персонала, в том числе снижение транзакционных издержек, связанных с ведением переговоров, сопровождением и заключением сделок и др.

– масштабность – гарантированный широкий охват аудитории, вне зависимости от их географического и часового расположения;

– таргетинг – позволяет выделить из всей, имеющейся аудитории, только целевую, которая подходит по заданным критериям (территориальным, возрастным, гендерным и пр.);

– высокая скорость передачи информации, в том числе быстрый поиск необходимой информации о компании, продукции, конкурентах;

– уникальный источник получения информации о потенциальных потребителях;

– высокая эффективность коммуникативных свойств;

– сравнительно низкие цены, цена на аналогичный товар, купленный в интернет-магазине, может быть гораздо ниже (отсутствием транспортных расходов и прочих затрат).

Несмотря на то, что в настоящее время число пользователей сети Интернет растет со стремительной скоростью, невозможно представить современное предприятие без личного сайта и не использующего инструменты интернет маркетинга для продвижения своей продукции или услуг.

По данным технологичной исследовательской компании Mediascope, аудитория Интернета в России в 2019 г. достигла 93 млн. человек, за последние года она выросла на 7% – данное изменение обусловлено ростом числа пользователей старшего поколения и увеличением аудитории мобильного интернета.

На сегодняшний день в России основным типом устройства для выхода в Интернет являются смартфоны, их проникновение за последние три года выросло на 22% и составляет 61%.

По данным Mediascope наиболее популярными ресурсами на территории России по совокупной аудитории на мобильных устройствах в Интернете являются:

- Яндекс – 25,5%;
- ВКонтакте – 32%;
- Google – 27,9%;
- Instagram – 23,5%;
- YouTube – 20,5%.
- WhatsApp – 37,4%;
- Viber – 19,4%;
- Sberbank – 17%.

Рост популярности социальных сетей, вызывает интерес со стороны бизнеса к этим площадкам как к новому инструменту для его продвижения.

Возникают новые возможности, которые позволяют взаимодействовать с потребителями практически в режиме реального времени. Поэтому можно говорить о важных преимуществах цифровых технологий, одним из самых основных является снижение себестоимости товара и цены для конечного потребителя за счет сокращения затрат.

В связи с трансформацией специфики продуктов и новых особенностей каналов их распределения изменилось и продвижение их к конечным потребителям. У предприятий появилась уникальная возможность отслеживать все этапы покупательского поведения и приспособлять свою деятельность в соответствии с ними. Прямое взаимодействие с потребителями продукции с помощью различных электронных площадок позволяет как можно лучше узнать потребности клиентов, а блоги, отзывы о товарах, форумы и рейтинги становятся значимыми источниками информации о их реальном мнении и впечатлении от использования продукции фирмы и о том, как потенциальные потребители собирают информацию о продукции и как используют ее в принятии решения о покупке.

Немаловажную роль приобрела психографическая сегментация, которая в нынешние реалии дает возможность более быстро выделить узкие, но высокорен-

табельные ниши по субкультурам, стилям жизни, мотивации к покупке и ценностям потребителей и ориентировать рекламу предприятий на интересующий ее сегмент, даже если его представители пребывают в разных географических точках.

Современные каналы продвижения продукции характеризуются так же повышением значимости PR-мероприятий в широко известных социальных сетях, изменением структуры рекламных бюджетов в пользу интернет-рекламы, созданием таргетированных запросов рекламных предложений, блоггингом и привлечением СМИ и знаменитых блогеров, формированием и совершенствованием мобильных приложений. Все эти современные инструменты и каналы продвижения являются эффективным средством рекламы и продажи своей продукции по средствам прогрессивных интернет-технологий.

Необходимо отметить, что расширению использования инструментов электронной торговли способствует увеличение, среди населения, использования смартфонов и планшетных компьютеров. Так, согласно данным «Mediascope» среднемесячная аудитория интернета крупных регионов России по состоянию на май 2019 – октябрь 2019 гг. достигла 95 868,8 тысяч человек (рис.1).

Среди них:

- мужчины/женщины 12–24;
- мужчины/женщины 25–34;
- мужчины/женщины 35–44;
- мужчины/женщины 45–54;
- мужчины/женщины 55+.

Согласно данным исследовательской компании «Mediascope», за год российская интернет-аудитория увеличилась на 4,6%. Аудитория на смартфонах за исследуемый период составила 69,4%, что на 7,7% выше, чем в 2018 г. При этом обнаружено незначительное уменьшение числа россиян, которые используют для выхода в интернет стационарные компьютеры и ноутбуки [4].

В статье «Функционирование и развитие предпринимательства в условиях цифровой экономики» Денисенко И. А. отмечает: «Клиенты могут собирать информацию из целенаправленных запросов в поисковых системах и читать отзывы других клиентов на сайтах розничной торговли или сторонних форумах, не контролируемых продавцом, что практически повсеместно имеет место в малом бизнесе и бизнесе управляемым частным домохозяйством, и первоначальный спрос на покупку можно создать, просто увидев сообщение в социальной сети» [5].

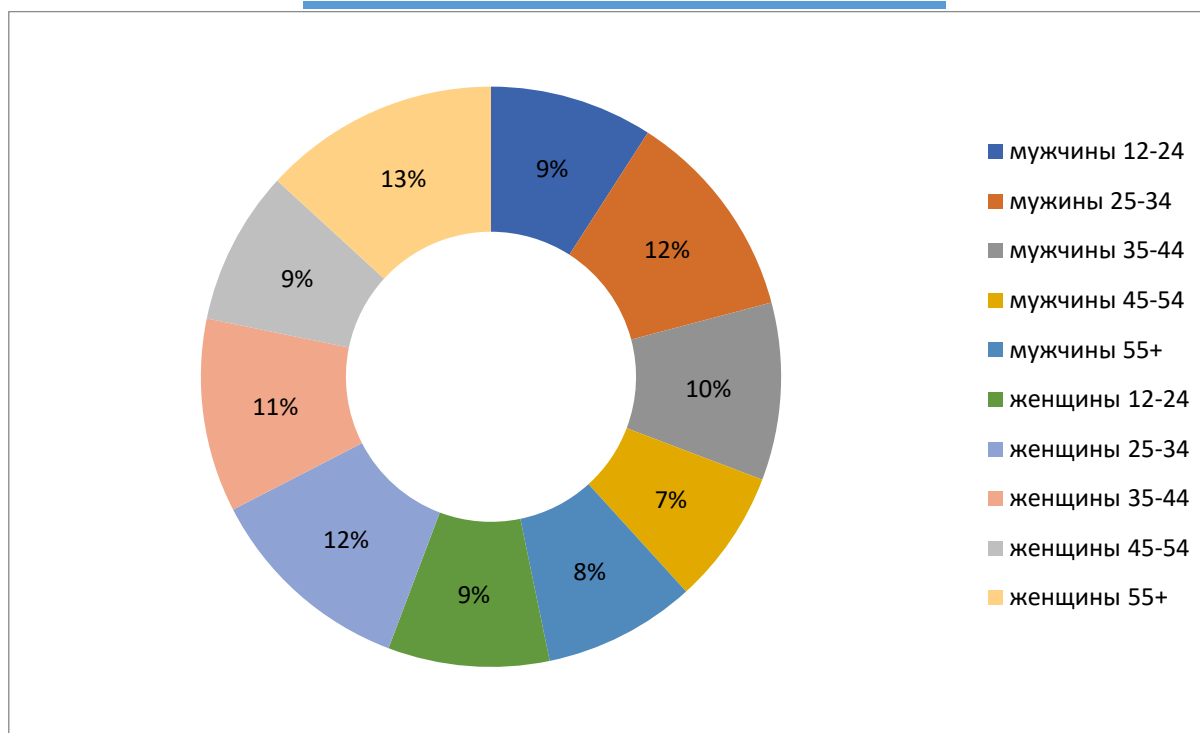

Рисунок 1 – Среднемесячная аудитория интернета крупных регионов России май – октябрь 2019 г.

Рост численности людей, которые пользуются средствами беспроводной связи, значительно увеличил эффективность маркетинговой деятельности. Мобильные и портативные технологии существенно меняют поведение потребителей при принятии решения о покупке и при совершении транзакций. Смартфоны – это единственный канал индивидуального воздействия, который обеспечивает спонтанную, прямую, интерактивную или адресную коммуникацию в любом месте и в любое время.

Основываясь на результатах проведенного научного исследования, обоснованно считаем, что тип организации является одним из ключевых факторов формирования бренда и может влиять на конкретный подход на основе характеристик и контекста организации. Например, крупные бренды организации часто строятся на эффективности использования ресурсов, формальной структуре, опыте, оценке измерения эффективности, и долгосрочном планировании [6, с. 43]. Однако бренды МСП часто строятся в совершенно ином контексте, поскольку МСП обычно характеризуются плоскими и неформальными организационными структурами, инновациями, креативностью, специальным планированием и нехваткой финансовых ресурсов и опыта [7, с. 36]. Несмотря на эти ключевые различия, предполагалось, что бренды МСП могут развиваться аналогично брендам крупных компаний, и что то, что может работать для более крупных торговых марок организаций, может также работать для брендов МСП. Это оставило без сомнений актуальность теорий брендов в контексте МСП [9].

МСП являются важными участниками национальной экономики в разных странах [6, с. 14]. Они также были признаны в качестве источника роста, занятости и конкурентоспособности. Кроме того, утверждалось, что более крупные компании больше не способны обеспечить устойчивый экономический рост и то, что МСП являются ключевыми игроками экономического восстановления [10, с. 86]. Тем не менее, теории брендов МСП остаются недостаточно развитыми. Эта новая область исследований может выявить не только новую парадигму для брендов, но и помочь понять сложность и многогранность брендов, способствуя здоровому росту МСП и, в свою очередь, национальной экономике. Таким образом, создание бренда МСП резонирует как с научной, так и с практической аудиторией.

Традиционный маркетинг может ограничивать деятельность МСП и влияние на рынок, что приведет к тому, что маркетингу МСП, возможно, придется учитывать уникальные характеристики МСП, включая неформальные структуры и процессы, гибкость и инновации. Кроме того, маркетинговая деятельность МСП обычно использует краткосрочный, а не долгосрочный или прогнозный подход. Такая перспектива частично обусловлена высоким уровнем неопределенности и сложности, с которыми сталкиваются многие МСП, обусловленными разнообразием рыночных условий. На этапах развития небольшой организации она может столкнуться с переходными периодами кризиса или нестабильности – теми проблемами, которые нарушают организацию из-за внутренних или внешних изменений, которые обычно непредвиденные и находятся вне контроля руководства [11, с. 48]. В то же время эти периоды представляют большие проблемы и риски для бизнеса, поскольку для продолжения его выживания может потребоваться изучение и использование новых наборов способностей и действий [11, с.52].

Владельцы брендов прививают некоторые из своих черт личности в свои бренды. Обнаружено, что бренды малого и среднего бизнеса имеют близкие сходства с личностью владельца бренда, а в некоторых случаях олицетворяют владельца бренда. Осознание близости таких личностей важно в процессе построения бренда, поскольку это поможет разработать соответствующие стратегии бренда с точки зрения разработки других компонентов бренда с большей согласованностью – таких как эмоциональные выгоды и ценности бренда. Владельцы брендов малого и среднего бизнеса должны осознавать, что они оставляют отпечаток и наследие для своего бренда в долгосрочной перспективе [10, с. 57].

Для брендов МСП требуется наличие людей, которые могут следовать двум наборам организационных ценностей. Первый набор содержит те значения, которые принадлежат владельцу. Они пронизывают всю организацию. Эти ценности могут также быть дифференцирующим фактором и могут предложить некоторый уровень уникальности для бренда. Второй набор значений содержит конкретные значения, которые в основном обусловлены небольшой структурой и неформальностью большинства МСП. Эти ценности включают командную игру, приверженность, открытое общение, творческий подход, честность, гибкость, мотивацию и инновационное мышление и действие. Было обнаружено, что многие владельцы

брендов ежедневно общаются со своими сотрудниками и готовы к тесным отношениям со своими сотрудниками [9].

Одним из ограничений является специфика создания и жизни брендов от отрасли к отрасли. В будущих исследованиях следует изучить процесс создания и жизни бренда МСП на отраслевой основе, чтобы выяснить, все эти специфические черты.

Хотя в этом исследовании объясняется, как владельцы брендов справляются с неопределенностью и сложностью на этапах изучения бренда, необходимы дополнительные исследования, чтобы понять «нечеткость» таких этапов. В этой статье утверждается, что есть некоторые ключевые характеристики, присущие МСП, которые помогают им перейти от «незнания» к обучению и реализации определенных компонентов идентификации бренда [7, с. 100]. Такие характеристики, как отношение к риску, готовность к инновациям, чувство выполненного долга, интуиция и другие факторы, могут играть важную роль на таких этапах.

МСП присущи некоторые ключевые характеристики, которые помогают им перейти от «незнания» к обучению и внедрению определенных компонентов фирменного стиля. На таких этапах важную роль могут играть такие характеристики, как отношение к риску, готовность к инновациям, чувство выполненного долга, интуиция и другие факторы [10, с. 45].

Нехватка финансовых ресурсов не обязательно является препятствием для роста бренда, а скорее может быть драйвером творчества. Некоторые владельцы брендов предположили, что нехватка финансовых и людских ресурсов помогает им стать более креативными, побуждая их искать инновационные пути реализации деятельности бренда. Таким образом, они не только реагировали на рынок, но и становились активными [10, с. 78].

Обобщая результаты проведенного исследования, необходимо отметить, что:

1. Основным фактором формирования и развития цифровой экономики можно считать бурное развитие информационных технологий в мировом масштабе, которое оказало колоссальное воздействие на маркетинговую деятельность организаций, изменив традиционные подходы к ней в принципиально новые виды деятельности, что в полной мере актуализировалось в период мировой нестабильности. Все больше компаний переходят к использованию различных современных цифровых технологий, использование которых в маркетинге значительным образом помогает донести до потребителей информацию о своей продукции и заинтересовать потенциального покупателя. Комплексное применение имеющихся цифровых и телекоммуникационных технологий, рациональное привлечение и создание новых каналов распространения рекламной информации ведут к успешному маркетингу, а, следовательно, и к повышению доходов организаций и к увеличению эффективности предпринимательской деятельности.

2. В связи с ростом интернет аудитории РФ, которая достигла более 66% населения, актуальными становятся созданные цифровой экономикой инструменты такие как:

- Web-сайт,
- e-mail-маркетинг,
- SEO маркетинг,
- интернет-реклама,
- мобильный маркетинг,
- вирусный маркетинг,
- видео маркетинг,
- социальные сети.

3. В ходе исследования установлено, что бренд, как сложное комплексное явление, играет значительную роль в маркетинговой деятельности организации. В свою очередь тип организации является одним из ключевых факторов формирования бренда и может влиять на конкретный подход на основе характеристик и контекста организации. МСП играют значительную роль в национальных экономиках многих стран. В настоящий момент теории брендов МСП, остаются недостаточно развитыми. Развитие данных теорий может послужить драйвером экономического роста для национальной экономики государства.

4. Основными факторами, влияющими на создание и концепцию бренда МСП, являются:

- личность владельца бренда, оставляющая отпечаток и наследие для своего бренда в долгосрочной перспективе;
- персонал, следующий таким организационным ценностям как ценности владельца, командная игра, приверженность, открытое общение, творческий подход, честность, гибкость, мотивация, инновационное мышление и действие;
- инновации как инструмент (выход), возникающий из-за нехватки финансовых и людских ресурсов;
- обучение как мост от «незнания» к внедрению определенных компонентов фирменного стиля;
- отношение к риску;
- интуиция как тонкое понимание или проникновение в самую суть потребностей рынка.

Литература

1. Карпунина Е.К. Виртуальное пространство деятельности хозяйствующих субъектов: миф цифровой экономики или объект проектного управления / Е.К. Карпунина, Й. Горчев, М.А. Стримова [Текст] // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. - № 6 (т. 12). – С. 112–118.

2. Бабкин А.В. Формирование цифровой экономики в России: сущность,

Денисенко И.А., Сорокина Г.А.

особенности, техническая нормализация, проблемы развития / Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2017. - № 3. – С. 9–25.

3. Зозуля Д.М. Цифровизация российской экономики. – 2018. -Том 8. № 1. – С. 1–14.

4. Аудитория интернета в России [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://webindex.mediascope.net/general-audience>, свободный доступ. (Дата обращения: 07.12.2019).

5. Денисенко И.А. Функционирование и развитие предпринимательства в условиях цифровой экономики / И. А. Денисенко // Сервис в России и за рубежом. – 2018. - № 4(82). – С. 84–98.

6. Бренд-менеджмент в XXI веке: Международная научно-практическая конференция студентов, магистров, аспирантов и молодых ученых: Сборник научных статей / Отв. ред. Свалова В.Е. М.: МАКС Пресс, 2017.

7. Голубков Е.П. Еще раз о понятии «бренд» // Маркетинг в России и за рубежом. – 2006. – №2.

8. Киселица Е.П., Замураева Л.Е., Пинигина Е.П. Формирование бренда личности как средства продвижения бизнес проектов // Российское предпринимательство. – 2013. – №2 (224).

9. Карпова И.С. Брендинг как управление брендом // Международный научный журнал «Символ науки». №3. 2017. – С. – 215–217.

10. Котова О.Н. Разработка стратегии выхода бренда на новые рынки // Вестник Кемеровского государственного университета. Выпуск № 4 (56) -том 2. – 2013.

11. Хей Д. Капитал бренда: понимание и измерение ценности бренда и экономического воздействия инвестиций в бренд // Бренд-менеджмент. – 2004. – № 2.

SMALL AND MEDIUM ENTERPRISE BRAND CREATION AND PROMOTION IN DIGITAL ECONOMY

Denisenko I.A.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, State University of VPO LPR «Luganskiy National University named after Taras Shevchenko», Institute of Economics and Business, Department of Marketing and Management

Sorokina G.A.

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, First Vice-Rector, State University of VPO LPR «Luganskiy National University named after Taras Shevchenko», Institute of Economics and Business, Department of Marketing and Management

Annotation. *The transformation of the marketing environment and the structure of the economy today takes place in the process of rapid development of society and the*

digitalization of most sectors of the national economy, updated the search for goals aimed at creating and developing the brand concept of small and medium enterprises. The results of desk research, in the form of a marketing analysis of the Internet audience of large regional economies, indicate the availability of wireless communications for the marketing activities of regional enterprises.

The relevance of the application of new software platforms in the practice of enterprise management is due to the need to influence the information field of enterprises, which has significantly increased as a result of developed international cross-border cooperation and the logistics capabilities of national enterprises for the export and import of raw materials and finished products. The need for brand formation becomes obvious, in some cases personifying the owner of a small or medium-sized enterprise, but they require the development of the brand theory of small and medium-sized enterprises in order to accelerate and stimulate the economic growth of the state economy by means of marketing.

Key words: *marketing, small and medium enterprises, brand, corporate identity, brand differentiation, entrepreneurship, image, digital economy, Internet, marketing activities, consumer.*

УДК 332.055

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Базаров О. Ш.

ректор Каршинского инженерно-экономического института, кандидат физико-математических наук, доцент

Турсунов И.Э.

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, Каршинский инженерно-экономический институт

Аннотация: *в статье рассмотрены актуальные вопросы развития цифровой экономики в Узбекистане. Проанализированы нормативные акты, служащие базовой платформой для запуска этого процесса в республике. Выявлены проблемные стороны цифровизации экономики, сделаны международные сравнения, предложены приоритеты концептуального строительства цифровой экономики в Узбекистане.*

Ключевые слова: *цифровая экономика, модернизации, инновации, экономический рост.*

Развитые страны уже достаточно длительное время ориентированы на эволюционный переход к новому экономическому укладу – цифровой экономике, хотя до сих пор не совсем адекватно решили вопросы предшествующих экономик: информационной экономики и экономики знаний. Это показывает, что перенос центра тяжести на замену традиционных экономических ресурсов (ЭР) на информационные ресурсы (ИР) и превращение ИР в ресурсы стратегические не всегда правильно понимается как экономистами, так и представителями ИТ сообщества.

Несмотря на то что внедрение цифровых технологий за последние годы во многих странах, включая Узбекистан, снискало статус «традиционного и перспективного» направления государственного и корпоративного развития, современный этап формирования цифровой экономики, порождает принципиально новые научно-технологические и организационно-управленческие вызовы. При этом пока еще не сложилась терминологическая основа цифровизации, не говоря уже о полноценной нормативной правовой базе и механизмах регулирования этого процесса, что, безусловно, сдерживает развитие цифровой экономики и возможности использования связанных с ней конкурентных преимуществ.

Понятие цифровизации появилось вследствие зарождения, стремительного развития и обширного распространения электронно-вычислительной техники, информационных технологий и сети Интернет. В мире впервые понятие «Цифро-

визация» было введено канадским ученым Доном Тапскоттом в его книге «Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта» в 1995 году.

В настоящее время во многих развитых странах проводится внедрение цифровизации во все отрасли промышленности, разрабатываются и утверждаются целевые законодательные акты и программы, которые станут трамплином для развития цифровой экономики. С помощью цифровой экономики откроются возможности для создания новых инновационных моделей производства, торговли, здравоохранения, образования, экономики и всего общества. И хотя экономика всегда имела дело с цифрами, реализация экономических процессов с помощью цифровых телекоммуникаций, на основании интегрированных ИР (поддерживаемых интеллектуальными датчиками и интернетом вещей) кардинально изменяет ситуацию:

- стратегическим ресурсом становятся данные, информация, знания и информационные технологии, а этот ресурс может использоваться многократно;
- ИР могут заменять либо дополнять ЭР;
- большие преимущества получает малый и средний, а также мобильный бизнес (торговые и производственные площади в Интернете не ограничены);
- конкурентоспособность может быть смоделирована;
- один и тот же ИР может быть использован неоднократно для предоставления различных услуг;
- масштаб операционной деятельности ограничен только размерами Интернета;
- взаимодействие с клиентами потребности клиента ставятся во главу угла.

В таких условиях большую роль начинают играть нематериальные активы и фирмы, обладающие большой, но недостаточно эффективной инфраструктурой, начинают уступать новым, не отягощенным избыточными материальными активами компаниям. Вступая в конкурентную борьбу, новые участники рынков продвигают инновационные продукты и технологии, динамично мобилизуют свои ресурсы, обеспечивают минимальную информационную инерционность при принятии и реализации управленческих решений. Информация – основной ресурс, а объемы данных драматично увеличиваются каждый месяц. В центре стратегии развития – ИР, как основной ресурс, и клиент с его быстро меняющимися потребностями.

Отправным шагом на пути формирования, внедрения и развития цифровизации как нового инновационного компонента экономики стало принятие Указа Президента Республики Узбекистан «О Государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах», основным направлением которого является формирование инновационной модели развития экономики Узбекистана [1]. Да-

лее принято постановление Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёевым от 3 июля 2018 года № 11113832 «О мерах по развитию цифровой экономики в Республике Узбекистан». По сути, этот документ представляет собой всестороннюю стратегию развития информационных технологий в стране на ближайшее десятилетие.

По предложению Президента Узбекистана Ш. Мирзиёева на девятнадцатом заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в Бишкеке принята Концепция о сотрудничестве государств-членов ШОС в сфере цифровизации и ИКТ [1]. Правительство Узбекистана включило в план стратегического развития государства программу цифровой экономики, целью которой является формирование полноценной цифровой среды и цифрового поля в республике.

По мнению правительства, именно «Цифровизация» экономики позволит стране в кратчайшие сроки решить вопрос глобальной конкурентоспособности и национальной безопасности. В первую очередь необходимо полностью цифровизировать сферы строительства, энергетики, сельского и водного хозяйства, транспорта, геологии, здравоохранения, образования, кадастрового и архивного дела.

Президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёев объявил 2020 год «Годом развития науки, просвещения и цифровой экономики». Безусловно, что такое мнение со стороны лидером государств создает надежную и благодатную основу для ускоренного развития цифровизации в государственном управлении, различных отраслях национальной экономики.

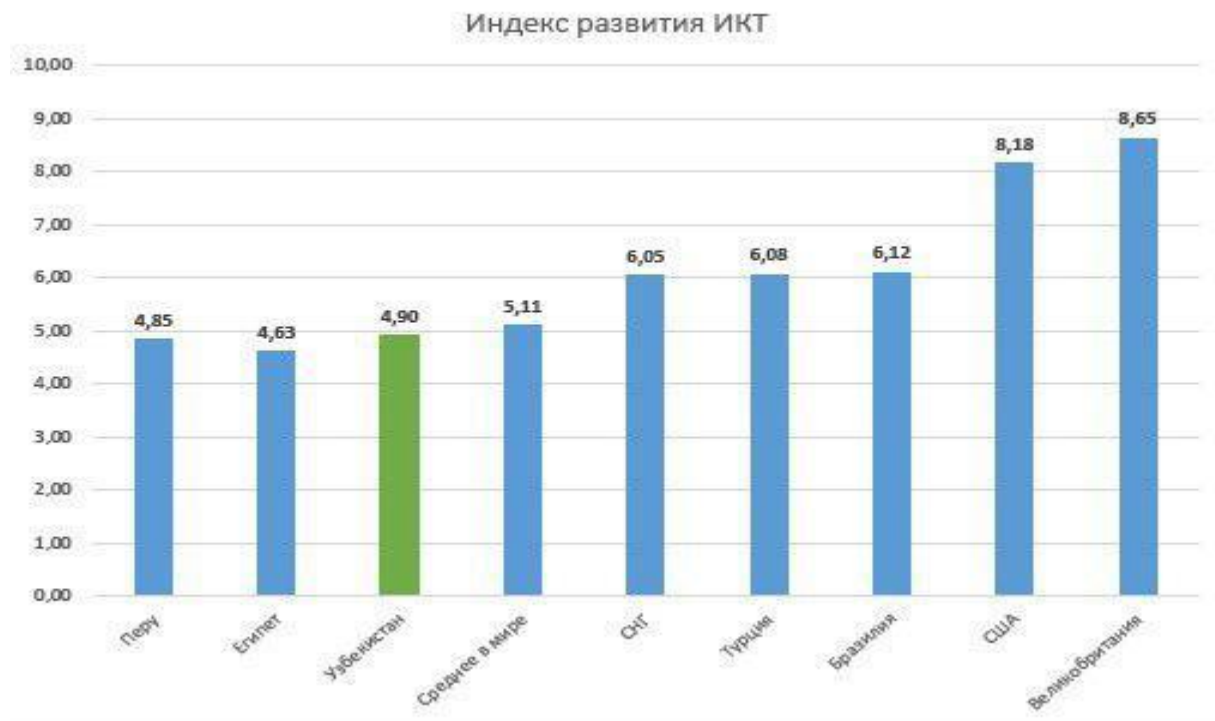
В целях подготовки высококвалифицированных специалистов в области информационных технологий совместно с нашими зарубежными партнерами был запущен проект «1 миллион программистов». Современные информационные технологии необходимо внедрить на всех этапах системы образования. Учитывая, что в прошлом году завершились работы по подключению всех городов и районных центров к сетям высокоскоростного интернета, следует в ближайшие 2 года обеспечить такой возможностью все села и махалли. Сегодня высокоскоростной доступ к интернету имеют более 7 тысяч учреждений здравоохранения, дошкольного и школьного образования, а через 2 года их число увеличится еще на 12 тысяч.

Экономическое развитие Узбекистана в условиях глобализации мировой экономики и технологического развития сложно представить без стремительного роста цифровой экономики. Например, консалтинговая компания Accenture прогнозирует, что к 2022 году до четверти мирового ВВП будет приходиться на цифровой сектор. Неудивительно, что 2019 год негласно знаменовал начало эры технологических гигантов, когда в списке из 10 самых дорогих компаний плотно закрепились 7 компаний сферы технологического сектора. Однако стимулирование цифровой экономики потребует устранения барьеров, которые препятствуют развитию дигитализации и цифровой коммерции. По индексу

Базаров О.Ш., Турсунов И.Э.

развития ИКТ Узбекистан занимает 103 место из более чем 170 стран, опережая, например, Египет, но уступая Турции и Бразилии (рисунок 1).

Необходимо отметить, что проблемы развития цифровой экономики в Узбекистане аналогичны с общими проблемами, с которыми сталкиваются

По материалам консалтинговой компании «Accenture».

Рисунок 1 – Индекс развития ИКТ.

развивающиеся страны. Одна из основных проблем – слабая телекоммуникационная инфраструктура и связь. Из-за низких инвестиций в ИКТ (2,8% от общего объема инвестиций в 2017 году) плотность базовых станций связи в Республике остается очень низкой (1 базовая станция на 1600 жителей). В отличие от этого, в Казахстане одна такая вышка служит потребностям в ИКТ для 643 жителей, а в России – для 235. Это приводит к тому, что плохой интернет и мобильные услуги замедляют цифровой экономический рост и увеличивают цифровой разрыв. По сравнению со средним показателем по СНГ, в 2019 году средняя скорость интернета (мобильная и фиксированная широкополосная связь) в Узбекистане была примерно в два раза ниже. Нехватка цифровых навыков в Узбекистане может стать серьезным препятствием для цифровой трансформации. Узбекистан, как одна из немногих развивающихся стран, имеет абсолютные показатели грамотности среди взрослого населения (100% в 2019 году) по сравнению с другими странами с аналогичными уровнями ВВП на душу населения (например, в Лаосской Народно-Демократической Республике 84,66% в 2017 году). С другой стороны, в развивающихся странах, несмотря на высокий уровень грамотности взрослого населения, цифровая грамотность остается на

более низком уровне. Возможно, это можно объяснить низким уровнем использования и распространения ИКТ в школах.

Вследствие слабой цифровой инфраструктуры и нехватки цифровых навыков в стране, в Узбекистане более слабыми темпами развивается цифровой товарооборот. Например, в постановлении Президента Республики Узбекистан отмечается, что в республике существует недостаточный уровень онлайн-торговли и торговых платформ. Несмотря на существующие платежные системы (Click, Payme, M-bank, Uray, Humo, Oson и т.д.), которые позволяют осуществлять онлайн-платежи за мобильную связь, интернет, государственные услуги, налоги и сборы и т.д., только 34% владельцев счетов сделали или получили цифровые платежи в 2017 году.

В настоящее время в Ташкенте создается «IT-парк» с современной инфраструктурой. Такие «IT-парки» будут также организованы в Нукусе, Бухаре, Намангане, Самарканде, Гулистане и Ургенче.

В 2005 году Парламент утвердил «Закон об электронной цифровой подписи», который стал основой для легальных Интернет-транзакций, недостаток регулирования по-прежнему является основным барьером, препятствующим развитию электронной коммерции в Республике Узбекистан. В настоящее время на сайте, разработанном для обсуждения проектов нормативно-правовых актов (regal.gov.uz), был размещен законопроект о внесении изменений и дополнений в Закон «Об электронной коммерции», где вводятся усовершенствованные нормативные акты в области электронной торговли.

В 2017 году Узбекистан начал свой путь к системе электронного правительства с развития веб-портала государственных услуг. В 2018 году было предложено 127 онлайн-услуг от различных государственных учреждений, а количество заявок достигло 3,2 миллиона. Однако из 32 миллионов количество пользователей составило всего 57,7 тысяч человек. Начиная с 2019 года, получение государственных услуг онлайн обходится на 10% дешевле.

Индекс электронного правительства ООН отражает то, как страна использует информационные технологии для обеспечения доступа и интеграции своих людей. В 2018 году показатели по Узбекистану практически равны средним показателям по СНГ и превышают среднемировые показатели. Среди 193 стран в рейтинге Узбекистан занимает 81 место. Вместе с тем следует критически пересмотреть систему «Электронное правительство», реализуемые в ее рамках программы и проекты, комплексно решить все организационные и институциональные вопросы.

Наконец, завышенная стоимость интернета, недостаточное покрытие и низкая международная пропускная способность интернета являются следствием монополизированной телекоммуникационной отрасли. Рыночной формой телекоммуникационных отраслей в развивающихся странах часто является олигополия или даже монополия. В Узбекистане и в остальных странах СНГ телекоммуникационная отрасль в основном ограничена одной ведущей

компанией, которая наделена особыми полномочиями и ресурсами (например, Ростелеком, Укртелеком, Казахтелеком, Азтелеком и т.д.). Важным шагом на пути к цифровой экономике станет отмена государственной монополии на международные шлюзы, которая запланирована в 2020 году. Либерализация телекоммуникационной отрасли позволит Узбекистану предоставлять своим гражданам безопасные и доступные интернет-услуги и получать выгоду от цифровой экономики.

Ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике, социальной сфере и управлении – весьма амбициозная цель, которая достаточно успешно воплощается лишь в ограниченном числе развитых стран. Она реализуема только при выполнении ряда условий:

- бизнес и социальная сфера должны быть подготовлены к цифровой трансформации, как в рамках стратегии развития, планирующей принципиальное изменение статус кво на основе интенсивного внедрения цифровых технологий, так и за счёт её конкурентной востребованности организациями и заинтересованными инвесторами;

- в государстве должен сформироваться достаточно зрелый сектор нормативных и технологических предложений, который способен на быстрый трансфер и адаптацию эффективных технологических решений и оперативное увеличение масштабов собственной деятельности;

- должен стабильно расти спрос населения и бизнеса на цифровые технологии, так как собственно потребности и возможности потребителей определяют результирующий спрос на цифровые технологии во всех аспектах (G2G, G2B, G2C, B2G, B2B, B2C, C2G, C2B, C2C).

В процессе становления цифровой экономики предпринимательская деятельность связана непосредственно с компетенциями самого предпринимателя, его способностями к обработке информации, ее пониманию и возможности извлечения максимальной прибыли. Несомненно, успешность бизнеса будет во многом определяться качеством высокотехнологичной продукции, произведенной с помощью цифровых технологий. Не стоит, однако, забывать, что развитие цифровизации порождает определенные риски, связанные с реализацией новых инвестиционных инструментов, таких как народное кредитование (краудфайдинг), коллективное инвестирование (краудлейдинг) и др.

В этой ситуации существенно возрастают системные предпринимательские риски, которые необходимо будет нивелировать с целью сохранения стабильности сегмента предпринимательства. На успешное развитие предприятий в условиях становления цифровой модели экономики влияют множество факторов. Основными негативными ограничениями, препятствующими динамичному росту предпринимательства в настоящий период времени, являются, прежде всего, недостаточная компетентность руководителя организации, недостаточный опыт в управлении производством, поставками продукции, логистическими схемами и т.д.

У экспертов и специалистов формируется понимание того, что основными целями перехода к цифровой экономике являются [2]:

- создание соответствующей инфраструктуры и экосистемы, где данные в электронной цифровой форме являются ключевым фактором производства, социальной поддержки граждан и государственного управления, обеспечивая рациональную информационную инерционность систем, эффективное взаимодействие государственных органов, бизнеса и граждан;
- выработку необходимых и достаточных условий для оперативного решения проблемных ситуаций (ПС), устранения ограничений и препятствий для цифровизации традиционных и новейших производственных и бизнес-технологий;
- управление конкурентоспособностью на уровне микро, мета, макро, мега экономик;
- формирование системного подхода к экономикам различных уровней на базе современных сквозных информационных технологий (ИТ):
 - ситуационно-аналитических центров (САЦ);
 - больших данных и управления ИР;
 - блокчейн;
 - нейротехнологий и искусственного интеллекта;
 - квантовых и нанотехнологий;
 - цифровых производственных технологий, базирующихся на жизненном цикле продукции;
 - промышленный и бытовой интернет;
 - беспроводная связь и цифровая логистика;
 - технологии виртуальной и дополненной реальности;
 - мобильное здравоохранение и обучение.

При этом необходимо использовать новые технологии управления, ориентирующиеся на комплексные методы формирования управляющих воздействий (оценки по отклонению, по возмущению и ситуационные), разбирать и координировать форсайты и прогнозы развития цифровой экономики на основе соответствующих стратегических карт и систем сбалансированных показателей (индексов), а также мониторинга и анализа этих показателей и индексов.

Цифровизация экономики страны приведёт к увеличению производительности, а, следовательно, и конкурентоспособности рынка. Поэтому формирование и развитие цифровой экономики в Республики Узбекистан даст возможность для большого рывка в росте производительности труда.

Одной из важных задач цифровизации является создание электронных офисов и персональных ситуационно-аналитических центров (САЦ) граждан, а также информационной и инвестиционной аксельрации субъектов малого и среднего предпринимательства. Основываясь на этом, будет формироваться новое гибридное жизненное пространство, включающее в себя элементы реального и виртуального миров (рисунок 2).

Рисунок 2 – Интеграция реального и виртуального миров

Цифровая экономика существует в рамках этого гибридного мира, который отличается возможностью совершения многих «жизненно необходимых» процессов реального мира через виртуальный инициативно или автоматически. Экономический рост в XIX в. и начале XX в. базировался на перспективных производственных технологиях, затем в развитие экономики внесли свой вклад совершенствование управленческих и финансовых технологий. Сейчас основным фактором экономического роста становятся информационно-коммуникационные и когнитивные технологии. Благодаря этим технологиям совершается системная трансформация в производственные и управленческие процессы, научных исследований, здравоохранения и здоровье сбережения, образования и повседневной жизни граждан. Кроме того, цифровая экономика – это возможность системного моделирования экономических процессов и подготовки на моделях управленческих решений, обучение и повышение компетенций управленцев, ситуационный анализ и организация сетей влияния и доверия. И здесь возникает сущность, во многом определяющая проблематику XXI века – мультидисциплинарность, а соответственно, избыточную сложность и информационные перегрузки. Существенным моментом для цифровой экономики являются три аспекта:

1. интеграция ИР, их эффективное использование, сокращение их объёма при росте информативности в процессе подготовки решений;
2. формирование «сквозных» технологий, обеспечивающих полный жизненный цикл продукции и услуг;
3. создание «расширенных» организаций, реализующих комплексные системообразующие функции.

Развитие цифровизации предполагает наличие и эффективное функционирование институтов, создающих условия и стимулирующих внедрение информа-

Базаров О.Ш., Турсунов И.Э.

ционных технологий в различные сегменты экономики. Не секрет, что эффективно действующие институты формируют условия для экономического роста, а качественная институциональная среда является, по сути, императивом социально-экономического развития в целом. В настоящее время наиболее злободневная проблема связана с правовым регулированием процессов цифровизации, с легитимизацией новых финансовых инструментов, применяемых при коллективным финансировании и инвестировании.

Литература

1. Мирзиёев Ш.М. Указ Президента № УП-4947 от 7.02.2017 г. «Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах». Правда Востока. 2017. № 31. С.1
2. Ганчерёнок И.И., Горбачёв Н.Н., Турсунов И.Э. Цифровая экономика: управление информационными ресурсами: Учебное пособие для вузов. – Т.: Молия, 2019.
3. Аналитический Центр // URL: <https://kommersant.uz/tsifrovaya-ekonomika-uzbekistana/>.
4. Каримов И.А. Узбекистан на пути углубления экономических реформ. – Т., «Узбекистан», 1995. С.10–11.
5. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» за №ПФ-4947 от 7 февраля 2017 года.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY IN UZBEKISTAN

Bazarov O. Sh.

Rector of Karshi engineering and economic Institute, PhD in Physical and mathematical Sciences, associate Professor

Tursunov I. Evans.

PhD in Economics Sciences, associate Professor, head of the Department of management, Karshi engineering and economic Institute

Abstract: *the article deals with topical issues of digital economy development in Uzbekistan. The author analyzes the normative acts that serve as the basic platform for launching this process in the Republic. The problematic aspects of digitalization of the economy are identified, international comparisons are made, and priorities for the conceptual construction of the digital economy in Uzbekistan are proposed.*

Key words: *digital economy, modernization, innovation, economic growth.*

УДК 346.7

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Фатхутдинова А.М.

кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

***Аннотация:** предметом научного исследования в рамках настоящей статьи выступает развитие российского законодательства, регулирующее сферу цифровых прав, появившихся в связи с развитием цифровой экономики. В статье раскрыт правовой режим в процессе возникновения и развития в настоящее время цифровых технологий. Обосновывается вывод о том, что в период развития цифровой экономики цифровизация права необходима и неизбежна. Доказано, что цифровое право прежде всего должно регулировать и защищать действия человека с цифровой информацией. Цифровое право дает дополнительные возможности для реализации существующих права человека. Новшества в сфере цифрового права становятся толчком для дальнейшего развития экономики и регулирования новых социальных отношений, возникающих в цифровой экономике, а также появления новой модели социального и правового порядка.*

***Ключевые слова:** государство, законодательство, информационные технологии, цифровое право, цифровизация.*

Роль информации, информационных систем и технологий, гаджетов и социальных сетей сложно переоценить в современном мире. Сегодня неотъемлемой частью жизни каждого человека является использование компьютеров и других электронных средств, работа в сети Интернет, онлайн покупки... В современном мире стало намного проще управлять информацией: находить необходимые материалы, сведения о людях, предметах, определять геолокацию, строить прогнозы, получать и передавать информации. Причем для этого достаточно нажать несколько клавиш. Более того, все эти функции доступны каждому человеку, а не только квалифицированным специалистам, как это было некогда.

Цифровые технологии проникают во все сферы общественной жизни людей. В образовании, например, это проявляется возможностью непрерывного образования на протяжении всей жизни человека, использованием интерактивной формы занятий, технологий виртуальной реальности, предоставлением широких возможностей дополнительного образования (дистанционные курсы, вебинары).

Человеческое общество развивалось на протяжении многих столетий: от аграрного с преобладанием сельского хозяйства и ручного труда, пройдя этап индустриального общества с наибольшей долей промышленности, до

постиндустриального состояния с доминированием сферы услуг. Из-за преобладания сферы услуг над производством ключевую роль в современном обществе стала играть информационная сфера.

В связи с взрывообразным развитием цифровых технологий и приобретением ими ключевых позиций в жизни общества, цифровизация права неизбежна и необходима. А цифровизация экономики, государственного управления с неизбежностью влечет цифровизацию права.

Сегодня можно говорить о цифровизации самого общества, что в свою очередь порождает возникновение цифрового права. Как и любой процесс, происходящий в обществе, переход к цифровому обществу имеет свои нюансы, отрицательные черты и нуждается в регулировании. Право, как основной регулятор всех общественных отношений, находит свое отражение и в регламентации цифровых прав. Почему же у общества возникла потребность в регулировании отношений в сети, устанавливаемых посредством использования компьютера и иных электронных приборов?

По мере расширения круга возможностей человека в сети увеличилась и степень нарушения их прав. Ежедневно мы слышим о многочисленных случаях мошенничества, обмана в сети, ограничения свободы использования интернет. Для устранения данной проблемы власть озадачилась формированием нормативно-правовой базы, регулирующей отношения, вызванные переходом общества к цифровой экономике. Но каков же правовой статус этих цифровых прав?

Цифровые права – права человека, суть которых состоит в предоставлении людям права на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, свободный доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также сети Интернет.

В «Словаре тактической реальности» Конрада Беккера, австрийского общественного деятеля и философа, сказано, что цифровые права являются следствием расширения и применения универсальных прав человека к потребностям информационного общества. [8]

Из приведенных выше двух определений следует, что цифровое право, прежде всего регулирует действия человека с цифровой информацией, его воздействие с различными электронными устройствами.

Впервые о цифровых правах было упомянуто в 1997 г. на кассельском художественном фестивале Documenta. Группа амстердамских активистов медиацентра De Waag представила Хартию коммуникационных прав человека, в которой были сформулированы требования, касающиеся сохранения общественного публичного пространства и его защиты от покушений со стороны коммерческих и полицейских интересов. С того момента был серьезно доработан свод коммуникационных прав человека.

Понятие цифрового права возникло вместе с понятием цифровых услуг. Так о праве на цифровую мобильную связь заговорили только после того, как переход

к цифровой мобильной связи дал возможность обеспечить всех людей мобильными телефонами. Таким образом, цифровое право немыслимо без цифровых услуг, осуществляющихся в полном объеме.

Сегодня цифровое право квалифицируется, прежде всего, как разновидность имущественных прав. Основные цифровые права человека включают в себя право на доступ к электронной сети, право на свободное общение и выражение мысли в сети, на неприкосновенность частной сферы.

Все формы по оптимизации государственного управления с учетом внедрения в них использования информационных сетей связи и Интернет направлены на обеспечение юридического механизма по доступу граждан к информации, а также защиты персональных данных граждан, обеспечение законности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях и определяют основы информационного законодательства. В связи с увеличением пользователей сети Интернет, остро стоит вопрос регулирования этих данных. В 2006 г. государство разработало некую правовую базу, регулирующую отношения, связанные с информацией, например, ФЗ от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [3], ФЗ от 27.07.2006 N 152-ФЗ. «О персональных данных». [4]

Что же касается законодательного закрепления прав, касающихся информации, создания и публикации своих произведений, то они закреплены в Конституции РФ в пунктах 1, 3, 5 статьи 29, в которых говорится о праве каждого человека на свободу мысли и слова, на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, гарантируется свобода массовой информации. Также стоит отметить статью 44 Конституции РФ, которая гласит о том, что каждому гарантируется свобода различных видов творчества и защита интеллектуальной собственности. [1]

Рассматривая Конституцию РФ, то в ней еще не отражены те нормы, относящиеся именно к правам человека, которое «диктует» цифровое общество, то, анализируя федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», мы уже видим, что этот закон регулирует отношения, связанные с применением информационных технологий, с защитой информацией. [3]

В начале 2018 г. началась разработка законопроекта, целью которого было регулирование рынка новых объектов экономических отношений. Разработанная вначале концепция была принята в первом чтении, но затем претерпела ряд изменений. В новый закон все же не были включены такие понятия, как «цифровые деньги» и криптовалюта, как это ожидалось многочисленными экспертами и простыми гражданами.

В приказе Минкомсвязи России от 01.08.2018 N 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждены разъяснения (методические рекомендации)

по разработке региональных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [7], а также даны понятия цифрового продукта, цифрового сервиса, цифровизации, цифрового оборудования (устройства), прорывных революционных технологии цифровизации и др.

Президент России В.В.Путин в Послании Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. обозначил существование в России цифровой экономики. основополагающим актом регулирования отношений в рамках действующей системы экономических отношений стал закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского Кодекса Российской Федерации» [2]. В ст.141.1. ГК РФ определено что признается цифровыми правами, как они осуществляются, кто ими распоряжается, а также как переходят цифровые права.

Проанализировав все правовые законы, регулирующие сферу информации и цифровых отношений, их можно разделить на несколько групп:

1. Авторское право, сюда же можно отнести и интеллектуальное право.
2. Информационное право.
3. Цифровое право.
4. Блокчейн право, реализация которого запланирована на 2020 год.
5. Право в digital среде и кибер-пространстве.

На сегодняшний день, в обществе существует такая точка зрения, что все то, что находится на сайтах Интернета, правом регулироваться и защищаться не может. Граждане ссылаются на то, что любую информацию, любое произведение в Интернете можно легко скачать, скопировать и распространить без каких-либо юридических соглашений с автором этой интеллектуальной собственности.

Но как мы знаем, согласно законодательству, информация, произведения, которые размещаются в сети Интернет, это такой же объект гражданских прав, как и, например, монитор, на котором отображается эта информация. Заимствование монитора без согласия его владельца, является воровством, а вот под заимствованием информации подразумевается, как право пользователя Интернета. Но на самом деле, как первый, так и второй случай, подразумевает под собой, не что иное, как разновидность хищения.

Сегодня всех пользователей-нарушителей авторского права в сети Интернет, можно подразделить на тех, кто использует Интернет для извлечения прибыли, и тех, кто не преследует целей личного обогащения, а скачивает всё для себя, своих близких или же друзей. Причем, стоит отметить, что некоторые пользователи Интернета, все же желают соблюдать права интеллектуальной собственности автора, но в силу ряда причин нарушают их.

Сюда входит такой фактор, как низкий уровень правосознания пользователей Интернет, много люди просто даже не знают, что существуют правовые нормы в информационной сфере, тем самым неосознанно нарушают авторское право. Или же наоборот, совершая, оправдывают себя и свои действия тем, что «но ведь так делают все».

Необходимо создать такое специализированное законодательство, где предметом регулирования была бы именно сеть Интернет. Так же необходимо осуществлять моральное воздействие, через средства массовой информации, создавать как можно больше прецедентов в области авторского права в судебной практике, и придавать огласке данным случаям в СМИ.

Можно устанавливать запреты, которые бы всячески препятствовали копированию, скачиванию материалов и информации, предоставляя такой способ копирования за оплату. Тем самым, с пользователем косвенно бы заключалось соглашение, которое предоставляло бы за небольшую плату доступ к скачиванию той или иной интересующей его информации.

В свою очередь, государство также должно способствовать в борьбе с данной проблемой. Оно должно осуществлять работу над повышением правовой грамотности граждан и формирование культуры в сфере использования интеллектуальной собственности, осуществлять совершенствование законодательства в данной области.

В марте 2019 г. объектами гражданских прав признаны цифровые права, в связи с чем в часть первую ГК РФ была включена статья 141.1 «Цифровые права». Согласно данной статье цифровыми правами признаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы. Также уточняется, что в этой же системе будет происходить осуществление этих прав и распоряжение ими. Значение закрепления базового определения «цифровых прав» в Гражданском кодексе РФ состоит в том, что данный факт позволит определить место цифрового права в системе объектов гражданских прав [2].

Какова роль информационной системы? Информационная система определяет содержание цифровых прав, условия их осуществления, а также самого владельца цифровых прав, механизм применения цифрового права.

По общему правилу обладателем цифровых прав является лицо, имеющее возможность распоряжаться цифровым правом в соответствии с правилами информационной системы. Также под обладателем цифрового права понимается лицо, которое владеет цифровым кодом или обозначением, позволяющим обладателю цифровых прав распоряжаться им вплоть до его отчуждения. Таким образом, осуществляется защита прав и законных интересов обладателя цифрового права, заключающегося в ограничении доступа к коду или обозначению. Следовательно, цифровые права представляют собой нематериальный объект права, существующий только в цифровой, а не электронной форме.

В гражданском законодательстве законом закреплены базовые положения о цифровых объектах, которые ранее не регламентировались в российском законодательстве, в связи с чем лица, приобретавшие эти объекты, были не защищены. Цифровое объективное право – один из способов выражения и существования права в целом и объективного права, в частности. Потребность в цифровом объ-

ективным и субъективным праве выявляется необходимостью регулирования возникших и расширяющихся в последнее время цифровых общественных отношений.

Наличие цифровых прав предполагает наличие цифровых правоотношений, которые представляется возможным сформулировать следующим образом: это разновидность общественных отношений, возникающих на базе цифрового права, регулирующего эти отношения на основании и в рамках информационных систем.

Проанализировав новый закон, можно говорить и о том, что он дополняет некоторые правила ГК РФ:

– голосовать на собраниях гражданско-правовых сообществ теперь можно с помощью электронных и иных технических средств на так называемых цифровых участках. Первое экспериментальное дистанционное голосование в трех избирательных округах было проведено 8 сентября 2019 г на выборах в Московскую городскую Думу [6]. Данный проект основан на технологии блокчейн.

– договоры номинального счета и договоры страхования можно заключать не только путем составления договора в письменной форме и его подписания сторонами правоотношения, но и путем обмена электронными документами, что стало очень удобным и распространённым за последние годы, поэтому не зря сейчас договор страхования чаще всего заключается в виде электронного договора.

– несмотря на все новые правила, составление завещания с использованием электронных и иных технических средств запрещено. Это связано с тем, что некоторые лица в силу возраста или ряда других причин (бедность, отсутствие интереса или определенных знаний) не будут иметь доступа к техническим устройствам, а значит, в соответствии с п. 2 статьи 141.1 ГК РФ, не смогут стать обладателями цифрового права.

Выражение воли с помощью электронных или других технических средств приравнивается к простой письменной сделке. То есть простого нажатия клавиши «Ок» после заполнения определенной формы в сети Интернет или отправки подтверждающего СМС достаточно для волеизъявления субъектов гражданских правоотношений и, соответственно, заключения сделки.

Однако существуют и несколько условий, соблюдение которых необходимо для признания подобной сделки действительной. Электронные и иные технические средства, которые используются при заключении сделки, должны позволять «воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки». Также, необходимо достоверно определить лицо, которое выступает в роли субъекта правоотношения.

Для облегчения совершения сделок с цифровыми правами законом совершенствуются и правила гражданского законодательства о форме сделок, в том числе договоров. В связи с чем стоит отметить, что новшеством данного закона является понятие «самоисполняемых сделок» или же смарт-контрактов, которые

не являются отдельной сделкой, а являются условием автоматического исполнения любого гражданско-правового договора, что наиболее характерно для банковской сферы, например, банк может списать коммунальные платежи с гражданина в виде автоплатежа. Также они востребованы и в электронной торговле.

При этом нужно соблюсти два условия: используемые технические средства должны позволять воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, а также должен быть использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Специальные способы (такие, как биометрическая идентификация) будут необходимы в случаях, прямо предусмотренных законом.

В результате, лицо, покупающее тот или иной виртуальный объект, получит его автоматически при наступлении указанных в соглашении обстоятельств, то есть исполнение произведет сама информационная система. У продавца будет списано цифровое право, а у покупателя деньги.

Так как огромный массив информации обезличен, государство решает вопрос законности сбора и обработки этой информации. Для этого государство сформулировало конструкцию договора об оказании услуг по передаче этой информации, с условием, что ее содержимое не раскрывается третьим лицам. Для этого в новой статье 783.1 ГК РФ вводится конструкция договора об оказании услуг по предоставлению информации. При этом закрепляется, что договором может предусматриваться обязанность не совершать действия, в результате которых передаваемая информация может быть раскрыта третьим лицам

Таким образом, поправки, внесенные в ГК РФ, создают основу для развития цифровых прав. Уже сейчас Государственная Дума РФ в третьем чтении рассматривает законопроект о привлечении инвестиций с использованием информационных технологий и законопроект о цифровых финансовых активах.

Драйвером, побудившим государство задуматься о цифровизации права стали возникшие опасения за безопасность государства. Право реагирует на то, что может принести вред. Причем этот вред может быть, как экономическим, ярким примером является криптовалюта, так и физическим (беспилотный транспорт).

Современные технологии способны облегчить процесс законотворчества. Сегодня эту задачу выполняет естественный интеллект. Однако разработка нормативного акта – это сложная работа, требующая больших человеческих знаний и памяти, поэтому искусственный интеллект стал бы хорошим помощником в этом вопросе. Искусственный интеллект можно с пользой применить и в судопроизводстве. Задача машины в смарт-контрактах состоит в фиксации факты, к которым привязано исполнение договоров. В связи с этим сегодня в повседневную жизнь активно проникают технологии блокчейн.

Анализируя понятие «цифровое право», можно сделать вывод о том, что этот вид права создает пространство, где отсутствует отраслевая специализация. Оно перемешивает нормы и институты различной отраслевой природы, изменяя

структуру права в классических правоотношениях. В цифровом праве классическое право сведено к минимуму, фактически к признакам признания и эффективности (этичности). Все иные признаки права – определенности, нормативности, общеобязательности – выступают в значительно преобразованном виде [9, с.13].

Если рассматривать цифровые права в широком смысле, то мы понимаем, что они дают дополнительные возможности для реализации таких уже существующих прав человека, как право на свободу мысли и слова, на доступ к информации, на неприкосновенность частной жизни. Цифровые права - это также и способ выражения и существования гражданских субъективных прав в рамках информационных систем.

Внесенные поправки в ГК РФ как «общую модель, рамочную версию» того, что изначально предполагалось по ходу одобрения и согласования этого закона из него убрали практически все сущностные вещи.

И ведь действительно новый закон представляет собой совокупность диспозитивных норм. Он не дает конкретных указаний к действию в определенных правовых случаях, а лишь устанавливает основополагающие понятия цифрового права.

В целом же уже выделились несколько подходов анализа недавно вступившего в силу законопроекта. Цифровое право приравнивается к множеству электронных данных и может удостоверить только права на вещи и другое имущество, оказание услуг, результаты работ. Также можно распространить на цифровые объекты нормы и принципы уже сформировавшихся отраслей и подотраслей права. Возможно, что в будущем нам удастся создать отдельную отрасль права – «наноправо».

При принятии законопроекта о цифровых правах для субъектов предпринимательской деятельности открылись новые возможности конкурентного преимущества на рынке; заключения сделок в электронной форме; защиты прав и законных интересов участников правоотношений.

Нормы регулирующие отношения человека с информацией и информационными технологиями уже существуют, однако развитие именно цифрового права только началось.

За короткий срок, прошедший с момента вступления в силу закона о цифровых правах появились определенные концепции анализа нового для российского законодательства направления. Стоит отметить, что оценивается оно неоднозначно.

Изменения, внесенные в ГК РФ, не создали ничего принципиально нового, они лишь закрепили основные положения, касающиеся цифрового права, что отмечают многочисленные эксперты и простые граждане. Новшества в сфере цифрового права станут лишь толчком для дальнейшего развития экономики. Разработка полноценного законодательства для регулирования отношений в сфере цифрового права потребует времени и больших интеллектуальных усилий.

21 век – век стремительного развития информационных технологий: образование, бизнес, культура, психология, даже медицина все больше уходят в Интернет. С каждым днем в сети появляется огромное количество интернет-уроков, онлайн мастер-классов, вебинаров, дистанционных курсов. Однако, стоит отметить, что за столь стремительным ростом технологий не успевает идти законодательство. На данную проблему общество обратило свое внимание относительно недавно, когда «всемирная паутина» стала для человека значимой, обыденной и важной частью жизни.

Развитие законодательства в сфере цифрового права напрямую связано с цифровизацией всех сфер жизни общества. Однако также стоит отметить, что принятие необходимых нормативных актов несколько опаздывает по сравнению с реальными потребностями общества.

Не так давно считалось, что Интернет – это область, которая не находится в рамках правового регулирования. Сегодня, это суждение уже устарело, и становится очевидно, что деятельность в этой сети регулируется законодательством (в том числе и гражданско-правовым) точно также, как и за её пределами. Но в то же время еще существуют моменты, которые следует доработать.

Перспектива цифрового права состоит в регулировании новых видов социальных отношений, в переходе к иной модели социального и правового порядка.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс] Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 года № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 // Консультант Плюс. – Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (ред. от 16.12.2019)
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 года N 149-ФЗ Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 года N 152-ФЗ. «О персональных данных». [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
5. Федеральный закон от 18 марта 2019 года N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/
6. Федеральный закон от 29 мая 2019 года № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного

Фатхутдинова А.М.

голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва».

7. Приказ Минкомсвязи России от 01 августа 2018 года N 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343571/

8. Конрад Беккер. Словарь тактической реальности. [Электронный ресурс] Культурная интеллигенция и социальный контроль – Vienna, edition selene, 2002 Антикопирайт // Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=94139&p=1>

9. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы.// LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН), 2019. №9 (153). С.9-18.

REGULATION OF DIGITAL RIGHTS IN RUSSIAN LEGISLATION

Fathutdinova A.M.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of FSOBU «Financial University under the Government of the Russian Federation»

Abstract. *The subject of scientific research in this article is the development of Russian legislation regulating the sphere of digital rights that appeared in connection with the development of the digital economy. The article reveals the legal regime in the process of emergence and development of digital technologies at the present time. The author substantiates the conclusion that during the development of the digital economy, digitization of law is necessary and inevitable. It is proved that digital law should first of all regulate and protect the actions of a person with digital information. Digital law provides additional opportunities for the implementation of existing human rights. Innovations in the field of digital law are becoming an impetus for further development of the economy and regulation of new social relations arising in the digital economy, as well as the emergence of a new model of social and legal order.*

Key words: *state, legislation, information technology, digital law, digitalization.*

УДК: 338.2:336.711

ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДЕГРАДАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Кузнецова Е.Л.

*кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической экономики
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

Геворкян С.М.

*кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической экономики
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

***Аннотация:** в статье рассмотрены некоторые проблемы политики, проводимой Центральным Банком РФ; выявлены социально-экономические последствия данной политики для российской экономики; проанализированы показатели, характеризующие неэффективную структуру активов ЦБ РФ.*

***Ключевые слова:** Центральный банк; денежно-кредитная политика; структура активов центрального банка; национальная экономика; экономический рост.*

Общеизвестно, что центральный банк РФ (ЦБ РФ или Банк России) в соответствии с Конституцией РФ (гл. 3, статья 75) наделяется особым конституционно-правовым статусом, в соответствии с которым ЦБ РФ обладает исключительным правом на осуществление денежной эмиссии (п. 1); защищает и обеспечивает устойчивость рубля – это его основная функция (п.2) [1]. По умолчанию в российской практике сложилась ситуация, в которой Банк России не занимается развитием и стимулированием экономики, а его главной целью стало только одно – регулирование инфляции и денежных показателей.

Министерство финансов РФ и ЦБ РФ, исполняя бюджетное правило, рекомендованное Международным Валютным Фондом (МВФ), проводят целенаправленную политику исключения российского рубля из инвестиционных процессов. Тем самым подрывая национальную экономику изнутри, т.к. российский рубль этими структурами государственной власти вкладывается не в отечественное производство, а в иностранную валюту, прежде всего в американские доллары; не используется благоприятная рыночная конъюнктура, из российского денежного оборота выводятся гигантские денежные суммы (см. таблица 1).

Подобные действия приводят к ряду экономических последствий, которые крайне неблагоприятно сказываются как на современной ситуации в условиях общемировой макроэкономической нестабильности, так и на ближайшую перспективу. Анализируя объемы и структуру активов Банка России, мы приходим к выводу о явном «перекосе» предпочтений этого регулятора экономики опять же не в пользу российского бизнеса или российских отраслей (см. таблица 2, 3).

Таблица 1 – Объемы покупки валюты министерством финансов РФ [3]

Года	Объемы покупки валюты министерством финансов РФ (по запланированному курсу) в млрд. долл. США
2020	35,5
2021	33,8
2022	30,6

Таблица 2 – Величина активов Банка России и их распределение по видам инструментов в марте 2018 – марте 2019 гг.[4].

Активы	На 31.03.18.		На 31.03.19.		Изменение, млрд. долл. США
	млрд. долл. США	доля в активах, %	млрд. долл. США	доля в активах, %	
Государственные ценные бумаги иностранных эмитентов	230,3	50,1	193,7	39,7	- 36,6
Депозиты с иностранными контрагентами и остатки на счетах у иностранных корреспондентов	93,6	20,3	140,3	28,8	+ 46,7
Золото	79,2	17,2	88,6	18,2	+ 9,4
Негосударственные ценные бумаги иностранных эмитентов	36,9	8,0	42,1	8,6	+ 5,2

Таблица 3 – Величина активов Банка России и их распределение по видам инструментов в июле 2018 – июле 2019 гг. [4]

Активы	На 31.07.18.		На 31.07.19.		Изменение, млрд. долл. США
	млрд. долл. США	доля в активах, %	млрд. долл. США	доля в активах, %	
Государственные ценные бумаги иностранных эмитентов	187,0	40,8	206,2	39,9	+ 19,2
Депозиты с иностранными контрагентами и остатки на счетах у иностранных корреспондентов	131,1	28,6	147,5	28,5	+ 16,4
Золото	76,9	16,8	98,7	19,1	+ 21,8
Негосударственные ценные бумаги иностранных эмитентов	32,1	7,0	36,4	7,0	+ 4,3

Данные таблицы 2 показывают, что более 193 млрд. долл. США вложены в государственные обязательства иностранных государств; более 140 млрд. долл.

США главный банк страны разместил на счетах в иностранных центральных и коммерческих банках. В негосударственных ценных бумагах, т.е. корпоративных, сосредоточено 42 млрд. долл. США денег российских налогоплательщиков. В физическое золото инвестировано 88 млрд долл. США.

Как видно из таблицы 3, следующий период не принес заметных изменений в структуру и объемы активов Банка России, более того, вложения в государственные обязательства иностранных государств увеличились. Мы видим, что 206 млрд. долл. США вложены в государственные обязательства иностранных государств; более 147 млрд. долл. США главный банк страны разместил на счетах в иностранных центральных и коммерческих банках. В негосударственных ценных бумагах, т.е. корпоративных, сосредоточено 36 млрд. долл. США денег российских налогоплательщиков. В физическое золото инвестировано почти 99 млрд долл. США.

За счет отечественного налогоплательщика российское государство в лице ЦБ РФ и правительства продолжают активно финансировать и экономически поддерживать иностранные корпорации; денежные средства выводятся за пределы России, что подтверждают данные таблиц 4 и 5.

Таблица 4 – Географическое распределение активов ЦБ РФ в %% март 2018 г. – март 2019 г. [4]

Страна	31.03.18	31.03.19.	Изменение
Золото в хранилищах Банка России	17,2	18,2	+ 1,0
Китай	4,7	13,4	+ 8,7
Германия	12,8	13,2	+ 0,4
Франция	11,9	11,6	- 0,3
Япония	1,7	10,2	+ 8,5
США	29,2	9,2	- 20,0
Соединенное Королевство	5,6	5,9	+ 0,3

Таблица 5 – Географическое распределение активов ЦБ РФ в %% июнь 2018 г. – июнь 2019 г. [4]

Страна	31.06.18	31.06.19.	Изменение
Золото в хранилищах Банка России	16,8	19,1	+ 2,3
Китай	11,6	12,6	+ 1,0
Германия	12,5	12,3	+ 1,0
Франция	15,4	13,3	- 2,1
Япония	7,0	9,7	+ 2,2
США	9,5	8,1	- 1,4
Соединенное Королевство	4,5	6,2	+ 2,3
Межгосударственные организации	7,2	5,3	-1,9
Канада	2,9	2,5	-0,4
Финляндия	0,9	2,0	+1,1
Прочие страны	11,8	9,0	-2,8

Исходя из представленных данных, можно справедливо задать вопрос о том, кому помогает российское государство в лице главного банка страны и министерства финансов? Даже самые приблизительные расчеты подтверждают следующий вывод – 55 % всех вложений так или иначе приходится на страны, которые ввели против Российской Федерации экономические и политические санкции.

Вложения во вторую экономику мира – Китай и его валюту – китайский юань, по мнению ряда аналитиков, при всей мощи китайской экономики вызывает большие сомнения и, несомненно, влекут за собой как рыночные, так и институциональные риски.

Не менее показательны данные, характеризующие распределение активов Банка России по иностранным валютам и золоту (см. таблицу 6).

Таблица 6 – Распределение активов банка России в иностранной валюте и золоте (% от их рыночной стоимости) [4]

Тип актива	30.06.18.	30.03.19	30.06.19.	Изменение (стр. 4 – стр.2)
Золото	16,8	18,2	19,1	+2,3
Доллары США	21,8	23,6	24,2	+2,4
Евро	32,0	30,3	30,6	-1,4
Китайский юань	14,7	14,2	13,2	-1,5
Фунт стерлинга	6,3	6,6	6,0	-0,3
Прочие валюты	8,4	7,1	6,9	-1,5

Представленные данные показывают, как меняется структура валютных активов государства в течение одного года, и мы видим, что активы в европейской валюте явно преобладают (около 1/3 всех активов), доля в американских долларах неуклонно растет (на конец рассматриваемого периода около 1/4 активов), увеличилась доля физического золота (около 1/5 всех активов), незначительно снизилась доля китайского юаня.

В целом эта ситуация говорит о «перекосах» и «нестыковках» в действиях главных институтов денежно-кредитного направления экономической политики российского государства.

ЦБ РФ получил громкое название «мегарегулятора» российской экономики в 2013 г., наверное, вполне оправдано, если обратить внимание на возложенные на него функции и полномочия (мы не имеем в виду тот классический перечень, который знает любой старшекласник или первокурсник). Банк России по сути начал проводить жесткую политику консолидации отрасли, что не могло не вызывать рост процента. Если сравнивать уровень банковского процента для заемщика в Евросоюзе, то он составляет 1–1,25%. В нашей российской практике этот показатель может достигать 6–6,5% при условии отсутствия скрытых платежей,

и соответственно, стимулирование экономического роста и развития при таких условиях происходит очень не просто или вообще невозможно.

И так, чем занимается ЦБ РФ: отзыв лицензий у банков (за последние 20 лет число банков сократилось на 66,2%), т.е. отвечает за их деятельность в пределах зоны своей ответственности; регулирование и контроль деятельности страховых, клиринговых компаний и микрофинансовых организаций, негосударственных пенсионных фондов, паевых инвестиционных фондов, кредитных потребительских кооперативов, рейтинговых агентств, а также агентства по страхованию вкладов.

Кроме всего этого список можно продолжать: выпуск своей платежной карты, при помощи которой Банк России практически наладил свой «бизнес»; создание своей системы быстрых платежей; запуск своей платежной системы, которая зарабатывает немалые денежные средства; продвижение законопроектов, поддерживающих свои же виды деятельности, например, каждый работник бюджетной сферы обязан иметь зарплатную карту «МИР», годовое обслуживание которой платное, и т.д... Однако в ФЗ «О Центральном банке РФ» [6] зафиксировано положение, которое гласит, что ЦБ РФ не отвечает по обязательствам государства, а государство не отвечает по обязательствам ЦБ, кроме этого Банк России не имеет права заниматься бизнесом и владеть какими-либо акционерными обществами, кроме ПАО Сбербанка РФ.

Ситуация по отзыву лицензий у коммерческих банков оценивается по-разному: с одной стороны, есть официальная позиция руководства банка России (см. таблицу 7).

Таблица 7 – Количество банков в Российской Федерации с 2005 г. по 2020 г. [7]

Дата	Количество банков
01.01.2005	1299
01.01.2010	1058
01.01.2015	834
01.01.2016	733
01.01.2017	623
01.01.2018	561
01.01.2019	484
01.01.2020	442

В России сформировалась банковская система, ЦБ РФ последовательно проводит политику, направленную на устранение из этой системы неэффективных участников (отзыв и лишение лицензий; запрет на банковские операции и т.д.). Но условия кредитования малого и среднего бизнеса не стали от этого проще, кредит не стал доступнее, а по факту происходит лишь ужесточение ситуации, цена кредита только растет; «дешевых» и «длинных» денег бизнес получить не может, так как банковское сообщество заинтересовано только в «коротких» и «дорогих» деньгах.

С другой стороны, многочисленные эксперты обращают внимание на последствия от таких действий мегарегулятора. Прежде всего, это дефицит качественных банковских услуг в регионах, и создание олигополии на российском банковском рынке.

На сегодняшний день складывается парадоксальная ситуация: особый статус у ЦБ РФ и есть, и нет... Кто управляет деньгами в РФ? Кому принадлежит Банк России? Прямого ответа в федеральном законодательстве на этот вопрос нет... Владения со стороны государства, допустим в лице агентства по федеральному имуществу, тоже нет... Он объект федеральной собственности, подчиняется только Государственной Думе (назначает на должность и освобождает от должности Председателя ЦБ РФ) а также в какой-то мере подконтролен Правительству РФ, т.к. именно оно обеспечивает проведение в стране единой финансовой, кредитной и денежной политики. Но сотрудники банка не государственные служащие... Формально Банк России не отвечает за развитие российской экономики... Искусственно создает олигополию в банковской среде, которая рано или поздно приведет к сговору среди участников, и тем самым потребителей банковских услуг поставит в ситуацию, где нет выбора, потребитель будет вынужден согласиться с навязанными условиями... За последнее десятилетие дважды в 2014 и 2018 гг. ЦБ РФ девальвировал российский рубль... Возникает вопрос – в чьих интересах осуществляет свою деятельность главный банк государства?...

Как известно, МВФ и Базельский комитет по банковскому надзору, а также Банк Международных Расчетов (г. Базель, Швейцария) – это организации, в которых все руководства центральных банков государств отчитываются и удостоиваются дальнейших указаний по направлениям своей деятельности [9]. В том числе и руководство российского ЦБ получает соответствующие рекомендации и последовательно внедряет их: регулирует ключевую ставку, отслеживает коэффициент монетизации экономики и т.д. Результат такой «работы» очевиден – российская экономика испытывает хроническую нехватку рублевой массы в качестве инвестиционного ресурса; активы главного банка государства никак не изменяют структуру национальной экономики в пользу реального сектора.

Анализируя деятельность ЦБ РФ, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: в стране есть правительство, финансово-экономический блок (министерство финансов, министерство экономического развития, министерство промышленности и торговли, министерство сельского хозяйства, министерство по налогам и сборам, министерство транспорта и т.д.), как правило, в составе каждого министерства присутствует несколько федеральных агентств, т.е. это структуры прямо отвечающие за российскую экономику, но реальных полномочий и эффективных рычагов воздействия у них нет... Эти инструменты сосредоточены в руках ЦБ РФ, а он, по заявлению главы банка, отвечает за таргетированием инфляции...

Таким образом, Банк России сосредоточил в своих руках практически все инструменты управления экономикой. Однако своими действиями банк сделал все, чтобы свести к небольшому числу набор стоящих перед ним задач, закрепленных

в основном законе государства – Конституции. Подобное положение еще больше подтверждает «особый» статус главного банка государства, т.к. со стороны всех ветвей государственной власти подобная ситуация не оценивается критически. Обращаясь к мировому опыту, мы можем назвать ряд стран (Италия, Турция, ЮАР и др.), где подобная ситуация была вовремя отрегулирована органами государственной власти, и главный банк стал подотчетен государству.

Кроме того, проблема вывоза национального капитала за границу, также остается нерешенной, хотя именно здесь ЦБ РФ совместно с правительством имеют возможность отрегулировать и остановить подобное движение спекулятивно заработанного капитала, прежде всего, следует продумать комплекс мероприятий по созданию барьеров на свободное движение капитала за границу. Сальдо торгового баланса в нашей стране положительное, примерно 8% от ВВП. Чистый отток капитала (сальдо финансовых операций) составляет 100–150 млрд. долл. Все эти средства оседают в оффшорах. Они выводятся из страны и не работают на экономическое развитие РФ [5]. Методы могут быть как прямыми – административные запреты; так и косвенными – это введение специального повышенного налога на подобные действия. Опять же мировая практика показывает и возможность таких действий государственной власти, и их эффективность. Но для реализации подобных мероприятий необходим консенсус институтов государственной экономической политики и институтов финансового рынка, политическая воля и соответствующие нормативно-правовые документы.

Показателен в этом отношении недавний отчет Счетной палаты по результатам анализа основных направлений развития финансового рынка на 2016–2018 гг. и на 2019–2021 гг., в котором она безапелляционно указала на неэффективность программы ЦБ. Восемь целевых показателей эффективности программы Банка России по развитию финансового рынка РФ в 2016–2018 гг. из 13 показателей не достигнуто [8]. Аудиторы Счетной палаты отметили, что Россия не сократила отставание от ведущих экономик в Индексе глобальной конкурентоспособности (ИГК) Всемирного экономического форума. Особо «провальным» оказался раздел «Развитие финансового рынка», где рейтинговые позиции России ухудшились по семи из восьми критериев. По стабильности финансовой системы мы занимаем 120 место, а по масштабу финансового рынка находимся на 77 месте [8]. Число институтов финансового рынка значительно сократилось, что собственно и произошло в результате целенаправленной политики принудительной санации финансового рынка со стороны Банка России за последнее десятилетие. Как отмечено в отчете, сокращение в отдельных секторах составило 1,5–2 раза. «Это ведет к снижению конкуренции и свидетельствует о сложности выхода на финансовый рынок новых участников. В крупнейшем секторе – банковском – рост шел за счет физических лиц. Кредиты нефинансовым организациям сократились и в реальном выражении, и по отношению к ВВП, это говорит о неблагоприятных условиях для кредитования реального сектора экономики» [8]. Как известно, фондовый рынок является частью финансового рынка, и его состояние также не могло

не интересовать Счетную палату. По ее данным, несмотря: 1) на привлекательность российского рынка ценных бумаг, 2) на недооцененность российских бумаг, 3) на значительное повышение биржевых котировок, рынок акций также не стал тем значительным источником финансовых ресурсов для бизнеса, как это происходит в мировой практике. Главный вывод Счетной палаты – первичные размещения, с помощью которых компании привлекают капитал, носили эпизодический характер и проводились в небольших объемах. «При этом рыночная стоимость ряда зарубежных компаний превысила капитализацию всего российского рынка акций. В целом конкретный анализ секторов финансового рынка подтверждает вывод о его несоответствии масштабу экономики России и ее потребностям в финансовых ресурсах, прежде всего – в инвестициях». [8]

Аудиторы Счетной палаты выявили ряд законодательных проблем, а фактически это правовой нонсенс: например, в нормативно-правовых документах никак не зафиксированы и не дано правовое толкование понятия развития и стабильности функционирования финансового рынка, а также цели, инструментарий и требования к основным направлениям развития главного банка государства. «Банк России сам ставит перед собой цели, сам определяет критерии их достижения и сам же оценивает успешность своей работы, что не вполне корректно». [8]

Таким образом, правительство и ЦБ РФ фактически создали институциональный дисбаланс на рынке финансовых услуг, который неизбежно влечет за собой комплекс проблем, пагубно сказывающийся на положении российской экономики в целом; исполнительная власть государства и главный банк страны не верят в стабильность национальной денежной единицы – рубль, хотя именно эта функция закреплена, прежде всего, за Банком России в Конституции РФ; никакой стабильности в российской экономике в ближайшее время не предвидится, она по-прежнему значительно подвержена внешнему влиянию и практически полностью от него зависит; общемировая нестабильность, существующая сейчас, автоматически вызовет дальнейшее углубление кризисного состояния российской экономики; политика правительства и ЦБ РФ направлена не на развитие России в целом, и экономики в частности; вместо стимулирования совокупного спроса и предпринимательской активности, изменения потребительских настроений, увеличения доходов домохозяйств и бизнеса, создания новых рабочих мест и т.д., российские чиновники реализуют «тупиковое» направление экономической политики: скупка валюты и вывоз активов страны за границу.

Литература.

1. Конституция РФ. М., 2014.
2. Кузнецова Е.Л. Кризис: крах или новые возможности? // Актуальные проблемы экономической теории и практики: сборник научных трудов / под ред. д.э.н., проф. В.А. Сидорова. Вып. 17. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2014. С. 62-67.

Кузнецова Е.Л., Геворкян С.М.

3. Объемы покупки иностранной валюты министерством финансов РФ в 2020 – 2022 гг. Официальный сайт Министерства финансов РФ // URL: <https://www.minfin.ru/ru/document/>
4. Управление активами в иностранных валютах и золоте в июле 2018 – июле 2019 года. Официальный сайт Банка России // http://www.cbr.ru/collection/collection/file/25815/2020-01_res.pdf
5. Катасонов В.Ю. Что скрывается за вывеской ЦБ? // Финансы по Катасонову // <https://www.youtube.com/watch?v=lSPSycXZLho>
6. Федеральный Закон «О Центральном Банке Российской Федерации» от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ
7. Информация о банковской системе РФ. ЦБ о количестве банков. Официальный сайт Банка России // <https://www.cbr.ru/statistics/pdko/lic/>
8. Счетная палата указала на неэффективность программы ЦБ по развитию финансового рынка // <https://tass.ru/ekonomika/7368589>
9. Сотрудничество Банка России с БМР и участие в капитале. Официальный сайт Банка России // https://www.cbr.ru/today/ms/smo/bmr_n/

POLICY OF THE CENTRAL BANK OF THE RUSSIAN FEDERATION AND DEGRADATION OF NATIONAL ECONOMIES

Kuznetsova E.L.

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department
of Theoretical Economics, «Kuban State University»*

Gevorkyan S.M.

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department
of Theoretical Economics, «Kuban State University»*

Abstract: *The article considers some problems of the policy pursued by the central banks of the Russian Federation; The socio-economic impact of this policy on the Russian economy has been identified; Indicators characterizing the inefficient structure of assets of the Central Bank of the Russian Federation have been analyzed.*

Key words: *central bank; monetary policy; structure of assets of the central bank; national economy; economic growth.*

УДК 339.923

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА: В ПОИСКАХ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ»

Шатилов А.Б.

кандидат педагогических наук, профессор, декан факультета социологии и политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Музашвили Д.З.

кандидат философских наук, доцент, заместитель декана факультета социологии и политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматривается мировоззрение евразийцев, складывающееся из осмысления уникального исторического и политического опыта начала XX века, а также несущее в себе элементы базовой социальной онтологии, изначально заложенные в национально-культурной традиции России. Раскрываются экономические воззрения классического евразийства, которые развивались в духе поиска «третьего пути», органично вписывались в их картину мира и гармонизировали с их политическими и идеологическими приоритетами. Отмечается, что такое внимание обусловлено поиском национальных и глобальных альтернатив в духе «третьего пути» в условиях современной кризисной ситуации в России и за рубежом в попытках извлечь рациональное зерно из концепций прошлого и соединить это с инновационными идеями.

Ключевые слова: евразийство, «третий путь», либерализм, экономические отношения, частная собственность, экономическая политика

Современная кризисная политическая и экономическая ситуация в России и за рубежом, стимулирует поиск национальных и глобальных альтернатив в духе «третьего пути». При этом предпринимаются попытки, с одной стороны, выработать инновационные идеи в духе XXI столетия, с другой – обратиться к «недооцененным» доктринам и концепциям прошлого, чтобы извлечь из них «рациональное зерно». Именно с последним связано повышенное внимание и актуализация интеллектуального потенциала классического евразийства, пытавшегося в условиях, когда происходил слом традиционных ценностей и существенно изменялась политическая традиция, реализовать новые принципы достижения политического и социально-экономического идеала и политической цельности.

Мировоззрение евразийцев складывалось как из осмысления уникального исторического и политического опыта начала XX в., так и несло в себе элементы базовой социальной онтологии, изначально заложенные в национально-культурной традиции России и практически не изменяемые в течение многих столетий.

При этом в утверждении своих принципов они отталкивались от критики как либерализма, так и коммунизма.

В классическом либерализме важным условием существования демократического общества считается свобода хозяйственной и предпринимательской деятельности. Однако начало XX века и здесь внесло существенные коррективы. Кризис капитализма, имевший место в 1920-1930-х гг., стимулировал поиск новой «идеальной» модели развития экономики. Такого рода поиски, осуществляемые в качестве экономических реформ, проводились в большинстве стран мира: от фашистской Италии (корпоративная модель), до демократических США («новый курс» Ф.Д. Рузвельта) и советской модели новой экономической политики [1].

Большинство исследователей и политических мыслителей того времени связывали данные политико-экономические трансформации с военным фактором и последствиями Первой мировой войны. Продолжительность военных действий коренным образом изменяла сами основы организации народного хозяйства. Существование воюющих государств в мобилизационном режиме вело к тому, что, во-первых, происходило усиление централизации производства и контроля над ним, а, во-вторых, вводимые различного рода ограничения в отношении производства и потребления продукции массового спроса [2]. Данные ограничения затронули не только государство и производителей, но буквально каждого гражданина. Для регламентации данных отношений, выработанных в период войны *de facto*, государственная власть вырабатывала соответствующее законодательство, которое закрепляло их *de ure*. Таким образом, возникали и новые правоотношения, которые настолько глубоко проникают в общественную жизнь, что даже в поствоенный период они сохраняют свою актуальность.

Послевоенное экономическое развитие стран Европы несло на себе отпечаток национализма, недоверия к иностранным партнерам. Даже такая интегрирующая сфера как торговля стала ареной экономического противостояния ведущих наций. Известный экономист 1920–1930-х гг. Алан Андерсон так описывал сложившуюся на то время ситуацию: «Пока каждый народ будет думать, 1) что внешняя торговля должна быть предметом подозрения, а не есть первичная необходимость для всякой национальной жизни; 2) что можно продавать за границу свои продукты, ничего не покупая; 3) что разорение соседа есть залог собственного благополучия; 4) что можно остановить свободное течение международной торговли, не подвергаясь за это действие противодействию обратного удара – пока господствуют такие иллюзии – все усилия положить конец печальным последствиям такого настроения умов будут совершенно тщетными» [3]. Характерным примером такого «экономического шовинизма» стал срыв Женевской международной экономической конференции 1927 г., на которой европейским странам не удалось договориться о снятии запретов и ограничений по ввозу и вывозу товаров; подобная участь постигла и вторичную попытку в 1930 г. заключить таможенное перемирие.

В свою очередь, во внутренней экономической политике ведущих держав того времени также существовали ограничения свободного частноправового оборота. Прежде всего необходимо отметить, что до войны государство, если и являлось участником каких-либо коммерческих операций, то выступало в этой сфере в качестве субъекта, приравняемого ко всем остальным субъектам данных отношений и «играло» по общим установленным правилам. После окончания Первой мировой войны ситуация резко меняется. Расширение государственных полномочий в военный период приводит к тому, что государство получает гораздо больше возможностей для непосредственного вмешательства в хозяйственную жизнь, активизирует свои регулятивные функции. Государственные органы принимают законодательные акты, которые императивно предписывали те или иные действия экономического характера. В итоге это нередко вело к изменению содержания принципов рыночных отношений. Регулятивные функции рынка дополняются или ограничиваются регулятивными функциями государства [4].

Конкретное вмешательство государства в частные экономические отношения выражалось различно. Германский экономист д-р Плаут называл следующие варианты вмешательства государства в сферу экономики:

- 1) установление максимальной цены на продукцию;
- 2) контроль над распределением;
- 3) контроль над производством;
- 4) полный переход в руки государства производственного и распределительного процессов [5].

В отличие от него немецкий исследователь Р.Хирш предлагал свой вариант типологии государственного вмешательства в экономику:

- 1) установление справедливой и соответственной цены;
- 2) обеспечение определенного качества товара;
- 3) борьба за «правильное правовое восприятие»;
- 4) для защиты интересов экономически слабых элементов частного хозяйственного оборота [6].

Швейцарский юрист П. Бовен различал следующие разновидности государственного регулирования:

- 1) таксировку цен;
- 2) установление государственной монополии на производство в отдельных сферах;
- 3) создание системы уголовных наказаний за специальные правонарушения постановлений о торговле [7].

В послевоенный период, по мнению В.В. Розенберга, формируется 4 типа государственных экономических систем: «автократическое государственное хозяйство; олигархически руководимые тресты; свободное хозяйство в старо-либеральном смысле; демократическое государственное хозяйство» [8].

Другим действенным фактором, поставившим под сомнение эффективность принципа «свободы» в экономической сфере, был воинствующий коллективизм, активизировавшихся масс. Включенность «толп» в политическую и социально-экономическую жизнь Европы в начале XX в. стимулировала развитие идей равенства и справедливости, коллективизма и равного перераспределения доходов. В итоге частная предпринимательская инициатива ограничивается писанными и неписанными законами, трудовыми соглашениями и кодексами, которые закрепляли целый комплекс прав рабочего по отношению к работодателю (ограничение трудового дня, установление выходных дней, определение минимального уровня заработной платы, надзор профсоюзов за производством, участие в прибылях предприятия и т.п.).

Наряду с этим, в 20-е гг. XX века все явственнее ощущался страх многих представителей буржуазных классов перед возможностью повторения революционных событий, подобных российским, в Европе. Поэтому они часто соглашались на передачу части своих полномочий в сфере хозяйствования государству с тем, чтобы не допустить новых революционных взрывов.

Все это вело к ограничению свободы частной инициативы и частной собственности.

Таким образом, экономическая мысль в 1920–1930-е гг. двигалась в направлении ограничения свободы частнособственнических отношений, усиления вмешательства государства в хозяйственную жизнь, повышения социальной защищенности беднейших слоев населения. Подобные тенденции оказали явное воздействие на экономические воззрения евразийцев.

В целом частному сектору в евразийской экономической концепции отводилось достаточно широкое поле деятельности. Безусловная национализация должна была коснуться лишь части крупной промышленности, транспорта и лесов [9], в остальных же областях экономики допускалось существование частной собственности. Этим евразийцы стремились достичь двух целей: во-первых, создать конкурента государству в лице частного, что позволило бы «подтянуть» государственный сектор, сделать его более эффективным и заинтересованным в решении социальных проблем; во-вторых, «исключить возможность получения в частной промышленности сверхприбылей и эксплуатацию рабочих» [10].

Однако евразийская «государственно-частная» система организации экономики исходила из «идеократического» воззрения на существование частной собственности и частной инициативы. А это означало, что «евразийство указывает на неизбежную взаимозависимость целого и частей всей государственной жизни вообще и политико-экономической деятельности в частности» [11]. В свою очередь, из этого следовало, что частный сектор, путем обязательного синдицирования, организационно должен быть введен в рамки планового хозяйства. Эти синдикаты являлись бы «теми органами, через которые проводится плановое хозяйство, руководимое единым государственным центром. Синдикаты регулируют, в согласии с общим планом, уровень цен и определяют контингенты выработки на каждое

предприятие как государственное, так и частное» [12]. Подобная модель была неразрывно связана с идеей «функциональной» собственности, обладание которой зависит от выполнения определенных обязательств перед государством. Только при функциональной собственности, считали евразийские теоретики, «возможно сочетание частной инициативы с идеей государственного хозяйственного плана» [13]. Евразийская программа предусматривала серьезные санкции по отношению к частникам, вплоть до лишения собственности, за невыполнение постановлений по охране труда, социальному обеспечению и выплате зарплат не ниже, чем на государственных предприятиях и за некоторые другие нарушения. [14]

Евразийская трактовка «смешанной» формы собственности вела к существенному ограничению негосударственного владения и права собственности, к фактическому подчинению частного сектора коллективным формам хозяйствования (государственному и корпоративному).

Большая свобода предусматривалась для частного производителя в сельском хозяйстве, однако и здесь планировалось введение начал государственного регулирования. Так предполагалось, что в районах, где возможно лишь экстенсивное хозяйство, государство будет всячески содействовать коллективизации и организации коллективных форм землепользования. Соотношение же частной и коллективной собственности в сельском хозяйстве евразийцами не определялось. Напротив, они указывали, что «только практика может указать какая именно часть сельскохозяйственной площади должна быть отдана под государственные предприятия для того, чтобы экономическое вооружение государства было достаточным для осуществления регулирования распределения продуктов и цен на рынках» [15]. Евразийская доктрина исключала возможность восстановления частной собственности на землю. В их политической программе (1931 г.) было зафиксировано следующее: «евразийцы – сторонники сохранения прав государственной собственности на всю земельную площадь страны». [16]

Несмотря на декларируемый принцип поддержки многоукладности экономики и равное уважение прав всех форм собственности, евразийцы исходили прежде всего из интересов «органического целого», нежели из интересов отдельного индивида. Здесь просматриваются определенные параллели с Новой экономической политикой (НЭП) Советской власти. Также, как и большевистское руководство тех лет, евразийцы предлагали, с одной стороны, «интенсификацию сельского хозяйства» и «индустриализацию промышленности» на основе государственного регулирования, с другой стороны, они настаивали на «предоставлении крестьянам свободы хозяйственного самоопределения» и «развитие концессионной политики в промышленности» [18]. В то же время евразийцы не планировали в перспективе ограничивать свободу частной инициативы и считали, что «наряду с существующей государственной промышленностью должна быть создана соразмерная ей частная [18]. В то же время евразийцы оставляли за государством «существенные хозяйственные функции». Одновременно отстаивали принцип т.н. «функциональной частной собственности», когда право владения

собственностью обусловлено выполнением определенных обязанностей ее обладателя перед государством. В качестве таких *обязанностей* предпринимателя евразийская программа определяла «неуклонное выполнение постановлений по охране труда и социальному обеспечению», а также «выплату зарплат не ниже зарплат госпредприятий» [19].

Таким образом, можно констатировать, что экономические воззрения классического евразийства развивались в духе поиска «третьего пути», органично вписывались с их картину мира и гармонировали с их политическими и идеологическими приоритетами.

Литература

1. Jones M.A. The Limits of Liberty. Oxford, 1983; Lyttelton A. The Seizure of Power: Fascism in Italy. 1919-1929. L., 1973; Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993 и др.
2. Розенберг В.В. Правовые и экономические идеи до и после войны // Записки Русского научного института в Белграде. Белград. 1931. Вып. 3. С. 237.
3. Цит. по: Розенберг В.В. Правовые и экономические идеи до и после войны // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1931. Вып. 3. С.241.
4. Там же. С.244.
5. Plaut. Deutsche Handelspolitik. Berlin, 1929. S.151-157.
6. Hirsch R. Gnundriss der Social-Okonomie. Handel. Berlin, 1925. S.303.
7. Voven P. Le prix normal. Lozanna, 1924. P.346.
8. Розенберг В.В. Правовые и экономические идеи до и после войны // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1931, Вып. 3. С.245.
9. ГАРФ. ф.5783. оп.1. д.445. л.28.
10. Евразийство. Формулировка 1927 г. Б.м., 1927. С.35.
11. Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Б.м., 1932. С.19.
12. Там же. С.21.
13. Там же. С.21.
14. Евразийство. Формулировка 1927 г. Б.м., 1927. С.36.
15. Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Б.м., 1932. С. 22.
16. Там же. С.23.
17. Евразийство. Формулировка 1927 г. Париж, 1927. С. 11.
18. Там же. С.14.
19. Там же. С. 15.

**POLITICAL AND ECONOMIC VIEWS OF CLASSICAL EURASIANISM:
IN SEARCH OF A «THIRD WAY»**

Shatilov A.B.

*Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology
and Political Science of the Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow*

Muzashvili D. Z.

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Deputy Dean
of the Faculty of Social Science and Political Science of the Financial University
under the Government of the Russian Federation, Moscow*

Abstract: *The article considers the worldview of Eurasians, consisting of comprehension of the unique historical and political experience of the beginning of the 20th century, as well as the bearing of elements of the basic social ontology, which was originally laid down in the national and cultural tradition of Russia. The economic views of classical Eurasianism are revealed, which developed in the spirit of the search for the «third way», organically fit into their picture of the world and harmonized with their political and ideological priorities. It is noted that such attention is due to the search for national and global alternatives in the spirit of the «third way» in the current crisis in Russia and abroad in attempts to extract rational grain from the concepts of the past and combine this with innovative ideas.*

Key words: *Eurasianism, the «third way», liberalism, economic relations, private property, economic policy.*

УДК 334.0

КОРПОРАТИВНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Понадюк Т. Г.

*Доктор экономических наук, профессор, Департамент менеджмента,
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва*

***Аннотация.** В статье анализируется процесс внедрения и разработки инноваций в корпорациях, обосновываются наиболее предпочтительные модели работы корпоративных инновационных систем в России и в мире: прямой поиск стартапов каждым подразделением компании, взаимодействие с институтами развития, создание корпоративного акселератора, развитие внутрикорпоративного предпринимательства, создание инновационного департамента, связанного с основным бизнесом. Обосновываются преимущества корпораций от взаимодействия со стартапами в получении доступа к внешним инновациям и прорывным разработкам, что позволяет им оперативно реагировать на рыночные изменения и таким образом расширять свою долю на рынках. Расширяя взаимодействие со стартапами, корпорации больше фокусируются на потребителях. Благодаря работе со стартапами, корпорация успевает реагировать на движение рынка и остаться лидером.*

***Ключевые слова:** стартапы, корпоративная инновационная система, корпоративный акселератор, институты развития, внутрикорпоративное предпринимательство.*

Анализ процесса внедрения и разработки инноваций в корпорациях, обоснование наиболее предпочтительных моделей работы корпоративных инновационных систем в России и в мире представляет на современном этапе развития как теоретический интерес, так и практическую значимость. Научно-практическое значение заключается в выявлении и возможности использования преимуществ корпораций от взаимодействия со стартапами в получении доступа к внешним инновациям и прорывным разработкам, что позволяет им оперативно реагировать на рыночные изменения и таким образом расширять свою долю на рынках. Расширяя взаимодействие со стартапами, корпорации больше фокусируются на потребителях. Благодаря работе со стартапами, корпорация успевает реагировать на движение рынка, сохранить или улучшить свои конкурентные позиции.

Не менее важное значение имеют и преимущества, которое получают стартапы от взаимодействия с корпорациями. Во-первых, это снижение независимости от внешних инвестиций. Рост выручки представляется сильной мотивацией для малых инновационных компаний. Корпорации имеют возможность инвестировать в стартапы значительные вложения, поэтому стартапы благодаря коллаборации с ними, могут не привлекать дополнительное финансирование в виде венчурных инвестиций или займов. Во-вторых, для стартапов это успешный опыт для роста продаж в будущем. Стартапы, которые прошли тестирование на базе

какой-либо корпорации в будущем, имеют более высокий шанс на продажи или сотрудничество с другими крупными компаниями рынка, так как у них есть подтвержденный опыт работы. Поэтому стартапу выгодно выходить на тестирование на базе инфраструктуры корпорации. В-третьих, стартапы получают доступ к базе данных клиентов корпораций. Даже обезличенные, данные помогают стартапу развить свою новую технологию и успешно масштабироваться. В-четвертых, стартапы получают возможность менее рискованного выхода на зарубежные рынки. Успешная работа с корпорациями всегда позволяет безопасно развиваться на других рынках через офисы крупной компании в других странах. В-пятых, у стартапов появляется возможность расширения и выхода на новые рыночные сегменты. Доступ стартапа к базам данных корпорации может натолкнуть основателей стартапа на развитие дополнительного бизнеса в рамках данного стартапа. Часто бывает так, что в процессе пилотных проектов, решение трансформируется, адаптируется к появившимся возможностям. В-шестых, появляется понимание рынка изнутри. Это дополнительное преимущество, основанное на данных. И наконец, стартапы получают «менторскую» поддержку, так как ответственные сотрудники, которые приняли решение работать со стартапом заинтересованы в успехе и содействуют решению проблем стартапа своим опытом и «неявными» знаниями.

На современном этапе экономического развития в России необходимость инновационного развития требует активизации инновационной деятельности не только сектора малого и среднего бизнеса, но и крупных компаний как в государственном, так и в частном секторе. С 2011 г. в России наблюдается рост интереса крупных компаний к инновационной деятельности, причем в области проведения или заказа НИОКР, а не покупки технологий, хотя в масштабах страны интерес бизнеса к софинансированию НИОКР пока не очень высок, подтверждением чего служит динамика внебюджетного финансирования НИОКР по проектам федеральных целевых программ. Среди компаний, в которых более 40% всех работ – это прорывные работы можно назвать: ОАО «Центр технологий судостроения и судоремонта» – 45,95% всех работ прорывного характера, ОАО «Концерн Моринформсистем-АГАТ» – 43,75% работ и ОАО «Холдинг МРСК» – 40,0% всех работ – это прорывные работы.

Предпосылками для инновационной деятельности в крупных компаниях в России являются:

- 1) усиление рыночной конкуренции, где достичь преимущества можно только с помощью инноваций;
- 2) необходимость трансформации устаревших бизнес-моделей, позволяющей менять вид деятельности, подход к управлению и затратам; удешевлять бизнес-процессы;
- 3) значительное технологическое отставание России от развитых стран, что выразилось в снижении доли присутствия отечественных производителей на

внутреннем рынке и нарастающих темпах экспансии глобальных мировых компаний на наш рынок.

В западных компаниях негативные последствия первых двух предпосылок оценили значительно раньше, что поспособствовало формированию корпоративных инновационных систем (КИС). Однако, в теоретическом плане корпоративные инновационные системы даже в зарубежной и отечественной научной литературе не были предметом специальных исследований. Значительно больше публикаций по формированию и функционированию Национальных инновационных систем (НИС) и региональных инновационных систем (РИС). Существует острая необходимость приращения научных знаний в области формирования корпоративных инновационных систем как в методологическом, так и в методическом аспектах.

Корпоративная инновационная система объединяет взаимосвязанные факторы, влияющие на разработку, использование и распространение инноваций, повышение эффективности инновационного процесса в корпорациях. Такая система состоит из совокупности субъектов, действий, ресурсов и учреждений, а также причинно-следственных взаимосвязей, которые необходимы для инновационной деятельности корпорации. Для успешного функционирования корпоративной инновационной системы необходимо понимание на уровне топ-менеджмента постоянных изменений, поиска новых возможностей и преимуществ на рынке в условиях растущей конкуренции, создание и поддержание системы управления знаниями.

В качестве основных элементов корпоративной инновационной системы выделяют: бизнес-модель корпорации, систему управления знаниями, персонал, вовлеченный в инновационный процесс, финансовое обеспечение инноваций. Каждый из элементов корпоративной инновационной системы выполняет конкретные функции, так бизнес-модель корпорации ориентирована на учет новых предпринимательских возможностей; система управления знаниями обеспечивает управление исследованиями и разработками, включая координацию с внешними разработчиками в сетевых проектах, а также в стратегических альянсах; персонал занят генерированием, выявлением новых идей, их отбором и дальнейшей коммерциализацией; система финансового обеспечения нацелена на образование корпоративных венчурных фондов на основе собственных капиталов, а также специальных фондов, предназначенных для стимулирования инновационной деятельности.

Основной функцией корпоративной инновационной системы является снятие противоречия между операционной и инновационной деятельностью организации. В конечном итоге КИС должна быть нацелена на обеспечение устойчивого роста бизнеса компании за счет повышения конкурентоспособности продукции, повышения доли заинтересованных лиц, увеличения рентабельности производства.

Функционирование корпоративной инновационной системы предполагает создание научно-исследовательских подразделений для разделения ежедневных бизнес-процессов и инновационной деятельности; формирование временных коллективов для реализации инновационных проектов; создание исследовательских партнерств; матричную организационную структуру, в которой сотрудники участвуют в работе как функциональных подразделений, так и проектных групп; стимулирование внутрикорпоративного предпринимательства.

Для функционирования корпоративной инновационной системы в структуре управления корпорацией должны быть созданы специализированные органы, наделенные функциями определения ключевых направлений инновационного развития, формирования инновационной и технологической стратегии компании, отбора и анализа инновационных проектов, согласования и координация инновационной деятельности различных структурных подразделений.

Существуют две модели построения корпоративной инновационной системы холдингов: модель центрального управления инновационным процессом и модель сетевого управления инновационным процессом в компании.

В современных условиях усиленно развивается взаимодействие корпораций со стартапами в инновационной деятельности. Преимущества от такого взаимодействия получают и корпорации и стартапы. Корпорации получают доступ к внешним инновациям и прорывным разработкам, что позволяет им оперативно реагировать на рыночные изменения и таким образом расширять свою долю на рынках. Расширяя взаимодействие со стартапами, корпорации больше фокусируются на потребителях. Благодаря работе со стартапами, компания всегда успевает за движением рынка и остается лидером.

На процесс внедрения и разработки инноваций в корпорациях влияет характер инновационных стратегий, на который ориентируется та или иная компания. Существует три основных типа стратегий инноваций: искатели потребностей, это такие компании, например, как Apple, наблюдатели за рынком – стратегия последователей (компания Samsung), а также технологические лидеры – продвигают инновации за счет технических достижений (компания Alphabet Inc.). В зависимости от типа стратегий существуют разные модели работы корпораций с инновациями как внутренними, так и внешними:

- прямой поиск стартапов каждым подразделением компании;
- взаимодействие с институтами развития;
- создание корпоративного акселератора;
- развитие внутрикорпоративного предпринимательства;
- создание инновационного департамента, связанного с основным бизнесом.

Создание институтов развития вызвано необходимостью усиления заинтересованности предпринимателей в инновационной деятельности, которая не генерируется в достаточной степени в рыночной среде в силу специфики самой инновационной деятельности и особенностей ее финансирования. Институты разви-

тия должны способствовать снижению инновационных рисков частных инвесторов; поддерживать инновации на ранних (бесприбыльных) стадиях разработок; помогать малому и среднему инновационному предпринимательству; обеспечивать эффективную координацию между научными организациями, инновационными фирмами и бизнесом. Для выполнения этих функций используется целый комплекс мер нефинансовой поддержки, в том числе предоставления производственных площадок для инновационного бизнеса, а также финансовой поддержки в виде: заемного финансирования, грантового финансирования, венчурного финансирования, прямых инвестиций.

В случае постоянной инновационной деятельности более предпочтительным является создание отдельного департамента в структуре компании, который будет заниматься всем комплексом инновационных задач: поиском, отбором, координацией и управлением. Во главе такой службы стоит менеджер по инновациям, который стремится построить системный процесс с пополняющейся воронкой. По данным компании PwC, «большинство руководителей указывают на то, что они создают отдельные инновационные структуры или в рамках продуктовых направлений (72%), или в рамках отдельных подразделений (61%). Главное – обеспечить эффективное взаимодействие служб по внедрению инноваций с подразделениями компании и избежать их изолированности» [1]. Целями инновационного департамента являются: координация инновационной деятельности в рамках всей структуры и ведение бюджета, и координация стартапов в рамках проведения пилотных проектов. По такой модели работают PwC и KPMG.

Часто корпорации сталкиваются с тем, что найти готовые стартапы на рынке удается редко, чаще возникает необходимость «дорастить» стартап до требуемой степени зрелости. В этом случае корпорация может открыть собственный акселератор для поиска, развития и тестирования стартапов, которые совпадают с приоритетами и задачами компании, в котором важную функцию осуществляют менторы – профессионалы, которые помогают стартапу расти: это не только сотрудники компании, но и сторонние эксперты по маркетингу, продажам, которые помогают «дорастить» стартап. Акселератор – это площадка и образовательная программа для ускоренного развития стартап-проектов, уже имеющих прототип/промышленный образец. Основная задача акселератора – доращивание таких проектов до следующей стадии; выход на продажи и увеличение продаж; выход на новые рынки. Акселераторы бывают как внешние, например, GenerationS, так и внутренние, например, Cisco Entrepreneurs in Residence, Google LaunchPad. У Microsoft до 2018 г. было более 10 региональных акселераторов в ключевых странах, при этом они так же работают и с внешними акселераторами.

Такая модель взаимодействия корпорации со стартапами позволяет корпорации первой овладеть конкурентным преимуществом.

Модель внутрикорпоративного предпринимательства направлена на развитие внутренних сотрудников и превращение их в предпринимателей. Они эффективны во многих IT-компаниях со сложной культурой, например, на российском

рынке – компания Ланит, где внутри существует много бизнес-линий под разные отрасли и заказчиков. При этом, велик риск что не все сотрудники будут ответственно относиться к этому и действительно разрабатывать что-то полезное.

Множество теоретических источников свидетельствуют о том, что компании с внутрикорпоративным предпринимательством демонстрируют четыре преимущества. Первое преимущество - это улучшение финансовых показателей, расширение обмена знаниями, повышения результативности инновационной деятельности и они более конкурентоспособны на высоконкурентном рынке [2]. Вторым преимуществом внутрикорпоративного предпринимательства является повышение эффективности управления знаниями [3]. Усилия внутрикорпоративного предпринимательства оказывают значительное влияние на организационное обучение и создание знаний, они усиливают общее организационное обучение и стимулируют создание широкого спектра знаний, которые становятся основой новых организационных компетенций. Предполагается, что знания распределяются внутри организации и принадлежат отдельным сотрудникам, в то время как разработанный механизм корпоративного предпринимательства создает возможность передачи этих знаний в инициативу и далее в проект. [4]

Третье преимущество внутрикорпоративного предпринимательства заключается в повышении эффективности инновационной деятельности [2]. Лекмат, Ладдаван и Челли предположили, что инновационная деятельность является результатом внутрикорпоративного предпринимательства при посредничестве инновационного процесса [2]. Михальский, Нафе и Усейн обнаружили, что внутрикорпоративное венчурное предпринимательство оказывает положительное влияние на инновационный успех [5]. Исследование ИТ-возможностей, внутрикорпоративного предпринимательства и инновационных показателей показало, что внутрикорпоративное предпринимательство значительно улучшает инновационные показатели продукта [6]. Барингер доказал, что предпринимательская ориентация компании повышает эффективность инноваций. [7]

Последним преимуществом внутрикорпоративного предпринимательства является повышение конкурентоспособности на рынках с высокой конкуренцией [3]. Анализ, проведенный Захрой и Ковином, показал, что внутрикорпоративное предпринимательство является эффективной практикой для компаний, работающих во враждебной среде. Такого же мнения придерживаются Филаточев и Райт [8]. Внутрикорпоративное предпринимательство выделяется как фактор успеха во враждебной среде. [3]

Примером успешного развития внутрикорпоративного предпринимательства в России может служить компания Яндекс, используемые в компании инструменты для стимулирования внутрикорпоративного предпринимательства. По мнению Генерального директора группы компаний Яндекс Аркадия Воложа, экосистема Яндекса – это платформа для полета на Марс, не с Земли, а с орбиты. Разработка современных технологических сервисов нуждается в мощной инфра-

структуре: наличие больших дата-центров, серверов и персонала, который обслуживает инфраструктуру. Команда разработки нуждается в средствах, позволяющих работать синхронно над одним продуктом. Яндекс предоставляет данные возможности. [9]

Инфраструктура новых продуктов в компании Яндекс не разрабатывается с нуля: при запуске очередного сервиса, команда использует имеющиеся в компании технологии. В качестве примера можно рассмотреть запуск сервиса Яндекс.Драйв. Данный сервис – первый эксперимент, ставший отдельной компанией и один из самых быстрорастущих бизнесов группы. Сегодня Яндекс.Драйв приносит ежемесячную выручку в размере 350 млн рублей и показывает 100% рост в год.

Новому сервису необходима была система рекомендаций, основа и алгоритмы машинного обучения были взяты у «Яндекс.Музыки». Яндекс. Драйв использует карты Яндекса, также голосовой помощник Алиса встроен в Яндекс, навигатор, мобильное поисковое приложение и Яндекс Браузер. Помимо технологий, внутри Яндекса распространяются и другие ресурсы, такие как рекламная сеть, бренд, офис.

Стартапы начинаются с нескольких человек, которым не нужно отдельно заниматься наймом поддерживающих подразделений, таких как юристы, бухгалтеры, подобные человеческие ресурсы доступны в отделах Яндекса. С ростом проекта, стартапу необходимы кадры и найм должен быть очень быстрый. HR-отдел Яндекса способен нанимать десятки квалифицированных кадров за несколько месяцев.

Яндекс-логин используется во всех сервисах Яндекса в качестве единой точки авторизации, следовательно, новому продукту достаточно настроить привычную авторизацию, и новые пользователи будут освобождены от новых форм регистраций. Помимо единого логина, Яндекс обладает трафиком, способным рекламировать свои новые сервисы внутри имеющихся. Помимо технологий в рекламе, у компании есть репутация бренда, что привлекает внимание СМИ и пользователей при запуске новых продуктов. Стартапам внутри экосистемы Яндекса начинать свой путь легче, чем начинать с нуля на рынке, внутренние стартапы начинают не с нулевого уровня и шансы на успех гораздо выше и имеют более быстрый успех.

Еще одним форматом, призванным создавать стартапы внутри компании Яндекс, является мастерская стартапов, например, Tolstoy Camp – инициированная Яндексом акселерационная ежегодная программа для тех, кто хочет создать и запустить стартап. В рамках двухмесячного курса участники работают над выбором идеи, формированием команды и разработкой прототипа проекта. В 2016 г. Яндекс закрыл программу, заменив ее на создание школ для менеджеров, дизайнеров и разработчиков в связи с актуальными требованиями рынка стартапов в России. Данные школы позволяют отобрать наиболее талантливых молодых спе-

циалистов и в результате пригласить в штат лучших, которые способны генерировать новые идеи уже в рамках компании и реализовывать их в экосистеме Яндекса.

Для того, чтобы обеспечивать постоянно действующую работу всех моделей взаимодействия корпораций со стартапами, существуют различные инструменты (как внутренние, так и внешние) для работы с внешними инновациями. Классификация данных инструментов приводится в таблице.

Таблица 1 – Инструменты работы с инновациями

Инструмент работы со стартапами	Цели корпорации в рамках работы со стартапами			
	Быстрый поиск новой идеи под конкретную задачу на внешнем рынке	Ускорить доработку внутренних идей и разработок до конкурентного уровня	Научиться работать с инновационными проектами и использовать применяемые ими методики и разработки продуктов	Стимулировать рост смежных рынков в ближайшие 3-5 лет
Хакатоны	+		+	+
Акселератор	+	+	+	+
Инкубатор	+/-	+/-	+	
Технопарк			+	
Институты развития				
Инструмент работы со стартапами	Цели корпорации в рамках работы со стартапами			
	Привлечь новых клиентов	Осуществить PR и продвижение на рынке среди стартап-сообщества	Выйти на новые рынки	Найти перспективные команды под решение бизнес-задач
Хакатоны	+	+		+
Акселератор	+	+	+	+
Инкубатор	+			+
Технопарк	+	+		
Институты развития	+	+		

Следует выделить такой эффективный инструмент к поощрению инноваций с помощью цифровых технологий в широком спектре различных пространств как хакатон. Хакатоны оказали значительное влияние на культуру цифровых инноваций. Эффективность хакатона для цифровых инноваций проистекает из инвестированного участия и устойчивых инноваций на отдельных мероприятиях в сочетании с проведением большого количества мероприятий. Изменение участия от простого волонтерства к инвестированному участию, как правило, достигается за счет сосредоточения внимания на вопросах, имеющих значение для участников хакатона (например, социальные вопросы, вызывающие озабоченность, или конкретный вопрос, представляющий интерес для сообщества, такой как проблемы культуры), и/или предоставление премии или приза, которые добавляют конкурентный элемент, который обеспечивает индивидуальные инвестиции для личной

выгоды. Предоставление приза (часто спонсорство для дальнейшего развития) потенциально обеспечивает применение большего количества ресурсов на конкурсе, чем приз может финансировать напрямую. Расслабленная организационная структура поощряет участников к инновациям и создает среду, способную поддерживать инновации. Кроме того, относительная легкость проведения таких мероприятий позволила провести многие мероприятия и, следовательно, применить широкий круг знаний, опыта и навыков к различным культурам.

По оценкам, в Лондоне в среднем проводится один хакатон в неделю, причем сферы варьируются от правительственных департаментов (например, Hack the Government) до предприятий (например, Cadbury), а также культурных учреждений (например, Hack The Barbican) и исследовательских сетей (например, RCUK). Подъем хакатонов может показаться неизбежным, но, возможно, он также является следствием того, что стал эффективной формой инноваций в условиях жесткой экономики, что также может помочь объяснить очевидный большой рост хакатонов в некоторых частях развивающегося мира (например, Бразилия, Индия и т. д.).

Акселератор – это площадка и образовательная программа для ускоренного развития стартап-проектов, уже имеющих прототип/промышленный образец. Основная задача акселератора – доращивание таких проектов до следующей стадии; выход на продажи и увеличение продаж; выход на новые рынки. Акселераторы бывают как внешние, например, GenerationS, так и внутренние, например, Cisco Entrepreneurs in Residence, Google LaunchPad. У Microsoft до 2018 года было более 10 региональных акселераторов в ключевых странах, при этом они так же работают и с внешними акселераторами, пополняя воронку. При этом не менее важной целью для них является продажа своих облачных продуктов, например, Azure, данному сегменту.

Инкубатор – это площадка для развития и поддержки стартапов самых маленьких стадий, включая идею. Чаще всего появляются при ВУЗах. Цель инкубатора – довести проект до прототипа или промышленного образца и вывести его на рынок. Технопарк – это специализированная площадка с инфраструктурой для создания и развития научных разработок.

Анализ таблицы позволяет сделать вывод, что большинство задач можно решить с помощью модели корпоративной акселерации – ускоренной программы развития стартапов, которая позволяет стартапам нарастить свой бизнес и масштабироваться в короткие сроки, а корпорациям помогает научиться работать с малыми инновационными компаниями.

Литература

1.PwC 2013 Отчет «Рост через инновации: российский и международный опыт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/innovation-survey/assets/executive-summary-ru.pdf> (дата обращения 02.02.2020).

Попадюк Т. Г.

2. Lekmat L., Chelliah J. What are the antecedents to creating sustainable corporate entrepreneurship in Thailand? //Contemporary Management Research. – 2014. – Т. 10. – №. 3.
3. Zahra S. A., Nielsen A. P., Bogner W. C. Corporate entrepreneurship, knowledge, and competence development //Entrepreneurship theory and practice. – 1999. – Т. 23. – №. 3. – С. 40.
4. Vozikis, George S., et al. «Linking Corporate Entrepreneurship to Financial Theory Through Additional Value Creation.» Entrepreneurship: Theory & Practice 24, no. 2 (1999): – Т. 24. – №. 2.
5. Michalski T., Nafe S., Usein A. Innovation success through corporate venturing: an empirical analysis of the relevant success factors //International Journal of Management and Decision Making. – 2006. – Т. 7. – №. 2–3.
6. Chen Y. et al. IT capabilities and product innovation performance: The roles of corporate entrepreneurship and competitive intensity //Information & Management. – 2015. – Т. 52. – №. 6.
7. Barringer B. R., Bluedorn A. C. The relationship between corporate entrepreneurship and strategic management // Strategic management journal. – 1999. – Т. 20. – №. 5. – С. 341-357.
8. Filatotchev I. et al. Corporate entrepreneurs and privatized firms in Russia, Ukraine, and Belarus //Journal of Business Venturing. – 1999. – Т. 14. – №. 5–6.
9. Forbes. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/362021-y>

CORPORATE INNOVATION SYSTEMS IN PRESENT CONDITIONS

Popadyuk T. G.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Abstract: *The article analyses the process of introduction and development of innovations in corporations and justifies the most preferential models of corporate innovation systems in Russia and the world: direct search of startups by each company division, interaction with institutions of development, creation of corporate accelerator, development of intracorporate entrepreneurship, creation of innovations department within main business. The article further justifies advantages of corporations interacting with startups in order to get access to external innovations and breakthrough developments, which allows them to promptly react to market changes and thus increase their market share. Expanding their interactions with startups, corporations focus more on customers. As a result of working with startups corporations timely react to market shifts and maintain their leadership.*

Key words: *startups, corporate innovation system, corporate accelerator, institutions of development, intracorporate entrepreneurship.*

УДК 334.021.1

**ВЗАИМОСВЯЗЬ МАРКЕТИНГА И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ
ИННОВАЦИЙ КАК ПРОБЛЕМНАЯ ОБЛАСТЬ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ**

Мишулин Г.М.

профессор кафедры маркетинга и бизнес-коммуникаций, Кубанский государственный технологический университет, заместитель председателя Краснодарского краевого совета «Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов»

Дегтярева Е.Д.

Ведущий специалист, Государственное автономное учреждение Краснодарского края «Краснодарский краевой социологический центр»

Губин А.В.

Управляющий операционным офисом «Краснодарский» АО «Генбанк», Россия, г. Краснодар

Аннотация. В статье изложены авторские представления о национальной инновационной системе как интегрированной институциональной организационно-управленческой структуре; дана новая трактовка понятия «инновационный процесс»; введено понятие «национальная система управления новациями»; показана взаимосвязь маркетинга и коммерциализации инноваций; представлены результаты анализа положений программных документов Президента и Правительства по вопросам инновационного развития РФ; даны рекомендации по преодолению выявленных методологических противоречий и правовых пробелов.

Ключевые слова: инновационная система; инновационные процесс; маркетинг; коммерциализация инноваций; инновационное развитие.

Сегодня является очевидным, что экономика России проявила способность к сохранению и укреплению своего потенциала в условиях нестабильности мировой экономики и применения ограничительных экономических мер, введенных рядом стран против Российской Федерации.

Однако для обретения прочных позиций на мировой арене этого недостаточно. Необходимо не просто обеспечить положительную динамику макроэкономических показателей, а осуществлять это, руководствуясь требованиями экономической безопасности.

В этой связи в целом ряде руководящих документов исполнительных органов государственной власти РФ просматривается логическая связь между экономической безопасностью как частью системы национальной безопасности и ее

обеспечением за счет включения механизмов расширенного общественного воспроизводства и повышения его эффективности; рационального управления ресурсами; создания и эффективного функционирования инновационной системы.

Фактически национальная безопасность как неперемное условие самого существования российского государства в контексте происходящих в мире событий и явлений, экономическая безопасность как ее фундаментальное материальное условие, расширенное общественное воспроизводство как условие развития и укрепления общества и его экономического фундамента, инновационная деятельность как условие прогрессивного развития, обеспечения конкурентоспособности и технико-технологической независимости являются звеньями одной цепи.

В этой связи раскрытие сущностных особенностей инноваций и инновационного фактора, их влияния на все стадии воспроизводственного комплекса, формирование на основе этих знаний методологии исследования механизмов опережающего инновационного развития общества является актуальной задачей.

Исторический опыт свидетельствует о наличии определенной логики в эволюции типов развития социально-экономических систем, которая предполагает в поступательном движении к более высокому уровню общественно-экономического устройства переход от техногенной, для которой характерным является удовлетворение простейших и насущных потребностей составляющих её субъектов (мобилизационный тип развития системы, в основе которого лежит экстенсивное использование ресурсов), к социокультурной парадигме, ориентированной на потребности более высокого уровня, соответствующие качественно новому содержанию внутрисистемных отношений (инновационный тип развития системы, в основе которого лежит интенсивное использование специфических свойств, качеств и характеристик человеческого ресурса и, прежде всего, инновационной его способности с соответствующим ей уровнем мотивации).

Последние десятилетия функционирования мировой социохозяйственной системы, проходящие в условиях глобализации, результатом которой стали негативные деформации экономических и социальных систем целого ряда ранее успешных государств, потребовали разработки таких организационно-экономических моделей, реализация которых обеспечила бы не только экономический суверенитет страны, но и устойчивое развитие в долгосрочном периоде.

Имея реальные предпосылки перехода к новому технологическому укладу, открывающему неограниченные возможности во всех, без исключения, сферах человеческой деятельности, подобное целеполагание для экономических систем любого уровня возможно рассматривать лишь при наличии и эффективном функционировании национальной инновационной системы как совокупности разноуровневых подсистем, взаимосвязанных посредством единой целевой функции и взаимодействующих в межэлементном, межсферном и межотраслевом пространствах.

В данном утверждении собственно наличие самой инновационной системы как институциональной основы инновационной экономики [1, 2], формируемой в

результате реализации государственного инфраструктурного проекта глобального для масштабов России характера, можно считать условием необходимым, а её эффективное функционирование (т.е. наличие эффективного инновационного процесса) – условием достаточным для реализации поставленных целей на долгосрочное и устойчивое развитие.

Тезис, сформулированный в свое время представителями Торгово-промышленной палаты РФ, о том, что сам подход к разрешению проблемы формирования эффективной национальной инновационной системы имеет свои особенности, и что в России они исходят в первую очередь со стороны бизнеса, не ощущающего до сих пор достаточных поощрительных механизмов для воспроизводства инноваций [3], и сегодня не потерял своей актуальности.

В этой связи авторы считают возможным обратиться к факторам эффективности инновационного процесса.

Они ранее были представлены в научных публикациях.

Сегодня перечень факторов может быть расширен и представлен в следующем виде:

– фактор первый – социально-ответственный и мотивированный на инновации и развитие просвещенный менеджмент, обученный в условиях современных образовательных технологий, отражающих в т.ч. и реалии внутреннего экономико-правового пространства [4] и его внешнего окружения, а также наличие исторически сложившегося социально-экономического иммунитета российского государства [5, с. 80–93];

– фактор второй – технико-технологические и продуктовые инновации пролонгированного жизненного цикла на всех стадиях общественного воспроизводства как следствие интеграции научного, производственного и маркетингового потенциала [6, с. 267] в условиях перехода к новому технологическому укладу;

– фактор третий – коммерциализация инноваций как следствие целенаправленной организационно-управленческой и маркетинговой деятельности, направленной как на формирование устойчивой мотивации субъектов на развитие и их проницаемости для нововведений, так и на создание рынка интеллектуальной собственности;

– фактор четвертый – перспективные информационно-коммуникационные технологии и продукты локального и глобального характера, обеспечивающие оптимальное использование существующих и задействование новых видов ресурсов, ориентированные на достижение конкурентных преимуществ на внутреннем и внешнем рынках [7, 8];

– фактор пятый – институциональная среда инновационного процесса, формирующая базовые принципы институционального регулирования [9] на всех уровнях (подсистемах) национальной инновационной системы;

– фактор шестой – непрерывное инфраструктурное обеспечение для каждого инновационного цикла, особенно на стадии коммерциализации новшеств,

которая является интегратором потенциала институциональной, рыночной и инновационной инфраструктур;

– фактор седьмой – наличие государственной стратегии интеллектуальной собственности в науке, бизнесе, образовании и экономике с выделением приоритетов и поощрением истинных лидеров как отражение воли первых лиц государства и понимания фундаментальных тенденций времени и всей истории цивилизации.

Установление взаимозависимости, взаимовлияния и взаимосвязи приведенных выше факторов может создать предпосылки для формирования идеальной факторной модели эффективности инновационного процесса, требующей адаптации к специфическим свойствам и характеристикам любой из разноуровневых в ее межэлементном, межсферном и межотраслевом пространствах. В этом случае инновационный процесс в рамках конкретной подсистемы, приняв адекватную ей и внешне цельную и устойчивую форму, будучи вписанным в бизнес-процессы всех стадий общественного производства [10, 11], согласно представлениям Г.Б. Клейнера [12, с. 12], обретёт системный характер.

В интересах установления содержательной связи между понятиями «деятельность» и «инновационный процесс», опираясь на известное определение деятельности как процесса активного преобразования человеком действительности и познание мира, включая общество и самого себя, в целях удовлетворения своих потребностей, целесообразно обратиться к дефиниции «инновационная деятельность». На наш взгляд, с точки зрения раскрытия сущности этого понятия, заслуживает внимания следующее его определение: «Инновационная деятельность – вид деятельности, связанный с трансформацией идей (обычно результатов научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений) в технологически новые или усовершенствованные продукты, или услуги, внедренные на рынке, в новые или усовершенствованные технологические процессы или способы производства (передачи) услуг, использованные в практической деятельности. Инновационная деятельность предполагает целый комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, и именно в своей совокупности они приводят к инновациям» [13, с. 371].

Нам представляется, что с позиций системного подхода сущностная сторона инновационной деятельности не может ограничиваться суммативным комплексом мероприятий. Это системная управленческая деятельность, реализуемая согласно взаимосвязанным целевым функциям (дереву целей), характер которых определяется особенными свойствами различных ее системных элементов.

Общественно-экономическая система России, как глобальная система, для обеспечения непрерывной генерации новых знаний, трансформации их во взаимосвязанные целевые функции (целеполагание) и воплощения их в реальные процессы развития (целестремление) формирует в интересах целеполагания интегрированную институциональную организационно-управленческую структуру – национальную инновационную систему. В ней в качестве системного элемента

выступает человеческий ресурс; генерация же нового знания как отклик системного элемента на т.н. эволюционный запрос, обретает свойства системообразующего фактора, запускающего механизм системообразования, целью которого является обеспечение не только целостности и единства содержания и формы системы, но и ее самосохранение и развитие за счет формирования потенциала устойчивого функционирования и изменения внутрисистемного качества.

Именно в рамках национальной инновационной системы формируются подсистемы, в которых создаются социально-правовые и материальные условия превращения новых знаний в инновации и иницируются инновационные процессы. Ключевыми факторами реализации этого процесса являются наличие в субъектах подсистем инновационного потенциала и организационно-управленческих технологий, адекватных уровню и целям новшеств, а также поддерживающих интеграцию этой подсистемы с системой более высокого уровня в изменяющихся условиях функционирования сред. Эффективная инновационная деятельность в подсистемах представляет собой проблемную область, в силу того, что точного представления об универсальных локальных институтах (механизмах) генерации новшеств и адекватных им элементах инфраструктуры, предназначенных для воплощения новшеств в технико-технологических и организационно-экономических элементах подсистем, продвижения на рынок интеллектуальных продуктов, в полной мере не сформировано. Реальных стимулов для инновационной деятельности субъектов подсистем в правовом поле Российской Федерации не представлено. На пути внутренних инвестиций в интеллектуальную деятельность и юридическую защиту её результатов, а также профессиональное продвижение коммерциализированных объектов интеллектуальной собственности на рынок чаще всего возникают барьеры, связанные с отсутствием осознания того, что, как и любой другой вид предпринимательской деятельности, торговля объектами интеллектуальной собственностью, по определению (согласно ст.2 ч.1 ГК РФ [14], «... предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг»), связана с риском.

Изложенное отражает существенное противоречие между целеполаганием на инновационное развитие и целедостижением, заключающееся в принижении значения испытанного рыночного инструмента – маркетинга, собственно ключевой задачей которого является придание любому продукту таких свойств и характеристик (комплекс маркетинга), которые позволили бы ему обрести характер товара, т.е. быть коммерциализированным и экономически выгодно проданным. При этом особенностью комплекса маркетинга новшества является то, что это новшество возможно рассматривать как потенциальный товар на всех стадиях создания: от идеи, ноу-хау до воплощения в конкретную продукцию, т.е. инновацию.

В этой связи уместно привести дефиницию понятия «маркетинг», ранее сформулированную одним из авторов статьи в сравнении с дефиницией понятия «коммерциализация инноваций», представленной Гетманом Б.М. и др.:

– Маркетинг берет на себя миссию системного интегратора и системного инноватора и должен рассматриваться в условиях острой конкуренции на международных рынках как системная управленческая деятельность (мероприятия, действия, усилия, меры) субъектов рынка, осуществляемая в их внутренней и внешней средах и направленная на установление (формирование) потребности (спроса) и ее удовлетворение за счет предложения рынку конкурентоспособных (инновационных) товаров (работ, услуг, идей, начинаний, проектов и пр.) с использованием эффективных средств продвижения в целях получения экономического или иного эффекта [15].

– Коммерциализация инноваций – совокупность действий от выявления перспектив коммерческого использования нового товара до реализации его на рынке и получения коммерческого эффекта [16].

Приведенные определения двух понятий позволяют сделать вывод о родовых связях в их сущности: коммерциализация продукта является ключевой составляющей маркетинга как процесса.

Возвращаясь к приведенной выше факторной модели, следует заметить, что маркетинг нашел свое отражение во втором и третьем факторах эффективности инновационного процесса. При этом эта модель в большей степени носит эндогенный характер, и при постоянном взаимодействии с внешней средой она будет испытывать влияние экзогенных факторов (особенно это касается четвертого фактора), среди которых особого внимания заслуживают отношения, изменение которых приводит к трансформации экономической парадигмы в сторону инновационного типа развития общественно-экономической системы.

В условиях инновационного типа развития национальная инновационная система должна выступать в качестве фактора, способствующего «вертикальному» системообразованию, формирующему условия для дифференцированного (разноотраслевого, полисферного и многофункционального: технико-технологического, организационно-экономического, правового, научно-образовательного и пр.) инновационного процесса. При этом эффективность функционирования обозначенной системы будет зависеть в равной степени и от количества инноваций, и от гармоничной их интерактивности в различных направлениях внедрения.

При таком подходе формируются подсистемы, целостность, самосохранение и дальнейшее развитие которых будет обеспечиваться за счет «горизонтального» системообразованию, формирующего условия для интегративного (межотраслевого, межсферного и межфункционального) инновационного процесса. Именно этот уровень реализует системообразующий статус инновации, а значит и обеспечивает условия для процесса изменения системного качества.

Это изменение происходит, в том числе и за счет синергетического эффекта, возникающего за счет процесса диффузии инноваций, т.е. их проникновения в

элементы социально-экономической системы, результатом чего становится возникновение целого ряда различных типов, марок и поколений продуктов. О пространственном распространении инноваций – процессе диффузии писал Э. Роджерс, который считал, что диффузия – это процесс, в котором инновации передаются через определённые каналы на протяжении определённого времени среди членов социальной системы [17]. Концепции диффузии инноваций в экономической системе и инновационного мультипликатора были разработаны Г. Меншем [18] в развитие положений Й. Шумпетера о затратосберегающем характере инноваций. [19]

В реальной экономической системе указанный выше синергетический эффект многократно усиливается за счет запуска мультипликативных связей с факторами роста доходов и расширения рынков в новых и старых отраслях, на развитие которых оказывает влияние траектория диффузии. Именно благодаря межотраслевому (межсферному и межфункциональному) синергетическому эффекту диффузии инноваций их динамика превращается в макроэкономический феномен [20]. Описанный процесс будет сопровождаться генерацией импульсов потребности в новых знаниях, стимулируя наполнение всех уровней системообразования. Появляется циклический процесс. При том, что здесь пространственно-временные показатели носят неопределенный характер, в то же время с определенной долей вероятности можно говорить о расширенном пространстве и сокращенном времени реализации т.н. инновационных линий «образование – генерация новых знаний – фундаментальные науки – прикладные исследования – применение» в последующих, в сравнении с предыдущими, циклах системообразования. Рассматривая описанную модель с позиций теоретико-методологического обоснования источников экономического роста [19, с. 27–31], представляется возможным определить в качестве фактора экономического роста – эволюцию социально-экономической системы в направлении инновационного типа развития, условия – системообразование инновационных процессов, а источника экономического роста – динамику и продолжительность циклов обновления и наполнения «инновационных линий».

Ключевое значение в обеспечении функционирования подсистем обретает наличие устойчивых связей в «инновационных линиях». Представляется, что институционально-эволюционная экономическая теория, в части ее инновационно-технологического направления анализа, способна взять на себя функцию выработки методологических предпосылок общей теории и на ее основе дать адекватные объяснения хозяйственным изменениям долгосрочного характера. Только в этом случае возникнет устойчивая связь между элементами «инновационных линий» и, как следствие, эффективные инновационно-конкурентные экономические отношения субъектов хозяйственной деятельности. Функцию обеспечения такой связи берут на себя институты (механизмы) генерации новшеств и адекватные им элементы инфраструктуры. Это соединительная ткань инновационной системы.

В контексте выше изложенных положений об условиях развития подсистем имеет смысл дополнить функционал инфраструктуры, наряду с обозначенными в научной литературе – производство и распространение научных и технологических знаний; образование; подготовка кадров; создания условий для появления инновационных фирм; доступ к знаниям и их распространение; стандарты; регулирование и правовая защита инновационной деятельности [22] – функциями стимулирования генерации новых знаний и инвестиционно-маркетингового обеспечения процесса системообразования, а также расширить представления о разработанных в экономической науке таких сравнительно новых категорий, как «инновационная восприимчивость», «инновационный потенциал» и «инновационная активность». Они дают общепринятую характеристику экономических систем любого уровня с позиции места инноваций в их развитии и в достаточной степени представлены в научных исследованиях и публикациях. Инновационная восприимчивость и инновационный потенциал – это два важных интегральных индикатора, позволяющих охарактеризовать состояние инновационной системы, возможности и направления ее дальнейшего развития. Инновационный потенциал объединяет в себе характеристики всех видов ресурсов, непосредственно участвующих в реализации инновационного процесса. Неотъемлемой частью инновационного потенциала является маркетинговый потенциал, поскольку он напрямую связан с процессами коммерциализации нововведений. Он отражает уровень развитости рынков и рыночной инфраструктуры, количество, состав и качество предоставляемых товаров и услуг, развитость системы маркетинговых коммуникаций и пр. Менее разработанным интегральным индикатором является инновационная восприимчивость.

О роли общеэкономической конъюнктуры в возникновении условий для внедрения кластера базисных инноваций и необходимости анализа качественной структуры экономики при решении вопроса о том, будет ли в данной системе внедрен указанный кластер писал в своих научных трудах Г. Менш [23]. С одной стороны, инновационная восприимчивость несет в себе потенциал использования нововведений, начиная от производственного и заканчивая потребительским уровнями экономики, а с другой, дает импульс развитию инновационного потенциала. И в этом просматривается диалектический аспект не только данной категории, но и категории самого инновационного развития.

Успешное сочетание особенностей инновационного потенциала и инновационной восприимчивости, а также результат совместной реализации определяет уровень инновационной активности экономической системы. Инновационная активность определяется, в первую очередь, результативностью субъектов экономики при реализации инновационного процесса. Наиболее распространенными объектами при проведении анализа инновационной активности являются производственные предприятия, поскольку значительная часть нововведений материализуется в конкретных технологиях и продуктах. В то же время все большее число инноваций начинает носить нематериальный характер, что относится также и к

значительным объемам сопровождающих видов деятельности (подготовка «инновационного» персонала, маркетинговая деятельность и т.д.). Тем не менее, инновационную активность можно охарактеризовать количеством и качеством различного рода нововведений; объемами и видами источников финансирования инновационной деятельности; внедрением передовых производственных и информационных технологий и т.д.

Авторам представляется, что категории «инновационная восприимчивость», «инновационный потенциал» и «инновационная активность» не в полной мере обеспечивают описание представленных выше систем. «Восприимчивость» может рассматриваться как категория общественно-экономической системы, качественная и количественная оценка которой характеризует ее готовность к восприятию инноваций как объективной необходимости, но еще не дает гарантий проникновения инноваций в элементы системы, так как она может быть не готова инфраструктурно и институционально к инновационному процессу. «Инновационный потенциал» и «инновационная активность» могут быть отнесены к инновационной системе в целом, т.к. корреспондируются с ее функционалом. Что же касается подсистем, то для их описания может быть предложена категория «инвестиционная проницаемость», которая будет характеризовать уровень ее многомерности и насыщенности коммуникациями, а также степень диффузии инноваций.

На основе всего выше изложенного эффективный инновационный процесс можно представить как инфраструктурно и институционально обеспеченное многомерное системообразование, способствующее формированию и развитию отношений между субъектами социально-экономической системы на стадиях общественного производства по поводу реализации повторяющегося и обновляемого многоэлементного цикла воспроизводства новшеств при маркетинговом обеспечении всех элементов в интересах изменения системного качества: образование – генерация новых знаний – фундаментальные науки – прикладные исследования – внедрение – коммерциализация.

Принимая в качестве гипотезы сформулированные авторами научные положения об условиях эффективного функционирования национальной инновационной системы, представляется возможным привести результаты анализа теоретико-методологической базы целого ряда программных документов, определяющих политику государства в рассматриваемой области.

Впервые на государственном уровне о переходе РФ на инновационный путь развития было заявлено в 2002 г. в документе «Основы политики РФ в области развития науки и технологий до 2010 года и дальнейшую перспективу» [24]. Реализация его положений в дальнейших программных документах и в реальной деятельности должна была обеспечить вначале ускоренное, а затем и прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие РФ.

В п.4 разд.І этого документа указано, что реализация «Основ ...» направлена на обеспечение стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, к которым относятся: повышение качества жизни населения, достижение экономического роста, развитие фундаментальной науки, образования, культуры, обеспечение обороны и безопасности страны. Согласно п.7 разд.ІІ, целью государственной политики в области развития науки и технологий является переход к инновационному пути развития страны на основе избранных приоритетов. Формирование национальной инновационной системы обозначено Президентом важнейшим направлением государственной политики в области развития науки и технологий (п/п.2 п.9 разд.ІІІ). К тому же, в п.18 сказано следующее. Формирование национальной инновационной системы является важнейшей задачей, неотъемлемой частью экономической политики государства. Национальная инновационная система должна обеспечить объединение усилий государственных органов управления всех уровней, организаций научно-технической сферы и предпринимательского сектора экономики в интересах ускоренного использования достижений науки и технологий в целях реализации стратегических национальных приоритетов страны. А в п.19 раскрыто что предусматривает формирование национальной инновационной системы. А именно, создание благоприятной экономической и правовой среды; построение инновационной инфраструктуры; совершенствование механизмов государственного содействия коммерциализации результатов научных исследований и экспериментальных разработок. Основные задачи, которые требуют решения в интересах формирования национальной инновационной системы, приведены в п.20:1) совершенствование механизмов взаимодействия между участниками инновационного процесса, включая организацию взаимодействия государственных научных организаций и государственных высших учебных заведений с промышленными предприятиями в целях продвижения новых технологий в производство, повышения квалификации производственного персонала; 2) проведение действенной экономической политики в отношении участников инновационного процесса, стимулирование внебюджетного финансирования, создание институциональных и правовых условий для развития венчурного инвестирования в наукоемкие проекты; 3) создание и развитие объектов инновационной инфраструктуры (инновационно-технологические центры, технопарки и т.п.), сети организаций по оказанию консалтинговых услуг в области инновационной деятельности, содействие созданию и развитию в научно-технической сфере малых инновационных предприятий, специальных бирж интеллектуальной собственности и научно-технических услуг.

Следует заметить, что Президент РФ особо отметил значение вовлечения в хозяйственный оборот результатов научной и научно-технической деятельности посредством управления интеллектуальной собственностью – особым видом нематериальных активов при переходе к широкому использованию инноваций в экономике (п.21).

В то же время из текста документа становится понятным, что следствием использования инноваций должен стать реальный экономический и иные эффекты. Т.е. речь идет об эффективном (с точки зрения генерации новшеств и их внедрения), но и о результативном (с точки зрения коммерческой успешности результатов внедрения, формирования и функционирования рынка интеллектуальной собственности и изменения качества социально-экономической системы в целом) инновационном процессе, который, по мнению Президента РФ, следует обеспечить за счет решения следующих задач (п.22): 1) создание системы учета информации о результатах научных исследований и технологических разработок, полученных организациями различной организационно-правовой формы и формы собственности, обеспечение доступа к этой информации; 2) государственное стимулирование создания, правовой охраны, защиты и использования результатов научной и научно-технической деятельности; 3) нормативно-правовое закрепление за государством прав на объекты интеллектуальной собственности и иные результаты научной и научно-технической деятельности, созданные за счет средств федерального бюджета, прежде всего связанные с интересами обороны и безопасности страны; 4) нормативно-правовое урегулирование механизма передачи организациям-разработчикам, инвесторам либо иным хозяйствующим субъектам прав государства на результаты научной и научно-технической деятельности для введения их в хозяйственный оборот; 5) нормативно-правовое обеспечение вовлечения в хозяйственный оборот результатов научной и научно-технической деятельности (в том числе с использованием экономических стимулов), регулирование порядка учета, инвентаризации, амортизации и налогообложения объектов интеллектуальной собственности, регламентация проведения стоимостной оценки результатов научной и научно-технической деятельности; 6) формирование рынка интеллектуальной собственности; 7) совершенствование патентной и лицензионной деятельности. Итогом выполнения поставленных задач должно было стать завершение формирования национальной инновационной системы и целостной структуры научно-технического комплекса, способного эффективно функционировать в условиях рыночной экономики к 2010 г. (п.30 разд.IV).

Более глубокий анализ представленного в извлечениях документа показал следующее:

– Отсутствует четкое описание того, что же из себя должна организационно-управленческой, инфраструктурной, объектной, субъектной и пр. Это пробел усугубляется еще и тем, что в документе приведены две самостоятельные категории стратегии инновационного развития – «национальная инновационная система» и «целостная структура научно-технического комплекса», «формирование которых должно стать итогом выполнения поставленных задач».

– Согласно обозначенным в документе месте и роли государства в инновационном процессе, в частности, «государственное стимулирование...», «нормативно-правовое закрепление...», «нормативно-правовое урегулирование...»,

«нормативно-правовое обеспечение...» и т.п., ключевыми системообразующими структурными элементами национальной инновационной системы должны стать структурные элементы органов государственной власти и управления, но конкретики по этому вопросу нет.

– Коль речь идет о «совершенствовании механизмов взаимодействия между участниками инновационного процесса, включая организацию взаимодействия государственных научных организаций и государственных высших учебных заведений с промышленными предприятиями в целях продвижения новых технологий в производство, повышения квалификации производственного персонала», значит государство для достижения результатов в приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники (в 2011 г. по этому вопросу был издан Указ Президента РФ [25]) в целях ускоренного перехода к новому технологическому укладу должно взять на себя не только функцию аккумуляции перспективных и результативных новшеств, но и организовать эффективный процесс обеспечения их реализации. Что же касается предприятий негосударственного сектора (сферы малого и среднего предпринимательства), то и здесь государство вполне может взять на себя миссию предложения к реализации определенных новшеств и поддержать этот процесс материально, финансово и информационно. Принять это – означает вступить в противоречие со взглядами ярких представителей либеральных кругов, считающих, что оборот интеллектуальных продуктов должен происходить на рынке наряду с иными продуктами в одинаковых условиях, и участие государства в особенном регулировании первых недопустимо. Преодолев стереотипы рыночных отношений и признав необходимость широкого государственного регулирования в сферах, обеспечивающих выполнение задач ускоренного (опережающего) развития страны, именно изложенный выше подход может способствовать указанному в документе Президента РФ «совершенствованию...», а не включение предлагаемых новаторами проектов в механизм госзакупок, который сегодня стал для талантливых изобретателей непреодолимым барьером в силу всем известных обстоятельств.

– В документе имеют место словосочетания: «использование достижений науки и технологий», «продвижение новых технологий в производство», «введение в хозяйственный оборот результатов научной и научно-технической деятельности», и понятие «коммерциализация». И если первые по определению не вызывают сомнений, т.к. являются стадией инновационного процесса и могут быть сведены без потери внутреннего содержания к единому понятию «внедрение», то последнее требует своей дефиниции, а также пояснения в части того, что конкретно нуждается в коммерциализации: новшество как результат интеллектуальной деятельности или результат его внедрения, воплотившийся в новый (усовершенствованный) продукт? И вот здесь без профессионального (именно профессионального, т.е. осуществляемого подготовленными высшей школой специалистами) информационно-маркетингового сопровождения, заключающегося в том,

что устанавливаются потребности (запрос) субъектов реальной экономики в развитии и оцениваются перспективы рыночного успеха от внедрения, ресурсы инновационного процесса начинают расходоваться вхолостую. В интересах недопущения такого результата новшества должны генерироваться в ответ на реальные потребности (запрос) субъектов. Такие новшества и должны быть приоритетными в предоставлении государственной поддержки и получении охранных документов. Исключение могут составлять фундаментальные научные исследования, результаты которых представляют собой особый интеллектуальный массив будущего или связаны с обеспечением безопасности (военной, экономической, энергетической и др.).

– Поставленная Президентом в п.2 разд.24 «Основные задачи сохранения и развития кадрового потенциала научно-технического комплекса» задача обеспечения взаимосвязи уровня подготовки научных кадров высшей квалификации по номенклатуре и объема с потребностями реализации приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, важнейших инновационных проектов государственного значения ..., сегодня не обеспечена реальными механизмами ее выполнения. Это усугубляется нынешним состоянием российской системы высшего образования, модернизация которой носит деструктивный характер, дальнейшее ее углубление приведет к необратимым процессам, результатом которых уже стал некий «суррогат», утративший все лучшее, что было достигнуто еще в советский период. Насущным, но не отраженным в данном документе, является не только обретение российской системой образования исторически оправданных форм, но и принадлежащего ей по праву статуса системообразующего элемента системы национальной безопасности [4].

– Не нашла своего места в документе задача создания института аттестованных и оплачиваемых независимых экспертов, а также института независимых представителей централизованного подчинения в структуре управления организациями, занимающихся оценкой и продвижением новшеств и интегрированных в региональную общественную организацию (к примеру, некоммерческую организацию новаторов), поддерживаемую государством и взаимодействующую с министерствами и ведомствами, а также субъектами предпринимательства. Эти институты могут стать реальными, а не формальными, объективаторами и драйверами инновационного процесса.

В 2005 г. вышло Постановление правительства «Основные направления политики РФ в области развития инновационной системы на период до 2010 года» [26].

Устранены ли в этом документе выявленные авторами противоречия и пробелы?

В п.2 документа представлен полноценный понятийный аппарат: 1. Инновационная деятельность – выполнение работ и (или) оказание услуг, направленных на создание и организацию производства принципиально новой или с новыми потребительскими свойствами продукции (товаров, работ, услуг); создание

и применение новых или модернизацию существующих способов (технологий) ее производства, распространения и использования; применение структурных, финансово-экономических, кадровых, информационных и иных инноваций (нововведений) при выпуске и сбыте продукции (товаров, работ, услуг), обеспечивающих экономию затрат или создающих условия для такой экономии. 2. Инновационная продукция – результат инновационной деятельности (товары, работы, услуги), предназначенный для реализации. 3. Национальная инновационная система – совокупность субъектов и объектов инновационной деятельности, взаимодействующих в процессе создания и реализации инновационной продукции и осуществляющих свою деятельность в рамках проводимой государством политики в области развития инновационной системы. 4. Инфраструктура инновационной системы – совокупность субъектов инновационной деятельности, способствующих осуществлению инновационной деятельности, включая предоставление услуг по созданию и реализации инновационной продукции. К инфраструктуре инновационной системы относятся центры трансфера технологий, инновационно-технологические центры, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры подготовки кадров для инновационной деятельности, венчурные фонды и др. 5. Политика Российской Федерации в области развития инновационной системы – составная часть государственной научно-технической и промышленной политики, представляющая собой совокупность осуществляемых государством социально-экономических мер, направленных на формирование условий для развития производства конкурентоспособной инновационной продукции на базе передовых достижений науки, технологий и техники и повышение доли такой продукции в структуре производства, а также системы продвижения и реализации продукции и услуг на отечественном и мировом рынках. 6. Наукоемкие высокотехнологичные отрасли (производства) – отрасли, сферы или виды экономической деятельности, результатом которой является продукция (товары, работы, услуги) со значительной добавленной стоимостью, полученной за счет применения достижений науки, технологий и техники, характеризующаяся высокой долей внутренних затрат на исследования и разработки в стоимостном объеме производства такой продукции.

Как следует из приведенного документа, политика Российской Федерации в области развития инновационной системы базируется на равноправном государственно-частном партнерстве и направлена на объединение усилий и ресурсов государства и предпринимательского сектора экономики для развития инновационной деятельности (п.3), а её целью является формирование экономических условий для вывода на рынок конкурентоспособной инновационной продукции в интересах реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации: повышение качества жизни населения, достижение экономического роста, развитие фундаментальной науки, образования, культуры, обеспечение обороны и безопасности страны путем объединения усилий государства и предпринимательского сектора экономики на основе взаимовыгодного партнерства (п.9).

Исходя из п.18 Постановления, реализация Основных направлений должна способствовать осуществлению к 2010 г. структурных преобразований в экономике, ведущих к росту доли в валовом внутреннем продукте наукоемких высокотехнологичных отраслей экономики, сферы сложных организационных, технических и бытовых услуг; сформированная инновационная система позволит вывести экономику страны из зоны преимущественного экспортно-сырьевого развития и поддержать высокую динамику роста перерабатывающих отраслей, в полной мере обеспечить конкурентоспособность России в мировом сообществе и ее равноправную интеграцию в мировое экономическое пространство; к 2010 г. уровень и динамика коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, снижения рисков для инвестиций в высокотехнологичные отрасли и повышение конкурентоспособности экономики страны должны стать решающим фактором улучшения качества жизни населения, обеспечения социально-экономической стабильности и национальной безопасности Российской Федерации.

В то же время, в содержании Постановления просматривается преемственность недостатков, имевших место в письме Президента РФ, в т.ч. так и не дано конкретное описание структуры инновационной системы, ее элементов (включая элементы в структуре управления организаций) и их взаимосвязей, не раскрыто понятие «коммерциализация» и связанные с ним представления об информационно-маркетинговой сопровождении инновационного процесса, а собственно раздел «Создание системы государственной поддержки коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности» носит исключительно декларативный характер.

Уже к 2011 г. стало понятно, что цели, поставленные в приведенных документах, не достигнуты. В «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.» [27] было отмечено, что, несмотря на то, что «созданы основные элементы системы институтов развития в сфере инноваций, включающие Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, венчурные фонды (с государственным участием через открытое акционерное общество «Российская венчурная компания», федеральное государственное автономное учреждение «Российский фонд технологического развития», государственную корпорацию «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» и открытое акционерное общество «РОСНАНО», в целом не удалось переломить ряд значимых для инновационного развития негативных тенденций, существенно ускорить процесс интеграции российской инновационной системы в мировую систему и кардинально повысить инновационную активность и эффективность работы компаний, в том числе государственных, а также создать конкурентную среду, стимулирующую использование инноваций; государственные средства, выделяемые на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, в большинстве секторов экономики расходуются недостаточно эффективно». В проблемной области также нашло свое отра-

жение следующее: недостаточная приоритезация задач по поддержке инновационной активности бизнеса, инноваций в регионах, развитию человеческого капитала и целого ряда других задач, не позволившая обеспечить необходимую комплексность подхода к развитию инновационной системы страны; проблемы по достижению надлежащего качества образования на всех уровнях – от общего, начального и среднего профессионального образования до высшего и послевузовского профессионального образования; недостаточная развитость по сравнению со странами с высокой инновационной активностью ключевых для инновационного предпринимательства личностных качеств – мобильность, желание обучаться в течение всей жизни, склонность к предпринимательству и принятию риска в целом; низкая восприимчивость бизнес-структур к инновациям технологического характера; значительные структурные проблемы в организации управления инновациями на уровне организаций; абсолютное доминирование наименее передовых типов инновационного поведения, в том числе заимствование готовых технологий, характеризующих российскую инновационную систему как ориентированную на имитационный характер, а не на создание радикальных нововведений и новых технологий; недостаточная развитость системы государственно-частного партнерства в реализации инновационных проектов; неприспособленность системы государственной статистики к целям управления инновационным развитием: статистические данные, отражающие ключевые параметры инновационного развития, становятся доступными с существенным опозданием, структура статистических показателей не вполне соответствует задачам текущего дня.

Не прояснил сложившуюся ситуацию Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» [28].

Ко времени опубликования Указа национальная инновационная система так и не была сформирована, в том числе и в силу приведенных выше проблем.

Однако Президентом, в целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека, были поставлены задачи, которые возможно решить лишь в условиях эффективно функционирующей инновационной системы: ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 % от их общего числа (п.«е» разд.1); обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования (п.«а» разд.5); рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5 % в год (п.«а», разд.9); стиму-

лирование внедрения передовых управленческих, организационных и технологических решений для повышения производительности труда и модернизации основных фондов, в том числе посредством предоставления налоговых преференций (п.«б», разд.9); создание передовой инфраструктуры научных исследований и разработок, инновационной деятельности, включая создание и развитие сети уникальных научных установок класса «мегасайенс» (п.«б», разд.10).

В таком важном документе, как «Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 г.» [29], разработанном, согласно указу Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года», определены цели, основные задачи и приоритеты деятельности Правительства Российской Федерации по осуществлению прорывного научно-технологического и социально-экономического развития. В разд.2 ставится задача к 2024 г. увеличить количество организаций, осуществляющих технологические инноваций, до 50 % от их общего числа, определены «ключевые действия» по расширению инновационной активности, которые включают: снятие регулятивных барьеров, связанных с выходом на рынок инновационной продукции и внедрением новых технологических решений; стимулирование внедрения инновационных технологий и продуктов с учетом растущих требований по ресурсосбережению, минимизации негативного экологического воздействия и обеспечения безопасности продукции; содействие развитию дистанционных образовательных программ в сфере технологических инноваций, технологического менеджмента и управления инновационным развитием; содействие расширению доступа к высокотехнологичному оборудованию; применение механизмов государственной поддержки инжиниринговой деятельности; содействие развитию цифровых сервисов сопровождения инновационной деятельности; реализация программ инновационного развития и стратегий цифровой трансформации ведущих компаний с государственным участием. В целях ускорения технологического развития планируется обеспечить решение следующих задач: создание новых высокотехнологичных предприятий (стартапов); повышение уровня коммерциализации научно-исследовательских разработок и технологий, разработанных в университетах и научных организациях, и повышение патентной активности российских заявителей; расширение финансовой поддержки инновационной деятельности через развитие рынка венчурного финансирования; расширение масштабов участия российских организаций в реализации международного трансфера технологий.

Особое значение в документе придается реализации Правительством комплекса мер по повышению эффективности института интеллектуальной собственности (разд.2.3), включая: увеличение патентной активности и оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД), обеспечение ежегодной подачи не менее 4 тыс. международных РСТ-заявок (Patent Cooperation Treaty) от российских заявителей, достижение Российской Федерацией 5-го места по удельному весу в общем числе заявок на получение патентов в приоритетных областях

научно-технологического развития, реализацию масштабных образовательных программ, ежегодное повышение квалификации не менее 5 тыс. специалистов в сфере защиты и оборота прав на РИД; определение и нормативно-правовое закрепление функциональных критериев и требований к формированию и реализации программ научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) для государственных нужд, включая проведение патентных исследований при формировании технических требований к разрабатываемой продукции и технических заданий на выполнение НИОКР; совершенствование механизмов вовлечения в оборот прав на РИД, созданные за счет или с привлечением средств федерального бюджета, обязательное ежегодное принятие решений в отношении исключительных прав на РИД, принадлежащих Российской Федерации, необходимость сохранения или отчуждения таких прав в форме предоставления лицензий или внесения в капитал юридических лиц; формирование комфортной для правообладателей системы государственных услуг в области интеллектуальной собственности, создание системы трансфера РИД, включая формирование не менее чем 35 центров трансфера технологий, осуществляющих коммерциализацию РИД научных и образовательных учреждений; использование отечественных товарных знаков и наименований мест происхождения товаров (НМПТ) в интересах развития рынков сбыта и экспорта, в том числе путем регистрации и поддержания не менее чем 300 российских НМПТ.

Правительством Российской Федерации будет предусмотрена реализация комплексной государственной политики, направленной на развитие производственного и инновационного потенциала отечественной промышленности, а также содействие в продвижении продукции на мировом рынке (разд.7).

В своем Послании Федеральному Собранию Президент РФ в очередной раз, но уже в более настоятельной форме, заявил, что исследователям, инженерам, предпринимателям должна быть обеспечена свобода для работы, научного, инновационного поиска, а также обратился с просьбой к Правительству и депутатам Государственной Думы ускорить рассмотрение так называемого технологического законодательного пакета; уже в этом году запустить гибкий механизм экспериментальных правовых режимов для разработки и внедрения в России новых технологий; наладить современное регулирование оборота больших данных; создать такие правовые, финансовые условия, чтобы как можно больше стартапов, новаторских команд могли стать сильными, успешными инновационными компаниями; поддерживать высокотехнологичный экспорт и, безусловно, расширять спрос на инновации внутри самой страны [30].

Анализ содержания документов Президента и Правительства РФ через призму предложенного авторами системного подхода показывает, что обозначенные в них мероприятия и целевые показатели в области инновационного развития РФ, которые соответственно требуется выполнить и достичь, не создают целостной картины развивающейся системы.

Причина этому, на наш взгляд, кроется, наряду с субъективными факторами, и в отсутствии строго прописанных структуры, функционала и внутрисистемных связей на всех уровнях системообразования в инновационной системе РФ, что породило в период с 2002 г. бессистемную и формальную работу по реализации поставленных задач формирования и эффективного функционирования инновационной системы в целом по российскому экономическому пространству в межэлементном, межсферном и межотраслевом разрезах.

Это требует пересмотра ключевых положений программных документов. Представляется возможным предложить:

1. Переименовать основной термин – «Национальная инновационная система» в «Национальная система управления новациями» с корректировкой его дефиниции. Ныне применяемая – «совокупность субъектов и объектов инновационной деятельности, взаимодействующих в процессе создания и реализации инновационной продукции и осуществляющих свою деятельность в рамках проводимой государством политики в области развития инновационной системы» [26] – сужает сущность этого понятия до рыночного оборота (реализации инновационной продукции) и не преодолевает выявленную авторами статьи в письме Президента РФ от 2002 г. коллизию, связанную с задачами формирования одновременно двух систем – «национальной инновационной системы» и «научно-технического комплекса». Чтобы создать инновационную продукцию в завершенном виде, необходимо не только внедрить в производство в целом или отдельную его стадию новшество (новацию), но и иметь представление о ее потенциальной востребованности на рынке, конкурентоспособности, а также средствах продвижения (о маркетинговых характеристиках). Это собственно и есть управление новациями. В этой связи определение понятия «Национальная система управления новациями» может иметь следующую трактовку с учетом выше сформулированному понятию «инновационный процесс»: система общественных отношений, связывающих в едином инновационном процессе субъекты, объекты и институты инновационной деятельности, взаимодействующие при создании и внедрении новшеств в производственные и управленческие процессы общественного производства, а также продвижении на рынок как созданных объектов интеллектуальной собственности, так и инновационной продукции, полученной с их использованием, и осуществляющих свою деятельность в рамках проводимой государством политики в области инновационного развития.

2. Осуществить проектирование многоуровневой организационно-управленческой структуры «Национальной системы управления новациями» с ее инфраструктурным и институциональным обеспечением, включающем в т.ч. институты независимых экспертов и независимых представителей в структуре управления организациями, занимающихся оценкой и продвижением новшеств; средствами мотивирования изобретательской и инновационной деятельности; технологиями экспертных работ и контроля за эффективностью использования финансовых средств, в т.ч. грантов и премий.

3. В целеполагание Национального проекта «Образование» [31] внести пункт: «Создание условий для повышения статуса российского образования до системообразующего элемента национальной безопасности», подразумевая под целедостижением коренной «разворот» модернизационных процессов в сторону форм и содержания классического российского образования с его высокопрофессиональными кадрами. Это должно сопровождаться исключением из управленческой практики учебных заведений генерации неэффективных (порой слепо заимствованных из ментально иных сред), но стабильных институтов, т.н. «институциональных ловушек»; разграничением компетенций научных и образовательных учреждений в вопросах научной деятельности; исключением таких плановых показателей для НИИ и вузов, как количество изданных, но не востребованных учебным процессом, учебников и учебных пособий, индекс Хирша, количество планируемых патентов и пр., противоречащих логике и научной этике и порождающих ничем не обоснованные затраты (к примеру, на издание низкокачественной учебной литературы, поддержку никем не востребованных патентов), формализм и приписки. Исключение могут составить следующие показатели: доход от реализации лицензий на использование патентов; соотношение затрат на патентование к выручке от продажи лицензий; экономического эффекта от реализации продукции, созданной на основе инноваций; эффект от использования полученных учеными, изобретателями и рационализаторами грантов, премий на различных конкурсах.

4. Организовать комплексную юридико-экономическую подготовку специалистов с базовым техническим образованием для продвижения объектов интеллектуальной собственности на рынок (маркетологов) в рамках второго высшего образования.

5. Систематизировать сведения об учрежденных и проводимых органами государственной власти и управления или под их эгидой конкурсов и форумов инноваций, инновационных проектов и концепт-проектов. Ввести единую общероссийскую классификацию конкурсов и форумов. В целях концентрации инновационного потенциала и формирования здоровой конкурентной атмосферы среди новаторов сосредоточить внимание на проведение тематических конкурсов как ответ на запросы отраслей и сфер деятельности, отвечающих приоритетным направлениям развития страны. Разработать механизмы объективации и публичности в определении победителей конкурсов; исключения формальных мероприятий, распыляющих премиальные фонды; формирования целевых премий победителям, размер которых позволял бы обеспечить не только достойное существование и творческие коммуникации новаторов, но и возможность внедрения и коммерциализации новшеств; удержания победителей в поле зрения организаторов конкурсов и информационной поддержки; контроля за целевым расходованием новаторами и внедренческими площадками полученных премий; охраны интеллектуальной собственности новаторов и защиты информации.

6. Инициировать со стороны органа государственной власти субъекта федерации, в компетенцию которого включены вопросы инновационной деятельности, создание и обеспечение функционирования самостоятельного института регионального общественного объединения новаторов как аккумулятора и драйвера новаторства, центра пропаганды и поддержки изобретательства на основе исторического опыта подобных организаций.

7. Принять государственную стратегию интеллектуальной собственности в науке, бизнесе, образовании и экономике с определением базовых принципов и приоритетов как отражение воли первых лиц государства и понимания фундаментальных тенденций времени и всей истории цивилизации.

Реализация настоящих положений позволит объективировать инновации и поощрять истинных новаторов, обеспечить объектно-субъектное наполнение инновационной системы, сформировать с использованием совокупности инструментов маркетинга и механизмов коммерциализации рынок интеллектуальной собственности, а Национальной инновационной системе (Национальной системе управления новациями) обрести реальные очертания и стать драйвером ускоренного развития на долгосрочную перспективу.

Литература

1. Ченцова М.В. Национальные инновационные системы как институциональная основа экономики знаний: мировой опыт и российская практика // Экономические науки. 2008. № 42. С. 118–121.

2. Складорова Е.Е. Развитие национальной инновационной системы и оценка ее эффективности: дис. ... канд. экон. наук. – Воронеж, 2017.

3. Захаров А., Леонтьев Б. Концепция государственной стратегии интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. 2012. № 3. URL: https://tpprf.ru/common/upload/IS_koncept.pdf

4. Мишулин Г.М., Дудник Д.В. Экономический и правовой методологический дуализм как проблемная область модернизации системы российского образования (на примере экономического образования) // Современное право. 2014. № 6. С. 50–55.

5. Феномен рыночного хозяйства: теоретические и эмпирические исследования проблем коммуникации: монография / В.А. Сидоров Я.С. Ядгаров, В.В. Чапля и др. – Лондон: Издательство London School of Publishing, 2018. 527 с.

6. Мишулин Г.М., Таранухин Д.С. Инновационный фактор обеспечения экономической безопасности: монография. – М.: ЗАО «Издательство современная экономика и право»; Краснодар: Издательство ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2016. 369 с.

7. Мишулин Г.М., Бирюков А.Ю. Проектирование и внедрение интегрированной маркетинговой информационно-коммуникационной системы коммерческой организации // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12 (53). С. 126–131.

8. Мишулин Г.М. Организационно-экономический механизм создания системы хозяйственного оборота вторичных ресурсов разнородных производственных комплексов: дис. ... канд. экон. наук. – Краснодар, 2002.

9. Каленская Н.С. Влияние институциональной среды на формирование инфраструктуры инновационного развития регионального промышленного комплекса // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 28 (163). С. 33–37.

10. Кириллова Т.В., Яценко М.Б. Формирование инновационной среды в сетевой торговле как условие осуществления эффективных инноваций // Практический маркетинг. 2018. № 10 (260). С. 29–36.

11. Красюк И.А., Медведева Ю.Ю. Направления развития инновационных бизнес-технологий в торгово-технологических системах // Практический маркетинг. 2018. № 9 (259). С. 18–25.

12. Клейнер Г.Б. Какая экономика нужна России: анализ на основе системного моделирования. Доклад на годичном общем собрании Международной академии организационных наук 20 декабря 2013 г. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. 44 с.

13. Гохберг Л.М., Дитковский К.А., Гохберг Л.М., Кузнецова И.А. и др. Индикаторы инновационной деятельности: 2019: статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. 376 с.

14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // СЗ РФ. – 05.12.1994. N 32. Ст. 3301.

15. Мишулин Г.М. В развитие методологии исследования эволюционирующих рыночных инструментов // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. 2014. № 1 (29). С. 209–219.

16. Гетман Б.М., Ненахова О.А., Чистова В.А. Коммерциализация инновационной деятельности и сущность инновационного предпринимательства // Вестник ДГТУ. 2011. Т.11. № 5 (56). С. 758–767.

17. Rogers E.M. Diffusion of innovations. – New York: Free Press, 1962. 367 p.

18. Mensch G. Stalemate in Technology. – New York, 1979. 241 p.

19. Шумпетер, Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982. 455 с.

20. Сарыгулов А.И. Эволюционные закономерности технологических изменений и инновационной динамики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2011. № 1 (114). С. 118–124.

21. Мишулин Г.М., Стягун А.В. Определение категории «источники экономического роста» в парадигме институционального подхода // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т.6. № 2-3. С. 27–31.

22. Кравченко Н.А., Кузнецова С.А., Юсупова А.Т. Инновационная экономика: проблемы развития // Стратегическое планирование и развитие предприятий: тезисы докладов Шестого всероссийского симпозиума. Секция 1. Москва, 12–13 апреля 2005 г. Под ред. профессора Г. Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2005. С. 115–116.

Мишулин Г.М., Дегтярева Е.Д., Губин А.В.

23. Mensch G. If This Long Wave Steeps-Up and Breaks: What Then? // Kondratieff Waves, Warfare and World Security. Ed. By T.C. Devezas. Amsterdam, 2005. PP. 80-91.

24. Основы политики РФ в области развития науки и технологий до 2010 года и дальнейшую перспективу: письмо Президента РФ от 30.03.2002 N Пр-576. URL: <https://base.garant.ru/12127915/>

25. Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации: указ Президента РФ от 07.07.2011 N 899 // СЗ РФ. 11.07.2011. N 28. Ст. 4168.

26. Основные направления политики РФ в области развития инновационной системы на период до 2010 года: постановление Правительства РФ от 05.08.2005 N 2473п-П7. URL: <https://base.garant.ru/190268/> (дата обращения 6.01.2020).

27. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 N 2227-р // СЗ РФ. 02.01.2012. N 1. Ст. 216.

28. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7.05.2018 N 204. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5742527>

29. Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года: утв. Правительством РФ 29.09.2018 г. URL: <http://government.ru/news/34168/>

30. Послание Президента Федеральному Собранию РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

31. Паспорт национального проекта «Образование»: утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. N 16). URL: <http://government.ru/info/35566/>

**NATIONAL INNOVATION SYSTEM, FACTOR MODEL OF INNOVATION
PROCESS EFFICIENCY, NATIONAL INNOVATION MANAGEMENT
SYSTEM, MARKETING, COMMERCIALIZATION,
METHODOLOGICAL CONTRADICTIONS, LEGAL GAPS**

Mishulin G.M.

Professor, Department of Marketing and Business Communications, Cuban State Technological University, Deputy Chairman of the Regional Council «All-Russian Society of Inventors and Internationalists»

Degtyareva E. D.

Leading specialist, State Autonomous Institution of Krasnodar Territory «Krasnodar Regional Sociological Center»

Gubin A.V.

Manager of Operating Office «Krasnodar» JSC «Genbank,» Russia, Krasnodar

Abstract: *The article presents the author's ideas about national innovation system as an integrated institutional organizational and management structure; given a new interpretation of the notion «innovative process»; introduced the concept of «national system of management of innovations»; the relationship between marketing and commercialization of innovations is shown the results of the analysis of the provisions of the program documents of the President and Government on the innovative development of the Russian Federation; recommendations for overcoming the identified methodological inconsistencies and legal gaps.*

Key words: *innovation system; innovative process; marketing; commercialization of innovations; innovative development.*

УДК 336.747

**ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЬГИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ
ДЕНЕЖНОГО ОБОРОТА:
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РИСКИ**

Пономарева М.А.

кандидат экономических наук, доцент, Департамент налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва

Гварлиани Т.Е.

доктор экономических наук, профессор, кафедра финансов, кредита и мировой экономики, Сочинский государственный университет

Аннотация: *сфера электронных денег и электронных платежей является очень актуальной в настоящее время. Анализ показал, что полностью отсутствует комплексный подход при оценке свойств электронных денег и анализа их взаимосвязи и денежного предложения, а также основными проблемами является очень низкий уровень финансовой, юридической и экономической грамотности населения, отставание в законодательстве. Систематизировав недостатки и риски электронных денег в работе были предложены направления по их совершенствованию. Применение данных мероприятий позволит обеспечить регулятора достоверной, правильной, необходимой и своевременной информацией с целью сбалансированного и эффективного осуществления денежно-кредитной политики как в нашей стране, так и на международном уровне.*

Ключевые слова: *электронные деньги, кредитные организации, денежно-кредитная политика, риски, платежные инструменты.*

По своим свойствам электронные деньги, очень схожи с традиционными денежными средствами. Первое на что стоит обратить внимание, так это, то, что у электронных денег отсутствует свойство персонифицированности – в отношении держателя средств отсутствуют сведения о фактическом количестве находящихся у него электронных денег. Следующее на что обращаешь внимание при изучении свойств электронных денег, так это то, что при осуществлении платежей по средствам электронных денег возникают точно такие же отношения между должником и кредитором, как и при оплате наличными денежными средствами, то есть без участия банка-посредника. Также, если сумма транзакции не превышает 1000 рублей, то ни идентификация плательщика, ни ввод ПИН кода не требуется.

В настоящее время оборот электронных денег в мире составляет 47,4% от мирового денежного оборота, при этом остаются открытыми вопросы, связанные с их функционированием и неизбежностью рисков.

Среди зарубежных ученых и авторов книг по экономике и теории возникновения денег предпочтение отдано следующим: К.Р. Макконнелл, Д. Ван-Хуз, К. Маркс, С.Л. Брю, К. Менгер, Ф. Хайек и др.

Если же взять отечественных авторов, чьи труды были выделены в настоящей работе, то к ним можно отнести таких ученых как: Л.Н. Красавина, В.М. Усокин, А.С. Селищев, О.И. Лаврушин, А.Н. Шаров, и др.

Сфера электронных денег и электронных платежей в настоящее время является очень востребованной, наряду с этим, исследования в области электронных денег проводились и проводятся не только учеными и авторами книг по экономике и финансам, а также такими экономическими институтами, как Европейский центральный банк, Банк международных расчетов, Банк России и Банк Японии.

Анализируя состояние исследованности вопроса электронных денег, невозможно не подчеркнуть отсутствие комплексного подхода при оценке свойств электронных денег и основательного анализа взаимосвязи электронных денег и денежного предложения.

При своей функциональной схожести, также есть и ряд существенных особенностей между наличными деньгами и электронными деньгами. Так, при осуществлении платежей наличными деньгами их номинальная денежная стоимость передается от клиента непосредственно к получателю средств. Электронные деньги дают возможность принимать участие осуществлении расчетов в рамках информационно-телекоммуникационных сетей (Интернет), что делает их более привлекательным вариантом при осуществлении расчетов в сети Интернет, так и при непосредственной передаче стоимости по технологии NFC.

Основываясь на вышеприведенной статистической информации, можно прийти к выводу о росте популярности операций совершенных электронными деньгами, а также росте оборота электронных денег участвующих в мировых платежах.

Схожесть электронных денег с традиционными денежными средствами по своему функционалу дает право предположить, что массовый спрос по электронные деньги может привести к росту денежной массы, и как следствию нарушению баланса спроса и предложения на денежных рынках стран. Выпуск электронных денег не кредитными организациями может оказать негативное влияние на денежно-кредитную политику, осуществляемую Центральными банками и банковский надзор.

Система электронных денег на протяжении длительного времени функционирует во многих странах мира и с каждым годом набирает все большую популярность и разновидность электронных денег. Согласно сведениям Комитета по платежным и расчетным системам Банка международных расчетов, за период с начала 2013 года по конец 2017 года количество операций с использованием электронных платежных систем неизменно растет.

Таблица 1 – Транзакции электронных денег в мировом сообществе

Страна	Платежные транзакции, млн. операций в год					Платежные транзакции, млрд. долл. США. в год				
	2013	2014	2015	2016	2017	2013	2014	2015	2016	2017
Бельгия	79,5	69,3	59,6	48,3	44,8	0,511	0,428	0,421	0,330	0,298
Бразилия	18,2	24,1	34,9	37,6	38,7	0,487	0,560	0,892	0,874	0,891
Франция	31,7	35,2	40,8	47,0	47,6	0,100	0,117	0,126	0,139	0,153
Германия	46,9	42,3	39,4	35,2	34,5	0,187	0,189	0,185	0,182	0,174
Италия	73,5	88,3	116,7	148,4	156,0	6,850	7,346	9,871	13,820	14,300
Япония	1 109,3	1498,4	2020,8	2401,3	2504,7	8,234	13,379	20,339	26,781	27,079
Южная Корея	130,1	136,9	158,2	112,1	110,4	0,987	1,012	1,060	1,123	0,982
Голландия	177,1	178,0	178,9	179,1	173,7	0,692	0,652	0,630	0,610	0,592
Россия	7,0	46,2	78,3	107,4	125,7	0,421	1,374	2,487	6,890	7,345
Сингапур	1900,7	2106,4	2201,8	2892,0	3047,6	1,378	1,291	1,470	1,806	1,904
Швейцария	18,8	15,4	15,1	10,0	9,2	0,063	0,062	0,068	0,052	0,047
Итого по участникам БМР	2483,5	4240,5	4944,5	6018,4	6292,9	19,91	26,41	37,549	52,607	53,765

По нашему мнению, популярность электронных денег и постоянно возрастающей потребности осуществления электронных платежей неизменно приведет к увеличению денежной массы, находящейся в обороте и как следствием, может явиться рост предложения денег.

В наибольшей степени вероятности можно утверждать, что именно в странах Европейского союза имеется самый масштабный опыт регулирования и функционирования электронных денег и платежей, которые осуществляются с такого рода деньгами. В период, когда появились электронные деньги именно в тех странах, что указаны, в тот момент там были самые передовые электронные технологии, а с их появлением потребовалось на уровне законодательства закрепить их систему функционирования.

Основным документом на территории Европейского союза содержащим понятие электронных денег и регламентирующим платежные операции, является – директива Совета Европейских Сообществ 2009/110/ЕС от 16.09.2009 года «Об организации деятельности и пруденциальном надзоре за деятельностью учреждений электронных денег».

Американским нормативным актом, регулирующим сферу обращения электронных денежных средств, являются Правила «Об электронном переводе средств». Указанные правила действуют в отношении банковских организаций, осуществляющих деятельность на территории Соединенных Штатов Америки, а также организаций, которые не относятся к банковским, но в тоже время оказывают услуги, связанные с электронными платежами.

В отличие от Европейской системы регулирования оборота электронных денег, Американская система является многоступенчатой. Однако, при всей своей

многоуровности, она не содержит четких критериев и определений касающихся операций при обращении электронных денег. Американская система в этом случае значительно отстает от Европейской системы.

В Америке в каждом штате действует свой нормативный акт регламентирующий порядок операций с электронными деньгами и называется – Акт об унификации денежных услуг.

В Российской Федерации основным нормативным актом, регулирующим денежные отношения на территории страны является Федеральный закон «О национальной платежной системе» №161-ФЗ от 27.06.2011, в том числе, данный Закон регулирует отношения в сферах эмиссии, оборота и платежей осуществляемых про средствам электронных денежных средств.

Понятие электронных денег, как и сам Закон не раскрывает понимание держателя электронных денежных средств, как и последовательность их выпуска. Скорее всего, это связано с тем, что в Российской Федерации электронные деньги имеют схожесть с традиционными денежными переводами, осуществляемыми в России.

Электронные денежные средства по сравнению с традиционными деньгами обладают рядом преимуществ.

Главное преимущество – состоит в скорости осуществления платежа. Электронные деньги поступают от плательщика к получателю за секунды.

К другим преимуществам электронных денег можно отнести (рис.1).

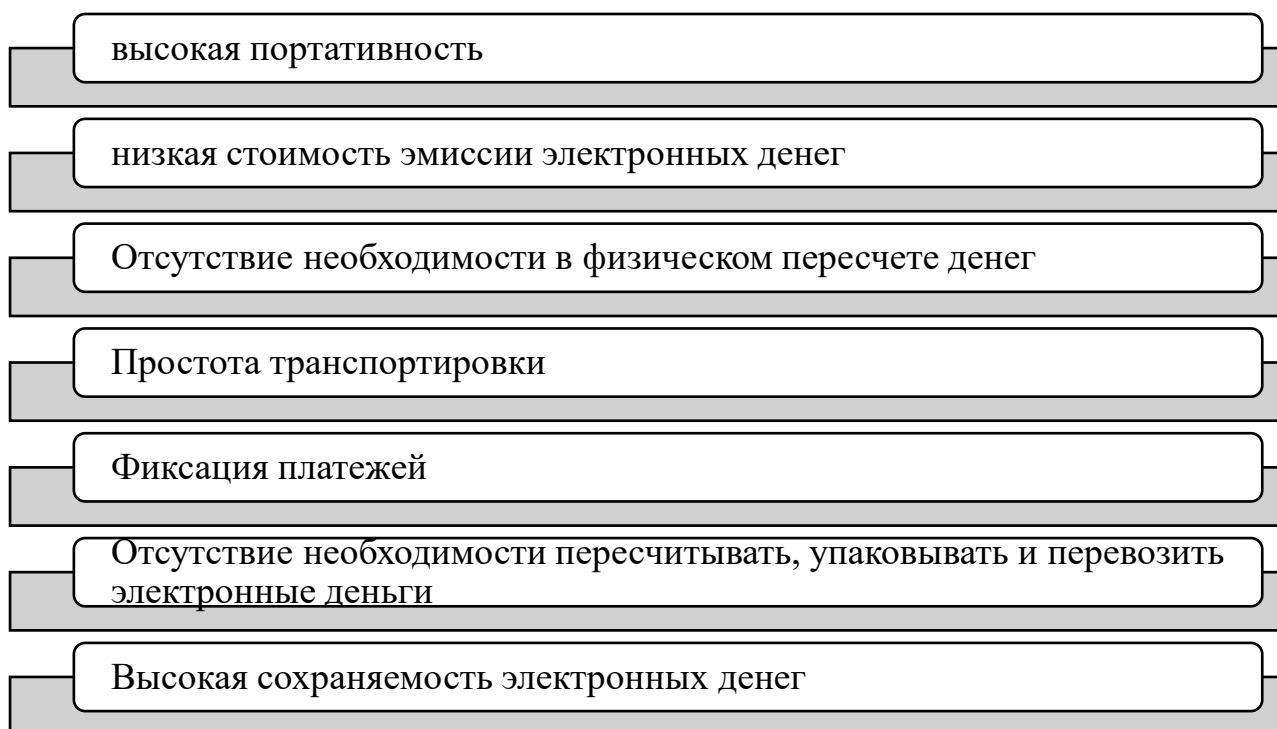

Рисунок 1 – Преимущества электронных денег.

При всех своих преимуществах электронные деньги также обладают рядом недостатков (рис. 2).

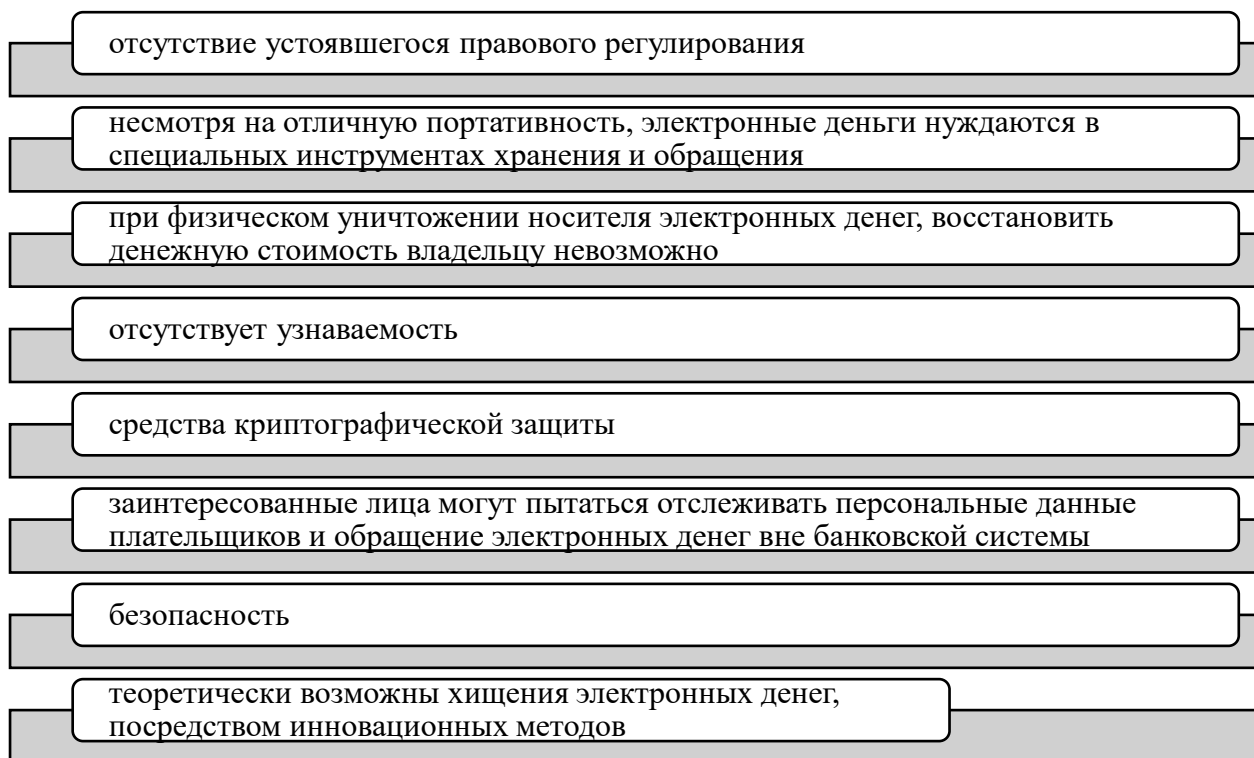

Рисунок 2 – Недостатки электронных денег.

При всех своих преимуществах и рядом недостатков, для системы электронных денег характерны также и определенные риски.

Наиболее характерными рисками принято считать:

- 1) **риск утраты ликвидности** – риск неисполнения эмитентом своих обязательств в результате недостаточности размера его активов;
- 2) **кредитный риск** – риск возникновения убытков для эмитента в результате неисполнения своих обязательств клиентами или третьими лицами;
- 3) **правовой риск** – риск убытков в результате действий или событий правового характера, нарушения действующего законодательства эмитентом или клиентом организации;
- 4) **операционный риск** – риск убытков в результате недостатков организационной системы или злоупотребления лицами, имеющими доступ к банковской системе;
- 5) **риск потери управляемости** – риск убытков в результате утраты руководством эмитента контроля над каким-либо из указанных рисков, неэффективная работа управленческого персонала;
- 6) **репутационный риск** – представляет собой риск убытков, связанный с потерей клиентов в результате сложившегося негативного общественного мнения о системе электронных денег.

Таблица 2 – Риски электронных денег и факторы их определяющие

Вид риска	Определение	Факторы, вызывающие риск
Риск утраты ликвидности	риск неисполнения эмитентом своих обязательств в результате недостаточности размера его активов	– эмиссия электронных денег при отсутствии достаточных активов для их погашения; – рискованное размещение активов, предназначенных для погашения электронных денег
Кредитный риск	риск убытков для эмитента в результате неисполнения (ненадлежащего исполнения) своих обязательств клиентами или третьими лицами (банками-участниками, расчетными банками и др.)	– невозврат или несвоевременный возврат предоставленных клиентам кредитов (при кредитных схемах); – неоплата или несвоевременная оплата клиентами услуг эмитента
Правовой риск	риск убытков в результате действий или событий правового характера	– несоответствие правил системы электронных денег действующему законодательству; – нарушение действующего законодательства эмитентом или клиентами; – изменение законодательства
Операционный риск	риск убытков в результате недостатков организации системы или злоупотреблений лиц, имеющих доступ к системе	– недостатки технической реализации системы; – действия (в том числе преступные) работников эмитента; – неблагоприятное технологическое влияние и действия (в том числе преступные) третьих лиц
Риск потери управляемости	риск убытков в результате утраты руководством эмитента контроля над каким-либо из выше перечисленных рисков	– недостаточный учет других рисков; – неэффективность работы управленческого персонала

Самыми глобальными проблемами использования всех электронных денег в России, является очень низкий уровень финансовой, юридической и экономической грамотности населения, отставание в законодательстве от развития информационных и коммуникационных технологий в сфере осуществления платежей, которое

должным образом не обеспечивает достаточного полного удовлетворения потребностей в их осуществлении, в том числе все время сдерживает рост активного использования электронных денег населением.

Систематизировав недостатки и риски электронных денег предложены направления по их совершенствованию.

1. Разрешить выпуск электронных денег специализированным коммерческим организациям, не являющимися кредитными. Данное мероприятие позволит повысить уровень конкуренции в данной сфере, за чем последует повышение уровня оказываемых услуг, снижение стоимости операций, обеспечить должный уровень стоимости платежных транзакций.

2. Создание специализированной организации, а также введение исключительных лицензий на осуществление того или иного вида деятельности. Данное мероприятие позволит отказаться от оказания услуг в области функционирования электронных денег через агентские .

3. Расширение использование платежных инструментов, основанных на прямом дебетовании, повысит эффективность осуществления платежей и позволит снизить стоимость платежных транзакций. Прямое дебетование – это предварительно разрешенное дебетование счета плательщика, инициированное получателем. Платеж в прямого дебета осуществляется на основе разового поручения на дебетование счета плательщика или предварительного разрешения, которое может иметь многоразовый характер.

4. Совершенствование системы электронного документооборота. Использование электронного документооборота обеспечивает следующие преимущества для участников системы осуществления расчетов:

– позволяет полностью автоматизировать процесс обработки документов;

– отсутствие необходимости иметь дело с множеством технических и организационных барьеров;

– документ в электронной форме позволяет упростить хранение и поиск соответствующих документов, а также неудобств, связанных с печатью, подписью и рассылкой бумажных форм, что ускоряет документооборот.

5. Внедрение новых платежных инструментов, в том числе высокотехнологичных способов осуществления переводов электронных денежных средств, позволит решить задачи по повышению доступности финансовых услуг, обеспечения высокой эффективности платежей, а также сделать их более безопасными и удобными.

6. Необходимость внедрения страхования ответственности кредитной организацией, которая возникает в результате несанкционированного списания денежных средств.

7. На законодательном уровне разработать и утвердить систему управления рисками, которой в обязательном порядке должны руководствоваться все органи-

зации, осуществляющие деятельность в сфере электронных денег. Основные мероприятия, предложенные для включения в систему управления рисков отражены на экране.

Применение сформулированных мероприятий по повышению безопасности и снижению рисков, присущих платежам с использованием электронных денег, позволит обеспечить регулятора достоверной, правильной, необходимой и своевременной информацией с целью сбалансированного и эффективного осуществления денежно-кредитной политики как в нашей стране, так и на международном уровне.

Литература

1. Гарькуша, М.С. Новые функции денег в виртуальной экономике / М.С. Гарькуша // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2018. - № 119.
2. Горюков Е.В. Электронные деньги: анализ практики использования и прогноз развития: дис. канд. экон. наук; Е.В. Горюков; Ивановский государственный химико-технологический университет. - Иваново. 2018
3. Дубова С.Е. К вопросу о принципах и функциях системы банковского регулирования и надзора / С.Е. Дубова // Деньги и кредит. - 2019. - №2. - С.50
4. Дубова С.Е. Развитие банковского регулирования и надзора в Российской Федерации: дис. док. экон. наук; С.Е.Дубова; Ивановский государственный химико-технологический университет. - Иваново, 2018. - С.151
5. Дубова С.Е. Развитие рискориентированных подходов в банковском регулировании и надзоре: монография / С.Е. Дубова, А.С. Кутузова. - М.:ФЛИНТА: Наука, 2018.- 180 с. С.23
6. Ждан-Пушкина Д.А. Регулирование использования электронных денег и платежных систем / Д.А. Ждан-Пушкина // Юридическая работа в кредитной организации. - 2019. - №3. - С. 115 -120.
7. Ионов, В.М. Наличное денежное обращение: основные тенденции развития / В.М. Ионов // Деньги и кредит. - 2017. - №4. - С.40
8. Квашнин С.С. Использование электронных денег в налично-денежном обороте: дис. канд. экон. наук; Квашнин С.С.; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского - Нижний Новгород, 2014. - С.72
9. Концепция развития платежной системы Банка России на период до 2020 года // Вестник Банка России. - 04.08.2016. - №44
10. Красавина, Л.Н. Проблемы денег в экономической науке / Л.Н.Красавина //Деньги и кредит. - 2017. - №10-С. 5.
11. Кривошапко Ю. Куда пристроить миллион / Ю. Кривошапко, / Российская газета. Федеральный выпуск. - 2018. - 5726 (53).
12. Кутузова А.С. Стратегия и механизмы риск-менеджмента в системе банковского надзора в Российской Федерации: дис. канд. экон. наук; А.С. Кутузова;

Ивановский государственный химико-технологический университет. - Иваново, 2019. - С.

13. Обаева А.С. Национальная платежная система: формирование и направления развития / А.С. Обаева // Деньги и кредит. - 2018. - №3. - С. 13

14. Пономаренко Е.В. Функции электронных денег / Е.В. Пономаренко // Финансы и кредит. - 2018. - № 5.-С.48-50.

15. Пономаренко Е.В. Риски систем электронных денег / Е.В. Пономаренко // Финансы и Кредит. - 2017. - №43(283). - С. 39

16. Соколов Ю.А. Перспективные направления регулирования банковской деятельности / Ю.А. Соколов, М.К. Беляев // Банковское дело. - 2018. - №5. - С.63-67

17. Стандартизация финансовых операций: необходимость, цели и возможности / Обаева А.С. [и др.] // Деньги и кредит. - 2016. - №3.

18. Текущее развитие систем электронных денег и их инфраструктуры в Японии / Таиджи Инуи [и др.] // Деньги и кредит. - 2019. - №4.

19. Электронные деньги. Интернет платежи / В. Г. Мартынов, А. Ф. Андреев, В. А. Кузнецов, А. В. Шамраев, Л. С. Парамонов, М. В. Мамута, А. В. Пухов. - М.: Маркет ДС, ЦИПСИР, 2017. - С. 6

20. Electronic fund transfers (Regulation E) URL.: <http://www.fdic.gov/regulations/laws/rules/65QQ-3100.html> (дата обращения: 10.06.2019)

21. Electronic money institutions current trends, regulatory issues and future prospects. // Legal Working Paper Series. European Central Bank. - 2008. - №7. URL.: <http://www.ecb.int/pub/pdf/scplps/ecblwp7.pdf> (дата обращения: 10.06.2019)

22. Electronic money. Consumer protection, law enforcement, supervisory and cross border issues. Report of the working party on electronic money. URL.: <http://www.bis.org/publ/gten01.htm> (дата обращения: 10.06.2019)

ELECTRONIC MONEY IN A MODERN SYSTEM CASH TURNOVER – OPERATIONS AND RISKS

Ponomareva M.A.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Tax Policy and Customs and Tariff Regulation, Financial University under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow

Gvarliani T. E.

Doctor of Economics, Professor, Department of Finance, Credit and Peace Economics, Sochi State University

Abstract: *The field of electronic money and electronic payments is very relevant at present. The analysis showed that a comprehensive approach to assessing the properties of electronic money and analyzing their relationship and money supply is completely absent, as well as the main problems are the very low level of financial, legal and economic literacy*

Пономарева М.А, Гварлиани Т.Е.

of the population, and a lag in legislation. Having systematized the shortcomings and risks of electronic money in the work, directions were proposed for their improvement. The application of these measures will provide the regulator with reliable, correct, necessary and timely information with the goal of a balanced and effective implementation of monetary policy both in our country and internationally.

Key words: *electronic money, credit organizations, monetary policy, risks, payment instruments.*

УДК 336.027

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЕЙШИХ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ

Попова О. В.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента Правового регулирования экономической деятельности, Финансовый Университет при Правительстве РФ

Аннотация: в статье приводятся отдельные вопросы применения новых финансовых технологий на российском рынке. В настоящее время на российском рынке биткоин как валютная единица прямо не запрещен законом; подпадает под определение денежного суррогата только косвенно; ответственность за создание и использование пока не предусмотрена.

Ключевые слова: финансовые технологии, биткоин, электронные денежные средства, криптовалюта, национальная платёжная система «МИР», финансовые технологии

Согласно п. 18 ст. 3 ФЗ «О национальной платёжной системе» от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ, под электронными денежными средствами – признаются денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа [1]

Так в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 01.12.2016 г., прописано, что в цифровых технологиях, например, кроются и риски. Необходимо укреплять защиту от киберугроз, должна быть значительно повышена устойчивость всех элементов инфраструктуры, финансовой системы, государственного управления. [2]

Согласно Информации Центрального Банка РФ от 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, биткойн» Банк России отмечает, что в последнее время в мире получили определенное распространение так называемые «виртуальные валюты», в частности, Биткойн.

Согласно статье 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» выпуск на территории Российской Федерации денежных суррогатов запрещается.

Банк России предупреждает, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. [3]

В соответствии с Информационным сообщением Федеральной Службы по финансовому мониторингу «Об использовании криптовалют», в настоящее время на территории Российской Федерации и других государств приобретает широкое распространение использование для приобретения товаров и услуг так называемых криптовалют (также используется термин «виртуальная валюта»). При этом все чаще криптовалюта выступает в качестве инвестиционного инструмента и инструмента спекулятивной торговли. Примером такого использования может служить криптовалюта Биткойн (Bitcoin).

Процесс выпуска и обращения наиболее распространенных криптовалют полностью децентрализован и отсутствует возможность его регулирования, в том числе со стороны государства. Еще одной из ключевых особенностей использования криптовалют является анонимность пользователей таких криптовалют. Также, криптовалюта не требует ведения специальной отчетной документации.

Необходимо отметить, что отсутствие в системах криптовалют контролирующего центра, влечет невозможность обжалования или отмены несанкционированной транзакции, а фактическое нахождение криптовалют вне правового поля не предоставляет возможность реализации правовых механизмов обеспечения 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» введен прямой запрет на выпуск на территории Российской Федерации денежных суррогатов.

Принимая во внимание увеличившееся информационное присутствие криптовалют в средствах массовой информации, Росфинмониторинг информирует, что использование криптовалют при совершении сделок является основанием для рассмотрения вопроса об отнесении таких сделок (операций) к сделкам (операциям), направленным на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма. [4]

Признание повлечет за собой усиление контроля. Государство, должно знать, кто покупает и продает биткойны. [5]

В начале марта 2017 г. курс биткойна достиг максимального за всю историю криптовалюты уровня 1327 долл. [6]

Согласно Письму ФНС «О контроле за обращением криптовалют» от 3 октября 2016 года № ОА-18-17/1027, основным выводом которого является то, что в законодательстве Российской Федерации нет прямого запрета на проведение российскими гражданами операций с использованием криптовалюты [7]. В данном случае Федеральная налоговая служба Российской Федерации классифицирует операции по приобретению и реализации криптовалют как валютные опера-

ции. Более того законодательство Российской Федерации не дает определения таким понятиям, как «денежный суррогат», «криптовалюта» или «виртуальная валюта»

Вопрос насколько законны операции с биткоином, лежит на поверхности. Хотя именно этот вопрос волнует большинство инвесторов, что конечно, не может вызвать недоумений. Да, инвесторы хотят знать, законны ли операции с криптовалютами, можно ли вкладывать в это деньги и не оказаться в итоге по ту сторону закона. Но говорить о легитимности самих операций, несколько преждевременно. Ведь в глубине темы затаился главный и более важный вопрос – насколько законен сам биткоин как валютная единица.

История легализации биткоина в России процесс сложный и долгодлительный, который начался с высказывания в январе 2014 года Германа Грефа, суть которого сводилась к тому, что «криптовалюты не нужно запрещать, а необходимо понять и направить в русло, полезное для российской экономики».

Росфинмониторинг (Федеральная служба по финансовому мониторингу) в феврале 2014 года пошел дальше, выпустив Информационное письмо, в котором изложил следующий вывод (дословно): «использование криптовалют при совершении сделок является основанием для рассмотрения вопроса об отнесении таких сделок (операций) к сделкам (операциям), направленным на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма». Банк России только предупредил граждан о такой возможности, в то время как Росфинмониторинг четко прописал, что все криптовалютные операции незаконны.

Главное, на что обращает внимание данное ведомство — это статья 27 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», которым введен прямой запрет на выпуск на территории Российской Федерации денежных суррогатов. Служба отмечает, что невозможность отмены транзакции лишает сторон сделки возможности возврата денежных средств в случае недобросовестности одной из сторон сделки. Нахождение биткоина вне правового поля, так же, по мнению Росфинмониторинга не дает возможности, чем-либо обеспечить исполнение сделки.

В 2016 г. Минфин предложил ввести уголовную ответственность за обмен биткоинов на рубли и наоборот. Эту инициативу поддержал председатель Следственного комитета.

Однако, в октябре 2016 г., Федеральная налоговая служба опубликовало письмо № ОА-18-17/1027, в котором содержался вывод о том, что в законодательстве РФ нет прямого запрета на использование криптовалюты. Более того, ФНС классифицирует операции по приобретению и реализации криптовалюты как валютные операции. Хотя такие определения как «денежный суррогат», «криптовалюта» или «виртуальная валюта» в российском законодательстве отсутствуют. Тем не менее, точка, когда процесс легализации криптовалюты в России начал

хоть какое-то движение, остается на моменте опубликования ФНС вышеуказанного письма – 3 октября 2016 г.

Криптовалюта с позиции права.

Прежде всего, нужно сказать, что у нас в России существует статья 75 Конституции, устанавливающая денежной единицей – рубль, эмиссию которого вправе осуществлять только Банк России. Введение и эмиссия других денег в РФ запрещена. А другие деньги, собственно и являются денежными суррогатами. Что же такое денежные суррогаты с правовой точки зрения?

Денежные суррогаты есть знаки, выполняющие все или некоторые функции законной денежной единицы и вводимые организациями или гражданами самовольно. Федеральный закон «О Банке России» запрещает их выпуск. Суть денежного суррогата состоит в том, чтобы одна валюта приобретала большую ценность, чем другая. В таком случае заменитель валюты (в данном случае рубля) очень быстро теряет свою стоимость.

Можно сказать, что биткоин (и иные криптовалюты) подпадают под определение денежного суррогата только отчасти так как они не имеют номинала в рублях. Цена биткоина определена только рынком. Тем не менее, многие экономисты считают биткоин денежным суррогатом. А ответственность за производство и использование денежных суррогатов законодательством РФ не предусмотрена. Уголовный кодекс лишь преследует за изготовление, хранение, перевозку и сбыт поддельных денег. А изготовление собственной валюты в этот перечень не входит.

Таким образом, можно сделать логический и вполне обоснованный вывод – да, биткоин как самостоятельная валютная единица не имеет статуса, нарушающего действующее законодательство РФ, и соответственно вполне легальный. Так, у нас в России в рамки правового поля подпадают очень многие категории, прикрываясь лозунгом «все, что не запрещено – законно».

Правовые нововведения в области ответственности. Как такового нововведения еще не было, но депутатам в марте 2017 г. на рассмотрение был представлен законопроект о введении поправок в Кодекс РФ об административных правонарушениях за создание и использование виртуальной валюты. То есть поправки коснутся не только использования валюты, т.е. операций с ней, но и создание этой валюты тоже будет рассматриваться в разрезе административной ответственности.

В целом, можно сказать, что вопрос о легитимности создания и использования биткоина в России на уровне государственной власти не совсем идет в отрицательную сторону.

Криптовалюта определяется как программный код, являющийся объектом права собственности и который может выступать средством мены. В Японии и Германии криптовалюта признается платежным средством. В Болгарии криптовалюта признается как финансовый актив. В Австралии и Канаде криптовалюта предварительно признана в качестве нематериального актива, имущественного

права. В Хорватии статус криптовалют определен как виртуальная валюта. В некоторых штатах США криптовалюту признали имуществом. Однако ни в одной стране мира (за исключением Японии) законодательный акт по криптовалютам не принят.

Примечательно, что японская иена находится на первом месте среди мировых валют, с помощью которых проводят операции с биткойном. По данным портала CryptoCompare, на нее приходится 60% объема торгов. На втором месте – американский доллар (20%), на третьем – южнокорейская вона (8,5%). Рубль занимает 13-ю строчку с показателем в 0,2%.

Особенностью криптовалют на современном этапе является высокая волатильность (изменчивость) обменного курса в сравнении с курсами обмена традиционных валют, эмитированных государством. Так волатильность биткойна в отдельные периоды достигала 25% в день и до 300% в месяц. Обменный курс на криптовалюту складывается на основе спроса и предложения и подвержен значительному влиянию новостям по ограничению или наоборот расширению применения криптовалют в той или иной стране. Механизм сглаживания и снижения колебания курса пока не придумали.

Прежде всего следует отметить, что финансовые технологии изначально формировались как вызов, противовес, альтернатива классической банковской системе. Они были призваны дать потребителю то, что банковская система предоставить не могла (полную конфиденциальность), или за что брала большую плату, сопряженную с бюрократией (открытие банковских счетов и перевод по ним денежных средств). Отсюда проистекает ряд рисков, которые предстоит решить государству, решившему создать регулятивный механизм финтех, учитывающий, как публичные, так и частные интересы.

Следовательно, актуальной является вопрос о применении и использовании национальной платёжной системы по аналогии с национальной платёжной системой «МИР»).

Их предоставляют процессинговые компании как BitPay, которые могут подтвердить проведённую транзакцию выпиской и страницей подтверждения заказов. [8]

Блокчейн может применяться для обмена и хранения информацией (выборы, реестры акционеров, идентификация вкладчиков, нотариат и так далее), а также для обмена ценностями – криптовалютой типа биткойна или даже цифровым аналогом национальной валюты. Все участники взаимодействия в рамках этой технологии имеют доступ к полной истории транзакций (реестру), а могут и обладать полноценной копией реестра, причем синхронизация копий происходит за счет так называемого протокола распределенного консенсуса, а не за счет какого-то центрального контрагента. Это делает операции или информацию неуязвимой и полностью прозрачной. [9]

В юридической литературе справедливо отмечают, что «финансовые технологии становятся серьезной альтернативой традиционному банку как субъекту рынка банковских услуг. Таким образом, подведем выводы:

1) Криптовалюта сама по себе не является чём-то, что может контролировать государство. В виду ее особенности, так как государство не может обеспечить полный контроль от неё, это следует из технических способностей получения криптовалюты.

2) В Китае, отдельные граждане кооперируются в гильдии манеров для того чтобы оптимизировать процесс в выработке криптовалюты. Также в многих других странах присутствуют так называемые манерские фермы, что является объединением и одиночным производством криптовалюты на основе увеличения мощности и техники с помощью которой производятся биткоины. Это частные лица, временами они не могли отбить затраты электроэнергии из-за не стабильного курса биткоина.

Китайская криптовалютная биржа OKCoin запустила новую версию своего Android-приложения, которая предлагает пользователям полный набор функций для трейдинга. Компания описывает приложение как «первое полнофункциональное мобильное приложение для обмена Bitcoin» с возможностями полноценной web-биржи.

Руководство сингапурской Bitcoin-биржи itBit объявило о переносе своей штаб-квартиры в Нью-Йорк. Объявление несколько удивляет, так как Сингапур часто рассматривается наравне со Швейцарией как мировой финансово-банковский центр и более благоприятное место для ведения Bitcoin-бизнеса, чем США.

3) Прежде всего, необходимо «определиться с терминологией». Несмотря на кажущуюся «прозрачность» вопроса, четкого однозначно общепринятого значения понятий «интернет-банкинг» и «мобильный банкинг» не существует. В массовом сознании утвердилось представление, что «Интернет-банкинг» – это система управления финансами, построенная с использованием WEB-технологий (фактически, это WEB-сайт), а «мобильный банкинг» – это некое приложение, позволяющее, в общем случае, делать то же самое, но это именно приложение, функционирующее на мобильном устройстве (смартфон, планшет, смарт-часы, смарт-телевизор, etc.).

4) Следует особо отметить, что до настоящего времени не существует общепринятой методологии и единого алгоритма создания «дорожных карт». «Дорожная карта» представляет важный инструмент стратегического управления. Главной особенностью «дорожных» карт является то, что они должны предусматривать вариативность путей развития в зависимости от природы рисков, неизбежно возникающих при дальнейшем развитии объектов картирования.

Блокчейн – это технология, лежащая в основе криптовалюты Bitcoin, – стремительно набирает популярность в последние годы, в результате чего ей постоянно находят новое применение. Одним из таких примеров является Initial Coin Offering (ICO).

В настоящее время «финансовые технологии становятся серьезной альтернативой традиционному банку как субъекту рынка банковских услуг. В то же время развитие новых финансовых технологий вызывает много правовых проблем, связанных с неготовностью к кардинальным переменам, отсутствием правового обеспечения новых технологических процессов банковской сферы» [10]. Одна из главных задач правового регулирования финансовых технологий будет заключаться в создании эффективного механизма превенции потенциальных рисков, связанных с функционированием финансовых технологий и достижения максимальных эффектов для государства и пользователей финтехом, связанных с их применением.

Таким образом, подводя итог, можно сказать о том, что биткойн как валютная единица прямо не запрещен законом; подпадает под определение денежного суррогата только косвенно; ответственность за создание и использование пока не предусмотрена.

Литература

1. ФЗ «О национальной платежной системе» от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ// Собрание законодательства РФ, 04.07.2011, N 27, ст. 3872.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 01.12.2016 г.// Парламентская газета, N 45, 02-08.12.2016
3. Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн»// Вестник Банка России, N 11, 05.02.2014.
4. Информационное сообщение Росфинмониторинга «Об использовании криптовалют»// <http://fedsfm.ru/> по состоянию на 06.02.2014.
5. <http://www.rbc.ru/finances/11/04/2017/58ec87c99a794771b7b38799>
6. <http://www.rbc.ru/finances/11/04/2017/58ec87c99a794771b7b38799>
7. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=QUEST;n=162766#0>
8. <https://coinspot.io/beginners/kak-xranit-bitkojny/>
9. <https://rg.ru/2016/10/13/cb-finansovye-tehnologii-sdelaiut-nenuzhnymi-bankovskie-otdeleniia.html>
10. Ручкина Г.Ф. Банковская деятельность: переход на новую модель осуществления, или «Финтех» как новая реальность // Банковское право. 2017. № 4. С. 55–62.

**SELECTED ASPECTS OF THE APPLICATION OF THE LATEST
FINANCIAL TECHNOLOGIES IN THE RUSSIAN MARKET**

Popova O. V.

Candidate of Law Sciences., associate professor, associate professor Departmenta of
Legal regulation of economic activity of Financial University under the Government
of the Russian Federation

Abstract: *the article presents some issues of application of new financial technologies on the Russian market. Currently, in the Russian market, bitcoin as a monetary unit is not directly prohibited by law; falls under the definition of a monetary surrogate only indirectly; the responsibility for creation and use is not yet provided.*

Key words: *financial technologies, bitcoin, electronic money, crypto-currency, national payment system «MIR», financial technologies.*

УДК 330.342

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА АРМЕНИИ

Саргсян Г. Л.

*доктор экономических наук, профессор, декан факультета Экономики и
Управления, Ереванский Государственный Университет*

Кочинян Н.С.

*кандидат экономических наук, доцент кафедры математического моделирова-
ния экономики, Ереванский Государственный Университет*

***Аннотация.** Экономическая революция в первом приближении воспринимается как создание необходимых условий для долгосрочного и устойчивого развития экономики с наибольшими темпами роста ВВП. Технологическая и структурная глубокая реформация сама по себе может стать основой всеохватывающей экономической революции. Рассматривается круг проблем, предопределяющих повестку вопросов оптимальной трансформации рыночного хозяйства РА.*

Предлагается коренным образом изменить экономическую политику для развития социально-экономической системы посредством эффективного развития и сбалансированного взаимодействия рынков товаров и услуг, труда и капитала. Особо акцентируются проблемы, которые не в полной мере решены из-за неудовлетворительных институциональных реформ.

В работе посредством эмпирического исследования выявляются взаимосвязи конституционализма (с определением уровня дефицита), институционального развития, поведенческих предпосылок и восприятие человеком институтов с одной стороны и экономического развития с другой стороны.

***Ключевые слова:** государство, экономическая революция, конституционализм, благосостояние стран, восприятие институтов, суверенный инвестиционный фонд, рынок труда, рынок капитала, ответственность, поведение, цифровая экономика, контрактная экономика.*

Введение.

Видение перспектив и потенциальных возможностей социально-экономического подъема Республики Армения позиционируется на институциональном обновлении хозяйственной жизни. Существенным содержимым такого обновления является осуществление экономической революции.

Курс на трансформацию экономической политики на институциональные рельсы экономической революции взят после апрельских политических событий 2018 года и смены политической власти РА.

К концу 2019 года по инициативе факультета экономики и управления ЕГУ совместно с бизнес-сообществом – Союзом промышленников и предпринимате-

лей при участии Правительства РА была проведена Научно-практическая конференция на тему «Экономическая революция: восприятие и задействование», на которой были заслушаны доклады по всему спектру проблем предмета обсуждения.

На вопросы, чем обусловлена экономическая революция, каковы предпосылки и условия, необходимость и формы ее проявления в группе стран или отдельной стране, однозначного ответа нет. Более того, некоторыми специалистами вовсе игнорируется применение термина «экономическая революция», заменяя или отождествляя его с понятием «реформы».

Можно смело утверждать, что на нынешнем этапе человеческого развития экономическая революция имеет всеобщую мировую симптоматику (по части передовых стран). Отдельные страны в такой трансформации принимают участие разными форматами и глубиной.

Многие, даже в некоторых профессиональных кругах, иногда представляют суть экономической революции в упрощенном виде, в виде действий в режиме быстрого питания (Fast food), забывая, что экономика – прежде всего инерционная система, которой в силу различных обстоятельств можно придать ход скачкообразного, прорывного развития, называя это экономическим чудом. Революционная сущность этого процесса сводится к тому, что

- в управлении и регулировании подобной экономической системы «включены» пакеты законов, требующих революционных, глубинных коренных решений,
- действуют институты, претворяющие в жизнь эти реформы,
- совершенствуются поведенческие нормы людей и нормы их системы ценностей.

К примеру, на макроуровне это означает, что необходимо придать преодолению дефицита уровня конституционности превалирующее значение для роста экономики. Или, в сфере налоговых реформ, проводимая экономическая политика и инструментарий должны быть направлены на выявление реальных доходов, хозяйствующих субъектов и определение оптимальной шкалы налогообложения.

С этой точки зрения все провозглашенные после политической революции пессимистические оценки реалий экономической революции тщетны и просто являются результатом проявления недоброжелательности, поскольку созданы важные предпосылки для превращения экономической революции в реальность. С этой точки зрения важное значение имело формирование легитимной законодательной и исполнительной властей РА путем честных выборов. Что касается судебной системы, полагаем, что она также коренным образом будет преобразована в рамках конституционных реформ.

Экономическая революция, являясь глобальным процессом, в который вовлечено множество стран с развитой экономикой или стремящейся к ней, в каждой конкретной стране прошла свой уникальный путь.

Истоки и представления о понятийном аппарате экономической революции возвращают нас к эпохе неолита (XI-VI вв. до нашей эры), когда произошла революция в земледелии и скотоводстве, говоря современной терминологией, – сельскохозяйственная революция. По нашему мнению, и промышленная революция в Англии (XIX век), и современная четвертая промышленная революция, и все другие революции по своей природе являются экономическими революциями, которые не обязательно должны были изменить, например, основные экономические отношения собственности. Технологическая и глубокая структурная реформация, сама по себе, может стать основой глобальной экономической революции.

Акцентируя структурную реформацию, имеем в виду как оптимальную отраслевую структуру производства (высокопроизводительную, наукоемкую и т.д.), так и сотрудничество частного сектора с государственным, цифровую трансформацию экономики, которая приведет к радикальному снижению транзакционных издержек.

Повестка экономической революции: основополагающие фрагменты и «узкие места».

Научно-практические направления по осуществлению экономической революции в Республике Армения целесообразно ориентировать согласно алгоритму, состоящего из следующих шагов:

1 Разработка прогнозной и программной экономико-математической модели на определенный период времени (15–20 лет), в котором выделяется среднесрочный период в 3–5 лет. Модель должна включать в себя различные сценарии развития, включая оценку возможных рисков. Сценарии должны предусмотреть также продолжающуюся частичную блокаду. Модель будет включать в себя и сбалансированную систему макроэкономических показателей с соответствующей макрохарактеристикой реальной, финансовой, социальной и внешней сторон экономики. В модели также будут закреплены задачи относительно механизмов основных экономико-правовых регулирований. Обеспечение полноценной деятельности рыночных сил невозможно реализовать без учета той законодательной и конституционной среды, в которой осуществляется жизнедеятельность общества. Из всего этого следует, что сферой и предметом конституционно-правового регулирования может быть экономика в целом и экономические отношения, изучения которых и выдвижение их эффективных решений может быть осуществлено на основе оценки уровня мониторинга конституционализма и управления им.

2 Выбор революционного сценария развития, который признается как целевой сценарий (базовый план). Последний отличается от других возможных сценариев, таких как инерционный, ускоренный, переломный, скачкообразный, четко устанавливая критерии и стандарты революционности. Не обязательно придерживаться смысла выражения «по одежке протягивай ножки», что и является одной из методологических особенностей формирования повестки дня.

Для революционно-целевого сценария развития, согласно логике «важны конечные результаты», рассчитываются и оцениваются основные социально-экономические показатели Республики Армения (всего около 20 показателей).

Важнейшим вопросом повестки дня является также разработка и претворение в жизнь революционно-целевого сценария развития, включающий эффективное взаимодействие государства и рынка. Придерживаясь ценностей реального либерального экономического порядка, которые базируются на формировании приближающейся к совершенной конкуренции, в то же время не стоит недооценивать «уместное» государственное вмешательство к принятию решений на всех уровнях и во всех сферах функционирования экономики.

Особое значение придается освещению проблем развития и регулирования на следующих двух рынках: на рынке труда (вопросы, связанные с будущим рабочих мест) и на рынке капитала (вопросы, связанные с инвестиционными потоками и технологическими инновациями как стимуляторами роста), которые являются своеобразными «узкими местами» экономики РА.

Как констатирует Евразийский экономический союз, «ЕАЭС стремится к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов – к так называемым четырем свободам. Формирование общего финансового рынка ожидается в 2025 году, остальные три рынка уже запущены» [1]. Такая перспектива имеет важное значение для РА, так как показатели внешней и взаимной торговли свидетельствуют, что нашими основными внешнеторговыми партнерами (около 30% внешнеторгового оборота) остаются страны ЕАЭС.

Рынок труда.

Изменения на рынке труда обусловлены совокупностью социально-экономических, демографических, экологических и технологических факторов. Представления о ситуации и тенденциях структурных перемен позволяют судить о причинах изменения спроса, о повестке стратегических изменений и об обусловленном этими влияниями стимулировании экономического роста [2]. Упомянутое исследование всесторонне и подробно освещает поставленные вопросы. В данной работе, предвидя опасность возрастания рисков безработицы, обусловленной современными технологиями и упоминается опыт, согласно которому смягчение этих рисков может быть осуществлено за счет финансирования универсального базового дохода. В то же время подчеркивается, что необходимо искать радикальные решения реформ в крупномасштабных инвестициях в человеческий капитал.

Вызовы, направленные на экономический рост, которые, по сути, формируют порядок стратегических изменений на рынке труда, являются вызовами, направленными на повышение уровня занятости и производительности труда.

Показатель уровня безработицы в Армении в 2017 году был самым высоким среди стран СНГ и Балтии и составил 17,8%, в то время как средний пока-

затель безработицы составлял 7,3%. В таких условиях массовое сокращение рабочих мест является серьезным вызовом для создания новых рабочих мест. В этом плане определенные результаты были достигнуты уже в 2019-м году.

Весьма уместна обеспокоенность авторов доклада в связи с подобной угрозой, а именно с массовым сокращением рабочих мест, обусловленным необходимостью повышения производительности, и решение этой проблемы они справедливо видят в формировании конкурентоспособной рабочей силы. Индустрия высоких технологий (информатика, искусственный интеллект, цифровизация экономики и другие инструменты) в результате взаимозаменяемости и взаимодополняемости в отношениях «человек-машина» потребует крупномасштабных инвестиций в человеческий капитал, способствуя формированию конкурентоспособной рабочей силы, адаптации людей к требованиям, связанным с рабочими местами. Так, инструмент «цифровизации экономики» и создания новой технологической среды значительно повышает конкурентоспособность компаний, способствует оптимизации затрат, повышает прибыльность активов и наилучшим образом оценивает потребительский спрос.

По данным 2017 года уровень вовлеченности лиц с высшим образованием в Республике Армения ниже, чем в странах-участниках ЕАЭС и в странах с развитой экономикой. Официальная статистика свидетельствует о том, что в 2017 году около 560000 человек пополнили неиспользованный трудовой потенциал (55% занятых) и не стали участниками создания прибавочной стоимости в РА. До 250 000 человек, входящих в так называемый неиспользованный потенциал, уехали за пределы страны в поисках работы, остальные пополнили состав безработных и потерявших надежду людей. Следует отметить, что сокращение занятости на рынке труда создает дополнительное препятствие для инклюзивного экономического роста.

Рынок капитала.

В финансовой системе экономики республики рынок капитала недостаточно развит. Это особенно ощутимо при сравнении с банковским сектором. Шаги, направленные на развитие этой системы, фактически остались малорезультатными. Однако существуют отдельные исключения. Так, Фондовая биржа Армении ежемесячно на своем сайте публикует данные об объеме сделок, совершаемых на регулируемом рынке и за его пределами, доступна онлайн платформа для покупки и выкупа государственных казначейских облигаций и т. д. Но полноценное биржевое пространство требует «наполнения», необходимые для эффективного функционирования биржевой торговли ценными бумагами и финансовые инструменты.

Проблемы, возникающие на рынке капитала обусловлены прежде всего недостаточной акционеризацией капитала при приватизации государственного имущества. В дальнейшем не были выявлены и преодолены «узкие места» в этой сфере. Такая ситуация сохраняется вот уже четверть века, что чревато опасными

последствиями, и в случае, если не будут предприняты действенные меры урегулирования, может перерасти в фактор, блокирующий успешный ход экономической революции.

Тем самым, можно констатировать, что нарушено эффективное функционирование рынка ценных бумаг, что является основополагающей частью рынка капитала. Утверждение полностью применимо в части вторичного рынка ценных бумаг. Вторичный рынок практически не функционирует.

В регулируемом рынке две трети допущенных к торговле ценных бумаг составляют корпоративные облигации, 26% – государственные облигации, а 8% – акции. Очевидно, что такая структура не может способствовать экономической активности. Согласно одной из приемлемых для нас точек зрения, функционирование эффективного рынка капитала должно осуществляться посредством установления «экономической демократии», которая будет источником действенного питания для многоплатформных инвестиционных фондов, в частности для суверенного фонда Армении. Восполнение состава бенефициаров последнего может осуществляться также путем предоставления сотрудникам компаний широких возможностей акционирования (подходы к формированию и функционированию инвестиционных фондов разработаны фондом «Центр корпоративного управления», председатель совета попечителей – Т.С. Карапетян).

Считаем, что до рассмотрения проблем механизмов политики регулирования на рынке капитала, приоритетными являются определение и внедрение показателей эффективности рынка с закреплением ответственных за их исполнение звеньев.

Состав ключевых показателей достижения успеха на рынке капитала (KPI- Key Performance Indicator) может быть охарактеризован прибыльностью акций и облигаций и относительными характеристиками их оборота. Состав показателей по первой аппроксимации можно представить следующим образом:

- капитализация/ВВП;
- оборот акций/капитализация;
- оборот облигаций/объем выпуска;
- иные финансовые инструменты.

Уточнение и дополнение вышеприведенного состава показателей обусловлено злободневностью проблем, остро нуждающихся в урегулировании на конкретный период времени.

Особую значимость имело и по сей день имеет внедрение института защиты собственности и инвестиций. Проведенные нами исследования показали, что в разрезе стран бывшего СССР и стран Центральной и Восточной Европы из состава показателей, выбранных с целью оценки их уровня конституционализма, индекс «права собственности» имел наибольшее отрицательное отклонение от среднего показателя стран (кластера) с наиболее высокой степенью конституци-

онализма [3]. Кстати, наряду с правом собственности это отклонение было генерировано и дополнено такими показателями, как «верховенство права» и «избирательные процессы».

Следующая группа проблем рынка капитала касается четкого разграничения политики регулирования и проводимой правительством политики. Вопрос защиты инвесторов еще не получил удовлетворительных решений ни посредством совершенствования законодательства, ни посредством применения иных действенных мер воздействия. Улучшение законодательства и процессы урегулирования будут способствовать уверенному росту инвестиций и улучшению показателей Doing Business.

Участие Правительства на рынке капитала как эмитента должно быть направлено на повышение уровня реализуемости, хеджирование рисков процентных ставок, разработку и внедрение механизмов, а также стимулирование входа качественно новых участников на рынок капитала.

Законодательные, институциональные и поведенческие слагаемые реализации революционно-целевого сценария развития.

Законодательная институционализация. Как нами было отмечено еще в 2018 году [4], круг стоящих на повестке дня задач властей РА в ближайшем будущем вырисовывается следующим образом:

- после внеочередных парламентских выборов власти приступают к проведению необходимых конституционных реформ;
- обобщаются и систематизируются действия, направленные на скачкообразное, долгосрочное и стабильное экономическое развитие в стране.

Следует заметить, что соблюдение данной методологии является основополагающим предусловием для реализации революционно-целевого сценария развития. Идеологическая основа толкования содержания экономической революции раскрыта в нашей статье «Основная задача властей – повышение уровня конституционализма». [4]

При рассмотрении степени состоятельности государства, и уровня конституционализма как равноценных реалий необходимо осуществление мониторинга и оценки того, каким образом созданные человеком ограничения, закрепленные Конституцией и основными законами принципы, правила и нормы реализуются в жизни.

Общеизвестно, что дефицит конституционализма, вызванный ненадлежащей реализацией норм, приводит к утрате людьми доверия и оптимизма, а также к безразличию и отчаянию. Мы уже стали свидетелями того, как яркое проявление дефицита привело к общественному восстанию – политической революции в РА.

Осознавая всю важность проблемы, мы отметили, что на так называемом «радарном экране» Правительства должны быть характеристики конституционализма. К примеру, статья 200 конституции РА в числе основных задач Центрального банка РА закрепляет норму обеспечения финансовой устойчивости и

стабилизации уровня цен. Проблема конституционализма нами широко освещалась в многочисленных публикациях средств массовой информации и докладывалась на форумах.

Диагностирование уровня конституционализма по разработанной авторской группой методике [5], было опробировано в разрезе 29-и стран бывшего СССР и Центральной и Восточной Европы с переходной экономикой и осуществлена кластеризация этих стран. В контексте упомянутой кластеризации наибольшую значимость получили факторы демократического и институционального развития, за ними следовали факторы развития человеческого капитала и политической стабильности. Характеристики демократического и институционального развития, которые были «отфильтрованы» из более широкого состава показателей, это: гражданское общество, политический плюрализм, свобода слова, избирательные процессы, свобода религии, индивидуальная автономия, независимые средства массовой информации, эффективность деятельности правительства, право собственности, индекс восприятия коррупции, верховенство права и качество регулирования.

Практически аналогичные результаты были получены нами и в другом исследовании [6], где использована другая группа объясняющих переменных. Это говорит о достоверности результатов, полученных при изменении группы объясняющих переменных. Результаты представлены на рисунке 1.

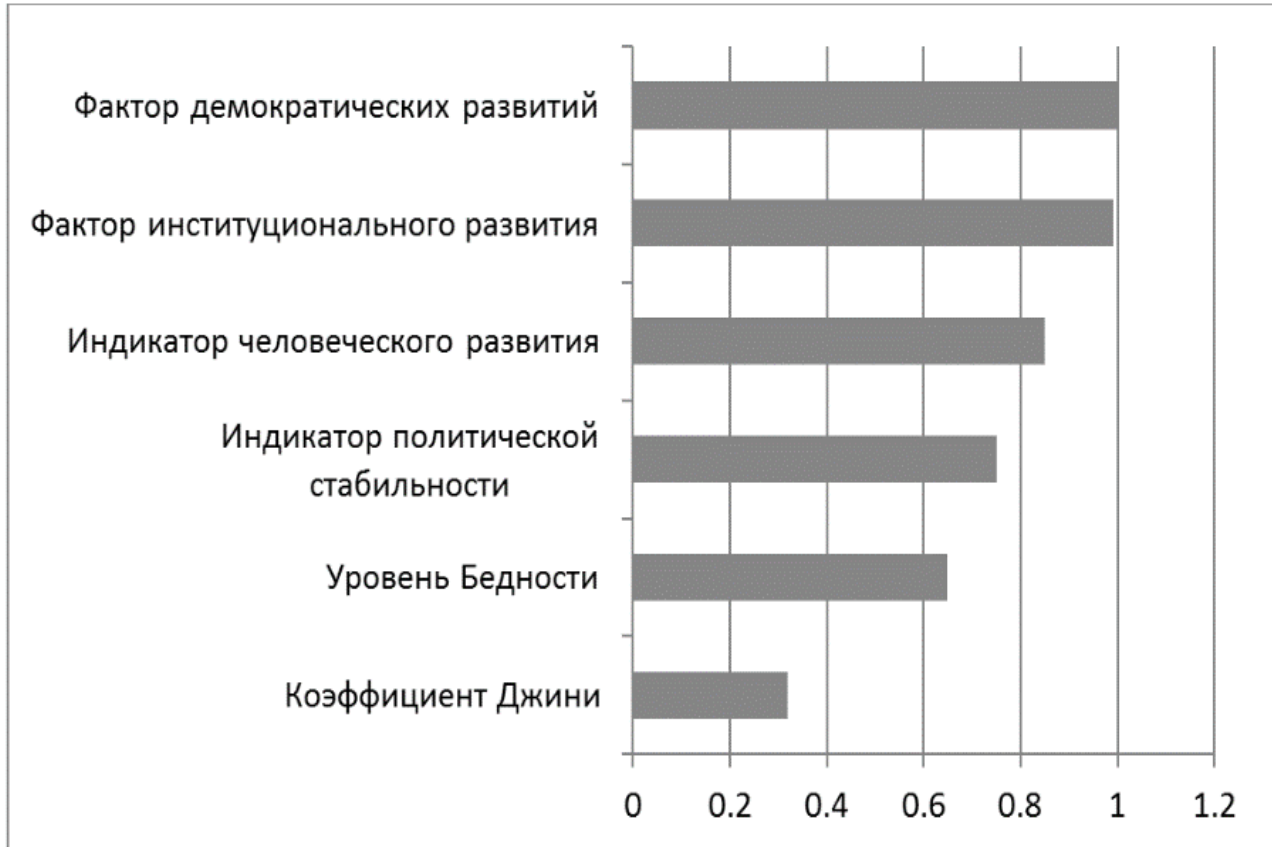

Рисунок 1 – Рейтинговая оценка факторов

В контексте упомянутой кластеризации наибольшую важность получили факторы демократических и институциональных развитий, затем индикатор развития человеческого капитала и индикатор политической стабильности.

Целеполагание улучшения социально-экономических показателей ограничено недостаточным развитием институтов и демократических процессов. Этот вывод – один из наиболее важных результатов данного исследования с точки зрения рекомендаций по проведению политики, направленной на улучшение уровня конституционализма в стране. В качестве гипотезы можно предположить, что дальнейший рост экономики в переходных странах, который уже не может быть «восстанавливающимся», должен быть во многом предопределен улучшением вышеуказанных признаков (индикаторов уровня демократизации и институциональных индикаторов).

Процессы конституционализации в странах требуют совместного (сетевого) решения взаимосвязанных разнохарактерных задач. Их необходимо рассматривать в наборе определенных показателей (индикаторов) с учетом закономерностей всемирного развития. Без надлежащего научного обслуживания и обоснования нельзя надеяться на серьезные результаты. В конце концов, в цепочке причинно-следственных связей должны быть выявлены препятствия и стимулы прогресса, их позиционирования и должны быть разработаны действенные механизмы экономико-правовых регулирований.

В результате проведенного нами эмпирического анализа было показано также, что важное значение могут иметь поведенческие предпосылки людей, восприятие институтов, конституционные традиции и конституционная стабильность. [7]

Нами была поставлена задача выяснения взаимосвязи между благополучием стран и институциональным развитием путем тестирования гипотезы о том, что влияние институтов на благополучие стран не может быть рассмотрено вне зависимости от поведенческих предпочтений человека и восприятия самих институтов со стороны большинства населения стран. Основная протестированная гипотеза заключалась в том, что все эти взаимоотношения определяются на фоне традиций конституционализма. Таким образом, можем констатировать, что социальный и экономический прогресс можно гарантировать лишь наряду с максимальным сокращением дефицита конституционализма. В тоже время не будем впадать в иллюзии, что улучшение показателей верховенства права и стабильного развития, механизма сдержек и противовесов произойдет очень быстро и наш менталитет изменится. Только последовательные и бесповоротные реформы будут содействовать достижению справедливости и полному искоренению коррупции.

Поведенческие трансформации. Помимо действий, направленных на институционализацию конституционных и законодательных решений, важнейшим гарантом реализации целевого сценария экономической революции становится удовлетворение ряда условий:

– должно быть констатировано, что изменения, которые были осуществлены в РА в 2018 году, не привели к изменениям (и не стоило ожидать быстрых изменений) в вопросе принятия желаемых решений. Традиции и стереотипы не сдают свои позиции. Экономические элиты, приспосабливаясь к новой политической системе, стремятся приспособить эту же систему к своим целям. Поэтому вектор решений должен быть перемещен исключительно в правовое русло;

– должно быть констатировано, что удачный исход реформ зависит от, по возможности, одновременного и параллельного осуществления политических и экономических изменений, а также изменений системы ценностей. Важным предусловием становится также оптимизация принципа сопоставления институциональных ограничений и механизма принуждения, правильное сопоставление повседневной работы Правительства и Парламента по осуществлению долговременных реформ. С целью смягчения возможных противоречий в принимаемых решениях, во многих странах создаются экспертные группы, наделенные консультативными функциями и функциями проведения мониторинга.

Литература.

1. Евразийский экономический союз. Цифры и факты. 2019 // <http://www.eurasiancommission.org/>
2. Доклад о Национальной конкурентоспособности Армении 2019г. Будущее рабочих мест в Армении. // www.evconsulting.com
3. Саргсян Г. Некоторые подходы к разборке инструментария и методов реализации конституциональной диагностики /на армянском/. Альманах // Изд. «Нжар», Ереван, 2016. С. 78–93.
4. Что делать? Актуальные вопросы и стратегические направления экономического развития Армении. Научная конференция. /на армянском/. Изд. «Антарес», Ереван, 2018. С. 9–16.
5. G. Harutyunyan, H.Sargsyan, R.Gevorgyan, Assessment of the Level of Constitutionalism in Transition Economies, Journal of Advanced Research in Law and Economics, Volume VIII, Issue 4 (26), 2017. pp. 1126–1135.
6. Арутюнян Г., Саргсян Г., Геворгян Р. Конституционализм: проблемы диагностики, мониторинга и управления. Изд. «Зангак», Ереван, 2017.
7. Саргсян Г., Геворгян Р. Конституционные традиции, институты, поведенческие предпосылки и благополучие стран. Вестник МГУ, серия 6, № 1 (2019). Экономика. С. 30–49.

ECONOMIC REVOLUTION IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION PROCESSES OF ARMENIAN MARKET ECONOMY

Sargsyan G.L.

Doctor of economics, Professor, Dean Faculty of Economics and Management,
Yerevan State University, Armenia

Kochinyan N.S.

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor of the Department of Mathematical Modeling of Economics of Yerevan State University, Armenia

Abstract: *Economic revolution is as a first approximation perceived as creation of necessary conditions for long-term and sustainable development of economy with the greatest growth rates of GDP. Technological and structural deep reformation in itself can become a basis of comprehensive economic revolution. The circle of the problems predetermining the agenda of issues of optimum transformation of market economy of RA is considered. It is offered to change radically economic policy for development of a social and economic system by means of effective development and the balanced interaction of commodity markets and services, work and the capital. Problems which are not fully solved because of unsatisfactory institutional reforms are especially accented.*

In work by means of an empirical research interrelations of constitutionalism (with determination of shortage level), institutional development, behavioural prerequisites and perception by the person of institutes on the one hand and economic development on the other hand come to light.

Key words: *state, economic revolution, constitutionalism, welfare of the countries, perception of institutes, sovereign investment fund, labor market, capital market, responsibility, behavior, digital economy, contract economy.*

УДК 332.01

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ

Озган Е.К.

*кандидат экономических наук, декан экономического факультета
Абхазского государственного университета, г. Сухуми*

Аннотация: в статье исследуются особенности рыночной трансформации, основные направления институциональных преобразований, процессы становления и развития институтов рыночной экономики в Республике Абхазия и роль государства в их становлении.

Ключевые слова: трансформация экономической системы, институты рыночной экономики, экономические реформы, институциональные преобразования, формы собственности, приватизация, инфраструктура.

Как показывает экономическая история, вопрос о национальной экономике становится особенно острым в условиях становления национального хозяйства или коренных преобразований в стране.

Для Республики Абхазия актуальны все проблемы переходного периода. Сложность процессов рыночной трансформации экономики Абхазии связана не только с особенностями функционирования постсоциалистической экономики, но и с тем что формирование экономической системы и восстановление разрушенной экономики республики проходило в тяжелейших условиях послевоенного времени и экономической изоляции.

Закономерности экономического развития, связанные с формированием новой системы, взаимодействует с особенностями Абхазии, среди которых выделим:

– географическое расположение на стыке стратегических геополитических интересов и важных торговых путей.

Уникальность геополитического положения Абхазии, заключается в ее евразийском статусе и прямом соседстве с Россией, с которой Абхазия связана исторически, геополитически и экономически. Российская Федерация первой признала независимость Республики Абхазия и выступает гарантом безопасности, оказывает помощь в социально-экономическом развитии.

– особенности исторического развития – совместное историческое развитие Абхазии и других республик на территории бывшего СССР, в решающей степени предопределившего структуру и формы организации хозяйства, международные связи и т.д., а также развал единого государства, Отечественная война народа Абхазии 1992–1993 гг. и её последствия;

- этнокультурные особенности, характеризующиеся сложившимися культурными, религиозными и другими традициями и ценностями, которые стимулируют или ограничивают преобразования, в том числе противоречия между рыночными преобразованиями и национальными традициями;
- ограниченность территории, многообразие природных ресурсов, благоприятный климат, неравномерность заселения и хозяйственного освоения.

Как известно, успехи трансформации в значительной степени зависят от формирования институтов рынка, основой становления которых является изменение структуры собственности, формирование рынка капитала, совершенствование кредитно-банковской системы, создание условий для развития конкуренции.

Основными направлениями преобразований экономики Абхазии являются формирование рыночной системы и преобразование структуры народного хозяйства.

На первом этапе институциональных преобразований в Абхазии были предприняты следующие меры: либерализация цен торговли; малая приватизация; формирование налоговой и банковской систем; принятие нормативно-правовой базы, регулирующей поведение субъектов рыночной экономики в области прав собственности, бюджетной и налоговой систем, предпринимательской, инвестиционной и банковской деятельности.

В качестве решающей предпосылки трансформации плановой хозяйственной системы в социально ориентированную рыночную экономику выделяются преобразования в отношении собственности. В области преобразования форм собственности Абхазия не отказалась от принципа дуализма. Наряду с сохранением института государственной собственности постепенно стали формироваться новые институты в виде частной и акционерной собственности. Вместе с тем отличительной особенностью Абхазии является сохранение сильных позиций государственных компаний в ряде секторов экономики, прежде всего стратегических.

Ключевая роль государства не только в качестве регулятора переходных процессов, но и как контролирующего субъекта необходима для обеспечения сбалансированности развития экономики республики. По данным Управления государственной статистики Республики Абхазия удельный вес государственной собственности в структуре предприятий и организаций по формам собственности составляет 16,4%. [3, с. 71]

С развитием рыночной системы тесно связано предпринимательство, так как переход на рыночные принципы хозяйствования – это переход к экономике предпринимательского типа. Соответственно, создание условий для развития предпринимательства является важнейшей составляющей трансформационных изменений экономики Абхазии.

Важнейшим условием развития предпринимательства в Абхазии является создание среды предпринимательства, т.е. совокупности условий, влияющих на

формирование целей предпринимательства, а также способов их достижения. Создание условий для осуществления предпринимательской деятельности связано с реализацией прав субъектов экономики на осуществление рыночных операций, на присвоение результатов деятельности, а также с наличием состязательности в хозяйственной деятельности. В этой связи переход к предпринимательской экономике предполагает либерализацию, проведение приватизации, а также создание конкурентной среды.

Первые шаги в этом направлении сделаны. Объектами приватизации стали предприятия торговли и общественного питания, предприятия бытового обслуживания, объекты жилищного фонда и иные строения, частично или полностью разрушенные в результате Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг., объекты незавершенного строительства.

Законодательной основой для проведения так называемой «малой приватизации» в Республике Абхазия служил принятый в 1997 г. закон «О приватизации», устанавливающий правила приобретения гражданами, юридическими лицами, акционерными обществами (товариществами) прав на государственную собственность.

В 2017 г. в силу вступил новый «Закон о приватизации государственной и муниципальной собственности», устанавливающий порядок и способы приватизации государственного и муниципального имущества на территории РА.

С целью развития рыночных отношений, конкурентной среды во всех сферах экономики должен расширяться круг государственных и муниципальных предприятий, передаваемых в частную собственность или срочное возмездное владение и пользование, за исключением аграрных отношений. В Абхазии развиваются различные формы хозяйствования на базе государственной собственности на землю. Ведущая роль здесь принадлежит арендной форме передачи земли производителям.

С целью соблюдения принципа социальной справедливости и обеспечения максимальной прозрачности в проведении приватизации необходимо:

- создать конкурентную среду и равные конкурентные возможности приватизируемых и других предприятий;
- вовлечь в процесс приватизации максимально большое количество населения республики;
- осуществлять мероприятия, связанные с социальной защитой работников приватизируемых предприятий;
- установить конкретный перечень предприятий, подлежащих приватизации или не относящихся к таковым. Стратегически важные объекты должны оставаться в государственной собственности.

Создаваемые в Республике Абхазия хозяйствующие субъекты, преимущественно учреждаются не на основе приватизации государственной собственности, а за счет нового строительства.

Основными организационно-правовыми формами негосударственной предпринимательской деятельности в Республике Абхазия на современном этапе являются: индивидуальное (семейное) частное предприятие, полное товарищество (договорное общество с полной ответственностью), смешанное (коммандитное) товарищество, товарищество (общество) с ограниченной ответственностью, акционерное общество открытого и закрытого типа, совместное предприятие.

Наиболее распространенной организационно-правовой формой негосударственного предпринимательства в Республике Абхазия является общество с ограниченной ответственностью, удельный вес которого по данным Управления государственной статистики РА в 2018 г. составил 95% в структуре организационно-правовых форм юридических лиц, являющихся коммерческими организациями. [3, с. 70]

Распределение предприятий по видам экономической деятельности свидетельствует о существенном увеличении доли сферы услуг. Подобная ситуация обусловлена отсутствием рабочих мест в производственном секторе, его изношенностью и отсутствием масштабных инвестиций в модернизацию производства.

Важнейшим условием развития предпринимательства является доступность кредитных и инвестиционных ресурсов. Но в настоящее время внутренние инвестиционные источники в виде собственных средств предприятий и кредитных ресурсов национальной банковской системы не в состоянии удовлетворять инвестиционный спрос хозяйствующих субъектов.

Основными причинами, препятствующими в настоящее время расширению кредитования реального сектора экономики, являются:

- низкая доходность и кредитоспособность производственного сектора экономики;
- высокие инвестиционные риски реального сектора экономики;
- отсутствие у отечественных банков в достаточном объеме ресурсов долгосрочного характера для авансирования капитальных затрат в расширенное воспроизводство;
- завышенные процентные ставки коммерческих банков и т.д.

В данных условиях особую актуальность приобретает проблема привлечения иностранных инвестиций в национальную экономику.

Процессы структурной трансформации во многих странах сопровождались возрастанием роли иностранного капитала в создании и развитии рыночных институтов. Успех реформирования экономики Абхазии так же в значительной мере зависит от активизации инвестиционного процесса. Общим условием активизации инвестиционного процесса в РА является активная инвестиционная политика государства, направленная на создание благоприятного инвестиционного климата.

Для стимулирования активного предпринимательства в республике необходимо концентрировать усилия на приведении институциональных условий в

соответствие с потребностями бизнеса, основными из которых являются система рыночных институтов, конкурентных рынков, гарантий права собственности, эффективная финансовая и производственная инфраструктура.

Таким образом, в связи с развитием рыночных отношений в Абхазии актуальной проблемой является развитие инфраструктуры, основной функцией которой является формирование внешних условий хозяйствования, как экономических субъектов, так и национальной экономики в целом.

Эффективность рыночной экономики во многом определяется сбалансированностью ее институциональной структуры, одним из важнейших элементов которой является финансовая инфраструктура и система финансового посредничества.

В Абхазии доминантой развития финансового рынка является состояние банковской системы. Банковская система Абхазии, будучи частью общеэкономической системы республики проходит путь становления и развития рыночных отношений. Значительное влияние на ее эволюцию оказало разрушение традиционных экономических связей между экономическими субъектами, послевоенная разруха, кризисное состояние экономики. Макроэкономические факторы в сочетании с политической неустойчивостью, слабое законодательное обеспечение экономической, в том числе банковской деятельности порождали неизбежные противоречия.

Основные принципы организации современной банковской системы Абхазии, к числу которых относятся принципы двухуровневой структуры банковской системы и универсальности банков закреплены в действующем законодательстве.

Институциональная структура национальной банковской системы представлена Национальным Банком РА и коммерческими банками.

Национальный Банк РА (Банк Абхазии) является главным банком РА, осуществляющим денежно-кредитное регулирование, банковский надзор и управление системой расчетов. Однако, его функции значительно ограничены в виду отсутствия эмиссионного центра, так как на территории Республики Абхазия в качестве официального платежного средства используется российский рубль, в связи с чем предложение денег в экономике определяется состоянием платежного баланса. Такой важнейший инструмент монетарной политики как операции на открытом рынке так же не может быть использован из-за неразвитости национального финансового рынка и отсутствия соответствующего правового обеспечения.

Коммерческие банки образуют второй уровень банковской системы. Анализ интегральных финансово-экономических параметров и результатов деятельности кредитных организаций Абхазии, таких как объем и структура собственных средств, уровень доходов, норма прибыли на собственный капитал, достаточность ликвидности и другие, определяющих уровень их финансовой устойчивости, свидетельствует о том, что масштабы и концентрация капитала национальной банковской системы, диверсификация портфеля предоставляемых услуг не

соответствуют потребностям экономического роста республики, хозяйствующих субъектов и населения. Проблемы отечественных банков в значительной мере обусловлены недостатками в управлении активами, недооценкой рисков банковской деятельности и т.д.

Главными факторами, объясняющими слабое развитие банковской системы Абхазии, является преобладание в банковских пассивах ресурсов краткосрочного характера, низкий уровень капитализации банковского сектора и низкая эффективность работающих активов.

По данным Национального банка РА активы национальной банковской системы по состоянию на 01.01.2019 г. составили 11 388,8 млн. руб., а совокупный уставной капитал и собственные средства банков – 981,5 млн.руб., т.е. 8,6% совокупной величины активов. [4, с. 12]

Низкая концентрация банковского капитала приводит к затормаживанию развития всей финансовой системы страны, а острая нехватка долгосрочных кредитных и инвестиционных ресурсов негативно влияет на структуру банковских кредитов.

Проблема капитализации банков – тема, важная не только для банковской системы, но и с точки зрения решения более широкого спектра вопросов монетизации экономики в целом: формирования финансовых ресурсов, ценообразования и качества, их сроков и объемов, адекватных задачам экономического роста республики.

Важный путь повышения капитализации отечественных банков – увеличение инвестиционной привлекательности банковского капитала. Поэтому для ускоренного наращивания отечественными банками собственных капиталов, необходимо создать экономико-правовые условия, стимулирующие банки к рекапитализации прибыли, а инвесторов к вложению своих средств в банковские капиталы. Этого можно добиться, прежде всего, через улучшение показателей рентабельности деятельности банков. Для этого банки, с одной стороны, должны активно вести поиск новых продуктов, путей повышения качества услуг, с другой стороны, оптимизировать бизнес-процессы, совершенствовать внутренние управленческие системы, снижать кредитные риски. Эти направления требуют новых методологий и подходов.

Основными факторами удлинения ресурсной базы отечественных банков, на наш взгляд, должны стать:

– рост вкладов населения. В цивилизованной рыночной экономике сбережения населения являются важным инвестиционным ресурсом. В Абхазии по состоянию на 01.07.2019 г. вклады населения составили 20,2% привлеченных средств, их удельный вес в совокупных пассивах банковского сектора – 12,4% [4, с. 9]. Несмотря на позитивные сдвиги в сторону увеличения вкладов населения, удельный вес организованных сбережений значительно ниже потенциально возможного.

На прирост вкладов населения существенное воздействие окажет разработка и реализация комплекса мер, направленных на повышение устойчивости и укрепление доверия к банковской системе. [5, с. 5]

– легализация денежных потоков и перевод их из наличного оборота в безналичный, то есть через банковскую систему.

По экспертным оценкам, наличный оборот в РА значительно превышает безналичный. Следовательно, основное движение денежных средств осуществляется, минуя банковскую систему. Поэтому легализация денежных потоков и их перевод из наличного оборота в безналичный приведут к существенному расширению ресурсов коммерческих банков. Следовательно, реальная денежная база, участвующая в кредитно-депозитном мультипликаторе, существенно возрастет и позволит посредством мультипликации увеличить денежную массу.

Таким образом, существующие проблемы в банковском секторе диктуют необходимость его активного реформирования. Реформирование банковской системы Абхазии, призванное способствовать укреплению функциональной роли банков в экономике республики, требует широкого поиска и разработки эффективных подходов и конкретных мер по регулированию банковской системы, адекватных среднесрочным задачам развития национальной экономики.

Очевидно, что уровень развития банковской системы объективно накладывает определенные ограничения на применение современных подходов и инструментов. Поэтому повышение качества банковской деятельности требует перехода национальной банковской системы на качественно новый уровень развития.

Решение задач становления рыночных институтов в Абхазии осуществимо не только путем развития рыночных отношений, улучшения отношений собственности, но и на основе изучения и использования международной системы учета и отчетности, стандартов по бухгалтерскому учету и отчетности, системы национального счетоводства.

Однако, в Абхазии много проблем связанных с переходом на СНС, основными из которых являются:

- необходимость существенных затрат для оснащения органа статистического управления специализированным оборудованием и программным обеспечением;
- отсутствие информационной базы необходимой для отражения теневой и неформальной экономики и т.д.;
- отсутствие информационной базы, позволяющей определить выпуск продукции и промежуточного потребления сельского хозяйства;
- слабая система бухгалтерского учета. Трансформация экономики сопровождается общим ослаблением отчетной дисциплины. Появление мелких частных предприятий и развитие неформальной производственной деятельности домашних хозяйств затрудняют сбор данных от них с помощью сплошной отчетности. Многие предприятия особенно негосударственные не предоставляют отчетность или сообщают неточную информацию.

Кроме того, следует учитывать, что переход на СНС предполагает не просто замену одной статистической системы на другую, а серьезную перестройку всей работы по макроэкономическому прогнозированию и регулированию.

Таким образом, в Республике Абхазия формирование рыночной инфраструктуры, финансовых механизмов и инструментов находится в начальной стадии. Становление и развитие основных институтов рыночной экономики происходит в сложных условиях. Абхазия сталкивается с комплексом социально-экономических проблем, среди которых выделим:

- низкий уровень жизни населения при высоком уровне поляризации доходов;
- сложную демографическую ситуацию;
- низкий уровень занятости населения;
- высокую степень износа производственных фондов и стагнацию производства;
- высокую долю теневого сектора экономики;
- разбалансированный торговый и платежный балансы (отрицательное сальдо);
- дефицит капитала в финансовом секторе;
- территориальные диспропорции в социально-экономическом развитии и др.

Для достижения устойчивого экономического роста в республике необходимы серьезные структурные и институциональные преобразования, в том числе:

- развитие системы институциональных правил и норм в экономике.

В настоящее время в Абхазии введены в действие Гражданский, Земельный и Трудовой кодексы, необходимо ввести в действие Налоговый, Бюджетный и др. кодексы.

Обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны во многом зависит от правильного использования регуляторов. В связи с чем важно провести оценку эффективности нормативно-правовой базы, в том числе в экономической сфере с целью дальнейшего совершенствования законодательства и правового обеспечения преобразований;

- развитие системы рыночных институтов.

Как известно рыночная система экономики как основа всех других отношений – продукт длительных преобразований. Ее нельзя свести к формальному наличию собственников, принятию законов, созданию банков и т.д. Одним из основных условий формирования рыночных отношений в Абхазии является наличие действующей системы рыночных институтов.

- создание условий для развития предпринимательства;
- формирование новых принципов отношений бизнеса и государства;
- развитие финансовой инфраструктуры и системы финансового посредничества;
- устранение перекосов в социальной политике и т.д.;

Озган К.Е.

– создание благоприятного инвестиционного климата.

Таким образом, перед Абхазией стоит задача формирования адекватной новому хозяйственному механизму рыночной инфраструктуры, преодоления производственной стагнации, достижения устойчивых темпов экономического роста, увеличения благосостояния населения, преобразования структуры народного хозяйства, требующей целенаправленной деятельности государства по созданию новой структуры экономики, ликвидации отживших отраслей и производств, а также преобразованию основных звеньев экономики.

Выход из кризиса невозможен без кардинального изменения государственного регулирования экономического развития страны, реформирования системы управления, а также эффективной кадровой политики. Необходимо найти баланс государственного регулирования и рыночных методов хозяйствования, который в наибольшей степени отвечает задачам преодоления кризиса и перехода на путь развития.

Литература

1. Конституция Республики Абхазия. – Сухум, 2001.
2. Сборники законодательных актов Республики Абхазия. Выпуск 2, 3, 7, 10, 15, 17, 26, 28, 34. - Сухум, 1994 – 2017 гг.
3. Абхазия в цифрах 2018: Управление государственной статистики Республики Абхазия. Сухум, 2019.
4. Годовой отчет Банка Абхазии за 2018 год. <https://nb-ra.org>
5. Озган Е.К. Некоторые вопросы реформирования банковской системы РА / Е.К. Озган – Сухум: Алашарбага, 2007.
6. Озган К.К. Перспективы развития институтов рыночной экономики в Республике Абхазия// Российское предпринимательство (выпуск 2). Москва, 2008.

ESTABLISHMENT OF MARKET ECONOMY INSTITUTIONS IN THE REPUBLIC OF ABKHAZIA

Ozgan E.K.

PhD in Economics, Dean of the Faculty of Economics Abkhaz State University,
Sukhumi

Abstract: *The article explores the peculiarities of market transfer, the main directions of institutional transformation, the processes of formation and development of market economy institutions in the Republic of Abkhazia and the role of the State in their formation.*

Key words: *transformation of the economic system, market economy institutions, economic reforms, institutional reforms, forms of ownership, privatization, infrastructure.*

УДК 334.0

СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ

Шалашаа З.И.

доктор экономических наук, профессор, академик Академии Наук Абхазии, директор, Государственное научное учреждение «Институт экономики и права Академии наук Абхазии»

***Аннотация:** в современных условиях становления рыночно-смешанной социально-экономической системы в постсоветских странах, в том числе и в Республике Абхазия, актуальной проблемой остается необходимость формирования взаимоотношений государственных органов управления и предпринимательских структур на партнерских началах, и в этом случае можно достичь эффективности в функционировании частного и государственного секторов экономики. Подобная система взаимосвязи будет способствовать модернизации всей национальной экономики и ее инфраструктуры, позволяющей государственным органам власти эффективно выполнять свои базовые функции в обществе, направленных на защиту общенациональных интересов, что в свою очередь, является одной из важнейших стратегических задач в становлении и укреплении государственности.*

***Ключевые слова:** предпринимательские структуры, государственные органы управления, модели переходных экономик, государственное регулирование предпринимательства.*

В последние годы в Абхазии разрабатываются и обсуждаются различные концепции и стратегии развития национальной экономики, практические аспекты взаимоотношений государственных органов управления и предпринимательских структур, предпринимаются определенные меры по их эффективному взаимодействию в целях решения общенациональных задач развития. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, экономические и социальные результаты взаимодействия бизнеса и государства пока еще не оправдывают ожиданий общества, так как не способствуют эффективному развитию бизнеса в реальном секторе экономики, а доходы, получаемые от деятельности предпринимательских структур, не оказывают должного влияния на рост благосостояния народа и решение социальных проблем общества.

На современном этапе государство не только в Абхазии, но и во многих других постсоветских странах, пока еще не создало мотивационных условий для развития бизнеса и бизнес-сообщество не разделяет с государством ответственность за социальное благополучие общества. В этих условиях, можно утверждать, что рыночные механизмы саморегулирования, на которые возлагали надежды политические элиты постсоветских государств, без эффективной системы государственного управления и регулирования не состоят:

- обеспечить базисные условия эффективного функционирования национальной экономики;
- сформировать благоприятный инвестиционный климат;
- достичь эффективной защиты частной собственности;
- обеспечить защиту конкуренции и ограничить монополистическую деятельность на рынке;
- сохранить благоприятную экологическую среду и многое другое, что необходимо для существования и развития общества.

Для реализации данных задач государственным органам управления Абхазии необходимо применять такие методы и инструменты государственного регулирования деятельности предпринимателей, которые будут одновременно их стимулировать на эффективное производство товаров и услуг, как в собственных коммерческих целях, так и на общенациональных интересах. В то же самое время, в этих социально-экономических условиях находясь между властью и бизнесом, граждане Абхазии пока не могут правовыми способами отстаивать свои экономические интересы. Возможности их влияния на деятельность, как предпринимателей, так и на государственные органы управления, ограничены из-за слабого развития или отсутствия гражданского общества с присущими ему консолидирующими институтами.

Важно отметить, что процесс взаимодействия бизнеса, общества и государства в Абхазии ныне проходит только начальную стадию развития в отличие от западных стран и некоторых постсоветских государств, где уже набран определенный опыт в этой сфере жизнедеятельности.

В сфере взаимодействия бизнеса и государства в условиях Абхазии, на наш взгляд, в первую очередь, следует:

- поэтапно восстановить функции государства, обеспечивающие его стратегическую роль в отношениях с бизнесом;
- обеспечить необходимый баланс конкуренции и государственного регулирования в экономике;
- сформировать управленческие, правовые, нормативные, экономические, финансовые и социальные механизмы, гарантирующие стабильность в их взаимоотношениях.

Выделим ряд общих закономерностей, которые, на наш взгляд, объективно присущи трансформационным социально-экономическим системам постсоветских стран, в том числе и Республике Абхазия:

1) наличие определенной нестабильности в период перехода от одной социально-экономической системы к другой, в частности, от планово-распределительной к рыночно-смешанной системе хозяйствования, причем в условиях, когда базовые основы последней еще не сформировались;

2) важным условием выхода из трансформационного застоя и кризиса, имеющего место в этих странах, является создание в течение короткого периода вре-

мени новых эффективных собственников-предпринимателей, а также экономических и институциональных условий воспроизводства адекватных современному уровню развития рыночных отношений;

3) необходимость создания современной рыночной инфраструктуры, включая действенный банковский сектор, фондовый рынок, эффективную торгово-посредническую инфраструктуру, которые позволят осуществлять перелив ресурсов от неэффективных производств к эффективным предприятиям через проведение реорганизационных мероприятий, а также использования процедуры банкротства;

4) экономика в этих странах еще не сложилась как целостная, взаимосвязанная структура, что связано с неразвитостью ее основных воспроизводственных элементов;

5) наличие альтернативных процессов развития, выражающихся в отсутствии заранее predetermined моделей будущей новой социально-экономической системы, что позволяет вносить определенные коррективы в модели развития в соответствии с меняющейся внутренней и внешней обстановкой.

Практика переходного периода в постсоветских странах свидетельствует о том, что на результаты рыночной трансформации влияют не столько выбранная той или иной страной модель трансформации, а сколько исходные экономические условия, включающие:

- структуру национальной экономики;
- ее открытость к мировой экономике;
- развитость малых форм предпринимательства;
- бессистемность экономической политики;
- факторы чрезвычайного характера и т.п.

Часть этих условий способствует успешной рыночной трансформации, а другие ее сдерживают.

Сравнительное исследование моделей переходных экономик постсоциалистических стран показывает, что с точки зрения способа экономического управления и регулирования трансформационные экономики можно разделить на два основных вида:

– для первого вида экономик характерен демонтаж системы централизованного планового распределения ресурсов и формирование вместо нее базовых элементов рыночной системы хозяйствования с определенной степенью государственного воздействия на деятельность рыночных субъектов. Подобные процессы характерны для России и всех постсоветских стран, в т.ч. и Абхазии.

– в экономиках второго вида, характерных для КНР, Белоруссии, формируется двухсекторная модель. В этой модели в одном секторе в течение длительного периода времени сохраняются методы прямого централизованного распределения ресурсов, осуществляемое государственными институтами, а в другом – функционируют рыночные механизмы саморегулирования в сочетании с косвенными методами государственного регулирования.

При сравнении двух этих моделей экономик по способам перехода к рынку у второго вида наблюдается более стабильная и благоприятная макроэкономическая динамика. На наш взгляд, современным специфическим условиям Абхазии более приемлем практическое использование этой модели развития, что и заложено в утвержденной в 2016 году «Стратегии социально-экономического развития Республики Абхазия до 2025 года».

Экономические реформы в Абхазии и формирование предпринимательского сектора осуществляется путем трансформации государственной собственности, в условиях которой возникают предприятия разных форм собственности, с участием как национального, так и иностранного капитала. Производственная деятельность в них осуществляется с использованием ручного, механизированного и инновационно-информационных способов хозяйствования. Подобное обстоятельство дает основание определить национальную экономику республики как многоукладную и разбалансированную, в рамках которой сосуществуют различные способы хозяйствования.

Необходимо учитывать, что трансформация государственной собственности и формирование предпринимательства в Республике Абхазия осуществляется в специфических условиях, связанных со следующими обстоятельствами:

– рыночные преобразования начались в практически разрушенном состоянии национального хозяйства, вызванных, как разрывом прежних экономических связей хозяйствующих субъектов, так и последствиями военных действий 1992–1993 гг.;

– в республике отсутствовали традиции экономического сотрудничества и взаимодействия свободного предпринимательства с системой государственного управления, и к настоящему времени они еще не сложились во взаимовыгодные партнерские отношения;

– рыночная трансформация осуществляется стихийно без наличия продуманной государственной программы реформы собственности и формирования предпринимательской среды;

– кризисные явления наблюдаются в отраслях реального (производственного) сектора национальной экономики, что выражается в массовой безработице, разбалансированности потребительского рынка, низком платежеспособном спросе населения и наличием других негативных явлений, которые все еще не преодолены;

– недостаточность собственных финансовых ресурсов для осуществления рыночных реформ и модернизации производства на современной инновационно-технологической основе и т.п.

Прежде всего, эти объективные причины, наряду с объявленными по политическим мотивам, некоторыми странами СНГ в середине 90-х годов XX века, экономическими санкциями Абхазии, являлись сдерживающими факторами по формированию предпринимательского сектора в Абхазии.

Важно, что в Абхазии государственные власти и общество в целом, придерживаются указаниям Первого Президента страны, В.Г. Ардзинба, который в начале 2000 года в своем Послании Парламенту отмечал: «Одним из главнейших стратегических внешнеполитических приоритетов Республики Абхазия является восстановление экономических и иных отношений с Россией. Наиболее перспективным направлением для реализации этой задачи является развитие отношений с субъектами Российской Федерации, как на уровне органов государственной власти, так и на уровне местных органов власти и различных хозяйствующих субъектов» [2, с. 30]. В этом смысле, международное признание государственности Абхазии Россией в 2008 году, создало благоприятные условия для выхода на внешний российский рынок большого числа хозяйствующих субъектов республики, осуществляющих различные внешнеэкономические операции.

Ныне очевидно, что почти тридцатилетняя практика независимого политического и социально-экономического развития бывших советских республик свидетельствует о том, что изоляционная политика, проводимая их национальными политическими элитами, не привела к стабильному и эффективному развитию национальных экономик этих стран. Тем более, мировые финансово-экономические кризисы 2008–2009 и 2014–2015 годов демонстрирует взаимозависимость национальных экономик разных стран мира и ущербность их изолированного развития.

По мнению авторитетных ученых и экспертов России, «экономический кризис катализирует интеграционные процессы на постсоветском пространстве, для чего требуется наличие системы постоянных и устойчивых межотраслевых связей экономик стран СНГ, что позволяет создать своеобразный межгосударственный комплекс отраслей, ориентированный на обеспечение жизнедеятельности стран, включенных в региональную интеграцию» [4, с. 326]. И, наоборот, практика развития стран с закрытой экономикой свидетельствует об их отсталом, в технико-технологическом отношении, развитии, т.к. они изолированы от новых идей и технологий, от иностранных инвестиций и т.п., а следствием является низкий уровень жизни населения.

Современная внешнеэкономическая стратегия Республики Абхазия направлена, прежде всего, на защиту экономического суверенитета страны, на обеспечение экономической безопасности общества и государства и на стимулирование развития экономики республики путем взаимовыгодного экономического сотрудничества с Российской Федерацией, ее субъектами и другими странами, признавшими независимость государства.

На реализацию данной стратегической задачи направлены заключенные в 2009–2018 гг. межгосударственные, межправительственные и межведомственные соглашения между Абхазией и Россией (всего их более 120), многие, из которых успешно реализуются.

В современной геополитической ситуации, особое значение имеет Договор о союзничестве и стратегическом партнерстве, заключенном между Республикой

Абхазия и Российской Федерацией в 2014 году, в котором заложены базовые предпосылки, обеспечивающие безопасное функционирование республики на перспективный период.

Внешнеэкономическая деятельность Абхазии с Россией ныне осуществляется в следующих основных формах: внешняя торговля; привлечение инвестиций и осуществление совместного предпринимательства; научно-техническое сотрудничество; реализация различных социально-гуманитарных проектов и др.

В последние годы торгово-экономические связи между Абхазией и Россией имеют положительную динамику. Так, за 2018 год товарооборот между странами вырос на 11,8% по сравнению с 2017 годом и составил 17,7 млрд. руб., в том числе:

– экспорт российских товаров в Абхазию составил 13,3 млрд. руб. и увеличился на 4,8%;

– импорт товаров из Абхазии в Россию увеличился на 40,3% и составил около 4,4 млрд. руб.

В целом, доля России во внешнеторговом обороте с Абхазией составляет в среднем около 75,0%.

В структуре импорта из России преобладают: продовольственные товары – 33,7%, минеральные продукты – 33,1%, продукция химической промышленности – 11,6%, машины, оборудование и транспортные средства – 6,8%, металлы и изделия из них – 5,4%.

Структура экспорта из Абхазии в Россию не диверсифицирована и представлена 2-3 базовыми товарными позициями: алкогольная продукция занимает 93% от общего объема экспорта, цитрусовые культуры более 4% и прочая сельскохозяйственная продукция около 3%.

Российская Федерация является важным инвестиционным партнером Абхазии и занимает первое место по объему прямых инвестиций в экономику Абхазии. Причем, ежегодно увеличивается количество российско-абхазских предприятий и на 2017 год зарегистрировано 237 предприятий, со 100% капиталом участия России и около 240 совместных предприятий. Общий объем прямых инвестиций из России в Абхазию в 2016 году составил 3,9 млн. дол. США, а из Абхазии в Россию – 0,15 млн. долл. США [3, с. 9–10].

Необходимо учитывать, что в современных экономических условиях Абхазия не способна на собственной финансовой базе восстановить и развивать, разрушенные в ходе военных действий объекты производственного, социально-культурного и бытового назначения, в результате чего национальная экономика перестала существовать как взаимосвязанная структурированная народнохозяйственная система.

По оценкам правительственной комиссии, только общая сумма материального ущерба, нанесенная экономике Абхазии по состоянию на 1 января 1995 г. составила 11,3 млрд. долл. США, в том числе по отраслям экономики:

– топливно-энергетический комплекс – 2,1 млрд. долл.;

- транспортная инфраструктура – 2,2;
- строительный комплекс – 0,5;
- агропромышленный комплекс – 0,6;
- объекты связи – 0,4;
- памятники архитектуры, НИИ и вузы – 1,4;
- объекты ЖКХ и бытового обслуживания, просвещения, образования, здравоохранения – 0,5;
- объекты промышленности, торговли, курортов и туризма – 1,1. [6, с. 51–53].

В возрождении национальной экономики Абхазии важная роль принадлежит Российской Федерации, которая за 2009-2017 гг. в виде финансовой помощи республике выделила 44,6 млрд. руб., которая была направлена на финансирование социально-экономического развития Абхазии, а в 2015-2019 гг. фактический объем инвестиционного финансирования составил 11,4 млрд. руб. (таблица 1). Данные свидетельствуют, о том, что по мере восстановления производственной и социальной инфраструктуры Абхазии объемы российских инвестиций поэтапно сокращаются.

Таблица 1 – Инвестиционная программа содействия России социально-экономическому развитию Абхазии на 2015-2019 гг., млрд. руб.

Годы	Объем российских инвестиций	Объем ВВП Абхазии	Доля российских инвестиций в ВВП, %
2015	2,6	28,6	9,1
2016	3,3	30,3	10,9
2017	2,6	30,4	8,5
2018	1,2	31,9	3,7
2019	1,7	-	-

В декабре 2019 г. на заседании Межправительственной комиссии Республики Абхазия и Российской Федерации утверждена Инвестиционная программа содействия социально-экономическому развитию Абхазии на 2020-2022 гг. в объеме 4,5 млрд. руб. и, преимущественно в нее вошли инфраструктурные проекты: строительство и реконструкция дорог, объектов энергетики и социальной сферы.

Внешнеэкономические факторы, в особенности финансовые вложения Российской Федерации в национальную экономику Абхазии, содействуют становлению и развитию частного предпринимательства в Абхазии.

По данным Государственного комитета Республики Абхазия по статистике, из всех организационно-правовых форм предприятий за 2015-2018 гг., доминирующее положение занимают общества с ограниченной и дополнительной ответственностью, общий удельный вес которых в 2018 г. составил 95,2% (таблица 2).

В целом развитие предпринимательского сектора в Абхазии, характеризуют данные, содержащиеся в таблице 3, которые свидетельствуют о ры-

Таблица 2 – Численность предприятий и организаций Абхазии по организационно-правовым формам за 2015-2018 гг., единиц [1]

Наименование	2015	2016	2017	2018	Темп роста, %*
Всего предприятий в т.ч.	3027	3714	4173	4352	143,8
Юридические лица, коммерческие организации	2257	2720	3056	3265	144,7
Акционерные общества	33	34	37	39	118,2
Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью	2121	2570	2891	3108	146,5
Производственные кооперативы	2	2	2	1	50,0
Унитарные предприятия	96	109	121	112	116,7
Юридические лица, некоммерческие организации	747	963	1068	1031	138,0
Неправительственные международные организации	1	1	1	1	100,0
Организации без образования юридического лица	22	30	48	55	250,0

*Примечание: Темп роста подсчитан путем сопоставления данных 2018 года к 2015 году.

ночных трансформациях в национальной экономике и развитию ее предпринимательского сектора. Так, за 2015-2018 гг. доля предпринимательского сектора растет в валовом объеме произведенной промышленной продукции и составляет 96,5%, в розничном товарообороте – 99,6%, в общем объеме платных услуг населению – 77,1%, но при этом, доля занятости снижается на 0,4 процентных пункта.

Таблица 3 – Удельный вес в экономических показателях секторов экономики РА за 2015-2018 гг., % к итогу.

Показатели развития секторов национальной экономики	2015	2016	2017	2018
1. В производстве промышленной продукции:				
- государственный сектор	5,5	3,4	4,0	3,5
- предпринимательский сектор	94,5	96,6	96,0	96,5
2. В объеме розничного товарооборота:				
- государственный сектор	0,7	0,6	0,5	0,4
- предпринимательский сектор	99,3	99,4	99,5	99,6
3. В объеме платных услуг населению:				
- государственный сектор	20,6	20,3	22,8	22,9
- негосударственный сектор	79,4	79,7	77,2	77,1
4. В численности занятости в экономике:				
- государственный сектор	75,1	75,7	75,2	73,4
- негосударственный сектор	23,7	23,0	23,7	23,3
- прочие организации	1,2	1,2	1,1	1,3

Среднемесячная заработная плата за тот же период в секторах экономики Республики Абхазия представлена в таблице 4 и показывает неравномерный его рост в разных секторах экономики, и по сравнению с 2015 г. в 2018 г. наблюдается положительная динамика.

Таблица 4 – Среднемесячная заработная плата в Абхазии за 2015-2018 гг., тыс. руб.

Сектора национальной экономики	2015	2016	2017	2018	Темп роста, %*
По всей национальной экономике	9,1	10,1	10,3	10,8	118,7
В государственных предприятиях	10,3	12,9	13,1	13,0	126,2
В предпринимательском секторе	9,4	10,3	10,5	10,9	115,9
В прочих организациях	13,4	13,1	12,0	14,4	107,5

*Примечание: Темп роста подсчитан путем сопоставления данных 2018 года к 2015 году.

При этом, нельзя не заметить низкий уровень заработной платы в негосударственном секторе (10,9 тыс. руб.) по отношению к государственному сектору (13,0 тыс. руб.). Среди прочих причин, снижение уровня занятости и соответственно уровня среднемесячной заработной платы в предпринимательском секторе экономики Абхазии, мы связываем, как и ряд, национальных ученых Абхазии, с тем, что бизнес-структуры не отражают в своих официальных отчетах реальные показатели, что свидетельствует об увеличении объемов теневой экономики в стране.

Можно выделить сильные и слабые стороны развития предпринимательства в Абхазии, а также его возможности и угрозы через их систематизацию и отображению в маркетинговом исследовании SWOT-анализе (таблица 5).

Можно констатировать, что ныне в экономике Абхазии формируется двухсекторная модель национальной экономики, т.е. в республике целенаправленно, а частью стихийно, происходит разделение сфер деятельности и ответственности между государством и предпринимательством. В этих условиях в руках государства остаются практически все основные виды деятельности по производству общественных благ и услуг. На данном этапе развития Абхазии подобное положение является объективной необходимостью, так как, государственный сектор обеспечивает равномерный доступ к общественным услугам всего населения, создавая тем самым социальную стабильность в обществе.

При этом взаимоотношения государственных органов управления и предпринимательских структур должны быть построены на партнерских началах, и только в этом случае можно достичь эффективности в функционировании частного и государственного секторов экономики. Подобная система взаимосвязи будет способствовать модернизации всей национальной экономики и ее инфраструктуры, позволяющей государственным органам власти эффективно выполнять свои базовые функции в обществе, направленных на защиту общенациональных интересов, что

в свою очередь, является одной из важнейших стратегических задач в становлении и укреплении государственности Республики Абхазия

Таблица 5 – SWOT-анализ развития предпринимательства в Республике Абхазия [5].

Сильные стороны	Слабые стороны
1) уникальные природно-климатические условия создают благоприятную географическую среду для развития бизнеса; 2) наличие собственных сырьевых и энергетических ресурсов; 3) наличие транспортных магистралей; 4) развитость современных средств связи и коммуникаций, в т.ч. рекламных агентств; 5) наличие банковской и страховой финансовой инфраструктуры; 6) наличие центров подготовки и переподготовки специалистов; 7) относительно благоприятный инвестиционный климат Абхазии.	1) существующая законодательная база недостаточна для проведения приватизации средних и крупных предприятий; 2) отсутствие государственной программы развития и поддержки малого предпринимательства; 3) ограниченный доступ к банковским ресурсам из-за высокой ставки банковского процента; 4) отсутствие механизмов стимулирования инновационного предпринимательства; 5) нехватка высококвалифицированных кадров в ряде отраслей экономики; 6) наличие административных барьеров для развития малого и среднего бизнеса; 7) активная миграция в республику граждан из регионов постсоветского пространства.
Возможности	Угрозы
1) общеэкономический рост в Абхазии и ее регионах; 2) развитие инновационных процессов и производств на базе имеющегося научного потенциала; 3) развитие механизмов государственно-частного партнерства; 4) инвестиционная активность зарубежных и национальных инвесторов; 5) интенсивное использование транспортных магистралей.	1) частичная признанность государственности Абхазии мировым сообществом; 2) ухудшение демографической ситуации; 3) угроза техногенных аварий в силу изношенности основных фондов; 4) ухудшение криминогенной ситуации; 5) ухудшение экологической ситуации; 6) углубление социального неравенства и проблемы бедности.

Литература.

1. Абхазия в цифрах. Статистический ежегодник. – Сухум, 2016-2018 гг. Материалы Государственного комитета Республики Абхазия по статистике. http://ugsra.org/ofitsialnaya-statistika.php?ELEMENT_ID=191;

Шалашаа З.И.

2. О положении в стране и об основных направлениях внутренней и внешней политики. Послание Президента Республики Абхазия Ардзинба В.Г. Народному собранию. – Сухум, 2001.

3. Республика Абхазия. Общая информация о стране. Материалы VIII Абхазо-Российского делового форума. – Сухум, 2017.

4. Сидорович А.В. Экономическим отношениям стран СНГ – устойчивую основу/Национальная экономика России и вызовы XXI века. – М., 2009.

5. Стратегия социально-экономического развития Республики Абхазия до 2025 года. ЦСИ при Президенте Республики Абхазия. – Сухум, 2016.

6. Фейзба Я.Р., Шамба О.Б. Национальная экономика Абхазии: Учебник для вузов. Сухум: изд-во «Алашара», 2002.

SPECIFICS AND DEVELOPMENT ECONOMIC IN THE REPUBLIC OF ABKHAZIA

Shalashaa Z.

Professor, academician of the Academy of Sciences of Abkhazia

Abstract. *In the current conditions of the formation of a market-mixed socio-economic system in the post-Soviet countries, including the Republic of Abkhazia, the urgent problem remains the need to form a relationship between state bodies partnerships, in which case efficiency in the private and public sectors of the economy can be achieved. Such a system of interconnection would help to modernize the entire national economy and its infrastructure, enabling public authorities to effectively fulfil their basic functions in society to protect national interests, which in turn is one of the most important strategic tasks in the formation and strengthening of statehood.*

Key words: *business structures, government, transition models, government regulation of entrepreneurship.*

УДК 658.114.1

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ

Эргашева Ю. А.

*профессор, доктор исторических наук, заведующая кафедрой Истории
Узбекистана, Каршинский инженерно-экономический институт*

***Аннотация:** в статье рассматриваются вопросы экономических преобразований и развития рыночных отношений, участие женщин в развитии малого бизнеса и частного предпринимательства в Узбекистане за годы независимости. Анализируются проблемы участия женщин-предпринимателей в экономическом развитии республики.*

***Ключевые слова:** экономические преобразования, рыночные отношения, малый бизнес, женское предпринимательство, фермерское хозяйство, микрофирмы, малые и средние предприятия.*

Переход Узбекистана к рыночной экономике в постсоветский период оказал сильное влияние на положение женщин. Экономические трудности, сопровождавшие переходный период, привели к ограничению возможностей в получении образования, сокращению помощи, предоставляемой отдельным лицам и семьям, т.е. того, что в советскую эпоху составляло основу в стремлении женщин получить образование и реализовать свои профессиональные возможности. С обретением независимости в 1991 г. Узбекистан вступил на путь поэтапного экономического перехода к рыночной экономике. Несомненно, как сам процесс перехода, так и механизм, направленный на его ускорение, оказали влияние на социально-экономический статус женщин в Узбекистане.

С первых лет независимости одним из главных государственных приоритетов Республики Узбекистан стало укрепление роли и статуса женщин в государственном и общественном строительстве. Современная государственная политика Узбекистана нацелена на реализацию принципа равных прав и свобод, создание одинаковых возможностей для женщин и мужчин в соответствии с Конституцией Узбекистана. В результате масштабных реформ, осуществляемых в Узбекистане, повышение социально-экономической активности женщин, их всесторонняя поддержка и развитие женского предпринимательства были подняты на уровень государственной политики. Здесь следует отметить, что модель развития экономики Узбекистана была эволюционной и учитывала социально-экономический потенциал страны, историю государственности народа, национально-религиозные ценности и демографическую ситуацию.

«Узбекская модель», воплощая в себе реформаторские способности государства, защиту экономики от любого политического и идеологического вмешательства, обеспечение верховенства закона, поэтапное проведение реформ, социальную защиту населения, которое в новых рыночных условиях испытывало серьезный психологический и материальный шок, стала основой для развития общества на переходном этапе [1]. После обретения независимости руководство страны пыталось сбалансировать переход к рыночной экономике, сохранив некоторые аспекты командной экономики. Политика государства была основана на двух основных принципах: во-первых, на создании благоприятных экономических условий для развития частного и малого предпринимательства, и, во-вторых, на оказании содействия уязвимым слоям населения. Принятые меры позволили приостановить спад производства, стабилизировать республиканский бюджет, создать систему социальной поддержки населения. Эти принципы на сегодняшний день нашли свое отражение в «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития в 2017–2021 гг.». В ней предусматриваются широкомасштабные меры по повышению уровня образования и экономической активности женщин, усилению их роли в государственном и общественном управлении, малом бизнесе и частном предпринимательстве. [2]

История женского предпринимательства непосредственно связано с процессами формирования малого бизнеса и частного предпринимательства в республике, охватывающего определенные этапы, характерные исторические события, новшества и институциональные изменения. Начиная с 1991 г. в развитии национальной экономики и формирования малого и частного бизнеса, судя по динамике ее развития, предпринимавшимся мерам по реформированию системы хозяйствования и последствиям для человеческого развития, можно выделить несколько этапов в женском предпринимательстве. В начале 1990-х годов, после провозглашения независимости в Узбекистане начался бум предпринимательства. Многие женщины, как из городской, так и из сельской местности, начали свой собственный бизнес, занимаясь малым бизнесом. Многие из них смогли в дальнейшем открыть небольшие магазины и предприятия, продавая товары и оказывая различные услуги. Но это еще не значит, что женщины смогли преодолеть проблемы экономического и социального характера.

Надо сказать, что с развалом Советского Союза разрыв прежних экономических связей, также экономические трудности переходного периода и другие факторы непосредственным образом отразились и на женщинах. В 1991–1992 годах в стране не было ни одной женской организации, куда женщины могли бы обращаться со своими проблемами и идеями. Это было сложное и нестабильное время. Все эти проблемы имели прямое воздействие на женщин, многие из которых были специалисты с высшим и средним образованием. Структурная перестройка экономики повлекла за собой снижение занятости женщин в государственном секторе, увеличение числа женщин, занятых индивидуально трудовой деятельностью и надомным трудом, увеличение

неоплачиваемого женского труда в домашнем хозяйстве, рост женской безработицы – эти и другие причины экономического, социального характера препятствовали полному вхождению женщин в частный сектор предпринимательства. [3]

Малые и средние предприятия играют важную роль в создании рабочих мест и решении проблемы занятости для женщин, имеющих адекватную квалификацию. Более того, занятие женщин мелкой торговлей и бизнесом, особенно через так называемую «челночную» торговлю, а также возделывание семейного земельного надела и другого рода экономическая деятельность, способствуют повышению благосостояния и экономического статуса семьи. Однако занятие малым бизнесом сопряжено с риском и определенными ограничениями. Основным препятствием в этом аспекте служит отсутствие навыков рыночной экономики и капитала. Нежелание банков выдавать малые кредиты, именно в таких кредитах в основном нуждаются женщины для реализации продукции, выращенной на своем участке или изделий ручного труда, увеличивает трудности, с которыми женщины сталкиваются при получении кредита. Развитие женского предпринимательства в Узбекистане, расширение их участия в деятельности малых и средних предприятий, направленной на получение дохода, требовало решения нижеследующих проблем: профессиональной подготовки; обучения навыкам ведения бизнеса и предпринимательской деятельности; программ микрокредитования.

Проводимая правительством политика активной поддержки участия женщин в экономической жизни, политика солидарности, созданная системой наставничества, обеспечили эффективное воздействие внутри страны и способствовали повышению экономического статуса женщин в целом. Формирование негосударственного сектора экономики привело к появлению новых сфер деятельности и активизировало процесс самозанятости женщин, вовлечение их в малый и частный бизнес. И неслучайно первой женской организацией, созданной по инициативе «снизу», стала Ассоциация деловых женщин Узбекистана «Тадбиркор Аёл». [4]. На сегодняшний день Ассоциация является одной из крупнейших женских организаций Республики. Большинство организаций, поддерживающих женщин-предпринимательниц, являются членами Ассоциации деловых женщин. Она была создана в 1991 году двенадцатью женщинами-предпринимателями, которые одними из первых начали заниматься частным бизнесом. Сотрудничая с Министерством труда и социальной защиты, Ассоциация деловых женщин к 2013 году создала более 70 тыс. рабочих мест, более 14 тыс. женщин были обучены основам предпринимательства и методам адаптации в рыночных преобразованиях. При содействии ассоциации 10 тыс. безработных женщин получили профессиональную подготовку и переподготовку. Более 600 женщин через микрокредиты организовали свое дело. [5]

Ассоциация деловых женщин Узбекистана, поставившая цель раскрытия позитивного потенциала женского предпринимательства, на сегодня объединяет около 14 областных, 62 районных отделений, объединенных в единую сеть, в которых около 200 специалистов вносят свой вклад в расширение женского предпринимательства, создании условий для расширения и защиты экономических, социальных прав женщин, поддержки их предпринимательских и общественных инициатив, помощи в обеспечении использования финансовыми и информационными ресурсами через внедрение инновационных образовательных программ повышения их экономических знаний, переподготовке профессии, обеспечении занятости женщин полезным трудом путем пропаганды семейного предпринимательства. Ассоциацией деловых женщин в партнерстве различными организациями за прошедший период были изданы учебные пособия, книги и программы, которые были бесплатно розданы 10000 женщинам, занимающихся предпринимательством в нашей стране. В результате деятельности Ассоциации за 28 лет 50320 участниц тренингов и образовательных программ были обучены профессиональным навыкам, из них 80% – это трудоустроены, заняты в надомном труде. 43 000 женщин были обучены основам бизнеса, овладели навыками ведения бизнеса. При этом 75% участниц тренингов открыли свой собственный бизнес. Женщинами-предпринимателями было создано более 130 тысяч новых рабочих мест. Из этого количества, в период 2007–2017 гг. было создано – 85.996 рабочих мест, только в 2017 г. – 30.074. Экспорт продукции, произведенной предприятиями, возглавляемыми женщинами – предпринимателями за период 2007–2017 гг. составил – 3.896.755 долл. США, а за 2017 г. этот показатель составил 1.821.119 долл. США. Подготовлено 160 квалифицированных тренеров, преподавателей, способных организовать проведение комплексных образовательных программ и тренингов, ориентированных на женское предпринимательство, с учетом специфики развития женского предпринимательства в стране. [6]

Таким образом, налицо увеличение позитивной динамики роста показателей женского предпринимательства в рамках деятельности Ассоциации деловых женщин Узбекистана по таким показателям как: количество охваченных образовательными курсами женщин и девушек; число женщин, открывших свой бизнес; увеличение объема экспорта производимой женщинами – предпринимателями продукции.

Если в 1991 г. количество организаций, связанных с деятельностью женского предпринимательства было всего лишь 4, к 2000 г. оно возросло уже на 49, и из 9 миллионного населения, занятых в бизнесе женщины представляли 44% активного населения [7]. Также правительством в 2009 г. для развития женского предпринимательства было выделено льготных кредитов 153,9 млрд. сумов (106,8 млн. долл.) и с каждым годом эта сумма увеличивалась. Если в 1995 г. в сфере малого бизнеса и предпринимательства женщины составляли лишь 4,3%, то в 2010 г. 24%, в 2015 г. оно возросло до 32% [8]. Все эти меры свидетельствуют о том, что государство является настоящим вдохновителем и партнером

представителей малого бизнеса и индивидуального предпринимательства, в частности женщин предпринимателей. На сегодняшний день женщины-руководители возглавляют 120 тыс. предприятий малого бизнеса, в частности, по производству трикотажных и кондитерских изделий, строительных материалов, а также заняты в сфере услуг, туризма и сервиса. [9]

В марте 2011 г. было принято Постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по увеличению кредитования субъектов малого бизнеса и частного предпринимательства», в мае 2012 г. был принят Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в закон Республики Узбекистан «О гарантиях свободы предпринимательской деятельности», на основе которых руководство страны предусматривало создание широких возможностей для развития малого бизнеса и частного предпринимательства в отраслях промышленности и организации современных высокотехнологичных производств, стимулирования внедрения в производство субъектами малого бизнеса и частного предпринимательства инновационных технологий.

Эти меры позволили создавать новые предприятия, оснащенные современными технологиями и оборудованием, и производящие конкурентоспособную продукцию, быстро приспосабливающиеся к изменениям на внутреннем и внешнем рынках, расширить ряды женщин-предпринимателей, производящих востребованную на мировом рынке продукцию, усилению стремления предпринимателей, фермеров и ремесленниц к внедрению в свою деятельность современных передовых методов. Кроме того правительство страны выделяет огромные средства на развитие семейного бизнеса, вовлечение женщин через него в экономическую жизнь. Сегодня можно уверенно утверждать, что семейный бизнес приносит большой доход семьи, расширяет сферы платных услуг, обеспечивает женщин работой. В 2012 г. Кабинетом Министров Республики Узбекистан была принята Государственная программа развития малого бизнеса и предпринимательства, где для вовлечения женщин в семейный бизнес и предпринимательство банкам возлагалась в обязанность выделение льготных кредитов женщинам, желающих заняться семейным предпринимательством. Исходя из этого документа только в 2014 г. коммерческие банки выделили женщинам 260,2 млрд. сум, а «Микрокредитбанк» 74 млрд. сум. [10]

В настоящее время малый бизнес и частное предпринимательство играют ключевую роль в модернизации национальной экономики страны, о чем наглядно свидетельствует то, что в 2017 г. доля малого бизнеса и частного предпринимательства в экспорте составила 27,0 % (26,0 % за 2016 г.), промышленности – 39,6 % (45,3 %), услуг – 58,4 % (61,4 %), строительстве – 65,1 % (66,9 %) и занятости – 78,3 % (78,2 %) [11]. Более 16 тыс. выпускниц колледжей, выразивших желание стать предпринимателями, прошли курсы организации и ведения бизнеса, основ кредитования, повышения экономических и

правовых знаний. Также оказали поддержку и коммерческие банки, для предпринимательской деятельности ими выделены льготные кредиты на сумму 11 млрд сумов.

В феврале 2018 г. принят Указ Президента Республики Узбекистан Ш.Мирзиёева «О мерах по коренному совершенствованию деятельности в сфере поддержки женщин и укрепления института семьи». Данный документ способствовал коренному изменению системной работы Комитета женщин, усовершенствована его организационная структура, определены приоритетные направления деятельности комитета, а также ряда государственных органов и общественных организаций. Для обеспечения трудоустройством женщин, в 2018 г. создано свыше 130 тысяч новых рабочих мест, в том числе около 30 тысяч - на предприятиях и в организациях, 8 679 – в сфере малого бизнеса, 3 664 – в надомничестве, 8 967 – в семейном бизнесе, 62 335 – шелководства и 18 623 – других отраслях.

Только в первом квартале 2019 г. более пяти тысяч женщин наладили предпринимательскую деятельность и обеспечили работой свыше десяти тысяч женщин. По инициативе территориальных женских организаций образовано 500 малых швейных, кондитерских и других предприятий (цехов), в которых начали работать более 3,7 тысячи женщин.

На основе системы «Мастер-ученик» в ремесленное производство привлечено 1,5 тысячи, к надомной работе – более 1,3 тысячи человек. При содействии комитетов женщин образовано почти 300 семейных детских садов, в том числе создано 1 000 рабочих мест.

Кроме того, более 5 тысяч женщин работают в системе Совета фермерских, дехканских хозяйств и владельцев приусадебных земель Узбекистана.

В целях привития женщинам навыков предпринимательства и привлечения к бизнесу в партнерстве с Центральным банком, Торгово-промышленной палатой, Ассоциацией банков и Ассоциацией «Тадбиркор аёл» были проведены 167 учебных семинаров, в работе которых участвовало 22 тысяч 190 женщин.

Совместно с Общественным фондом поддержки женщин и семей также организована работа по широкому привлечению женщин к семейному и частному предпринимательству, надомному труду без отрыва от семейных дел и воспитания детей. Начата работа по обучению женщин навыкам предпринимательства и выделения им микрокредитов в сумме 100 млрд. сум в год.

Постановлением Президента Узбекистана за счет средств Общественного фонда по поддержке женщин и семей в форме бизнес-инкубаторов создаются «Центры предпринимательства женщин» с целью содействия предпринимательской и ремесленной деятельности женщин, в том числе семейному предпринимательству.

Основными задачами центров является переподготовка женщин, долгое время находившихся в отпуске по уходу за ребенком, а также востребованным

на рынке труда и их трудоустройстве, формирование у них навыков организации и ведения своего бизнеса, оказание консультативной помощи в подготовке бизнес идей.

Женщинам, успешно освоившим специальную программу обучения, по рекомендации соответствующего комитета женщин для организации предпринимательской деятельности будут выделяться льготные кредиты на срок не менее 3 лет с 6 месячным льготным периодом и 8%-ой годовой ставкой, за счет фонда и грантов международных организаций.

С целью осуществления задач и мероприятий, обозначенных в постановлении Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему усилению гарантий трудовых прав и поддержке предпринимательской деятельности женщин» [12] при комитетах женщин в 14 регионах организованы Центры предпринимательства женщин. Более 18 тысяч девушек и женщин прошли обучение на краткосрочных курсах. На состояние 2019 года количество женщин, наладивших предпринимательскую деятельность, составляет 38 тысяч 267. Ими создано свыше 58 тысяч рабочих мест. За январь-сентябрь 2019 года коммерческие банки 79 тысячам 645 женщинам в общей сложности выделили 1 трлн 924 млрд 542 млн сумов кредитных средств. [13]

За счет ресурсов Общественного фонда поддержки женщин 2018 и 2019 годов 5 тысячам 44 женщинам выделено 119 млрд 560 млн сумов кредитов. На сегодняшний день из 457 тысяч субъектов бизнеса, 137 тысяч (32 %) составляют женщины предприниматели. Экспорт продукции произведенной предприятиями, возглавляемыми женщинами-предпринимателями в 2019 году составил 8,1 млн долларов США. [14]

Женщины-предприниматели играют важную роль в возрождении и сохранении многовековых, традиционных ценностей, национального женского ремесленничества (ткацкого и швейного искусства).

В Узбекистане ежегодно, для поддержки и стимулирования деятельности женщин-предпринимателей проводятся в партнерстве со всеми государственными, негосударственными и международными организациями Республиканский и Международный бизнес-форумы, целью которых является поддержка женского предпринимательства, обеспечение занятости, создание новых рабочих мест, определение перспектив развития женского предпринимательства.

Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, выступая 24 января 2020 г. с Посланием Олий Мажлису, подчеркнул: «Мы должны продолжить системную работу по поддержке молодежи и женщин. В 2020 г. на реализацию бизнес-проектов 5,5 тысячи женщин будет выделено 100 миллиардов сумов льготных кредитов. Необходимые для этого ресурсы будут направлены в банки из Государственного бюджета. Кроме того, государство компенсирует 1 576 женщинам первоначальный взнос на приобретение нового жилья. В рамках программы «Пять инициатив» в центрах женского предпринимательства

необходимо организовать краткосрочные учебные курсы для получения профессии». [15]

Таким образом, женское предпринимательство в нашей стране за последние годы получило широкое распространение, качественное и количественное развитие. Активность женщин в предпринимательстве один из главных факторов экономической стабильности страны. Ввиду высокого воплощения в женщинах человеческого капитала они сегодня активны не только в малом и среднем бизнесе, но и имеют большой успех в сфере инноваций и высоких технологий. Свои качества к созданию инноваций женщины передают и будущему поколению.

Литература

1. Каримов И.А. Узбекистан на пути углубления экономических реформ. – Т., «Узбекистан», 1995. С. 10–11.
2. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» за №ПФ-4947 от 7 февраля 2017 года.
3. Кабулова Д.Н. Положение женщин в Узбекистане [Электронный ресурс] // Женщины и процесс социально-экономического развития в России и других странах СНГ // Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ. – 2000. – С. 22 // URL: <http://www.budgetrf.ru/>.
4. Рашидова Ф.Ш. Роль женского предпринимательства в развитии и процветании государства // Научный вестник СамГУ. Серия «Гуманитарные науки», 2013, №4 (80), С.18.
5. Махмудова Г. Роль неправительственных организаций в становлении и развитии женского предпринимательства в Узбекистане// <http://www.fpa.su>.
6. Материалы текущего архива Ассоциации деловых женщин Узбекистана «Тадбиркор Аёл»
7. Управление статистики, Экономическая и социальная комиссия ООН по Азии и Тихоокеанским странам, ESCAP, 2000г. [Электронный ресурс].
8. Аннаева Н.Р. Экономические реформы и предприниматели женщины в Узбекистане. // Репозиторий БНТУ, с.179//file:///C:/Users/admin/Desktop/
9. Годовой обзор состояния экономики и основных направлений внешне-экономической деятельности Республики Узбекистан за 2016 год // Торговое представительство Российской Федерации в Республике Узбекистан, Ташкент, 2017. - 174 с.
10. Баситханова Э. В них – красота мира. // Народное слово, 7 марта, 2015.
11. По материалам Госкомстата Республики Узбекистан // <https://stat.uz/ru/>
12. www.lex.uz
13. Материалы текущего архива Комитета женщин Узбекистана. //
14. Материалы текущего архива Ассоциации деловых женщин Узбекистана «Тадбиркор Аёл»

Эргашева Ю.А.

15. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. 24 января 2020 г. parliament.gov.uz.

DEVELOPMENT OF WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP IN UZBEKISTAN

Ergasheva Y. A.

Professor, doctor of historical sciences, head of the department of History of Uzbekistan at Karshi Engineering and Economic Institute

Abstract. *The article deals with the issues of economic transformations and development of market relations, women's participation in the development of small business and private entrepreneurship in Uzbekistan during the years of independence. The problems of participation of women entrepreneurs in the economic development of the Republic are analyzed.*

Key words: *economic transformation, market relations, small business, women's entrepreneurship, farming, micro firms, small and medium-sized enterprises.*

УДК 338.22.021.4

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Шеденов У.К.

*доктор экономических наук, профессор, действительный член
Международной академии информатизации и Российской академии
естествознания, профессор кафедры «Технология бизнеса»
Казахского национального университета имени Аль-Фараби*

Сабыр Н.С.

докторант Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева

Аннотация: *В статье проанализированы глобальные и внутренние вызовы, которые стоят перед социальной политикой в Казахстане и диктуют которые требуют ее совершенствования и необходимость пересмотра. Обозначены проблемы, которые характерны для современного Казахстана прежде всего низкая, хотя и постепенно увеличивающаяся продолжительность жизни населения; низкий уровень жизни значительной части граждан, обусловленный недостаточностью трудовых доходов и социальных трансфертов; высокое неравенство, в значительной степени связанное с неэффективной дифференциацией зарплаты и снижение социальной защищенности в сфере труда и нестабильность доходов, что порождает неуверенность в завтрашнем дне; несбалансированность территориального размещения населения, рабочих мест и социальной инфраструктуры. В статье выделены контуры новой модели социальной политики для Казахстана, направленной на развитие человеческого потенциала и основанной на диалектическом единстве социальной и экономической политики при лидирующей роли государства. Обоснованы такие ее приоритеты как обеспечение достойной занятости и поддержка отраслей социальной сферы при подчиненной роли социальных трансфертов.*

Ключевые слова: *социальная безопасность, социальная политика, социальная защита, бедность, безработица, самообеспечение населения.*

В последние десятилетия в социально-гуманитарных науках существенно возрос интерес к проблемам безопасного существования человека. Вектор познания перемещается на феномены и условия, связанные с предотвращением угроз повседневной жизни, с обеспечением личной и социальной безопасности. Потребность в безопасности является одной из антропологических констант человеческого существования, а ее обеспечение – одна из функций государства. В настоящее время в условиях становления и функционирования гражданского общества государством уделяется много внимания вопросам стабилизации социальной ситуации в стране и мире, упреждению чрезвычайных ситуаций, обеспечению безопасных условий жизнедеятельности и существования личности.

Различные аспекты безопасности человека и человеческой деятельности составляют один из основных предметов исследования во многих научных дисциплинах. Так, например, в психологии, в рамках концепции А. Маслоу [1], понятие «безопасность» рассматривается в качестве одной из жизненно важных потребностей человека. Причем в обыденном сознании представления о безопасности находятся скорее на уровне чувств, чувственных образов, чем на уровне рефлексии.

Истоки осмысления понятия «безопасность» можно обнаружить уже в философской и политической мысли античных авторов, например, в философии стоицизма. Достаточно широко результаты осмысления проблем безопасности представлены в работах философов эпохи Просвещения, а также их предшественников и последователей, в частности в трудах Ш. Л. Монтескье, Ж. Ж. Руссо. [2, 3]

Анализ процессов эволюции человеческой истории позволяет выявить ряд закономерностей, характеризующих функцию безопасности:

- социальный прогресс не устраняет и не отменяет опасности существованию личности, общества, государства;
- рост могущества людей над природой сопровождается и увеличением масштаба угроз человечеству;
- по мере дифференциации общества и усложнения его организации расширяется и спектр социальных опасностей;
- социальные угрозы не являются неизменными и модифицируются вместе с развитием общества;
- системы безопасности являются неотъемлемым атрибутом сложных социальных систем и организаций;
- недооценка или игнорирование проблем безопасности на всех уровнях социальной организации не только оборачивается теми или иными потерями, но в конечном счете неизбежно ведет к падению жизнеспособности (конкурентоспособности) и даже гибели соответствующих ее элементов (субъектов). [4]

Термин «социальная безопасность» сравнительно недавно вошел в научный и политический оборот. Тем не менее он быстро вписался в международную и национальную лексику, нашел свое конкретное развитие в ряде международных документов. Среди них, прежде всего, необходимо выделить Всемирную социальную декларацию, принятую в 1995 г. на Всемирной конференции по социальному развитию. В ней, в частности, говорится: «Мы предлагаем построить такое общество, где право на пищу столь же священно, как и право голоса, где право на начальное образование столь же уважаемо, как и право на свободу печати, и где право на развитие рассматривается как одно из фундаментальных прав человека».

Достаточно широкое использование термина «социальная безопасность», в том числе в международных нормативно-правовых актах, обусловило формирование различных подходов к его пониманию в отечественной науке, правовой, социальной и политической практике.

Классическое определение социальной безопасности – это совокупность мер по защите интересов страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образа жизни в соответствии с потребностями прогресса, нынешних и будущих поколений.

Дополняя это энциклопедическое определение можно уточнить, что социальная безопасность – это, прежде всего, часть более общей категории – национальной безопасности, что социальная безопасность – это состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, прав, свобод.

Анализ многочисленных источников по проблемам социальной безопасности позволяет констатировать, что в настоящий момент сложилось несколько подходов в интерпретации данного понятия. Один из возможных подходов в определении понятия «социальная безопасность» получил распространение за рубежом. Для этого подхода характерно ассоциировать понятие «социальная безопасность» с понятием «социальное обеспечение» [5, 6]. При этом полагается, что решение проблем обеспечения социальной безопасности, предоставления материальной и иной помощи нуждающимся категориям граждан является основополагающим аспектом обеспечения национальной безопасности в целом. В соответствии с данным подходом осуществляется практическая работа по решению проблем социального характера. Например, в США вопросами социальной безопасности занимается специально созданный орган федеральной власти – Управление социальной безопасности, действующий на основе закона о социальной безопасности 1935 г., принятого для предотвращения социального взрыва после Великой депрессии 1929–1933 гг.

Ряд современных отечественных исследователей полагают, что и в современном Казахстане необходимо принятие аналогичного закона. При этом социальная безопасность должна пониматься как элемент национальной безопасности и входить в концепцию национальной безопасности Республики Казахстан. Однако следует отметить, что не только среди представителей органов власти Казахстана, но и среди большинства отечественных исследователей нет четкого осознания наличия тесной взаимосвязи между вопросами национальной и социальной безопасности. Весьма показательным примером сложившегося положения вещей является содержание основополагающего правового акта по вопросам национальной безопасности, принятого в Казахстане в последние годы – это «Закон о национальной безопасности Республики Казахстан, принятый 6 января 2012 г. В данном документе понятие «социальная безопасность» вовсе не используется.

Для ряда современных отечественных исследований характерен подход, согласно которому «социальная безопасность» рассматривается как комплексное понятие, используемое для обозначения безопасности населения страны от це-

лого комплекса разных угроз, причем не только социального, но и экономического, экологического характера и т. д. Среди них чаще всего упоминают угрозы безработицы, нищеты, преступных посягательств, загрязнения окружающей среды, техногенных катастроф и др.

В реальной жизни все эти категории тесно взаимосвязаны. Борьба с нищетой, преступностью, защита рабочих мест, доходов, безопасность здоровья, окружающей среды – все это включает в себя понятие социальной безопасности.

Анализ данного подхода показывает, что его характерной особенностью является утрата понятием «социальная безопасность» четко очерченных рамок, поскольку интересы населения и государства, угрозы для населения постоянно меняются, отражая позитивные или негативные последствия реформ в экономике и обществе в целом. [7]

В последние десятилетия в социально-гуманитарных науках существенно возрос интерес к проблемам безопасного существования человека. Вектор познания перемещается на феномены и условия, связанные с предотвращением угроз повседневной жизни, с обеспечением личной и социальной безопасности. Потребность в безопасности является одной из антропологических констант человеческого существования, а ее обеспечение – одна из функций государства. В настоящее время в условиях становления и функционирования гражданского общества государством уделяется много внимания вопросам стабилизации социальной ситуации в стране и мире, упреждению чрезвычайных ситуаций, обеспечению безопасных условий жизнедеятельности и существования личности.

Различные аспекты безопасности человека и человеческой деятельности составляют один из основных предметов исследования во многих научных дисциплинах. Так, например, в психологии, в рамках концепции А. Маслоу [1], понятие «безопасность» рассматривается в качестве одной из жизненно важных потребностей человека. Причем в обыденном сознании представления о безопасности находятся скорее на уровне чувств, чувственных образов, чем на уровне рефлексии.

Истоки осмысления понятия «безопасность» можно обнаружить уже в философской и политической мысли античных авторов, например, в философии стоицизма. Достаточно широко результаты осмысления проблем безопасности представлены в работах философов эпохи Просвещения, а также их предшественников и последователей, в частности в трудах Ш. Л. Монтескье, Ж. Ж. Руссо. [2, 3]

Анализ процессов эволюции человеческой истории позволяет выявить ряд закономерностей, характеризующих функцию безопасности:

- социальный прогресс не устраняет и не отменяет опасности существованию личности, общества, государства;
- рост могущества людей над природой сопровождается и увеличением масштаба угроз человечеству;
- по мере дифференциации общества и усложнения его организации расширяется и спектр социальных опасностей;

- социальные угрозы не являются неизменными и модифицируются вместе с развитием общества;
- системы безопасности являются неотъемлемым атрибутом сложных социальных систем и организаций;
- недооценка или игнорирование проблем безопасности на всех уровнях социальной организации не только оборачивается теми или иными потерями, но, в конечном счете, неизбежно ведет к падению жизнеспособности (конкурентоспособности) и даже гибели соответствующих ее элементов (субъектов). [4]

Термин «социальная безопасность» сравнительно недавно вошел в научный и политический оборот. Тем не менее он быстро вошел в международную и национальную лексику, нашел свое конкретное развитие в ряде международных документов. Среди них, прежде всего, необходимо выделить Всемирную социальную декларацию, принятую в 1995 г. на Всемирной конференции по социальному развитию. В ней, в частности, говорится: «Мы предлагаем построить такое общество, где право на пищу столь же священно, как и право голоса, где право на начальное образование столь же уважаемо, как и право на свободу печати, и где право на развитие рассматривается как одно из фундаментальных прав человека».

Достаточно широкое использование термина «социальная безопасность», в том числе в международных нормативно-правовых актах, обусловило формирование различных подходов к его пониманию в отечественной науке, правовой, социальной и политической практике.

Классическое определение социальной безопасности – это совокупность мер по защите интересов страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образа жизни в соответствии с потребностями прогресса, нынешних и будущих поколений.

Дополняя это энциклопедическое определение можно уточнить, что социальная безопасность – это, прежде всего, часть более общей категории – национальной безопасности, что социальная безопасность – это состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, прав, свобод.

Анализ многочисленных источников по проблемам социальной безопасности позволяет констатировать, что в настоящий момент сложилось несколько подходов в интерпретации данного понятия. Один из возможных подходов в определении понятия «социальная безопасность» получил распространение за рубежом. Для этого подхода характерно ассоциировать понятие «социальная безопасность» с понятием «социальное обеспечение» [5, 6]. При этом полагается, что решение проблем обеспечения социальной безопасности, предоставления материальной и иной помощи нуждающимся категориям граждан является основополагающим аспектом обеспечения национальной безопасности в целом. В соответствии с данным подходом осуществляется практическая работа по решению про-

блем социального характера. Например, в США вопросами социальной безопасности занимается специально созданный орган федеральной власти – Управление социальной безопасности, действующий на основе закона о социальной безопасности 1935 г., принятого для предотвращения социального взрыва после Великой депрессии 1929–1933 гг.

Ряд современных отечественных исследователей полагают, что и в современном Казахстане необходимо принятие аналогичного закона. При этом социальная безопасность должна пониматься как элемент национальной безопасности и входить в концепцию национальной безопасности Республики Казахстан. Однако следует отметить, что не только среди представителей органов власти Казахстана, но и среди большинства отечественных исследователей нет четкого осознания наличия тесной взаимосвязи между вопросами национальной и социальной безопасности. Весьма показательным примером сложившегося положения вещей является содержание основополагающего правового акта по вопросам национальной безопасности, принятого в Казахстане в последние годы – это «Закон о национальной безопасности Республики Казахстан, принятый 6 января 2012 г. В данном документе понятие «социальная безопасность» вовсе не используется.

Для ряда современных отечественных исследований характерен подход, согласно которому «социальная безопасность» рассматривается как комплексное понятие, используемое для обозначения безопасности населения страны от целого комплекса разных угроз, причем не только социального, но и экономического, экологического характера и т. д. Среди них чаще всего упоминают угрозы безработицы, нищеты, преступных посягательств, загрязнения окружающей среды, техногенных катастроф и др.

В реальной жизни все эти категории тесно взаимосвязаны. Борьба с нищетой, преступностью, защита рабочих мест, доходов, безопасность здоровья, окружающей среды – все это включает в себя понятие социальной безопасности.

Анализ данного подхода показывает, что его характерной особенностью является утрата понятием «социальная безопасность» четко очерченных рамок, поскольку интересы населения и государства, угрозы для населения постоянно меняются, отражая позитивные или негативные последствия реформ в экономике и обществе в целом. [7]

В целом ситуацию в социальной сфере можно охарактеризовать как еще не решенной проблемой. Многие негативные явления приобрели застойный характер, отдельные проблемы усугубились и стали представлять серьезную опасность для социальной стабильности общества. Такая ситуация диктует необходимость обеспечения социальной безопасности. К основным принципам обеспечения социальной безопасности государства относятся:

- социальная независимость государств,
- стабильность системы социальной защиты,
- устойчивость системы социальной защиты,

- эффективность системы социальной защиты,
- адресность социальной защиты,
- саморегулирование, развитие и совершенствование системы социальной защиты.

Государство должно постоянно проводить меры по совершенствованию политики социальной защиты населения нацеленной на обеспечение определенного уровня доступа к жизненно необходимым благам и определенный уровень благосостояния граждан, которые в силу обстоятельств не могут быть экономически активными и обеспечивать себя доходами путем участия в достойно оплачиваемом труде.

На наш взгляд, существующая в Казахстане система социальной защиты требует совершенствования. Особое внимание необходимо уделить защите наиболее уязвимых социальных групп: многодетные и неполные семьи, особенно проживающие в сельской местности, одинокие пожилые люди, инвалиды. Необходимо повысить размеры государственной адресной социальной помощи для того, чтобы, как минимум, обеспечить потребности беднейшего населения в питании.

В этой связи, целесообразно пересмотреть методику определения прожиточного минимума и соотношение между его продовольственной и непродовольственной составляющими с тем, чтобы прожиточный минимум отражал действительные расходы домохозяйств на продовольственные и непродовольственные товары и услуги.

Мировой опыт свидетельствует о необходимости введения института социальных работников. Данная мера могла бы способствовать более целенаправленной и гибкой деятельности по снижению уровня бедности, так как социальные работники работают непосредственно с бедными слоями, включая детей-сирот, детей, находящихся без присмотра, одиноких пенсионеров и т. д. Для эффективного функционирования такой системы требуется разработка соответствующего законодательства, укрепление потенциала местных органов власти, введение образовательных программ по специальности «социальная работа» в профессионально-технических и высших учебных заведениях

В настоящее время в Казахстане приняты и реализуются 54 государственные и отраслевые программы, которые прямо или косвенно связаны с улучшением положения бедных. По экономическому аспекту основными с точки зрения преодоления проблем бедности являются программы по борьбе с бедностью и безработицей, по поддержке малого бизнеса, по развитию промышленности, строительства, инфраструктуры и сельского хозяйства. По аспекту социального развития – государственные программы «Образование», «Здоровье народа», программы по первичной медико-санитарной помощи и лечению туберкулеза, по комплексному развитию села, по питьевой воде, по реабилитации инвалидов. По

аспекту управления – программы по совершенствованию статистики, по поддержке неправительственных организаций, по совершенствованию налогового и бюджетного администрирования, по борьбе с коррупцией.

Конкретные шаги в этом направлении осуществляются в рамках принятой правительством республики программы по снижению бедности в которой предусматривается

– широкое использование активных мер политики занятости посредством трудоустройства, развития общественных работ, профессионального обучения безработных, регулирование самозанятости;

– решение проблем занятости молодежи путем профессиональной ориентации выпускников о возможностях обучения, организации ярмарок вакансий, создания региональных молодежных (студенческих) бирж труда;

– развитие перспективных сельских районов с помощью преодоления проблемы трудоизбыточности сельских регионов, используя наряду с традиционными, меры естественного миграционного перемещения;

– развитие малых городов с депрессивной экономикой путем масштабного развития общественных работ, поддержки малого и среднего бизнеса;

– защита внутреннего рынка труда в части создания дополнительных рабочих мест, подготовки специалистов из числа местного населения;

– содействие занятости оралманов с учетом складывающейся ситуации на локальных рынках труда, в регионах с низким уровнем безработицы;

– межрегиональное перераспределение рабочей силы посредством развития трудовой миграции из трудоизбыточных регионов в регионы нового освоения;

– решение проблемы трудоустройства длительно безработных. [8, с. 7]

Решение проблемы бедности в Казахстане, может быть достигнуто только при работе одновременно в двух направлениях. Во-первых, необходимо стимулировать продуктивное использование главного капитала бедных – рабочих рук. Такая политика должна предусматривать мобилизацию рыночных стимулов, социальных и политических институтов, всей инфраструктуры и возможностей современных технологий. И во-вторых, сохранение обеспечения населения основными социальными услугами: здравоохранением, питанием, начальным образованием.

В 80-х гг. XX в. многие развивающиеся страны должны были преодолевать последствия экономического кризиса. Их опыт привел к формулировке нового концептуального положения: необходима экономическая политика, во многом специально ориентированная на нужды борьбы с бедностью.

В качестве наиболее прямого пути структурных преобразований в целях борьбы с бедностью предлагается всемерное развитие сельского хозяйства, что позволит реализовать основные установки этой борьбы: обеспечить работой и доходами широкие массы нуждающихся. Для преимущественного развития сельского хозяйства должны быть предусмотрены пониженные налоги, кредиты, предоставления новой техники и технологий. В городах основное направление

борьбы с бедностью – дальнейшее развитие сферы необходимых социальных услуг.

Программа борьбы с бедностью должна предусматривать и проведение селективных мероприятий государственной социальной политики: усиление адресной социальной помощи – в том числе через целевые выплаты (продовольственные и лекарственные талоны, льготная оплата жилья и транспорта и т. п.), организация системы льготного кредитования для малоимущих граждан (целевые потребительские кредиты, кредиты под жилищное строительство и т.д.).

Не умаляя традиционных форм социальной защиты, следует все большую часть ее переносить на поддержку активных устремлений населения. Это будет выгодно не только населению, но и государству, так как вложенные средства создадут дополнительные возможности для повышения уровня жизни населения.

Осуществление социальных гарантий только по отношению к слабо защищенным слоям населения может привести к нарушению пропорций между заработной платой и социальными выплатами. Это значительно увеличит нагрузку на занятое в общественном хозяйстве население и снизит стимулирующую роль заработной платы, а в конечном итоге не решит проблемы бедности. К тому же существует опасность «ловушки бедности», предупреждающая о возможности снижения мотивации трудиться получающих пособия. К тому же реализация программ преодоления бедности сопряжена со значительными административными, организационными и иными издержками. Стратегия преодоления бедности, на наш взгляд, должна давать возможность самостоятельно зарабатывать на жизнь, а не ждать вспомоществования от государства. Поэтому, необходимо значительные усилия направить на создание таких условий функционирования экономики, в которых трудоспособное население сможет самостоятельно решить проблему материального обеспечения своих семей.

Главными направлениями преодоления бедности должны стать: обеспечение занятости; повышение эффективности труда; развитие социального страхования; создание возможностей для активной части населения самообеспечиваться; эффективная система социальной помощи для социально уязвимых слоев населения. [9, с. 25].

Большое значение для стабилизации социально-экономического положения населения республики, особенно беднейших слоев, имеет расширение возможностей для ведения подсобного хозяйства и повышение трудовой активности населения. Расширение аграрной деятельности семей, является наиболее перспективной и распространенной формой активной адаптации экономического и потребительского поведения семей в условиях выживания. В первую очередь это обусловлено масштабами расширения бедности и значительным ростом доли расходов на питание в потребительском бюджете республики. В условиях рынка подсобные хозяйства могут рассматриваться не только как способ решения продовольственной проблемы и сокращения потребительских расходов в бюджете семьи, но и как одно из весьма важных направлений обеспечения занятости и самозанятости.

Возможности самообеспечения населения продуктами питания за счет развития подсобных хозяйств изначально зависят от наличия в распоряжении семьи земельного участка и его доходности. Чистая продукция подсобного хозяйства на душу населения в богатых семьях выше, чем в бедных. Вряд ли в сложившихся условиях возможно для бедных семей достичь той доходности подсобного хозяйства, которая сложилась в богатых семьях, но немного снизить эту дифференциацию вполне реально. Для этого необходима помощь со стороны региональных и местных органов управления, которая должна быть направлена на рациональное использование земельных участков, находящихся в частном владении или личном пользовании населения, на создание благоприятных условий в организации подсобного хозяйства (в обеспечении семенами, кормами, удобрениями, инвентарем, в доставке, хранении, переработке и реализации полученной продукции). По аналогии с крестьянскими хозяйствами надо широко практиковать выделение им кредитов под залог имущества.

Затраты администрации на помощь в организации подсобного хозяйства бедным и малообеспеченным семьям позволят уже в ближайшей перспективе снизить расходы на выплату адресной социальной помощи и одновременно решить проблему обеспечения населения целым рядом продуктов питания.

При условии эффективного стимулирования товарного производства подсобные хозяйства могут стать не только массовыми поставщиками товарной продукции, но и создать ту социальную базу, на которой будет формироваться на селе средний класс. В решении проблем бедности необходимо принять специальную государственную программу развития подсобных хозяйств населения, в которой должно быть предусмотрено следующее:

- повышение социального и правового статуса подсобных хозяйств как особой индивидуальной формы ведения хозяйства, распространение на него мер государственной и общественной поддержки;
- применение экономических методов регулирования и создания благоприятной экономической среды для развития подсобных хозяйств населения;
- широкое применение прямых целевых субсидий и кредитов государства сельским семьям в общем объеме средств, направляемых на развитие сельского хозяйства.

Изучение мирового опыта дает возможность сделать заключение, что путь искоренения бедности лежит через создание условий для реализации потенциала как страны в целом, так и каждого отдельного человека. Это означает формирование посредством рационального и общественного управления устойчивой экономики, эффективной социальной системы, развитие демократических институтов, мобилизацию политической воли, разработку и проведение в жизнь долгосрочных стратегий борьбы с бедностью, связанных с взаимодействием экономического роста и справедливой социальной политики.

Поэтому при разработке направлений социальной политики особого внимания заслуживает проблема социальной защиты безработных. Согласно Закону «О

занятости населения» государством оказывается следующая социальная защита от безработицы: содействие в трудоустройстве; профессиональная подготовка, повышение квалификации, переподготовка и организация общественных работ для безработных; оплата труда безработных, занятых на общественных работах; оказание государственной адресной социальной помощи безработным из числа малообеспеченных граждан в соответствии с законодательными актами.

В Казахстане следует ввести систему страхования от безработицы, в основе которой лежат три фундаментальных принципа:

– решение такой общенациональной проблемы не может быть отдано в компетенцию области, района или города, а требует политики, скоординированной на государственном уровне;

– безработные, как граждане Казахстана, нуждаются в защите государства на период поиска работы независимо от места проживания. Необходимой составляющей такой защиты служит обеспечение им достойного страхового пособия по безработице;

– страхование от безработицы должно занять одно из ключевых мест в системе социальных амортизаторов рыночной экономики.

Для развития обязательного государственного страхования по безработице необходимо установить единый норматив пособия по безработице, привязав его к региональному прожиточному минимуму, обеспечить целевое использование взносов работодателей на страхование по безработице. Дополнительно к государственной системе должны получить развитие добровольные фонды страхования через негосударственные страховые компании, включая профсоюзные, а также негосударственные пенсионные фонды. Важное значение, на наш взгляд, имеет привлечение к этой работе профсоюзов. Активное их участие в развитии дополнительного страхования и создании пенсионных фондов даст возможность охватить этими видами услуг значительную часть трудящихся, максимально использовать в этом возможности коллективных договоров и одновременно осуществлять общественный контроль, не допускать злоупотреблений и финансовых махинаций со стороны страховых компаний и пенсионных фондов.

Если в тактическом аспекте важнейшей задачей является внедрение страхования от безработицы, то в стратегическом плане ключевая роль должна принадлежать активной политике занятости. К числу активных мер по регулированию занятости населения относятся:

- организация общественных работ;
- профессиональная подготовка и переобучение безработных.

Особая роль в процессе содействия занятости отводится организации общественных работ для безработных граждан. В настоящее время общественные работы широко используются в мировой практике в качестве меры активной политики занятости. Они применяются практически во всех странах СНГ, а также наиболее активно в таких развитых странах, как США, Германия и Турция.

В большинстве стран с переходной экономикой при организации общественных работ главной целью является обеспечение минимального жизненного уровня безработных. При этом получение участниками общественных работ квалификации или ее повышение не всегда ставятся в качестве основной цели. Напротив, в развитых странах приоритет отдается компоненту роста конкурентоспособности на рынке труда у участников общественных работ через получение ими профессиональных навыков и опыта.

Развитие общественных работ в Казахстане происходит стихийно, без учета принципов, указанных в рекомендации МОТ «О планировании в национальном масштабе общественных работ». Не используется принцип, который рекомендует особое внимание уделять общественным работам, стимулирующим тяжелую промышленность или вызывающим непосредственный спрос на потребительские товары. Вместо этого в Казахстане используются простые неэффективные виды работ, связанные, в основном, с уборкой территории. Низкий уровень оплаты труда и недостаток финансирования общественных работ ограничивают количество участников и срок их проведения. В результате они остаются неэффективными и малопривлекательными для безработных. Для улучшения данной ситуации необходимо:

– чтобы оплата труда безработных, занятых на общественных работах, в соответствии с рекомендациями МОТ была не меньшей, чем та, которую обычно применяют предприниматели и организации для работ аналогичного характера в районе, где проводятся общественные работы;

– чтобы проведение общественных работ сопровождалось возможностью получения определенной специализации на этих работах. В настоящее время в Казахстане начинают активно проводиться общественные работы на различных объектах строительства. В этой связи необходимо развивать в этом направлении подготовку среди безработных граждан специалистов профессионалов в конкретной строительной отрасли. Тем более они будут становиться все больше востребованными в связи со строительным бумом, наблюдающимся в стране.

Литература

1. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2001. С.12.
2. Монтескьё / А. А. Кротов // Новая философская энциклопедия: в 4 т./пред. науч.-ред. Совета В.С.Степин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – 2816 с.
3. Ж.-Ж. Руссо: Pro et Contra [Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917). Антология] / Составители: А. А. Златопольская и др. – СПб.: Издательство РХГА, 2005. – 798 с.
4. Родачин В. М. Безопасность как социальное явление. Право и безопасность. 2004. № 4 (13). С. 28.
5. Papers of the 89th Sess. of the Intern. labour conf., June 2001]. Geneva: Intern. labour office, 2001. VI, 114 p.

Шеденов У.К., Сабыр Н.С.

6. Social security disability: Alternatives would boost: Cost-effectiveness of continuing disability: Rev.: Rep. to the chairman, Subcomm. on social security, Comm. on ways a. means, House of representatives. Washington: GAO, 1996. 112 p.

7. Коленникова О. А Рыночные реформы и ослабление безопасности населения // Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. М., 2002. С. 272–281.

8. Шайдильдинова Д. Активные формы содействия занятости населения // Труд в Казахстане. 2003г., № 24.

9. Садовская Е. Трудовая миграция в Центральной Азии: причины и последствия // Миграция в Центральной Азии: проблемы и перспективы. Материалы международной конференции. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 25 с.

SOCIAL SECURITY AS A BASIS FOR SOCIAL POLICY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Shedenov U.K.

Doctor of Economic Sciences, Professor, full member of the International Academy of Informatization and the Russian Academy of Natural Science, Professor of the Department «Business Technology» of the Kazakh National University named after Al-Farabi

Sabyr N.S.

Doctoral student of the Eurasian National University named after L.N.Gumilev

Abstract. *The article analyzes the global and internal challenges that face social policy in Kazakhstan and dictate which require its improvement and the need for revision. The problems that are typical for modern Kazakhstan are identified, first of all, the low, although gradually increasing, life expectancy of the population; the low standard of living of a significant part of citizens, due to insufficient labor income and social transfers; high inequality, largely associated with inefficient wage differentiation and reduced social security in the labor sector and income instability, which creates uncertainty about the future; unbalanced territorial distribution of the population, jobs and social infrastructure. The article highlights the contours of a new model of social policy for Kazakhstan, aimed at the development of human potential and based on the dialectical unity of social and economic policy with the leading role of the state. Its priorities such as ensuring decent employment and supporting social sectors with a subordinate role of social transfers are justified.*

Key words: *social security, social policy, social protection, poverty, unemployment, self sufficiency of the population.*

УДК 331.101.68

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА

Мырзалиев Б.С.

доктор экономических наук, профессор, действительный член Международной академии информатизации и Российской академии естествознания, профессор кафедры «Экономика» Международного казахско-турецкого университета имени Ходжи Ахмета Ясави

***Аннотация:** В статье рассмотрены сущность и роль импортозамещения в агропромышленном комплексе, его эффективность, причины слабого его использования, формирование оптимальной политики импорта товаров и услуг в казахстанской аграрной экономике в условиях глобализации экономики. Исследованы проблемы самообеспеченности Казахстана основными видами продовольствия, товарооборот и основные показатели взаимной торговли республики со странами Евразийского экономического Союза, производства продукции сельского хозяйства в государствах-членах Союза и динамика относительных и абсолютных показателей торговли агропродовольственной продукцией в ЕАЭС. Дана оценка доле продуктов питания в общем объеме импорта товаров в Казахстане, проанализирована динамика доли импорта в товарных ресурсах, а также значение развития сельского хозяйства для обеспечения продовольственной безопасности стран ЕАЭС.*

***Ключевые слова:** агропромышленный комплекс, импортозамещение, продовольственная безопасность, сельское хозяйство, самообеспечение продовольствием, Евразийский экономический союз.*

Продовольственная безопасность – незаменимая составляющая экономической безопасности и их двойственная связь вполне очевидна. Продовольственная безопасность занимает особое место в экономической стабильности развития любого государства. Относительно других видов безопасности, входящих в состав экономической, продовольственная безопасность является первоосновой.

Продовольственная безопасность является составной частью экономической безопасности страны, сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей демографической политики, необходимым условием реализации стратегического национального приоритета – повышения качества жизни граждан на основе международных стандартов жизнеобеспечения.

Проблема обеспечения населения продовольствием не является чем, то особенным, присущим только Республике Казахстан. Она существовала всегда, сохраняется в настоящее время и носит общемировой характер. Однако впервые мировая практика и экономическая наука обратились к продовольственной проблематике с позиций мировой и национальной экономической безопасности относительно недавно, в середине 70-х гг. XX века. Поводом послужил спад объемов

производства зерна в ведущих зернопроизводящих странах мира. Уменьшение совокупного предложения на мировом зерновом рынке и последовавший за этим рост цен на другие виды продовольствия дестабилизировал ситуацию на других продовольственных рынках. Отказ стран-экспортеров зерна от выполнения своих договорных обязательств поставил ряд стран перед угрозой острой нехватки важнейших продуктов питания, потери экономической и политической независимости.

Кроме того, проблема обеспечения продовольственной безопасности страны имеет интегральный характер, так как в ней аккумулируются ключевые моменты агропромышленной и экономической модернизации, реальное состояние и тенденции развития производства сельскохозяйственной и продовольственной продукции, отечественного рынка продовольствия, изменения степени его зависимости от импорта, платежеспособности населения страны.

Продовольственная безопасность – одна из составляющих внутренней экономической безопасности. В экономической литературе продовольственная безопасность – это относительно новая экономическая категория. Исходный английский термин – (food security) переводится двояко: как продовольственная безопасность и как продовольственная обеспеченность.

По нашему мнению, второй вариант перевода точнее отражает смысл этой категории, так как подразумевает обеспечение гарантированной экономической доступности продуктов питания для населения, хотя подстрочнику больше соответствует первый вариант.

Обеспечение продовольствием стран, регионов, домашних хозяйств, граждан страны стояло перед человечеством с незапамятных времен. Правители и их советники пытались эффективно решить эту вечную проблему, так как именно нехватка продовольствия, в первую очередь, обуславливала разного рода социальные конфликты в обществе.

По сути дела, достижение определенного уровня продовольственной безопасности было всегда основной задачей общества в целом и конкретного индивидуума, ибо в основе этого лежит инстинкт самосохранения, на котором базируется вся человеческая деятельность.

В 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила разработанные на основе рекомендаций Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) «Международные обязательства по обеспечению продовольственной безопасности в мире» в тексте которых приводится следующее определение: «Продовольственная безопасность – это система мер, обеспечивающих производство и удовлетворение количественно-качественных потребностей населения страны в высококонкурентоспособных отечественных продуктах питания широкого ассортимента». [1]

По данным ООН (2015), несмотря на достаточное количество продовольствия, в мире насчитывается 1,2 млрд. голодающих, от голода ежедневно умирают 10 тыс. детей и 25 тыс. взрослых. Эксперты считают, что уже

к 2020 г. при жизни нынешнего поколения продовольственная проблема может перерасти в глубокий международный кризис и вызвать ряд негативных социальных столкновений по всему миру.

Степень продовольственной безопасности государства оценивается по 3 уровням. Если доля внутреннего продовольственного рынка товарами собственного производства составляет: 80-85% – уровень продовольственной безопасности считается оптимальным; 60-80% – недостаточным; 60% – критическим (наступает зависимость от импорта).

Продовольственная безопасность считается обеспеченной, если осуществляется его дополнительный выпуск в объеме страхового запаса (90 дней, или 17% годового объема потребления).

Рассматривая проблему продовольственной зависимости страны, следует учитывать, что практически все страны мира в той или иной мере зависят от импорта продовольствия.

Самообеспеченность продовольствием на 100% достигнута в 7 странах, на 70-80% – в 75 странах, на 50-60% – в 50 странах с населением более 1 млрд. человек [2]. При этом самообеспеченность ЕС по зерну составляет 122 %, сахару – 127%, сливочному маслу – 127%, мясу – 107%. [3]

Обеспечение продовольственной безопасности как элемента национальной безопасности на законодательном уровне закреплено в Законе Республики Казахстан от 6 января 2012 г. «О национальной безопасности Республики Казахстан».

Казахстан занимает площадь, равную площади всей Западной Европы, причем до 80% его земель пригодны для ведения сельского хозяйства, благодаря чему эта страна обладает значительными возможностями по обеспечению региональной и глобальной продовольственной безопасности. По количеству пахотных земель на душу населения (1,5 га) Казахстан занимает второе место в мире и уверенно входит в число десяти крупнейших мировых экспортеров продовольствия.

Такое расширение производства позволило Казахстану укрепить продовольственную безопасность не только у себя дома, но и у соседей и в более отдаленных регионах. Например, Таджикистан импортирует из Казахстана 90% пшеницы, всего не менее 45% пшеницы из Казахстана будет направлено на рынки Центральной Азии. Сегодня Казахстан диверсифицирует экспорт зерна, выходя за пределы стран СНГ, и находит новых торговых партнеров в лице Китая, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока (в частности, Ирана).

В условиях падения мировых цен на нефть и сырье одним из самых перспективных секторов экономики Казахстана становится сельское хозяйство, которое может способствовать выходу страны на мировые продовольственные рынки и придать новый импульс стратегии диверсификации ее экспорта.

Казахстан, расположенный в сердце Евразии, является важным производителем и экспортером зерна в Центральной Азии. Обеспечение продовольственной безопасности и реализации диверсификации экспорта зерна служат приоритетами государственной стратегии в аграрной области республики.

Адаптация новейших аграрных технологий, применяемых в передовых странах развитого и развивающегося мира, к казахстанским природно-климатическим условиям республика могла бы существенно увеличить производство сельскохозяйственной продукции до уровня, превышающего внутренний спрос на продовольственное сырье и дающего таким образом возможности наращивать дополнительные статьи товарного экспорта. Данные обстоятельства обуславливают ключевую роль в исследовании продовольственной безопасности методик ее оценки и точность прогноза, что определяет потребность в прогнозных экономико-математических моделях.

Структура потребления населением Казахстана пищевых продуктов является нерациональной. Большинство важнейших продуктов питания потребляется в меньших количествах, чем это предусмотрено научно обоснованными нормами. При решении проблемы обеспечения продовольственной безопасности серьезного внимания заслуживают вопросы самообеспечения страны основными видами продуктов питания. [4]

Самообеспечение продовольствием означает удовлетворение потребности в нем путем внутренних поставок при минимальной зависимости от внешней торговли. Для достижения такой модели развития необходимо осуществлять производство качественной продукции в объемах, позволяющих удовлетворить потребности населения на пороговом уровне по ценам, гарантирующим доступность большинства продуктов для всех социальных групп населения на всей территории страны. При этом необходимо учитывать, что постановка вопроса о самообеспеченности страны продовольствием отнюдь не означает выбора курса на изоляцию от мирового рынка. В мировой практике выработан целый ряд надежных подходов к решению названной проблемы, среди них – гибкая и эффективная защита отечественных производителей, регулирование соотношений между импортом и экспортом продовольствия. [5]

По данным Министерства национальной экономики Республики Казахстан по статистике, в среднем за 2018–2019 гг. уровень самообеспечения республики составил по производству зерна 119,2%, мяса – 69,0%, молока – 85,8%, яиц – 78,1%, картофеля – 151,5%, овощей и бахчевых – 85,8%, плодов, ягод и винограда – 32,7%.

Наиболее высокий уровень самообеспеченности был достигнут по потреблению мяса, фактическое производство которого на душу населения за двадцатипятилетний период (1990) в 13 раз (за исключением 1997 и 1999 гг.) превышало действующую норму потребления. Начиная с 2001 г., собственное производство овощей и бахчевых культур также близко к нормативному потреблению. Что же касается главной для Казахстана экспортной культуры – зерна, то республика была самообеспечена им в 1990 г. – 170,2% и 2019 г. 12,0% (таблица 1).

Таблица 1 – Самообеспеченность Казахстана основными видами продовольствия

Годы (в среднем за год)	Молоко	Яйца	Овощи и бахчевые	Картофель	Плоды, ягоды и виноград	Зерно в весе после доработки	Мясо в убойном весе
1990	0,832	0,856	0,589	1,288	0,233	1,702	1,122
1991-1995	0,769	0,632	0,448	1,208	0,087	1,068	0,905
1996-2000	0,561	0,316	0,630	1,026	0,090	0,728	0,544
2001-2005	0,713	0,501	1,003	1,441	0,134	0,961	0,575
2006-2010	0,812	0,645	0,818	1,663	0,198	1,208	0,672
2011-2015	0,820	0,650	0,857	1,545	0,303	1,125	0,680
2016-2017	0,828	0,712	0,873	1,650	0,346	1,205	0,684
2018-2019	0,849	0,781	0,858	1,515	0,327	1,192	0,690

Примечание- по материалам Агентства статистики Министерства Национальной экономики Республики Казахстан за 1990-2019 гг.

Вышеизложенное дает все основания полагать, что для Казахстана первоочередной задачей в решении проблемы обеспечения продовольственной безопасности страны, при поддержке полномасштабной системы моделей для ее исследования, является:

- повышение эффективности отечественного сельскохозяйственного производства;
- развитие пищевой и перерабатывающей промышленности;
- совершенствование механизма государственного регулирования агропродовольственного рынка;
- реализация соответствующей интересам национальных производителей внешнеторговой политики.

Мы считаем целесообразным направлением обеспечения продовольственной безопасности страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС) должны переходить к более глубоким интеграционным процессам в союзе в сфере АПК. На наш взгляд, у этих стран есть четко выверенные пути, главная задача заключается в том, чтобы максимально выйти на интеграцию, более углубленную кооперацию. Это не просто поставки и договорные обязательства. На внутреннем сельскохозяйственном рынке ЕАЭС создается видение кооперации как резерва для наполнения государствами собственных товарных групп. [6, 7].

Вопросы развития агропромышленного комплекса стран-участниц ЕАЭС формируются в соответствии с утвержденной Концепцией скоординированной агропромышленной политики и соглашения о единых правилах государственной поддержки сельского хозяйства. Созданная институциональная основа позволяет комплексно подходить к решению проблемы коллективной продовольственной безопасности, выстраивать контуры таможенно-тарифной политики и достигать

единого замысла по номенклатуре и объемам экспорта сельхозсырья и готовой пищевой продукции государств-членов ЕАЭС.

В последние годы страны ЕАЭС демонстрирует уверенный рост экономических показателей. По данным ЕАК, за 2018 г. ВВП ЕАЭС увеличился на 2,5% к 2017 году – до 1913999,8 млн.долл.США. Суммарный объем внешней торговли товарами в 2018 году государств ЕАЭС с третьими странами составил 753,4 млрд.долл.США.

Если говорить о взаимном товарооборота стран членов ЕАЭС в целом, по итогам 2018 г. оборот внешней торговли государств-членов ЕАЭС с третьими странами в 13 раз превысил оборот взаимной торговли внутри Союза. Причем разрыв между объемами внешней и взаимной торговли увеличивается последние два года. Это свидетельствует о наличии значительного потенциала для расширения взаимной торговли. По данным Комитета по статистике Республики Казахстан импорт товаров увеличился на 5,6%, при этом экспорт – на 4,7% (рисунок 1).

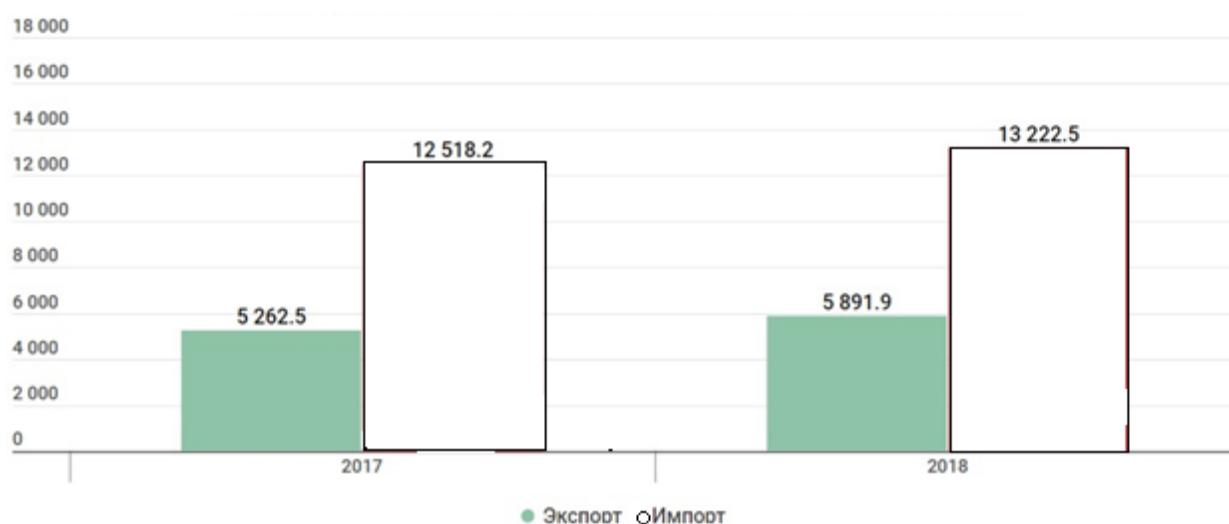

Рисунок 1 – Товарооборот Казахстана со странами ЕАЭС, млн.долл.США

Основные направления реализации аграрной политики евразийского союза следующие: регулирование общего аграрного рынка; государственная поддержка развития агропромышленного производства; разработка прогнозов развития агропромышленного комплекса; выработка единых требований в сфере производства и обращении продукции; создание единой системы логистики и товародвижения сельскохозяйственного сырья и готовой пищевой продукции; научное и инновационное сопровождение сферы развития агропромышленного комплекса; развитие экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия; создание институциональных условия для развития межстрановой интеграции и кооперации; создание единой информационной системы. [8]

Анализ таблицы 2 показывает, что показатели взаимной торговли Казахстана за 2018-2019 годы со странами ЕАЭС имеют положительные

тенденции роста (кроме Кыргызстана). Так, высокие показатели импорта продукции из России (7,3%), а больше всего товары экспортируются в Республику Беларусь (11,1%).

Таблица 2 – Основные показатели взаимной торговли Казахстана по странам ЕАЭС (млн.долл.США)

Показатели	Всего	Россия	Кыргызстан	Беларусь	Армения
Товарооборот					
2018 год	13982,5	12849,2	625,7	498,4	9,3
2019 год	14752,4	13625,5	591,2	526,2	9,5
прирост, %	5,5	6,0	-5,5	5,6	2,8
Импорт					
2018 год	9633,3	9018,3	173,4	437,1	4,4
2019 год	10317,9	9674,8	180,6	458,2	4,2
прирост, %	7,1	7,3	4,2	4,8	-4,0
Экспорт					
2018 год	439262	3830,8	452,3	61,2	4,9
2019 год	4434,5	3950,7	410,5	68,0	5,3
прирост, %	2,0	3,1	-9,2	11,1	9,0
На основе данных Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан (январь-сентябрь).					

В 2018 г. у всех государств-членов отмечается также позитивная динамика экспорта и импорта услуг. Однако объём торговли товарами по-прежнему существенно превышает объём торговли услугами: по итогам 2018 г. совокупный внешнеторговый оборот государств-членов ЕАЭС (с партнёрами по ЕАЭС и с третьими странами) товарами в 4 раза превысил совокупный внешнеторговый оборот услугами.

Результаты исследования подтверждают, что потребность в значительной части товарных позиций, импортируемых государствами-членами ЕАЭС из третьих стран, может покрываться за счёт товаров, производимых в ЕАЭС. В частности, 77% (825 товарных позиций) среднего за 2015-2018 гг. стоимостного объёма импорта Армении из третьих стран может покрываться экспортом других государств-членов ЕАЭС – преимущественно из России. Для Беларуси потенциальная доля импортозамещения продукцией из стран ЕАЭС составляет 29% (314 товарных позиций), для Казахстана – 29% (322 товарные позиции), для Кыргызстана – 58% (676 товарных позиций), для России – 1% (71 товарная позиция).

По данным национальных статистических органов производство продукции сельского хозяйства в государствах-членах ЕАЭС за 2018 год по сравнению с 2017 года уменьшилось в постоянных ценах на 0,4% и составило 108,9 млрд. долл. США (табл.3).

Основным макроэкономическим показателем в сельском хозяйстве стран ЕАЭС является валовой внутренний продукт, в системе национальных счетов

определяется как разница между валовым выпуском и промежуточным потреблением. Валовая продукция сельского хозяйства – обобщающий показатель, который представляет собой стоимостное выражение произведенной продукции растениеводства и животноводства по фактическим средним ценам реализации за год.

Таблица 3 – Производство продукции сельского хозяйства в государствах-членах ЕАЭС за 2018 г.1)

	Производство сельскохозяйственной продукции (в текущих ценах)	Индекс объема производства. 2018 г. 2017 г., в % (в постоянных ценах)	Индекс объема производства. 2017 г. к 2016 г., в %
Армения ²⁾ млрд. арм. драмов	926,4	92,7	97,2
млн. долларов США	1 918,0		
Беларусь млрд. бел. рублей	19,0	96,6	104,2
млн. долларов США	9 325,1		
Казахстан ³⁾ млрд. тенге	4 410,1	103,4	102,9
млн. долларов США	12 793,8		
Кыргызстан ³⁾ млрд. сомов	203,8	102,7	102,4
млн. долларов США	2 960,8		
Россия ⁴⁾ млрд. рос. рублей	5 119,8	99,4	103,1
млн. долларов США	81 861,6		
ЕАЭС – всего (млн. долларов США)	108 859,3	99,6	103,0

¹⁾ Показатель рассчитан по курсам валют национальных (центральных) банков за период: по Беларуси – по средневзвешенному курсу белорусского рубля к доллару США, по Армении, Казахстану, Кыргызстану и России – по средним курсам национальных валют к доллару США.²⁾ Сельское хозяйство и рыболовство. ³⁾ Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство. ⁴⁾ Индексы рассчитаны с учетом результатов первой оценки пересчитанных по итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. данных о производстве основных продуктов растениеводства и животноводства [9].

Индекс производства продукции сельского хозяйства – относительный показатель, характеризующий изменение объема производства сельскохозяйственной продукции в сравниваемых периодах. Индекс характеризует изменение создаваемой в процессе производства стоимости в результате изменения только физического объема производимой продукции.

Анализ показывает, что динамика индекса физического объема производства продукции сельского хозяйства ЕАЭС за 2013–2018 гг. составляет в пределах 3,0–5,6% (рис.2).

На развитие взаимной торговли стран ЕАЭС существенное влияние оказал кризис, последовавший за распадом централизованного союзного государства. Были нарушены налаженные в течение многих десятилетий производственные и торговые связи, и каждое государство стремилось самостоятельно выйти на мировой рынок.

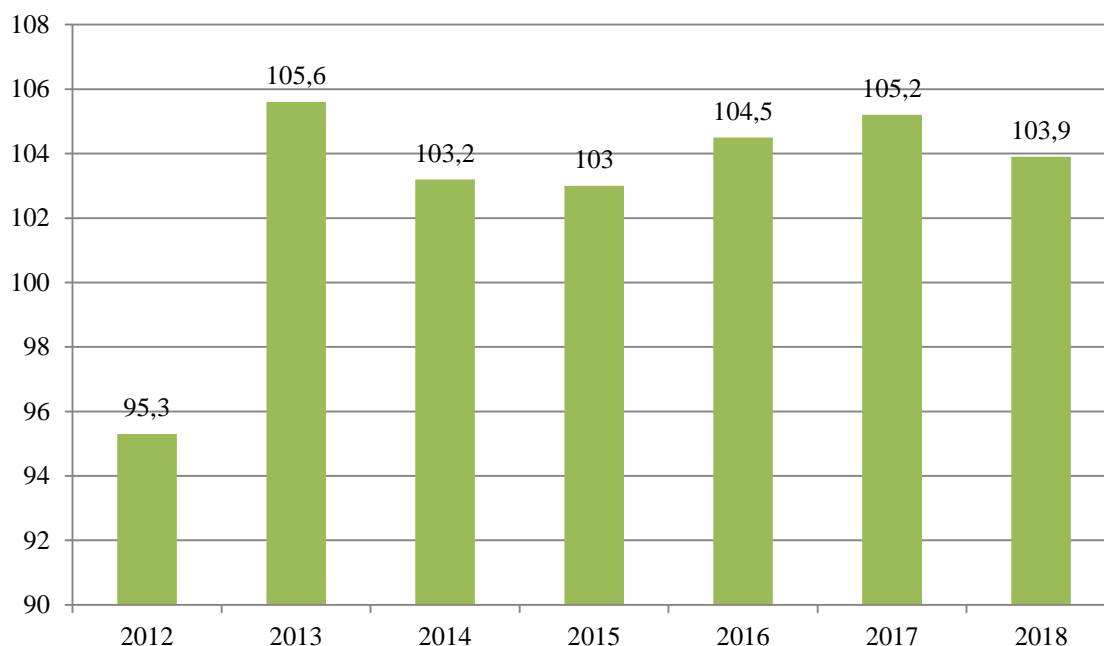

Рисунок 2 – Динамика индекса физического объема производства продукции сельского хозяйства ЕАЭС

Анализ показывает, за период 2012–2018 гг. показатели, характеризующие участие стран во взаимной торговле, существенно не изменились: по-прежнему наибольший удельный вес приходится на долю Российской Федерации – более 60%. В меньшей степени во взаимном товарообороте участвует Казахстан – менее 10%. До настоящего времени сохраняется резкий дисбаланс участия стран во взаимных торговых отношениях. Во многом это можно объяснить кризисными явлениями в экономике стран ЕАЭС, которые, в основном, затронули торговлю промышленными товарами. Наименьший удельный вес взаимных поставок отмечается между Беларусью и Казахстаном – менее 2% всей взаимной торговли интеграционного объединения. Поставки товаров из Казахстана в Беларусь – самые минимальные по сравнению с другими направлениями торговли. Из рассмотренных трех государств-членов ЕАЭС в большей степени ориентирована на внутренний рынок объединения экономика одной страны – Беларуси: торговля с третьими странами составляет примерно половину общего объема внешней торговли. В наименьшей степени – Российская Федерация, внешняя торговля которой с третьими странами составляет более 90% всей внешней торговли. Это во многом объясняется сложившейся структурой экспорта стран. В целом, доля взаимной

торговли в производстве агропродовольственной продукции в странах ЕАЭС за 2012–2018 гг. повысилась на 1,5%, а доля взаимной торговли в совокупном товарообороте также выросла на 4,6% при значительном снижении импорта агропродовольственной продукции из третьих стран – на 16,2% (рис.3).

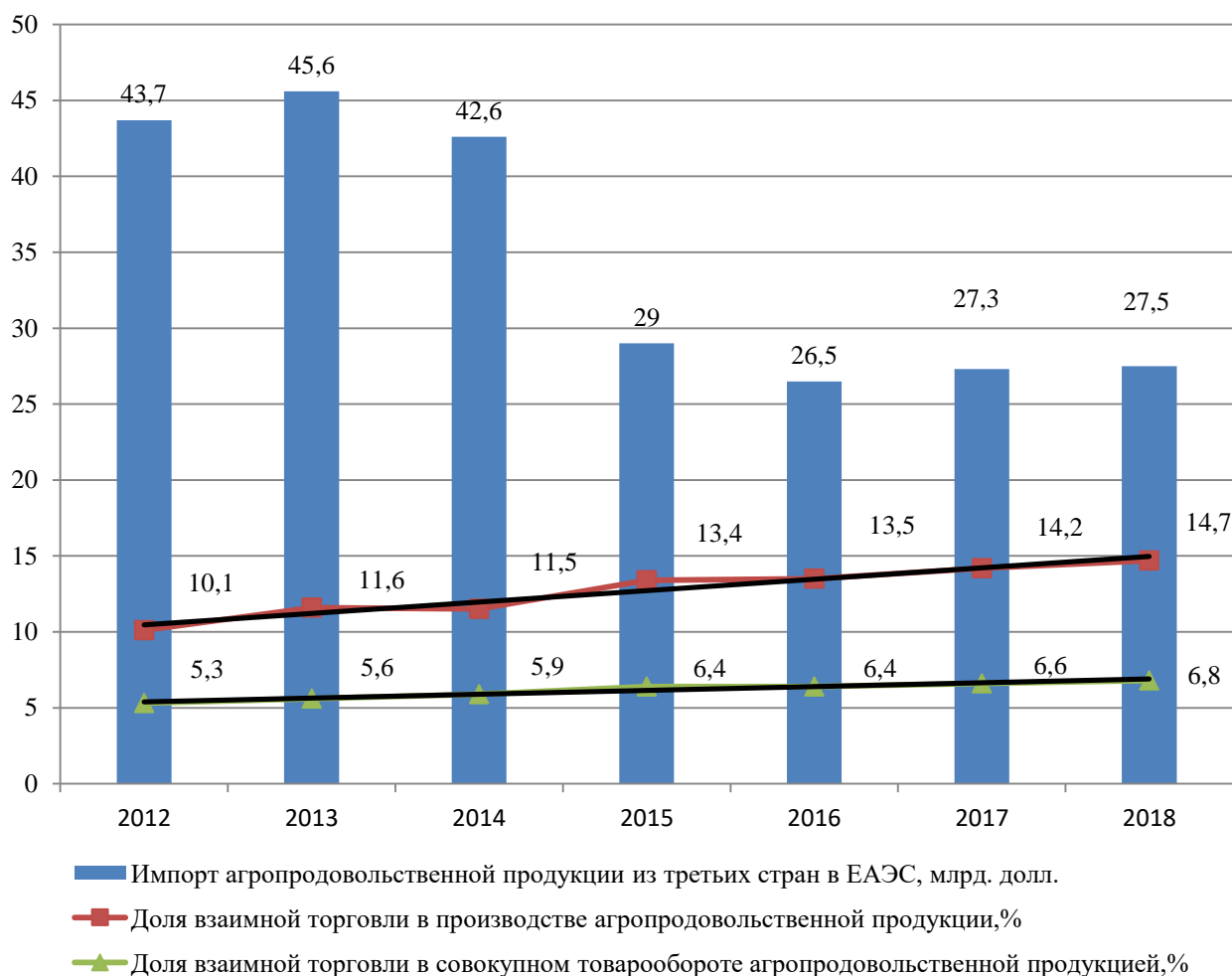

Рисунок 3 – Динамика относительных и абсолютных показателей торговли агропродовольственной продукцией в ЕАЭС

Программа по импортозамещению сельскохозяйственного сырья и готовых продуктов питания в Казахстане будет дополнена и реализовываться с участием других стран ЕАЭС. При этом основную часть взаимопоставок этой продукции вполне могут обеспечить сопредельные регионы России, и Белоруссии. Кроме того, намечается минимум вдвое увеличить совместные капиталовложения в подотрасли казахстанского АПК в сравнении с уровнем этих инвестиций в 2018 г. Что позволит более чем втрое нарастить объем совокупного сельхозпроизводства в нашей стране.

Торговля сельскохозяйственной продукцией государств-членов за последние годы вышла на качественно новый уровень. Если в 2010 году ЕАЭС был одним из крупнейших импортеров сельскохозяйственной продукции, имея отрицательное сальдо около 30 млрд. долларов, то уже в 2018 г. сальдо снизилось до минимального за весь этот период значения – минус 9,6 млрд.долларов (таблица 4). По прогнозам, в ближайшей перспективе приоритетными экспортными позициями продукции животноводства будут в первую очередь мясо птицы и свинина. В дальнейшем, к 2025 г., Союз сможет обеспечить и стабильный экспорт говядины – до 20-30 тыс. т. По молочной группе – это товары с длительным сроком хранения – сухое молоко, сыры, сырные продукты, мороженое. Ключевыми партнерами выступают страны СНГ и Китай. В перспективе – рост поставок в азиатские государства: Вьетнам, Бангладеш, Южная Корея, Индонезия и другие. [11]

Таблица 4 – Показатели взаимной торговли агропродовольственной продукцией в ЕАЭС

Государство-член ЕАЭС	Объем взаимной торговли, млн.долл. США			Основные экспортные товары	Основные рынки сбыта в ЕАЭС
	2015 г.	2018 г.	2018 г. к 2015 г., %		
Армения	187,3	265,9	141,9	Спиртные напитки, фрукты и овощи, сыры и творог, табачные изделия и минеральные воды	Россия, Казахстан, Беларусь
Беларусь	3866,0	3711,1	96,0	Мясная и молочная продукция	Россия, Казахстан, Армения, Кыргызстан
Казахстан	474,3	408,7	86,1	Пшеница, табачные изделия, минеральные и сладкие газированные воды, кондитерские изделия, мука, мясо птицы	Россия, Кыргызстан
Кыргызстан	105,2	110,2	104,7	Овощи бобовые сушеные, фрукты сушеные, смеси орехов, картофель, сыры и творог, фрукты	Казахстан, Россия
Россия	2422,1	2502,4	103,2	Подсолнечное масло, шоколад, хлеб и мучные изделия, табачные изделия	Казахстан, Беларусь, Армения
Источник: составлена по данным ЕЭК [10]					

В 2018 г., как и в предыдущие годы, основным экспортируемым товаром было зерно – 39,8%. В этой связи целесообразно снижать долю сырья в структуре экспорта и диверсифицировать товарную структуру с помощью поставок продукции преимущественно глубокой переработки сельскохозяйственного сырья. В

этой связи представляет определенный интерес анализ развития агропродовольственного рынка на постсоветском пространстве. В условиях суверенитета каждая из бывших советских республик выбрала свою модель развития и проводила соответствующую экономическую политику по ее реализации. Особенно кардинальные реформы были проведены в сельском хозяйстве стран бывшего союза. При отсутствии необходимой государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей в большинстве стран СНГ обусловил спад и последующую стагнацию сельскохозяйственного производства в ряде стран СНГ, разрушение специализации сельского хозяйства, подорвало естественную основу интеграции национальных аграрных рынков стран СНГ. И в целом это привело к снижению агропроизводственного потенциала отрасли стран СНГ, переориентации товаропотоков на рынки третьих стран, что, естественно, не могло не привести к росту импортозависимости их внутренних продовольственных рынков.

Следует отметить, что почти во всех странах СНГ динамика развития сельскохозяйственного производства за последние годы положительная. Если судить по изменению объемов производства сельскохозяйственной продукции по текущим ценам, в которых содержится существенные инфляционные изменения, наиболее высокими темпами развивается сельское хозяйство в Российской Федерации, Казахстане, Беларусь и Азербайджане, где она увеличилась соответственно в 4,6; 5,7; 3,4 и 5,6 раза. Эти страны отличаются более высоким уровнем развития индустриальных отраслей в структуре национальной экономики. Самый низкие темпы роста продукции отрасли отмечены в Узбекистане – всего 2,5 раза. Анализ показывает, что в Казахстане в структуре внешнеторгового оборота самый большой объем среди стран СНГ занимает Россия, где удельный вес экспортных операций составляет 55,4%, импортных – 82,8%. Кроме того, импортерами казахстанской продукции и сырья являются Узбекистан (15,3%), Украина (14,0%), Кыргызстан (6,2%) и Таджикистан (5,6%), удельный вес покупаемых товаров Казахстаном после России занимает Узбекистан (5,3%) и Беларусь (3,7%). При этом отрицательное торговое сальдо с Россией (-6957,7 млн.долларов США), Беларусь – (-413,1 млн.долл.США) и Арменией (-0,2 млн.долл.). Основой для увеличения эффективности внешнеторговой деятельности в первую очередь является переход от узкоориентированного экспорта товаров к диверсификации экспортных потоков, а также снижение импорта товаров путем увеличения производственных мощностей в Казахстане.

Литература

- 1.FAO 1996.Rome Declaration of World Food Summit it Plan of Action. <http://www.fao.org/wfs/final>.
2. Барышева Г.А., Нехорошев Ю.С. Российское сельское хозяйство: 150 лет перманентных реформ и их последствия. Материалы к публичным лекциям. – [http:// selo.ru](http://selo.ru).

Мырзалиев Б. С.

3. Лашкарева О.В., Кожахметова Г.А. Современное состояние продовольственной безопасности в Республике Казахстан // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 1-5. – С. 831-838.

4. «О Стратегическом плане развития Республики Казахстан до 2020 года». Указ Президента Республики Казахстан от 1 февраля 2010 года № 922 (САПП Республики Казахстан, 2010 г., № 10, ст. 115).

5. «Об утверждении Программы по развитию агропромышленного комплекса в Республике Казахстан на 2013 - 2020 годы «Агробизнес-2020». Постановление Правительства Республики Казахстан от 18 февраля 2013 года № 151.

6. Алшанов Р.А. Экономическая политика и развитие взаимных бизнес-процессов в странах-участницах ЕАЭС // Казахстан-Спектр. – 2014. – № 2 (68). – С. 110–112.

7. Узун В.Я. Формирование и регулирование общего аграрного рынка Евразийского экономического союза // АПК: экономика, управление. – 2015. – № 3. – С. 12–25.

8. Маслова В. В. Экономические аспекты формирования Евразийского экономического союза в аграрной сфере // Экономика сельского хозяйства России. – 2015. – № 7. – С. 89–95.

9. Обзор производственных показателей АПК государств – членов Евразийского экономического союза за 2018 г. (предварительные данные) http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/2018.pdf

10. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. – М.: 2019. – 204 с.

11. Абдиев М. Ж., Эргешов К. А. Состояние и развитие агропродовольственного сектора стран СНГ // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). – СПб.: Свое издательство, 2016. – С. 29-32. – URL <https://moluch.ru/conf/econ/archive/219/11507/> (дата обращения: 11.04.2018).

IMPORT SUBSTITUTION AS A FACTOR OF ENSURING FOOD SECURITY IN KAZAKHSTAN

Myrzaliyev B.S.

Doctor of Economic Sciences, Professor, full member of the International Academy of Informatization and the Russian Academy of Natural Science, Professor of Economics Department of the International Kazakh-Turkish University named after Hoji Ahmet Yasavi

Abstract. *The article considers the essence and role of import substitution in the agro-industrial complex, its effectiveness, the reasons for its weak use, and the formation of an optimal policy for importing goods and services in the Kazakh agricultural economy in the*

Мырзалиев Б. С.

context of economic globalization. The problems of self-sufficiency of Kazakhstan basic foodstuffs, the turnover and main indices of mutual trade of the Republic with countries of the Eurasian economic Union, production of agricultural products in the member States of the Union and the dynamics of absolute and relative trade performance of agri-food products in the EEU. The estimation of the share of food in total imports of goods in Kazakhstan, analyzed the dynamics of share of import in commodity resources and the importance of agriculture development to ensure food security of the EEU countries.

Key words: *agro-industrial complex, import substitution, food security, agriculture, self sufficiency in food, the Eurasian economic Union.*

УДК 336.763.311.1(045)

«ЗЕЛЕННЫЕ» ФИНАНСОВЫЕ ИННОВАЦИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Безсмертная Е.Р.

кандидат экономических наук, доцент, декан факультета финансовых рынков имени профессора В.С. Геращенко, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

***Аннотация:** в статье рассмотрены вопросы, связанные с применением инновационных финансовых инструментов, предназначенных для привлечения финансирования в целях реализации проектов, связанных с устойчивым развитием. Приведены количественные характеристики современного международного рынка «зеленых» облигаций, дана общая оценка перспектив развития рынка зеленых финансовых инструментов в России. Сделан вывод о том, что отечественный сегмент рынка зеленых облигаций требует разработки специальной нормативной базы, создания национальной системы стандартизации и сертификации облигаций, выстраивания прозрачной бизнес-модели, оправдывающей затраты на реализацию экологических проектов.*

***Ключевые слова:** экология, климатические изменения, зеленые финансы, фондовый рынок, зеленые облигации, устойчивое развитие, финансовые инструменты.*

Глобальное общечеловеческое устойчивое развитие становится одним из наиболее приоритетных направлений развития современной экономики. При реализации конкретных инвестиционных проектов наряду с вопросами экономической целесообразности сегодня учитывается соответствие проектов так называемым ESG-факторам (Environmental, Social and Governance factors) – факторам окружающей среды, социальным факторам и факторам управления. Учет этих факторов предполагает реализацию принципов «ответственного инвестирования», нацеленного на обеспечение взаимосвязей проекта с целями устойчивого развития.

Термин «устойчивое развитие» (sustainable development) предполагает развитие человечества, удовлетворяющее потребности нынешнего времени, но не ставящее при этом под угрозу способность будущих поколений к удовлетворению их потребностей. Неудивительно, что среди ESG-факторов в настоящее время особое внимание уделяется экологическим факторам. Знаковым моментом для начала активизации деятельности государственных и частных институтов в этом направлении стало подписание Парижского соглашения по климату (Paris Agreement under the United Nations Framework Convention on Climate Change), принятое 12 декабря 2015 г. по итогам 21-й конференции Рамочной конвенции об изменении климата, которое сегодня поддержано 196 странами.

Проблематика, связанная с последствиями загрязнения окружающей среды, с каждым годом привлекает все большее число участников. По аналогии с концепцией «черного лебедя», современные авторы, исследующие экологическую проблематику, стали использовать термин «зеленый лебедь» для обозначения экологически значимых событий, которые обладают свойствами «черных лебедей»⁷, последствия которых могут представлять глобальную угрозу для человечества, способную повлечь за собой сложные цепные реакции, которые могут привести к принципиально непредсказуемой экологической, геополитической, социальной и экономической динамике. Сторонники идей устойчивого развития ввели в оборот специальный термин – «климатическое отчаяние» [9], означающий восприятие человеком изменения климата и ухудшения экологии как неизбежность, ведущую человечество к исчезновению, формирующее у людей ощущение тщетности и бессмысленности любых усилий, а также жизни в целом.

Безусловно, в числе основных факторов устойчивого развития в настоящее время рассматриваются экологические. Исследователи климата уверены, что худшие последствия только такой проблемы, как глобальное потепление, еще впереди, и к ним, помимо природных катастроф, в обозримом будущем прибавятся такие социальные бедствия, как резкий рост миграции людей, конфликты, нищета, неравенство [14]. Термин «зеленая экономика», впервые прозвучав в 1989 г. новаторском докладе правительству Соединенного Королевства «План для зеленой экономики», устойчиво укрепился в современном экономическом лексиконе и в общем и целом означает особую модель экономического развития, нацеленную на создание благоприятных условий для жизни людей и достижение социального равенства за счет значительного снижения неблагоприятного воздействия на окружающую среду. Среди множества возникших позже однокоренных понятий широкое распространение получил термин «зеленые финансы», и, несмотря на то, что он кажется интуитивно понятным, на самом деле имеет множество различных трактовок. В целом «зеленые финансы» включают: государственные и частные инвестиции в производство экологических товаров и услуг; финансирование проектов в области природоохранной деятельности в рамках государственной политики; элементы финансовой системы, непосредственно представляющие собой «зеленые» инструменты – специальные «зеленые» институты, «зеленые» финансовые продукты и инструменты.

Курс на устойчивое развитие изменил подходы к эмиссионной политике множества производственных компаний, сформировал новые ценности, перестраивающие мотивацию крупных институциональных инвесторов, благоприятствовал развитию инновационного способа мобилизации финансовых ресурсов, основанного на эмиссии «зеленых» и социальных облигаций.

⁷ Под «черным лебедем» в теории Н. Талеба понимается редкое и не прогнозируемое событие в экономической, социальных и прочих областях жизни общества, одновременно характеризующееся следующими свойствами: оно лежит за пределами регулярных ожиданий; имеет широко-масштабные последствия; в ретроспективе, по факту свершения, получает логичное объяснение.

«Зеленые» облигации – это долговые ценные бумаги, средства от размещения которых направляются исключительно на финансирование «зеленых» проектов. В соответствии с Принципами зеленых облигаций (The Green Bond Principles, GBP) – документом, разработанным консорциумом инвестиционных банков совместно с Международной ассоциацией рынков капитала (International Capital Market Association, ICMA) с целью стандартизации подходов к развитию рынка эмиссий, ориентированных на повышение экологической устойчивости, к зеленым относятся проекты, относящиеся к следующим категориям:

- возобновляемые источники энергии;
- эффективность использования электроэнергии; предотвращение и контроль загрязнения окружающей среды;
- экологически устойчивое управление живыми природными ресурсами и землепользованием;
- сохранение земного и водного биоразнообразия;
- экологически чистый транспорт; эффективное управление водными ресурсами и сточными водами;
- адаптация к изменению климата;
- экологически эффективные и/или адаптированные продукты безотходной экономики, производственные технологии и процессы;
- зеленые здания.

Впервые финансовые инструменты, которые сегодня считаются «зелеными», были выпущены в 2007 г. Европейским инвестиционным банком. Это были облигации климатической направленности – Climate Awareness Bonds. В дальнейшем данную категорию ценных бумаг стали называть «климатическими» облигациями, термин «зеленые», как обобщающее понятие, стал использоваться несколько позже [10]. Но квалифицированными именно как «зеленые», т.е. получившими соответствующую маркировку, первыми стали облигации, эмитированные в ноябре 2008 г. Международным банком реконструкции и развития (МБРР) в сотрудничестве со Skandinaviska Enskilda Banken (SEB). С этого выпуска началось создание системы критериев отбора проектов, включающей наличие заключения независимого эксперта в качестве т.н. «второго мнения», а также выполнение требования о включении в отчетность информации о результатах воздействия реализуемых проектов на состояние окружающей среды.

Концепция выпуска инструментов, предназначенных для финансирования проектов, связанных с устойчивым развитием, подразумевает функционирование системы контроля использования привлекаемых с помощью таких эмиссий денежных средств. В этой связи особое значение приобретает процесс стандартизации «зеленых» облигаций. Впервые попытка ввести такие стандарты была предпринята в конце 2011 г. Climate Bond Initiative (CBI) – международной некоммерческой организацией, ориентированной на выработку механизмов стимулирования инвестиций, направленных на предотвращение глобальных климатических изменений. Первый стандарт был предназначен для климатических облигаций,

выпущенных для проектов в сфере генерации ветровой энергии. Позднее СВИ разработала еще несколько отраслевых стандартов, опубликовала их обобщенную «версию 2.0», содержащую описание процесса сертификации, требования к эмитентам и иным участникам рынка.

Еще одним документом, призванным поддерживать целостность и единообразие рынка «зеленых» облигаций, являются упомянутые выше Принципы зеленых облигаций (The Green Bond Principles, GBP), носящие рекомендательный характер и предназначенные для эмитентов, ориентированных на реализацию проектов с экологической составляющей. Помимо общего перечня категорий допустимых экологических проектов, они содержат стандарты в части прозрачности, раскрытия информации и отчетности при эмиссии «зеленых» облигаций и являются основой для национальных методических рекомендаций, впоследствии принятых в ряде государств.

Однако не всегда соответствие «зеленым» стандартам гарантирует реальную экологическую направленность финансируемых проектов. В ряде случаев проспекты «зеленых» облигаций содержат положения, позволяющие не квалифицировать как дефолт невыполнение обещания направлять средства на «зеленые» проекты (в частности, такие положения содержатся в проспекте облигаций компании Apple) [4]. В целом, многие скептики достаточно резко критикуют тотальное увлечение «зелеными» проектами, усматривая в этом корыстные интересы компаний, позиционирующих себя как экологически ответственные, но на самом деле не имеющие для этого достаточных оснований [3]. Термин «гринвошинг» (greenwashing), который буквально означает «зеленое отмывание», сегодня активно используют для обозначения формы маркетинга, позволяющего создать ложное впечатление об экологичности предлагаемого продукта и повысить таким образом объемы продаж.

Исследования рынка «зеленых» облигаций в части влияния практики зеленых эмиссий на финансовое положение и имидж компаний-эмитентов [13] позволили их авторам сделать выводы о том, что несмотря на то, что выпуск «зеленых» облигаций сопряжен с рядом дополнительных затрат, цены акций эмитентов, объявляющих об эмиссии «зеленых» облигаций, демонстрируют положительную ценовую динамику, особенно в случаях, если эта эмиссия является первичной.

Тем не менее, выпуск «зеленых» инструментов следует рассматривать главным образом как реальный механизм поддержки мероприятий по защите окружающей среды. Институт устойчивого инвестирования Morgan Stanley и информационное агентство Bloomberg недавно провели исследование среди крупных американских компаний по управлению активами, которое показало, что 75% из них осуществляют инвестирование в объекты, связанные с устойчивым развитием, при этом подавляющее большинство опрошенных считают, что инвестирование в проекты, связанные с устойчивым развитием, уже не является просто данью моде, а уверены, что эта тенденция сохранится в будущем. 89% компаний также

сообщили о том, что их фирмы увеличат объемы устойчивого инвестирования в ближайшие два года.

Несмотря на большой интерес к «зеленым» облигациям как к новому рыночному явлению, они составляют пока весьма незначительную долю совокупного мирового облигационного рынка – не более 1–2%. Однако этот сегмент рынка растет высокими темпами: в период с 2012 по 2019 гг. он вырос почти в 100 раз. По итогам 2019 г. совокупный объем эмиссии «зеленых» облигаций достиг очередного рекорда и составил 257,7 млрд. долл. На рынке присутствует 1788 видов «зеленых» облигаций 496 эмитентов. При этом в 2019 г. на рынке появились ценные бумаги 250 новых эмитентов [12]. По оценкам ОЭСР, рынок зеленых облигаций к 2035 году может вырасти до 4,7–5,6 трлн. долл., при этом объемы ежегодного выпуска могут достигать порядка 620–720 млрд. долл.

В настоящее время в тройку стран, являющихся лидерами по объему выпущенных «зеленых» облигаций, входят США, Китай и Франция, на их долю приходится более 40% совокупного объема эмиссий, состоявшихся в 2019 г. США традиционно занимает 1-е место (51,3 млрд. долл., что составляет 19,9% от совокупного мирового выпуска). Эмитентам из Китая и Франции удалось выпустить облигации на сумму 31,3 млрд. долл. (12,1%) и 30,1 млрд. долл. (11,7%) соответственно. Несмотря на то, что крупнейшие эмиссии «зеленых» облигаций осуществляются в странах с развитой экономикой, активную положительную динамику демонстрируют и развивающиеся рынки, в частности, эмитенты стран Латинской Америки. В 2019 г. состоялись дебютные выпуски «зеленых» облигаций эмитентами из России, Украины, Греции, Кении, Саудовской Аравии и других стран. Инновационные финансовые инструменты конструируются и на небольших национальных рынках ценных бумаг. Так, «цветные» облигации новой разновидности – «голубые» (blue bonds) – были выпущены на Сейшельских островах в 2018 г.: в стране, где 17% населения занято в отрасли рыболовства, впервые были выпущены эти инструменты, предназначенные для финансирования проектов, целью которых является поддержка и ответственное использование ресурсов мирового океана.

«Зеленые» облигации – не единственная финансовая инновация, поддерживающая идеи устойчивого развития. В настоящее время функционируют специализированные биржевые инвестиционные фонды – ETF (Exchange Traded Fund), ориентированные на ESG. Их доля на рынке торгуемых ESG ETF тоже пока невелика: порядка 2,5% от их общего количества, а активы составляют 0,3% от объема активов всех торгуемых ETF [1]. Чаще всего ESG ETF используют для поддержки идей устойчивого развития «стратегию исключения»: из портфелей выводят активы, связанные с направлениями бизнеса, которые противоречат целям устойчивого развития (инструменты компаний, занимающихся добычей полезных ископаемых, производством табака и алкоголя, игорный бизнес, и т.д.). Например, в 2018 году 985 институциональных инвесторов из 37 стран исключили из своих портфелей активы на сумму 6,24 трлн долл.

Биржевые фондовые площадки также включены в процесс движения к устойчивому развитию. В 2016 г. начала работу первая в мире специализированная платформа для размещения «зеленых» финансовых инструментов - Люксембургская зеленая биржа (Luxembourg Green Exchange, LGE) По состоянию на 13.02.2020 на LGE размещены 632 выпуска ценных бумаг 120 суверенных и корпоративных эмитентов 30 стран мира на сумму 226,9 млрд. евро. По данным СВИ, листинг «зеленых» облигаций как отдельной категории фондовых ценностей осуществляется в настоящее время на 10 биржах.

Появляются и специальные биржевые индикаторы – фондовые индексы ESG, увязывающие между собой показатели устойчивого развития и финансовые показатели. В их числе – S&P 500 Carbon Efficient Index, S&P Europe 350 Carbon Efficient Index, FTSE Environmental Markets Index Series и другие индексы, рассчитываемые биржевыми площадками в странах с развитыми и формирующимися финансовыми рынками.

В России развитие рынка «зеленых» и социальных облигаций является в настоящее время одной из приоритетных задач развития механизма инновационного финансирования. Эти инструменты упомянуты в Платформе деятельности Минэкономразвития Российской Федерации на период с 2019 по 2024 г. Идет работа по разработке национальных правил и стандартов для верификации зеленых финансовых инструментов. «Концепция организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного финансирования», подготовленная Экспертным советом по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России и содержащая подробный анализ зарубежной практики, может послужить основой для формирования методологической системы ответственного инвестирования и зелёных финансовых инструментов в России. [6]

По мнению ряда специалистов, медленные темпы продвижения «зеленых» финансовых инструментов в России в перспективе может оказать негативное воздействие на развитие конкурентоспособности национального финансового рынка в целом [2]. Запоздалое присоединение нашей страны к «зеленым» инициативам может сдержать вовлечение в инвестиционные процессы капиталов инвесторов, ориентированных на цели устойчивого развития. Разработка прозрачного механизма маркировки облигаций, которые по своей идеологии имеют все основания быть квалифицированными как «зеленые», позволит эмитентам, реализующим экологические проекты, получить доступ к дополнительной государственной поддержке и инвестиционным ресурсам. Хотя в настоящее время в российском законодательстве отсутствует понятие «зеленых» облигаций, есть надежда, что этот пробел в ближайшее время будет ликвидирован: идет работа над проектами двух нормативных документов, в которых будут раскрываться особенности эмиссии таких облигаций. В проекте Положения Банка России «О стандартах эмиссии ценных бумаг» присутствует раздел «Особенности эмиссии облигаций с целевым использованием денежных средств, полученных от их размещения», где в числе

разновидностей таких облигаций особо выделены как «зеленые» облигации, так и облигации, соответствующие международным принципам и стандартам в области «социального» финансирования и (или) устойчивого развития. В проекте Положения Банка России «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» содержатся требования к раскрытию эмитентами «зеленых» облигаций дополнительных сведений об эмиссии.

По некоторым оптимистичным оценкам, потенциальная емкость рынка «зеленых» облигаций в России – 1–1,5 трлн руб. [8]. Но на практике данный сегмент развит пока крайне слабо: официальный статус «зеленых» облигаций имеют лишь долговые инструменты, выпущенные четырьмя эмитентами: компанией «Ресурсосбережение ХМАО» (строительство и эксплуатация полигона для размещения, обезвреживания и обработки твердых коммунальных отходов); банком «Центринвест» (энергоэффективные проекты, возобновляемые источники энергии и экологически чистый транспорт); АО «Коммерческая недвижимость ФПК «Гарант-инвест» (модернизация торговых и многофункциональных центров и внедрение «зеленых» технологий), а также ОАО «РЖД», выпустившим «зеленые» еврооблигации, ориентированным на иностранных инвесторов (финансирование и рефинансирование покупки пассажирских электропоездов).

Это не означает, что российские эмитенты далеки от проблем, связанных с защитой окружающей среды. Выпусков ценных бумаг, осуществленных в рамках поддержки экологических проектов, гораздо больше. Еще по состоянию на октябрь 2018 г. более двух десятков выпусков облигаций российских эмитентов, цели которых, указанные в проспектах выпусков, соответствовали принципам ESG, не могли быть официально отнесены к категории «зеленых» лишь из-за отсутствия «зеленой» маркировки. [5]

В апреле 2019 г. Московская биржа присоединилась к глобальной инициативе «Биржи за устойчивое развитие» (Sustainable Stock Exchanges – SSE), которая сегодня объединяет 119 бирж из разных стран мира. На этих площадках обращаются ценные бумаги более чем 50 тыс. эмитентов, их общая рыночная капитализация составляет почти 86 трлн. долл. [11]. С присоединением к глобальной инициативе начался ежедневный расчет двух индексов устойчивого развития в сотрудничестве с Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП) – «Ответственность и открытость», рассчитываемый на основе цен акций 22 эмитентов, являющихся лидерами по раскрытию информации в области ESG, и «Вектор устойчивого развития», рассчитываемый на основе цен акций 15 эмитентов, показавших лучшую динамику показателей в сфере устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности. [7]

Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением зарубежных специалистов, считающих, что в России массовый интерес к «зеленым» облигациям не появится до тех пор, пока участники рынка не получают дополнительных выгод, предоставляемых «в обмен на поставку «реальных, дополнительных и проверенных эколо-

гических результатов»⁸. В этой связи одним из направлений разработки регулятивных мер, направленных на развитие «зеленого» сегмента финансового рынка, представляется разработка комплекса льгот, предоставляемых как потенциальным эмитентам «зеленых» инструментов, так и инвесторам, поддерживающим проекты, ориентированные на устойчивое развитие.

Литература

1. ESG факторы в инвестировании. – МИРБИС, 2019. URL: <https://www.pwc.ru/ru/sustainability/assets/pwc-responsible-investment.pdf>
2. Бик С. Борьба за эконошю: зачем в России нужны «зеленые» облигации // Forbes, 07.09.2018. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/investment-2018366571-borba-za-eko-nishu-zachem-v-rossii-nuzhny-zelenye>
3. Все оттенки зеленого: как компании лгут о своей экологической ответственности / Harvard Business Review, 13.01.2019 URL: https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/etika-i-reputatsiya/817320?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=kak_izbavit_mir_ot_klimaticheskogo_otchayaniya&utm_term=2020-01-28
4. Гутброд М., Храплива Ю.И., Володин С.Н. «Зеленые облигации» как новый финансовый инструмент и перспективы их внедрения в России. Валютное регулирование. Валютный контроль. – 2017. - № 9, с. 44–52.
5. Зеленые финансы: повестка дня для России. Диагностическая записка. Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России Рабочая группа по вопросам ответственного финансирования (ESG-finance), в т. ч. «зеленого» финансирования URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/51270/diagnostic_note.pdf
6. Концепция организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования. – Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. Рабочая группа по вопросам ответственного финансирования (ESG-finance). – М., 2019. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/84163/press_04102019.pdf
7. Почему избалованные эмитенты РФ сторонятся «зеленых бондов»: Q&A. Bloomberg. 2017. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/pochemu-izbalovannye-emitenty-rf-storonyatsya-%60zelenykh-bondov-q&a-1002019257>
8. Столбунов В. Российский бизнес ищет зеленое финансирование // Независимая газета. 2018. 2 апреля. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-04-02/6_7202_ecology.html
9. Уинстон Э. «Климатическое отчаяние»: что ждет бизнес и общество в 2020 году // Harvard Business Review, 13.01.2020. URL: https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/etika-i-reputatsiya/820479?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=kak_izbavit_mir_ot_klimaticheskogo_otchayaniya&utm_term=2020-02-11

⁸ Почему избалованные эмитенты РФ сторонятся «зеленых бондов»: Q&A. Bloomberg. 2017. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/pochemu-izbalovannye-emitenty-rf-storonyatsya-%60zelenykh-bondov-q&a-1002019257>

Безсмертная Е.Р.

10. Хмыз О.В. Международный опыт выпуска «зеленых» облигаций // Экономика. Налоги. Право. – 2019. – Т.12. - № 5, с. 134 (с.132–141).
11. 10 years of impact and progress. Sustainable Stock Exchanges 2009-2019, p.2. URL: <https://sseinitiative.org/wp-content/uploads/2019/09/SSE-10-year-impact-report.pdf>
12. 2019 Green Bond Market Summary. February 2020. – Climate Bonds Initiative. URL: <https://www.climatebonds.net/resources/reports/2019-green-bond-market-summary>
13. Tang D.Y., Zhang Y. Do shareholders benefit from green bonds? Journal of Corporate Finance. 2018; №12:1–18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.corpfin.2018.12.001>.
14. The Green swan. Central banking and financial stability in the age of climate change. – Bank for International Settlements, January 2020, p.5. URL: www.bis.org/publ/othp31.pdf

GREEN FINANCIAL INNOVATIONS: DIRECTIONS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Bezsmertnaya E.R.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Financial Markets named after Professor V.S. Gerashchenko FSOBU «Financial University under the Government of the Russian Federation»

Abstract. *The article deals with issues related to the use of innovative financial instruments designed to attract funding for the implementation of projects related to sustainable development. Quantitative characteristics of the modern international market of green bonds are given, and a General assessment of the prospects for the development of the market of green financial instruments in Russia is given. It is concluded that the domestic segment of the green bond market requires the development of a special regulatory framework, the creation of a national system of standardization and certification of bonds, and the creation of a transparent business model that justifies the costs of implementing environmental projects.*

Key words: *ecology, climate change, green Finance, stock market, green bonds, sustainable development, financial instruments.*

УДК 334.075

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АПК С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕОРИИ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Тураев Б.Х.

доктор экономических наук, профессор, проректор по учебной и воспитательной работе, Международный университет туризма «Шелковый путь»

Рузиев Х.Ж.

заместитель директора по экономике, филиал Ташкентского университета информационных технологий в г. Карши

Аннотация. В статье изучены вопросы построения механизма внутриотраслевого сотрудничества различных форм хозяйствования в АПК республики Узбекистан. Объектом исследования послужили сельскохозяйственные товаропроизводители, осуществляющие свою деятельность в условиях риска и неопределенности. Цель исследования – раскрыть преимущества и организационные предпосылки к концентрации производства, на основе принципов агропромышленной интеграции. Отмечается, что основой таких систем является кластеризация на основе кооперации.

Ключевые слова: сельское хозяйство, кооперация, кластеризация, государственная поддержка, организационное взаимодействие.

Экономика представляет собой упорядоченную совокупность отраслей, составляющих единую экономическую систему. Универсальные типы экономических систем характерны для национальных экономик стран с различным уровнем развития. Это является основой функционирования отраслей с учётом их специфики специализации. На данном этапе своего развития экономика Узбекистана представляет собой индустриальный комплекс, но с аграрным типом специализации. Поэтому функционирование аграрного сектора в едином народнохозяйственном комплексе имеет большое технологическое значение. Помимо этого, развитие аграрной сферы индуцирует дополнительные и побочные эффекты в других отраслях национальной экономики. Учитывая также то, что увеличение объёмов производства сельскохозяйственной продукции требует адекватного роста производственных мощностей перерабатывающей промышленности, торговых площадей, происходит формирование и функционирование интегрированной структуры, основанной на производственно-технологических связях в виде агропромышленной интеграции с постепенным перерастанием этого процесса в агропромышленный комплекс. Говоря о формах интеграции и кооперации в сельском хозяйстве, необходимо определить понятие «агропромышленный комплекс».

Появление термина «агропромышленный комплекс» относится к периоду 1960–1970 гг., когда, по мнению многих ученых агропромышленный комплекс

был определен в общих представлениях. Однако частного понимания термина среди ученых не сложилось.

Так В. А. Тихонов сформировал эту категории следующим образом: «агропромышленный комплекс – это совокупность взаимодополняющих видов производственной деятельности, объективно ориентированных, но изготовление конечных продуктов из сельскохозяйственного сырья».

Макарова О. А. дает следующее определение: «агропромышленный комплекс представляет собой сложную многоотраслевую индустриально-экономическую систему, содержание которой определяется интеграцией сельского хозяйства и смежных отраслей».

Известный учёный М. И. Лозирь, писал, что «агропромышленный комплекс СССР – это диверсифицированная экономическая система, выходящая из ряда параллельных взаимосвязанных производственно-технических шагов: производство средств производство – производство продукции растениеводства и животноводства – обработка в объектах конечного потребления и их реализация, и предоставление потребителю».

Различные трактовки сущности агропромышленного комплекса можно обобщить, понимая его как интегрированную производственно-экономическую систему сфер и отраслей, занятых производством сельскохозяйственной продукции, её обработкой и доставкой конечному потребителю.

В экономической литературе агропромышленный комплекс тесно связывается с понятием «агропромышленная интеграция», как сложного процесса технологического, экологического и организационного соединения взаимосвязанных этапов производства, хранения, переработки и доведения до потребителя продуктов питания и предметов потребления из сельскохозяйственного сырья.

Организационно-экономический механизм агропромышленной интеграции – пишет В. А. Тихонов, – появляется в прекращении отдельных, разрозненных, хотя и взаимосвязанных видов земледельческой и промышленное производство.

По мнению В. И. Старовойтова, агропромышленную интеграцию правомерно рассматривать как основное содержание объективного процесса обобществления сельскохозяйственного производства в современных условиях, суть которого в органичном соединении и слиянии производства сельскохозяйственной продукции с ее промышленной переработкой, сбытом, поставками селу необходимых средств производства, как основной принцип и новую систему связей между производителями одновременно и сельскохозяйственным и промышленным трудом или же как синтез промышленности и сельского хозяйства.

В ряде трудов синтез промышленного и сельскохозяйственного производства предлагается увязывать с решением социально-экономических проблем.

Агропромышленная интеграция – это одна из фундаментальных тенденций, присущих современному периоду развития страны, есть сложный социально-экономический процесс, затрагивающий все стороны общественного развития. При

исследовании воздействия агропромышленной интеграции на сферу труда необходимо учитывать тот факт, что процесс структурообразования в народнохозяйственном АПК еще не завершился и идет его дальнейшая интеграция.

Интеграция может быть долгосрочной тогда, когда она может быть чем-то постоянным, и краткосрочной – в любой момент времени для выполнения определенной работы. Поэтому система экономических интересов определяется не столько их географической близостью или отдаленностью, сколько близостью интересов и уровнем взаимного экономического удовлетворения. Это положение должно быть выделено в качестве важной предпосылки для эффективной экономической интеграции.

В исследовании теоретических аспектов формирования современной экономической структуры, по мнению некоторых авторов, интеграция объекта не обусловлена вариантами процесса экономического развития, и она осуществляется по специально разработанному плану, но в соответствии с общими инвариантными экономическими законами. Она не меняет своей сущности, но с изменяющимися социально-экономическими условиями, при переходе от одной стадии развития общества к другой, приобретает специфические черты.

Это не временное и случайное явление, это глубоко естественный процесс, долгосрочная тенденция, характерная для всех экономических формаций. Из вышеизложенного следует, что в условиях ужесточения конкуренции на рынке товаров и услуг ключевым аспектом объединения являются хозяйствующие субъекты. И, как следствие, «интегрированные структуры» можно сформулировать следующим образом: интегрированная структура – это организационно-экономическая форма кооперации хозяйствующих субъектов, сформированная в условиях объединения ресурсов для возможности эффективного (инновационного) развития с оптимальным использованием синергетического эффекта. Современный этап развития агропромышленного комплекса АПК характеризуется более интенсивной интеграцией, чем предыдущий период.

Основными формами интегрированных структур в сельском хозяйстве в Узбекистане на данный момент являются: компании, ассоциации, союзы, агропромышленные зоны.

С юридической и технологической точки зрения для организации и консолидации интегрированных структур имеются два фундаментальных подхода:

– полное или частичное слияние материальных и нематериальных активов, финансовых ресурсов и созданные средств для эффективной координации их совместной деятельности;

– технологическая и экологическая интеграция для реализации инвестиционных программ и проектов, направленная на повышение конкурентоспособности хозяйствующих субъектов;

– создание объединенного руководства на высшем уровне с четким распределением прав и общностей.

На рисунке 1 изображена формальная организационная структура АПК Республики Узбекистан, так как в реальном измерении она отсутствует, и её функционирование относительно регламентируется административными рычагами и методами управления со стороны соответствующих государственных органов и структур.

Основной технологической составляющей и неотъемлемой частью производственной инфраструктуры АПК является производство средств производства, от которого зависит эффективность всех производственных процессов в сельскохозяйственном производстве. Оно представлено в республике предприятиями акционерного общества «Узагротехсаноат холдинг», которое про-

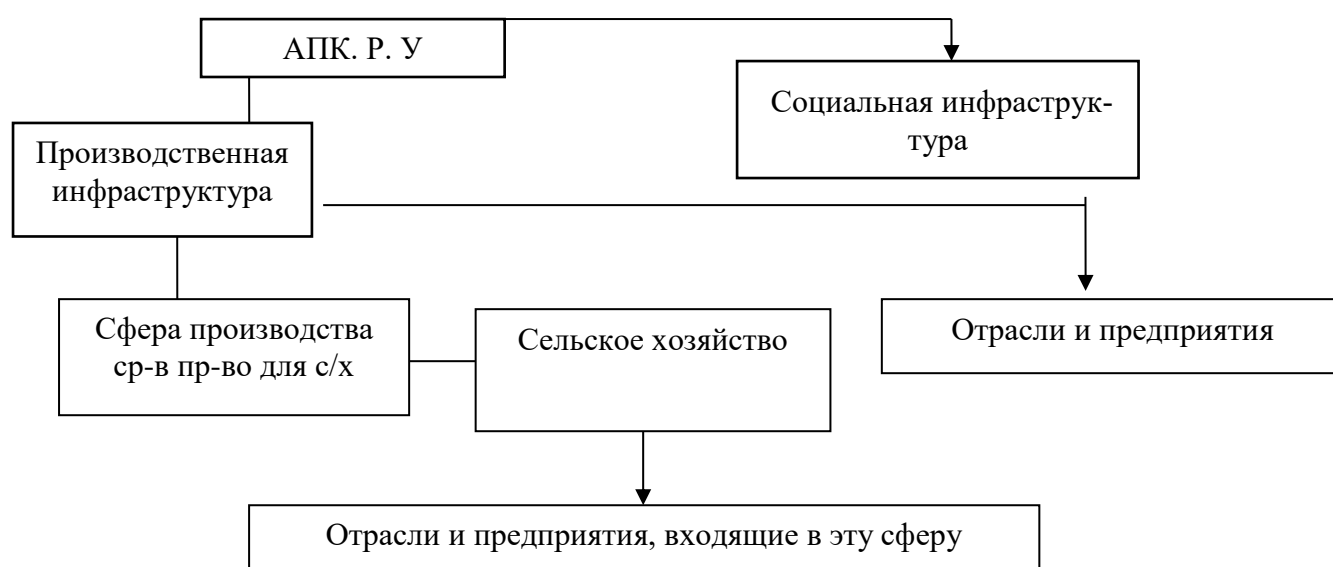

Рисунок 1 – Относительная (формальная) организационная структура АПК Республики Узбекистан переработки с/х сырья.

изводит сельскохозяйственную технику и комплектующие изделия к ним. Если проанализировать номенклатуру продукции, производимой акционерным обществом, можно без сомнения сделать вывод, что оно в основном предназначено только для хлопководства и зерноводства и составляет 97% от общего объёма производства. Это определяется не только рыночной заинтересованностью и стратегическим значением этих отраслей, но и ярко выраженной монополизацией производства техники. В республике аграрное производство сосредоточено в основном в частном секторе и поэтому серьёзного отношения к укреплению ее производственной инфраструктуры не проявляется, причиной является отсутствие консолидации интересов и разобщенность хозяйствующих субъектов. Поэтому

предприятия машиностроения не производят ни одного наименования сельскохозяйственной техники для животноводства, и оно зависит от импортного оборудования.

Низкий уровень развития пищевой и лёгкой промышленности обусловлен также зависимостью отраслей от импорта оборудования и специализации предприятий по производству готовой продукции из сырья хлопководческой и зерноводческой отраслей.

Наиболее развитой отраслью производственной инфраструктуры АПК в республике является производство минеральных, химических удобрений и средств химизации. Оно перекрывает не только потребности агропромышленного комплекса страны, но и экспортируется в больших объемах, за счет чего обеспечивается цепочка получения высокой добавленной стоимости. Этим и определяется развитость отрасли.

Предприятий, представляющих микробиологическую промышленность, в республике очень мало, хотя её развитие для АПК имеет очень огромное значение. В условиях, когда импорт кормов в стране достигает 60–65%, в том числе по птицеводству этот показатель составляет 85%, развитие микробиологической промышленности для АПК неопределимо. При этом нужно учесть и то обстоятельство, что продукцией отрасли, являются также средства биологической защиты растений.

Применение средств защиты растений для увеличения производства экологически чистой продукции, на данный момент является актуальной задачей. Предприятия, осуществляющие строительство объектов производственной инфраструктуры, в регионах практически отсутствуют.

Объекты производственной инфраструктуры АПК возводятся на местах за счет различных источников финансирования в зависимости от потребностей регионов (строительство хранилищ, но центров, сушилен и т.д.) частными предпринимателями.

Ремонт и техническое обслуживание основных средств производится на централизованных тракторных станциях, которые сосредоточены в районных и областных центрах. По республике их насчитывается 161 единица. В основном сельскохозяйственная техника востребована в сезон, определяемый технологической особенностью растениеводства, в остальной период она не востребована.

Второй сферой, которая представляет основу агропромышленного комплекса, является сельское хозяйство. Сельское хозяйство республики представлено растениеводством и животноводством, каждая из которых подразделяется на ряд подотраслей. На данный момент в стране наблюдается нехватка земель, пригодных для сельскохозяйственного производства. По состоянию, на 1 января 2019 года средний показатель земель сельскохозяйственного назначения на душу населения составил 0,61 га, из 20,2 млн. га земель сельскохозяйственного назначения только 20,7 % отводится на орошение. Использование земли в сельском хозяйстве во многом зависит от доступности орошения. За последние 15 лет наличие

орошаемых земель на душу населения снизилось на 24% (с 0,23 га до 0,16 га). Это является результатом роста численности населения, сокращения объемов водоснабжения и переводом земель сельскохозяйственного назначения в другие категории земельного фонда. Согласно прогнозам, если не предпринять безотлагательные меры, в течение следующих 30 лет площади орошаемых земель сократятся на 20–25%.

Большая часть земель сельскохозяйственного назначения используется для выращивания хлопчатника и пшеницы – влаголюбивых культур с низкой прибыльностью. В общей сложности, на их долю в 2017 году приходилось 67% от общей площади

Ограниченность плодородных и орошаемых земель для выращивания кормовых культур является основным препятствием для расширения сектора животноводства, наращивания производства и экспорта плодо-овощной продукции. Около 45% земель сельскохозяйственного назначения засолены, из них 19% земель имеют высокую степень засоленности.

Каждый год реализуются меры по росту, культуризации фермерских хозяйств и перераспределению земельных участков. Начиная с 2017 года, основное внимание в области управления земельными ресурсами переместилось с пшеницы и хлопка в сторону диверсификации производства, специализации, а также повышения роли дехканских хозяйств. В республике существуют три категории производителей продукции сельского хозяйства: фермерские хозяйства, дехканские хозяйства и организации, осуществляющие сельскохозяйственную деятельность. В настоящее время в республике насчитывается 77,5 тыс. фермерских хозяйств.

Согласно существующим нормам площадь предоставляемых земельных участков не может превышать 0,35 га орошаемых земель или 1 гектар неорошаемых земель. Несмотря на то, что дехканские хозяйства занимают 13% орошаемых пахотных земель, они являются основными производителями продовольствия страны.

Суть понятий «интеграция», «сотрудничество» и кооперация во многом схожи, поскольку они представляют процессы объединения.

Сотрудничество – это ассоциация предпринимателей смежных отраслей народного хозяйства для совместного производства конечной продукции. Здесь мы имеем ввиду, что установления оперативных отношений может складываться между промышленностью, сельским хозяйством, торговлей и пищевой сферой.

В Советском Союзе идеи формирования и развития кооперационных связей и создаваемых на их основе межотраслевых комплексах, получили интенсивное развитие с 1960–1970-х гг. Однако, следует отметить, что простые кооперационные связи сами по себе не приводят к устойчивым отношениям между отраслями и секторами и не имеют прочной конкретной заинтересованности своих членов в достижении конечного результата. Они позволяют кооперативным структурам в

различных секторах вместе решать общие тактические задачи производства и экономики.

Примером практической реализации более сложных отношений является хорошо развитая система агропромышленного комплекса, где все этапы производственно-технологического процесса от производства сельскохозяйственного сырья до готовой продукции разделяются на отдельные этапы и в тоже время фрагментированы. В агропромышленном производстве разработаны свои уникальные специфические механизмы организации производства, ценообразования, формирования и распределения прибыли, отладки отношений со смежными отраслями и органами государственной власти.

Однако, по мнению некоторых экономистов единой системы агропромышленного комплекса не было даже в годы планово-административной экономики, хотя формально все её структурные подразделения были специализированы в одной сверхпрочной структуре.

Интеграционные процессы в АПК в отличие от кооперации направлены не только на экономическую конвергенцию заинтересованных сторон для решения социально-экономическую задач, но и создания единой экономической структуры, характеризующийся устойчивыми взаимоотношениями между участниками.

В итоге интегрированная структура в форме АПК подразумевает стабильность совокупных общих интересов всех участков, внутри экономически зависимых предприятий и эффективную защиту интересов в отношениях с другими участниками внешнего рынка. Следует отметить, что формирование современных интегрированных экономических структур позволит решать более широкий круг задач, стоящих перед пищевой промышленностью, сельским хозяйством торговлей, оперативно реагировать на изменения рыночной конъюнктуры.

Необходимо отметить, что потенциал интеграции не всегда находит практическое выражение в деятельности сельскохозяйственных предприятий. Это связано с недостатком основополагающих положений о функционировании различных форм интегрированных структур организационно-правовых форм, их поддержки при выборе методов хозяйствования, распределения участников в пространственно-территориальном контенте, обеспечения производственно-экономического управления и технологическим регулированием, а также обеспечением конкретных форм управления финансовой и бухгалтерской деятельности. В конечном счете это формирует определенные перспективы процесса интеграции разнородных участников производственного процесса в сфере АПК.

Процесс интеграции во многом осуществляется в направлении «сверху – вниз», в тоже время, например, в странах Евросоюза процессы активизированы в направлении «снизу – вверх». Это означает, что многие идеи не воспринимаются «внизу» из-за неприятия и недостаточной подготовки к экономическим и психологическим изменениям их участников. Вопросы согласования интересов участников интегрированных структур должны основываться, на глубоком понимании

природы конкретных целей интеграции, структурных факторов организационных, функциональных, экономических, социально-психологических аспектов.

Экономическая составляющая интегрированных структур не ограничивается только присоединением к консолидированной организации, финансовой поддержкой сельхозпроизводителей и ограничением монополии пищевой промышленности. Важным требованием является оптимизация логистической цепочки от производителей сырья и производителей готовой продукции до потребителя.

В условиях эффективно отлаженной логистики можно ожидать роста социально-экономических показателей деятельности каждого участника за счёт синергетического эффекта от интеграции хорошо организованного взаимодействия всех участников интегрированной структуры. Эффект будет положительным эффектом в случае, когда вклад каждого из них будет конкретно направлен, но достижение общей цели. Такая организация работы участников, по нашему мнению, представляет собой систему эффективного взаимодействия. Интеграция как процесс направлена на формирование структуры обеспечения конкурентоспособности сельскохозяйственных предприятий, позволяющих занять нишу на рынке и обеспечить стабильность производства и экономической деятельности в долгосрочной перспективе, в также в изменяющихся условиях хозяйственной деятельности.

Следует отметить, что цели отдельных субъектов интегрированной структуры могут ощутимо и даже существенно отклоняться от общей цели, либо от целей других участников структуры в зависимости от иерархии целей и компромиссности их характера.

Когда все конкретные цели отдельных участников будут подчиняться одной общей цели, с точки зрения структурно организационных аспектов интеграции, то члены, интегрированной структуры, на отдельных этапах подготовки или функционирования в процессе деятельности должны выполнять следующие действия:

1. Определить, обосновать и согласовать тип организационной структуры: жесткую централизацию (по типу холдинга), мягкую централизацию (ФПП), децентрализацию (кластер, союз, ассоциация или смешанный кооператив).

2. Рассмотреть состав и организацию межотраслевых связей (может быть одно- или многоотраслевые структуры) как правило, межотраслевая структура интеграции представляет собой диверсифицированное производство различных видов продукции, когда они ориентированы, на охват большого количество сегментов внешнего и внутреннего рынков.

3. Определить масштабы производственной и хозяйственной деятельности: региональные, межотраслевые отрожнациональные. В частности, интегрированная структура может позволить предприятиям выйти на рынки межрегионального и международного уровней. Кроме того, участники таких структур могут в особых обстоятельствах высвободить часть капитала промышленных предприятий, например, при переполнении рынка, с последующим ограничением производства,

особенно когда прогнозируется долгосрочное снижение спроса на свою продукцию.

4. Инициировать создание интегрированных структур по типу «снизу – вверх» (по инициативе участников) или «сверху – вниз» (решения государственных и региональных властей). В случае формирования таких структур государством приоритетным направлением может быть не всегда прибыль, но и другие цели, например, социальная и продовольственная безопасность, захват рынков соседних страны. Функциональный аспект координации интересов членов интегрированных структур может быть выражен через банковские (финансовые и кредитные структуры), промышленные, коммерческие технологии, услуги и научные исследования.

Преимущество интеграции в агроструктуру банковского (финансового, кредитного) центра выражается через высокий кредитный рычаг, способность обосновывать достаточные объемы производства крупных финансовых резервов, тогда как потенциальным недостатком является ориентация банка (финансово учреждения) на быструю окупаемость и получение высокого дохода за небольшой срок времени, в том числе за счёт спекулятивных операций, что недопустимо применительно к производственной сфере.

Интегрированная структура с промышленным центром устанавливает долгосрочные экономические отношения во всей производственной цепочки укрепляя финансовое положения. В тоже время возникает нехватка финансовых ресурсов для обслуживания ремонта, серьезной технической и технологической модернизации оборудования.

Интегрированная структура, имеющая возможности полного и оперативного контроля над расходами и доходами не только в рамках производства, но и продажи продукции может оперативно реагировать на изменения рыночных условий, в качестве типичного недостатка здесь выступает игнорирование интересов производственной структуры в целом.

Преимущество интегрированной структуры с исследовательским центром заключается в инновационности производства и дистрибуции продукции. Хозяйственная практика показывает, что такие структуры более жизнеспособны при значительной поддержке со стороны государства. Каждый участник в интегрированной структуре практикует выполнение определенной функции. Поэтому разумная специализация функций финансовой и экономической деятельности является основной целью функционального аспекта координации интересов всех участников.

В исследовании многих ученых достаточно глубоко рассмотрены вопросы сочетания материальных и нематериальных активов, а также их инвестиций в определенные проекты.

Экономические аспекты интегрированных структур менее изучены, в том числе не изучены в полном объеме аспекты экономической поддержки. Эти проблемы требуют серьезного рассмотрения. Среди них, как наиболее актуальные, в

практике формирования интегрированных структур АПК республики выделяются: отсутствие финансовых возможностей, отсутствие навыков для самостоятельной занятости и т.д.

Формирование структур, ориентированных на интеграцию сельскохозяйственного и промышленного секторов является одним из вариантов успешного сглаживания противоречий вышеупомянутых социально-психологических и экономических аспектов.

В итоге, анализ теоретических аспектов в планировании интеграционных процессов и гармонизации интересов субъектов интегрированных структур позволяет выделить их основные принципы:

- структурно-организационный, связанный с восстановлением разрушенных производственных и технологических связей, функциональной специализации финансово хозяйственной деятельности всех участников;
- экономический, как определение оптимального отклонения общего дохода от общественной стоимости
- социально-психологический, выражающийся в формировании культурной и ценностной ориентации.

Из приведенного выше предварительного анализа особенностей формирования современных экономических структур, применительно к технологиям интеграции, на базе агропромышленного производства можно сделать вывод, что необходимо учитывать диверсификацию системы, порождаемой развитием интеграции экономических отношений сельского хозяйства, с одной стороны, отраслей производящих средства производства, с другой стороны – отраслей обеспечения производства сельскохозяйственной продукции и сырья, их транспортировку, хранение, переработку и продажу готовой продукции через рыночную структуру.

Развития интегрированных структур в АПК, как представляется, является значимым в настоящее время не только для выхода отдельных хозяйствующих субъектов на принципиально новый уровень функционирования с ориентиром на расширенное воспроизводство, но также для экономики всех регионов Узбекистана, так как развитие интегрированных структур послужит локомотивом развития социально-экономической системы. При правильной организации условий их функционирования, как показывает хозяйственная практика, произойдет положительный мультипликативный эффект как в социальном, так и в экономическом развитии территорий страны при наличии соответствующей государственной поддержки.

Литература

1. Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева Олий Мажлису, 25 января 2020 год.
2. Хамраева С.Н. «Формирование агротехнопарков в Узбекистане» European research, no. 12 (23), 2016, pp. 39–40.

Тураев Б.Х., Рузиев Х.Ж.

3. Эргашев Р.Х., Хамраева С.Н. Совершенствование механизмы инновационного развития инфраструктуры сельского хозяйства VI Международной научно-практической конференции соискателей высшего образования и молодых ученых «Менеджмент субъектов хозяйствования: проблемы и перспективы развития» 19–21 декабря 2019 года в г. Житомир, Украина, 355–361 стр.

STUDY OF PROBLEMS OF FUNCTIONING OF AGROINDUSTRIAL COMPLEX USING THE THEORY OF AGROINDUSTRIAL INTEGRATIONS

Turaev B. Kh.

*Doctor of Economics, Professor, Vice-rector for academic and educational work,
«Silk road international University of tourism»*

Ruziev Kh. Zh.

*Deputy Director for Economics, branch of the Tashkent University of information
technologies in Karshi*

Abstract. *The article examines the issues of building a mechanism for intra-industry cooperation of various forms of management in the agro-industrial complex of the Republic of Uzbekistan. The object of the study was agricultural producers operating under conditions of risk and uncertainty. The purpose of the research is to reveal the advantages and organizational prerequisites for the concentration of production, based on the principles of agro-industrial integration. It is noted that the basis of such systems is clustering based on cooperation.*

Key words: *agriculture, cooperation, clustering, state support, organizational interaction.*

УДК 330.332

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ

Эргашев Р.Х.

*доктор экономических наук, профессор Каршинского
Инженерно-Экономического Института*

Хамраева С.Н.

*кандидат экономических наук, доцент Каршинского
Инженерно-Экономического Института*

Файзиева Ш.Ш.

*кандидат экономических наук, доцент Каршинского
Инженерно-Экономического Института*

***Аннотация.** В данной статье проанализирована инновационная деятельность объектов инфраструктуры сельского хозяйства, выявлены проблемы и разработаны научные предложения по инновационному развитию инфраструктуры сельского хозяйства.*

***Ключевые слова:** инфраструктура сельского хозяйства, инновационное развитие, SWOT-анализ, инновационные затраты, инновационный процесс, фермерские хозяйства*

В современных условиях мировой интеграции обеспечение продовольственной безопасности страны требует адаптацию отрасли к изменяющейся внешней окружающей среде, влияющим разнообразным инновациям и научно-техническому прогрессу на основе устойчивого развития сельского хозяйства. Поэтому во многих развитых странах мира современный этап развития сельского хозяйства определяется как переход к инновационной модели, способствующей систематической интеграции аграрной и научно-технической сфер для повышения её эффективности. В частности, «возникает необходимость создания «умного сельского хозяйства», в целях оптимизации системы производства и распределения, а также внедрения новых бизнес моделей, которые теперь будут больше фокусироваться на эффективном использовании земли, энергии и других природных ресурсов, а также на потребностях беднейшего населения мира». [6]

К 2050 г. население мира вырастет до 9,7 миллиарда человек, что приведёт к глобальным проблемам [6]. Эти проблемы создают серьёзную угрозу достижению права на достаточное питание и основополагающего права каждого человека

на свободу от голода. Потребуется от сельхозпроизводителей больше производить продовольствия, чтобы прокормить растущее население, и для достижения целей в области устойчивого развития. С этой точки зрения, реформирование инновационной продовольственной системы является основным инструментом, содействующим спасению семейных фермеров от бедноты, продовольственной безопасности, устойчивому сельскому хозяйству и достижению резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», принятой 25 сентября 2015 г. [7]

В Узбекистане также уделяется внимание на обеспечение всех условий для активизации инновационных процессов во всех отраслях экономики, включая сельское хозяйство. Инновационное развитие позволит решить существующие проблемы в сельском хозяйстве и радикально изменить его облик, перейти на новый этап развития сельского хозяйства и инфраструктуры в сельском хозяйстве. В этом контексте в условиях модернизации страны определена приоритетная задача «разработать комплексную программу дальнейшего реформирования сельского хозяйства», «восстанавливать наши исчезающие традиционные сорта овощей и фруктов, наладить рациональную и эффективную селекционную работу, широко внедрять в сферу научные достижения и инновационные разработки» [7], а также «нам крайне нужны фермеры, в совершенстве освоившие современные сельскохозяйственные технологии, владеющие инновационными методами производства» [2]. Здесь методы и механизмы инновационного развития инфраструктуры должны не только соответствовать современным рыночным принципам народного хозяйства, но и учитывать особенности каждого региона. В целом, комплексное изучение инновационной деятельности и процессов в отраслях инфраструктуры сельского хозяйства, критическое исследование существующей ситуации и инновационное развитие инфраструктуры в сельском хозяйстве становятся объективной необходимостью.

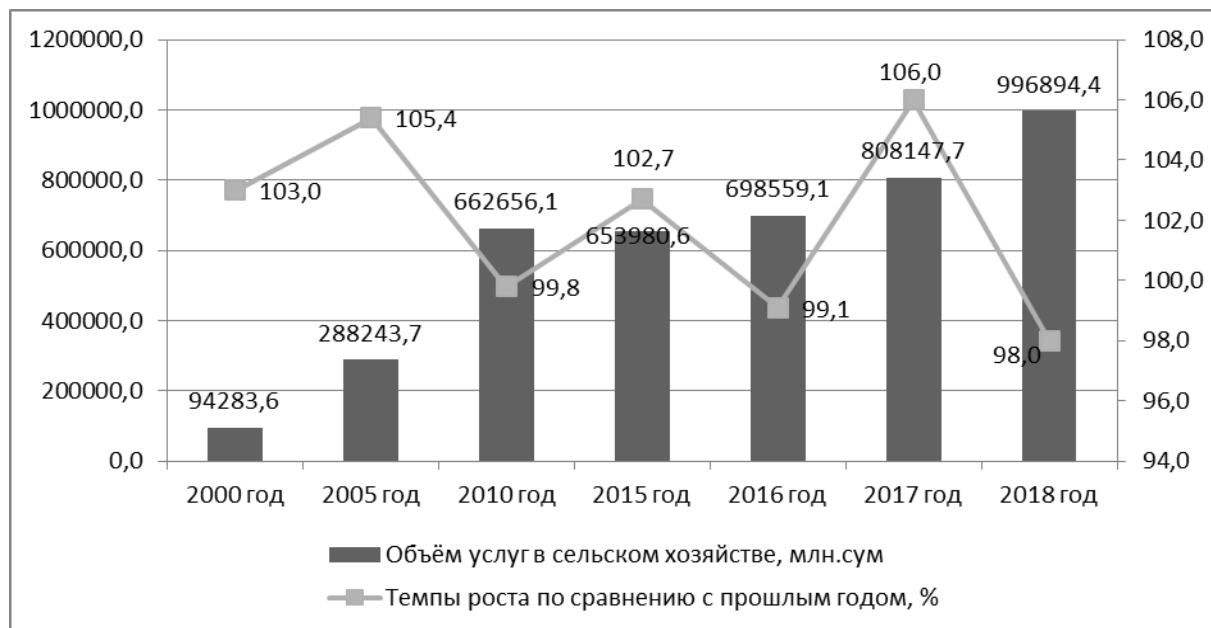
Учитывая огромную роль сектора инфраструктуры в развитии экономики страны, правительство приняло ряд постановлений о совершенствовании структуры агроинфраструктуры, продвижении производства и повышении эффективности услуг. Важным шагом в дальнейшем развитии этого сектора является принятие Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан № 55 от 26 февраля 2016 г. «О Программе развития сферы услуг на 2016–2020 гг.».

Согласно анализу, в 2000 г. объём оказанных услуг сельскому хозяйству республики составлял 94283,6 млн. сумов и в 2018 г. этот показатель составлял 996894,4 млн. сумов и за этот период общий объём услуг увеличился в 10,6 раза (рисунок 1).

Принимая во внимание важность инфраструктуры в стабилизации сельского хозяйства, было уделено внимание на создание и развитие этих услуг в регионах, где созданы фермерские хозяйства. В стране действуют 8348 различных пунктов инфраструктуры, наибольшая доля которых находится в Самарканде, Фергане,

Кашкадарье и Ташкенте. Количество пунктов значительно увеличилось в Навоийской и Джизакской областях. Однако было установлено, что количество фермерских хозяйств и объём площадей, приходящий на единицу пункта оказания услуг, увеличивается, что негативно влияет на качество обслуживания.

Анализ количества объектов инфраструктуры сельского хозяйства, валовой продукции сельского хозяйства, количество фермерских хозяйств и

Источник: составлено автором на основе данных Государственного комитета статистики Республики Узбекистан.

Рисунок 1 – Динамика развития инфраструктуры в сельском хозяйстве

объём земельных площадей, приходящих на единицу объектов инфраструктуры, показывает, что в 2009-2018 гг. были сокращены почти все объекты инфраструктуры: мини-банки на 89 %, альтернативные МТП – 22,4%, минеральные удобрения – 27,4%, ассоциации водопользователей – 14,6 процента и пункты по реализации ГСМ – 5,8%, пункты по оказанию информационных и консалтинговых услуг – 75%, пунктов по производству тара упаковочных материалов – 62,8%.

В результате количество фермерских хозяйств, приходящие на единицу объектов инфраструктуры (мини-банки уменьшились на 6574,6%, пунктов по реализации минеральными удобрениями – 101,8%, пункты по оказанию информационных, консалтинговых и маркетинговых услуг – 495,1%, а также пункты по производству тара упаковочных материалов – 200%), обслуживаемая площадь (по минибанку увеличилось на 943,1%, альтернативных МТП – 133,3%, пункты по реализации минеральных удобрений – 142,4%, ассоциации водопользователей – 121,1%, пункт продажи ГСМ – 109,8%, информационных, консалтинговых и маркетинговых услуг – 689,2% и пункты по производству тара упаковочных материалов увеличились на 278%).

Из этого следует, что объем услуг инфраструктуры, предоставляемых фермерским хозяйствам, уменьшился.

В то же время, учитывая недостаточное развитие материально-технической базы альтернативных МТП, СИУ и других объектов сельскохозяйственной инфраструктуры, очевидно, что условий для своевременного предоставления качественных услуг сельскохозяйственным производителям недостаточно.

Пункты по оказанию услуг зооветеринарии в 2018 г. увеличилось на 3,9 процента по сравнению с 2009 г., в том числе поголовье условного скота на территории, где действуют зооветеринарные пункты увеличилось на 68,3%. Из-за сокращения пунктов по оказанию услуг зооветеринарии спрос дехканских хозяйств, производящие животноводческую продукцию, на услуги зооветеринарии остаются неудовлетворительными, не предоставляются им соответствующих научных консультаций и помощь для повышения продуктивности, и улучшения качества продукции животноводства. В результате этого продуктивность в животноводстве в республике остаётся намного ниже, чем в развитых странах (таблица 1).

Таблица 1 – Продуктивности животноводства в Узбекистане и развитых странах (2016-2018 годы в среднем)

Страны	Среднегодовой удой молока на корову, кг	Прирост живой массы крупного рогатого скота в среднем кг	Яйценоскость на среднюю несущку за год, шт
Узбекистан	1893,3	172	181
Самая высокая продуктивность в развитых странах	10058 (США)	433,7 (Япония)	433 (Оман)
Разница, в процентах	531,2	252,2	239,2

Источник: <https://knoema.ru/atlas/topics/> и данные Государственного комитета статистики Республики Узбекистан.

Согласно анализу, средний удой молока в год скотоводстве в развитых странах 5,3 раза выше по сравнению со средним показателем по стране, прирост крупного рогатого скота 2,5 раза и яйценоскость на среднюю несущку за год в 2,4 раза выше.

Учитывая устойчивое и инновационное развитие животноводства, увеличение производства продукции животноводства в Республике Узбекистан, в первую очередь, необходимо приблизить уровень потребления молока, мяса и яиц на душу населения к медицинским нормам и обеспечить сырьём перерабатывающую промышленность. Однако вместе с тем, инновационное и устойчивое развитие животноводческих хозяйств целесообразно оценивать не только по уровню увеличения поголовья скота, повышения продуктивности, эффективности или рентабельности, но также и по уровню развития инфраструктуры, обслуживающей жи-

вотноводство. Только осуществление совместного инновационного развития инфраструктуры в животноводстве и процессов инновационного развития производства продукции животноводства можно достичь желаемого результата.

При устойчивом развитии сельского хозяйства наряду с влиянием природных факторов имеет важное значение агротехническая, правовая, организационная и экономическая поддуржка государства.

В данное время государственная поддержка оказывается в следующих направлениях: выделение инвестиций в развитие сельского хозяйства, в обеспечении регулярной эксплуатации объектов водоснабжения, в укреплении технического обеспечения производства сельского хозяйства, в улучшении мелиоративного состояния земель, поддержка фермерских хозяйств, производящих хлопок на низкоурожайной почве.

Устойчивое развитие аграрного сектора Узбекистана во многом зависит от эффективности инновационной деятельности. В результате освоения инноваций производственная база в сельском хозяйстве будет обновляться технологически, технически и организационно-экономической стороны. Это, в свою очередь, усилит интеграцию Узбекистана в мировой рынок.

Все ведущие развитые страны находятся в процессе формирования экономики, основанной на знаниях. За последние 10 лет 2/3 прироста сельскохозяйственной продукции связано с результатами научно-технического прогресса. Одним из приоритетных направлений стабильного развития сельского хозяйства является технологическая модернизация сельского хозяйства.

Выявлены положительные (способствующие развитию инновационных процессов) и отрицательные (препятствующие инновационным процессам) факторы, влияющие на инновационное развитие сельского хозяйства. Препятствующие факторы инновационному развитию включают в себя: ограниченные ресурсы, выделяемые правительством для финансирования научно-технических проектов, НИИ и вузов; высокая ставка кредитов для инноваций; высокий риск инноваций в сельском хозяйстве; отсутствие налаженной связи между сельхозпроизводителями и промышленностью; недостаточное развитие механизмов финансового стимулирования разработчиков инноваций и недостаточно развиты научные исследования в сельском хозяйстве.

Факторы, стимулирующие инновационные процессы, включают: наличие природных ресурсов; развитие хозяйствующих субъектов на основе рыночных отношений; научный потенциал; ёмкость внутреннего рынка продуктов питания; производство

экологически безопасной, натуральной продовольственной продукции. С учетом этих факторов был проведен SWOT-анализ инновационного развития инфраструктуры сельского хозяйства в республике Узбекистан.

Факторы влияния изучались по степени воздействия внутренних и внешних факторов, а также по получаемому результату положительные и отрицательные факторы.

Таблица 2 – SWOT-анализ инновационного развития инфраструктуры сельского хозяйства

	ВНУТРЕННИЕ	ВНЕШНИЕ
ПОЗИТИВНЫЕ	Сильные стороны 1. Повышение качества и конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции в результате модернизации и технического перевооружения производства. 2. Внедрение новых селекционных сортов сельскохозяйственных культур, устойчивых к болезням и вредителям, адаптированных к местным климатическим и природным условиям. 3. Поставка племенных пород скота в фермерские хозяйства. 4. Высокая доля частной собственности в валовой продукции сельского хозяйства. 5. Высокий спрос на услуги инфраструктуры сельского хозяйства. 6. Наличие конкурентной среды 7. Формирование агрокластеров в регионах 8. Сотрудничество с зарубежными университетами и научно-исследовательскими институтами на основе международных программ. 9. Наличие инновационного потенциала (кадровый потенциал, инновационные технологии)	Возможности 1. Указ Президента Республики Узбекистан ПФ-4947 «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» определены приоритет модернизации и ускоренного развития сельского хозяйства на 2017–2021 годы. 2. Указом Президента Республики Узбекистан ПФ-5544 «Об утверждении Стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019–2021 годы» является основной задачей развития человеческого капитала как фактора, определяющего уровень конкурентоспособности и инновационного развития страны на международной арене. , 3. Решение Кабинета Министров Республики Узбекистан № 55 «О Программе развития сферы услуг на 2016–2020 годы» к 2020 году планируется увеличить объем услуг в сельской местности в 1,8 раза. 4. Наличие договорных отношений между фермерскими и дехканскими хозяйствами и субъектами инфраструктуры. 5. Наличие научно-исследовательских и высших учебных заведений, занимающихся инновационной деятельностью в сельском хозяйстве. 6. Принятие нормативно-правовых актов, стимулирующих инновационную деятельность в сельском хозяйстве и сфере услуг.
	Слабые стороны 1. Нехватка финансовых ресурсов. 2. Отсутствие отдельного законодательства об инновациях. 3. Слабая материально-техническая инфраструктура. 4. Отсутствие механизмов внедрения технологических инноваций. 5. Недостаточное развитие элементов инфраструктуры для содействия реализации инновационных проектов. 6. Отсутствие опыта инновационной деятельности в условиях рынка. 7. Недостаток информации об инновационных продуктах, идеях и проектах и мерах по их поддержке.	Угрозы 1. Монопольный характер услуг инфраструктуры сельского хозяйства. 2. Высокий риск инноваций в аграрном секторе. 3. Зависимость аграрного сектора от природных факторов. 4. Паритет цен на продукцию сельского хозяйства и материально-технических ресурсов. 5. Недостаточная защита интеллектуальной собственности. 6. Отсутствие строгих мер и приоритетов для инновационной деятельности в отрасли. 7. Нехватка квалифицированных кадров, способных формировать и внедрять инновационную деятельность.
ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ		

Позитивные факторы инновационного развития инфраструктуры сельскохозяйственных услуг были выявлены с ее преимуществами и возможностями, а также с ее недостатками и угрозами.

Согласно анализу, объём инноваций в аграрный сектор Узбекистана составляет 0,00004% от валовой продукции сельского хозяйства, и еще ниже в сфере услуг сельского хозяйства, между тем этот показатель 20–25 раз выше в других развитых странах. В период 2009–2018 гг. расходы на технологические, маркетинговые и организационные инновации в сельском хозяйстве выросли 354 раза, а доля инновационных затрат в валовой продукции сельского хозяйства сократилась в 8,5 раза. Естественно, этих средств недостаточно для инновационного развития отрасли.

Согласно анализу, в 2009-2017 гг. расходы на инновации в отрасли увеличились в 335,1 раза, а доля в валовом аграрном секторе – в 67,9 раза, однако в 2018 г. по сравнению с 2017 г. эти расходы сократились на 54,5 процента (таблица 3).

Таблица 3 – Инновационные затраты в валовом продукте сельского хозяйства

Показатели	2009 г.	2013 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.	Изменение в 2018 году по сравнению с 2009 годом, раз
Расходы на технологические, маркетинговые и организационные инновации в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, млн.сум	46,8	3988,2	1751,7	8144,3	71,3	152,4
Доля инновационных затрат в валовой продукции сельского хозяйства, %	0,00034	0,01293	0,00414	0,02308	0,00004	Уменьшено в 8,5 раз

Источник: Рассчитано на основе данных государственного комитета статистики Республики Узбекистан.

Естественно, выделенных средств недостаточно для инновационного развития сельского хозяйства и его сферы услуг.

Поэтому планируется увеличить средства, выделяемые из государственного бюджета на финансирование научных программ в области сельского хозяйства, с 39 млрд. сумов до 150 млрд. сумов в течение 2-3 лет и перевести 14 научно-исследовательских институтов в рамках агропромышленного комплекса на базовое бюджетное финансирование на ближайшие два года.

В 2003–2018 годах затраты на фундаментальные исследования в сельском хозяйстве увеличились на 132,87%, а на прикладные исследования – на 194,8%.

При финансировании инновационного развития сельского хозяйства особое значение имеет работа с инновационными программами. Такой вид финансирования должен стать основным видом финансирования прикладных исследований

в будущем. Инвестирование в инновационные программы целесообразно проводить в двух направлениях.

В первом направлении проводятся исследования по непосредственному участию или заказу потребителя научного продукта или потребителей инновационной программы. При этом потребитель научного продукта заранее известен, он финансирует исследовательскую работу, и готовый научный продукт становится его интеллектуальной собственностью. В договоре должно быть указано, что научное учреждение не может продавать научный продукт другим организациям без разрешения клиента.

Во втором направлении научное учреждение получает кредит в банке на исследовательскую работу и без препятствий может продавать готовую научную продукцию.

Одной из современных организационных форм освоения инновационных разработок на производственных объектах АПК должны стать агротехнополисы, агротехнопарки, агрокластеры, бизнес-инкубаторы [4; с. 41–44]. Именно в них, возможно, осуществлять поточное комплексное освоение научно-технической продукции, полученной в ходе реализации государственных, отраслевых, научно-технических программ и международных проектов.

Главная задача, которая ставится перед технопарками – содействие инноваторам в коммерциализации инновационных идей: поиск потенциальных заказчиков, проведение переговоров, предоставление научно-лабораторной базы для доведения инновационного проекта до стадии апробации и внедрения в производство, участие в создании новых производств малого бизнеса [5; с. 5]

По сравнению с аналогичными формированиями в других секторах экономики, агротехнопарки обладают некоторой спецификой, поскольку основные объекты их деятельности связаны с землёй, почвенными разностями, с сельхозкультурами, животными, сельхозтехникой и т. д. Однако эта специфика меньше всего касается системы организации управления деятельностью этих образований.

Для сельскохозяйственного производства агротехнопарки – это средство для ускоренного освоения сельхозпроизводителями и субъектами инфраструктуры технических, технологических и организационно-экономических нововведений, оказывающих существенное влияние на повышение эффективности их функционирования.

Формирование агротехнопарков в Узбекистане даст возможность решить ряд вопросов при инновационном развитии, как инфраструктуры села, так и аграрного сектора в целом: обеспечение взаимовыгодного партнёрства между научными организациями и сельхозпроизводителями, в-первую очередь фермерскими хозяйствами, в целях внедрения инновационных разработок на основе конкурса; экономия времени внедрения, проведения производственного опыта и серийного производства законченных разработок на предприятиях аграрного сектора; концентрация финансовых ресурсов различных инвесторов для внедрения в

объектах агротехнопарка инновационных технологий, машин и оборудования [3, с. 39–40].

В настоящее время в Узбекистане есть все необходимые социально-экономические основы для углубления инновационного процесса и укрепления инновационной базы. В частности «в сельском хозяйстве реализуются меры по повышению заинтересованности фермеров и дехкан, внедрению передовых технологий и переходу на кластерную систему производства» [1]. Однако есть проблемы с продвижением инноваций в аграрный сектор, низкий уровень реализации и коммерциализации инновационных проектов в масштабе одного или даже нескольких фермерских хозяйств. Причины этому в следующем :

Во-первых, низкий уровень участия фермерских хозяйств и перерабатывающих предприятий сельскохозяйственной продукции в заказе научных исследований и финансировании научных исследований.

Во-вторых, фермерские хозяйства не могут осуществлять одно-временно исследования и финансирование исследований для разработки передовых инновационных технологий.

В-третьих, отсутствие необходимых знаний производителей сельхоз-продукции и перерабатывающих отраслей для использования новых технологий, новых сортов. Поэтому они должны пользоваться услугами ученых и экспертов.

В-четвертых, учёные и университеты и научно-исследовательские институты не требуют и не имеют прямой связи с инновационным развитием.

В-пятых, равнодушие к инновациям среди мелких сельхозпроиз-водителей.

Литература

1. Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева Олий Мажлису, 25 января 2020 год.

2. Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева Олий Мажлису, 29 декабря 2018 год.

3. Хамраева С.Н. Формирование агротехнопарков в Узбекистане. European research, no. 12 (23), 2016, pp. 39–40.

4. Шлепкии А. К., Паршуков Д. В. Формирование инновационной инфраструктуры АПК Красноярского края / Вестник КрасГАУ, 2011. № 12. С. 41–44.

5. Никитин Е. Б., Шеломенцева В. П. Технопарк – необходимый фактор в модернизации экономики старопромышленного региона // Economics, 2014. № 1 (1). С. 4-10.

6. Khamraeva S.N. Methodological foundations of innovative development of agricultural infrastructure // Journal of Management Value & Ethics. Jan-March, 2018 Vol. 8 No.1. 10–17 pp.

7. https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2017/article_0006.html // Глобальный инновационный индекс, 2017 г.: в рейтингах лидируют Швейцария, Швеция, Нидерланды, США и Соединенное Королевство.

8. <http://www.fao.org/about/meetings/agricultural-innovation-family-farmers-symposium/about/en/>; Consensus Reached on New Sustainable Development Agenda to be adopted by World Leaders in September; Open Working Group proposal for Sustainable Development Goals.

9. <https://knoema.ru/atlas/topics/>

10. Эргашев Р.Х., Хамраева С.Н. Совершенствование механизмы инновационного развития инфраструктуры сельского хозяйства VI Международной научно-практической on-line конференции соискателей высшего образования и молодых ученых «Менеджмент субъектов хозяйствования: проблемы и перспективы развития» 19–21 декабря 2019 г. в г. Житомир, Украина, 355-361 с.

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF INFRASTRUCTURE: PROBLEMS AND WAYS OF AGRICULTURE ACHIEVEMENTS

Ergashev R. K.

Doctor of Economics, Professor, Karshinsky Engineering and Economic Institute, Uzbekistan

Khamraeva S. N.

Candidate of Economics, Associate Professor of Karshinsky Engineering and Economic Institute, Uzbekistan

Fayzieva Sh. Sh.

Candidate of Economics, Associate Professor of Karshinsky Engineering and Economic Institute, Uzbekistan

Abstract: *this article analyzes the innovative activities of agricultural infrastructure, identifies problems and develops scientific proposals for the innovative development of agricultural infrastructure.*

Key words: *agricultural infrastructure, innovative development, SWOT analysis, innovative costs, innovation process, farms*

УДК 330.36:339.52

**ПРОБЛЕМА РАВНОВЕСИЯ НА РЫНКАХ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ
В ГОСУДАРСТВАХ - ЧЛЕНАХ ЕАЭС И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН
(на примере рынка молока и молочных продуктов)**

Гайсин Р.С.

*доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии
РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева*

Мигунов Р.А.

*кандидат экономических наук, PhD MSU, старший преподаватель кафедры
политической экономии РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева*

***Аннотация:** в статье проводится анализ равновесия на агропродовольственном рынке: уровня спроса, предложения, их соотношения, уровня и динамики цен. Рассчитаны показатели уровня рыночной и реальной самообеспеченности стран ЕАЭС молоком и молочными продуктами. Исследованы тенденции изменения показателей конъюнктуры молочного рынка Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Узбекистана, в т.ч. через динамику производства и потребления продуктов питания в исследуемых странах. Показано, что дальнейшее наращивание производства молока в Узбекистане может привести к проблеме реализации излишков на внешних рынках. Перспективными каналами экспорта для Узбекистана являются страны-члены ЕАЭС. Также целесообразным является принятие мер по повышению потребления продовольствия малообеспеченными слоями населения, принятие программ школьных обедов, что позволит повысить спрос на отечественную сельскохозяйственную продукцию.*

***Ключевые слова:** сельское хозяйство, агропродовольственный рынок, конъюнктура, равновесие, международная торговля.*

Равновесие агропродовольственного рынка характеризуется сложившимся уровнем спроса, предложения, их соотношением, уровнем и динамикой цен. Анализ рыночной конъюнктуры по указанной ее структуре позволяет дать развернутую характеристику, раскрыть страновые особенности, выработать и обосновать необходимые меры государственного регулирования равновесия на рынках продовольствия.

Анализируя данные рисунка 1, можно выделить две группы государств, отличающихся друг от друга по состоянию равновесия на рынке молока.

Характерной чертой и особенностью рыночной конъюнктуры в первой группе государств (Армения, Казахстан, Россия) является то, что общие объемы потребления превышают объемы отечественного производства (рис. 1). На этой основе можно сделать вывод, что спрос в этих странах превышает объем внутрен-

него производства молока и молочных продуктов. Доля отечественного производства в общем объеме внутреннего потребления молока (уровень рыночной самообеспеченности) составляет в Армении 85,9, Казахстане – 92,9, России – 83,9% (рисунок 1, таблица 1).

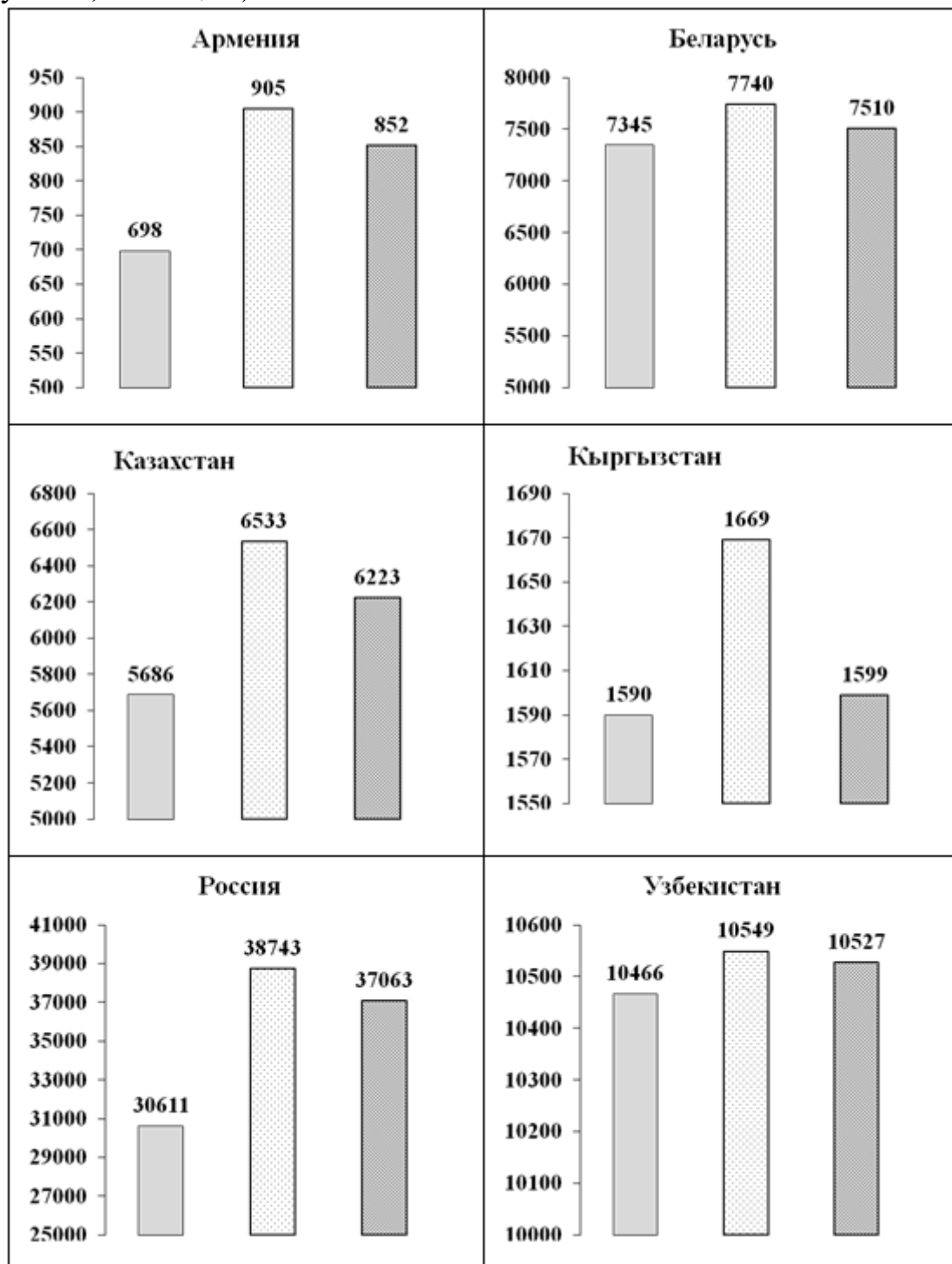

Рисунок 1 – Спрос и предложение на рынках молока и молочных продуктов в 2018 г., тыс. т, где - производство; - предложение; - спрос [1; 2].

Таблица 1 – Уровень самообеспеченности (насыщенности) молоком и молочными продуктами, в % в 2018 г. [1]

	Армения	Беларусь	Казах-стан	Кыргыз-стан	Россия	Узбеки-стан
Уровень рыночной самообеспеченности	85,9	235,1	92,9	107,4	83,9	99,5
Уровень реальной самообеспеченности	72	238	96	81	64	98

Другой особенностью этой группы государств является то, что предложение молока и молочных продуктов на рынке (сумма производства, импорта, запасов) уравнивается со спросом за счет дополнения отечественного производства импортом продукции. В условиях, когда объем предложения превышает объем потребления рыночное равновесие между спросом и предложением может быть достигнуто только при понижении рыночных цен производителей и формировании их на более низком уровне по сравнению с ценой эффективного конкурентного равновесия. То есть для отечественных производителей формируется неблагоприятная рыночная конъюнктура. В условиях такой неблагоприятной рыночной конъюнктуры низкая рентабельность (или даже убыточность) производства в молочной отрасли сдерживает рост отечественного производства, а в России это является причиной устойчивой стагнации, рецессии производства молока и молочной продукции. У исследуемых стран ограничены возможности оказания ценовой поддержки производителям (формирования за счет протекционистских мер внутренних цен в стране на более высоком уровне по сравнению с внешними приграничными ценами). Эти барьеры обусловлены, во-первых, либерализацией внешней торговли в условиях членства в ВТО и в ЕАЭС (из 6 государств 4 являются членами ВТО), во-вторых, низким уровнем реальных доходов населения. Повышение цен производителей ведет к росту уровня розничных цен, что в условиях низких и медленно растущих доходов населения, низкой экономической доступности продовольствия вызывает падение и без того низкого уровня потребления, понижение спроса со всеми вытекающими отсюда экономическими, социальными и политическими последствиями.

Первая исследуемая группа государств (Армения, Казахстан, Россия) характеризуется также тем, что объемы импорта в этих странах значительно превышают объемы экспорта молока и молочных продуктов (рисунок 2).

Внутри группы рассматриваемых государств, несмотря на схожесть конъюнктуры рынка молока, имеются существенные отличия по тенденциям изменения рыночного равновесия. Так, в Армении и Казахстане в 2012-2018 гг. наблюдалась устойчивая тенденция к росту предложения, производства и потребления (спроса) молока и молочных продуктов. В России же, наоборот, в эти годы произошло существенное сокращение предложения и спроса (потребления) молока. Производство находилось в состоянии стагнации с некоторыми колебаниями по

годам. Если же взять более длительный период, то в динамике производства молока в РФ выделяются два периода: первый с 1990 до начала 2000-х – обвал производства с 56 до 30 млн т; второй с 2000 г. по настоящее время – стагнация с колебаниями вокруг 30 млн т.

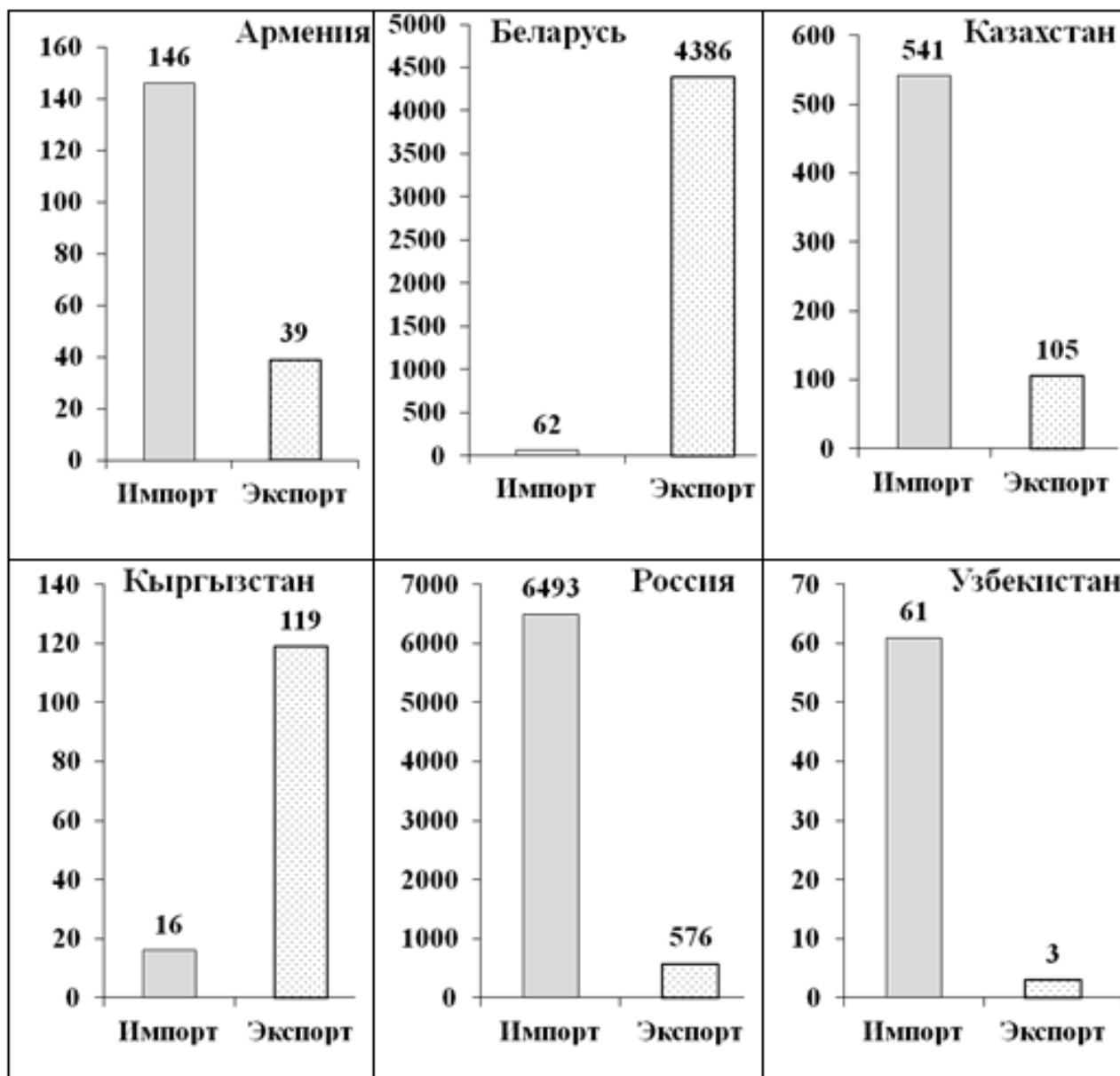
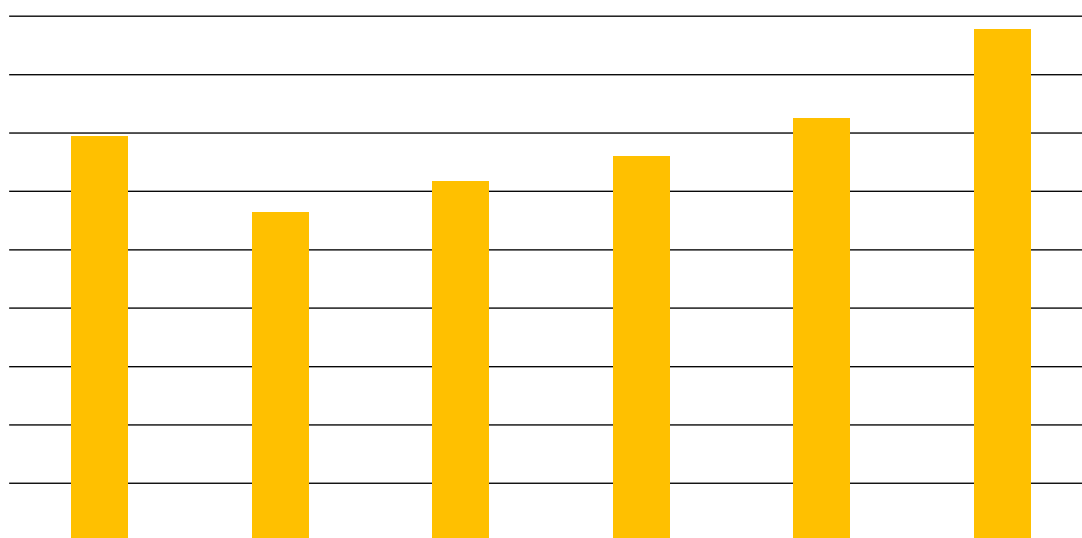

Рисунок 2 – Импорт, экспорт молока и молочных продуктов в 2018 г., тыс. т [1; 2]

Сокращение в РФ после 2012 г. предложения при не растущем отечественном производстве означает, что такое сокращение произошло из-за существенного падения объемов импорта молока и молочных продуктов. Импорт сократился с 2013 по 2018 г. с 9,4 до 6,5 млн. т [1; 2; 5]. Отмеченное свидетельствует о том, что в РФ в отличие от Казахстана и Армении произошло сокращение предложения (с 2012 по 2018 г. на 10% до 38 млн. т) и импорта под воздействием таких

факторов как падение курса рубля, введение санкций, объявление продуктового эмбарго [1; 2; 5]. Сокращение общих объемов потребления молока и молочных продуктов было следствием сокращения их среднедушевого потребления с 245 в 2012 г. до 230 л в год в 2017 г., что означает сокращение общего объема потребляемого в России молока и молочной продукции примерно на 2 млн. т. [4]. Такое падение потребления и спроса было обусловлено падением реальных доходов населения и, соответственно, снижением уровня экономической доступности продовольствия в первую очередь у низкодоходных слоев населения. Если судить по ценам производителей молока, самое дорогое молоко среди стран – членов ЕАЭС в России (рисунок 3), самый низкий уровень фактического среднедушевого потребления молока в России и Кыргызстане (таблица 1).

*Рисунок 3 – Средние цены производителей молока за декабрь 2018 г. (долл. США за 1 т)
[4; 7]*

К государствам второй группы относятся Белоруссия, Кыргызстан и Узбекистан. Конъюнктура агропродовольственных рынков в этих странах имеет сходные черты, несмотря на некоторые различия. Потребление (спрос) в этих странах практически полностью покрываются за счет отечественного производства молока. «Показатель, рассчитываемый делением объема производства на объем спроса (потребления) назовем уровнем рыночной самообеспеченности» [4]. Он и в Беларуси 235,1%, в Кыргызстане – 107,4, Узбекистане – 99,5%. «То есть в этих странах, если судить по показателю рыночной самообеспеченности, как будто бы достигнут уровень полной самообеспеченности молоком и молочными продуктами» [4]. То есть спрос (рынок) полностью насыщен, а в Беларуси и Кыргызстане перенасыщен. Зачастую в официальных документах по этому показателю оценивают уровень самообеспеченности продовольствием [см., например, 1; 2].

Однако, такая оценка характеризует уровень обеспеченности продовольствием только платежеспособных потребностей (спроса). «Несмотря на указанную общность, имеется существенная разница между этими странами по уровню насыщенности абсолютных потребностей (в уровне реальной насыщенности, самообеспеченности). Допустим, что рациональная норма потребления (уровень абсолютных потребностей) молока и молочных продуктов, утвержденная в РФ (325 кг на душу населения в год) является нормой и для других стран» [4]. Тогда степень насыщенности абсолютных потребностей (не спроса), или уровень реальной самообеспеченности будет несколько ниже по сравнению с уровнем рыночной самообеспеченности. Особенно заметен разрыв между этими показателями в России. Уровень реальной самообеспеченности в этой стране всего лишь 64% (таблица 2).

Таблица 2 – Уровень производства и потребления основных продуктов питания, кг в год на душу населения (2018 г.)* [1]

		Респ. Армения	Респ. Беларусь	Респ. Казахстан	Кыргызская Респуб.	Российская Федерация	Респ. Узбекистан** *
Хлебопродукты	производство	114	649	1109	311	771	144
	потребление**	177	80	96	100	116	178
Молоко и молокопродукты	производство	235	775	311	262	208	318
	потребление	261	247	240	219	229	272
Мясо и мясопродукты	производство	36	129	58	36	72	47
	потребление	58	94	73	40	75	43

*Рекомендуемые рациональные нормы потребления в РФ: молоко - 325, мясо - 73, хлеб - 96 кг.

**Хлеб и хлебопродукты в пересчете на муку

***Узбекистан – по данным выборочного обследования домашних хозяйств.

«Показатель реальной самообеспеченности рассчитывается делением объема производства, приходящегося на душу населения в год на рациональную норму потребления. В рассматриваемых трех странах – Беларуси, Кыргызстане, Узбекистане уровень реальной самообеспеченности равен, соответственно, 238,96 и 98% то есть в Беларуси объем производства превышает абсолютные потребности в молоке в 2,4 раза, в Кыргызстане и Узбекистане, наоборот, потребности несколько превышают достигнутый объем производства». [4]

Однако, следует отметить, что в 4 странах из 6 уровень среднедушевого потребления ниже объемов производства молока в среднем на душу населения, несмотря на то, что потребляется молока меньше по сравнению с рекомендуемыми рациональными нормами потребления. Главной причиной низкого уровня среднедушевого потребления молока, мяса (табл. 1) является низкий уровень доходов населения и связанная с этим низкая экономическая доступность этих продуктов питания. Конечно, сказываются и особенности национального рациона питания. «Следует отметить, что в последние годы в Кыргызстане наметилась тенденция к

росту покупательной способности денежных доходов населения. В России же в силу указанных выше причин покупательная способность денежных доходов падала.

Как это не парадоксально, но схожесть конъюнктуры рынка молока в Беларуси и Кыргызстане проявляется также и в том, что и там, и там объем экспорта молока и молочных продуктов превышает объем импорта. Но за этой общностью кроются существенные отличия рыночной конъюнктуры. В Беларуси экспорт молока осуществляется в условиях, когда производство молока в расчете на душу населения в 3,4 раза превышает рациональную норму потребления» [4]. В Кыргызстане осуществляется экспорт молока в условиях, когда объем производства на душу только в 1,2 раза превышает рациональную норму потребления. «Вместе с тем, в Кыргызстане в условиях растущих реальных доходов растёт потребление молока, вследствие этого сокращается объем экспорта, имеет место тенденция к росту производства и импорта. В Беларуси наоборот, имеет место тенденция к росту экспорта и сокращению импорта». [4]

О динамике цен на рынках молока можно судить по соотношению индексов спроса и предложения на этих рынках. В Беларуси предложение растёт при сокращающемся спросе (потреблении). При такой динамике рыночной конъюнктуры формируется тенденция к понижению цен на молоко и молочные продукты. В Кыргызстане, наоборот, спрос (потребление) растет быстрее предложения и производства, что обуславливает формирование тенденции к росту цен.

В Узбекистане спрос на молоко и молочные продукты насыщается в основном за счет собственного производства. И только небольшая часть спрос удовлетворяется за счет импорта. Доля импорта в общем объеме потребления по этим продуктам составляет всего лишь 0,6% – 61 тыс кг (рис. 1, 2). Самообеспеченность как рыночная, так и реальная около 100% (табл. 2) [6]. При этом в Узбекистане самый высокий по сравнению с государствами – членами ЕАЭС уровень среднедушевого потребления молока и молочных продуктов (таблица 1).

Проведённый анализ конъюнктуры на рынке молока и молочных продуктов в странах ЕАЭС и Узбекистане дает основание сделать ряд важных обобщений, выводов и рекомендаций по развитию и совершенствованию рыночной конъюнктуры в этих государствах, в том числе и за счет развития межгосударственного экономического сотрудничества и взаимной торговли.

При дальнейшем наращивании производства молока и молочных продуктов в Узбекистане в условиях практически полной самообеспеченности этими продуктами особо актуальной может стать проблема реализации излишков молока на внешних рынках. Проведенное исследование показывает, что перспективными направлениями расширения экспорта являются страны – члены ЕАЭС, особенно такие, как Кыргызстан, Казахстан, Россия, где относительно низок уровень самообеспеченности (таблица 1). Следует, по-видимому, это учитывать при решении вопроса о присоединении Узбекистана к ЕАЭС.

Необходимо способствовать формированию равновесия между спросом и предложением на уровне цен эффективного конкурентного равновесия. Низкие (не эффективные) рыночные равновесные цены являются причиной низких доходов сельских товаропроизводителей и, соответственно, слабой мотивации роста производства в сельском хозяйстве и в производстве продовольствия в целом.

Низкий уровень спроса во многом обусловлен относительно низкими и медленно растущими доходами населения в странах ЕАЭС и Узбекистане, высоким уровнем их дифференциации. Спрос не растёт из-за низкого уровня доходов и медленного их роста у малообеспеченных слоев населения. У высокодоходной части населения спрос на продовольствие также не растёт из-за его неэластичности по доходам.

«Нерастущий спрос сдерживает рост производства и предложения. Причина этого состоит в том, что сельскохозяйственное производство «спотыкается и будет спотыкаться» об медленно растущий и отстающий от роста предложения спрос. В России почти 20 лет конъюнктура агропродовольственного рынка характеризовалась устойчивым, затяжным неэффективным равновесием, когда предложение росло быстрее спроса. А с 2012 г. спрос (потребление) на рынке молока сокращается быстрее предложения. В этом проявляется несостоятельность, «изъян» рыночного механизма регулирования конкурентного равновесия в сельском хозяйстве. В этой ситуации постоянно и устойчиво формируется конъюнктура, характеризующаяся как кризис *относительного* перепроизводства. При такой конъюнктуре уравнивание спроса и предложения происходит при заниженном уровне цен равновесия, которые оказываются ниже уровня цен конкурентного эффективного равновесия. Таким образом, затяжная неблагоприятная кризисная конъюнктура является причиной заниженности цен, причиной диспаритета цен между промышленностью и сельским хозяйством, соответственно, и причиной низкой доходности их производства практически во всех рассматриваемых странах. Имеет место тенденция к падению стоимости (цен) сельскохозяйственной продукции по отношению к стоимости (ценам) промышленной продукции (диспаритет цен)». [4]

Отмеченное свидетельствует о том, что важнейшей задачей государства является принятие мер по расширению спроса на агропродовольственном рынке. «Целесообразно использовать следующие пути повышения спроса на продовольствие:

1. Принятие мер по повышению спроса на продовольствие малообеспеченных слоёв населения. Речь идёт о том, чтобы не просто повысить доходы этой группы населения, а сделать так, чтобы эта часть доходов обязательно была бы использована на покупку продуктов питания. При этом ставится задача, чтобы приобретались на эти доходы продукты питания только отечественного производства. Такое целевое направление доходов на расширение спроса на агропродовольственном рынке будет способствовать поддержке не только потребителей, но и отечественных производителей продовольствия. Решение такой задачи может

быть осуществлено, например, на основе использования программы продовольственных талонов.

В США, например, расходы на финансирование программы продовольственных талонов (теперь она называется «программа льготной покупки продуктов») составили 80 млрд. долл. в 2012 г., продовольственную помощь получали 45 млн. чел.

2. Расширение спроса на продовольствие за счет программ школьных обедов, продовольственной помощи для кормящих матерей и малолетних детей, поставок отечественного продовольствия в детские сады, оздоровительные лагеря, дома ветеранов, лечебные учреждения, вооруженные силы, пеницитарные учреждения. Такая система государственных закупок должна быть нацелена на продукцию отечественных производителей. [3]

Литература

1. Агропромышленный комплекс / Статистика Евразийского экономического союза: статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2016, 2017, 2018: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Agriculture_Statistics_Yearbook_2018.pdf

2. Балансы важнейших видов продовольствия государств – участников СНГ. За 2014–2018 годы. (Статкомитет СНГ): http://www.cisstat.com/food_balances/

3. Гайсин Р.С. Кондратьевские циклы конъюнктуры и их особенности в сельском хозяйстве: науч. изд. – Иркутск.: ООО «Мегапринт», 2017. – 184 с.

4. Гайсин Р.С. Развитие конъюнктуры агропродовольственного рынка в государствах - членах ЕАЭС // Проблемы современной экономики, 2019. №3. С. 58-62

5. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2018. – 206 с.

6. О ценах производителей сельскохозяйственной продукции в Евразийском экономическом союзе Декабрь 2018 г.: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Express_AP/expressAP201812.pdf

7. Минэкономпром: потребность населения Узбекистана в основных продуктах питания покрывается полностью: <https://nuz.uz/ekonomika-i-finansy/41627-minekonomprom-potrebnost-naseleni-ya-uzbekistana-v-osnovnyh-produktah-pitaniya-pokryvaetsya-polnostyu.html>

Гайсин Р. С., Мигунов Р. А.

**THE PROBLEM OF BALANCE IN THE FOOD MARKETS IN THE EAEU
MEMBER STATES AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN
(on the example of the milk and milk products market)**

Gaysin R.S.

*Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy of
RGAU-MSHA named after K.A. Timiryazev*

Migunov R.A.

*Candidate of Economic Sciences, PhD of MSU, Senior Lecturer of the Department
of Political Economy of RGAU-MSHA named after K.A. Timiryazev*

Abstract. *The article analyzes the balance in the agri-food market: the level of demand, supply, their ratio, level and price dynamics. The indicators of the level of market and real self-sufficiency of the EAEU countries with milk and milk products are calculated. The tendencies of changes in the indicators of the milk market conditions in Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia and Uzbekistan, including through the dynamics of food production and consumption in the studied countries. It is shown that a further increase in milk production in Uzbekistan may lead to the problem of selling surpluses in foreign markets. Promising export channels for Uzbekistan are EAEU member countries. It is also advisable to take measures to increase food consumption by low-income groups of the population, the adoption of school lunch programs, which will increase the demand for domestic agricultural products.*

Key words: *agriculture, agri-food market, market conditions, balance, international trade.*

УДК 330.356

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Бурковский П.В.

*кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории;
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина»*

Власова Н.В.

*кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории;
ФГБОУ ВО Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина»*

***Аннотация.** В статье рассмотрено современное состояние по текущей хозяйственной деятельности на примере сельскохозяйственных организаций Краснодарского края и выявлены проблемные аспекты, которые определяют приоритетные направления по повышению экономической эффективности организации сельскохозяйственного производства. Отмечается, что таковыми направлениями являются процессы кооперации и агропромышленной интеграции в сельском хозяйстве.*

***Ключевые слова:** сельское хозяйство, кооперация, агропромышленная интеграция, государственная поддержка, организационное взаимодействие.*

Кооперация, как форма сотрудничества, представляет собой систему организации трудовых отношений на основе индивидуального трудового участия и общности интересов в достижении совместного производственного эффекта. Основными принципами кооперации является добровольность членства и открытость взаимодействия. Необходимо провести градацию между простой и сложной формами кооперации. Простая кооперация предполагает выполнение однородной работы и однотипных управленческих операций (ловля рыбы, вспашка земли, уборка урожая). Сложная кооперация основана на разделении труда и дифференциации трудовых функций, отличающихся между собой по качеству и сложности операций их выполнения, квалификационным требованиям к работникам.

Процесс кооперации, как форма хозяйственной организации сотрудничества, требует научно-обоснованной системы взаимодействия, выраженной в применении базовых принципов, таких как добровольность членства и открытость взаимодействия. В 1995 г. в г. Манчестере на международном кооперативном аль-

яне была принята Декларация кооперативных принципов, как основополагающих начал для построения хозяйственных систем на основе кооперации. К базовым принципам кооперации Декларацией закреплен следующий перечень:

- добровольность членства кооперативного объединения;
- комплексный научный подход при выборе форм организации производства с учетом территориально-отраслевых особенностей и накопленного производственного опыта;

Рисунок 1 – Схема типовой классификации процессов кооперации

Рисунок 2 – Разграничительная основа процессов кооперации и агропромышленной интеграции

- сохранение юридической и хозяйственной самостоятельности членов формируемого кооператива;
- наличие личной материальной заинтересованности от участия в общей деятельности кооператива;
- рост объемов производства и реализации продукции на основе повышения производительности труда и снижения индивидуальных трудовых затрат, транзакционных расходов (оформление документов, поиск поставщиков, ведение переговоров, предпродажное обслуживание);
- повышение рентабельности производства всех членов кооператива;
- оптимизация организационной структуры управления на основе исключения дублирования управленческих функций и распределения производственных операций;
- выполнение социальной функции формируемым кооперативом (создание дополнительных рабочих мест в сельской местности, строительство детских садов, спортплощадок).

Интеграция в видовом отношении может быть горизонтальной, включающей интеграционные процессы на уровне конкретных отраслей и хозяйствующих субъектов (межхозяйственная кооперация) и вертикальной, предусматривающей объединительные процессы между отраслями, например, промышленностью и сельским хозяйством.

Тенденции развития АПК Краснодарского края можно проследить на основе анализа динамики показателей производства и реализации продукции растениеводства и животноводства, оценки финансовых результатов деятельности сельскохозяйственных организаций. Необходимо также оценить степень эффективности использования трудовых и материально-технических ресурсов и охарактеризовать состояние развития социальной сферы сельских территорий. Данный анализ позволит сформулировать общие выводы о значимых тенденциях развития отраслевой структуры АПК региона.

В таблице 1 представлена динамика показателей по реализации отдельных видов продукции растениеводства за период 2010–2016 гг.

Таблица 1 – Динамика показателей по реализации отдельных видов продукции растениеводства за период 2010-2018 гг. в Краснодарском крае

Показатель	2010 г.	2011 г.	2014 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2010 г., %
Пшеница (озимая и яровая)						
Объем реализации, тыс т	3605,0	4831,0	4413,3	4936,0	5414,6	150,2
Цена реализации, руб/т	4554,7	5312,2	7514,7	8423,7	10316,7	226,5
Выручка от реализации, млн руб	16419,6	25663,3	33164,8	41579,2	55861,0	340,2
Себестоимость реализации, млн руб	12439,6	17639,4	21978,4	29146,1	34165,1	274,6

Бурковский П.В., Власова Н.В.

Показатель	2010 г.	2011 г.	2014 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2010 г., %
Прибыль от реализации, млн руб	3980	8023,9	11186,4	12433,1	21695,9	545,1
Рентабельность продаж, %	24,2	31,3	33,7	29,9	38,8	-
Рис						
Объем реализации, тыс т	599,8	452,5	501,2	512,9	486,3	81,1
Цена реализации, руб/т	9648,9	8843,9	13622,5	16150,1	17054,9	176,8
Выручка от реализации, млн руб	5787,4	4001,9	6827,6	8283,4	8293,8	143,3
Себестоимость реализа- ции, млн руб	3924,1	3101,7	4467,8	6176,5	6187,4	157,7
Прибыль от реализации, млн руб	1863,3	900,2	2359,8	2106,9	2106,4	113,0
Рентабельность продаж, %	32,2	22,5	34,6	25,4	25,4	-
Кукуруза						
Объем реализации, тыс т	695,4	683,8	1326,9	1126,5	813,4	117,0
Цена реализации, руб/т	6053,1	5778,1	6176,4	8398,8	9872,51	163,1
Выручка от реализации, млн руб	4209,3	3957,9	8194,8	9461,3	8030,3	190,8
Себестоимость реализа- ции, млн руб	2972,9	2816,4	6120,5	7727,7	7100,6	238,8
Прибыль от реализации, млн руб	1236,4	1141,5	2074,3	1733,6	929,7	75,2
Рентабельность продаж, %	29,4	28,8	25,3	18,3	11,6	-
Подсолнечник						
Объем реализации, тыс т	568,3	410,8	617,7	633,9	428,2	75,3
Цена реализации, руб/т	16252,1	14275,6	20401,3	30384,6	27851,9	171,4
Выручка от реализации, млн руб	9236,1	5864,4	12601,9	19260,8	11926,2	129,1
Себестоимость реализа- ции, млн руб	4017,7	3065,6	6147,6	8311,4	6815,4	169,6
Прибыль от реализации, млн руб	5218,4	2798,8	6454,3	10949,4	5110,8	97,9
Рентабельность продаж, %	56,5	47,7	51,2	56,8	42,9	-
Картофель						
Объем реализации, тыс т	37,3	41,2	24,8	38,1	43,6	116,9

Показатель	2010 г.	2011 г.	2014 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2010 г., %
Цена реализации, руб/т	9761,4	8951,4	12209,7	12629,9	11961,0	122,5
Выручка от реализации, млн руб	364,1	368,8	302,8	481,2	521,5	143,2
Себестоимость реализации, млн руб	341,0	421,4	248,3	475,5	466,8	136,9
Прибыль от реализации, млн руб	23,1	-52,6	54,5	5,7	54,7	236,8
Рентабельность продаж, %	6,3	-14,2	17,9	1,2	10,5	-
Овощи открытого грунта						
Объем реализации, тыс т	92,5	99,0	72,4	159,6	113,6	122,8
Цена реализации, руб/т	6784,9	7743,4	7117,4	11907,9	16899,65	249,1
Выручка от реализации, млн руб	627,6	667,6	515,3	1900,5	1919,8	305,9
Себестоимость реализации, млн руб	607,3	617,5	439,0	1520,5	1691,9	278,6
Прибыль от реализации, млн руб	20,3	50,1	76,3	380,0	227,9	1122,7
Рентабельность продаж, %	3,2	7,5	14,8	19,9	11,9	-

Как видно по данным, представленным в таблице 1, за рассматриваемый период 2010–2018 гг. в крае наблюдается значительный прирост показателей реализации по таким сельскохозяйственным культурам, как овощи открытого грунта, где рентабельность возросла на 16,7 процентных пункта, картофель (рост рентабельности на 4,2 процентных пункта) и озимая пшеница (рост рентабельности на 14,6 процентных пункта). В то же время, следует акцентировать внимание и на ряд негативных тенденций, связанных со снижением объема реализации подсолнечника в 2018 г. на 24,7 %, по сравнению с 2010 г., что привело к падению рентабельности на 13,6 процентных пункта. Также отмечается некоторое колебание в сторону снижения показателя рентабельности по таким сельскохозяйственным культурам, как кукуруза и рис. Выявленная отрицательная динамика по отдельным показателям, наряду с довольно незначительным уровнем субсидий в выручке от реализации сельскохозяйственной продукции, связана также с высоким уровнем коммерческих расходов. В отраслевой и воспроизводственной структуре АПК остается проблема высокого уровня загруженности сельскохозяйственной техники, износа и выбытия основных средств. В перерабатывающих мощностях ощущается зависимость от импортных технологий хранения и переработки сельскохозяйственного сырья, что повышает конечную цену реализации готовой продукции.

Рассмотрим показатели реализации продукции животноводства за рассматриваемый период 2010–2018 гг. по данным, представленным в таблице 2.

Таблица 2 – Показатели реализации продукции животноводства в Краснодарском крае за 2010–2018 гг.

Показатель	2010 г.	2011 г.	2014 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2010 г., %
Крупный рогатый скот (в живой массе)						
Объем реализации, тыс т	51,7	48,1	42,8	35,4	32,7	63,2
Цена реализации, тыс руб/т	61,6	76,3	75,4	103,1	105,2	170,8
Выручка от реализации, млн руб	3185,6	3669,2	3225,9	3649,7	3439,8	108,0
Себестоимость реализа- ции, млн руб	4287,2	4615,7	4911,3	5169,3	4888,8	114,0
Прибыль от реализации, млн руб	-1101,6	-946,5	-1685,4	-1519,6	-1449	-
Рентабельность продаж, %	-34,6	-25,8	-52,2	-41,6	-42,1	-
Свиньи (в живой массе)						
Объем реализации, тыс т	71,6	73,4	39,3	43,7	56,3	78,6
Цена реализации, тыс руб/т	61,2	68,6	97,7	90,8	97,5	159,3
Выручка от реализации, млн руб	4383,2	5038,5	3840,5	3968,6	5491,8	125,3
Себестоимость реализа- ции, млн руб	4382,1	4870,3	2809,8	3634,3	4729,0	107,9
Прибыль от реализации, млн руб	1,1	168,2	1030,7	334,3	762,8	в 693 раза
Рентабельность продаж, %	0,3	3,3	26,8	8,4	13,9	-
Овцы и козы (в живой массе)						
Объем реализации, тыс т	0,3	0,3	0,1	0,1	0,08	26,7
Цена реализации, тыс руб/т	72,3	70,3	163,0	164,0	96,3	133,2
Выручка от реализации, млн руб	21,7	21,1	16,3	16,4	7,7	35,5
Себестоимость реализа- ции, млн руб	33,2	46,4	34,7	45,5	20,4	61,4
Прибыль от реализации, млн руб	-11,5	-25,3	-18,4	-29,1	-12,7	110,4
Рентабельность продаж, %	-53,0	-119,9	-112,9	-177,4	-164,9	-
Птица (в живой массе)						

Показатель	2010 г.	2011 г.	2014 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2010 г., %
Объем реализации, тыс т	47,4	69,6	79,8	58,5	54,8	115,6
Цена реализации, тыс руб/т	45,2	46,4	57,5	60,6	62,4	138,1
Выручка от реализации, млн руб	2144,5	3231,0	4591,7	3544,1	3418,8	159,4
Себестоимость реализа- ции, млн руб	2112,5	3100,4	3617,9	3410,8	3424,4	162,1
Прибыль от реализации, млн руб	32,0	130,6	973,8	133,3	-5,6	-
Рентабельность продаж, %	1,5	4,0	21,2	3,8	-0,2	-
Молоко цельное						
Объем реализации, млн т	705,6	696,7	651,5	686,3	706,4	100,1
Цена реализации, тыс руб/т	14,5	15,8	23,3	27,8	24,6	169,7
Выручка от реализации, млн руб	10258,2	11022,6	15191,4	19061,5	17378,1	169,4
Себестоимость реализа- ции, млн руб	8168,3	9330,2	12523,2	13726,7	14823,8	181,5
Прибыль от реализации, млн руб	2089,9	1692,4	2668,2	5334,8	2554,3	122,2
Рентабельность продаж, %	20,4	15,4	17,6	27,9	14,7	-
Яйца						
Объем реализации, млн шт	920,6	811,4	537,7	752,3	686,5	74,6
Цена реализации, руб/10 шт	25,5	27,8	42,5	53,4	67,1	263,1
Выручка от реализации, млн руб	2348,7	2255,6	2285,1	4015,3	4603,1	196,0
Себестоимость реализа- ции, млн руб	2090,9	2228,2	1825,1	3617,8	3747,1	179,2
Прибыль от реализации, млн руб	257,8	27,4	460,0	397,5	856	332,0
Рентабельность продаж, %	11,0	1,2	20,1	9,9	18,6	-

Как видно по данным таблицы 2, в отрасли животноводства сельскохозяйственного производства АПК Краснодарского края за рассматриваемый период 2010–2016 гг. в целом отмечается снижение объемов реализуемой продукции. Так, объем реализации крупного рогатого скота в 2016 г. снизился на 34,6 %, по сравнению с 2010 г., свиней на – 19,7 %, овец и коз – на 80 %, молока – на 4,8 %, яиц – на 4,6 %. Кроме того, следует отметить, что в показателях эффективности реализуемой продукции отмечается отрицательная тенденция по крупному рога-

тому скоту, овцеводству и козоводству. Довольно низкое значение уровня рентабельности продаж отмечается и при реализации свиней, где его среднее значение не превышает и 10%.

Таблица 3 – Показатели финансовых результатов сельскохозяйственных организаций в Краснодарском крае (составлено авторами)

Показатель	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2018 г.	2018 г. к 2010 г., %
Выручка от реализации, млрд руб	104,5	125,2	155,5	206,5	197,9	189,4
Себестоимость реализации, млрд руб	80,7	101,8	112,9	135,0	147,0	182,2
Прибыль от продаж, млрд руб	21,1	20,2	35,9	62,6	37,2	176,3
Рентабельность реализации, %	26,1	19,9	31,7	46,3	18,8	-
Численность работников на конец года, тыс чел	116,7	93,9	98,8	94,2	87,6	75,1
Отработано работниками, занятыми во всех отраслях, тыс чел.-час	230187	177752	197995	188946	161269,7	70,1
Годовая производительность труда, тыс руб/чел	895,5	1333,3	1573,9	2192,1	2259,1	252,3
Часовая производительность труда, тыс руб/чел.-час	0,5	0,7	0,8	1,1	1,2	240,0
Стоимость основных производственных фондов на конец года, млрд руб	105,8	103,2	115,3	134,2	263,2	248,8
Фондоотдача	0,99	1,21	1,35	1,54	0,75	75,8
Стоимость оборотных средств на конец года, млрд руб	86,2	122,0	146,7	189,4	208,4	241,8
Материалоотдача	1,2	1,03	1,1	1,1	0,95	79,2
Сумма полученных государственных субсидий, млн руб	2911,4	-	4071,9	5105,6	3627,0	124,6
Доля полученных государственных субсидий в выручке от реализации, %	2,79	-	2,62	2,47	1,8	-

Как видно по данным таблицы 3, анализ финансовых результатов сельскохозяйственных организаций Краснодарского края за 2010–2018 гг. показал, что наряду с приростом номинальной стоимости основных и оборотных средств, снижается использования основного капитала (фондоотдача сократилась на 24,2%) сокращается эффективность использования оборотного капитала. Снижение численности работников на 24,9% является сдерживающим фактором на пути к росту интенсификации сельскохозяйственного производства, кооперационных и интеграционных связей в воспроизводственном процессе АПК. Кроме того, наблюдается падение рентабельности реализации сельскохозяйственной продукции и сокращение доли полученных государственных субсидий в выручке от реализации.

Таблица 4 – Динамика состояния трудовых и материальных ресурсов в сельском хозяйстве Краснодарского края

Показатель	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2018 г. к 2010 г., %
Трудовые ресурсы, тыс чел						
Среднегодовая численность всего:	117,4	98,6	95,3	95,7	87,6	74,6
в том числе						
- работники, занятые в сельскохозяйственном производстве	98,5	82,5	77,9	75,4	65,8	66,8
- служащие	20,9	18,2	19,0	18,5	17,7	84,7
Отработано рабочего времени, тыс чел.-час	214922	177752	197995	191103	161269	75,0
Норма выработки на 1 работника, руб/чел.-час	532,70	704,41	785,38	2060,48	1227,17	230,4
Материально-техническая база сельскохозяйственных организаций, ед						
Тракторы сельскохозяйственные	18026	16464	16151	15707	15757	87,4
Зерноуборочные комбайны	3085	2935	3103	3128	3062	99,3
Кормоуборочные комбайны	773	653	625	571	451	58,3
Установки и аппараты доильные	1499	1152	1048	967	959	64,0
Автомобили грузовые	8842	8270	7788	7621	6914	78,2
Дождевальные и поливальные машины и установки	356	296	380	477	481	135,1

Как видно по данным, представленным в таблице 4, за рассматриваемый период 2011–2018 гг. в Краснодарском крае отмечается некоторое сокращение фактического количества сельскохозяйственной техники и оборудования. Наиболее существенно сократилось количество комбайнов кукурузоуборочного и кормоуборочного назначения. В представленной динамике трудовых ресурсов следует отметить снижение в целом всех категорий работников в АПК.

Объективной предпосылкой всех форм интеграционных связей между хозяйствующими субъектами является общность имущественных интересов в наиболее эффективном использовании ограниченных производственных ресурсов. Исходным пунктом агропромышленной интеграции является сельскохозяйственная кооперация, позволяющая создать необходимые производственные и организационные условия для формирования единого комплекса движения труда и капитала между отдельными производственными единицами в сельском хозяйстве. [2]

Проведем сравнительную группировку агропромышленных сельскохозяйственных фирм и сельскохозяйственных организаций Краснодарского края по критерию площади сельскохозяйственных угодий.

Исходя из данных статистической отчетности по отдельным экономическим показателям агрофирмы проигрывают аналогичным по площади сельскохозяйственных угодий предприятиям, однако фондоотдача у последних существенно ниже.

В социальной сфере сельских территорий следует отметить проблему по доступности медицинских услуг, так как отмечается резкое снижение количества участковых больниц и амбулаторно-поликлинических учреждений (рисунок 3).

Превышение показателей прибыли и рентабельности сельскохозяйственных организаций (не агрофирм) над аналогичными показателями агрофирм в крае можно объяснить существенной диспропорцией в структуре среднегодовой численности работников. В группах агрофирм наблюдается значительный кадровый дефицит, по сравнению с сельскохозяйственными организациями (не агрофирмами), что в конечном итоге влияет на показатели эффективности использования трудовых ресурсов. Можно сделать вывод, что агрофирмы в регионе нуждаются в оптимизации организационно-кадровой системы для эффективного раскрытия производственного потенциала.

Таблица 5 – Сравнительная оценка отдельных экономических показателей агрофирм и сельскохозяйственных организаций региона

Показатель	Группы по площади сельскохозяйственных угодий, га				Итого или в среднем
	1000 - 3000	3001 - 6000	6001- 9000	Свыше 9000	
Агрофирмы					
Количество организаций в группе, ед	7	7	5	8	27
Материальные затраты на 1 га сельхозугодий, тыс руб	24,8	29,7	30,3	35,3	30,0
Прибыль от продаж на 1 га сельхозугодий, тыс руб	9,0	14,3	26,9	25,6	18,9
Рентабельность продаж в среднем по группе, %	30,3	37,8	59,9	67,0	-
Фондоотдача	1,7	2,1	4,5	1,5	2,5
Производительность труда: - годовая, тыс. руб./ чел. - часовая, руб./ чел.-ч	2521,3 1355,7	1993,7 1130,6	2542,6 1324,9	2476,4 1283,1	2383,5 1273,6
Коэффициент рентабельности персонала	547,8	513,2	970,0	942,8	743,4
Сельскохозяйственные организации (не агрофирмы)					
Количество организаций в группе, ед	6	8	5	8	27
Материальные затраты на 1 га сельхозугодий, тыс руб	24,3	20,1	22,6	29,7	24,2
Прибыль от продаж на 1 га сельхозугодий, тыс руб	14,5	14,9	19,8	38,3	21,9
Рентабельность продаж в среднем по группе, %	57,2	54,5	59,9	136,0	-
Фондоотдача	1,0	1,2	0,9	1,3	1,1
Производительность труда: - годовая, тыс. руб./ чел. - часовая, руб./ чел.-ч	2120,1 1304,3	2209,3 1113,9	2439,7 1214,3	3113,4 1843,4	2470,6 1368,9
Коэффициент рентабельности персонала	630,5	718,0	916,2	1569,6	958,6

Рисунок 3 – Тенденции и проблемы развития АПК Краснодарского края (разработано авторами)

В рамках действующей программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» необходима подпрограмма по развитию муниципальных фермерских агрокластеров и поддержке ярмарочной сети. В данной подпрограмме должен быть предусмотрен перечень дополнительных стимулирующих субсидий для всех фермеров, а также предоставление земельных участков из фонда муниципальных земель. [1]

Участники целевой группы должны быть распределены по отраслевой специализации: кормопроизводство, животноводство, сбыт. Необходимо разработать единый инвестиционный проект и сформировать бизнес план по организации производства и реализации продукции животноводства муниципальными фермерскими агрокластерами. [2]

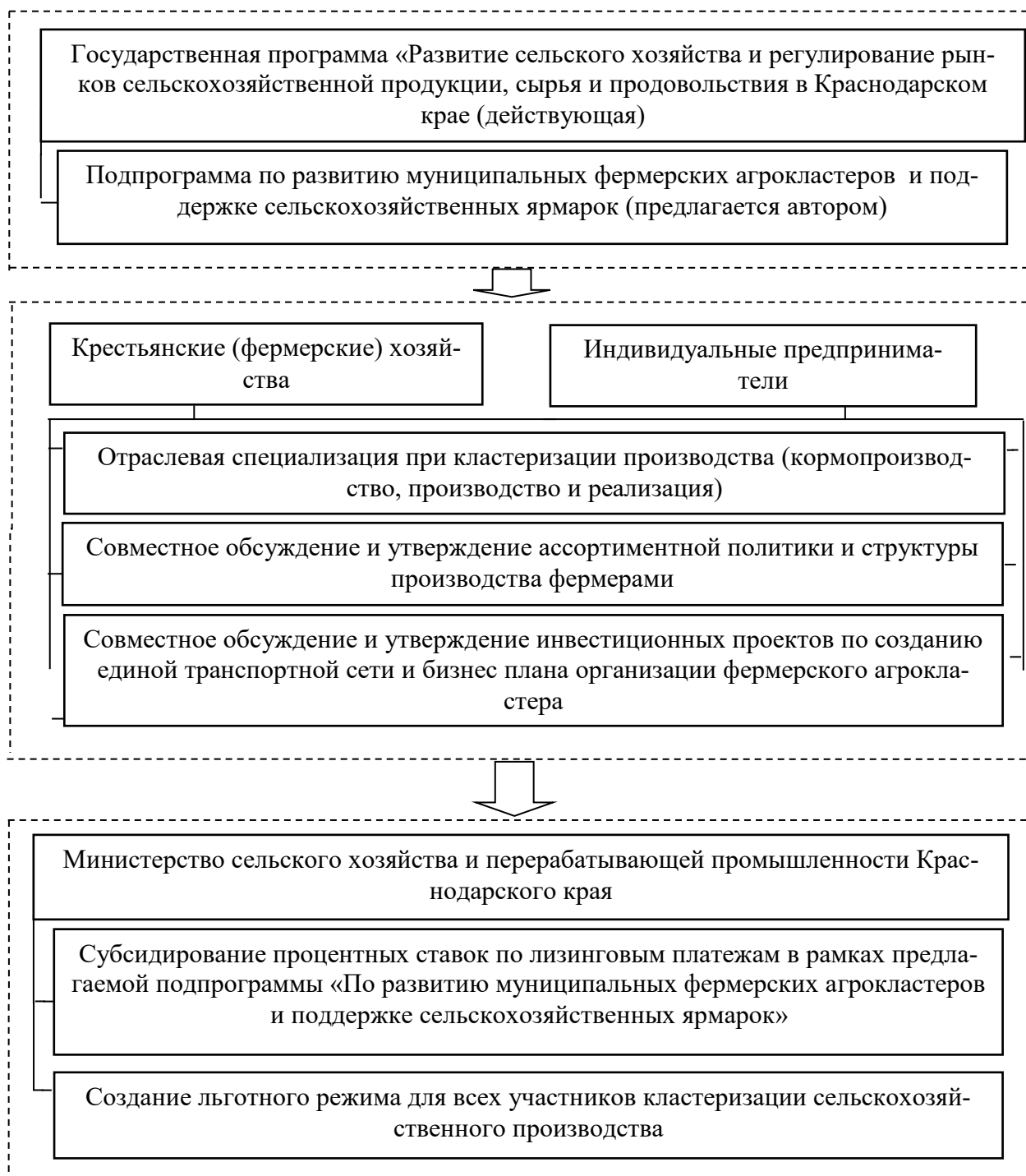

Рисунок 4 – Схема организации функционирования муниципального фермерского агрокластера

По этим соображениям авторами предлагается при администрациях муниципальных районов поддерживать межфермерскую кооперацию, используя имеющиеся бюджетные источники финансирования по подпрограмме «Развитие малых форм хозяйствования на селе», предусмотреть льготный инвестиционный кредит для фермерского сектора при покупке сельскохозяйственной техники в лизинг. Предлагаем предоставлять фермерским хозяйствам через межфермерскую кооперацию целевые субсидии на возмещение части процентных ставок по лизинговым платежам в размере 2/3 ставки рефинансирования ЦБ РФ на весь срок действия лизингового договора. При этом для целей стимулирования показателей ресурсоемкости производства необходимо установить требования к нормативам амортизационных отчислений исходя из приращений фондоотдачи и коэффициента оборачиваемости материальных оборотных активов (сырья и готовой продукции) по следующим формулам:

$$T_f = \left(\frac{F_o - F_b}{F_b} \right) \times T_{TR}, \quad (1)$$

где: T_f – темп приращения фондоотдачи; F_o – фондоотдача на конец отчетного года; F_b – фондоотдача на конец базисного года; T_{TR} – темп роста выручки от реализации отчетного года к базисному году.

$$T_l = \left(\frac{L_o - L_b}{L_b} \right) \times T_{TR} \quad (2)$$

где: T_l – темп приращения коэффициента оборачиваемости материальных оборотных активов; L_o – коэффициент оборачиваемости материальных оборотных активов в отчетном году; L_b – коэффициент оборачиваемости материальных оборотных активов в базисном году; T_{TR} – темп роста выручки от реализации отчетного года к базисному году.

В случае если по итогам отчетного периода показатели T_f и (или) T_l принимают отрицательное значение, то норматив амортизационных отчислений в амортизационный фонд межфермерской кооперации должен составлять 10 % от полученной годовой выручки. Если показатели T_f и T_l принимают положительное значение, то предлагаем освободить фермеров от налога на имущество и устанавливать норматив амортизационных отчислений 7 % от полученной годовой выручки (рисунок 5).

В основе интеграционного взаимодействия между сельскохозяйственными товаропроизводителями должен быть положен принцип межотраслевой кооперации. Данное межотраслевое сотрудничество в рамках производства и реализации позволит снизить транзакционные расходы и улучшить показатели по оборачиваемости сырья и готовой продукции. Кроме того, наличие собственной заготовительной базы по кормопроизводству позволит разрабатывать оптимизационные планы по кормлению сельскохозяйственных животных и осуществлять планирование производственных затрат в животноводстве по заданному уровню коммерческой рентабельности. [3]

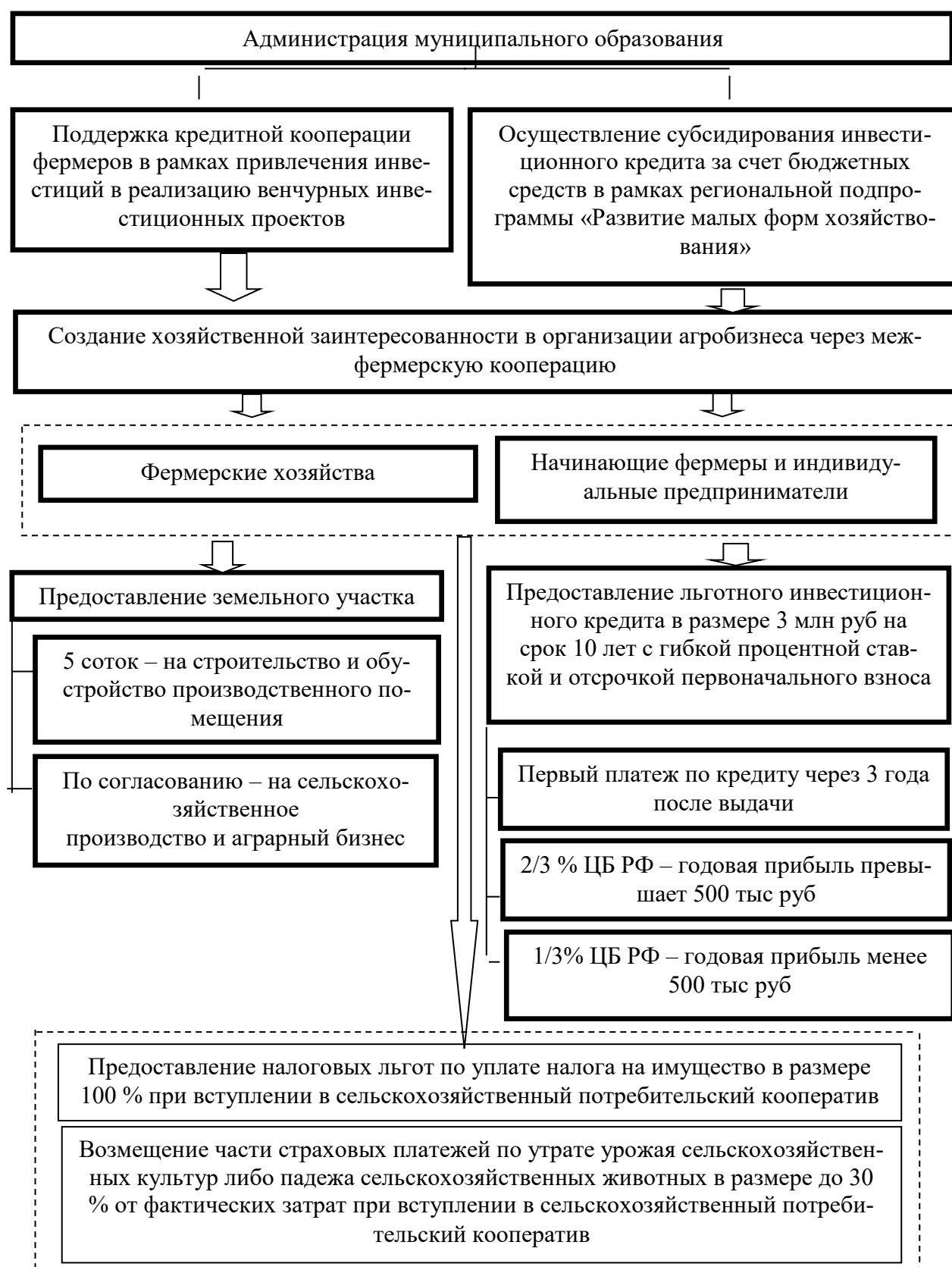

Рисунок 5 – Схема бюджетной поддержки по развитию межфермерской кооперации на муниципальном уровне (разработана авторами)

Организация производства в агробизнесе на основе принципов агропромышленной интеграции, предусматривающая уровневую структуру сельскохозяйственных потребительских кооперативов, направлена на использование преимуществ объединительных процессов в воспроизводстве и достижения положительного эффекта масштаба (экономии переменных затрат на ресурсы). В то же время, в связи с ограниченностью возможности прямого влияния на рынок со стороны органов власти, обусловленной нормами и правилами Всемирной Торговой Организации (ВТО), должны создаваться предпосылки для агропромышленной интеграции среди хозяйствующих субъектов АПК с целью повышения их финансовой устойчивости.

Таким образом, основными приоритетами в развитии агропромышленной интеграции, как перспективного направления в агробизнесе должны стать следующие принципы:

- единство и согласованность организационно-правовых и экономических условий, способствующих развитию вертикальной и горизонтальной агропромышленной интеграции;
- многообразие форм собственности и защита имущественных интересов каждого хозяйствующего субъекта АПК;
- широкое внедрение достижений научно-технического прогресса в сельское хозяйство, качественное совершенствование информационно-консультационной составляющей и формирование научных центров организации производства в АПК при вузах и НИИ;
- обеспечение роста финансовой устойчивости, хозяйствующих субъектов АПК на основе комплексности государственной поддержки по формированию и развитию процессов сельскохозяйственной потребительской кооперации.

Литература

1. Бурковский П. В. Предпосылки развития и преимущества агропромышленной интеграции в сельскохозяйственном производстве региона (по материалам Краснодарского края) / П. В. Бурковский // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – Краснодар : КубГАУ, 2017. - № 64. – С. 7-13.
2. Дулин М. П., Сергеева А. И. Бурковский П. В. Проблемы и пути совершенствования механизма государственной поддержки аграрного сектора экономики Краснодарского края / М. П. Дулин, А. И. Сергеева, П. В. Бурковский // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – Краснодар: КубГАУ, 2015. - № 53. – С. 17-21.
3. Власова Н. В. Тенденции развития агропродовольственного сектора России как динамичной отрасли экономики / Н. В. Власова // Развитие аграрного рынка в условиях глобальных вызовов. – Сб. статей конф. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – С. 46-54.

Бурковский П.В., Власова Н.В.

CURRENT STATE AND PROMISING WAYS TO INCREASE ECONOMIC EFFICIENCY IN AGRICULTURE IN KRASNODAR REGION

Burkovsky P. V.

*candidate of economy sci., associate professor at the department of economic theory;
Federal state budgetary educational Institution of Higher Education Kuban State
Agrarian University named after I. T. Trubilin*

Vlasova N. V.

*candidate of economy sci, associate professor of the Department of Economic Theory;
Federal state budgetary educational Institution of Higher Education Kuban State
Agrarian University named after I. T. Trubilin.*

Abstract. *The article examines the current state of current economic activity on the example of agricultural organizations in the Krasnodar region and identifies problematic aspects that define priority areas to improve economic activity agricultural production. It is noted that such areas are the processes of cooperation and agro-industrial integration in agriculture.*

Key words: *agriculture, cooperation, agro-industrial integration, state support, organizational cooperation.*

УДК 346.7

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ И КРЕСТЬЯНСКИХ ПОДВОРИЙ

Вареник П.К.

*преподаватель права, Департамент Правового регулирования экономической
деятельности, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы о системе мер правового регулирования в сфере реализации Государственной программы по разработке нормативных правовых актов по вопросам, относящимся к компетенции министерства сельского хозяйства. Было проанализировано влияние принятой нормативной законодательной базы на деятельность ЛПХ в области производства животноводческой продукции. Поскольку наиболее рискованная (неблагоприятная) ситуация, связанная с обеспечением населения продовольствием именно животноводческой продукцией в условиях кризиса. Проведен анализ значимости форм малого аграрного производства. Отмечено, что им присущи, те черты, что и другим формам хозяйствования. Указаны причины для высокой социально-экономической мотивации фермеров к труду на земле.

Ключевые слова: аграрная экономика России, совместная собственность, нормативный акт, конструкция статуса, регулирование рыночных отношений.

Система мер правового регулирования в сфере реализации Государственной программы предусматривает разработку нормативных правовых актов края по вопросам, относящимся к компетенции министерства сельского хозяйства края.

Важная роль в развитии аграрной экономики России принадлежит малому предпринимательству: крестьянским (фермерским) хозяйствам (К(Ф)Х), малым сельскохозяйственным организациям, индивидуальным предпринимателям. Субъекты малого агробизнеса отличаются быстрой реакцией и высокой степенью адаптации к изменениям рыночной ситуации и других внешних факторов, способностью активно участвовать в решении социальных проблем села, создавая новые рабочие места. Эти преимущества мелкотоварного производства приобретают особую значимость в условиях глобального экономического кризиса и учитываются при разработке антикризисных программ на региональном и федеральном уровнях.

Состав К(Ф)Х Членами фермерского хозяйства могут быть: 1) супруги, их родители, дети, братья, сестры, внуки, а также дедушки и бабушки каждого из супругов, но не более чем из трех семей; 2) граждане, не состоящие в родстве с главой фермерского хозяйства. Максимальное количество таких граждан не может превышать пяти человек (ст. 2 ФЗ №74-ФЗ) В рамках предпринимательской деятельности без образования юридического лица законодатель заключает, по

сути дела, корпоративную форму предпринимательства. При этом многие вопросы взаимоотношений участников ФЗ № 74-ФЗ практически не регулируются.

Не определен порядок формирования имущества К (Ф) Х, в том числе юридического оформления трансформации вещных прав участников в общую совместную собственность К (Ф) Х. Не предусмотрено разграничение собственно имущества К(Ф)Х и имущества членов хозяйства.

Ответственность К (Ф) Х по своим обязательствам По сделкам, совершенным главой фермерского хозяйства в интересах фермерского хозяйства, отвечает фермерское хозяйство своим имуществом (ст. 8 ФЗ При ограниченной ответственности К (Ф) Х, законодатель не устанавливает требования к минимальному размеру имущества К (Ф) Х.

Квалификационные требования, предъявляющиеся к главе фермерского хозяйства В ФЗ №74-ФЗ и ГК РФ отсутствуют требования к опыту работы в сельском хозяйстве и наличию специальной профессиональной подготовки у главы К (Ф) Х

Положения Закона № 74-ФЗ, определяющие статус К (Ф) Х и его главы, несколько отличаются от норм ГК РФ; во-первых, в них отсутствует указание на статус главы К(Ф)Х как индивидуального предпринимателя; во-вторых, не идентифицированы права и обязанности главы К (Ф)Х как индивидуального предпринимателя и исполнительного органа хозяйствующего субъекта.

В ГК РФ и Законе № 74-ФЗ отсутствуют квалификационные требования к главе фермерского хозяйства. В отличие от России, в большинстве стран СНГ положения, устанавливающие требования к опыту и стажу работы фермеров в агропромышленном комплексе, закреплены законодательно. Так, в Азербайджане и Казахстане установлено преимущественное право на получение земельного участка для ведения хозяйства гражданам, имеющим не менее чем трехлетний опыт и необходимые профессиональные навыки сельскохозяйственных работ. Законодательством Туркменистана и Белоруссии предусмотрено, что для образования фермерского хозяйства требуются специальные знания и квалификация либо опыт работы в сельском хозяйстве требуют доработки нормы федерального законодательства, регулирующие состав участников К (Ф) Х. В соответствии со ст. 3 Закона № 74-ФЗ его членами могут быть:

1) супруги, их родители, дети, братья, сестры, внуки, а также дедушки и бабушки каждого из супругов, но не более чем из трех семей;

2) граждане, не состоящие в родстве с главой фермерского хозяйства. Максимальное количество таких граждан не может превышать пяти человек.

Таким образом, Законом № 74-ФЗ допускается возможность совместного осуществления предпринимательской деятельности в рамках К (Ф) Х группы лиц, как связанных, так и не связанных родством. При этом регулирование всей совокупности их имущественных отношений возложено на общую совместную собственность, традиционно основанную на близких, лично-доверительных семейных отношениях.

Объектом общей совместной собственности. К (Ф) Х являются земельный участок и имущество производственно-хозяйственного назначения. Иное имущество (жилой дом, предметы потребления, обихода и т. д.) может составлять объект общей или раздельной собственности супругов-членов К (Ф) Х либо быть собственностью отдельного участника хозяйства. Возможность сосуществования в крестьянском (фермерском) хозяйстве различных видов общей собственности влечет необходимость различать объекты, составляющие: 1) общее имущество его участников (включая супругов, их детей и других членов хозяйства); 2) общее имущество супругов (участников хозяйства); 3) личное имущество каждого из участников (членов) такого хозяйства, в том числе и каждого из супругов

Закон № 74-ФЗ не устанавливает каких-либо минимальных требований к размеру имущества крестьянского хозяйства, которым оно отвечает по требованиям кредиторов. Кроме того, его предписания о порядке образования имущества крестьянского хозяйства предельно кратки и отсылают к соглашению о создании фермерского хозяйства. Однако форма соглашения, обязательные требования к его содержанию, порядок заключения, изменения, расторжения, момент закрепления имущества за хозяйством данным Законом не определены.

В связи с этим возникает вопрос об ответственности членов крестьянского (фермерского) хозяйства по его обязательствам. Ст. 8 Закона № 74-ФЗ определено, что по сделкам главы. К (Ф) Х, совершенным в интересах хозяйства, фермерское хозяйство отвечает закрепленным за ним имуществом. При этом не раскрывается механизм удовлетворения требований кредиторов при недостаточности имущества фермерского хозяйства. По сути, имеет место ограниченная ответственность К (Ф) Х при отсутствии требований к минимальному размеру его имущества.

Таким образом, законодателем создана весьма своеобразная конструкция статуса К (Ф) Х. На хозяйство без статуса юридического лица накладывается по сути корпоративная форма предпринимательской деятельности без определения правовых норм имущественных отношений участников экономического оборота.

Характер приведенных выше проблем определил алгоритм их решения. Считаем, что на уровне Федерального закона №74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» следует путем внесения изменений и дополнений закрепить идентификационные критерии К (Ф) Х - целевую правоспособность, наличие специального сельскохозяйственного образования у главы хозяйства, возможность участия в деятельности К (Ф) Х членов только одной семьи (вместо трех семей и пяти граждан - не родственников). Обязательным этапом процесса создания К (Ф) Х следует считать заключение брачного контракта между супругами, содержание которого будет определять размер и состав имущества, передаваемого К (Ф) Х. Такой подход к идентификации статуса К (Ф) Х обеспечивает его приближение к форме предпринимательства без образования юридического лица, снимает большую часть проблем отношений собственности в К (Ф) Х, связанных с корпора-

тивным агробизнесом. С учетом содержания предлагаемых изменений и дополнений необходимо предоставить право ранее созданным К (Ф) Х, состав участников которых выходит за пределы одной семьи, выбрать одну из организационно-правовых форм коммерческих организаций и осуществить на базе имущественного комплекса К (Ф) Х государственную регистрацию юридического лица, в учредительных документах которого будет четко определен порядок взаимоотношений между его участниками. Считаем, что данные меры будут способствовать совершенствованию правового статуса крестьянских (фермерских) хозяйств и повышению эффективности их функционирования.

Одной из задач государства в плане регулирования рыночных отношений является обеспечение стабильной правовой основы деятельности хозяйствующих субъектов. Важен дифференцированный подход к определению основных положений по правовой защите и обеспечению деятельности товаропроизводителей:

1. С момента выхода федерального закона «О личном подсобном хозяйстве» в 2013 г;
2. с началом реализации приоритетного национального проекта, «Развитие АПК» в 2016 г;
3. выходом закона «О развитии сельского хозяйства» в конце 2016 г;
4. нормативная правовая база, связанная с ведением ЛПХ, значительно расширилась на федеральном и на региональном уровнях. Федеральное и региональное законодательство в области функционирования и развития ЛПХ сосредоточено в основных документах: ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» от 7.07.2013 г. № 112-ФЗ; законах о личном подсобном хозяйстве субъектов федерации, Постановлении Правительства РФ от 27.06.2014 г. № 758 (ред. 06.06.14 г.)
5. «О государственной поддержке садоводов, огородников и владельцев ЛПХ»;
6. «О государственной поддержке граждан, ведущих ЛПХ» некоторых субъектов РФ;
7. «О максимальных размерах общей площади земельных участков, которые могут находиться одновременно на праве собственности и (или) ином праве у граждан, ведущих ЛПХ»;
8. и иных Постановлениях и Указах различных регионов РФ; а также региональных целевых программах развития ЛПХ или развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2012-2018 гг.

Региональное законодательство, регулирующее деятельность ЛПХ, развивалось по нескольким направлениям. Можно выделить регионы, которые пошли по пути разработки собственного регионального закона о ЛПХ на основе федерального закона. Это (Республики Башкортостан (2014 г.), Дагестан (2013 г.), Саха (Якутия) (2014г.), Тыва (2014 г.), Архангельская (2014 г.), Мурманская (2016

г.), Томская (2013 г.) области и Усть-Ордынский автономный округ – Бурятия (2012 г.).

Другая группа регионов разработали региональные законы о государственной поддержке развития ЛПХ- это Карачаево-Черкесская (2015 г.) и Кабардино-Балкарская (2013 г.), республики, Краснодарский (2014 г.), Алтайский (2016 г.) и Приморский (2014) края, Кемеровская (2015 г.), Омская (2003 г.), Читинская (2015 г.) области и Еврейская автономная область (2014 г.). Законы направлены на определение понятия и места ЛПХ в экономической системе АПК региона.

Группа регионов ограничилась региональными законами об установлении максимального размера общей площади земельных участков, которые могут находиться на праве собственности и (или) ином праве у граждан, ведущих ЛПХ.

Несколько иные направления выбрали Удмуртская (2012 г.) и Чувашская республики (2014 г.). Указ Президента Удмуртской республики «О государственной поддержке безработного сельского населения» направлен на активизацию деятельности безработных граждан путем государственной поддержки. Акцентируется внимание на переходе граждан, занимающихся производством сельскохозяйственной продукции в ЛПХ, из статуса «безработного» в статус «индивидуального предпринимателя» или главы К(Ф)Х.

Остальные регионы включили разработки по развитию малых форм сельскохозяйственного производства в целевые программы по развитию АПК регионов. Пензенская область разработала областную целевую программу «Развитие личных подсобных хозяйств Пензенской области (2012-2018 гг.).

Следует рассмотреть влияние принятой нормативной законодательной базы на деятельность ЛПХ в области производства животноводческой продукции. Поскольку наиболее рисковая (неблагоприятная) ситуация, связанная с обеспечением населения продовольствием именно животноводческой продукцией в условиях кризиса, акцентируется внимание на производстве наиболее неблагополучном в плане выращивания виде животноводства - скотоводстве, производящемся в значительной степени (до начала реализации ПНП «Развитие АПК») в ЛПХ по регионам РФ.

Предложена типология региональных тенденций развития скотоводства, соотнесенных с тенденциями структурной перестройки в скотоводстве (роль крупного и малого производств). Предложено сопоставление динамики поголовья скота в региональном разрезе с динамикой структуры поголовья скота по видам хозяйств в регионах РФ. Данный анализ позволит определить направленность развития производства наиболее неблагополучной животноводческой продукции и предложить варианты предотвращения ухудшения названной ситуации в условиях финансово-экономического кризиса.

Существует следующая гипотеза. С момента начала реализации ПНП «Развитие АПК» ситуация в области выращивания и производства мясомолочной продукции изменилась незначительно. Если происходит увеличение количества скота, коз и овец, то в основном за счет личных подворий.

В годы перестройки, недостаточное удовлетворение спроса населения в продуктах питания общественным сектором аграрного производства, вынудило направить экономическую аграрную политику страны на развитие личных подворий граждан наряду с крупными сельскохозяйственными предприятиями. В период перехода страны от социалистических отношений к рыночным, с целью возрождения села было принято решение о передаче сельскохозяйственных земель в частную собственность. Начался процесс реорганизации совхозов и колхозов, путем паевого раздела земель и их приватизации. С целью создания многоукладного эффективного сельскохозяйственного производства Президентом РФ в декабре 1991 года был издан Указ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». В последующие годы было принято более десятка законов, имеющих отношение к личным подворьям граждан. Значимыми из них являются законы «О личном подсобном хозяйстве» и «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». В соответствии со статьей 2 №112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» личное подсобное хозяйство – «форма непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции. Личное подсобное хозяйство ведется гражданином или гражданином и совместно проживающими с ним и (или) совместно осуществляющими с ним ведение личного подсобного хозяйства членами его семьи в целях удовлетворения личных потребностей на земельном участке, предоставленном и (или) приобретенном для ведения личного подсобного хозяйства. Сельскохозяйственная продукция, произведенная и переработанная при ведении личного подсобного хозяйства, является собственностью граждан, ведущих личное подсобное хозяйство. Реализация гражданами, ведущими личное подсобное хозяйство, сельскохозяйственной продукции, произведенной и переработанной при ведении личного подсобного хозяйства, не является предпринимательской деятельностью». Среди отечественных ученых экономистов-аграрников, изучавших вопросы зарождения и развития малых форм аграрного производства, выделяются такие авторы, как Н.П. Макаров, А.Н. Челинцев, И.И. Ершова и другие. Ключевым моментом в деятельности крестьянских хозяйств, по их мнению, является особая трудовая мотивация. По мнению профессора М.И. Кокорева в личном хозяйстве крестьянин является свободным предпринимателем, который руководствуясь экономической выгодой, на свой страх и риск ведет производство продукции. Соглашаясь с мнением автора, отметим, что действительно в условиях рынка личные подсобные хозяйства осуществляют предпринимательскую деятельность, ибо предпринимательство рассматривается, как тип хозяйственного поведения людей, которое основано на самостоятельности, инициативности и новаторских идеях. Противоположное мнение высказывает профессор А.Н. Попов, считая, что хозяйства населения отношения к предпринимательской деятельности не имеют, так как подсобные хозяйства граждан не подлежат обязательной государственной регистрации в качестве субъектов предпринимательства, а производство не направлено на систематическое получе-

ние прибыли. По справедливому мнению, З.Н. Шуклиной специфика сельскохозяйственного производства, в том числе в личных подсобных хозяйствах, естественным образом отражается в роли сельского предпринимателя. А само по себе предпринимательство вообще предполагает умение, знание, обдумывание и принятие рискованного решения; предприимчивость с учетом информации в обрете-нии приемлемой среды для своего дела (рыночной и экономической ниши). Ученые А.Н. Семин, В.Д. Мингалев, О.Н. Михайлюк считают, что личную характеристику предпринимателя-крестьянина в полной мере можно отнести и к владельцу личного подсобного хозяйства (так как на сегодня они выступают равноправной формой хозяйствования аграрной экономики). Владелец личного хозяйства верит в успех своего предприятия, полагаясь только на себя, его ошибки – только его ошибки, которые исправлять самому; выдержанно принимает и победы, и поражения. Академик Петриков А.В. проводит сравнительный анализ форм личного подсобного и крестьянского хозяйства: «Семейная ферма у нас представлена в двух исторически сложившихся формах: крестьянского (фермерского) хозяйства и личного подсобного хозяйства. Они различаются размерами обрабатываемой площади, уровнем товарности производства, степенью использования наемного труда, характером взаимосвязей с коллективными сельскохозяйственными предприятиями, особенностями правового регулирования». С правовой точки зрения личное подсобное хозяйство, как и крестьянское (фермерское) хозяйство является семейно-трудовым объединением людей, осуществляющих совместно производство сельскохозяйственной продукции. Так в законе «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» сказано: «Крестьянское (фермерское) хозяйство (далее также – фермерское хозяйство) представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность, но отличается по цели ведения и товарности. Безусловно, несмотря на рост товарности личных подсобных хозяйств, приоритетной целью все же остается производство агропродукции для собственного потребления. Для фермерского хозяйства приоритетной целью является производство продукции с ее последующей реализацией, то есть товарное производство. Этот вывод следует из ряда признаков трудового семейного крестьянского хозяйства, подробно проанализированных и описанных в начале прошлого века А.В. Чаяновым. Еще до октябрьской революции 1917 г. А.В. Чаянов дает классическое определение сущности и цели крестьянского хозяйства: «... хозяйство крестьянское есть, прежде всего, хозяйство семейное, весь строй которого определяется размером и составом его потребительских запросов и его рабочих рук. Задачей крестьянского хозяйства является доставление средств существования хозяйствующей семье путем наиболее полного использования имеющихся в ее распоряжении средств производства и рабочей силы».

Изучением проблем становления и развития крестьянских (фермерских) хозяйств занимались многие известные ученые-аграрники. Фундаментальные исследования в этой области были проведены такими учеными как С.Н. Булгаков, В.Ф. Левитский, А.В. Чаянов, Н.П. Макаров и другие. Обобщая исследования различных авторов можно выделить две основные концепции крестьянского хозяйства:

1. предпринимательское крестьянское хозяйство, в котором хозяин нанимает самого себя в качестве рабочего. Данная концепция характерна только для условий капиталистического строя, при котором получение дохода от вложения своего капитала, в виде разницы между валовым доходом и издержками производства, является главной мотивацией крестьянина предпринимателя;

2. трудовое семейное крестьянское хозяйство. Данная концепция характерна для условий некапиталистического строя, при котором семья получает единый трудовой доход и соизмеряет свои затраты годичного труда с получаемым материальным результатом.

Развитие трудовых крестьянских хозяйств в дальнейшем Чаянов связывал с отсутствием в них наемного труда и постепенной кооперацией. Однако в отечественной науке и практике было и иное видение процесса развития крестьянства. В частности, П.А. Столыпин в своих трудах упор делал на создание фермерства с крупными земельными участками и наемным трудом, создания класса «справных хозяев», фермеров европейского образца. Данные направления исследований и практической деятельности не были поддержаны советским правительством, и в основу государственной политики была положена вторая концепция. Проводя сравнительную оценку крестьянских и крупных помещичьих хозяйств А.В. Чаянов наряду с другими учеными, выступал против изолированного, замкнутого развития мелких крестьянских хозяйств, поскольку «подсобное предприятие без того, чтобы рядом с ним не существовало денежное капиталистическое хозяйство, быть не может: ведь недостаток в доходах пополняется заработком». Таким образом, А.В. Чаянов одним из первых выделил, что значимым условием эффективного сельскохозяйственного производства является интеграция крупных и малых форм хозяйствования на селе. Значимыми исследованиями развития фермерских хозяйств на современном этапе осуществляются учеными: В.В. Милосердовым, В.Ф. Башмачниковым, В.И. Кудряшовым, Б.А. Ворониным, В.Ф. Стукачем и другими. По справедливому мнению, профессора Б.А. Воронина к важным отличительным особенностям фермерского хозяйственного уклада в России относят, прежде всего:

1. лимитированное применение наемного труда; самостоятельное обеспечение производственными ресурсами;
2. принадлежность к малому сельскому предпринимательству;
3. высокую социально-экономическую мотивацию фермеров к труду на земле; полную ответственность за результаты своей деятельности, как юридическую, так и экономическую.

Действительно, частная собственность на землю, лежащая в основе фермерского хозяйства, повышает ответственность фермера, как собственника за эксплуатацию имеющейся у него земли и других средств производства. В отличие от наемного работника, семейный фермер намного инициативнее, поскольку частная собственность наделяет его владельца исключительными правами на владение, пользование и распоряжение земельным участком.

Следовательно, семейный характер (крестьянских) фермерских хозяйств позволяет наиболее полно раскрыть творческий потенциал крестьян. Академик А. Артюшин отмечает, что крестьянские (фермерские) хозяйства объединяют две существенно отличающиеся друг от друга группы: трудовые семейные крестьянские хозяйства с малыми площадями пашни и низким уровнем товарности и предпринимательские фермерские хозяйства с площадями пашни от сотен до нескольких тысяч гектаров и высокой товарностью производства. Согласимся, со справедливым мнением автора, что эффективного уровня развития аграрного производства, малые формы хозяйствования не смогут без внушительной государственной поддержки государства и перехода от ручного труда и «народных» технологий, к внедрению средств малой механизации. В России геополитические и экономические условия исторически сложились так, что фермерский уклад не может быть доминирующим в аграрном секторе экономики, как в западных странах. Тем не менее, фермерские хозяйства стали неотъемлемой частью многоукладной аграрной экономики, идет естественный процесс укрупнения крестьянских (фермерских) хозяйств.

Оценивая значимость форм малого аграрного производства, можно отметить, что ему присущи, те черты, что и другим формам хозяйствования (реагирование на меняющуюся конъюнктуру рынка, создание рабочих мест, участие в решении местных социально, экономических задач). В то же время малые формы аграрного производства на селе выполняет специфические функции, обусловленные выживанием населения в деревнях, для значительной части трудоспособного населения являются формой занятости, источником дохода, то есть фактором смягчения последствий безработицы, способствуют устойчивости крупных предприятий. Поэтому развитие форм малого аграрного производства является необходимым условием экономического подъема аграрной сферы экономики.

Государство играет важную роль в рыночной экономике. Рыночная экономика не обеспечивает сохранение невозпроизводимых ресурсов, защиту окружающей среды, обладает ограниченными возможностями для поддержания экономического равновесия, а главное не учитывает социальные интересы общества. В том случае, когда обеспечены элементарные условия существования и удовлетворены основные потребности личности, рынок предполагает свободу выбора, равенство возможностей. Систематизируя труды ведущих экономистов можно выделить следующие причины невозможности саморегулирования рыночной системы: общественные блага, неравное распределение дохода; влияние внешних

факторы; неустойчивость; несостоятельность конкуренции, общественные товары, внешние эффекты (экстерналии), неполные рынки, несовершенство информации, безработица и др. Государственное управление – это целенаправленное организующее регулирующее воздействие государства (через систему его органов и должностных лиц) на общественные процессы, отношения и деятельность людей с помощью различных методов и средств регулирования. Осуществляя свои функции, государство воздействует на экономическую систему путем использования прямых и косвенных методов регулирования. Методы прямого воздействия основаны не на самостоятельном выборе субъектов экономической системы, а на предписаниях государства.

Литература.

1. Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2016 г. № 264-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://www.cosultant.ru>.]
2. Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» от 08.12.2015 г. №193-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://www.cosultant.ru>.]
3. Федеральный закон «О крестьянском фермерском хозяйстве» от 11.06.2013 г. №101-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://www.cosultant.ru>.]
4. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2015 г. №264-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: [<http://www.cosultant.ru>.]
5. Федеральный закон «О личном подсобном хозяйстве» от 07.07.2003 г. №112-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://www.cosultant.ru>.]
6. Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года»/ Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. №598.
7. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы/ Утверждена постановлением правительства РФ от 14.07.12. г. №717.
8. Постановление правительства Тюменской области от 30.12.2014 г. №699-п. Государственная программа Тюменской области «Основные направления развития агропромышленного комплекса» на 2013–2020 годы.
9. Башмачников В.Ф. Особенности развития фермерского движения в Западной Европе [Текст] / В.Ф. Башмачников// Агропродовольственная политика.-2012.-№6.- С.76–80.

LEGAL REGULATION OF STATE SUPPORT FOR FARMS AND PEASANTS FARMSTEADS

Varenik P.K.

Professor of Law, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Abstract. *The article discusses the issues of the system of legal regulation measures in the implementation of the State program for the development of regulatory legal acts on issues within the competence of the Ministry of Agriculture.*

The influence of the adopted regulatory framework on the activities of private household plots in the field of livestock production was analyzed. Since the most risky (unfavorable) situation associated with providing the population with food namely livestock products in a crisis

The analysis of the significance of forms of small agricultural production was done. It is noted that they are inherent in those features that other forms of management

The reasons for the high socio-economic motivation of farmers to work on land are indicated.

Key words: *agrarian economy of Russia, joint ownership, normative act, status design, regulation of market relations.*

УДК 332.025

ВОЗДЕЙСТВИЕ РЫНОЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ И МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Овчинников В. Н.

Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления, высшая школа бизнеса, Южный федеральный университет

Кетова Н. П.

Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор, действительный член Российской академии гуманитарных наук, главный научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, заведующая кафедрой маркетинга и коммуникаций в бизнесе факультета управления, Южный федеральный университет

Аннотация: в статье анализируется процесс возникновения и развития необходимых и достаточных условий становления рыночного хозяйства. В качестве таковых рассматриваются отраслевые рынки, формирующие каркас воспроизводственных связей территорий, различие которых предопределяет специфику их влияния на процессы функционирования экономического пространства, важнейшую роль в этих условиях играет государство, регулируя соотношение спроса, предложения и условия функционирования хозяйствующих субъектов в с учетом риска и неопределенности. Охарактеризованы административные, экономические и организационные методы госрегулирования благоприятствующей деловой среды.

Ключевые слова: рыночное хозяйство, организационное и экономическое регулирование, неопределенность. Рыночное пространство региона: сущность, структуризация, функционирование в условиях неопределенности

Оценка развития отраслевых рынков российских регионов, выступающих в качестве основы экономического каркаса воспроизводственных связей территорий, определение тенденций и направленности их взаимодействия является важной темой экономико-региональных исследований. В значительной степени она актуализируется в связи с сохраняющейся внешнеэкономической неопределенностью.

Как подчеркивает И.И. Сечин, высокая степень такой неопределенности обусловлена для российской экономики исключительно нерыночными обстоятельствами, возникающими в связи с санкциями и ограничениями со стороны США и ряда стран Европы [7, С. 26–7]. В этих условиях важно адаптироваться к

данной ситуации, отразить ее и выработать соответствующие подходы к минимизации ее отрицательного воздействия.

На региональном уровне ответы на такого рода неопределенность и риски, по мнению авторов, целесообразно рассматривать в контексте концепции эндогенного экономического роста. Ее отличительной чертой, как известно, является идея об «укоренении экономического роста в местную почву», максимальное использование скрытых местных ресурсов. При этом, реализуется не отраслевой, а функциональный по отношению к экономической структуре региона подход [2, С. 141].

В его рамках обеспечивается формирование основ концептуализации современных моделей развития регионов, а также определение степени реализации избранных ими стратегий по использованию синергетических эффектов в зависимости от степени структуризации регионального экономического пространства. Они реализуются, по мнению ряда авторов (например, Reimer M., Getimis P., Vlotvogel H.H.), под воздействием различных процессов, в том числе, развития рынков, усиления функциональной действенности сил рыночного притяжения к ним соответствующих территорий, создания экономического каркаса региона, его воспроизводственных связей и др. [6, С. 311–312]

Процесс структуризации экономического пространства в современных условиях правомерно представлять в качестве специфической системы экономических отношений и взаимодействий, складывающихся на территории конкретного региона под воздействием, прежде всего, рыночных сил. Как подчеркивает А. Эмин, именно устойчивые взаимодействия в экономике региона, например, в рамках технополисов, функционирующих преимущественно на рыночных принципах, стимулируют ускоренную структуризацию экономического пространства [1, С. 372]. Важную роль, при этом, играет и эффективное государственное регулирование. При их сочетании формируется сложная система связей, развивающихся в процессе хозяйственной деятельности и взаимоотношений бизнес-структур, в результате чего образуются «узлы», уплотняющие рыночное пространство. Выявление их характеристик и взаимодействий представляется весьма важным для понимания природы процесса структуризации экономического пространства региона.

Различие рынков по территориальным признакам, субъектам, типам потребителей, объектам обмена, включенности в сетевые структуры и т.д. предопределяет специфику их влияния на процессы функционирования экономического пространства регионов, возможности учета ценностей и долгосрочных интересов потребителей. Вследствие этого, отмечали Ф. Котлер, Р. Гордон и др. исследователи [3, С. 208], их изучение обуславливает реальный научный и практический интерес с точки зрения понимания механизмов действия рыночных сил, привлечения потребителей, формирования их целевых аудиторий и т.д.

В современных условиях это дает основания для учета высокой степени неопределенности, актуализирует исследования территориально-отраслевых аспектов организации структуры экономического пространства региона, выявление функций рынков как узловых центров активизации и концентрации производственно-хозяйственной деятельности.

Границы региональных, в частности, оптовых рынков, определяются параметрами зоны их обслуживания, обусловленной конкурентным потенциалом соответствующих территорий [4, С. 357]. При этом, обоснование направлений, инструментов и условий совершенствования структуризации рыночно-экономического пространства предопределяется процессами дивергенции в сфере территориального развития. Рыночно – экономическое пространство региона, понимаемое как определенная система экономических связей и взаимодействий, складывается на конкретной территории, не имеющей внутренних экономических границ для перемещения рабочей силы, капитала, товаров, услуг, инноваций и др. (например, республика, край, область, город, муниципальное образование). Его организация предопределяется процессами дивергенции в сфере территориального развития России, которые должны соответствующим образом регулироваться.

На это указывают многие экономисты, политологи, социологи. Так, академик РАН А.И. Татаркин отмечал, что именно научно обоснованная структуризация экономического пространства российских регионов, которая пока отсутствует, становится фактором, который может сыграть существенную роль в социально-экономическом развитии территорий страны. В качестве аргументов такого утверждения он называл такие факторы, как повышение уровня централизации экономического пространства в России; неравномерность территориального развития и связанная с этим фрагментация экономического пространства российских регионов, предопределяемая во многом недостаточной развитостью транспортной инфраструктуры; отсутствие системности в управлении пространственным развитием экономики страны, проявление негативных сдвигов в территориальной структуре российской экономики, усиление их роли в инвестиционной политике [8, С. 28].

В современных исследованиях авторами выделяется ряд сдвигов в территориальной структуре российской экономики, неблагоприятно действующих на функционирование социально-экономических систем регионов в последние годы: концентрация населения в центре страны, в наиболее благополучных регионах и городах; рост поляризации между растущими и депрессивными регионами; сохранение неблагоприятных тенденций в распределении экономической активности между западной и восточной частями страны и др.

Обобщение такого рода утверждений дает основание для следующего заключения: мощнейший пространственный фактор оборачивается для экономики России многомасштабными потерями вместо превращения в уникальное, с точки

зрения значимости и местоположения страны в мире, конкурентное преимущество Российской Федерации. [8, С. 29]. Особенно остро это проявляется в современных условиях внешнеэкономической неопределенности, экономических санкций. Как представляется, именно научно организованная и последовательно реализуемая структуризация экономического пространства российских регионов, в сочетании с эффективным государственным регулированием, способна исправить положение к лучшему.

Таким образом, развитие рынков в регионах обуславливает усиление функциональной действенности сил рыночного притяжения к ним соответствующих территорий, создания их экономического каркаса, воспроизводственных связей и др. В условиях действия в последние годы в отношении России явно необоснованных санкций и сдерживаний со стороны США и ряда стран Европы, имеющие место запреты на экспортно-импортные операции, приобретение новых технологий, материалов и др., предопределяют внешнеэкономическую неопределенность для нашей страны.

Утверждающаяся «санкционная повестка» начинает явно связываться с разрешением торговых конфликтов, что означает подмену рыночных механизмов новым экономическим порядком (что продемонстрировало, например, давление США на ряд европейских партнеров для отказа их от участия в проекте «Северный поток–2»). Такая ситуация актуализирует значение четкости выполнения договоров, соглашений и др. как в рамках нашей страны, так и в отношениях с зарубежными партнерами, реализацию принципов экономики доверия в сочетании с повышенной ответственностью за исполнение взаимных обязательств, использование достижений лучших практик партнерских взаимодействий, управление рисками. При этом, важна разработка и реализация политики эффективного государственного регулирования развития российских регионов в сочетании с действенными рыночными механизмами повышенной ответственности за исполнение принятых обязательств в соответствии с нормами и императивами мирового и регионального трендов развития.

Рыночное саморегулирование и целенаправленные действия государства по обеспечению функционирования экономики региона: объективное единство

Экономическое пространство современных регионов представляет собой постоянно развивающееся единство экономических объектов, институтов, отраслей экономики и предпринимательских структур, взаимодействующих (но нередко – и конкурирующих) субъектов, использующих многочисленные управленческие стратегии, механизмы, инструменты и технологии. При этом, столь сложная картина функционирования экономики регионов, с ее специфической пространственной структурой, накладывается на конкретные территории с их историческими, экономическими, географическими, национальными, этническими и другими особенностями.

Объективная необходимость сочетания рыночного саморегулирования и воздействия государства на формирование структуры регионального пространства и поддержание его функционирования, предопределяется востребованностью эффективных действий государства, реализующего соответствующие функции. Именно государство способно играть роль регулятора, стимулирующего деятельность как частного бизнеса и отдельных лиц, так и структур, призванных создавать правила и институты, стимулировать развитие и рациональное функционирование рынков, обеспечение достойной и счастливой жизни населения. [5]

В экономической литературе двадцатого века представлен весьма многообразный спектр мнений относительно функций государства, его роли, места, целей, а также возможностей государственного вмешательства в экономическую систему, в частности, в функционирование рынков. Во многом, взгляды ученых предопределялись тем, был ли это период процветания или затяжного кризиса, мира или войны. Так, в оценке сущности и роли рыночного механизма, целей, возможностей и форм государственного регулирования разошлись мнения приверженцев трех ведущих направлений экономической науки XX века. В их числе – экономисты неоклассического, кейнсианского и институционального направлений, теории которых были разработаны в разных странах и применялись в практике государственного регулирования экономики.

Применительно к регионам Юга России (Южный и Северо-Кавказский федеральные округа) основную роль государства на среднесрочную перспективу в условиях внешнеэкономической неопределенности правомерно сформулировать как модификацию масштабов и инструментов государственного регулирования, нахождение оптимальной меры и наиболее эффективной формы регулирования экономической системы в целях формирования эффективной экономики, реализации ее имитационной и инновационно - технологической модернизации, рационализации социальной сферы каждого из южнороссийских регионов. При этом, необходим учет особенностей экономико-географического положения, потенциала отраслей и сфер хозяйственного комплекса, перспектив развития конкретных территорий.

Важнейшую роль для южнороссийских регионов, как и других территорий России, в современных условиях и, особенно, на перспективу, играет полноценное выполнение государством соответствующих функций.

Так, следует акцентировать внимание на социальной функции во всех ее проявлениях. Реализация именно этой функции обеспечивает как социальное благоприятствование проживанию населения, в целом, так и условия для развития личности, получения образования, трудоустройства, финансовое и потребительское благополучие, достойное продовольственное обеспечение, хорошие жилищные условия, благополучную экологическую и эпидемиологическую обстановку, защиту личности, её прав и свобод и т.д.

Следует также подчеркнуть значимость стратегической функции, заключающуюся в стимулировании со стороны государства своевременной и эффективной трансформации экономики, в целом, и социальной сферы, в частности, в соответствии с императивами, согласующимися с условиями, складывающимися в быстроменяющемся мире.

Несомненно, важной функцией государства является защитная, которая состоит в защите собственности (государственной, частной, личной), охране интересов участников экономической деятельности, защите от рэкета, коррупции и др. посягательств на свободную экономическую деятельность. В данную функцию, несомненно, входит обеспечение безопасности регионов и страны, в целом. Кроме того, государство в рыночной экономике должно играть ведущую роль в регулировании трудовых отношений, защите интересов работников, разрешении трудовых конфликтов, развитии социального партнерства.

В этом же ключе следует рассматривать задачу обеспечения экономической безопасности регионов, поддержания их позиций на отечественных и мировых рынках, корректировки в связи с не снижающейся экономической неопределенностью.

Весьма значимой функцией, с точки зрения поддержания государством рыночных отношений в региональном хозяйстве, является стимулирование процессов создания равных условий для конкуренции всем участникам рынков, поддержание покупательной способности на рынках B2B и B2C, реализация потенциала регионального маркетинга.

Для обеспечения единства рыночного саморегулирования и целенаправленных действий государства в обеспечении функционирования регионального экономического пространства необходимой представляется поддержка цивилизованного товарообмена при активном участии продавцов, покупателей, посредников и др., создание организованных мест торговли (в т.ч. в виде ярмарок, выставок-продаж и др.). Решению вышеозначенной задачи способствует стимулирование привлечения в регионы торговых структур (в т.ч. сетевых), а также обслуживающих компаний, обеспечивающих удовлетворение спроса населения в необходимых товарах и услугах, поддержка партнерских рыночных взаимодействий и т.д.

В число регулирующих функций необходимо включать проектирование экономических связей, процессов и явлений, происходящих в координатах экономического пространства. При этом, пространственные границы могут быть нечеткими, выходить за пределы административно-территориальных единиц, пересекаться и накладываться друг на друга, поскольку интересы субъектов хозяйствования не ограничиваются границами города, региона или страны. Чем больше таких пересечений, взаимопроникновений и наложений, тем плотнее будет экономическое пространство.

Таким образом, роль регулирующего центра в процессе формирования структуры экономического пространства региона может выполнить только государство – институт, представляющий все общество и обладающий правом институционального вмешательства в экономические отношения. Задача состоит в том, чтобы найти оптимальную меру и наиболее эффективные формы, технологии и инструменты государственного регулирования экономики, которые, не разрушая ее рыночную природу, в то же время могли бы обеспечивать максимальную эффективность. Для принятия экономически и политически выверенных решений по реализации принципов эффективного государственного регулирования экономики на Юге России, необходимым представляется компетентный учет критериев оценки территорий при принятии таких решений. В таблице 1 представлены авторские критерии, целесообразные для такого учета.

Таблица 1 – Критерии, целесообразные для оценки благополучия территорий регионов Юга России, рекомендуемые для учета при разработке мер государственного регулирования их развития

1	<i>Обеспеченность территории ресурсами, их использование</i> - Обеспеченность природными ресурсами, степень их освоенности, природно-климатические условия - Общее состояние финансовой системы региона, объем инвестиций - Общая обеспеченность трудовыми ресурсами, качество человеческого капитала, научные исследования и разработки - Инновационный потенциал отраслей, сфер, территорий, коммерциализация научных разработок, их адаптация к условиям неопределенности
2	<i>Экономическое благополучие территории, уровень безопасности</i> - Экономический рост, динамика ВРП на душу населения - Среднедушевые доходы населения - Бюджетная обеспеченность экономики, развитость социальной сферы - Обеспеченность населения жильем, его качество - Уровень безопасности, общий уровень преступности, угроза терроризма - Масштабы теневой экономики
3	<i>Инфраструктурная обеспеченность, доступность социальных услуг</i> - Транспортная обеспеченность, доступность логистических сетей - Обеспеченность производственных объектов электро-, водо-, газоснабжением - Обеспеченность населения жилищно-коммунальными услугами, их доступность - Обеспеченность населения социально-инфраструктурными услугами - Обеспеченность бизнес-структур и населения услугами информационно-коммуникационного характера, в т.ч. интернетом - Обеспеченность населения услугами социальной сферы: здравоохранение, образование, культура, спорт
4	<i>Модуль благополучия территории в целом</i> - Приемлемость техногенных и антропогенных условий проживания населения - Доступность для производственных объектов и населения высокотехнологичных услуг, способствующих снижению неопределенности - Экологическое благополучие среды обитания и жизнедеятельности населения - Наличие условий для организации здорового, креативного, развивающего личность отдыха населения - Инновационная ориентированность деятельности бизнеса, развитие системы инженерно-инфраструктурного обустройства поселенческих структур

В общем виде экономически выверенную стратегию государственного регулирования рыночной экономики, с учётом фактора международной неопределенности, для регионов Юга России правомерно сформулировать в виде свода следующих принципов:

– предпочтение следует отдавать рыночным формам организации экономики. На практике это означает, что государство должно финансировать только те социально значимые отрасли, которые не привлекают частный бизнес, например, из-за малой прибыльности;

– государственное предпринимательство должно не конкурировать, а поддерживать развитие частного бизнеса, в т.ч. малого. Игнорирование этого принципа способно привести к искусственному превалированию государственных предприятий над частными;

– государственная финансовая, кредитная и налоговая политика должна способствовать экономическому росту и социальной стабильности;

– особую значимость государственное регулирование приобретает в период кризисов, при доминировании факторов международной экономической неопределенности, в целях поддержки малого бизнеса, молодежных перспективных бизнес-проектов, а также для оздоровления сферы межгосударственных экономических отношений (импортно-экспортные операции, международная специализация производства, валютные отношения).

В рыночной экономике государство выступает в качестве экономического агента, но имеет определенные доминанты: ему принадлежит регулирующая роль в общественных отношениях, оно характеризуется внерыночным происхождением доходов и обладает императивным статусом, его требования являются обязательными для всех экономических агентов.

В регионах Юга России, как представляется, государственное регулирование преследует три цели:

– минимизацию неизбежных негативных социальных последствий рыночных процессов («слепо действующего рынка»);

– создание правовых, финансовых и социальных предпосылок эффективного функционирования рыночной экономики;

– обеспечение социальной защиты тех групп населения, положение которых в рамках рыночного хозяйства в конкретной экономической ситуации (например, в периоды кризисов) становится наиболее уязвимым (в частности, пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи и др.).

Как субъект рыночного хозяйства государство действует рыночными методами, регулируя своими интервенциями соотношение спроса и предложения, а как институциональный регулятор законодательно регламентирует условия функционирования рыночных отношений субъектов обменных трансакций.

В таблице 2 сформулированы направления деятельности государства, рекомендуемые для стимулирования развития рынков и совершенствования деловой среды в регионах Юга России, их поддержки в условиях экономической

неопределенности, реализации основных форм и методов реализации приоритетов политики по регулированию экономики южнороссийских регионов.

Таблица 2 – Рекомендуемые направления деятельности государства по развитию рынков и совершенствованию деловой среды в регионах Юга России для их поддержки в условиях экономической неопределенности⁹

Формирование благоприятных условий для притока востребованных на рынках товаров, привлечения инвестиций	Создание благоприятных условий для роста числа предприятий, активизация их на рынках, поддержание деловой среды	Создание благоприятствующих условий для роста малого бизнеса
-Повышение доступности информации для поставщиков товаров на рынки регионов Юга России о востребованных объемах, ассортименте товаров, возможных ценах, дисконтной политике и др. -Использование разнообразных форм, каналов и носителей рекламы для информирования как продавцов, так и покупателей о продажах на рынках регионов -Системный маркетинг продукции, производимой компаниями регионов, корректировка, при необходимости, товаропотоков на соответствующие рынки -Активизация всей рыночной инфраструктуры регионов -Нормативно-законодательное стимулирование притока инвесторов из других регионов России и из-за рубежа -Повышение доступности информации для потенциальных инвесторов при бизнес-проектировании	-Стимулирование притока инвестиций в регион, распространение рекламы о благоприятных условиях функционирования бизнеса -Способствование участию бизнес-структур в конкурсах инвестпроектов -Госрегулирование условий кредитования и поддержка создаваемых бизнесов -Продвижение молодых лидеров в число руководителей производств, в т.ч. инновационных -Развитие региональных рынков производственных активов, деловой среды -Наращивание емкости потребительских рынков, на которых реализуются товары компаний-производителей сертифицированной продукции с брендом «Сделано на Дону», «Сделано на Кубани» и др. -Стимулирование развития региональных рынков недвижимости -Активное привлечение покупателей жилья из регионов Крайнего Севера -Снижение рисков инновационных проектов посредством страхования	-Создание устойчивого каркаса деловой инфраструктуры поддержания благоприятствующих условий для роста малого бизнеса -Обеспечение заинтересованности банков в благоприятствовании предоставлению специальных условий кредитования структур малого бизнеса -Обеспечение эффективного специально разработанного благоприятствующего регионального и местного налогообложения для малых предприятий -Привлечение руководителей малых предприятий к работе в рамках бизнес-инкубаторов -Реализация специальных программ для малых предприятий по обеспечению услугами информационно-коммуникационного характера -Оказание малым компаниям консультаций и помощи при организации рекламы и стимулировании продаж товаров и услуг

Таким образом, направления рыночного саморегулирования и целенаправленных действий государства по обеспечению эффективного функционирования экономики региона, с учетом внешнеэкономической нео

⁹ Таблицы 1 и 2 – авторская разработка

пределенности, характеризуются единством административных, экономических и организационных методов госрегулирования, формированием благоприятствующей деловой среды, обеспечением результативности партнерских отношений.

Литература

1. Amin A. An Institutional Perspective on Regional Economic Development//International Journal of Urban and Regional Research.1999.№23.
2. Колесников Ю.С., Овчинников В.Н., Кетова Н.П. «Укорененная» экономика в структуре хозяйственного комплекса региона: ресурсы, экономические активы, воспроизводственный потенциал (опыт эмпирического исследования) // Проблемы прогнозирования. 2019. №2.
3. Kotler Ph., Kartajaya H., Setiawan I. Marketing 3,0: From Products to Customers to the Human Spirit. – New Jersey: John Wiley&Sons. 2010.
4. Овчинников В.Н., Кетова Н.П. Природохозяйственные императивы структурной организации экономического пространства региона // Экономика и предпринимательство. 2018. № 9 (98).
- 5.Рейтинг стран мира по уровню счастья Sustainable Development [Электронный ресурс] - URL: <https://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report/info> (дата обращения -10.02.20)
6. Reimer M., Getimis P., Blotevogel H.H. Spatial Planning Systems and Practices in Europe: A Comparative Perspective on Continuity and Changes. Taylor and Francis. 2014.
7. Сечин И.И. Нефтяные рынки: риски или новые возможности // Эксперт. 2018. № 23 (1077).
8. Татаркин А.И. Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 3 (21).

IMPACT OF MARKET MECHANISMS AND MEASURES OF STATE REGULATION OF REGIONAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF FOREIGN ECONOMIC UNCERTAINTY

Ovchinnikov V. N.

Honored scientist of the Russian Federation, doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of management, higher school of business, southern Federal University

Ketova N. P.

Honored scientist of the Russian Federation, doctor of Economics, Professor, full member of the Russian Academy of Humanities, chief researcher of the North Caucasus research Institute of economic and social problems, head of the Department of marketing and communications in business, faculty of management, southern Federal University

Abstract: *the article analyzes the process of emergence and development of necessary and sufficient conditions for the formation of a market economy. As such, we consider the industry markets that form the framework of reproduction relations of territories, the difference of which determines the specifics of their influence on the functioning of the economic space. the most important role in these conditions is played by the state, regulating the ratio of demand, supply and conditions for the functioning of economic entities. taking into account the risk and uncertainty, the administrative, economic and organizational methods of state regulation of a favorable business environment are Described.*

Key words: *market economy, organizational and economic regulation, uncertainty.*

УДК 338.2

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ АБХАЗИИ

Дамениа О.Н.

*кандидат философских наук, доцент, директор
АНО «Центра социально-экономических исследований», Республика Абхазия.*

Мирицхулава И.В.

*Старший преподаватель кафедры национальной экономики
Абхазского государственного университета.*

Цушба А.С.

*кандидат экономических наук, преподаватель кафедры
национальной экономики Абхазского государственного факультета.*

Шатица Х.К.

*кандидат экономических наук, доцент кафедры национальной экономики
Абхазского государственного университета.*

Аннотация: в статье анализируются факторы кризисного состояния современной экономики Абхазии. Важнейшим условием выхода из кризиса является планирование социально-экономических процессов. В качестве институциональных преобразований, обеспечивающих основу реформирования, предлагаются механизмы реформирования органов власти и управления, противодействия коррупции и детенизация экономики, эффективного использования экономических ресурсов, сбалансированного развития отраслей, секторов, районов Абхазии и формирования собственной финансовой системы. Подробно исследованы причины теневой экономики и предложены меры ее легализации, в том числе правовые, политические, социальные и экономические.

Ключевые слова: Абхазия, кризис, социальный диагноз, теневая экономика, прогноз, планирование, реформирование, развитие.

Социальные процессы, происходящие в нашей жизни уже не один десяток лет, лучше осмысливаются в контексте глобального кризиса, разразившегося в мире на рубеже веков. Обладая большим деструктивным потенциалом, он угрожает существованию не только нашего общества, но и человечества, в целом.

Под кризисом понимается такое состояние общества, при котором происходит резкое снижение его жизнеспособности в выполнении своих базовых функций. Кризис разрушает социальные устои общества, снижает его самодостаточность, деформирует социальную идентичность базовой личности. Все эти процессы хорошо наблюдаются сегодня в жизни нашего общества, процессы,

которые могут стать, если уже не стали, необратимыми. Однако адекватного реагирования на них со стороны общества, даже со стороны правящей элиты, не наблюдается. Социальное пространство и время, в котором людям приходится действовать, все более суживается: лишившись будущего, они начинают выживать по принципу «здесь» и «сейчас».

Но кризис – не только разрушение. Он несет также созидательный потенциал. История человечества показывает, как многим странам и цивилизациям удавалось в условиях кризиса успешно развиваться. Об этом свидетельствует и наша национальная история. Кризис – это испытание общества на жизнеспособность. Выдерживают это испытание лишь те общества, которые сравнительно более организованы, структурно упорядочены, эффективно управляемы, обладают большим креативным потенциалом и адаптационными способностями [3, 92].

Кризис ставит перед абхазским обществом альтернативные условия: либо оно, как таковое, прекратит свое существование и превратится в инертный материал истории, либо же – в муках поиска найдет выход из ситуации. Выйти из нее можно через переход к новой социальной практике, к практике программно-целевого планирования развития общества. Такой переход может быть осуществлен не снизу, а сверху, т.е. по инициативе органов государственной власти и управления.

Социально-экономическая система современной Абхазии, формировавшаяся на протяжении десятилетий, пребывает в состоянии системного кризиса. Продолжающийся трансформационный процесс в условиях отсутствия эффективной государственной политики вызывает стихийные изменения и нарастание факторов, сдерживающих экономический рост. Среди них выделяются внешние и внутренние.

1. Внешние:

- частичное признание мировым сообществом государственного суверенитета Абхазии;
- политическая неурегулированность взаимоотношений Абхазии и Грузии;
- культурная экспансия, и как следствие потеря социокультурной идентичности этноса;
- продовольственная и финансовая зависимость республики.

2. Внутренние:

- демографический кризис;
- низкий уровень занятости;
- дифференциацию доходов населения и как следствие имущественное расслоение общества;
- приоритетные отрасли экономики не занимают лидирующих позиций в отраслевой структуре ВВП;
- неравномерное территориальное развитие;
- высокий уровень теневой экономики;

- дотационность бюджета;
- отрицательное сальдо внешнеторгового оборота;
- низкий производственный потенциал и др. [5, 93–94]

Наличие данных факторов вполне закономерно обуславливает формирование внешних и внутренних ограничений, порой даже угроз, в связи с чем возникает острая необходимость реформирования и модернизации действующей социально-экономической системы в целях обеспечения сбалансированного развития и закрепления политического и экономического суверенитета.

Выходом из сложившейся сложной ситуации может и должна стать система стратегического планирования. Абхазия пережила множество этапов своего развития. Она пережила период советизации, перестройку, разрушительную войну, блокаду. Вопросами планирования ей самой ранее не приходилось заниматься. Лишь после признания независимости Абхазии Российской Федерацией в 2008 году возникла необходимость планирования и проектирования собственного будущего.

Планирование экономического развития Абхазии является обязательным инструментом экономической политики, необходимость которого была нормативно закреплена еще в 2000 году в Законе «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РА». В соответствии с этим Законом система государственного планирования экономики республики включает четыре уровня: концепция, стратегия, программа и годовой индикативный план.

«Стратегия социально-экономического развития Республики Абхазия до 2025 г.» является государственным прогнозом, где определены стратегическая цель и модель социально-экономического развития, выделены основные задачи, как в отраслевом, так и в территориальном разрезе.

Совершенствование системы государственного стратегического планирования, отвечающей современным реалиям, является жизненной необходимостью в современной Абхазии. На сегодняшний день системные проблемы, требующие комплексного подхода, продолжают накапливаться социально-экономическая система Абхазии вновь рискует оказаться под влиянием очередного инерционного витка. Наличие государственной Программы, определяющей конкретные цели, сроки, объемы финансирования и ответственных исполнителей служило бы ориентиром в рамках деятельности органов государственной власти и управления и позволило бы избежать бессистемного государственного финансирования отдельных сфер национальной экономики.

Барьеры и реальные ограничения были учтены при разработке прогнозных сценариев: инерционного и оптимального.

Инерционное развитие Абхазии сопровождается не только экономическими, социальными проблемами, но и ростом институциональных противоречий. Об этом свидетельствуют результаты исследований.

За 2014–2018 гг. по сравнению с 2009–2013 гг. в национальной экономике наблюдается серьезное замедление темпов роста по всем основным социально-экономическим показателям (таблица 1).

Таблица 1 – Темпы прироста основных социально-экономических показателей, % [4]

Показатели	2009–2013 гг.	2014–2018 гг.
Численность населения	2,17	0,83
Численность занятого населения	13,5	5,53
ВВП	58,2	15,67
Среднемесячная заработная плата	87,5	8,83
Прибыль в экономике	-62,1	-83,8
ВТО	110,3	19,0
Инвестиции в основной капитал	58,7	82,1
Доходы Госбюджета	75,3	9,5
Собственные доходы	91,6	47,1
Объем промышленной продукции	121,5	61,6
Розничный товарооборот, включая общественное питание	82,4	55,2
Объем платных услуг населению	62,8	19,5

Негативная тенденция проявляется не только в снижении темпов роста экономики, но и в серьезных отклонениях индикаторов экономической безопасности Абхазии от пороговых значений (таблица 2).

Таблица 2 – Индикаторы экономической безопасности Абхазии по сравнению с пороговыми значениями РФ, [4]

Наименование показателя	Пороговое значение (РФ)	Фактическое значение (РА)
Ежегодная доля ВВП, выделяемая на национальную оборону, %	Не менее 3	1,08
Объем инвестиций в основной капитал, % к ВВП	Не менее 25	14,2
Средства на здравоохранение, образование и культуру, % к ВВП	Не менее 15	8,57
Отношение средней пенсии к средней заработной плате, %	Не менее 40	15
Отношение среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму, раз	Не менее 3,5	1,35
Уровень безработицы по методологии МОТ, %	Не более 4	50
Объем кредитов, % к ВВП	Не менее 40	12,7
Доля импортного продовольствия, %	Не более 20	60
Сальдо внешнеторгового баланса, % к ВВП	Не менее -4, не более 8	- 41,9

Решение комплекса проблем реформирования в современных условиях Абхазии предполагается путем политико-экономических преобразований в контексте национальной безопасности:

1. Реорганизации системы власти и управления;
2. Разработки Государственной Программы развития национальной экономики Абхазии
3. Противодействия коррупции и детенизация экономики;
4. Механизмов эффективного использования экономических ресурсов;

Дамениа О.Н., Мирцхулава И.В., Цушба А.С., Шатуна Х.

5. Сбалансированного развития отраслей, секторов экономики и районов;
6. Формирование собственной финансовой системы и другие.

Действующая в стране система государственной власти и управления на проверке оказалась неспособной решать поистине судьбоносные задачи. Она создавалась в условиях войны и политической изоляции Абхазии, но и после частичного признания не претерпела каких-либо изменений. Между тем ситуация, как внутри страны, так и вокруг нее, существенно менялась. Уже можно было и надо было восстанавливать правопорядок в обществе, решать задачи социально-экономического развития страны и укреплять институт государственности. Но власть не справлялась с решением остро стоявших перед страной задач. Более того, она оказалась под влиянием криминальных структур, втянутой в коррупционные схемы и теневую экономику. Тем самым власть лишилась способности выражать интересы народа и защищать их.

В связи с этим, на наш взгляд, необходима организация и проведение некоторых пошаговых действий:

1. Восстановление способности института национальной государственности, как политического инструментария, эффективно выполняющего свои базовые функции, сегодня альтернативы не имеет. Чтобы добиться решения такой задачи и выйти на перспективы безопасного и стабильного развития, новому Президенту следует приступить к исполнению своих полномочий (после соответствующих консультаций) с принятием решения о институциональном преобразовании общества, в первую очередь, системы власти и управления, и переходе к практике программно-целевого планирования развития страны.

2. Стартовым началом реформирования системы власти и управления является решение двуединой задачи: а) создание рабочей группы по подготовке предложений о конституционных поправках и после проведения экспертизы внесение их в Конституцию в установленном порядке и б) проведение реорганизации системы власти и управления в соответствии с Конституцией.

3. Разработка и принятия Советом Безопасности РА Комплексного плана совместного действия силовых ведомств по обеспечению правопорядка в стране и организация их работы по его выполнению.

4. Создание рабочей группы специалистов по разработке проекта Государственной программы социально-экономического развития РА на 2021–2025 гг.

Совершенствование системы государственного стратегического планирования, отвечающей современным реалиям, является жизненной необходимостью в современной Абхазии. Эффективная система стратегического планирования позволит решить комплекс проблем пространственной организации территорий, требующих в настоящее время особого внимания и усилий со стороны органов власти.

Структура Программы согласно ст.4 п.5 Закона «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РА» должна содержать:

Дамения О.Н., Мирцхулава И.В., Цушба А.С., Шатуна Х.

– оценка итогов социально-экономического развития Республики Абхазия за предыдущий период и характеристика состояния экономики Республики Абхазия;

– цели и приоритеты социально-экономического, научно-технического, инвестиционного, экологического, внешнеэкономического и территориального развития Республики Абхазия на среднесрочную перспективу;

– макроэкономическая политика и институциональные преобразования;

– научно-техническая политика, инвестиционная и структурная политика, внешнеэкономическая политика;

– аграрная политика, экономическая политика в области промышленности, электроэнергетики, транспорта и связи, развития курортной сферы и туризма;

– социальная политика;

– региональная экономическая политика [6, 18].

Одним из ключевых преобразований, обеспечивающего устойчивое социально-экономическое развитие республики является противодействие коррупции и детенизация экономики.

Масштабы теневой экономики в РА колеблются в пределах 50-55% ВВП [2, с. 142]. Это порождает и питает коррупцию, затрудняет оценку состояния и прогнозирование социально-экономических процессов, снижает эффективность системы государственного регулирования экономики, негативно влияет на имидж государства.

По оптимальному сценарию, прописанному в Стратегии социально-экономического развития РА, доля теневого сектора должна быть доведена до 20–25% ВВП, что позволит в три раза увеличить доходную часть бюджета.

Этого уровня государство должно достичь путем сокращения теневых операций и коррупции в органах государственной власти и управления, так как они являются взаимосвязанными и воспроизводящими друг друга явлениями.

Теневая экономика:

– может эффективно существовать и развиваться лишь в условиях коррумпированности государственной власти и управления;

– содействует формированию коррупционных отношений во всех сферах политики и экономики;

– создает основу для появления коррупции.

Данные социологического исследования, проведенного ЦСИ при Президенте РА в 2014 г., свидетельствуют, что основным фактором, препятствующим развитию экономики, являются коррупционные действия чиновников (32%). По мнению предпринимателей, коррупция на четвертом месте среди факторов, препятствующих привлечению инвестиций (9%); коррупция и бюрократия в совокупности составляют 13,6%. [1, с. 29]

За последние несколько лет в Абхазии был введен в действие ряд законов антикоррупционной направленности. В ноябре 2015 года в Абхазии был принят

Закон «О противодействии коррупции», в котором закреплены основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и проектов. Закон направлен на защиту прав и свобод граждан, обеспечение национальной безопасности и эффективной деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц.

Затем было создано специальное управление по надзору за исполнением законодательства по противодействию коррупции при Генеральной прокуратуре РА. Основная функция управления – выявление, пресечение и расследование коррупционных преступлений, представляющих повышенную общественную опасность, а также привлечение к предусмотренной законом ответственности лиц, виновных в совершении преступлений и иных правонарушений коррупционной направленности.

Однако существенный пробел законодательство РА содержит в части декларирования доходов и расходов должностных лиц. Введение механизма декларирования доходов и имущества публичных должностных лиц (ПДЛ) закреплено в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (статья 8), в документах Всемирного банка, Организации Экономического Сотрудничества и Развития и других международных институтов.

Система декларирования доходов и расходов должностных лиц существует во многих странах мира и в каждой стране ей присущи свои особенности. Но общими для всех этих систем являются две ключевые цели: предотвращение незаконного обогащения или урегулирование конфликта интересов.

Еще одной чертой теневой экономики в Абхазии является высокий уровень скрытой занятости. По данным Управления госстатистики РА, занятых в экономике около 30% от трудоспособного населения. Значительная доля занятых приходится на непроизводственную сферу, а именно – здравоохранение, образование, наука, органы управления. По экспертным оценкам уровень занятости составляет порядка 70% по отношению к трудоспособному населению в Абхазии.

Наиболее частым примером теневых трудовых отношений является бесконтрактный наем на основе устной договоренности, в результате чего работодатель предполагает сократить издержки, связанные с выплатой налогов и отчислений на социальное страхование и обеспечение.

Часто встречается и расхождение фактических и формальных условий приема на работу и оплаты труда. К примеру, работник подписывает трудовой договор при достаточно низком размере оплаты, реальные же выплаты определяются устным соглашением. «Серая» зарплата может в несколько раз превышать зарплату «по ведомости».

Одной из причин ухода бизнеса в тень является налоговое бремя.

Оценить его уровень можно и с помощью данных социологического опроса, проведенного ЦСИ при Президенте РА. Основными проблемами, препятствующими

щими развитию малого и среднего бизнеса, по мнению предпринимателей, являются: недостаточность начального капитала (37,8%), высокий уровень налогообложения (16,0%), а также трудности с получением кредитов (15, 0%). [1, с. 28]

Законопослушные предприниматели находятся под значительным прессом налоговой нагрузки. В то время как участники теневого оборота создают различные схемы, которые позволяют достигнуть более высокого уровня эффективности финансово-хозяйственной деятельности.

Уклонение от уплаты налогов во всех развитых странах мира считается одним из тяжких преступлений. Законодательство Абхазии уход от налогов также рассматривает как уголовное преступление.

Однако только законодательными и принудительными мерами радикально решить проблему легализации теневого сектора экономики невозможно. Основным направлением налоговой политики государства должно стать упрощение действующей налоговой системы. Необходимо разработать комплекс мер направленных на совершенствование налогового законодательства, устранение противоречий законодательных и нормативных актов, сокращение материальных и временных затрат предпринимателя на подготовку и представление отчетности и уплату налогов, стимулирование перехода на электронный документооборот и др.

В отечественном налоговом законодательстве существуют пробелы, ограничивающие возможности экономического развития. Принимаемые отдельные, «точечные» законы не только не улучшают, но и по некоторым направлениям даже ухудшают ситуацию.

Одной из мер, способствующих выводу капиталов из тени, является введение упрощенной системы налогообложения. В 2015 году был разработан проект закона «Об упрощенной системе налогообложения», предусматривающий снижение налоговой нагрузки на предприятия малого и среднего бизнеса. Однако законопроект еще до внесения в парламент вызвал немало споров.

На наш взгляд, в проекте Закона установлены четкие и ясные критерии налогообложения, что может способствовать как легализации предпринимательской деятельности, так и созданию новых бизнес-проектов.

Для нашей республики легализация капиталов скрытой и неформальной деятельности один из возможных источников крупномасштабного инвестирования в экономику. В теневой экономике скрыт существенный капитал и в условиях ограниченности ресурсов и низкой инвестиционной активности. Задействовать его на нужды экономического роста – первостепенная задача государства.

Значительным шагом в этом направлении было принятие в 2014 г. нового Закона «Об инвестиционной деятельности», который предоставляет существенные льготы как отечественным, так и иностранным инвесторам.

При реализации приоритетного инвестиционного проекта юридические лица производят налогообложение прибыли, полученной от реализации приоритетного инвестиционного проекта, по ставке 0 %. Имущество, приобретенное (со-

зданное) за счет капитальных вложений при реализации такого проекта, облагается налогом на имущество по ставке 0 %. Льготы по данным налогам в отношении приоритетного инвестиционного проекта предоставляются в течение срока окупаемости проекта, но не более восьми лет с момента его реализации. Учредители юридических лиц, реализующих преференциальные инвестиционные проекты, освобождаются от уплаты налога на доходы физических лиц или налога на прибыль в отношении дивидендов, полученных от реализации инвестиционных проектов.

Юридическим лицам, реализующим инвестиционные проекты, осуществляемые на льготных условиях, предоставляются следующие налоговые льготы:

1. прибыль, полученная от реализации инвестиционного проекта, облагается налогом по ставке, уменьшенной на 50 %;
2. налогообложение имущества, созданного или приобретенного за счет капитальных вложений при реализации инвестиционного проекта, производят по ставке, уменьшенной на 50 %.

Льготы в отношении инвестиционного проекта, осуществляемого на льготных условиях, предоставляются в течение срока окупаемости проекта, но не более шести лет с начала его реализации.

В настоящее время остро встает вопрос разработки программы государственной политики в отношении теневой экономики. Основные механизмы (политические, правовые, экономические, социальные и др.), целевые показатели, которые должны быть заложены при разработке Программы государственной политики противодействия коррупции и теневой экономике, а также ожидаемые результаты отражены в Стратегии социально-экономического развития Республики Абхазия до 2025 года.

Основные подходы детенизации экономики:

- изменения в области налоговой политики, процесса приватизации, ВЭД и др.;
- повышение уровня доверия к органам власти, в том числе механизмов защиты населения от финансовых мошенничеств, капиталов и самого института частной собственности;
- четкая градация криминального капитала и капитала теневиков -хозяйственников, и отражение данного деления в законодательных актах по борьбе с коррупцией и организованной преступностью;
- формирование положительного имиджа предпринимателя и чиновника в глазах общества;
- внедрение системы общественного контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов, обеспечивающей доступность данных об экономических правонарушениях (преступлениях) и их оценкой соответствующими органами.

Легализация теневого сектора экономики охватывает широкий спектр различных проблем и требует проведения кардинальных и эффективных мер по пре-

образованию всей системы жизнедеятельности государства, разработки и воплощения в жизнь обоснованных планов ликвидации негативных последствий теневой хозяйственной деятельности. Среди основных мер можно выделить следующие:

- налоговое реформирование, способствующее выводу капитала из теневой сферы;
- противодействие коррупции;
- формирование благоприятного инвестиционного климата в стране;
- выявление теневых производств и пресечение их деятельности;
- усиление контроля над финансовыми потоками, препятствующее отмыванию денег, а также за возможными каналами оттока капитала. [7]

Как показывает мировая практика, борьба с теневой экономической деятельностью только посредством административного давления и репрессий не является эффективной. Нужно найти такие политические и экономические решения, которые будут способствовать сбалансированным взаимоотношениям бизнеса и государства.

Все преобразования могут дать эффект только в рамках Государственной программы социального развития при наличии ряда условий:

- достаточная упорядоченность структурной организации общества и его управляемость;
- адекватное понимание обществом текущих реалий и их критическая оценка;
- достаточный уровень развития человеческого потенциала;
- задействование необходимых механизмов (кадровых, организационных, правовых, управленческих, финансовых, научно-методических и др.);
- наличие политической воли, в первую очередь, высших должностных лиц, направленной на организацию эффективной деятельности органов власти и управления.

Именно власть может и должна инициировать создание этих условий, при которых выполнение социально значимых проектов становится не только востребованным, но и возможным.

Литература

1. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Состояние и перспективы социально-экономического развития РА» // Центр стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия. Сухум. – 2015. – 208 с.

2. Бгажба А.О., Цушба А.С., Шатица Х.К. Социально-экономические процессы в современной Абхазии (2008-2012 гг.). Сухум. – 2014. – 152с.

3. Дамения О.Н. В поисках будущего. // Альманах «Развитие и экономика». М. 2011г. №1. С. 91–94.

4. Информационно-аналитический материал о состоянии национальной экономики Абхазии за 2014–2018 гг. // ЦСИ при Президенте

Дамения О.Н., Мирцхулава И.В., Цушба А.С., Шатица Х.

РА//www.abkhaziastrategic.org

5. Стратегия социально-экономического развития Республики Абхазия до 2025 г.//Центр стратегических исследований при Президенте РА. - Сухум. – 2015. – 274 с.

6. Шатица Х.К., Мирцхулава И.В. Особенности и проблемы планирования экономики Абхазии //Теоретическая экономика. - 2019 г. №1(49) - С. 16–26

7. Цушба А.С. Роль государства в легализации теневой экономики // <http://www.abkhazinform.com/tochka-zreniya/item/10043-rol-gosudarstva-v-legalizatsii-tenevoj-ekonomiki-v-abkhazii>

POLITICAL AND ECONOMIC TRANSFORMATIONS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT STRATEGY OF ABKHAZIA

Damenia O.N.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Director of the ANO «Center for Social and Alo-Economic Research», Republic of Abkhazia.

Mirtskhulava I.V.

Senior Lecturer, Department of National Economics, Abkhaz State University.

Tsushba A. S.

Candidate of Economic Sciences, Lecturer of the Department of National Economics of the Abkhaz State Faculty.

Shatipa H.K.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of National Economy of the Abkhaz State University.

Abstract. *The article analyzes the factors of the crisis state of the modern economy of Abkhazia. The most important condition for overcoming the crisis is the planning of socio-economic processes. As institutional transformations that provide the basis for reform, mechanisms of reforming the authorities and the government, anti-corruption and detailing the economy, the efficient use of economic resources, the balanced development of industries, sectors, regions of Abkhazia and the formation of their own financial system are proposed. The causes of the shadow economy are investigated in detail and measures for its legalization, including legal, political, social and economic, are proposed.*

Key words: *Abkhazia, crisis, social diagnosis, shadow economy, forecast, planning, reform, development.*

УДК 338.001.36

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ ГРУЗИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Силагадзе А.

академик Национальной академии наук Грузии, профессор, руководитель кафедры международной экономики и истории экономических учений, Тбилисский Государственный Университет имени Иванэ Джавахишвили.

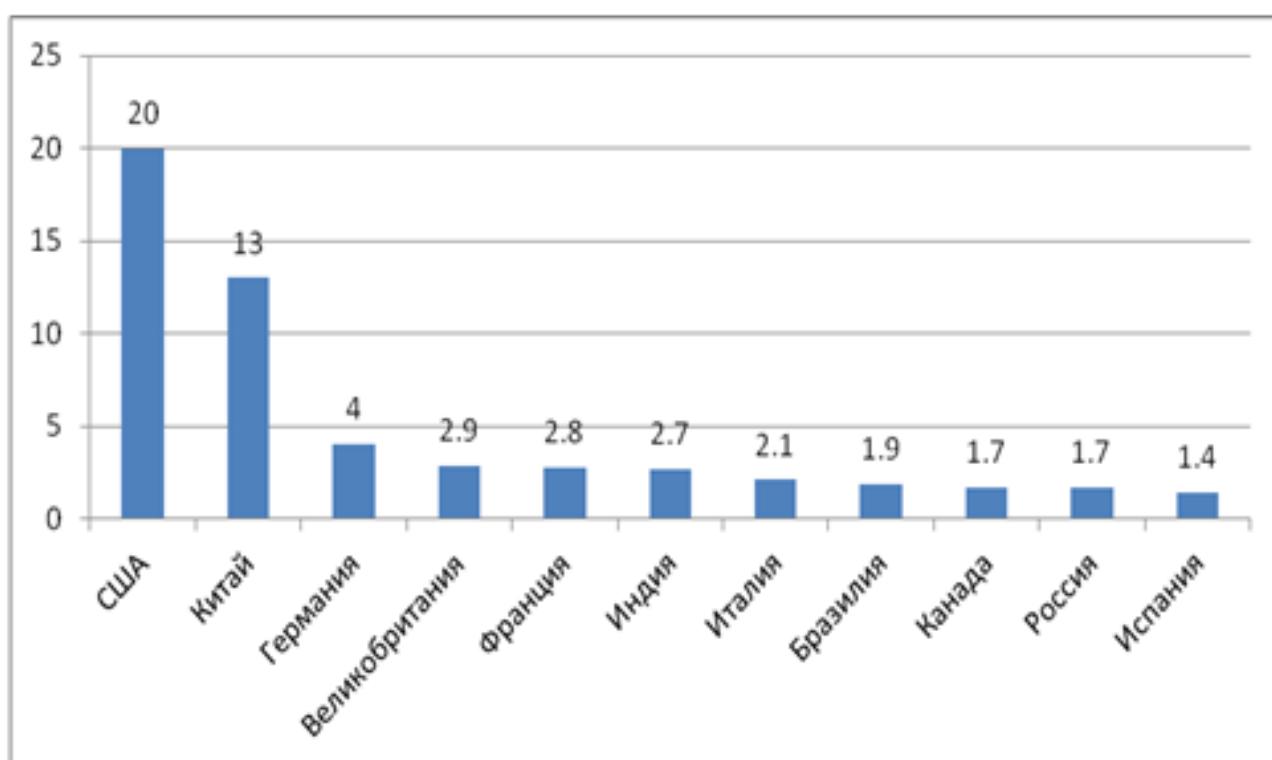
Аннотация. В научном труде рассматриваются тенденции мировой экономики, экономики Евросоюза, постсоветской экономики - преимущественно экономики Грузии, на этапе текущей глобализации. В соответствии с полученными в результате исследования заключениям: достижение равного конкурентноспособного уровня Грузии в отношении стран Евросоюза в ближайшие годы представляется наиболее сложным вопросом. Следует отметить, что параллельно необходимо осуществлять укрепление экономических отношений со странами СНГ и в том числе с Российской Федерацией в условиях взаимного уважения; Рассчитанная по времени программа социально-экономического развития Грузии должна предусмотреть следующие аспекты – приоритетное развитие инновационного реального сектора экономики (промышленность, сельское хозяйство) на основе использования местных ресурсов; создание объектов по переработке сельскохозяйственной продукции и складских мощностей; широкое применение частных страховых механизмов в сельской местности; максимальное использование местных ресурсов в туристическом секторе; обеспечение выпуска международной конкурентноспособной продукции; интенсивное освоение ресурсов воды, солнца и ветра; поощрение создания региональных финансовых центров; максимальное использование транзитного потенциала и т. д.

Ключевые слова: ВВП, ВВП на душу населения, экономический рост, постсоветская экономика, Европейский Союз.

На текущем этапе глобализации мировой экономики, в том числе экономики стран Евросоюза и постсоветского пространства, оказались перед лицом различных вызовов. На начальном этапе после распада бывшего Советского Союза Грузия столкнулась с большими трудностями: разрыв традиционных связей, финансовый дефицит, невиданный спад экономики, гиперинфляция, безработица, обострение внутренних и внешних конфликтов и других проблем стало обычным явлением нашей страны. Строительство рыночной экономики протекало на фоне отсутствия необходимого опыта, допускались серьёзные ошибки, создание новых рыночных институтов вызывало определённые затруднения, к сожалению, нарушилась территориальная целостность страны. В последующие годы во многом положение изменилось: в середине 90-ых годов была введена национальная валюта – лари, окончательно осуществлена либерализация цен, ускорена трансфор-

мация государственной собственности, темп экономического роста зафиксировался на двузначном показателе. Несмотря на вышеуказанное, в стране не была осуществлена реализация доктрины «шоковой терапии». Наряду с этим, к сожалению, вместо использования национальных ресурсов, увеличились масштабы зависимости от импорта и внешнего долга. Ассоциированное членство Евросоюза поставило страну перед новыми испытаниями и вызовами [1–24].

В 1990–2018 гг. согласно данным Всемирного банка (worldbank.org/indicator), масштабы мировой экономики выросли на 3,8 раза, ВВП на душу населения на 2,3 раза, население на 1,4 раза, средняя годовая инфляция в 2019 г. составила 2,4 %. Согласно объёму ВВП странами – лидерами стали США, Китай и Япония (рисунок 1).

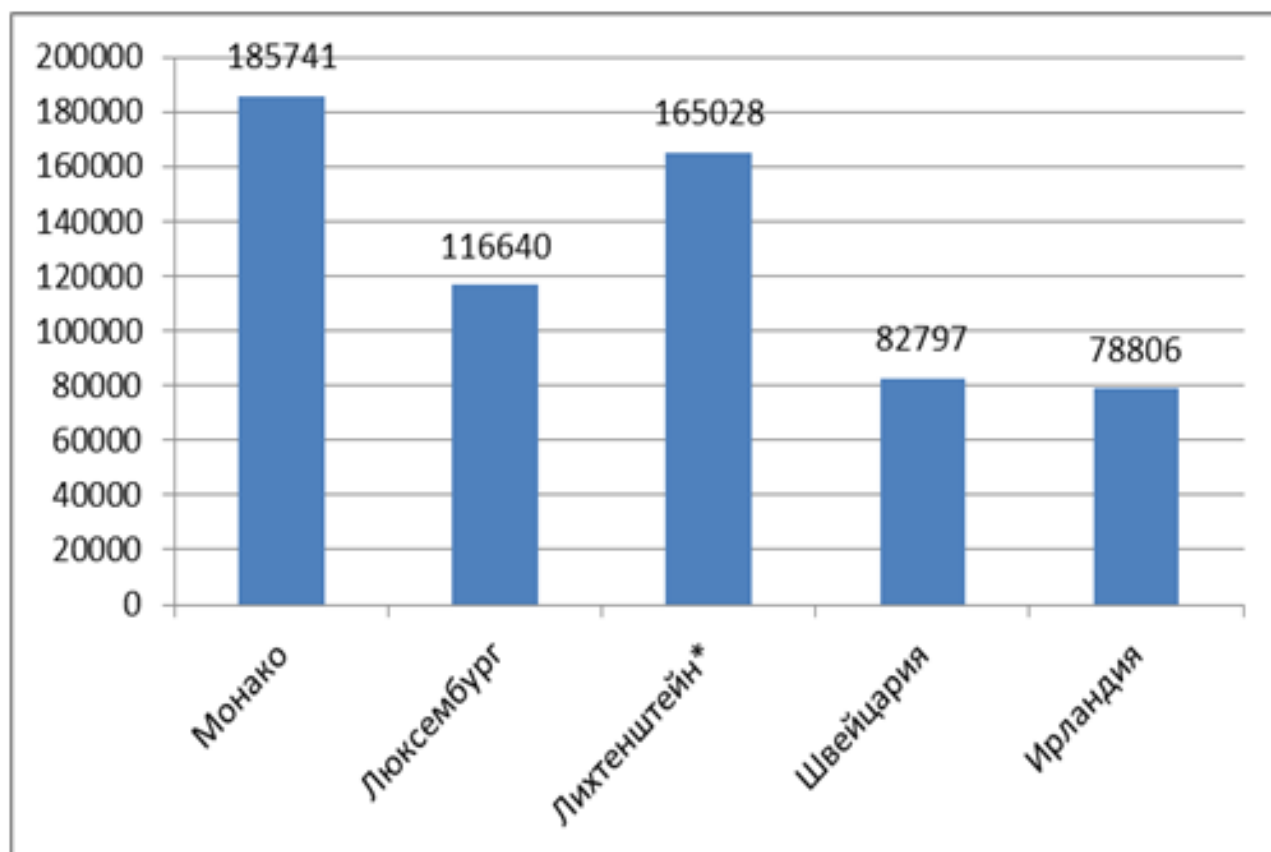

*Рисунок 1 – Объём ВВП в текущих долларах США (страны-лидеры), трлн. дол. 2018 г.
Составлено: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD> (07.02.2018).*

Согласно вышеуказанным данным, убедительно лидирует США, доля которого в мировом суммарном ВВП составляет 23,9%, а доля Китая – 15,8%. Необходимо отметить стремительный темп роста экономики Китая, в частности, в 1990–2018 гг. объём ВВП страны вырос на 35,5 раза, хотя ВВП на душу населения данной страны составляет всего лишь 9771 долларов США (в текущих ценах). В течение указанных лет впечатляет также рост объёма ВВП Индии на 8,4 раза, но в то же время низок показатель ВВП на душу населения, который равен 2010 долларам США. Из постсоветских государств Россия является единственной страной, которая занимает в перечне стран 11-ое место. Её показатель на душу населения

превышает соответствующие показатели как Китая и Индии, так и Бразилии, но значительно отстаёт от соответствующих показателей других стран (рисунке 2).

Страны – лидеры по показателям ВВП на душу населения показаны на рисунке 2.

*2016 г.

*Рисунок 2 – Страны – лидеры по показателям ВВП на душу населения, 2018 г.
(в текущих долларах США)*

Составлено: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (07.02.2018).

Первые три из перечисленных стран – небольшие страны, в которых, помимо развития банковских, игорных и туристических отраслей, большое внимание уделяется развитию реальных секторов экономики. Подобный подход значительно актуален для постсоветских государств, так как лишь в опирающихся на национальные ресурсы инновационных экономиках возможно создание дополнительных рабочих мест и уменьшение масштабов зависимости от импорта. [8–17,19–23].

Как известно, часть постсоветских стран выбрала вектор развития государств Евросоюза, для вступления в члены которого необходимо удовлетворение определённых (политических, экономических, правовых) критериев. [14,16].

По данным Всемирного банка (worldbank.org/indicator), суммарный ВВП стран Евросоюза (население – 513,2 млн.) составляет 18,8 триллионов текущих

долларов США (22% от мирового суммарного ВВП), средний показатель ВВП на душу населения составляет 36570 долл. (таблица 1). При этом средний годовой уровень безработицы по Евросоюзу на 2019 год равен 6.5 %, а уровень инфляции – 1.8 %.

Таблица 1 – ВВП стран Евросоюза и ВВП на душу населения, 2018 г., млрд. долл

Страна	ВВП	ВВП на душу населения
Австрия	455.3	51 462
Бельгия	542.8	47 519
Болгария	65.1	9 273
Хорватия	61.0	14 910
Кипр	25.0	28 159
Чехия	245.2	23 079
Дания	355.7	61 350
Эстония	30.7	23 266
Финляндия	276.7	50 152
Франция	2777.5	41 464
Германия	3947.6	47 603
Греция	218.0	20 324
Венгрия	157.9	16 162
Ирландия	382.5	78 806
Италия	2083.9	34 483
Латвия	34.4	17 861
Литва	53.4	19 153
Люксембург	70.9	116 640
Мальта	14.6	30 098
Нидерланды	913.7	53 024
Польша	585.7	15 421
Португалия	240.7	23 408
Румыния	239.6	12 301
Словакия	105.9	19 443
Словения	54.0	26 124
Испания	1119.0	30 371
Швеция	556.1	54 608
Великобритания	2855.3	42 944

Страны – лидеры Евросоюза по: объёму ВВП: Германия, Великобритания, Франция, Италия и Испания; ВВП на душу населения: Люксембург, Ирландия, Дания, Швеция и Нидерланды. По данным сведениям, самые низкие показатели имеют бывшие социалистические страны: Болгария, Румыния и Польша. В этом же году высокой инфляцией (%) отличаются Румыния – 4,6%, Эстония – 3,4%, Венгрия – 2,9%. В отдельных странах уровень безработицы высок (рисунок 3).

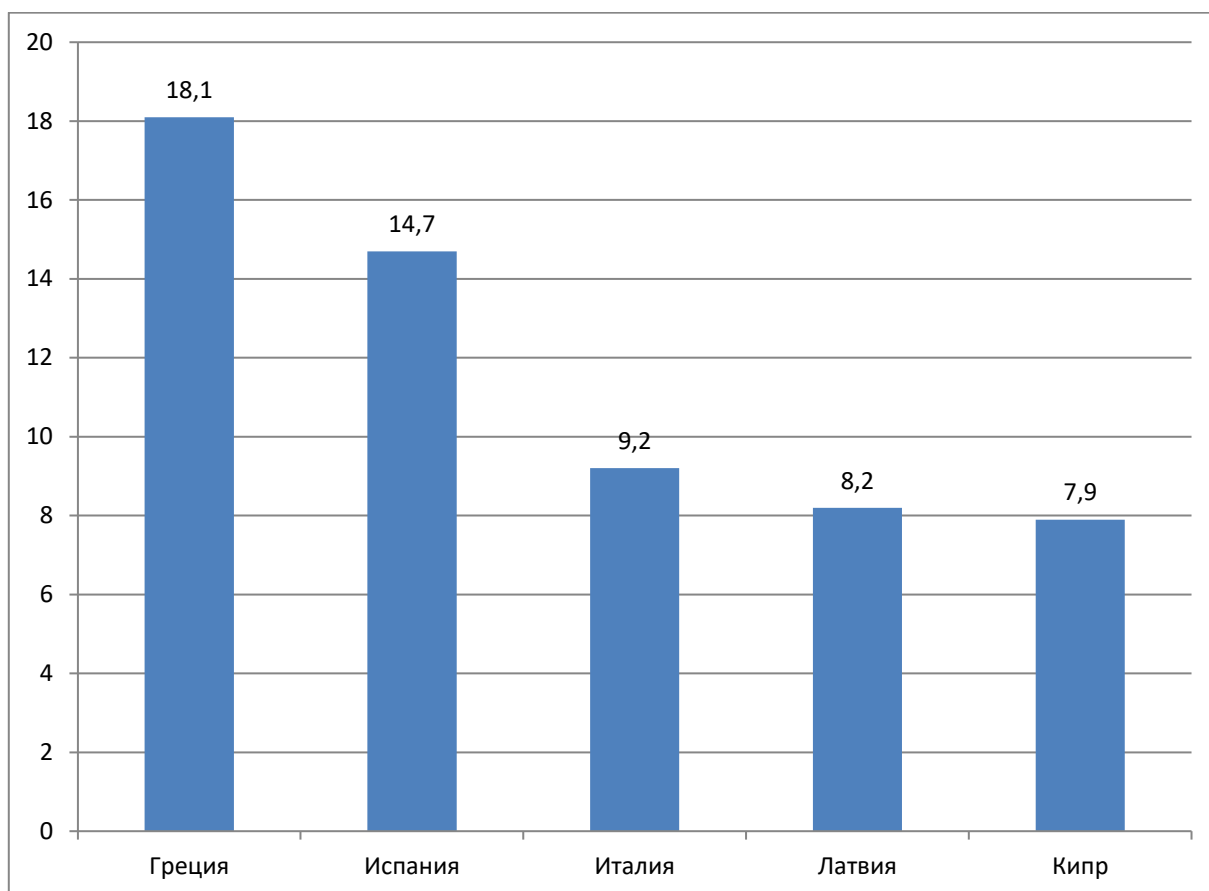

Рисунок 3 – Страны Евросоюза с высоким уровнем безработицы (%), 2019 г.

Таким образом, страны Евросоюза отличаются наиболее высокими показателями, поэтому вхождение в состав членов данного блока без производства международной конкурентноспособной продукции представляется невозможным, на чём необходимо сконцентрировать всё внимание. Кроме того, наряду с экономическими интеграционными индикаторами большую роль играют геополитические и геоэкономические факторы страны.

Постсоветские страны являются привлекательными для инвесторов странами. Рабочая сила продолжает утекать из этих стран за границу [6, 20]. Численность населения в мире за 2018 год, по сравнению с 1990 г. (%), выросла на 43,8 %, в странах Евросоюза на 7,4 %. (рисунок 4).

Тенденция резкого сокращения населения выявилась в Грузии, Армении, на Украине (кроме Прибалтийских стран), тенденция роста – в странах Средней Азии и Азербайджане. Активизация миграционных процессов зачастую обусловлена низким уровнем развития экономики страны и безработицей.

Силагадзе А.

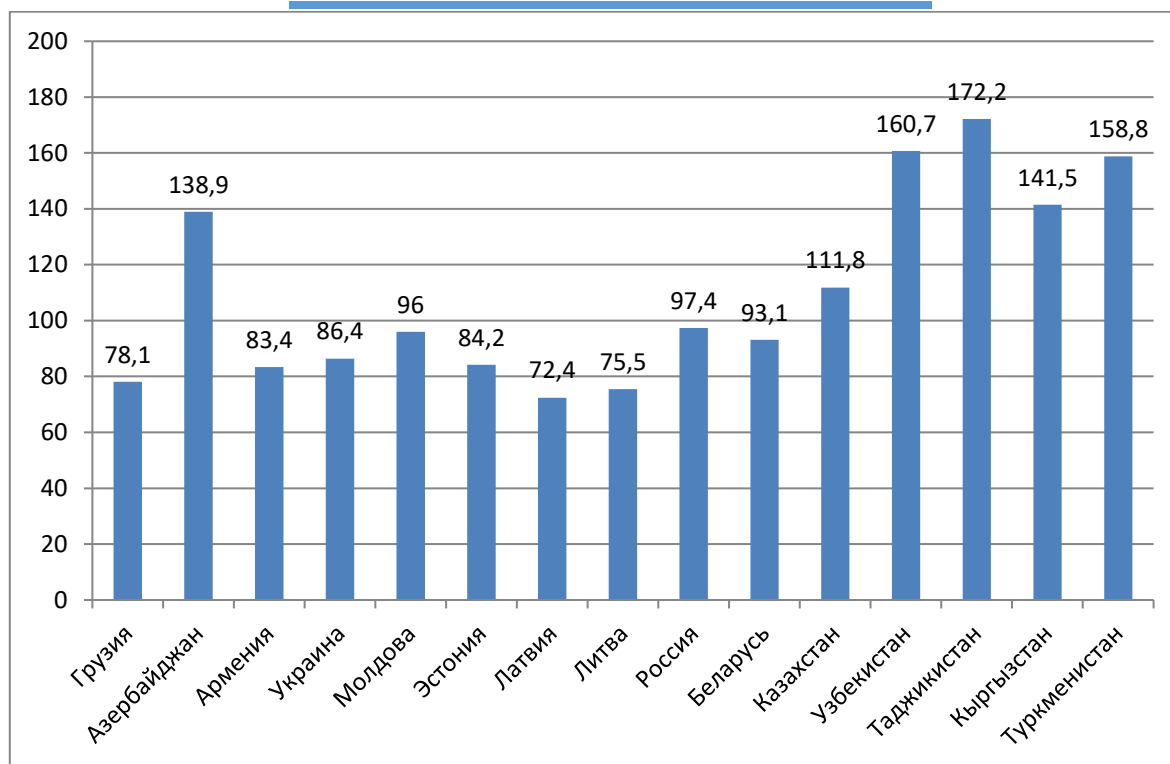

Рисунок 4 – Численность населения в постсоветских странах на 2018 г., по сравнению с 1990 г. (%)

По объёму ВВП в 1990 г. Грузия занимала пятое место среди бывших «Советских Республик», по последним данным, она переместилась на девятое место и отстаёт от Азербайджана на 2,6 раза (таблица 2).

Таблица 2 – Объём ВВП в постсоветских странах, млрд. долл

Страны	1990	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Грузия	7753	15846	16140	16509	13965	14378	16243	17 600
Азербайджан	8858	68730	73560	75198	53047	37848	40846	46940
Армения	2256	10619	11121	11644	10561	10572	11527	12433
Украина	81456	175181	181334	131805	90615	93270	112190	130832
Молдова	3592	7284	7985	7983	6551	6750	9670	11444
Эстония	-	23135	25246	26485	22691	23338	26793	30732
Латвия	-	28023	30221	31286	27035	27573	30198	34409
Литва	-	42852	46418	48353	41243	42773	47633	53429
Россия	516814	2170145	2230628	2030972	1326015	1283163	1579000	1658000
Беларусь	17369	63615	73097	76103	54608	47407	54727	59662
Казахстан	26932	215902	243775	227437	184360	137278	166806	179340
Узбекистан	13360	51183	56795	63132	66732	67220	59160	50500
Таджикистан	2629	7633	8506	9236	7853	6952	7158	7523
Киргизия	2674	6605	7335	7468	6571	6551	7703	8093
Туркменистан	3189	35164	39197	43485	37334	36180	37926	40761

Составлено: [worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2015 &start= 1990& view=chart](http://worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2015&start=1990&view=chart) (25.12.2019).

По показателям ВВП на душу населения Грузия, кроме Прибалтийских стран, значительно отстаёт от Российской Федерации (таблица 3).

Таблица 3 – ВВП на душу населения в постсоветских странах, долл.

Страна	1990	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Грузия	1615	4422	4624	4739	4014	4062	4357	4717
Азербайджан	1237	7496	7876	7891	5500	3881	4147	4721
Армения	638	3682	3838	3986	3607	3592	3915	4212
Украина	1570	3855	4030	3105	2125	2188	2641	3095
Молдова	972	2447	2669	2674	2179	2272	2725	2227
Эстония	3131*	17534	19174	20367	17522	18237	20338	23266
Латвия	2322*	13848	15043	15740	13699	14154	15548	17861
Литва	2169*	14334	17705	16535	14249	15000	16841	19153
Россия	3485	15435	16007	14101	9314	8745	10751	11289
Беларусь	2125	6940	7979	8319	5949	5023	5761	6290
Казахстан	1648	12387	13891	12807	10511	7715	9248	9813
Узбекистан	651	2137	2281	2492	2615	2568	1827	1532
Таджикистан	498	969	1048	1104	929	803	806	827
Киргизия	609	1178	1282	1280	1121	1121	1243	1281
Туркменистан	866	6675	7304	7962	6433	6390	6587	6967

*1995 Составлено: worldbank.org/indiworldbancator/NY.GDP.PCAP.CD?end=2015&start=1990&view=chart (15.02.2019).

Рост экономики постсоветских стран показан в таблице 4.

Таблица 4 – Темп роста ВВП (среднегодовой, %)

Страны	1990	1991	1992	1996	1997	2003	2006	2007	2008	2009	2010	2012	2017	2018
Грузия	-14.8	-21.1	-44.9	11.2	10.5	11.1	9.4	12.6	2.4	-3.7	6.3	6.4	4.8	4.8
Азербайджан	-	-0.7	-22.6	1.3	5.8	10.2	35.0	25.5	10.6	9.4	4.8	2.2	-0.3	1.4
Армения	2.9	1.5	1.7	3.4	3.7	3.0	4.4	4.3	1.9	-1.7	4.3	2.5	3.1	3.0
Украина	-6.4	-8.4	-9.7	-10.0	-3.0	9.5	7.4	7.6	2.3	-14.8	3.8	0.2	2.5	3.3
Молдова	-	-	-	-5.9	1.7	6.6	4.8	3.0	7.8	-6.0	7.1	-0.6	4.7	3.4
Эстония	-	-	-	4.6	13.1	7.6	9.7	7.6	-5.1	-14.4	2.7	3.1	5.8	4.8
Латвия	2.9	1.5	1.8	3.4	3.7	3.0	4.4	4.3	1.9	-1.7	4.3	2.5	3.1	3.0
Литва	-	-	-	5.2	8.3	10.5	7.4	11.1	2.6	-14.8	1.5	3.8	4.2	3.7
Россия	-3.0	5.1	-14.5	-3.8	1.4	7.3	8.2	8.5	5.2	-7.8	4.5	3.7	1.6	2.3
Беларусь	-	-1.2	-9.6	2.8	11.4	7.0	10.0	8.6	10.2	0.2	7.8	1.7	2.5	3.1
Казахстан	2.9	1.5	1.8	3.4	3.7	3.0	4.4	4.3	1.9	-1.7	4.2	2.5	3.1	3.0
Узбекистан	1.6	-0.5	-11.2	1.7	5.2	4.2	7.5	9.5	9.0	8.1	7.6	7.4	4.5	5.1
Таджикистан	-0.6	-7.1	-29.0	-16.7	1.7	10.9	7.1	7.8	7.9	3.9	6.5	7.5	7.6	7.3
Киргизия	5.7	-7.9	-13.9	7.1	9.9	2.1	3.1	8.5	8.4	2.9	-0.5	6.0	4.7	3.5
Туркменистан	35.4	-4.6	-15.0	6.7	-11.4	3.3	11.0	11.1	14.7	6.1	9.2	11.1	6.5	6.2

Составлено: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?start=1990> (05.01. 2020).

Грузия: в первой половине 1990-ых годов более всего был сокращён объём экономики, зафиксирована гиперинфляция; самый высокий рост имел место в 1996, 1997, 2003 и 2007 гг. В постсоветском пространстве самый высокий темп роста был зафиксирован в Азербайджане в 2006 году +35%. В результате мирового финансового кризиса во всех странах произошло падение темпа роста, кроме Белоруссии, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении.

Известно, что стимуляции процессу миграции способствует безработица, уровень которой в большинстве постсоветских стран достаточно высок. Среднегодовой показатель уровня безработицы в 1991–2019 гг. колебался в мировом масштабе в пределах от 4,4% (1991) до 5,0% (2019), а в странах Евросоюза от 11,2% (1994) до 6,5% (2019). По данным 2019 г., самый высокий уровень безработицы в постсоветских странах был зафиксирован в Армении – 17,7% (2012 г. – 17,3%), в Грузии – 14,3% (2012 г. – 17,2%) и в Таджикистане – 11,1% (2012 г. – 11,7%, рисунок 5).

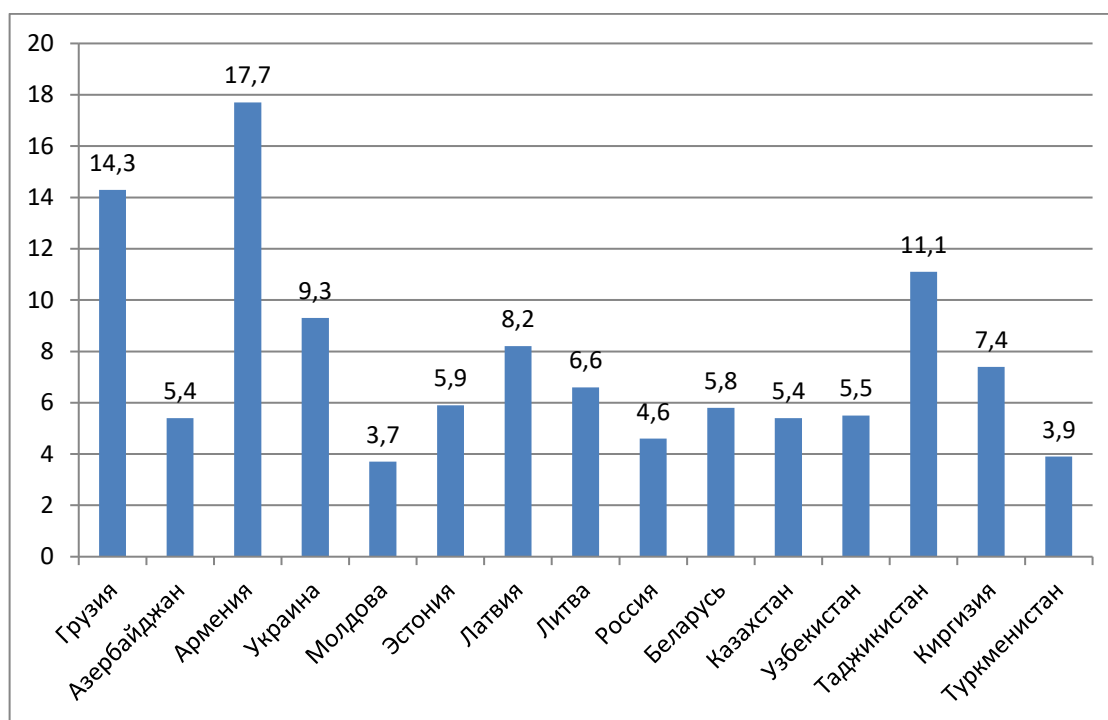

Рисунок 5 – Уровень безработицы (%), 2019 г.

Составлено: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS> (08.01.2020).

Грузия – страна, обладающая определённым опытом своего независимого развития. В Демократической Республике Грузия (1918–1921 гг.) были предприняты попытки проведения земельных, банковских и институциональных реформ: создавалась система контроля государственных финансов, Высший экономический совет, Статистическая служба, Государственный банк Грузии и т. д.[1–3]. Несмотря на то, что за короткий промежуток времени, в тот период, не удалось

осуществить задуманные экономические реформы, в процессе проведения реформ 1990-ых годов учитывался полученный в историческом прошлом позитивный опыт, связанный, например, с формированием независимой банковской системы, Контрольной палаты, Экономического совета и т. д., что, в свою очередь, стало логическим завершением проведения реформ того периода. Вопреки сказанному, в постсоветский период не удалось осуществить внедрение радикальных реформ в соответствии с доктриной «шоковой терапии» (быстрая либерализация цен, уменьшение денежной массы и трансформация государственного имущества), хотя с самого начала реформирования был создан Национальный банк, разработаны предпринимательское законодательство, закон о приватизации предприятий и т. д. На следующем этапе была осуществлена передача в собственность жилых квартир и земельных участков – сначала в бессрочное пользование, а позже – в собственность, введена национальная валюта – лари, проведена малая и массовая приватизация. После невиданного экономического сокращения, гиперинфляции и других негативных процессов, на начальном этапе, экономический рост в 1996 г. превысил 11%. В 2003–2012 гг. ужесточились административные методы, выросли инвестиции, масштабы внешних долгов и посягательства на собственность.

В последующие годы бизнес освободился от государственного давления, осуществился поворот экономики к реальному сектору, особенно в сфере сельского хозяйства (но с незначительными результатами), продолжилась тенденция приоритетного развития туризма (доля страны в валовом выпуске = 8,1%, 2018 г.); вырос объём торгового оборота с Россией. Вместе с тем, произошла девальвация национальной валюты – лари, не удалось осуществить идею «восстановления справедливости» и т. д.

Согласно последним сведениям, темп экономического роста превысил 5%, но, несмотря на это, не удалось расширить производство в масштабах регионов. В Тбилиси производится 51,7% ВВП, функционирует только 23% зарегистрированных бизнес – субъектов, в недостаточном объёме выросла численность трудоустроенных лиц в бизнес – секторе. В последние годы, в частности в 2017 г., зафиксировано максимальное количество прямых иностранных инвестиций, сальдо внешней торговли в 2018 г. достигло 5,8 миллиардов долларов США, в ВВП доминирует сфера обслуживания (<https://www.geostat.ge>), в то время, когда продукцией реального сектора не может удовлетвориться большая часть отечественных требований.

В Грузии выросло количество пенсионеров в числе целого населения. В 2018 г., несмотря на уменьшение доли населения, находящегося ниже абсолютной границы бедности, показатель всё-таки остаётся высоким – 20,1%: в 2013 году – 26,2%, в Армении – 25,7%, в России – 12,9% (рисунок 6).

Силагадзе А.

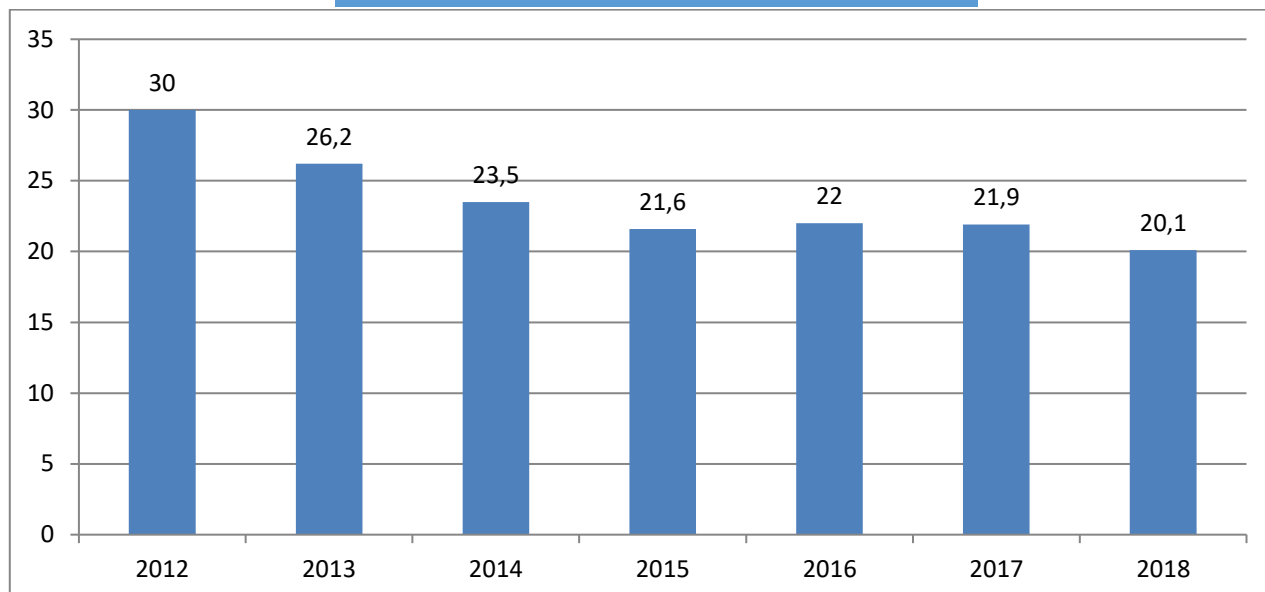

Рисунок 6 – Доля населения Грузии, находящегося ниже абсолютной границы бедности (%), 2012–2018 гг.

Составлено: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC?locations=GE> (16.02.2020).

Безработица и дефицит доходов стимулируют миграционные процессы. Большая волна эмиграции в Грузии зафиксирована в 1990-ых гг. по причине тяжёлого экономического положения и территориальных конфликтов. Масштабы миграции носили объёмный характер и в последующие годы (рисунок 7). Подобные процессы имели место и на территории Армении, Украины, странах Прибалтики.

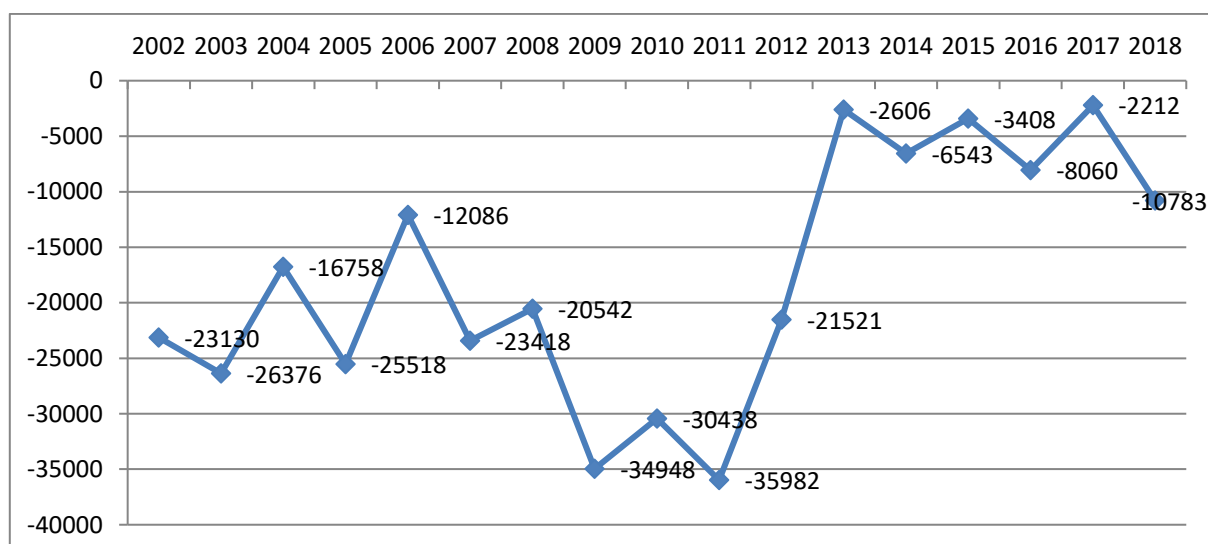

Рисунок 7 – Миграционное сальдо в Грузии *

*Данные за 2002-2011 гг. являются оценочными показателями, данные за 2012 г. опираются на сведения Пограничной полиции МВД.

Составлено и рассчитано: <https://www.geostat.ge/ka/modules/categories/316/mosakhleobada-demografia> (08.01.2020).

В 2002–2012 гг. миграционное сальдо в Грузии, т. е. разница между между численностью эмигрантов и иммигрантов, была достаточно большой, позднее этот показатель резко снизился (рисунок 7).

Расширение масштабов миграции сопровождается ростом личных переводов (в денежной и натуральной форме), особенно на начальном этапе. Для отдельных стран они имеют большое значение. В суммарном ВВП стран мира и Евросоюза их доля невелика и, соответственно, составляет 0,8% и 0,7%. (таблица 5).

Таблица 5 – Личные переводы (в текущих долларах США), 2018 г.

Страны	Личные переводы, млрд. долл.	Доля личных переводов в ВВП (%)
Грузия	2	11.6
Азербайджан	1.2	2.6
Армения	1.5	12
Украина	14.7	11.2
Молдова	1.8	16.1
Эстония	0.6	1.8
Латвия	1.2	3.6
Литва	1.4	2.6
Россия	8.6	0.5
Беларусь	1.2	2
Казахстан	0.6	0.4
Узбекистан *	2.5	3
Таджикистан	2.2	29
Киргизия	2.7	33.2
Туркменистан	0.002	0.004

**2016.*

Составлено и рассчитано: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT>; <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS>

Таким образом, личные переводы не играют важной роли в мировой экономике и экономике стран Евросоюза, в богатых энергоресурсами постсоветских странах, в Белоруссии, а также в странах-членах Евросоюза «постсоветского пространства», но значимы для экономики таких стран, как Киргизия, Таджикистан, Молдова, Армения, Грузия и Украина.

В целом: в восьми постсоветских странах в течение анализируемого периода значительно сократилась численность населения (более всего в Грузии), что обусловлено как экономическими (дефицит рабочих мест, низкая заработная плата), так и политическими факторами (нарушение территориальной целостности, тенденции глобализации, наличие желания и возможностей получения высокого заработка (страны Прибалтики) и т. д.

Другим путём развилась экономика Российской Федерации, которая также испытала период уменьшения численности населения, но на фоне реализации богатых энергоресурсов она обладает потенциалом трудоустройства отечественной и зарубежной рабочей силы. В отдельных странах, например, в Грузии, всё более сокращается миграционное сальдо населения.

Каких результатов может достичь Грузия за ближайшее десятилетие в условиях отсутствия изменений численности населения?

По нашим подсчётам, в условиях среднего годового роста ВВП на 6%, 10% и 15%, в 2030 г. в Грузии ВВП на душу населения составит 9132 долларов США, 13885 долларов США и 22371 доллар США!

Соответственно, вышеуказанное означает, что к 2030 г.:

– ни один из вариантов роста не позволит приблизиться к среднему показателю Евросоюза (36 570 долл.);

– в первом и во втором случае мы сможем приблизиться к теперешнему индикатору Польши (15 421 долл.);

– согласно второму варианту, мы сможем удовлетворить требование одного из индикаторов, необходимых для вступления в члены Евросоюза;

– реализация третьего варианта допустима в случае активной поддержки развития реального сектора экономики, опирающегося исключительно на национальные ресурсы.

Таким образом, в соответствии с полученными в результате исследования заключениями, достижение равного конкурентноспособного уровня Грузии в отношении стран Евросоюза в ближайшие годы представляется наиболее сложным вопросом. Следует отметить, что параллельно необходимо осуществить укрепление экономических отношений со странами СНГ и в том числе с Российской Федерацией в условиях взаимного уважения; Рассчитанная по времени программа социально-экономического развития Грузии должна предусмотреть следующие аспекты: приоритетное развитие инновационного реального сектора экономики (промышленность, сельское хозяйство) на основе применения местных ресурсов; создание объектов по переработке сельскохозяйственной продукции и складских мощностей; широкое применение частных страховых механизмов в сельской местности; максимальное использование местных ресурсов в туристическом секторе; обеспечение выпуска международной конкурентноспособной продукции; интенсивное освоение ресурсов воды, солнца и ветра; поощрение создания региональных финансовых центров; максимальное использование транзитного потенциала и т. д.

Литература

1. Atanelishvili, T., Chikviladze, M., Silagadze, N. (2017). About State Financial Control. Ecoforum Journal, Volume 6, Issue 1(10).
2. Atanelishvili, T., Silagadze, N. (2016). Evolutionary Aspects of the Georgian Banking System. Ecoforum Journal, Vol 5, No 2.

3. Basilia, T., Silagadze, A., Chikvaidze, T. (2001). Post-Socialistic Transformation: Georgian Economy at the Threshold of the XXI Century. Tbilisi. (In Georgian).
4. Gaganidze, G., Ramishvili, B. (2018). Foreign trade of Georgia and east and central European states comparative analysis. Ecoforum Journal. Vol. 7, Is. 2(15).
5. Ismailov, E., Papava, V. (2010). Rethinking Central Eurasia. Johns Hopkins University, SAIS. https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/Monographs/2010_MONO_Ismailov-Papava_Rethinking-Central-Eurasia.pdf
6. Mekvabishvili, E., Atanelishvili, T. (2017). Personal remittances in post-Soviet countries (comparative analysis). Bull. Georg. Acad. Sci., 11, 3 : 157–163.
7. Papava V. (2012). Economic Reforms in Post-Communist Georgia: Twenty Years After. New York, Nova Science Publishers.
8. Silagadze A., Atanelishvili T., Silagadze N. (2019). Economic Doctrines. The Origins. Nova Science Publishers. New York.
9. Silagadze, A. (2018). Gini Index–Wealth Distribution in the Post-Soviet Countries. Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences, 12(3): 128–132.
10. Silagadze A. (2018). Some Aspects of Economic Ideas in Shota Rustaveli’s «The Knight in the Panther Skin». Bull. Georg. Natl. Acad. Sci., vol. 12, no. 1, pp.161–166.
11. Silagadze, A., Atanelishvili, T. Goshadze, G., Demetrashvili, T., Zurabishvili, V. (2005) Publication of Tbilisi University, Tbilisi. (In Georgian).
12. Silagadze, A. (2017). History of Georgian Economic Thought: Relation between the Center and the Region. Bull. Georg. Natl. Acad. Sci., Vol. 11. Issue 4, pp.138–144.
13. Silagadze, A. (2017). Post-Soviet “Paradoxes” of Unemployment Rate. Bull. Georg. Natl. Acad. Sci., Vol. 11. Issue 1, pp. 136–141.
14. Silagadze, A. (2013). Priorities for the Economy of Post-communist Georgia in the Context of the World Financial Crisis. J. Problems of Economic Transition (USA). 56, 8: 3–16.
15. Silagadze, A. (2013). Some of the external aspects of the Georgian economy in modern times. Moldavian Journal of International Law and Relations. Issue. 4. Pages 30.
16. Silagadze, A., Zubiashvili, T. (2015). Parameters of the European Union and the Post-Soviet Georgia’s Economy. Refereed International Journal of Business and Management Studies (IJBMS), pp. 441–448.
17. Tvalchrelidze A., Silagadze, A. (2013) The Macroeconomic Model for Oil Exporter Countries. J. Central Asia and the Caucasus. CA&CC Press, Vol.16. Issue 4. Sweden, pp. 118–144.
18. Силагадзе, А., Сидоров, В., Ядгаров, Я. (2016). Феномен Рыночного Хозяйства: фундаментальные и прикладные основы. Тбилиси: Изд.-во «Универсал».
19. Tvalchrelidze, A., Silagadze, A., Keshelashvili, G., Gegia, D. (2011) Georgia’s Social Economic Development Program. “Nekeri”, Tbilisi.

Силагадзе А.

20. Zubiashvili, T., Silagadze, L. (2016). Some aspects of the Georgian economy at the contemporary stage. Ecoforum Jurnal. 5. 2: 70–73.

21. Silagadze, L. (2018). Foreign direct investments (fdi) in the new associate member states (Comparative Analysis). Ecoforum Journal 7 (1).

22. Silagadze, L. (2018). Foreign direct investment inflow in 1997–2016 years in Georgia, ukraine and moldova (comparable analysis).international scientific-practical journal „globalization and business, 143-147.

23. Silagadze, L. (2017). Foreign Direct Investments in the Post-Soviet Period: The Case of Georgia. Ecoforum 6(1).

24. Tukhashvili, M.(2018). Retrospective Comprehension of Post-Soviet Georgia’s Population Migration. Bull. Georg. Natl. Acad. Sci 6 (2), 175–182.

GLOBAL TRENDS AND SOME ISSUES OF GEORGIA'S POST-SOVIET ECONOMY

Silagadze A.

Member of Georgian National Academy of Sciences, Academician; Professor and Head of the Department of the International Economics and History of Economics at the faculty of Economics and Business at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University

Abstract. *The work deals with the current trends of globalization, world economy, EU economy, post-Soviet economy, mainly Georgian economy. According to the findings of the study: Achieving Georgia's level of competitiveness with EU countries is a very difficult task in the coming years. At the same time, it is necessary to strengthen economic relations with the CIS countries, including with the Russian Federation in terms of mutual respect; Time bound program of Georgian socio-economic development should take into account: Prioritize development of innovative real sector of economy (industry, agriculture) using local resources; Creation of agricultural production and warehousing capacities; Extensive implementation of private insurance mechanisms in rural areas; Maximal use of local resources in the tourism sector; Ensuring the production of internationally competitive products; Intensive use of water, solar and wind resources; Encouraging the creation of regional financial centers; Maximal use of transit potential and etc;*

Key words: *GDP, GDP per capita, GDP growth, PostSoviet economy, European Union (EU)*

УДК 338.001

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Колодняя Г.В.

*доктор экономических наук, профессор Департамента экономической теории,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*

***Аннотация:** в статье представлен анализ становления процессов цифровизации в современной России. Отмечаются имеющиеся достижения, дается оценка проблем, с которыми сталкивается российская экономика, осуществляя движение в направлении цифровизации. Рассматривается трансформация взаимоотношений: производитель – потребитель в условиях цифровизации. На основе анализа практик применения промышленного интернета вещей российскими компаниями выявлены причины, препятствующие развитию технологий интернета вещей в современной России. Раскрыты преимущества и угрозы, создаваемые цифровизацией.*

***Ключевые слова:** цифровая экономика, промышленный интернет вещей, транзакционные издержки, кастомизация товара, Индустрия 4.0, риски цифровизации.*

Современный мир развивается в условиях повсеместной цифровизации. Цифровизация охватывает часть экономических отношений, которые опосредуются Интернетом, сотовой связью, информационно-компьютерными технологиями, что позволяет активно использовать возможности online и инновационных цифровых технологий всеми участниками экономической системы, включая представителей домохозяйств, бизнеса и государства. Цифровизация играет ключевую роль в процессах повышения уровня конкурентоспособности национальной экономики, создания новых отраслей и направлений, что создает базовые условия для экономического роста. Цифровизация не только способствует модернизации традиционных отраслей экономики, но и создает благоприятные предпосылки для формирования и развития новых отраслей. Активное внедрение прогрессивных цифровых технологий приводит к росту производительности труда, сокращает издержки производителей, существенно упрощает доступ к различным информационным ресурсам, способствует снижению барьеров, связанных с выходом компаний на новые рынки, что в комплексе благоприятно сказывается на развитии национальной экономики в целом.

Наглядной иллюстрацией цифровой трансформации является изменение структуры производства национальных экономик, демонстрирующих в последние годы заметный рост доли цифровой экономики в ВВП. Вклад цифрового сектора (производство и торговля IT-оборудованием, сервисы и услуги, разработка программного обеспечения и цифровых товаров, телекоммуникации) в среднем в большинстве стран мира находится на уровне 6-7% ВВП. Наибольшую долю

имеют следующие страны: Корея – 12%, Швеция – 8,6%, Финляндия – 8,3%, США – 7,4%. Вклад цифровизации в экономику России сравнительно невелик по сравнению с экономиками развитых стран, и составляет 3% ВВП [4].

Не смотря на определенное отставание России в процессах цифровизации, необходимо отметить определенные наработки отечественной экономики в этой области. Рассмотрим имеющиеся достижения и обозначим проблемы, с которыми сталкивается российская экономика, осуществляя движение в направлении цифровизации.

Программы цифровизации в ряде стран.

Стремление упорядочить происходящие в современном мире трансформации, привели к необходимости формирования новых институтов экономического роста в большинстве стран, в частности, специальных государственных программ стимулирования процессов цифровизации экономики. Масштабные программы по ускорению цифровизации национальных экономик имеют страны Европейского союза. К примеру, в Германии в 2015 г. была принята государственная программа «Индустрия 4.0», объединяющая бизнес и государство, и направленная на сохранение и увеличение конкурентных преимуществ национальных производителей. Программа осуществляется в целях сохранения лидерства немецких производителей в промышленности за счет стимулирования инноваций во многих секторах экономики. Предполагается, что реализация программы «Индустрия 4.0» позволит Германии полностью перейти на систему интернетизированной промышленности к 2030 г.

Высокое проникновение цифровых технологий в экономическую деятельность США во многом достигнуто благодаря реализации Консорциум промышленного интернета в 2014 г. программы цифровизации. Американская программа цифровизации направлена на формирование тесного взаимодействия между конкурирующими компаниями в целях создания более качественных товаров и услуг в целом. Ее реализация позволит устранить возникающие между различными технологиями барьеры для обеспечения максимального доступа к большим данным, иными словами, будет способствовать интеграции физической и цифровой среды. Необходимо отметить при этом, что подобные программы приняты к реализации и в ряде других стран: Нидерландах, Франции, Великобритании, Италии, Бельгии, Японии.

Стимулирование процессов цифровизации в России.

Рассматривая практику цифровизации отечественной экономики, следует отметить, что в России программа цифровизации принята в 2017 г. В документе представлены основные направления развития цифровой экономики в нашей стране на период до 2024 г., а именно: умный город; государственное управление; здравоохранение; нормативное регулирование; цифровая инфраструктура; технологические заделы; информационная безопасность.

Практическая реализация основных направлений Программы по развитию цифровизации отечественной экономики позволит ликвидировать имеющееся отставание России в использовании цифровых технологий по сравнению с лидирующими странами. Активизация процессов применения цифровых технологий в нашей стране сможет стать одним из неотъемлемых факторов повышения уровня конкурентоспособности экономики, что в конечном итоге будет способствовать повышению благосостояния россиян.

Достижения Индустрия 1.0, 2.0, 3.0.

Колоссальные изменения, происходящие в современном мире, получили название четвертой промышленной революции, или Индустрии 4.0 [6]. Революционный характер трансформаций продиктован масштабностью перемен, которых человечеству не доводилось испытывать. Происходящие изменения не только связаны с принципиальным изменением применяемых технологий. Характерной чертой трансформаций является стремительная скорость их осуществления.

Попытаемся выяснить, насколько справедливо сравнивать происходящие в современном мире изменения с революцией. Известно, что в результате первой промышленной революции, которую принято называть Индустрия 1.0, (1760–1840 гг.) человечество получило паровой двигатель, механизированное производство, а также возможность быстрого перемещения в пространстве на значительные расстояния благодаря применению железных дорог. Массовый переход от ручного труда к машинному производству, или от мануфактуры к фабрике, привели к колоссальным изменениям в индустрии.

Результатом второй промышленной революции, или Индустрии 2.0, (конец XIX начало XX вв.) стало изобретение электричества. Активное применение конвейера на производстве позволило значительно повысить производительность. Организация массового производства крупными компаниями сыграла определяющую роль в насыщении рынка доступными для большинства потребителей товарами среднего качества. В результате действия эффекта масштаба крупный бизнес сумел добиться существенной экономии издержек. Отлаженная и отработанная до мелочей технология производства в совокупности с массовым выпуском, позволили крупным фирмам добиться весомого снижения условно-постоянных расходов и продавать производимые блага по приемлемой цене. Все это повысило доступность многих благ для большинства потребителей.

Третья промышленная революция, или Индустрия 3.0, (1960-е гг.) ознаменовала повсеместный переход производства к использованию информационно-коммуникационных технологий. Главными достижениями Индустрии стали создание полупроводников, разработка электронно-вычислительных машин (1960-е гг.), персональных компьютеров (1970–1980-е гг.), создание Интернета (1990-е гг.), автоматизация отдельных процессов производства.

Индустрия 4.0: возможности и угрозы.

Отличительной особенностью четвертой промышленной революции, или Индустрии 4.0, (2000-е гг.), которую также еще называют цифровой революцией, является активное распространение Интернета, информационно-компьютерных технологий, облачных технологий, создание цифровых платформ, наличие устойчивых каналов связи, сенсоров, использование искусственного интеллекта, машинного обучения. Революционный характер происходящих трансформаций связан с процессами глубокого проникновения информационных технологий в различные сферы, а также с их всеобъемлющим воздействием на многие процессы, происходящие в современном мире.

В отличие от предыдущих этапов технологических достижений, Индустрия 4.0 представляет собой принципиально новый уровень организации производства и управления цепочкой создания стоимости на протяжении всего жизненного цикла производимой продукции. Индустрия 4.0 предусматривает сквозную цифровизацию всех физических активов и их интеграцию в цифровую экосистему вместе с партнерами – всеми участниками цепочки создания стоимости, что стало возможным исключительно в эпоху цифровизации – при активном распространении Интернета, информационно-коммуникационных технологий, наличии устойчивых каналов связи, облачных технологий и цифровых платформ.

Необходимо отметить, что благодаря воздействию цифровой экономики произошло снижение величины транзакционных издержек – затрат по взаимодействию различных групп контрагентов, что привело к сокращению расходов, связанных с формированием дистрибьюторской сети, отвлекающих солидные суммы из производства, финансирование которых традиционно относились к обязательным составляющим успешной работы классической (индустриальной) фирмы. В эпоху цифровизации появилась возможность выстраивать бесконечное количество горизонтальных связей между производителем и потребителем через открытие фирменных сайтов компаний и размещение информации в социальных сетях, вне зависимости от размера бизнеса.

Общеизвестно, что одним из неперенных условий снижения реализационных рисков компании, работающей в индустриальной экономике, было финансирование производителем дорогостоящих маркетинговых исследований, нацеленных на выявление вкусов и потребительских предпочтений. Благодаря цифровизации произошло существенное упрощение и удешевление этого процесса. Использование информационных технологий позволяет не только определять пожелания покупателей относительно производимых благ, но и непосредственно привлекать потребителей к процессу создания новой стоимости. Конечные потребители становятся участниками цепочки создания новых стоимостей благодаря своим действиям и вносимым корректировкам в процессы производства. Цифровизацией обозначен принципиально новый этап в развитии взаимоотношений между производителем и потребителем, связанный с производством индивидуального, персонифицированного, или высоко кастомизированного товара.

Теоретическое обоснование происходящих в современном мире глубоких трансформаций представлено в работе Э. Тоффлера «Метамарфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века» [5], в которой автор указывает на превращение потребителя, наряду с производителем, в основную и движущую силу развития современного бизнеса. Отмечая факт привлечения покупателя к сотрудничеству со стороны производителя (процесс моделирования товара, создание продукта по индивидуальным заказам, разработка нового товара с набором функциональных качеств и т.д.), известным социологом предлагается использование нового термина, рожденного в эпоху цифровизации - «сопроизводитель», или Prosumer, как производного от двух английских слов: Producer + Consumer = Prosumer.

Цифровизация сделала возможным создание множества инновационных продуктов при непосредственном участии покупателей. В современном мире достижение успеха гарантировано тем производителям, деятельность которых связана с производством высоко кастомизированного продукта, учитывающего запросы конкретных групп потребителей.

Наряду с этим, рост цифровизации вызывает определенные риски, связанные в первую очередь с Интернет-угрозами. Стремительный рост количества киберпресуплений в совокупности с утечкой информации наносят значительный вред, что вынуждает производителей осуществлять инвестирование в информационную безопасность бизнеса. Это приводит к отвлечению солидных финансовых ресурсов из основной деятельности производителя. Специалистами оценивается размер ущерба только от одного инцидента информационной безопасности в размере от 25 тыс. долл (для сектора малого и среднего бизнеса) до 150 тыс. долл. (для крупных российских компаний).

Значительные потери бизнеса последних лет связаны с распространением программ-вымогателей, проникающих в компьютеры и шифрующих важную информацию в целях вымогательства выкупа за восстановление утерянных данных. Согласно данным компании «Лаборатория Касперского», ежегодно каждая пятая компания в мире сталкивается как минимум с одним аналогичным инцидентом. К примеру, жертвами самой громкой атаки вируса под названием WannaCry (2017) стали более 300 тыс. пользователей компьютеров в 150 странах мира. Часто жертвами вирусных атак становятся крупнейшие российские компании.

Промышленный интернет вещей.

Индустрия 4.0, создает благоприятные условия для развития промышленного интернет-вещей, который представляет собой объединение в рамках единой информационной сети всех производственных объектов, включая оборудование и рабочие места на предприятии. Это объединение позволяет сформировать среду, в которой машины начинают взаимодействовать между собой на основании интернет-протокола, минуя операторов и принимая самостоятельные решения, относительно повышения эффективности работы оборудования или предот-

вращая внештатных (аварийных) ситуаций. Результатом применения промышленного интернет-вещей является повышение эффективности работы компании в целом. Это становится возможным по причине того, что снабжение оборудования датчиками с выходом в сеть позволяет производителям и клиентам осуществлять удаленный контроль над работой производственных площадок, своевременно проводить регламентные работы, предупреждать аварии, а также проводить планово-предупредительный ремонт.

Промышленный интернет-вещей дает возможность выстраивать длинные цепочки, начиная от поставщиков комплектующих изделий до потребителей конечной продукции, которые осуществляются без вмешательства человека. Внедрение промышленного интернет-вещей позволяет достичь существенной экономии за счет сокращения потерь рабочего времени, уменьшения длительности производственного цикла и роста загрузки оборудования. Часто проекты, осуществляемые в рамках промышленного интернет-вещей, выходят за пределы одной компании, позволяя получить эффект синергии на стыке поставщиков данных, которые есть в разных сегментах бизнеса и в различных индустриях.

Следует подчеркнуть, что промышленный интернет-вещей как составной элемент четвертой промышленной революции, порождает колоссальные трансформации. Технологические инновации принципиальным образом изменяют представление об эффективном производстве. Современные инструменты моделирования позволяют создавать «цифровые двойники» физических продуктов и производственных процессов, могут обеспечить проверку моделей изделий и использование виртуальных симуляций еще до того, как будет налажен реальный производственный процесс. Все это дает возможность, к примеру, в авиастроении создавать платформы быстрого моделирования и добиваться сокращения времени, необходимого для проектирования и проектной доработки на 20%. С помощью «цифрового двойника» стала возможной имитация всех стадий производства, прогноза поломки оборудования, объема спроса, повышения энергоэффективности. Использование технологий промышленного интернета вещей позволяет существенно сокращать время работы со сложными проектами, уменьшать сроки разработки новых изделий.

Благодаря промышленному интернет-вещей осуществляется передача данных в аналитические системы в режиме реального времени. Это позволяет дистанционно произвести наладку оборудования для минимизации дефектов, а также сократить простои и производственные отходы. Промышленный интернет-вещей помогает снизить риски аварий и оптимизировать кооперационные и сбытовые цепочки в компании. Применение промышленного интернет-вещей может повысить реальную добавленную стоимость только в обрабатывающей промышленности США более чем на 500 млрд. долл. в год.

Промышленный интернет-вещей принципиальным образом изменяет представление об оптимальном размещении производства. Масштабная и разносто-

ронняя роботизация нивелирует значимость такого фактора как дешевизна трудовых ресурсов. Это приводит к нивелированию роли фактора эффекта масштаба и необходимости размещения производства вблизи от потребительской базы.

Место России в процессе цифровой трансформации.

Необходимо указать на факт отставания России от большинства стран мира по степени развитости и проникновения цифровых технологий. Россия занимает 40–50-е место среди других стран по уровню цифровизации общества [1]. Использование Интернета населением для заказа товаров и услуг в России составляет 29%, в Великобритании – 82%, в Швеции – 81%, в Германии – 71%, в США – 55%. Однако, по степени проникновения Интернета Россия занимает высокие позиции (72%), обгоняя ряд стран, к примеру, Грецию (51%), Португалию (61%), Бельгию (67%), Китай (67%), Канаду (66%).

Имеющееся отставание России в области применения формата электронной торговли по сравнению с рядом ведущих стран мира постепенно нивелируется в последние годы. Замедление темпов роста российской экономики 2013-2014 гг. и сменившиеся кризисные явления 2015-2016 гг. привели к значительному сокращению реальных доходов населения, что, в свою очередь, вызвало тотальный обвал спроса во многих секторах национального хозяйства. Кризисная ситуация вынудила многих российских предпринимателей более активно применять Интернет-продажи по причине оттока покупателей из традиционных торговых центров, вызванного стремлением сэкономить при покупках в on-line магазинах и увеличением покупок через мобильные устройства. Выбор российских потребителей в пользу электронного формата покупки в совокупности со стремлением продавцов снизить издержки, связанные с продажей товаров, привели к росту online-продаж в последние годы в нашей стране.

Россия находится в самом начале пути реализации формата Индустрия 4.0. Наибольших результатов в этом вопросе удалось достичь крупнейшему в отечественной экономике машиностроительному кластеру Республики Татарстан, в состав которого входят более 300 производителей. В рамках кластера осуществляется работа по формированию, так называемой «цифровой фабрики», участники которой объединены в единое «облако».

Следующим шагом по формированию благоприятных условий для поступательного развития цифровизации стала реализация проекта (2017), направленного на создание единого цифрового пространства промышленности России, названного «4.0 RU». Данный проект курируется Министерством по промышленности и торговли России при активном участии крупнейшего производителя российской станкостроительной отрасли компании «Стан», мирового лидера в сфере информационных технологий компании «Лаборатория Касперского», российской логистической компании «ИТЭЛМА» и мирового лидера в области технологического производства компании Siemens. Система «4.0 RU» представляет собой некую «биржу производителей», которая позволяет вначале создать необходимую деталь в цифровом пространстве, а затем «подобрать» свободные мощности для

производства спроектированного изделия, выбрав наилучший вариант с точки зрения стоимости производства. После того, как изделие будет создано, система «подыскивает» оптимальный способ его доставки заказчику.

Особенностью системы «4.0 RU» является то, что она дает возможность определить конечную стоимость создаваемого изделия еще на этапе проектирования – за счет выявления цены каждой отдельной части или агрегата. Цифровой формат конструирования изделий позволяет изменять параметры деталей в режиме online и отслеживать изменение стоимости. Это становится возможным по причине того, что предприятия, подключенные к системе «4.0 RU», предоставляют информацию о наличии станочного парка, его технических характеристиках, уровне загрузки производственных мощностей. Система «4.0 RU» помогает заказчику определить наиболее подходящие мощности, время изготовления деталей или узлов, выбрать оптимальную логистику.

Особенностью системы «4.0 RU» является то, что благодаря ее реализации обеспечивается возможность сокращения времени вывода новых продуктов на рынок, повышается степень гибкости производства и качество создаваемой продукции, имеет место рост эффективности производственных процессов. Система «4.0 RU» создает полную прозрачность жизненного цикла изделий и возможность активного управления изменениями, начиная от этапа конструирования до доставки продукции заказчику, а также ее сервисного обслуживания. Государство в лице Министерством промышленности и торговли России осуществляется кураторство передовых проектов, ведется консультирование по вопросам создания цифровых производств через работу департамента цифровой промышленности.

Практика применения промышленного интернета вещей в России.

Несмотря на некоторую инерционность происходящих в современной отечественной экономике процессов, передовые российские компании осуществляют разработку и применение передовых решений в области цифровизации производства. Технологии промышленного интернет-вещей используют: КамАЗ, Объединенная авиастроительная компания, Российские железные дороги, Объединенная двигателестроительная компания, Ульяновский автомобильный завод. Ряд металлургических компаний значительно продвинулись в области цифровизации производства: «Евраз», «Северсталь», НМЛК. Большинство российских компаний, применяющих технологии интернет-вещей на производстве, являются крупнейшими производителями. Небольшие по размеру компании достаточно сдержанно принимают на вооружение технологии промышленного интернет-вещей по причине их дороговизны.

Все больше производителей в мире прибегают к необходимости использования промышленного интернета вещей. К примеру, компанией Rolls-Royce используется расширенная аналитика и промышленный интернет-вещей в сфере авиaperевозок. Все двигатели этой компании оснащены тысячами датчиков, собирающих информацию об их работе. И если раньше компания Rolls-Royce ис-

пользовала промышленный интернет-вещей исключительно в целях обслуживания двигателей и предупреждения ремонта, со временем круг задач значительно расширился. Теперь компания благодаря применению промышленного интернета вещей может изменять режимы эксплуатации двигателей и осуществлять экономию топлива, на долю которого приходится более 40% в структуре затрат авиакомпаний. 1% экономии приносит в расчете на один самолет 250 тыс. долл. в год. Активно использует промышленный интернет-вещей российский производитель грузовиков КамАЗ. Компания сумела добиться сокращения сроков создания сервисной документации на 40%, уменьшила время работы со сложными дизайн-проектами на 50%. Промышленный интернет-вещей объединил массивы данных по сервису и ремонту, что позволило компании добиться четкого планирования в процессах замены узлов и деталей.

Рассматривая состояние рынка промышленного интернет вещей в современной России, следует обратиться к мнению специалистов компании IDC (International Data Corporation). В ежегодном отчете “Russia Internet of Things Market 2017-2021” компанией дается прогноз развития рынка интернет вещей на период до 2021 гг., в котором предполагается рост инвестиций в оборудование, программное обеспечение, услуги и связь, привлеченные в целях создания решений интернета вещей в среднем на 22% ежегодно [2]. В качестве основных факторов, способствующих росту инвестиций компанией IDC выделены следующие:

- 1 начавшийся процесс цифровой трансформации компаний;
- 2 создание экосистемы и взаимное партнерство поставщиков решений;
- 3 значительный интерес со стороны государства.

В отчете подчеркивается, что важное влияние на развитие рынка промышленного интернет-вещей в России оказали положительные результаты первых проектов, направленных, в основном, на сбор данных и интеграцию решений интернет-вещей с существующими ИТ-системами. В отчете также отмечается, что лидирующими отраслями по инвестициям в интернет-вещей остаются транспорт и производство благодаря большому количеству установленных конечных устройств и востребованности решений по управлению транспортными средствами и производственными активами.

В качестве одного из сдерживающих факторов, препятствующих развитию технологий интернета вещей в России, специалистами IDC названо отсутствие единых стандартов. Наличие большого количества разных систем приводит к раздробленности рынка и существенно тормозит его развитие.

Следующее исследование проводилось в целях выявления основных причин, тормозящих внедрение промышленного интернет-вещей в современной России. Согласно результатам исследования PwC, только 19% из опрашиваемых 80 членов советов директоров крупных российских компаний из 14 отраслей внедряют промышленный интернет-вещей, более трети (37%) вообще не используют никакие новые цифровые технологии. [3]

В качестве причин менеджеры назвали следующие:

1 нехватка специалистов: компании вынуждены переманивать аналитиков, инженеров данных и разработчиков из банков, страховых компаний и интернет-корпораций;

2 негибкость и инертность процессов управления: инициировать внедрение современных технологий в компаниях должны советы директоров, представители которых в условиях слабой конкуренции не заинтересованы в новшествах;

3 невозможность интеграции со старым оборудованием, заменить которое сложно по причине нехватки финансовых ресурсов;

4 дешевая рабочая сила: внедрение новых технологий требует единовременных больших затрат, в отличие от долгосрочного дешевого найма работника;

5 саботаж работников: рабочие и специалисты отказываются работать по новым технологиям, опасаясь сокращений.

Завершая анализ цифровых трансформаций современного мира, необходимо указать на повсеместность осуществления процессов цифровизации, являющихся драйвером высокотехнологичного роста. Не смотря на имеющееся некоторое отставание России в процессах цифровизации, отечественный бизнес развивается в рамках общемирового тренда – под воздействием цифровой трансформации.

Литература

1. Abdrakhmanova G., Vishnevskiy K., Volkova G., Gokhberg L. Digital Economy Indicators in the Russian Federation. Data Book / National Research University Higher School of Economics. – Moscow: HSE, 2018.

2. Report IDC «Russia Internet of Things Market 2017-2021». 2017. URL: <http://www.idcrussia.com>

3. Смертина П., Подероб М. Почему российским директорам не нужны прорывные технологии// Ведомости, 2018.12.09. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/09/12/780615-ne-nuzhni-prorivnie>

4. Титов Б. Россия: от цифровизации к цифровой экономике. 2018. // URL: http://www.issledovanie_tsifrovaya-economica-14-09-18-1

5. Тоффлер Э. Метамарфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. / Пер. с англ. М.: АСТ Москва, 2009.

6. Schwab K. The Forth Industrial Revolution. World Economic Forum. // Cologny. Switzerland. 2016.

DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY: PROBLEMS OF FORMATION

Kolodnyaya G.V.

*Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economic Science
of Finas University under the Government of the Russian Federation*

Abstract. *The article presents an analysis of the formation of digitalization processes in modern Russia. The author notes the existing achievements and assesses the problems faced by the Russian economy in moving towards digitalization. We consider the transformation of the relationship: producer – consumer in the conditions of digitalization. Based on the analysis of industrial Internet of things application practices by Russian companies, the reasons that hinder the development of Internet of things technologies in modern Russia are identified. The advantages and threats created by digitalization are revealed.*

Key words: *digital economy, industrial Internet of things, transaction costs, product customization, industry 4.0, risks of digitalization.*

UDC: 635:339.13 (575.1)

**THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE AND ITS COMPETITIVENESS
S ONE OF THE IMPORTANT PRIORITY AREAS IN THE ECONOMY
OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN**

Nazarova F.X.

*Doctor of Economics, Professor, Department of Economics, Karshi Engineering
and Economic Institute, Uzbekistan*

Eshev A.S.

*Department of Economics, Karshi Engineering and Economic
Institute, Uzbekistan*

Abstract: *The priority directions of development of agriculture of the Republic of Uzbekistan are considered in this article, the main directions of competitiveness of the sector development strategy. Considered are important aspects and the necessary modern methods for the formation of competition in agriculture. The perfection of the application of scientific approaches to management of competitiveness and the questions characterizing agricultural products, such as ecological, aesthetic, and ergonomic.*

Key words: *Agriculture, competition, processing industry, ecologically, aesthetically, ergonomic, quality, well-being, competitiveness, profitability, growth of level, reproduction, investment.*

Until recent times, there have been growing trends in the Republic of Uzbekistan in the growth of competition between enterprises that are competitive. Particularly in the formation of competition in the whole of the country, it indicates the relationship between the agricultural producers and the processing enterprises. The competition between the two is the sale of products, the establishment of the price of the agricultural production, which for the processing enterprise is a raw material. And agriculture is one of the important branches of the country's economy. This industry, along with meeting the population's demand for food products, and the processing industries for raw materials, is considered one of the promising sources of strengthening economic stability.

In connection with this, in a market economy, the survival rate of any enterprise, its stable position in the market of goods is determined by the level of its competitiveness, that is, the ability to produce and sell goods that are more attractive to consumers than price goods of their competitors in terms of price and non-price characteristics. It characterizes the possibilities and dynamics of the firm's adaptation to the conditions of market competition. The influence on the formation of competition in agriculture is exerted by the relationships between the producers and producers of agricultural products and processing enterprises.

Taking into account the main priorities in «the Strategy of actions for the five priority development directions of the Republic of Uzbekistan in 2017-2021», approved by the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan of February 7, 2017 No. UP-4947, the main attention was paid to modernization and intensive strategic development of agriculture.

The goal of strategic development of agriculture is defined in the following direction:

– Introduction of research works on the creation of new selection varieties of agricultural crops with high productivity, resistance to diseases and pests adapted to local soil, climatic and environmental conditions;

– Development of agriculture through deepening of structural reforms, further strengthening of food security and export potential of the country;

– Improvement of issues on improvement of reclamation state of irrigated lands, development of melioration and irrigation facilities, introduction of modern water and resource saving technologies into the industry, use of innovative technology;

– Development of multidisciplinary farms engaged in the production, processing, procurement and sale of agricultural products, construction work and the provision of services;

– Reconstruction and construction of existing processing enterprises that produce agricultural products and packaging materials on the basis of deep processing;

– Expansion of the infrastructure for storage, transportation and marketing of agricultural products, provision of agrochemical, financial and other modern market services;

– Adopting systemic measures to mitigate the negative impact of global climate change and the drying up of the Aral Sea on the development of agriculture and the livelihoods of the population.

And so the study of competitiveness is currently one of the most urgent tasks. Not only in our country but also in the whole world, the demands that the consumer makes on the quality of the produced products have significantly increased. In recent years, the properties and characteristics of products, such as ecological, aesthetic, ergonomic, have become increasingly important.

Environmental indicators allow assessing the conformity of the goods with environmental protection requirements, based on careful and rational use of resources. Esthetic indicators determine the external form and type of products, its design, attractiveness, the ability to influence the emotions of the consumer. Ergonomic indicators are associated with ease of use, as well as hygienic compliance (toxicity, dustiness, etc.), anthropometric (conforming to the shape and design of the product dimensions and configuration), physiological, psychological and other requirements.

Strengthening the requirements for products is accompanied by a conscious awareness of the need to constantly improve quality, without which it is impossible to achieve and support effective economic activity. All this forces manufacturers to seek and use various methods to improve product quality.

The development of competition in agro-industrial production is significantly influenced by the characteristics of agriculture as its main branch. Sustainability of agricultural production is significantly lower than other industries due to changing weather conditions, which causes significant fluctuations in the volume of supply of products and prices. A long production cycle determines the inertia of the supply of agricultural products when prices change. Seasonality of production leads to uneven performance of products during the year. A significant share of perishable produce (vegetables, milk) requires its speedy implementation, which exacerbates competition in the period of mass supply to the market. And the mobility of resources in agriculture excludes it from the inter-industry competition for more profitable investment of capital. The competitiveness of the agro-industrial complex taking into account the specificity and social importance of the agrarian sector should be defined as its competitiveness to function and develop in the market environment, effectively ensuring the reproduction processes of the agrarian potential.

The competitiveness level results in the value of the main types of agro-industrial products per capita, and their positive dynamics and the creation of conditions for the sustainable development of the national economic system in the long term. The strategy of competitive struggle and strengthening of competitive positions is aimed at achieving a sustainable and profitable position that allows agricultural producers to resist the pressure of those forces that determine the competitive struggle in the industry. In today's market economy increasing competitiveness is one of the main goals of farming and dehqan farms, since their financial well-being largely depends on the level of competitiveness. Therefore, the most important role in developing a methodology for determining the competitiveness of any facility is the assimilation and application of scientific approaches to managing competitiveness. Sustainable development of the country's agriculture depends on its competitiveness, which is determined by many factors implemented by the policy, as well as by institutions that together determine the ability of the nation to generate and maintain an environment that ensures the creation of more values for these farms and the growth of the well-being of the population. Competitiveness can be assessed by analyzing the volume of produced gross domestic product, the change in the share of major export goods in world markets and a number of other indicators. However, it is based on an increase in labor productivity, which ensures a greater return on investment and sustained economic growth in the long run.

In his scholarly works on the concept of competitiveness against states, Michael Porter researched. He emphasizes that competitiveness is determined by the productivity with which the country uses its natural, human resources and capital, since productivity is the key factor determining the welfare of the country and its population. Porter highlighted the following key aspects of competitiveness:

- Productivity depends on both the value of the output or service (its uniqueness, quality), and on the efficiency with which it is produced;
- For prosperity, it is not important in which industries the country competes, but how firms compete in these industries;

– The productivity of the country is a reflection of what local and foreign firms have decided to produce in this region. The property of enterprises is secondary in matters of competitiveness of countries;

– The performance of not only export-oriented, but local (domestic-oriented) industries is of fundamental importance for competitiveness;

– Devaluation does not make the country more competitive.

The ultimate goal of enhancing the country's competitiveness is the growth of its wealth. The competitiveness of an enterprise depends to a large extent on the effectiveness of management, which is influenced by the personal qualities of managers, the ability of management to develop and implement the company's strategy and adapt to changes in the external environment, a unified system of accounting and control and the ability to select highly qualified personnel.

The degree of development of an agricultural enterprise directly depends on the success of its activities, which in today's conditions is determined by the level of competitiveness. Competitiveness is a characteristic of an enterprise that is a form of manifestation of the degree of realization of its potential ability to form, retain and use sustainable competitive advantages. Accordingly, the increase in competitiveness, in the context of sustainable development of agriculture, is possible only if there are competitive advantages that cover the economic, environmental and social spheres. At the same time, the formation of advantage implies both the development and preservation of individual objects of agricultural management. For this, it is necessary to improve the following questions:

– increase the profitability of agricultural producers. The level of profitability and profit of agriculture, sufficient for extended reproduction, investment, should be provided.

– increase the level of intensification of agro-industrial production. For these purposes, it is advisable to use the mechanism of differential subsidies, the norms that should be developed on a scientific basis, taking into account the industries. Increase the level of competitiveness of the agro-industrial complex, by introducing progressive technologies, modern information and personnel support.

– to stimulate the domestic food market. The increase in the consumption of basic foodstuffs will contribute to increasing the physical capacity of the corresponding segments of the food market, to stimulate food producers to increase the supply of products and, as a result, to create conditions for increasing the competitiveness of the agro-industrial complex

– provide the development of the social sphere of the agro-industrial complex, create material conditions,

Viability in rural areas in accordance with social standards is raising the level of wages in accordance with the general economy. The implementation of infrastructure projects in accordance with existing policy documents. In the future, the main strategic goal of the initiative on social development of the village should be oriented to the priority development of agriculture.

USED LITERATURE

1. The order of the President of the Republic of Uzbekistan Sh. Mirziyoyev from January 23, 2017 «On the Strategy of Actions for the Further Development of the Republic of Uzbekistan».
2. Emelyanova T., Novikov D. The organization of use and protection of land resources in Russia // AIC: economy, management. 2015. with 4. P- 27.
3. Buzdalov IN Provision of priority development of agriculture - the main thing in the strategy of agrarian policy // Economics of agricultural and processing enterprises. 2015. 4. P- 3.
4. World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator> .
5. Porter M. Competitive strategy: methods of analysis of industries and competitors. M.: Alpina Business-Books, 2005. P- 454.

УДК 334.7

ИРРАЦИОНАЛЬНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В БРИТАНСКИХ КОМПАНИЯХ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ИЛИ РЕЗУЛЬТАТ НЕЭФФЕКТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА?

А.А. Серета

Royal Mail Group PLC, Великобритания, г. Лондон

***Аннотация:** в статье рассмотрена иррациональная оптимизация бизнес-процессов в системе операционного менеджмента британских компаний. Исследованы причины возникновения иррациональной оптимизации, ее последствия для обеспечения устойчивости и эффективности бизнес-процессов. В результате проведенного исследования автор обосновал экономическую природу иррациональной оптимизации бизнес-процессов как результата противоречий экономических интересов субъектов и объектов бизнес-процессов, формально закрепленных в инструментах операционного менеджмента.*

***Ключевые слова:** операционный менеджмент, бизнес-процессы, оптимизация бизнес-процессов, иррациональная оптимизация бизнес-процессов, экономические интересы, мотивация персонала, эффективность операционного менеджмента.*

Актуальность проблемы повышения эффективности бизнес-процессов является неоспоримой не только в России, но и за рубежом, поскольку каждая компания, нацеленная на формирование долгосрочной и устойчивой перспективы развития своей деятельности, независимо от национальной принадлежности и масштабов, пытается использовать различные инструменты повышения эффективности своего бизнеса. Одним из таких инструментов является оптимизация бизнес-процессов в системе операционного менеджмента.

Перед тем как рассмотреть причины и последствия иррациональной оптимизации бизнес-процессов в британских компаниях, на наш взгляд, необходимо уточнить понятийный аппарат данного аспекта операционного менеджмента, поскольку точное понимание предмета и объекта исследования позволят нам, в дальнейшем объективно проанализировать причины возникающих проблем и предложить направления их решения. Более того, одной из причин иррациональной оптимизации бизнес-процессов в британских компаниях, является, именно, неправильная трактовка сущности бизнес-процессов, как объекта оптимизации и его ключевых элементов, как предмета оптимизации со стороны менеджеров британских компаний.

Неправильная трактовка сущности бизнес-процессов заключается прежде всего в том, что менеджеры не уделяют достаточного внимания разграничению понятий «деятельность компании» и «бизнес-процессы», в результате чего при

оптимизации бизнес-процессов используются формы, методы и инструменты оптимизации отдельных видов ее деятельности или деятельности в целом.

В настоящее время существует достаточное количество трактовок сущности бизнес-процессов как среди ученых, а также среди менеджеров различного уровня. Говоря о практической составляющей сущности бизнес-процессов, следует отметить, что данный термин определен в стандарте менеджмента ISO 9001, как «совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих видов деятельности, преобразующих входы и выходы»:

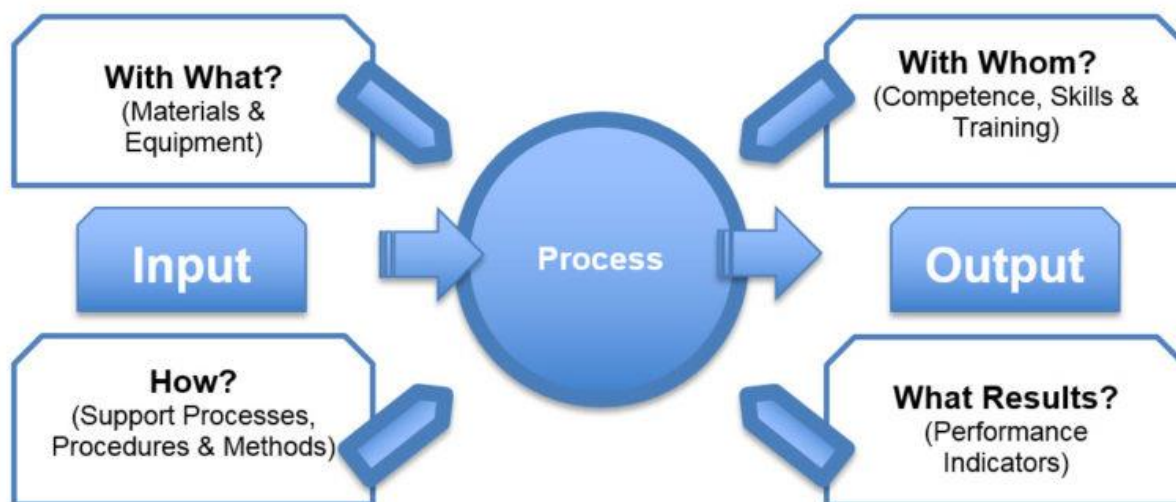

Рисунок 1 – Сущность бизнес-процессов, согласно ISO 9001 [1]

Анализируя терминологическую структуру сущности бизнес-процессов необходимо отметить, что она включает в себя 4 базовых элемента: ресурсный, инструментальный, процессный и результативный. Как мы уже отметили ранее, одной из ключевых причин иррациональной оптимизации бизнес-процессов является неправильное понимание их сущности как объекта и предмета оптимизации. Однако, перед тем как рассмотреть бизнес-процессы в британских компаниях с точки зрения объекта и предмета оптимизации рассмотрим сущность оптимизации в экономическом смысле применительно к бизнес-процессам. Оптимизация бизнес-процессов, на наш взгляд, представляет собой совокупность организационно-экономических мероприятий по поиску оптимального соотношения «входов» и «выходов» с целью обеспечения устойчивости реализации бизнес-процессов и (или) повышения их эффективности.

В этой связи, объектом оптимизации в бизнес-процессах является процесс трансформации «входов» в результаты операционной деятельности британских компаний. Предметом оптимизации бизнес-процессов, на наш взгляд, является увеличение экономического приращения в процессе трансформации ресурсных, инструментальных и процессных элементов в результаты операционной деятельности. Говоря об оптимизации бизнес-процессов следует отметить, что в зависимости от конечных результатов ее можно разделить на два основных вида:

1. Рациональная оптимизация;

2. Иррациональная оптимизация.

Экономическая сущность предпринимательской деятельности и операционного менеджмента как одного из основных ее инструментов подразумевают, что оптимизация бизнес-процессов должна быть «по умолчанию» рациональной, поскольку менеджеры и работники фирмы должны быть заинтересованы в повышении эффективности всех аспектов ее деятельности, что в конечном итоге, должно приводить к удовлетворению их мотивационных потребностей. Однако, на практике, это не всегда так, что является, по нашему мнению, именно следствием иррациональной оптимизации бизнес-процессов.

Мы считаем, что иррациональная оптимизация бизнес-процессов - это совокупность последовательности действий, состава и структуры трансформации «входов» в «выходы» операционного менеджмента, которая приводит к уменьшению экономического приращения и (или) к уменьшению устойчивости реализации бизнес-процессов. В этой связи, возникает необходимость анализа причин иррациональной оптимизации бизнес-процессов, что позволит в дальнейшем ответить на вопрос, является ли иррациональная оптимизация экономическим феноменом или результатом неэффективного менеджмента?

На наш взгляд, все причины иррациональной оптимизации бизнес-процессов можно условно разделить на 2 группы:

- Объективные причины:
- Субъективные причины.

К объективным причинам иррациональной оптимизации бизнес-процессов в британских компаниях следует отнести:

1. Оптимизация бизнес-процессов, не обладающих операционной жесткостью. Суть данной проблемы заключается в том, что субъекты операционного менеджмента пытаются оптимизировать бизнес-процессы, которые не прошли четкую регламентацию, не закреплены в полном объеме в инструктивных материалах для персонала, а также недостаточно четко структурированы по своей значимости в общей иерархии операционного менеджмента;

2. Применение неправильных методов при оптимизации бизнес-процессов. Одной из типовых ошибок менеджеров британских компаний является использование методов реинжиниринга бизнес-процессов вместо методов оптимизации, что приводит к нарушению логической последовательности оптимизационных мероприятий и, как следствие, к недостижению поставленных оптимизационных целей и результатов.

Ключевое отличие реинжиниринга бизнес-процессов от оптимизации заключается в том, что реинжиниринг представляет собой инструмент стратегического менеджмента и подразумевает совершенствование бизнес-процессов «сверху-вниз» как результат изменения или совершенствования стратегии компании. [3].

В отличие от реинжиниринга, оптимизация бизнес-процессов предусматривает их совершенствование «снизу-вверх», начиная от анализа элементарных операций и заканчивая оптимизацией цепочек бизнес-процессов как самостоятельных единиц операционного менеджмента, так и их взаимосвязей.

Рисунок 2 – Сущность реинжиниринга бизнес-процессов (3)

3. Неправильная диагностика бизнес-процессов, что приводит, в дальнейшем, к неверному ранжированию значимости выявленных проблем и негативных факторов, влияющих на устойчивость и эффективность бизнес-процессов, которые в процессе оптимизации формируют ее цели и задачи.

На наш взгляд, концептуально верно процесс диагностики бизнес-процессов представлен на рисунок 3. [2]

Иррациональная оптимизация бизнес-процессов на этапе их диагностики возникает в том случае, когда менеджеры британских компаний неверно структурируют бизнес-процессы по степени значимости и по их операционной роли в общей системе менеджмента.

4. Недостаточная квалификация и опыт сотрудников, участвующих в процессе диагностики и оптимизации бизнес-процессов, что не позволяет им достичь поставленных целей и результатов.

5. Игнорирование дуализма процесса оптимизации бизнес-процессов в принципе, то есть сотрудники, ответственные и (или) участвующие в процессе

Серета А.А.

оптимизации не учитывают (или не знают) того факта, что оптимизация (улучшение) одних бизнес-процессов могут приводить в деоптимизации (ухудшению) других бизнес-процессов.

Рисунок 3 – Процесс диагностики бизнес-процесса (бухгалтерский подход) [2]

К субъективным причинам иррациональной оптимизации бизнес-процессов в британских компаниях следует отнести:

1. Желание инициаторов и исполнителей процесса оптимизации бизнес-процессов использовать ее результаты не в интересах бизнеса и его сотрудников, а в своих личностно-карьерных или экономических целях;

2. Игнорирование того факта, что оптимизация бизнес-процессов неизбежно приводит к увеличению эксплуатации сотрудников компании, что без соответствующего увеличения их мотивации (как материальной, так и моральной) будет приводить к сопротивлению части сотрудников к внедрению результатов оптимизации в операционную деятельность компании.

Крупные британские компании уделяют значительное внимание мотивации своих сотрудников, пытаясь удовлетворить различные группы их потребностей, в частности приведем для примера одного из крупнейших британских ритейлеров -компанию Tesco (рисунок 4).

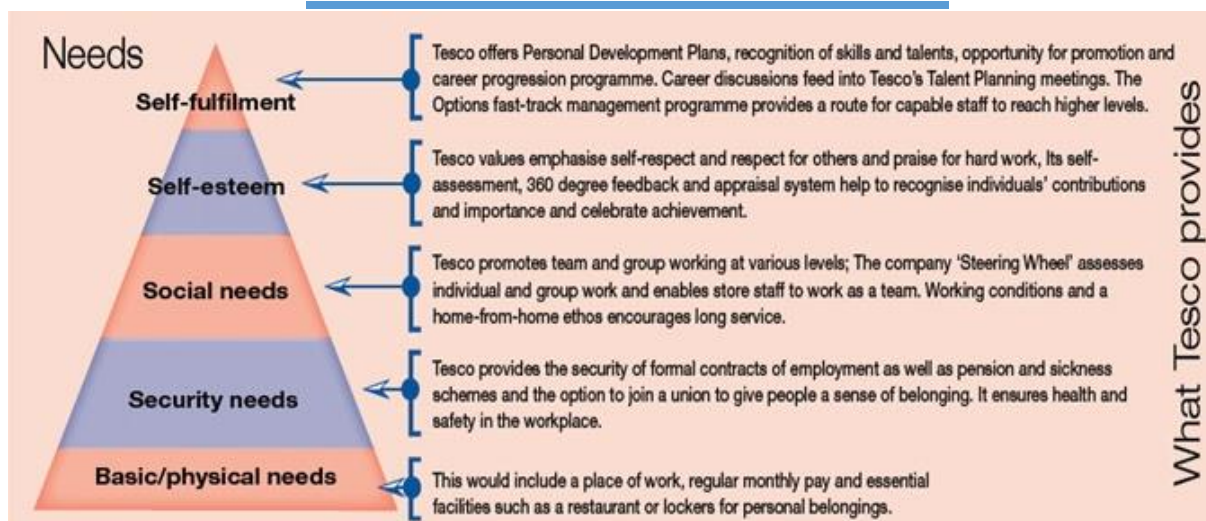

Рисунок 4 – Система мотивации персонала в одном из крупнейших ритейлеров Tesco [4]

Как видно из данного рисунка 4, система мотивации персонала компании Tesco охватывает все уровни потребностей работников, однако, полностью отсутствуют специально выделенные инструменты мотивации, которые побуждали бы сотрудников к инициированию или участию в оптимизации бизнес-процессов, что, в конечном итоге, приводит не только к отсутствию материальной и материальной заинтересованности в этой оптимизации, но и зачастую, приводит к явному или скрытому противодействию со стороны персонала.

3. Использование заведомо неприемлемых методов и инструментов оптимизации бизнес-процессов, которые противоречат действующему законодательству или морально-этическим нормам;

4. Использование противоречий между участниками бизнес-процессов как обоснование необходимости их оптимизации.

В целом, обобщая основные причины иррациональной оптимизации бизнес-процессов в британских компаниях считаем необходимым сделать вывод о том, что сама по себе иррациональная оптимизация не является экономическим феноменом по причине того, что не обладает такими неотъемлемыми чертами феномена как необычность, редкость и уникальность. Иррациональная оптимизация бизнес-процессов имеет место как в крупнейших британских компаниях, так и в небольших фирмах и даже в деятельности индивидуальных предпринимателей по всей территории Соединенного Королевства. Кроме того, иррациональная оптимизация имеет интернациональный и трансграничный характер, поскольку присуща в той или иной степени не только британским, но и также компаниям России и Узбекистана, а также транснациональным корпорациям. Мы считаем, что феноменом является не сама иррациональная оптимизация бизнес-процессов, а тот факт, что трансформация экономических систем, эволюция форм и методов стратегического и операционного менеджмента приводят к трансформации и устой-

Серёда А.А.

чивому сохранению иррациональной оптимизации бизнес-процессов как негативного инструмента операционного менеджмента. Главная причина такой «синхронной эволюции» иррациональной оптимизации, на наш взгляд, заключается в том, что ее сохранение и «выживание» под натиском современных и эффективных инструментов операционного менеджмента, прежде всего, обусловлено наличием противоречий экономических интересов между субъектами бизнес-процессов, подкрепленных их оппортунистическим поведением, что формально закрепляется в инструментах операционного менеджмента. Поэтому решение проблемы иррациональной оптимизации бизнес-процессов в британских компаниях лежит не только в практической области совершенствования инструментов современного менеджмента, но и также лежит в плоскости фундаментальных исследований природы экономических отношений, наличия противоречий экономических интересов между субъектами на всех уровнях бизнес-процессов.

Литература

1. <https://the9000store.com/iso-9001-2015-requirements/iso-9001-2015-context-of-the-organization/processes-procedures-work-instructions/>
2. Кононов В.Н., Карпова И.Н.Савельева Д.В. Оптимизация бизнес-процессов систем бухгалтерского учета. <https://moluch.ru/archive/129/35829/>
3. <https://ppt-online.org/121696> (page 30).
4. <http://shanaz-parvin.blogspot.com/2011/01/improving-staff-performance.html>

IRRATIONAL OPTIMIZATION OF BUSINESS PROCESSES IN BRITISH COMPANIES: AN ECONOMIC PHENOMENON OR THE RESULT OF INEFFICIENT MANAGEMENT?

A. A. Sereda

Royal Mail Group PLC, United Kingdom, London

Abstract: *the article explored the irrational optimization of business processes in the operational management of British companies. The reasons of irrational optimization, its consequences for ensuring the sustainability and effectiveness of business processes were fully investigated. As a result of this research, the author substantiated the economic nature of the irrational optimization of business processes as a result of contradictions in the economic interests of subjects and objects of business processes formally fixed in operational management tools.*

Key words: *operational management, business processes, optimization of business processes, irrational optimization of business processes, economic interests, staff motivation, operational management efficiency.*

УДК 330.34.01

КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА ВОСПРОИЗВОДСТВА ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Чапля В.В.

*кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической экономики,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

***Аннотация:** Одной из важнейшей задач, стоящей перед учеными экономистами, является формирование целостной системы взглядов на природу теневых (скрытых, нелегальных) экономических отношений, которые на сегодняшний момент пронизывают почти все сферы общественно-политической и экономической жизни. Вопрос об объективной обусловленности теневого сектора остается во многом открытым, поскольку еще полностью не сформирована концепция самой теневой экономики, не выяснены до конца идеологические установки цивилизованного общества в отношении данного направления экономической мысли. Обоснован авторский подход к воспроизводственной динамике теневой экономики; установлена основная причина как расширенного, так и, что более важно, суженного воспроизводства теневой экономики: трансформация системы контроля в виде отличных от сложившейся системы контроля инструментов, форм и принципов контроля – как хозяйственной альтернативы исторически конкретной формы легальной экономики.*

***Ключевые слова:** воспроизводство теневой экономики, экономические отношения контроля, инструменты контроля, формы контроля, принципы контроля.*

Историческая свойственность теневой экономики человеческим отношениям позволяет предположить, что теневые экономические отношения представляют собой специфическую форму хозяйственного уклада, характеризующуюся неэффективностью, разбалансированностью отношений контроля. По-видимому, теневая экономика – это уклад за рамками доминирующего способа производства, а поэтому необходимо различать теневую экономику, имманентную существующей формации, и ту, которая параллельно существует и представляет собой либо предшествующую, либо последующую. Та формация, которая характеризуется доминирующими отношениями контроля, отражается в легальной экономике. За рамками данной эффективности ее обеспечивают системой отношений контроля прошлых и будущих формаций. Таким образом, у теневой формы экономических отношений есть все «шансы выиграть гонку» за эффективность и стать в будущем легальной. Все предыдущие экономические отношения, в свой исторический отрезок времени, таковыми и являлись. Таким образом, можно предложить еще один подход к структуре теневой экономики: теневая экономика в своем конкретном историческом развитии представлена теневыми отношениями, тождественными по содержанию

легальной экономике. Этот факт объясняется не совпадением производительных сил и производственных отношений: теневая экономика либо представляет опережающую форму, либо устаревшую.

Именно поэтому, на наш взгляд, неразвитость машинного производства возродила элементы рабовладельческого строя в новом свете в эпоху раннего капитализма, то есть отсутствие необходимого элемента формирующегося способа производства было заменено устаревшей формой экономических отношений. Таким образом, сегодня отсутствие эффективного собственника (технологий и т.д.) компенсируется коррупцией, бюрократией и атавизмами предыдущих хозяйственных укладов.

В силу отсутствия тех или иных элементов постиндустриального способа производства формируется своеобразная национальная модель экономических отношений. Так как в условиях глобализации транспортируемые элементы нового способа производства самотеком легко проникают в страну из более развитых экономик, а ряду элементов хозяйственного уклада необходимо время для их формирования, на почве этой пустоты и образуются очаги других систем.

Развитие рыночных отношений и выход на доминантное положение экономического обмена привели к невидимому водоразделу между теневой и легальной экономиками. Так, если в дорыночных экономических системах теневая деятельность, как правило, была прочно связана субъектно-объектными связями, то в рыночной экономике данная связь теряется. Например, субъект легальной экономики вполне может быть связан в процессе производства, распределения, обмена и потребления с объектом теневой деятельности, и наоборот, субъект теневых экономических отношений порой прочно связан с объектами легальной экономики. Латентный, изменчивый характер теневых экономических отношений мотивирует исследователей на решение второй методологической задачи: поиск путей и форм количественного учета и оценки размеров теневой экономики. Здесь, на наш взгляд, необходим учет на всех стадиях воспроизводства.

Латентный, изменчивый характер теневых экономических отношений обуславливает также проблему низкой адресности в борьбе против теневой экономики, хотя исторические примеры показывают, что если нельзя полностью победить это явление, то сократить до минимума возможно. Однако достигается это колоссальными усилиями. Таким образом, на наш взгляд, при исследовании возможных путей и стратегий деактивизации теневой экономики необходимо решить третью методологическую задачу – определить источники угроз и выработать эффективные инструменты противодействия теневой экономике. Здесь, по нашему мнению, необходимо действовать на основе приоритетов экономических методов.

Рост источника контроля при увеличении власти его субъектов приводит к росту издержек велегальности. Это, в свою очередь, может сокращать норму прибыли в теневой экономике. Следствием этого является постепенное

сокращение ряда видов теневой деятельности, что изменяет ее воспроизводственную структуру. В первую очередь переходят в легальную экономику или полностью исчезают низкодоходные виды теневой деятельности. Их сокращение менее болезненно, степень контроля в этом случае высока, а нелегальности – незначительна. Высокодоходный сектор, сокращая объемы, сопротивляется контролю дольше и полностью может не исчезнуть. Надо отметить, что изменение воспроизводственной структуры, игнорируется большинством подходов оценки объемов теневой экономики, что существенно снижает качество моделей воспроизводственной динамики и анализа данной сферы.

По причине того, что информация о результатах контрольной деятельности поступает с задержкой, большей частью искажена и неполноценна, рост источника контроля продолжается до максимума. В этой ситуации сила регламентации переходит на легальный сектор, что приводит к очередному росту теневой экономики на качественно и количественно более высоком уровне. Появляются новые виды, формы и сферы теневой деятельности, где контроль менее эффективен.

Таким образом, анализ механизма контроля теневой экономики позволяет заключить, что в долгосрочном периоде ее цикличность вызывается изменениями, происходящими в источнике контроля. Его рационализация способствует более эффективному использованию ресурсов и вынуждает теневой бизнес принимать относительно легальные формы.

Отношения контроля имеют диалектическую природу. Так, если предположить, что в них участвуют два субъекта, то из логики суждений выходит, что один является объектом контроля. Иными словами, в отношениях контроля одна сторона – это субъект (кто контролирует), а другая – объект (кого контролируют). Однако, при более глубоком рассмотрении природы отношений контроля следует признать, что процесс, действие или т.п. контроля исходит и от объекта контроля. Следовательно, объект в этих отношениях активен или же представлен субъектно-объектным статусом участника отношений контроля. В нем в постоянной борьбе противоположностей формируются перманентно сменяющие друг друга формы контрольной деятельности. Как мы уже отмечали, участник отношений контроля представлен носителем экономического интереса, и в нем одновременно наличествуют два потенциала: как контролера, так и контролируемого. Общественные отношения есть иерархически упорядоченные, исторически сложившиеся отношения контроля.

«Жизнь после смерти» – контроль после продажи собственности. Сущность данного тезиса можно продемонстрировать ярким образом на примере сказки Ершова. «Городничий так расхваливает замечательных коней, что царь тут же едет на рынок и покупает их у братьев. Царские конюхи уводят коней, но дорогой кони сбивают их с ног и возвращаются к Ивану. Видя это, царь предлагает Ивану службу во дворце – назначает его начальником царских конюшен. Иван

соглашается и отправляется во дворец»⁸⁹. Кони были куплены, однако, собственник не получил полной власти над приобретенным имуществом: кони были проданы, при этом главный герой не освободился от бремени полностью. Сохранение контроля при отчуждении накладывает определенные обязательства. Потребление за деньги есть осознанная потеря контроля над деньгами.

Контроль появился с появлением календаря и весов, так как необходимо было решать практическую задачу: на основе пропорций регламента разделить стоимость между тем, кто контролирует, и тем, кто, например, использует, так как стоимость контролируется в целом, а результат может отличаться; так как регламент способен изменять объем стоимости доступный субъекту в большую или меньшую сторону. Прирост стоимости или ее износ, или процесс переноса на вновь созданную стоимость происходит не только в отношениях производства, но и в отношениях контроля.

Разделение пользователя и контролера привело к возникновению отношений контроля или несовпадения регламента пользователя и регламента контролера. И именно на этой основе, на взгляд автора, формируются отношения собственности, как закрепление регламента правящего класса.

Хозяйственная практика развивается на базе соотношения рационального и иррационального поведения субъектов данного процесса.

Контроль рационального субъекта и иррационального, осознающего и не осознающего свои интересы и цели – определяет, как надо контролировать.

Продажа и покупка регламента принятия решений есть новая форма контроля. Покупатель получает право контроля, а продавец принимает обязательство в обмен на оплату. Необходимо признать отличия данной формы контроля от франшизы, акционирования и других традиционных форм контроля. Основное ее преимущество: сокращение транзакционных издержек, отсутствие необходимости нести бремя собственника и четко ограниченные рамки внешнего контроля.

Контроль – это не управление субъектом, а такие отношения, которые позволяют получать принадлежащие другим людям: свободу выбора или, наоборот, священное право собственника. Что, в свою очередь, порождает вопросы: роль альтернативы в отношениях контроля и конфликт альтернатив.

Принцип концентрации (усиления) контроля по мере циклического развития форм теневой экономики идет от менее концентрированных к более сложным формам контроля.

Отношения обмена всегда подразумевает потерю контроля и приобретение контроля. Отказ от контроля над одной стоимостной сущностью в пользу контроля над иной стоимостной сущностью. Поликонтрольные отношения – отношения по поводу субъективного восприятия ценности стоимостных сущностей в конкретно историческом взаимодействии субъектов, как носителей экономического интереса и имманентных пропорций свободы и несвободы.

Потому отношения контроля пронизаны социальными противоречиями.

Теневая экономика – это не только противозаконная, социально-деструктивная, а всегда такая экономическая деятельность, которая порождена сложившейся системой отношений контроля.

Альтернатива легальному контролю – теневой контроль. Избирательность контроля как сложный поведенческий алгоритм.

Контроль, призванный достичь повышения общественной пользы при наличии частного интереса. Здесь разделение контроля на частный и общественный по аналогии с собственностью.

Здесь как раз и уместно вспомнить о продаже регламента, как механизма отношений контроля. Нанимая пролетариат, капиталист покупает не собственность в виде имущества, как, например, было в эпоху рабства, а как раз регламент рабочего класса, в соответствии с распорядком дня, установленным капиталистом. Переплетение интересов, а также столкновение стоимости и ложной стоимости – приводит к потере контроля капиталиста.

Теперь капиталисту необходимо повышать цену рабочей силы выше стоимости до уровня ложной стоимости.

Получив цену выше стоимости своего воспроизводства, пролетариат становится более свободным, и сам начинает контролировать свой регламент или время.

Эффект замещения в новой интерпретации приобретает вид экономического регулятора, по мере увеличения разрыва между стоимостью и ложной стоимостью (следует указать на объективную сложность оценки производительности разного труда в результате применения машин) пролетариата, увеличивает контроль, а предприниматель, чтобы компенсировать, должен поднять оплату. Пролетариат, стремясь стать более свободным, продолжает сокращать рабочее время, становясь более зависимым.

В процессе воспроизводства материальные блага совершают движение по определенной экономической цепочке. Сначала они создаются, потом распределяются, обмениваются и потребляются. Затем все повторяется снова. Теневые экономические отношения также подчинены внутренней логике воспроизводства.

Рассмотрение специфики проявления теневых экономических отношений на всех стадиях общественного воспроизводства необходимо начинать с анализа эволюции этих отношений.

Исторический анализ показывает, что все докапиталистические формации характеризовали в основном теневую экономику в форме теневых отношений производства, распределения и потребления.

Первоначально источник контроля формировался в отношениях потребления. Зарождающиеся отношения собственности накладывали ограничения на потребление материальных благ со стороны соплеменников. Количественный рост объектов собственности не позволял эффективно контролировать доступ к ней, что позволяло потреблять благо, не являясь его

собственником. Примитивные инструменты защиты собственности уже не могли ее защитить. На наш взгляд, одним из факторов появления права собственности (на основе табу) и образования социально сложных обществ (классы) являлся процесс поиска эффективных инструментов контроля.

Собственник материальных благ желал не только ограничить неконтролируемое потребление принадлежащих ему благ, но и контролировать процесс производства. Формирование отношений собственности на землю привело к образованию теневых отношений производства, где объектом выступала плодородная земля, луга и охотничьи угодья.

Образование первых государств и концентрация огромного массива объектов собственности в руках правителя потребовало делегирования части прав собственности от собственника к владельцу. Появление экономических субъектов, не являвшихся собственниками, но контролирующими процесс распределения (бюрократия, чиновники), привело к формированию теневых отношений распределения.

Хотя размах этих отношений и был порою очень значителен, до появления товарно-денежных отношений теневая экономика представляла собой достаточно примитивный экономический механизм.

Развитие рыночных отношений привело к появлению теневых отношений обмена, что коренным образом изменило все теневые отношения. Обмен как стадия общественного воспроизводства, позволил проводить искусственный «водораздел» между легальными и теневыми субъектами и объектами. Данный тезис позволяет автору сделать важный теоретический вывод: теневые экономические отношения неоднородны и непоследовательны в воспроизводственном процессе. Возникнув как результат теневых отношений производства объект может через стадию обмена предстать в отношениях потребления вполне легальными формами. Или субъект, получив доход в процессе обмена результатов теневых отношений производства на деньги (или иную обезличенную форму материальных благ), может выступать субъектом легальных экономических отношений.

Предположим, что контроль равен единице или 100% тогда вся стоимость которая была создана, контролируется. Например хозяйство Робинзона. С одной оговоркой контроль происходит на основе индивидуального регламента. Весь объём затрат труда Робинзоном признается как необходимый.

У Робинзона могут быть несоциальные потери контроля стоимости. Стоимость есть, а экономических отношений нет!

Так у Робинзона стоимость созданная может быть и контролируемая, так и не контролируемая.

Например, стоимость составила 8 часов труда, т.е. Он 8 часов создавал стоимость, таким образом величина доступной к контролю стоимостью будет стоимость, контролируемая им до процесса производства минус потреблённая стоимость в процессе производства плюс созданная стоимость.

Пока нет второго субъекта уменьшение контролируемой стоимости связано с выбытием в процессах производства и потребления и распределения для потребления, а увеличения связано с производством и распределением для нужд производства и потребления.

Индивидуальный регламент есть также результат труда.

В первобытном обществе при формировании отношений контроля можно как потерять часть или всю созданную стоимость, так и увеличить объём контролируемой стоимости больше, чем созданной.

При появлении обмена размер контролируемой стоимости корректируется на величину убытия созданной стоимости и величину прибытия не созданной индивидуумом стоимости. Что за счёт разнице в ценности и полезности стоимости созданной разными индивидуумами создаёт ощущение выгоды, хотя совокупный объём стоимости не изменился.

Разделение труда не изменяет объём стоимости, но изменяет материальное содержание результатов труда, контролируемых субъектом.

Наличие разности между стоимостью и ценностью делает возможным обмен. Если предположить, что результаты труда одинаковые по форме, но разные по своему временному содержанию то будет распределение.

Появление примитивных орудий (инструментов) контроля связано с заменой стоимости ценностью. Для обмена стоимость надо создавать вновь и вновь, а ценность можно эксплуатировать ровно столько сколько она будет общей и в той части пока она будет общей для субъектов.

Так предположим, что у нас 2 субъекта отношений контроля А и Б.

А создал 100% стоимости за 8 часов и Б создал стоимости за 8 часов.

Материально стоимость представлена, например, продуктом х, тогда после производства объём контролируемой стоимости при равной производительности труда будет у субъектов А и Б одинаков.

Но уже после стадии распределения равенство может быть нарушено так как один субъект может начать сберегать.

Что в свою очередь приведёт к изменению контролируемой стоимости на этапе потребления.

Формы контроля выйдя из хаоса столкновения индивидуальных регламентов (в виде доступных субъектам, инструментам контроля) становятся более стабильными приобретая социально доминирующих ценностных общественных норм.

Это приводит к изменению эффективности инструментов контроля от некоего базового уровня.

Так сила, как некий примат доступных инструментов контроля уступает место Объяснению неравенства в виде ценностной установки.

Теперь помимо общественных отношений производства есть общественные отношения контроля, которые формируют несовпадения между созданной субъектом стоимостью фактически контролируемой.

Если доступные инструменты субъекта А будут более эффективны, то он в процессе производства создаст условия для того, чтобы контролировать больший объём стоимости, чем он создал.

Эффективность инструментов контроля может отличаться у субъектов по стадиям воспроизводственного процесса.

Так более высокая эффективность на стадии производства может быть нивелирована на последующих стадиях.

Например, если у двух субъектов объём стоимости равен единице, то в условиях более эффективных инструментов субъекта А он после производства будет контролировать больше 100% созданной лично стоимости. Однако если на последующих стадиях общественного производства субъект Б продемонстрирует большую эффективность своих инструментов, то эта пропорция может измениться до равенства или даже наоборот.

С увеличением субъектности вовлечённых в отношения контроля доля контролируемой стоимости будет на первый взгляд уменьшаться, за счёт дробления всей единицы на число субъектов. Однако она увеличивается, так как у субъектов появляется интерес контролировать созданную другими стоимость - появляются классы, объединяющие субъектов по интересам.

Классы желая закрепить свой статус контролёров вводят формы контроля как ценность, распространяющуюся на все общество инструментами Правящего класса. Закрепляющие свою власть в виде сформулированных принципов.

Всю единицу стоимости правящий класс не может контролировать, так как при производстве существует технологический, а не социальный регламент, требующий применения индивидуальных инструментов контроля необходимых субъекту, производящему стоимость для выполнения трудовых функций в процессе производства и часть созданной стоимости необходимой для воспроизводства его рабочей силы.

Что разлагает правящий класс и создаёт предпосылки для его смены или расширения за счёт новых групп.

Так охотники-воины могут отобрать силой добычу, но субъекты чей материальным содержанием выступают общественные нормы могут потеснить воинов через навязывание общественных форм, основанных на альтернативных принципах. Так воины, жрецы, вожди и т.д.

Такие формы, когда в погоне за всей единицей стоимости проигравшие субъекты уничтожаются в истории присутствуют, но при этом они обнаруживают существенный недостаток, необходимости воспроизводства.

При появлении экономического антагониста объём общественно признаваемых затрат труда начинает отклоняться на величину несовпадения индивидуального регламента и общественного. Если для небольшого общества можно физически посчитать это отклонения, то для больших и со сложными структурно можно с определенной долей условности разбить все общество на группы, или классы.

Классы достаточно однородны, как по принципам, формам и инструментам, безусловно внутри классов также присутствуют внутриклассовые отношения контроля, но повторюсь здесь задача не посчитать, а увидеть пропорции и динамику.

Итак, в процессе разделения труда и столкновения индивидуальных регламентов стоимость создаётся распределяется и потребляется. Может показаться что в первобытном обществе при первобытном коммунизме царил идилия, но уже на основе естественного разделения труда происходит не совпадения объём стоимости созданной непосредственно индивидуумом и им контролируемой. Не совпадает не только объём, но и структура так как даже на этой стадии происходит обмен результатами труда.

С общественным усложнением и усилением разделения труда люди начинают замечать, что индивидуальный результат труда и его общественная оценка не совпадают. Охотник, который рассказывает страшную историю неравной битвы с свирепым поросёнком не только получает восторженные взгляды девушек, он повышает контроль над созданной стоимостью, так-как фактически затраты труда могли отличаться (поросёнок мог светиться в начале охоты, а мог и в конце, за ним надо было бегать или он сам попал в яму или запутался) поэтому с совершенствованием навыков охоты все больше времени оставалось для придумывания общественно необходимых аргументов, тем ярче они становились. А иногда поросёнок не ловился тогда охотник понимал, что хоть он и затратил усилия, общественно признаваемые затраты отсутствуют, тогда вместо поросёнка в рассказе появляется, например, дракон, затраты индивидуальные отсутствуют, а общественное признание огромное. Тут необходимо пояснить что отсутствие физических затрат на придумывание истории охотника на самом деле не происходит, охотник мог на придумывание истории потратить все время охоты или даже больше в виде частей времени предыдущих охот. Но именно по тому, что общество признавало стоимостью реального поросёнка в её общественном сознании не было запроса на легенды мифы и т.д.

При формировании классового общества в обществе формируется запрос на мифы и затраты такого труда обществом начинают признаваться как общественно необходимые. Это первый этап социальной динамики теневой экономики, так, когда охотник рассказывал про дракона он выступал как субъект теневой экономики в процессе институализации он хотел закрепить эту ситуацию тогда надо было внедрять в общественное сознание ценность историй охотника и избранность или монопольное право на истину что бы убрать конкурентов и скептиков

Стоимость не только как объективные затраты труда, но и как оценка общественного одобрения или порицания распределения совокупного продукта между классами.

Стоимость не получившая своего конкретного хозяйственного воплощения находится в «квантовой» суперпозиции она есть воплощённый труд как продукт индивидуального регламента производителя и как потенциальная стоимость товара, определяемая через отношения контроля.

И до своего общественного воплощения она существует подобно «коту Шрёдера» и как продукт индивидуального регламента и как товарная форма экономических отношений.

Закон сохранения стоимости. Причины теневой экономики разность между стоимостью и ценой на всех стадиях производства. Без этой разницы теневая экономика не появится и не функционирует. Движение стоимости между стадиями воспроизводственного процесса при разбалансировке порождает теневую экономику. Так превышение или принижение цены по отношению к стоимости и порождает теневую экономику.

Наличие тех или иных негативных экстерналий их масштаб и структура, например, теневой экономики имеет для общества конкретную стоимостную величину или во сколько теневая экономика обходится обществу, или сколько обществу стоит рудименты классов прошлых экономических формаций, пробивающиеся зачатки новых классов из формирующихся формаций и во сколько обществу обходится конкурентная борьба правящего класса в форме коррупции.

Можно проследить эволюционное развитие технологических укладов – огонь, уголь, нефть, электричество, атомная, термоядерная энергия. Отсутствие домашнего термоядерного реактора не позволило перейти к коммунизму, при этом ускоренный переход к 5 технологическому укладу потребовал колоссальных затрат энергии, что привело к структурному перекосу в экономике в сторону 4 того технологического уклада (экономика, основанная на углеводородах) с тупиковой ветвью в рамках 5 и 6 укладах (зеленой экономикой) КПД ветрагенераторов, солнечных и термальных источников не совпадает с ключевыми элементами укладов робототехники и глобальных производств. В Китае масштаб производств компенсируется их количеством.

Глобальный тренд теневой экономики в формировании тупиковых ветвей антагонистичных к 5+6 укладу. За счёт глобально подконтрольных национальных институтов, выступающих как инструмент контроля, формируется общественно-признаваемый объём затрат труда в антагонистичных формах. Оправдание этих форм будущие поколения, происходит консервация технологических укладов на национальных уровнях. На разнице между технологическими зонами и формируется глобальная теневая экономическая система. Так как применение на национальных уровнях инструментов и форм вполне легально, а в рамках 7-го уклада это не находит общественного признания. Например, борьба с коррупцией в по отношению к принципам эмпатии, неформальности (нольстатусной) коммуникаций на национальном уровне. Вопрос не в бедных и богатых, вопрос в

уровнях развития и в соответствующем содержании исторических формах теневой экономики.

Литература

1. Сидоров В.А. «Fake-экономика»: феномен рыночного хозяйства или инновации мистификаций / Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Бизнес, инновации, информационные технологии, моделирование // [электронный ресурс] : сб. науч. тр. материалы VII междунар. науч.-практ. конф. по экономике (Сочи, 27–31 марта 2019 г.) / под ред. д-ра экон. наук, профессора Сидорова В.А. и д-ра экон. наук., профессора Ядгарова Я.С. – Майкоп, издательство ЭЛИТ–2019. С. 55–69.
2. Феномен рыночного хозяйства: теоретические и эмпирические исследования проблем коммуникации: монография / под ред. д-ра экон. наук, профессора Сидорова В.А., д-ра экон. наук, профессора Ядгарова Я.С., канд. экон. наук, доцента Чапли В.В. – Лондон, Ядгаров Я.С., Сидоров В.А., Ильинова В.В. издательство LSP – 2018.
3. Развитие рыночной экономики в России // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 4. С. 88–109.
4. Сидоров В.А., Соболев Э.В. Нагучев М.М. Санкционный ноумен: агония кризиса сквозь призму потерь. Часть 1. Санкции как инструмент геополитической и экономической борьбы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. №3(47). С. 120–129.
5. Сидоров В.А., Ядгаров Я.С. Инновационная парадигма феномена рыночного хозяйства // Экономика: теория и практика. № 2(54). 2019. С. 119–122.
6. Сидоров В.А. Основное экономическое противоречие капитализма в контексте становления инновационной экономики / Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Бизнес, инновации, информационные технологии, моделирование // [электронный ресурс] : сб. науч. тр. материалы VII междунар. науч.-практ. конф. по экономике (Сочи, 27–31 марта 2019 г.) / под ред. д-ра экон. наук, профессора Сидорова В.А. и д-ра экон. наук., профессора Ядгарова Я.С. – Майкоп, издательство ЭЛИТ– 2019. С. 77–86.

THE CLASS STRUCTURE OF REPRODUCTION OF THE SHADOW ECONOMY

Chaplja V. V.

Ph.D., Associate Professor of the Department, Kuban State University,

Annotation: *One of the most important tasks facing economists is the formation of an integral system of views on the nature of shadow (hidden, illegal) economic relations, which at present penetrate almost all spheres of socio-political and economic life. The question*

Чапля В.В.

of the objective conditionality of the shadow sector remains largely open, since the concept of the shadow economy itself has not yet been fully formed, the ideological attitudes of civilized society have not been fully clarified with respect to the direction of economic thought. The author's approach to the reproductive dynamics of the shadow economy is grounded; the main reason for both expanded and, more importantly, narrowed reproduction of the shadow economy: the transformation of the control system in the form of tools other than the established control system, forms and principles of control as an economic alternative to a historically concrete form of a legal economy.

Key words: *Reproduction of the shadow economy, economic relations of control, control tools, forms of control, principles of control.*

УДК 33.018

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цхададзе Н.В.

*доктор экономических наук, профессор Департамента
экономической теории, ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»*

***Аннотация:** в статье рассмотрены истоки формирования неформальной экономической деятельности и выделены основные теоретические подходы к ее концептуализации. Изначально неформальную экономическую деятельность исследовали применительно к развивающимся странам. На более высокий качественный уровень изучение неформального сектора перешло благодаря исследованиям, осуществленным под руководством Мирового банка и Международной организации труда. Эти организации и сформировали предмет исследования неформального сектора. Постепенно термин «неформальный сектор» получил научное признание и стал общепринятым. За годы исследований сложилось несколько концептуальных подходов к анализу неформальной экономики и занятости, основные из которых рассмотрены автором. В статье представлена классификация неформальных видов деятельности и дан их анализ.*

***Ключевые слова:** неформальная экономика, неформальная занятость, формальные доходы, неформальные доходы, виды неформальной деятельности, эволюция концепций.*

Оценка неформальной экономической деятельности в научной сфере носит неоднозначный характер. Чтобы лучше понять сложившуюся ситуацию, представляется разумным разобраться в истоках формирования данного явления и выделить основные теоретические подходы к его концептуализации.

Изначально неформальную экономическую деятельность исследовали применительно к развивающимся странам. Сделано это было в контексте изучения неформального сектора, который представлял из себя организованные группы людей, создавших собственную систему занятости, подчиненную системе выживания. Сюда входили разнообразные виды занятости, опирающиеся на неформальные, персонифицированные отношения с потребителями, наемными работниками и кредиторами. Естественно, занятые в такой деятельности работники выпадали из официально организованного рынка труда.

Следует отметить, что первоначально для обозначения неформального сектора использовались несколько иные термины. Так, Дж. Бойк в начале 50-х годов отметил феномен «дуальной экономики» (Boeke J.N. Economics and economic policy of dual societies. New York, 1953). Немного позднее К. Гиртц предложил

разделение на «базарную» и «ориентированную на фирменное устройство» экономику («bazaar-economy» и «firm-centred economy») (Geertz C. *Peddlers and princes: Social change and economic modernization in two Indonesian towns*. Chicago: University of Chicago Press, 1963). Первая характеризовалась как трудоемкая, низкопроизводительная, маломасштабная и низкодоходная, в то время как вторая наоборот – более эффективная, капиталоемкая, с более высокой производительностью труда. [1, 15]. Таким образом, проблема «неформальности» постепенно созревала в научном сообществе, приобретая все более и более четкие контуры.

На более высокий качественный уровень изучение неформального сектора перешло благодаря исследованиям, осуществленным под руководством Мирового банка и Международной организации труда. Наибольшую известность получила работа английского социолога Кейта Харта (сам Харт считал своим предшественником в изучении неформальной экономической деятельности английского публициста середины XIX в. Г. Мейхью, исследователя «культуры бедности» в Лондоне), который считается пионером в исследовании «неформальности». Во время полевых исследований конца 60-х гг. XX века в городских трущобах Аккры, столицы Ганы, одной из отсталых стран Африки, ученый заметил, что местное население в большей части не имеет никакого отношения к официальной экономике. «Городская экономика отсталых стран представляла собой громадное скопление мелких и мельчайших мастерских, лавок и иных «микрофирм», снабжающих жителей городов простыми повседневными товарами (едой, одеждой, транспортными услугами и т. д.), не проходя никакой официальной регистрации, игнорируя налоговые и иные требования правительства к бизнесу». [4, с. 30].

Исследователь трактовал экономическую систему развивающихся стран в рамках дуальной концепции, противопоставляя формальный сектор неформальному. Для каждого сектора выделялись прямо противоположные характеристики. По мнению Харта, ключевым критерием при разграничении формального и неформального является степень рационализации труда, его постоянства и регулярности, а также наличие или отсутствие фиксированного заработка. Отталкиваясь от этих критериев, Харт выделил три основные группы доходов горожан:

1) формальные доходы – зарплата в государственном и частном секторах, трансфертные платежи;

2) законные неформальные доходы – от занятости в первичном (сельское хозяйство), вторичном (ремесленники, сапожники, производители пива и т.д. работающие самостоятельно или по контракту), третичном (строительство, торговля, транспорт) секторах, от предоставления услуг (медицинские и ритуальные услуги, музыканты, парикмахеры и т.д.), от частных трансфертов (подарки, займы, попрошайничество);

3) незаконные неформальные доходы – от услуг (труд нелегальных ростовщиков, наркобизнес, контрабанда и т.д.) и трансфертов (воровство, гемблинг и т.д.). [14, с. 69].

Также ученый отмечал ненадежность и сомнительную ценность исследований, которые изучают лишь «современный сектор» – предприятия, использующие новое технологичное оборудование и управляемые профессиональными менеджерами. По его мнению, оставляя прочие виды экономической деятельности горожан за рамками внимания, такие исследования не охватывали до половины городской рабочей силы. Харт категорически возражал против пренебрежительного отношения к неорганизованным работникам и подчеркивал их важную роль в предоставлении товаров и услуг простым горожанам. Он объединил таких работников понятием «неформальный сектор».

Новация Харта была встречена с большим интересом и очень скоро многие ученые стали уделять пристальное внимание проблемам неформальной занятости. Ряд аналогичных исследований был проведен в других странах «третьего мира». Уже в 1972 г. МОТ опубликовала исследование занятости в Кении, где концепция неформальной экономической деятельности использовалась уже как основная научная парадигма. В данном исследовании различия между формальным и неформальными секторами объяснялись следующим образом.

Для неформальной деятельности характерны:

- а) легкость вступления [в производство];
- б) опора на собственные ресурсы;
- в) семейная собственность на предприятия;
- г) малые масштабы деятельности;
- д) трудоинтенсивные и гибкие технологии;
- е) навыки, приобретаемые вне официальной школьной системы;
- ж) нерегулируемость и конкурентность рынков.

Деятельность неформального сектора обычно правительством игнорируется, редко поддерживается, часто регулируется и иногда активно подавляется.

Характеристики деятельности в формальном секторе противоположны, а именно:

- а) вступление [в нее] затруднено;
- б) постоянная опора на внешние ресурсы;
- в) корпоративная собственность;
- г) крупные масштабы функционирования;
- д) капиталоемкие, часто импортные технологии;
- е) формально полученные навыки; и
- ж) рынки находятся под протекционистской защитой (при помощи тарифов, квот, торговых лицензий). [15, с. 6].

Стоит отметить, что в основе внимания к неформальной экономической деятельности лежал ряд исторически объективных процессов. Так, значительный индустриальный потенциал ведущих западных держав, накопленный после окончания второй мировой войны, требовал территориального расширения. Для этого идеально подходили страны, обладающие достаточным количеством дешевой рабочей силы, то есть Индия, Китай, государства Латинской Америки. Однако в

ходе осуществления экономической экспансии оказалось, что местные хозяйственные уклады отторгают устоявшиеся западные хозяйственные практики. Между тем, иностранные инвесторы желали унифицировать экономические процессы под привычные им схемы хозяйствования.

Таким образом, потребность использования дешевых трудовых ресурсов данных стран в сочетании с необходимостью недопущения социального волнения привело к возникновению концепции «третьего мира». Эту концепцию активно стали использовать международные организации (в частности, Мировой банк, Международная организация труда). Эти организации и сформировали предмет исследований, отвечающий интересам развитых стран. Так выработалась проблематика неформальной экономики и занятости.

Постепенно термин «неформальный сектор» получил научное признание и стал общепринятым в англоязычной литературе. К исследователям стран Африки быстро присоединились специалисты по развивающимся странам Латинской Америки и Азии. Кроме «географического» расширения постепенно происходило и расширение дисциплинарное – помимо экономистов к изучению данного феномена активно подключились социологи, антропологи, политологи.

Английский специалист по проблемам «третьего мира» Рей Бромлей указывал, что предложена Хартом терминология и связанная с ней концепция оказались в подходящем месте и в подходящее время. Концепция неформального сектора быстро завоевала международную популярность, прежде всего потому, что она предлагала такие рекомендации, которые в 70-е годы оказались весьма удобны и для международных организаций, и для не склонных к крайностям правительств. Поддержка неформального сектора предполагает возможность помогать бедным, не угрожая богатым, то есть перераспределять часть доходов и богатства в пользу «бедных», но в такой степени, чтобы оставлять у «элиты» чувство спокойной жизни в атмосфере стабильности и благополучия.

Кроме того, Бромлей жестко критиковал дуальную концепцию экономики, выделяя ряд присущих ей принципиальных недостатков [11]. Ученый склонялся к наличию некоего континуума, позволяющего охарактеризовать хозяйственную деятельность, сочетающую черты обоих его полюсов.

Расширение круга исследователей привело к некоторым расхождениям в понимании объекта исследования, что также связано и со страновыми особенностями явления. Так, исследователи стран Африки выдвигали на первый план такие признаки неформальной экономики, как малые размеры субъектов хозяйствования и их слабую техническую оснащенность. Ученые, исследующие страны Латинской Америки, обращали основное внимание на ее нелегальность.

В данном аспекте представляет интерес совместная работа Дональда Мида и Кристиана Морриссона [17], раскрывающая трудности, возникающие при определении ключевых признаков неформального сектора. Американский и французский экономисты провели в 1990 г. исследования мелких предпринимателей в странах «третьего мира». В выборку вошли 2200 предприятий из семи стран: две

страны Латинской Америки (Эквадор, Ямайка), четыре страны Африки (Алжир, Тунис, Нигерия, Свазиленд), одна страна Азии (Тайланд). Мид и Морриссон последовательно анализировали три основных критерия неформальности:

1) законность

-регистрация предприятия

-уплата налогов

-регулирование условий труда (выплата минимальной зарплаты, пенсионных и страховых платежей, обеспечение техники безопасности и т.д.)

-законодательные меры ограничения деятельности субъектов неформального сектора

2) размеры предприятия (обычно к неформальному сектору относят предприятия с числом занятых не более 5-10 работников)

3) уровень капиталоемкости производства.

На практике эти характеристики тесно взаимосвязаны, поэтому не имеет принципиального значения, какая из них является определяющей.

В результате проведенного исследования Мид и Морриссон приходят к следующим выводам:

-не существует четкой взаимосвязи между критерием «малый размер» предприятия и степень его регистрации;

-регистрация предприятия не является ни обязательным, ни достаточным условием уплаты налогов;

-не существует явной взаимосвязи между регистрацией и регулирование трудовых отношений;

-не существует также однозначной согласованности между уровнем капиталоемкости и размерами предприятия.

Исследователи в итоге заключают, что данные критерии не всегда встречаются сразу, что и затрудняет выработку универсального определения неформального сектора.

Вскоре стало очевидно, что неформальная экономическая деятельность распространена не только в слаборазвитых государствах. В 1977 году практически одновременно в США были опубликованы две концептуальные статьи о формах и масштабах теневой экономической деятельности в советской экономике: американского советолога Грегори Гроссмана [12] и бывшего советского экономиста, эмигрировавшего в Америку, Арона Каценелинбойгена [16]. Они положили начало исследованиям самостоятельной хозяйственной деятельности в СССР и странах Восточной Европы.

В 80-е гг. XX века советологи пришли к мнению, что, несмотря на централизованное планирование и тотальный учет, неформальная хозяйственная деятельность имела место быть. Более того за всеобщей зарегулированностью фактически скрывается экономическая система смешанного типа, где неформальное,

неконтролируемое производство играет подчас не меньшую роль, чем официальное производство. Однако ликвидация командной экономики привела к свертыванию исследований в этой социально-экономической системе.

Принято считать, что изучение неформальной экономики в развитых странах Запада началось во второй половине 70-х годов XX столетия. Так, «пионером» в 1977 году стал П. Гутманн. Американский экономист опубликовал статью, в которой утверждал, что неучитываемая деятельность в развитых капиталистических странах разрослась настолько, что пренебрегать ею просто недопустимо [13]. Внушительный резонанс получила статья другого американского экономиста Э. Файга, опубликованная в 1979 году [20]. В ней ученый произвел расчет, в соответствии с которым нерегулярная экономика США охватывает около трети ВВП, то есть сопоставимо по уровню со странами «третьего мира».

За годы исследований сложилось несколько концептуальных подходов к анализу неформальной экономики и занятости. Рассмотрим основные из них:

Структуралистский подход Международной организации труда (МОТ). Представлен в публикациях самой этой организации, а также в трудах таких латиноамериканских ученых, как Токман, Меззера, Маркес и Картайя. Фундаментальную причину роста неформального сектора сторонники данного подхода видят в сочетании избытка предложения труда с низким спросом на него. Избыточное предложение труда они объясняют переходом от трудоемких технологий к технологиям капиталоемким; особенностью местных трудовых ресурсов, выраженных в недостаточном образовании и низких трудовых навыках; наличием внутренней миграции (из деревни в город), способствующей быстрому росту городской рабочей силы, сильно опережающем рост предоставляемых рабочих мест в формальном секторе экономики. В соответствии со структуралистским подходом Международной организации труда неформальный сектор характеризуется малыми размерами предпринимательских единиц (преимущественно самозанятость либо семейные фирмы), примитивностью технологий, легкостью доступа на рынок. Приверженцы этого подхода признают гетерогенность неформальной занятости, то есть ее внутреннюю неоднородность. При этом выделяются три типа участников неформальной деятельности:

1) бедняки, имеющие низкий человеческий капитал или довольствующиеся маргинальной работой ввиду своих объективных характеристик

2) «конъюнктурно безработные», теряющие легальные доходы из-за структурных сдвигов в официальной экономике

3) неформальные предприниматели, собственники микропредприятий.

Считают, что для экономического роста и ликвидации нищеты необходима макроэкономическая политика, направленная в первую очередь на поддержку формального, а не неформального сектора. Однако поддерживают и другие меры, ведущие к увеличению занятости, производительности труда и доходов.

Марксистский подход (другие названия – Структуралистский подход «левых», подход с позиций концепции «черного рынка», подход с позиций концепции «подпольной экономики», мир-системный подход, подход Алехандро Порреса).

Наиболее известными представителями являются Поррес и Кастельс. Корни этого подхода уходят в идеи неомарксизма, поэтому основное внимание уделяется анализу производственных отношений (в частности механизму подчинения труда), потоков товарооборота (взаимосвязи между неформальной деятельностью и крупными легальными фирмами), классовых противоречий и реорганизации производства под влиянием меняющихся экономических, институциональных, социальных и правовых условий. Так, Кастельс и Поррес в результате ряда исследований предложили функциональную классификацию неформальных видов деятельности (которые априори осуществляются вне рамок государственного регулирования) в зависимости от их целей (таблица 1).

Таблица 1 – Классификация неформальных видов деятельности в зависимости от целей [5, с.37–38]

Субъект	Цель	Вид неформальной деятельности	Тип экономики
Индивид или домохозяйство	Выживание	Натуральное хозяйство или реализация товаров, работ или услуг на рынке	Экономика выживания
Фирмы, относящиеся к формальному сектору (то есть сравнительно крупные фирмы)	Увеличение управленческой гибкости, снижение затрат на соблюдение трудового законодательства	Теневой найм или спользование субконтрактных отношений с неформальными предпринимателями	Экономика зависимой эксплуатации
Малые фирмы	Накопление капитала, мобилизация сетевых связей, увеличение гибкости, сокращение издержек	Теневой найм или использование субконтрактных отношений с неформальными предпринимателями	Экономика роста

Все эти типы экономики не являются взаимоисключающими и различаются не только мотивацией участников, но и усложняющимся уровнем социальной организации, необходимой для каждого перечисленного типа экономик.

Из этой классификации следует важный вывод о том, что не только формальная, но и неформальная деятельность может способствовать выполнению функции накопления капитала, так как фирмы, действующие в рамках формального сектора, способны уходить в подполье и делают это вполне сознательно.

Представители данного подхода также делали акцент на том, что неформальная экономика имеет место и в развивающихся, и в развитых странах. Она

является неотъемлемой частью экономической жизни общества, представляя собой своеобразный ответ на вызовы глобализации хозяйственной жизни и развития научно-технического прогресса [18]. По их мнению, неформальная экономика развитых стран скрыта гораздо сильнее, чем в развивающихся. Неформальный сектор в развитых странах мира получил бурный рост, начиная с 70-х годов XX столетия. Середина 70-х гг. стала периодом водораздела, потому что глобальный спад убедил руководителей и служащих корпораций в развитых странах, что «обычный предприниматель» более не жизнеспособен. Преобладание крупных предприятий, соответствовавших классическим неолиберальным теориям, сменилось сильнейшей конкуренцией со стороны предприятий «третьего мира», использующих трудоинтенсивные и относительно простые технологии. Деформализация стала одной из стратегий новой, альтернативной промышленной организации.

Главное, в чем расходятся структуралистский подход МОТ и марксистский подход, – это в определении неформального сектора. В соответствии марксистским подходом основными критериями неформальности считаются:

- 1) статус труда – отсутствие контрактных соглашений, оплата ниже предписанной законом минимальной заработной платы;
- 2) условия труда – вредные, отсутствие средств защиты;
- 3) форма управления фирмой – уклонение от налогов, отсутствие регистрации сделок;
- 4) природа труда – его нелегальность. [19, с. 504].

Основные сходства и различия данных подходов представлены в таблице.

Легалистский подход Института свободы и демократии (десотианство).

Данный подход предложен перуанцем Эрнандо де Сото. В 1989 году перуанский экономист Эрнандо де Сото опубликовал книгу «Иной путь. Невидимая революция в третьем мире», которая произвела переворот в представлениях исследователей о причинах возникновения, роли и значении теневой экономики в современном рыночном хозяйстве, поставила под сомнение исключительно негативную характеристику неформального сектора.

Краеугольным камнем концепции де Сото является тезис, что основной причиной разрастания городского неформального сектора является излишняя бюрократическая заорганизованность легального сектора экономики, которая препятствует свободному развитию конкурентных отношений. Ученый подвергает критике понимание неформальной экономики как неспособности части населения найти свое место в формальной экономике. По мнению сторонников данного подхода, занятые в неформальной сфере не являются обузой для общества, а наоборот составляют основу развития национальной экономики, так как они – предприниматели, пробивающие себе дорогу в трудных условиях бюрократической зарегулированности.

Таблица 2 – Основные сходства и различия структуралистского подхода МОТ и марксистского подхода [5, с.302-305]

Структуралистский подход МОТ	Марксистский подход	
Фундаментальной причиной роста неформального сектора является сочетание избытка предложения труда с низким спросом на него		
Признание гетерогенности неформальной экономики		
Признают наличие взаимосвязи между неформальностью и обнищанием работников		
Формальная деятельность	← Функция накопления капитала →	И формальная, и неформальная деятельность
Особым сегментом рынка труда	← Неформальный сектор является →	Особым сегментом экономики в целом
Размер хозяйствующего субъекта Возможность доступа на рынок Уровень технологий	← Определение неформального сектора →	• Статус труда • Условия труда • Форма управления фирмой • Природа труда

Руководимый де Сото Институт свободы и демократии в Лиме провел ряд экспериментов по выяснению затрат, которые приходится нести желающим заняться обычным легальным предпринимательством. Для регистрации фабрики по пошиву одежды приходится затратить 289 дней и сумму, равную 32-м минимальным месячным зарплатам (расходы на взятки, пошлины, потерянные доходы). Получение лицензии на торговлю в уличном киоске требует 43-х дней хождения по бюрократическому лабиринту и денежных расходов в 15 минимальных зарплат. Подготовка земельного участка для строительства жилья потребует порядка 7-ми лет и 56-ти минимальных зарплат. [8, с. 179]

Де Сото отмечает: «Наше исследование показывает, что готовность перуанцев действовать вне рамок закона в значительной степени есть результат рациональной оценки издержек законопослушания». [8, с. 178]. Следовательно, основной причиной теневой экономической активности следует считать нерациональный правовой режим, при котором «процветание компании в меньшей степени зависит от того, насколько хорошо она работает, и в большей – от издержек, налагаемых на нее законом. Предприниматель, который лучше манипулирует этими издержками или связями с чиновниками, оказывается более успешным, чем тот, кто озабочен лишь производством» [8, с. 48]. Результатом излишней бюрократизации и заорганизованности становится такая ситуация, когда на нелегальную деятельность в Перу приходится 48% экономически активного населения и 61,2% рабочего времени, 38,9% официального ВВП. [8, с. 49]. При этом товары и услуги, произведенные неформально, практически ничем не отличаются от продукции легального производства.

В своей работе де Сото приходит к выводу, что теневая экономика перенимает эффективные формы организации у легальной экономики. Внутренний механизм неформальной экономики регулируется специфическим «неформальным правом». Исследователь показывает, что во всех видах нелегальной деятельности существуют устойчивые организации, которые координируют контакты предпринимателей друг с другом и с законными государственными институтами. Высокие транзакционные издержки предпринимательства делают сугубо индивидуалистическую деятельность заведомо неэффективной, что и заставляет предпринимателей спланиваться в нелегальные организации.

Де Сото также разработал оригинальную классификацию транзакционных издержек, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Данная классификация построена на признаке легальности/нелегальности предпринимательской деятельности. Если хозяйствующий субъект ведет свою деятельность легально, то он уплачивает, так называемую, «цену подчинения закону». Она состоит из нескольких частей. Во-первых, это «издержки доступа к закону», которые связаны с возможностью осуществлять предпринимательскую деятельность на легальной основе. Помимо этого, предприниматель несет «издержки продолжения деятельности в рамках закона» - обязанность уплачивать налоги и другие сборы, подчиняться бюрократической регламентации производственных стандартов, нести потери из-за несовершенства судопроизводства при разрешении конфликтов. Основным источником давления на предпринимателей оказываются даже не налоги, а бюрократические процедуры. Так на их исполнение тратится, в частности, примерно 40% рабочего времени управляющего персонала. Кроме того, законопослушание обходится малому бизнесу Перу в 348% посленалоговой прибыли. При этом налоги составляют лишь пятую часть затрат по подчинению закону. [8, с. 187]

В случае если предприниматель решает осуществлять свою деятельность в обход действующего законодательства, он, безусловно, освобождается от бремени «цены подчинения закону», однако вынужден уплатить «цену внезаконности». «Цена внезаконности» включает в себя:

- издержки, связанные с уклонением от легальных санкций
- издержки, связанные с трансфертом доходов
- издержки, связанные с уклонением от налогов и начислений на заработную плату
- издержки, связанные с отсутствием легально зафиксированных прав собственности
- издержки, связанные с невозможностью использования контрактной системы
- издержки, связанные с исключительно двухсторонним характером внезаконной сделки
- издержки доступа к внезаконным процедурам разрешения конфликтов

Большая заслуга де Сото в том, что благодаря его работе неформальная трудовая деятельность рассматривается не просто как асоциальное явление, но как реакция общества на излишнюю бюрократическую заорганизованность экономики.

По мнению сторонников данного подхода, разделение экономики связано не со структурными причинами, а именно с правовой и бюрократической деятельностью самого государства, использующего свою мощь в интересах властных структур. Таким образом, развитие неформальности представляется как ответ бедных слоев населения на сознательную защиту государством status quo, когда создание привилегий одним связано с попираемением прав других. Фактически предлагается новая сегментация экономики вида не «формальная - неформальная», а «привилегированный предприниматель – непривилегированный предприниматель».

Легалистский подход основан на правовом детерменизме, относящемся к направлению неоинституционализма, которое основное внимание в развитии общества уделяет совершенствованию правовых институтов. К этому направлению также принадлежат такие известные экономисты, как Р. Коуз, Д. Норт, Р. Познер, Х. Демсец.

Основные различия между структуралистскими подходами (Международной организации труда и марксистским) и подходом Де Сото приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Основные различия между структуралистскими подходами (МОТ и марксистским) и легалистским подходом [5, с.302–305]

Структуралистские подходы	Легалистский подход
государственное вмешательство в экономику <i>необходимо</i>	государственное вмешательство в экономику <i>категорически нежелательно</i>
фундаментальная причина роста неформального сектора в <i>сочетании избытка предложения труда с низким спросом на него</i>	фундаментальная причина роста неформального сектора в <i>правовой и бюрократической деятельности самого государства</i>
участники неформальной деятельности - <i>пассивный объект помощи</i>	участники неформальной деятельности - <i>основа развития национальной экономики</i>

Мюрдализм. Культурологический подход, основоположником которого является шведский экономист Г. Мюрдаль, один из первых экономистов отмечавший неправомерность использования западных стереотипов для анализа восточных обществ. Главный акцент делается не на формальные нормы права, а на традиции, ценности, рутины, определяющие поведение крупных социальных общностей (классов, этносов, конфессий) и формирующих определенную экономическую культуру. Таким образом, основную причину развития неформальных отно-

шений приверженцы данного подхода в сложившихся культурных нормах, рассматривающих конкурентную частнопредпринимательскую деятельность как маргинальную, морально осуждаемую. Для сдерживания теневой экономики необходимо развивать такие формы предпринимательства, которые одобряются традиционной хозяйственной культурой, и пропагандировать ценности, которые стимулируют предпринимательство.

Таким образом, десотианство и мюрдализм можно рассматривать как оптимистический и пессимистический подходы к проблеме неформальной экономики. Очевидно, что десотианство отражает типичные особенности западной ментальности, где уже сформировалось «правовое общество». Поэтому идея смены плохо функционирующих институтов другими, более подходящими, воспринимается вполне адекватно и представляется задачей в основном инструментальной. В связи с этим процесс преодоления неформальности представляется процессом относительно кратковременным. С точки зрения мюрдализма для преодоления проблемы неформальности нужно менять традиции, устои и привычки людей, сформированные не одним поколением. Поэтому простое введение новых формальных норм поведения фактически никак не поменяет ситуацию, так как граждане просто не будут на них ориентироваться. Следовательно, необходимо постепенно отказываться от прежних привычек путем небольших изменений. В связи с этим решение проблемы неформальности представляется процессом долговременным и требующим большого усердия.

Проблема неформальной экономики оказывается частным случаем более общей проблемы «Path Dependence» – зависимости от предшествующего развития. И правовые нормы, и культурные ценности являются теми механизмами, которые не позволяют обществу, сделав выбор в точке бифуркации, через какое-то время вернуться точно в обратную позицию. Тем не менее, существует возможность осуществлять некоторые постепенные изменения в рамках выбранного пути развития.

Подводя итог можно отметить, что с развитием и расширением исследований неформальной экономики (как географически, так и предметно) концепция формально-неформального дуализма уступает место рассмотрению проблемы неформальной экономики как характера экономических отношений в разной степени и разных формах присутствующих во всех формах хозяйствования. Складывается понятие неформальной экономики как равноправной модели хозяйствования наряду с формальной, но имеющей отличные механизмы согласования интересов участников и рычаги воздействия на их поведение. Такое рассмотрение неформальной экономики стало возможным ввиду перехода к постиндустриальному обществу, когда количество мелких фирм значительно увеличилось. Теперь по совокупному объему предоставляемых товаров, работ, услуг и получаемым доходам их можно сравнивать с крупными промышленными предприятиями. Неформальная экономика интерпретируется не как отдельный сегмент, а как уход хозяйствующих субъектов от различных форм государственного регулирования

и статистического учета. Таким образом, происходит значительное расширение объекта изучения неформальной экономики за счет включения в эти отношения субъектов, как имеющих, так и не имеющих официальный статус.

Дополнительный интерес к проблеме неформальной занятости в развитых странах появляется в связи с быстрым распространением различных новых форм занятости, не вписывающихся в сложившееся представление о формальной, стандартной занятости. Очевидно, что научно-технический прогресс, развитие науки и технологий – процесс, который носит в значительной степени объективный характер. «Он может быть скорректирован различными обстоятельствами в рамках конкретных национальных экономик, но неизменен по сути и в целом предопределен». [5, с. 52].

Таким образом, можно утверждать, что объект исследования развивался и усложнялся. Исследования неформальных отношений прошли путь от выделения неформального компонента экономики, как феномена особого рода, присущего лишь отдельным слоям экономических субъектов, секторам экономики, носящего в основном маргинальный характер, к признанию универсальности неформальных отношений, их неразрывной связи с формальной экономикой. Неформальная экономическая деятельность, первоначально олицетворяющая отсталость стран «третьего мира», стала восприниматься как определенная модель хозяйствования, имеющая свою специфику в разных странах.

Литература

1. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика. - М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2015, - 356 с.
2. Великие имена классической экономики. - М.: Эксмо, 2016. -918 с.
3. Курс экономики / ред. Б.А.Райзберг. - М.: Инфра-М, 2018. -720 с.
4. Манусов В.М. Неформальная экономика в системе мирового хозяйства /В.М.Манусов.- М.: Новый хронограф, 2014.- 472 с.
5. Неформальная экономика /Jesse Russell. – М.: VSD, 2015. – 459 .
6. Неформальная экономика / под ред.Т.Шанина. – М.: Логос, 2014. – 576 с.
7. Нуреев Р.М. Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем). – М.: Кнорус, 2019.
8. Сото Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 1995. - 267 с.
9. Цхададзе Н.В. Социально-экономические последствия развития неформальной занятости в России //Вестник Тверского государственного университета, Серия «Экономика и управление», № 4 , 2015. - С.102–112.
10. Цхададзе Н.В. Неформальная экономическая деятельность в России: отрицательные и положительные последствия// Инновации и инвестиции», №7, 2015. - С.50– 55.
11. British Social Attitudes / R. Jowell, S. Witherpoon (eds.). Gower: Aldershot, 1985. Bromley R. Introduction — the Urban Informal Sector: Why Is It Worth Discussing? //World Development. 1978. N 6, p. 1034–1035.

Цхададзе Н.В.

12. Grossman G. The «Second Economy» of the USSR // Problems of Communism. 1977. Sept. – Oct.
13. Gutmann P. The Subterranean Economy // Financial Analysis Journal. – 1977. – Vol.33.
14. Hart K. Informal-Income Opportunities and Urban Employment in Ghana // The Journal: of Modern African Studies. - 1973; - Vol. 11, - №1. – P. 60–74.
15. ILO. Employment, incomes and equality: a strategy for increasing productive employment in Kenya. – Geneva: ILO, 1972, 189 p.
16. Katsenelinboigen A. Coloured Markets in the Soviet Union // Soviet Studies. – 1997. – Vol. 29. - №1.-P. 57–68.
17. Mead D., Morrisson C. The informal sector elephant // World development. 1996. Vol.24. No. 10.-P. 25–36.
18. Partes A., Sassen-Koob S. Making It Underground: Comparative Material on the Informal Sector in Western Market Economies // American Journal of Sociology. 1987. Vol.93. No.1.
19. Rakowski C.A. Convergence and Divergence in the Informal Sector Debate: A Focus on Latin America, 1984-1992 // World Development. 1994. Vol. 22. № 4. P. 501–516.
20. Feige E. L. How big is the irregular economy? // Challenge. 1979. – Vol. 6. – № 22. -P. 47–58.

EVOLUTION OF CONCEPTS OF INFORMAL ECONOMIC ACTIVITY

Tskhadadze N.V.

*doctor of Economics, Professor Of the Department of economic theory of the Financial University
under the Government of the Russian Federation*

Abstract: *The article discusses the origins of the formation of informal economic activity and identifies the main theoretical approaches to its conceptualization. Initially, informal economic activity was studied in relation to developing countries. The study of the informal sector has moved to a higher qualitative level thanks to studies carried out under the leadership of the World Bank and the International Labor Organization. These organizations formed the subject of informal sector research. Gradually, the term “informal sector” gained scientific recognition and became generally accepted. Over the years of research, several conceptual approaches to the analysis of the informal economy and employment have developed, the main of which are considered in the article. The article presents a classification of informal activities and their analysis.*

Key words: informal economy, informal employment, formal income, informal income, types of informal activity, evolution of concepts.

УДК 339.5

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

Абанина И.Н

Кандидат экономических наук, доцент, декан Факультета международных экономических отношений, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Аннотация: в статье рассмотрены современные аспекты международной торговли объектами интеллектуальной собственности, затронуты проблемы обеспечения защиты прав на интеллектуальную собственность. Дается обобщение принципам и подходам международного регулирования в области защиты прав интеллектуальной собственности в международной торговле.

Ключевые слова: объекты интеллектуальной собственности, защита прав интеллектуальной собственности, международная торговля, патенты, лицензии.

В современной мировой экономике научно-технический прогресс выступает одним из важнейших факторов развития международных промышленно-производственных, инвестиционных и торговых отношений. Более 80% мировой торговли приходится на товары, содержащие интеллектуальную собственность. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) количество заявок на регистрацию объектов интеллектуальной собственности постоянно растет. В 2018 году в мире было зарегистрировано 3,3 млн. патентов на изобретения, 14,3 млн. товарных знаков, 1,3 млн. промышленных образцов (таблица 1).

ВОИС выделяет следующие отрасли, лидирующие по количеству зарегистрированных патентов:

- Китай - компьютерная техника; электрические машины, аппараты, энергия;
- США - компьютерная техника, медицинская техника, цифровая связь);
- Япония - электрические машины, аппараты, энергия; оптика; компьютерная техника;
- Республика Корея - электрические машины, аппараты, энергия; компьютерная техника, полупроводники;
- Германия – транспорт; электрические машины, аппараты, энергия; механические элементы.

Отраслями-лидерами по числу заявок на товарные знаки являются – исследования и технологии (Франция, Германия, Япония, США); досуг и образование (Франция, Германия, Япония, США); сельское хозяйство (Китай); коммерческие

услуги (Франция, Германия, Япония, Китай); готовая одежда (Китай); здравоохранение (США).

Таблица 1– Количество зарегистрированных патентов, товарных знаков и промышленных образцов в 2018 г. [1]

Виды интеллектуальной собственности (ИС)	Количество зарегистрированных объектов ИС	Страны – лидеры по количеству зарегистрированных объектов ИС
Патенты	3 326 300	Китай (46,4%)
		США (18,0%)
		Япония (9,4%)
		Республика Корея (6,3%)
		ЕС (5,2%)
		Другие страны (14,7%)
Товарные знаки	14 321 800	Китай (51,4%)
		США (4,5%)
		Япония (3,6%)
		ЕС (2,7%)
		Иран (2,7%)
		Другие страны 35,1%
Промышленные образцы	1 312 600	Китай (54,0%)
		ЕС (8,2%)
		Республика Корея (5,2%)
		США (3,6%)
		Германия (3,4%)
		Другие страны (25,6%)

Отраслями, лидирующими по числу заявок на промышленные образцы, являются: производство текстиля и аксессуаров (Германия, Италия, Республика Корея, Турция, Великобритания); производство электрических и осветительных приборов (Германия, Италия); производство мебели и бытовых изделий (Турция), строительство (Республика Корея); реклама (Турция, Великобритания).

Стремительно увеличивается число зарегистрированных объектов интеллектуальной собственности в азиатском регионе, лидирующие позиции в котором занимает Китай.

Интеллектуальная собственность участвует в международной торговле как самостоятельный объект сделки купли-продажи, так и опосредованно, являясь частью товара или технологией, на основе которой изготовлен товар. Международные операции по обмену объектами интеллектуальной собственности связаны, прежде всего, с торговлей патентами и лицензиями. Продажа патента предполагает полную передачу права собственности на изобретение другому лицу, которая осуществляется на основе патентного соглашения. Патент в этом случае является товаром. Целесообразность продажи технологии может быть обусловлена рядом причин, например, невозможностью ее использования внутри страны; экономической нецелесообразностью ее использования внутри страны; экономической или политической невозможностью экспорта продукции, изготавливаемой по этой

технологии на территории какой-либо страны или ряда стран из-за их ограничительной практики и различного рода барьеров.

Если патентовладелец сохраняет право собственности на изобретение и разрешает на определенное время за вознаграждение использовать права, вытекающие из патента, то речь идет о купле – продаже лицензии на использование изобретения. Таким образом, лицензия представляет собой разрешение, выдаваемое патентовладельцем (лицензиаром) другому лицу (лицензиату) на промышленное и коммерческое использование изобретения, пользующегося патентной защитой, в течение определенного срока за определенное вознаграждение.

Международная торговля лицензиями, в свою очередь, имеет ряд особенностей [2]. Объекты операций появляются без прямой ориентации на рынок. Реализация изобретений на коммерческой основе не является единственной целью проводимых научных целей. Заинтересованность лицензиара в предоставлении лицензии нередко вызывается не чисто коммерческими соображениями, а стремлением к завоеванию прочных позиций на иностранном рынке на основе установления долговременных связей с партнером. Торговля лицензиями дает возможность получения прибыли без инвестиции дополнительного капитала в налаживание производства и освоения рынка. Для лицензиата участие в международных сделках по приобретению лицензий дает ряд преимуществ: экономия на НИОКР при доступе к передовым технологиям; возможность специализации своих научных разработок; осуществление процесса диверсификации; выигрыш времени, сокращение сроков морального старения товаров.

Таким образом, в условиях возрастающей конкуренции, бурного развития технологий и увеличения доли стоимости нематериальных активов в стоимости готовой продукции наиболее остро стоит вопрос защиты интеллектуальных прав в международной торговле.

В этой связи нельзя не отметить проблему торговли поддельной и контрафактной продукцией. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в своем ежегодном докладе «Trade in Counterfeit and Pirated Goods. Mapping the Economic Impact» отмечает, что на долю контрафактной продукции приходится более 3,3% объема мировой торговли (2018 г.). Наиболее часто поддельяемыми являются бренды из развитых стран [3]. Отмечается также рост производства и торговли поддельными потребительскими товарами (обувь, косметика, игрушки), товарами для бизнеса (запасные части или химикаты), IT-товарами (телефоны или батареи) и предметами роскоши (модная одежда или роскошные часы). Многие поддельные товары, в частности фармацевтические препараты, продукты питания и напитки, а также медицинское оборудование представляют серьезные негативные риски для здоровья и безопасности.

Безусловно международная торговля товарами, содержащими объекты интеллектуальной собственности, регулируется, как нормами международного права, так и нормами национальных законодательств.

Международное-правовое регулирование в сфере создания, использования и защиты объектов интеллектуальной собственности базируется на принципах независимости; территориальной защиты; поддержки производителя; проверки.

Исходя из классификации объектов интеллектуальной собственности сформировалось два направления правового регулирования: патентное право (право промышленной собственности) и авторское право.

В соответствии с этими направлениями определяется порядок применения национального законодательства в отношении пользователей прав из других стран, а также условия международной торговли объектами интеллектуальной собственности.

Основу международного регулирования прав в области патентного права и промышленной собственности составляют международные соглашения и конвенции [4]:

- Парижская конвенция по охране промышленной собственности, 1883г. В конвенции впервые было введено понятие «промышленная собственность». Основным принципом данной конвенции является единство национального режима, т.е. защита объектов промышленной собственности, охраняемых в рамках Парижского Союза, предоставляется на всей территории стран его участниц. Но, несмотря на это, в конвенции не предусмотрено наличие единого международного патента или товарного знака.

- Мадридское соглашение, 1891г. о международной регистрации знаков (торговых и сервисных). На основе данного соглашения возможна регистрация товарного знака и в Международном бюро с последующей его защитой во всех странах — участницах союза. При этом необходимым условием ее регистрации является предварительная регистрация торгового знака в стране происхождения.

- Гаагское соглашение о международной регистрации промышленных образцов, 1925г. Основная цель данного соглашения — предоставление возможности получения международного депозита промышленного образца в Международном бюро ВОИС, непосредственно, либо через национальные ведомства стран — участниц.

- Ниццкое соглашение (Союз) о международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков, 1957г. Основное содержание — регистрация торговых знаков в соответствии с принятыми символами и классами, используемыми в официальной документации.

- Лиссабонское соглашение (Союз) о защите указания места происхождения изделий и их международной регистрации, 1958г. Данное соглашение позволяет через органы заинтересованных стран — участниц регистрировать наименование мест происхождения в Международном бюро ВОИС в Женеве. Одновременно с этим бюро информирует о регистрации другие страны-участницы, которые, в свою очередь, должны обеспечивать защиту зарегистрированных наименований в течение установленных в стране происхождения сроков.

- Вашингтонский договор о патентной кооперации (Patent Cooperation Treaty — PCT), 1970 г. Этим договором в практику патентования введена международная патентная заявка, использование которой позволяет снизить сроки и затраты при патентовании одного объекта промышленной собственности параллельно в нескольких странах.

- Страсбургское соглашение (Союз) о международной патентной классификации, 1971 г. Основная цель - создание единых классификаторов объектов промышленной собственности.

- Конвенция по охране новых сортов растений (Union for the Protection of New Varieties of Plants — UPOV), 1961 г. Основная цель которой заключается в обеспечении прав селекционеров на новые разновидности растений.

- Евразийская патентная конвенция, 1994 г. На ее основе создана Евразийская патентная организация с Административным советом и Евразийским патентным ведомством, расположенными в Москве. Основная задача ведомства заключается в выдаче в соответствии с материально-правовыми нормами, содержащимися в конвенции, евразийского патента на изобретение, который действует на территории всех стран — участниц.

Основными международными соглашениями, регулирующими права в отношении объектов авторского права и смежных прав, являются:

- Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, 1886г. В рамках союза, созданного на основе Бернской конвенции, существует общее правовое поле защиты авторских прав на литературные и художественные произведения. При этом среди стран — участниц конвенции применяется территориальный принцип в сочетании с национальным правовым режимом;

- Всемирная (Женевская) конвенция об авторском праве, 1952 г. По своему содержанию Женевская конвенция напоминает Бернскую, только в меньших объемах, тем самым, позволяя участвовать в ней ряду стран, которые не готовы к существенным переменам в своем национальном законодательстве;

- Римская конвенция об охране интересов исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961г.;

- Брюссельская конвенция о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники, принятая 21 мая 1974г.

Кроме того, в области регулирования международной торговли объектами интеллектуальной собственности большое значение играет Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) Всемирной торговой организации (ВТО), в котором содержатся принципы торговли объектами интеллектуальной собственности и ее защиты. В число основных принципов соглашения входит установление национального режима, то есть защита прав отечественных и иностранных авторов должна быть одинакова; национальные законодательства должны включать процедуры исполнения правовых норм и давать возможность проводить эффективные мероприятия против нарушителей прав интел-

лектуальной собственности; владельцы объектов интеллектуальной собственности должны иметь возможность обращаться в суды за защитой, а решения последних должны базироваться на доказательствах.

ВТО допускает, что охрана интеллектуальной собственности осуществляется в соответствии с национальными законодательствами, нормы которых не должны противоречить ТРИПС, при этом правовые нормы должны соответствовать техническому прогрессу и не оказывать дополнительных препятствий международной торговле. Согласно правилам ВТО меры защиты прав интеллектуальной собственности, должны включать:

- санкции против нарушителей прав и выплаты в пользу владельца интеллектуальной собственности компенсаций за причиненный ущерб;
- действия таможенных органов по выявлению, изъятию и уничтожению товаров, импортируемых или произведенных с нарушениями прав интеллектуальной собственности;
- полномочия судебных органов запрашивать у нарушителя прав интеллектуальной собственности информации о третьих лицах, участвовавших в производстве или распределении таких товаров.

В России отношения, связанные с защитой прав интеллектуальной собственности, регулируются Гражданским кодексом РФ (часть IV). Основными законодательными актами, регулирующими вопросы интеллектуальной собственности при перемещении товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза, являются Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, Федеральный закон «О таможенном регулировании в РФ», Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности в РФ».

В соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза одной из задач таможенных органов является обеспечение защиты прав интеллектуальной собственности на таможенной территории Евразийского экономического союза, а также контроль за правильностью определения таможенной стоимости товара и взимания таможенных платежей. На пространстве ЕАЭС создан единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств-членов, в который включаются объекты интеллектуальной собственности, охраняемые в каждом государстве-члене. Объекты авторского права и смежных прав, товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товаров включаются в реестр по заявлению правообладателей.

В международной практике сложилось две модели охраны объектов патентного права за рубежом.

Первая модель предполагает использование прямой процедуры по Парижской конвенции. При этом, заявитель напрямую подает патентные заявки одновременно во все страны, в которых он желает получить охрану своего изобретения. Или подает заявку в стране-участнице Парижской конвенции, что даёт ему

преимущественное право испрашивать в странах-участницах дату подачи первой заявки.

Вторая модель основана на Договоре патентной кооперации (РСТ), который обеспечивает единую процедуру подачи патентных заявок для защиты изобретений в каждом из государств-участников договора, что позволяет значительно снизить временные и денежные затраты на регистрацию патентной заявки. В настоящее время участниками Договора патентной кооперации являются 153 государства. По данным ВОИС в первую пятерку компаний, подавших наибольшее количество патентных заявок через систему РСТ в 2017 году, входят Huawei Technologies (4024 заявки), ZTE (2965 заявок), INTEL (2637 заявок), Mitsubishi Electric (2521 заявка), Qualcomm (2163 заявки). Среди стран – лидеров по этому показателю можно отметить США, Китай, Германию, Республику Корею.

Таким образом, международные коммерческие операции с объектами интеллектуальной собственности сопряжены с решением серьезной задачи – обеспечением охраны и защиты интеллектуальных прав не только на национальном, но и на международном уровне.

Литература

1. WIPO IP Facts and Figures 2019 // https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_943_2019.pdf
2. Международное предпринимательство: учеб. пособие / В.Л. Ерохин. — М.: Финансы и статистика; Ставрополь: АГРУС. - 392 с. 2008
3. Trade in Counterfeit and Pirated Goods. Mapping the Economic Impact. OECD, March 18, 2019 // <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/g2g9f533-en/index.html?itemId=/content/publication/g2g9f533-en>
4. Международная торговля: проблемы и перспективы // Коллективная монография / Под редакцией М.Б. Медведевой. Москва, 2018.

PROBLEMS OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION IN INTERNATIONAL TRADE

Abanina I. N.

Ph. D., associate Professor, Dean of the Faculty of international economic relations of the Financial University under the government of the Russian Federation

Abstract: the article is devoted to modern aspects of international trade in intellectual property objects, and addresses the problems of protection of intellectual property rights. The article summarizes the principles and approaches of international regulation in the field of intellectual property rights protection in international trade.

Key words: intellectual property, protection of intellectual property rights, international trade, patents, licenses

УДК 339.543

СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ: РОЛЬ ПРОФАЙЛИНГА В СИСТЕМЕ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ

Марцева Т.Г.

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных социально-экономических и информационно-правовых дисциплин, Новороссийский филиал Краснодарского Университета МВД России; доцент кафедры таможенного дела и международных отношений, Новороссийский институт (филиала) АНО ВО Московского гуманитарно-экономического Университета

Аннотация: в статье рассматривается профайлинг как совокупность методов прогнозирования поведения человека, в том числе как современный способ таможенного контроля. А также приводятся способы усовершенствования выявления таможенных преступлений с помощью внедрения профайлинга в деятельность таможенных органов.

Ключевые слова: профайлинг, таможенные преступления, таможенные органы, перемещение товаров через таможенную границу, контрабанда.

Деятельность таможенных органов ориентирована на государственное регулирование экономики. Мировой опыт свидетельствует о том, что таможенные органы в настоящее время должны выполнять множество возложенных на них функций, что связано с развитием рыночной экономики. Таможенная служба имеет важное значение в процессе стимулирования внешнеэкономических связей и предпринимательской активности внутри страны, кроме того способствует расширению и углублению международной экономической и политической интеграции.

Необходимость регулирования перемещения товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС) посредством таможенного контроля обусловлена большим объемом ввоза и вывоза товаров.

С каждым годом объемы мирового товарооборота возрастают, в результате чего контролировать перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС становится все сложнее. Данные сложности могут являться причиной преобразования существующей системы таможенного администрирования.

Доля нарушений таможенных правил и вероятность таких нарушений существенно увеличиваются. Поэтому считается актуальным вопрос о применении новых и более эффективных способов таможенного контроля и управления рисками.

По результатам в 2019 году таможенными органами возбуждено 2 014 уголовных дел, что касается отдельных лиц – возбуждено 1 306 уголовных дел.

Таблица 1 – Количество возбужденных дел за 2018 - 2019 годы, [1]

Статья уголовного дела	Количество уголовных дел		Изменение
	2018 г.	2019 г.	
Всего	2054	2014	-40
В отношении конкретных лиц	1358	1306	-52
Ст. 229.1 УК РФ (нелегальный ввоз наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, в составе которых имеются наркотические средства и психотропные вещества)	303	234	-69
Ст. 226.1 УК РФ (контрабандный ввоз сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники)	586	679	93
Ст. 226.1 УК РФ в стоимостном выражении, млрд руб.	4,2	9	4,8
Ст. 200.2 УК РФ (нелегальный ввоз алкоголя и (или) табачных изделий)	52	51	-1
Ст. 200.2 УК РФ в стоимостном выражении, млн руб.	406,8	329	-77,8
Ст. 200.1 УК РФ (контрабандный ввоз наличных денежных средств и (или) денежных инструментов)	90	72	-18
Ст. 200.1 УК РФ в стоимостном выражении, млн руб.	224,2	185,8	-38,4
Ст. 194 УК РФ (нежелание оплачивать таможенные взносы, взимаемые с предприятия или физлица)	359	344	-15
Ст. 194 УК РФ в стоимостном выражении, млрд руб.	4,3	6	1,7
Ст. 193 УК РФ (уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации)	246	190	-56
Ст. 193 УК РФ в стоимостном выражении, млрд руб.	29,6	26,7	-2,9
Ст. 193.1 УК РФ (совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов)	171	194	23
Ст. 193.1 УК РФ в стоимостном выражении, млрд руб.	17,9	31	13,1
Ст. 190 УК РФ (невозвращение на территорию нашей страны ценностей культуры)	1	0	-1
Ст. 189 УК РФ незаконный экспорт и передача сырья, информации для создания оружия массового поражения, военной техники	1	1	0
Ст. 174.1 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или другого имущества, полученных лицом в результате совершения им преступления)	3	3	0
Ст. 173.2 УК РФ (незаконное использование документов с целью создания юр.лица)	163	115	-48
Ст. 173.2 УК РФ (незаконное создание юр. лица)	79	131	52
Объем средств, возвращенных в федеральный бюджет в рамках мер возмещения до возбуждения уголовного дела и входе расследования, млн. руб.	821,4	759,6	-61,8

Из таблицы видно, что таможенные органы выявляют достаточно большое количество правонарушений на таможне, также наблюдается уменьшение числа заведенных уголовных дел. Например, по статье 229.1 УК РФ в 2019 году было возбуждено на 69 уголовных дел меньше, чем в 2018; по статье 193 УК РФ – на 56 уголовных дел; по статье 173.1 УК РФ – на 48 уголовных дел.

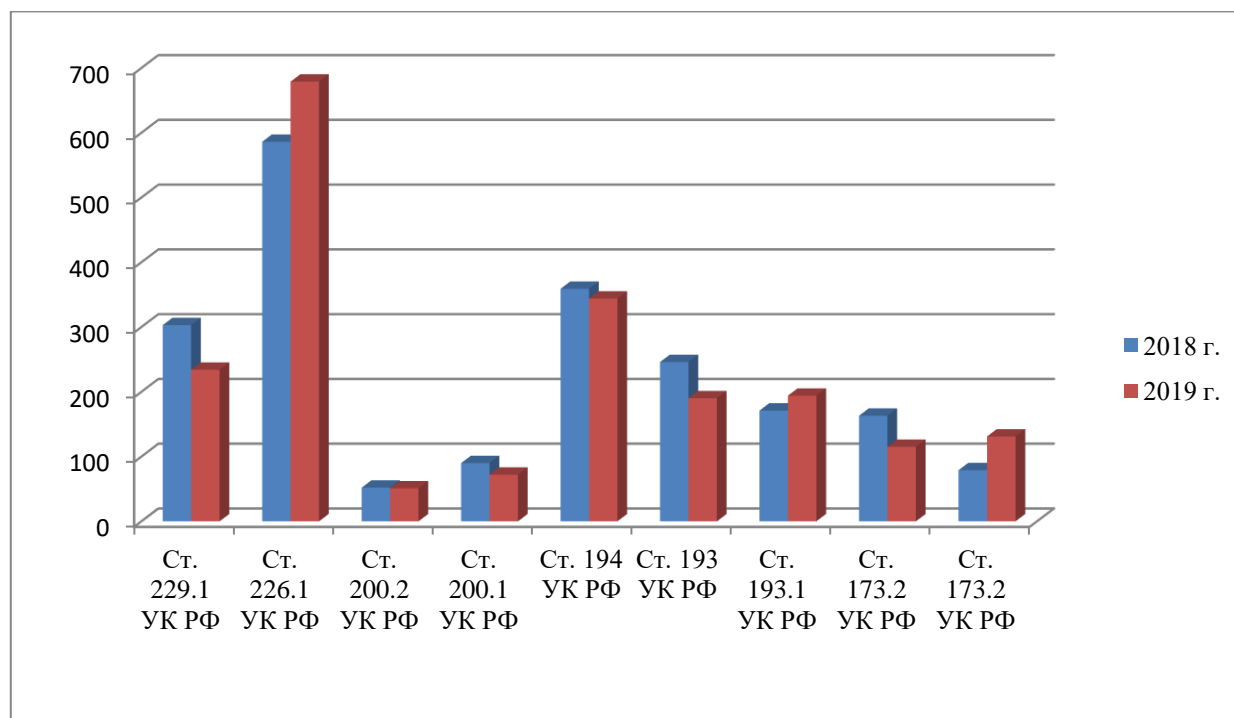

Рисунок 1 – Количество уголовных дел по выявленным таможенными органами уголовным правонарушениям

В целом можно констатировать уменьшение количества уголовных дел, открытых таможенными органами в 2019 году имеющими признаки уголовно наказуемых деяний. Но в то же самое время стоимостная характеристика исследуемых составов УК РФ свидетельствует об ухудшении ситуации.

Незаконно перевозить товаров и ресурсов стали больше на 4,8 млрд. руб., не платить законные пошлины и сборы готовы на сумму превышающую показатель 2018 года на 1,7 млрд. руб., нелегальные переводы средств на счета нерезидентов выросли в объеме с 17,9 млрд. руб. в 2018 до 31 млрд. руб. в 2019 г., а возвращенные средства в рамках расследований подобных преступлений составили незначительную сумму, которая к тому же за год снизилась с 821,4 млн.руб. до 759,6 млн.руб. На фоне миллиардных уголовных дел эти средства – «песчинка в море». А увеличение числа возбужденных уголовных дел по статье 226.1 УК РФ (контрабандный ввоз сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники) почти на 15 % в 2019 г. ставит под вопрос систему национальной безопасности перед лицом возможных угроз.

Марцева Т.Г.

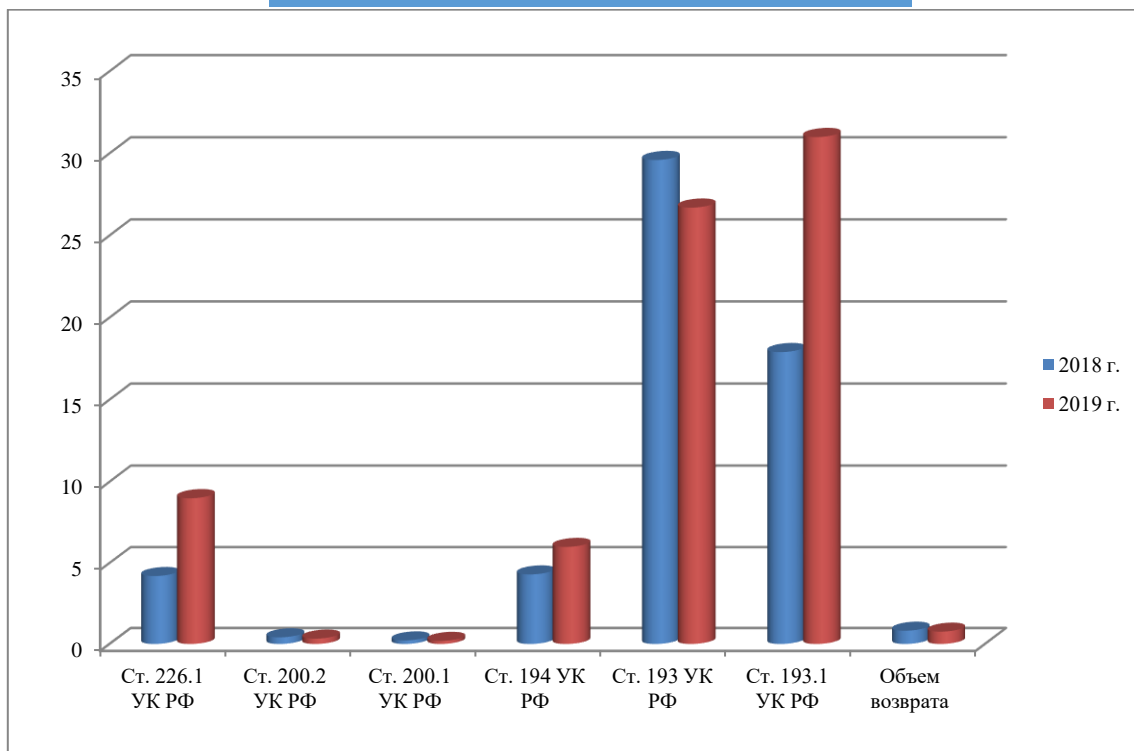

Рисунок 2 – Стоимостная характеристика уголовных дел, млрд.руб.

Между тем каждый год совершается более 100 000 рассматриваемых деяний. Отмечается, что по оценкам специалистов, обнаружение контрабандного груза составляет всего 10 %.

Несмотря на то, что таможенными органами применяются современные технические средства таможенного контроля, они все равно не гарантируют того, что преступление будет выявлено. Это связано с тем, что способов сокрытия контрабандных товаров огромное количество. Важно понимать, что организаторы преступной деятельности постоянно совершенствуют или придумывают новые способы перемещения контрабанды, доставляя ее в нужную точку страны, обходя все пограничные и таможенные досмотры.

В результате этого в настоящее время необходимо рассмотреть наиболее перспективные направления выявления лиц, совершивших таможенные преступления, при котором используется невербальная информация, внешние признаки человека при выявлении предметов, запрещенных к обороту [2].

Исследователями был выявлен такой метод, как профайлинг.

Профайлинг включает в себя комплекс психологических методов, методик оценивания и прогнозирования человеческого поведения на основе внешних данных, анализа самых информативных специфичных признаков личности. Кроме того, особенность профайлинга состоит в том, что данная технология предотвращает противоправные действия путем обнаружения потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием приемов прикладной психологии. В общем виде, профайлинг представляет собой систему установления вероятностной причастности определенного субъекта к планируемому противоправному действию.

Марцева Т.Г.

В настоящее время профайлинг все же не имеет четкой принадлежности к определенной науке и использует знания, умения и навыки, которые вырабатываются на основе достижений современной научной мысли, без привязки к предмету конкретной науки. Методика профайлинга была использована в конце 1970-х годов израильской авиакомпанией «Эль-Аль». И только сейчас она получает широкое распространение в деятельности многих спецслужб. В Российской Федерации несмотря на то, что давно существуют различные методики профайлинга, но доступны они были только единицам и в весьма упрощенной форме.

В современном мире возрастают угрозы внутригосударственных и международных отношений, при глобальном росте торговли наркотиками, антиквариатом, людьми, иными ресурсами, в условиях активного роста промышленного и политического шпионажа профайлинг занимает важное место в подготовке, повышении квалификации и деятельности сотрудников таможенных органов.

Исследователи в области психологии выявили следующий факт: 30% информации во время общения передается вербально, а 70% посредством мимики, жестов и интонации, т. е. невербально.

При перемещении товаров через таможенную границу индивид является непосредственным звеном в перемещении товаров. Несмотря на внедрение новых технологий и специализированного оборудования, позволяющего выявлять товары, запрещенные к ввозу и вывозу, следует психологически определить гражданина, замышляющего преступление в перемещении товаров. [3]

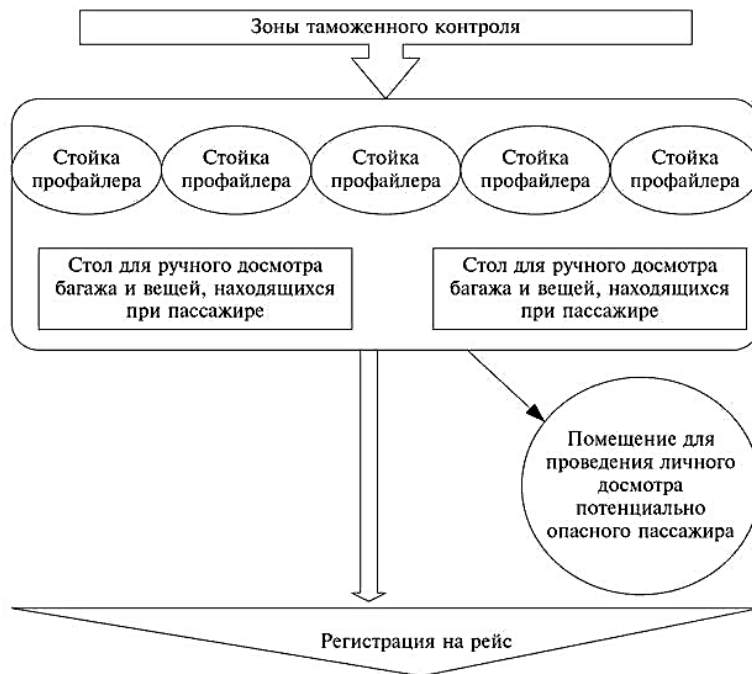

Рисунок 3 – Профайлинг до регистрации пассажиров

Профайлинг в таможенной деятельности представляет собой современный метод, который следует относить к дополнительным способам в выявлении преступлений. Он способствует совершенствованию таможенного регулирования в

эффективности применения мер по совершенствованию операций и развитию таможенных технологий; совершенствованию правоохранительной деятельности; усилению антитеррористической деятельности.

Основная особенность состоит в том, что у лиц, которые совершают перевозку контрабандных товаров, можно наблюдать ряд вызывающих подозрение признаков, причем как во внешности и поведении, так и в путевых документах, и в перевозимых вещах (таблица 2). Своевременное выявление этих признаков позволяет выделить подозрительного субъекта в массе остальных людей, определить возможных соучастников и пособников, принять меры предупредительного характера.

Рисунок 4 – Основные этапы технологии профайлинга

Исходя из таблицы, можно сказать, что преступное лицо обладает определенным набором подозрительных признаков, которые можно заметить, даже просто наблюдая за человеком со стороны. Соответственно, в системе профайлинга особую заинтересованность представляют особенности поведенческих реакций пассажира и сопровождающих его лиц. Соответственно, таможенному органу необходимо иметь некоторые специальные знания в области прикладной психологии.

Помимо этого, в профайлинге распространено применение спецсистемы контрольного опроса по багажу, помогающей определить вероятное нахождение там опасных или запрещенных к транспортировке предметов, перевозимых пассажиром или переданных ему другими людьми.

Например, подозрительными реакциями при профайлинге могут быть:

- опрашиваемое лицо не понимает задаваемые ему вопросы;
- отвечает на вопросы с задержкой, имеются паузы между словами и фразами;
- изменяет тон, громкость голоса, прокашливается, подбирает слова, слишком медленно или быстро говорит, неразборчиво, шепотом, облизывает губы;

- отвечая на вопросы, не знает или с трудом вспоминает важнейшие факты о себе, цель поездки, предыдущих поездках, о своей семье и профессии. Не отвечает на прямые простые вопросы;
- лицо сжимает челюсти, «играет» желваками, напрягает мышцы рук, сжимает пальцы;
- пассажир плохо знает, что указано в его паспорте и билете.

Таблица 2 – Поведенческие признаки при профайлинге, [4]

Нервозное поведение	Признаки стресса	Признаки обмана
Дрожь, напряжение мышц, игра желваками. Повышенная потливость, не соответствующая климату. Постоянное оглядывание, осматривание окружения. Частое поглядывание на часы или экран гаджета. Удаление от сотрудников в униформе. Потирание ладоней. Суетливость. Частое прикосновение рукой к лицу или волосам. Частое и наигранное зевание. Наигранный смех, громкая речь. Широко раскрытые глаза. Покусывание ногтей.	Пассажир прибыл с опозданием. Пассажир избегает визуального контакта с сотрудниками службы безопасности и полицейскими. Пассажир стал чаще или нарочито зевать по мере приближения к досмотру. Пассажир ерзает, избыточно подвижен, беспокойно осматривается, часто смотрит на часы, достает и убирает телефон или планшет, шаркает обувью, постукивает ногой и т.п. Пассажир избыточно потеет, что не соответствует климатическим условиям. По разнице пигментации и состояния кожи на лице заметно, что недавно пассажир сбрил усы и / или бороду. Пассажир бледнеет или краснеет при прохождении контроля. Пассажир стал учащенно дышать или вздыхать при приближении к контролю, при прохождении контроля, при обращении к нему, при приближении сотрудника службы безопасности или офицера полиции. Адамово яблоко (кадык) пассажира стал заметно двигаться при приближении к контролю, при прохождении контроля, при обращении к нему. На шее пассажира видны набухшие сосуды или заметна пульсация сосудов. Пассажир несколько раз подряд прикасается рукой к своему лицу, шее. Пассажир потирает руки, заламывает пальцы, делает руками неестественные или резкие движения. Пассажир дрожит или его время от времени передергивает. Пассажир время от времени закрывает глаза, гримасничает. Пассажир смущен или дезориентирован. Признаки изменения внешности (парик, грим, накладные усы, цветные линзы), одежда не по размеру. Пассажир пытается подавать кому-то знаки руками, жестами, глазами. Передает кому-то предметы. Пассажир ощупывает одежду или похлопывает по одежде (если это несвязанно с поиском металлических предметов при проходе через рамку металлоискателя).	Голос «прыгает», становится выше, громче или тише, глуше. Человек кашляет, прокашливается, хрипит. Человек прикрывает рот рукой, дотрагивается до лица, поднимает плечи, кивает или вращает головой. Человек покрывается потом, изменяется окраска кожных покровов. Сглатывание - кадык заметно двигается. Человек начинает чаще моргать или раскрывает шире глаза. Жесты руками не соответствуют ответам. Человек отвечает быстрее, медленнее или подробнее, чем обычно. Задержка с ответом на вопрос, переспрашивание вопроса, ответ текстом вопроса, ответ заученным текстом. Человек оглядывается по сторонам, словно ища поддержки.

Успех применения метода профайлинга зависит и от соблюдения технологии его проведения. Учеными выделены следующие основные его этапы:

- 1) первичное наблюдение за субъектом и анализ первого впечатления;
- 2) проведение различного рода проверочных мероприятий (проверка документов, проведения досмотра и др.);
- 3) беседа с субъектом;
- 4) опрос субъекта по установленным подозрительным признакам;
- 5) составление окончательной характеристики субъекта.

Имеются шесть взаимосвязанных моделей, которые могут быть использованы в деятельности таможенных органов при профилировании (рисунок 5). Данная схема означает, что профайлинг нужно всегда аргументировать. Данная система была предложена Стивеном Тулминым, британским философом, изучавшим проблему практической аргументации.

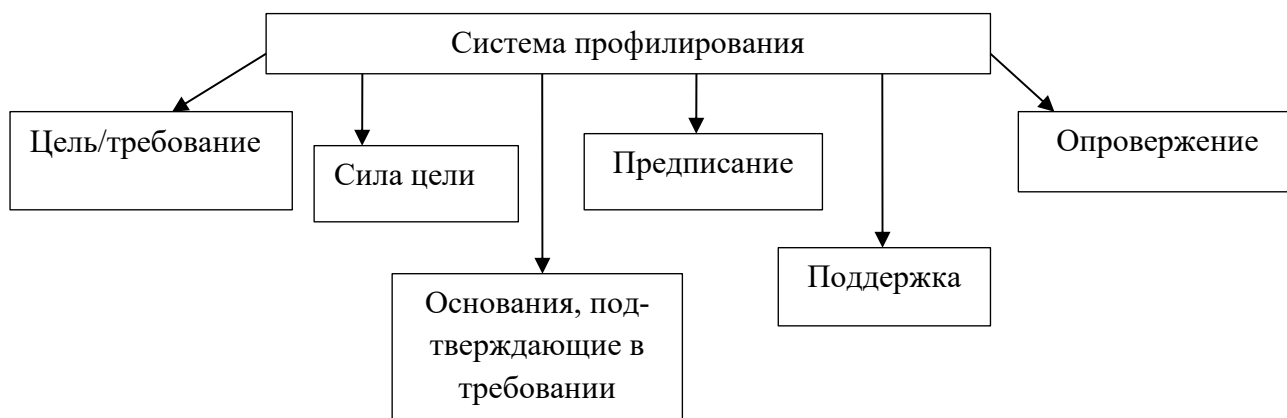

Рисунок 5 - Система профилирования

В настоящее время работа таможенной службы сопряжена как с реагированием на появляющиеся трудности и правонарушения, так и с совершенствованием деятельности «действуя на опережение», так как предупредив преступление, можно избежать множества негативных последствий.

В настоящее время в Российской Федерации нет законодательной базы, которая бы закрепляла сущность профайлинга и его применение.

Для решения обозначенной проблемы необходимо:

- активно начать внедрять профайлинг в деятельность должностных лиц таможенных органов при осуществлении таможенного контроля физических лиц в пунктах пропуска через таможенную границу, ведь с помощью этого метода возможно значительно усовершенствовать комплекс мероприятий по предупреждению контрабандного ввоза товаров.

Например, уже в настоящий момент на факультете повышения квалификации имени В.Б. Бобкова Санкт-Петербургского филиала государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия» каждый год проводится тренинг в виде электронного обучения по программе «методы и технологии выявления нарушений требований таможенного законодательства на основе анализа поведения пассажиров (профайлинг)» [5].

Марцева Т.Г.

- ввести обучение технике профайлинга в ВУЗах. То есть внедрить в программу обучения отдельную дисциплину в высшие образовательные учреждения, выпускающие будущих специалистов таможенного дела.

- создать усовершенствованный методический инструментарий, по которому должностные лица таможенных органов смогут обучаться.

Таким образом, применение вышеуказанных условий позволит повысить эффективность таможенного контроля, приведет к совершенствованию правоохранительной деятельности и усилению антитеррористической деятельности.

Считается необходимым: активное внедрение профайлинга в деятельность таможенных органов при проведении таможенного контроля, совершенствование методов профайлинга, создание системы обучения сотрудников таможенных органов.

Профайлинг может научить таможенных органов наблюдать за окружающей обстановкой, проводить ее анализ, наблюдать за поведением людей, выявлять подозрительные признаки, искать причинно-следственные связи, нестандартно подходить к решению возникающих в работе проблем.

Литература

1. Официальный сайт Федеральной Таможенной Службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.ru/> (дата обращения 28.01.2020 г.)

2. Попова П.В. Применение профайлинга должностными лицами таможенных органов при осуществлении таможенного контроля физических лиц в пунктах пропуска через таможенную границу // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. LIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 5(53). URL: [https://sibac.info/archive/guman/5\(53\).pdf](https://sibac.info/archive/guman/5(53).pdf) (дата обращения: 27.01.2020).

3. Марцева Т.Г., Лефтерова Д.В., Михайлиди А.А. Применение психофизиологического анализа при отборе кандидатов на должности операторов анализа изображений инспекционно-досмотровых комплексов // Сборник избранных статей по материалам научных конференций. – М.: ГНИИ «Нацразвитие», С. 21–25.

4. Зиберова О.С. Зарубежный и отечественный опыт использования профайлинга для обеспечения безопасности на транспорте / Вестник калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Издательство: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. №1(47) С.46-49. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28842747_70776040.pdf (дата обращения: 28.01.2020 г.)

5. Официальный сайт Международной академии исследования лжи / Российская таможенная академия: успешное обучение профайлингу должностных лиц таможенных органов. [Электронный ресурс]. URL: <http://studylie.ru/> (дата обращения 28.01.2020 г.)

Марцева Т.Г.

**MODERN CUSTOMS POLICY MECHANISMS:
ROLE OF PROFILING IN CUSTOMS CONTROL SYSTEM**

Martseva T.G.

Ph. D., associate Professor of the Department of human socio-economic and legal disciplines of the Novorossiysk branch of Krasnodar University of the Ministry of interior of Russia; associate Professor of the Department of customs and international relations of Novorossiysk Institute (branch) ANO the Moscow humanitarian-economic University

Abstract: *the article considers profiling as a set of methods for predicting human behavior, including a modern method of customs control. And also provides ways to improve the detection of customs crimes through the introduction of profiling in the activities of customs authorities.*

Key words: *profiling, customs crimes, customs authorities, movement of goods across the customs border, smuggling.*

УДК 338.43

ПРИОРИТЕТЫ НАУЧНОГО И КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА РЫНКАХ АГРОПРОДОВОЛЬСТВИЯ.

Гануш Г.И.

*доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси,
заведующий кафедрой экономической теории и права УО «Белорусский государ-
ственный аграрный технический университет»*

***Аннотация:** в статье рассмотрены научного и кадрового обеспечения конкурентной устойчивости сельскохозяйственных предприятий республики Беларусь. Дана критическая оценка производственным возможностям агропродовольственного комплекса республики в сравнении с другими странами постсоветского экономического пространства, показаны отраслевые резервы повышения эффективности производства сельскохозяйственной продукции, представлены наиболее эффективные и актуальные направления повышения устойчивости функционирования и развития субъектов хозяйствования АПК. Сформулировано представление о том, что осуществление научно обоснованной диверсификации позволит полнее использовать агроклиматические ресурсы страны и регионов, каждого хозяйства, будет способствовать созданию дополнительных рабочих мест в сельской местности, повышению уровня занятости населения.*

***Ключевые слова:** ресурсы, факторы, комплексы, технологии, адаптация, эффективность.*

В результате практической реализации масштабных мер, предусмотренных в Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы [1], в последующих государственных программах и постановлениях Правительства, а также в Государственной программе развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы [2], в стране проведена значительная работа по повышению устойчивости сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в целом. Обеспечен существенный рост урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства, производительности труда, модернизирована на инновационной основе материально-техническая база аграрного производства, улучшилось финансовое состояние многих сельхозорганизаций и других предприятий АПК. Повысился уровень заработной платы занятых в сельскохозяйственном производстве, достигнуты весомые результаты в развитии социальной инфраструктуры сельской местности.

Гануш Г.И.

В 2005–2018 годах объем валовой продукции сельского хозяйства увеличился в 1,7 раза. По производству основных видов сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения Республики Беларусь превышает показатели, достигнутые в государствах-партнерах по Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). Так, в 2018 году в Беларуси на душу населения было произведено 775 кг молока (в России – 209, Казахстане – 309, Армении – 235, Кыргызстане – 251), 129 кг мяса (в России – 72, Казахстане – 58, Армении – 36, Кыргызстане – 35), 355 шт. яиц (в России – 306, Казахстане – 305, Армении – 245, Кыргызстане – 84). Относительно высоким уровнем характеризуются позиции республики по производству продукции растениеводства. В 2018 году в Беларуси на душу населения произведено 649 кг зерна (в России – 771, Казахстане – 1109, Армении – 114, Кыргызстане – 295), 618 кг картофеля (в России – 153, Казахстане – 208, Армении – 140, Кыргызстане – 171), 184 кг овощей (в России – 93, Казахстане – 223, Армении – 212, Кыргызстане – 171), 101 кг плодов и ягод (в России – 23, Казахстане – 16, Армении – 116, Кыргызстане – 39).

В 2018 году уровень самообеспеченности Республики Беларусь основными видами агропродовольствия (уровень собственного производства достаточен для удовлетворения потребностей внутреннего рынка) составлял: по молоку и молочным продуктам – 238,1%, сахару – 180,8, маслу растительному – 177,0, мясу и мясным продуктам – 136,0, яйцам – 123,4, картофелю – 103,2, овощам – 100,4% [3].

Национальная продовольственная безопасность Беларуси с 2010 года обеспечивается в полной мере. По итогам 2018 года интегральный индекс продовольственной безопасности составил 1,01, в том числе индекс производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия равен 1,13, энергетической ценности рациона питания – 0,95, потребления основных продуктов – 1,01, пищевой ценности рациона – 0,95.

Произведенная в Беларуси сельскохозяйственная продукция поставляется в 104 страны мира, Республика входит в пятерку крупнейших мировых экспортеров молочной продукции и в десятку – по экспорту мясной продукции. Доля сельхозпродукции в общем объеме экспорта составила в 2019 году 16,8%, увеличилась по сравнению с прошлым годом на 1,2%.

Вместе с тем, устойчивость развития аграрного производства страны находится на недостаточном уровне, не является адекватной современным условиям конкурентности на внутреннем и внешних рынках сельхозпродукции, не в полной мере соответствует целям обеспечения стабильной эффективности функционирования хозяйствующих субъектов на основе активного освоения инноваций в технологиях и управлении. По расчетам сотрудников Института системных исследований НАН Беларуси устойчивость производства важнейших видов сельскохозяйственной продукции, обеспечивающих продовольственную безопасность, в 2010–2018 года в среднем составляла 68–95%, что свидетельствует о высокой зависимости сельского хозяйства от погодных и других факторов [3]. Как показы-

вает анализ по всем основным продуктам питания (кроме плодов и ягод) превышен критический уровень продовольственной безопасности, предусматривающий обеспечение населения необходимым минимальным ассортиментом продовольствия собственного производства. Ниже критического уровня возникает состояние продовольственной зависимости страны от импорта сельскохозяйственного сырья и готовой продукции. Однако оптимистический уровень продовольственной безопасности, ориентированный на оптимальное потребление продуктов по количеству и ассортименту, соответствующее поддержанию полноценного здоровья и нормальной жизнедеятельности людей, не достигнут по объемам производства ни по одному виду продукции. По зерну этот показатель составляет 66,7%, овощам – 64,7%, молоку и мясу – 60,0%.

В 2018 году урожайность зерновых и зернобобовых культур в 160 сельхозорганизациях составила менее 15 центнеров, в десяти районах средний удой молока от коровы не достиг даже 3-х тысяч килограммов, а в 32-х хозяйствах – 2-х тысяч. По итогам года убыточными оказались 144 сельхозорганизации. Более 57 процентов хозяйств имели рентабельность продаж в пределах только 0–5%.

В хозяйствах всех категорий производство продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах к уровню 2017 г. составило 96,6%, в том числе продукции растениеводства – 93,9, животноводства – 99,1%. Валовой сбор зерновых и зернобобовых культур по сравнению с 2017 годом на фоне неблагоприятных погодных условий уменьшился на 23 %, картофеля – 8,6, овощей – 10,8, рапса - на 24,3%. Производство яиц сократилось на 4,4%.

Предусмотренные Государственной программой развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы темпы роста в 2018 году не достигнуты. Так, отклонение фактических объемов производства от запланированных составило по зерну минус 34,3% картофелю – минус 2,2, сахарной свекле – минус 2,0, льноволокну – минус 28,2%, а рапсу – минус 46,5%.

По-прежнему наблюдается резкая контрастность показателей эффективности сельского хозяйства по регионам республики. Если, к примеру, прибыль от реализации продукции в 2019 году в расчете на балло-гектар сельскохозяйственных земель в Брестской, Минской и Гродненской областях составила соответственно 5,8; 4,1; 3,6 миллиона рублей, то в Витебской – только 0,5, Гомельской и Могилевской - по 0,9. Аналогичная ситуация с использованием средств государственной поддержки сельского хозяйства. На рубль бюджетных средств в сельхозорганизациях Минской, Брестской и Гродненской областей приходится около 10 рублей выручки, а в Витебской, Гомельской и Могилевской около 5, т.е. в 2 раза меньше.

Еще более контрастными выглядят показатели производства по районам и сельхозорганизациям, находящимся нередко в практически равных почвенно-климатических и других условиях хозяйствования. В 2019 году при средней республиканской урожайности зерновых и зернобобовых культур 30,4 центнера с гектара в 344 сельхозорганизациях этот показатель не достигает 20. Если средний

удой молока от коровы в сельхозорганизациях республики составил 5043 кг, то в Брестской области 6132 кг, в 8 районах свыше 7000 кг (Гродненский р-н 8342 кг, то в 7 –ми районах менее 2500 кг (Чаусский р-н Могилевской области 2139 кг).

Допущенная во многих сельхозорганизациях низкая продуктивность растениеводства и животноводства негативно сказывается не только на объемах производства, но и на показателях потребления пищевых продуктов. Уровень потребления ряда их в расчете на одного человека не соответствует рациональной норме. Так, среднедушевое потребление молока и молокопродуктов составило в 2018 году 250 кг при норме 393 кг, яиц – 262 шт. при норме 294, рыбы и рыбопродуктов – 13,4 кг при норме 18,2 кг, хлеба и хлебобудничных изделий – 80 кг при норме 105 кг. Энергетическая ценность среднесуточного рациона в расчете на 1 человека составила 3252 ккал при норме 3500 ккал. В структуре рациона питания отмечается недостаток белков и углеводов при избытке жиров. Содержание белков составило 13,2%, жиров – 35,2 и углеводов – 51,5%, при рекомендуемых соотношениях 13,9; 32,2 и 53,9% соответственно. Уровень потребления сахара превышает рациональную норму на 6 кг [3].

В Директиве Президента Республики Беларусь № 6 от 4 марта 2019 г. «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли» отмечается, что создание условий для дальнейшего устойчивого развития агропромышленного комплекса является одной из важнейших стратегических целей государственной политики [4]. Роль приоритетного направления достижения этих целей в условиях ускоренной динамики рыночных трансформаций отводится инновационной модернизации процессов производственного и социального развития организаций АПК на основе активного совершенствования их научного и кадрового обеспечения. В данном контексте важно определить наиболее актуальные темы исследований для научных учреждений и вузов аграрного профиля, с тем чтобы потенциал коллективов ученых сосредоточить на поиске и обосновании наиболее эффективных путей решения стоящих задач.

На наш взгляд, важнейшими составляющими тематики научных исследований с учетом современного состояния и перспектив устойчивого развития АПК должны быть теоретико-методологические и прикладные разработки по освоению принципиально новых технологий производства, базирующиеся на учете прогрессирующей тенденции информатизации и цифровизации аграрной экономики.

В растениеводстве, прежде всего, необходимо расширить проведение исследований по формированию экономических, организационно-управленческих и правовых условий максимального освоения в каждом хозяйстве методов «точного земледелия», применения навигационного оборудования в целях эффективного использования сельскохозяйственной техники, обеспечения четкой организации проведения посевных, уборочных и других полевых работ.

Гануш Г.И.

В республике имеется уже достаточный опыт внедрения названных технологических процессов или их элементов. Важно сделать соответствующие научные обобщения передовой практики, выработать рекомендации по ее широкому распространению.

В конце 2019 года в республике Беларусь вступил в силу Закон «О производстве и обращении органической продукции». Среди наиболее актуальных задач по практической реализации этого закона является разработка и освоение органических технологий возделывания сельскохозяйственных культур с учетом особенностей климатических, почвенных и эколого-экономических условий земледелия в Беларуси. Экологически безопасные, в том числе органические, агротехнологии представляют на современном этапе наиболее наукоемкое и перспективное направление интенсификации сельскохозяйственного производства, ориентированное на разработку и практическое воплощение принципиально новых знаний агробиологических и организационно-экономических основ ведения растениеводства, всего сельского хозяйства.

Развитие органического агропроизводства является прогрессирующей тенденцией в мире, при этом осуществляется очевидный поворот от приоритетно устоявшейся за многие десятилетия агрохимической науки к агробиологической. В данной ситуации земледельческой науке необходимо активно переключаться на принципиально новые по целям и содержанию исследования, результаты которых должны обеспечивать получение достаточных урожаев без применения удобрений и средств защиты химического происхождения, заменив их потенциалом естественной (природной) продуктивности биологизированных посевов и севооборотов. В целях концентрации усилий и эффективного взаимодействия различных ветвей науки вносятся предложения о формировании в стране комплексной программы научных исследований, в которой функции координатора и головной организации целесообразно возложить на Национальную академию наук Беларуси, а в качестве организаций-исполнителей НИР могут выступать научные учреждения (институты) научно-практических центров Отделения аграрных наук, другие научные учреждения и вузы.

В животноводстве, на наш взгляд, наряду с продолжением работы по строительству и реконструкции на новой технико-технологической основе ферм и комплексов, не менее важно обеспечить эффективное использование созданных в последние годы производств. Так, например, в республике выраженный индустриальный характер приобретает молочное скотоводство. Более 50 процентов коров содержатся на молочно-товарных фермах и комплексах, где используются современные технологии, действуют доильные залы, роботизированные установки. Здесь получают 65 процентов молока от общего его объема производства в сельхозорганизациях страны, достигнуто значительное повышение продуктивности коров, реализация молока сортом экстра превышает 65 %. Это позволяет существенно улучшить качественные показатели молока по республике в целом. Если в 2010 году сортом экстра было реализовано 13,3 % молока, то в 2015-м –

Гануш Г.И.

38, в 2018 – 47,6, а в 2019 – 52,4 %. Высшая степень сортности молочной продукции является важным фактором обеспечения ее конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках, а также повышения рентабельности производства.

Однако многие молочно-товарные комплексы не обеспечивают необходимой отдачи модернизированных технологий. В 2019-м году здесь получено в среднем от коровы 5669 кг молока, что только на 626 кг превышает среднереспубликанский показатель. При этом на 174 комплексах из 420 продуктивность коров была ниже, чем в среднем по республике.

Одним из приоритетных направлений обеспечения эффективности инновационных преобразований в животноводстве является комплектование комплексов и ферм поголовьем высокопродуктивных пород, что предполагает, прежде всего, качественное улучшение селекционно-племенной работы. Для этого в республике создана достаточно развитая исследовательская и внедренческая база. Действуют 48 сельхозорганизаций по выращиванию племенного молодняка, в Гродненском государственном аграрном университете создана лаборатория по геномному анализу племенных животных. В 2019 году экспорт племенной продукции и материалов превысил 1,3 млн долларов США. Среди стран-импортеров Россия, Узбекистан, Казахстан, Грузия. Актуальной задачей является поднять генетический потенциал молочного скотоводства от нынешних 9 тонн молока от одной коровы в год до 12 тонн. Это явится важным фактором повышения эффективности использования инвестиций, направленных в предшествующие годы на строительство и реконструкцию животноводческих помещений, создание инновационных, промышленных по своему содержанию технологий производства молочной и мясной продукции.

Важным резервом повышения эффективности производства животноводческой продукции, в том числе на крупнотоварных комплексах, является улучшение качества кормов, обеспечение сбалансированности рационов кормления животных по содержанию белка и других необходимых компонентов. В республике осуществляется ряд конкретных мер по решению этой проблемы. Однако необходимо активизировать работу по совершенствованию видовой и сортовой структуры кормовых культур, расширению посевов бобовых трав, сои, а также повсеместно освоить прогрессивные технологии заготовки хранения и приготовления кормов. Все эти процессы могут успешно осуществляться на основе эффективного взаимодействия ученых и специалистов сельскохозяйственных организаций.

Анализ показывает, что на значительной части животноводческих комплексов и ферм допускаются нарушения технологических режимов, трудовой дисциплины, ощущается дефицит квалифицированных кадров, что негативно сказывается на эффективности использования дорогостоящего оборудования, уровнях продуктивности животных, производительности труда, себестоимости и качестве продукции. В целях преодоления таких недостатков в каждой области республики созданы технологические группы, в состав которых включены высококвалифицированные специалисты зоотехнической и ветеринарной служб. Они оказывают

практическую помощь животноводам в обеспечении бесперебойной работы технических средств, налаживании четкой организации производственных процессов, обеспечении рационального расходования кормов. Признается целесообразным создавать аналогичные группы в составе сотрудников профильных научных учреждений с целью выработки квалифицированных рекомендаций специалистам комплексов, в первую очередь тех, где результаты работы являются неудовлетворительными. Такое, на наш взгляд, полезное сотрудничество ученых и практиков можно организовать в рамках хоздоговорной тематики научно-исследовательских работ институтов и вузов.

В ряду наиболее эффективных и актуальных направлений повышения устойчивости функционирования и развития субъектов хозяйствования АПК республики является диверсификация их видов деятельности, производственной и товарной структуры, а также экспортных поставок продукции. Осуществление научно обоснованной диверсификации позволит полнее использовать агроклиматические ресурсы страны и регионов, каждого хозяйства, будет способствовать созданию дополнительных рабочих мест в сельской местности, повышению уровня занятости населения.

При обосновании диверсификации агробизнеса целесообразно, как показывает анализ, придать особую значимость развитию таких отраслей как пчеловодство, промышленное грибоводство, мелкое животноводство (козоводство, кролиководство, выращивание индеек и др.), нетрадиционное ягодоводство и овощеводство (голубика, клюква, брусника, различные луки и др.), переработка сельскохозяйственной продукции, ремесленничество. Эти виды экономической деятельности в условиях Беларуси являются экспортно ориентированными, а также, что весьма важно, имеют высокий потенциал импортозамещения.

Процессы диверсификации касаются не только формирования более широкого ассортимента аграрной продукции. Они обуславливают также трансформацию экономических отношений в АПК, создание новых организационных форм хозяйствования и интегрированных формирований. Все это должно осуществляться на основе использования принципов рациональной адаптации производства к природным, производственным и рыночным условиям хозяйствования.

Диверсификация сельскохозяйственного производства является важной предпосылкой диверсификации экспорта аграрной продукции. В 2019 году экспортные поставки АПК Беларуси увеличились к уровню 2018 года на 4,5% и составили приблизительно 5,5 млрд. долларов США. Положительные трансформации произошли в товарной структуре и географии производственного экспорта. За прошедший год прибавилось 19 новых рынков реализации белорусской агропродукции: в Азии, Африке, Америке, Карибском бассейне, Албании, Боснии и Герцеговине.

Гануш Г.И.

Основной регион экспортных поставок – страны СНГ. В лидерах Россия, Казахстан, Украина. На 30% увеличились поставки в Азербайджан, 50 – в Армению, 47 – в Украину, 42 – в Молдову, на 2,5 – в Таджикистан, в 2,1 раза – в Узбекистан.

Почти 85 процентов экспорта белорусского АПК приходится на страны ЕАЭС. Преобладающим является рынок России. Его доля в экспортной выручке 2019 года, хотя и уменьшилась на 1,2%, составила более 78%. На страны ЕС приходится 4,4% выручки от экспорта агропродукции, страны дальних регионов – 10,4%.

Среди стран Азии и Океании самым крупным покупателем белорусского агропродовольствия является Китай (13,5 млн долларов США). В КНР наиболее востребованными являются говядина и мясо птицы, а также молочная продукция.

Увеличиваются поставки аграрных продуктов из Беларуси в такие страны как Вьетнам, Бангладеш, Монголия, Япония, Египет, США, Куба, Канада. Из европейских стран наиболее крупными импортерами белорусской аграрной продукции (растительные масла, фрукты, ягоды, грибы, овощи, льноволокно, сухое и обезжиренное молоко, казеин, сыворотка и др.) являются Литва, Польша, Германия. Получает развитие торговое партнерство с Бельгией, Данией, Латвией, Нидерландами, Францией, Чехией, Румынией и другими странами Европы. Однако европейский рынок является жестко регулируемым с точки зрения таможенных пошлин и сертификации, к тому же на нем устойчиво обосновались крупные производители сельхозтоваров.

Проблема агроэкспорта для Республики Беларусь с каждым годом становится все более актуальной. Это обусловлено, во-первых, наращиванием объемов производства ряда продуктов (молоко, мясо и др.) в России и других странах, что уменьшает их потребности в импорте. Во-вторых, в Беларуси созданы крупные мощности по производству ряда видов аграрной продукции, в результате чего ее производство значительно превышает потребности внутреннего рынка (по молоку – в 2,4 раза). Поэтому необходимо искать новые внешние рынки, что предполагает расширение соответствующих маркетинговых исследований, активизацию работы по совершенствованию логистики сбыта продукции, а также использованию резервов роста конкурентоспособности продукции по критериям цены и качества. В 2020 году планируется нарастить экспорт белорусской сельхозпродукции на 4,2% и довести его объем до 5,7 млрд долл. США, в ближайшей перспективе – до 7 млрд долл. США.

Формирование экономических, социальных и институциональных условий развития диверсификации агропромышленного производства находится в диалектическом взаимодействии с процессами совершенствования производственной специализации субъектов хозяйствования и территориального размещения производства сельскохозяйственной продукции.

На необходимость углубления специализации хозяйствующих субъектов и территориального размещения сельскохозяйственного производства с учетом

природных и производственно-экономических условий регионов постоянно указывает Глава государства. Предстоит исследовать и разработать научно обоснованные меры по повышению эффективности производственной специализации с учетом специфики почвенно-климатических и экономических условий функционирования сельхозорганизаций. Особенно важно выработать на принципах научного маркетинга методологические подходы к обеспечению рациональной специализации фермерских хозяйств и агроусадеб. Это станет основополагающим фактором устойчивости функционирования малых форм хозяйствования в АПК, гарантированного и экономически выгодного сбыта производимой ими продукции.

Весьма важно обеспечить рациональное разделение труда в аграрной сфере, то есть оптимизировать специализацию, между странами ЕАЭС с учетом сравнительных (относительных), природных и экономических преимуществ, а также интересов каждой из них.

Основополагающей предпосылкой устойчивого развития агропромышленного комплекса, успешного решения всех других задач в этой сфере является повышение качественного уровня управленческой деятельности на основе обеспечения высокого профессионализма руководителей и специалистов, всех кадров. В стране осуществляется системная и целенаправленная работа по совершенствованию подготовки кадров для сельского хозяйства, созданию надлежащих условий для их труда и быта.

Однако сохраняется высокая актуальность решения ряда кадровых проблем. В аграрной отрасли являются вакантными 143 должности руководителей. Не хватает 4,6 тысячи специалистов различного профиля. Не все руководящие работники на селе обладают достаточной профессиональной компетентностью, адекватными организаторскими способностями. Нередки случаи, когда руководители и специалисты сельхозорганизаций, других предприятий АПК не проявляют должной инновационной восприимчивости, активного и ответственного отношения к исполнению своих служебных обязанностей. В этом заключается главная причина наличия хронически отстающих хозяйств, устаревших технологий, низкой эффективности использования производственных ресурсов, высокой текучести кадров.

Содержание научно обоснованной концепции кадрового обеспечения процессов управления в АПК предопределяется положениями Директивы Президента Республики Беларусь № 6 от 4 марта 2019 года. Необходимо повысить уровень профессиональной подготовки кадров АПК, усовершенствовать учебные планы и программы, осуществить действенные меры по созданию надлежащих условий для трудовой деятельности выпускников вузов и колледжей, обеспечению их достойной заработной платой и жильем, предоставлению достаточных возможностей по удовлетворению культурно-бытовых запросов. Следует также совершенствовать систему повышения квалификации кадров. Все это в совокупности позволит сформировать современную систему менеджмента знаний в АПК, включающую образовательный процесс в вузах, различные организационные

Гануш Г.И.

формы повышения квалификации кадров, бенчмаркинг, консалтинг и другие методы распространения опыта передовых хозяйств.

На решение проблем кадрового обеспечения сельского хозяйства, повышения престижности труда специалистов направлены осуществляемые в стране меры по развитию социальной инфраструктуры сельской местности. Наиболее активно и результативно начала проводиться эта работа в рамках реализации Государственной программы возрождения и развития села на 2005-2010 годы. За указанный период в республике создан 1481 агрогородок, построено свыше 45 тысяч объектов социальной и инженерно-транспортной инфраструктуры, более 8 тысяч домов и квартир, сотни учреждений бытового обслуживания, образования, здравоохранения, культуры и спорта. Агрогородки, как новые типы поселения, стали центрами притяжения людей, повышения качества их жизни. Все это положительно сказывается на закрепляемости в сельской местности не только специалистов аграрного профиля, но и врачей, учителей, работников культуры и сферы бытового обслуживания.

В Республике Беларусь уже несколько лет реализуется государственная концепция построения «деревни будущего». Если агрогородок ориентирован на определенный минимум необходимых социальных услуг, то в «деревне будущего» предусматривается создание новой сферы проживания. Акцент делается не только на строительство обустроенного и красивого жилья, спортивных сооружений, дорог, но и на развитие сельхозпроизводства, аграрного бизнеса, индивидуального предпринимательства. В стране все больше становится горожан, проявляющих интерес к современному селу, готовность жить и трудиться в благоустроенной сельской местности.

Опыт Республики Беларусь по инновационному переустройству сельской инфраструктуры заслуживает изучения и распространения в странах ЕАЭС и СНГ. Это будет в немалой степени способствовать повышению уровня кадрового обеспечения агропромышленного производства, а, следовательно, его эффективности функционирования и устойчивого развития.

Литература

1. Государственная программа возрождения и развития села на 2016-2020 годы.
2. Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016-2020 годы.
3. Продовольственная безопасность Республики Беларусь в условиях развития международной и региональной интеграции. Мониторинг -2018 / [В.Г. Гусак [и др.]. – Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2019. – 321с.
4. Директива Президента Республики Беларусь № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли» Сельская газета, 5 марта 2019г. с.3.

**PRIORITIES OF SCIENTIFIC AND PERSONNEL SUPPORT
OF COMPETITIVE STABILITY OF AGRICULTURAL ORGANIZATIONS
OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE MARKETS
OF AGRICULTURAL PRODUCTS.**

Ganush G. I.

doctor of Economics, Professor, corresponding member of the national Academy of Sciences of Belarus, head of the Department of economic theory and law of the Belarusian state agrarian technical University

Abstract: *the article deals with the scientific and personnel support of competitive stability of agricultural enterprises of the Republic of Belarus. A critical assessment of the production capabilities of the agro-food complex of the Republic in comparison with other countries of the post-Soviet economic space is given, the industry reserves for improving the efficiency of agricultural production are shown, and the most effective and relevant directions for improving the stability of the functioning and development of agribusiness entities are presented. Formulated an idea that the implementation of science-based diversification will allow better use of agroclimatic resources of the country and regions, each economy, will promote creation of additional workplaces in the countryside, and increasing employment.*

Key words: *resources, factors, complexes, technologies, adaptation, efficiency*

УДК 331.5.024.54

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО РЫНКА ТРУДА – ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Гончарова Е.П.

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры теоретической экономики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Аннотация: в данной работе рассматривается вопрос гендерной стратификации в рамках трудовой деятельности. Анализ научных фактов и результатов экспериментов позволяют делать выводы о влиянии женской занятости на производительность труда, а также высказать предположения об условиях установления гармоничных гендерных отношений в обществе.

Ключевые слова: Гендер, гендерные отношения, трудовая деятельность, женщины, мужчины, дискриминация, равноправие.

Развитие общества невозможно вне сферы труда. В силу этого труд стал предметом постоянных научных исследований. Центром научного поиска является теория факторов производства, видное место в которой занимает труд. Она отбирает и закрепляет самое важное, существенное, постоянно обогащается новыми выводами и положениями.

Практическая потребность в повышении эффективности труда обусловила необходимость изучения его содержания. Современная наука сформулировала требования к методологии труда, методики исчисления его показателей, учету ряда характеристик, находящих свое отражение в затратах труда, результативности труда, влиянии структурных сдвигов и научно-технического прогресса.

Особую значимость эффективность труда приобрела в современной России. Происходящие здесь рыночные преобразования требуют пристального внимания не только к решению практических проблем результативности труда, но и осмысления его экономической природы с различных теоретических его аспектов.

Решение проблемы формирования эффективного рынка труда для российского общества означает наращивание темпов производства, оживление экономики, существенное улучшение инвестиционного климата и придание нового институционального качества общественным отношениям. Актуальность темы исследования обуславливает также и факт особой социальной значимости рынка труда – в его гендерном аспекте. Который приобрел большое общественное значение, на современном этапе.

Недостаточная разработанность проблемы формирования эффективного рынка труда в пореформенной экономике России, с точки зрения гендерных противоречий, а также практическая значимость указанных проблем обусловили выбор темы настоящего исследования.

Рынок труда, являясь составной частью ресурсного рынка, занимает важное место в экономической системе. На нем формируется стоимость рабочей силы, определяется величина заработной платы, раскрывается социальная сторона рыночных отношений. При этом он обладает определенным своеобразием.

Труд – это, прежде всего, отношение. Он отражает характер отношений людей, вступивших в конкретные экономические связи. В контексте этих связей каждый преследует свои частные интересы. Они могут быть удовлетворены полностью, частично, или вовсе не найти удовлетворения. Однако общая результативность экономической системы как преобразователя потока «природа – общество» напрямую связана с эффективностью, результативностью, действенностью этих связей по части достижения интересов групп людей, их коллективов и общества в целом. Суммируясь, частные интересы становятся выигрышными лишь тогда, когда обеспечивают поступательное движение общества. Ключ индивидуальных успехов кроется в их общественной значимости.

Ранний этап в формировании экономической природы гендерной асимметрии на рынке труда характеризовался полной не включенностью женщин в группу профессиональных работников. Женщины не имели права поступать в высшие учебные заведения, их уделом был домашний и неквалифицированный, низкооплачиваемый труд.

С ранней стадии возникновения общества оно никогда не было однородным: биология разделила его на два сообщества (женское и мужское), интересы которых не во всем совпадали. Принято считать, что первичная социализация шла по матриархатному типу. Австралийская исследовательница Р. Айслер утверждает, что ни о каком ущемлении прав мужчин речи не шло, общество было скорее паритетным, а так как семья формировалась вокруг матери, его следует именовать матрицентричным. [1]

Согласно мнению профессора Л. Мациха, мужчины при установлении патриархата сознательно и насильственно вытеснили женщин из государственной власти, армии и религии (управления церковью), т.е. трех общественных институций, где собственно и протекает история человечества. [2]

В социологических работах последних лет разрабатываются концептуальные модели структуры гендерных процессов. Современная гендерная теория не ставит перед собой цель оспорить факт наличия каких-либо биологических, социальных, психологических различий между представителями мужского и женского пола. Ее целью является доказать, что имеет значение не факт существования различий, а их социокультурная оценка и интерпретация, а также построение властной системы на основе этих различий. Гендерный подход оформился на мысли о том, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое придает социум этим различиям. [3]

Попытки женщин бороться за свои индивидуальные права подавлялись мужчинами силой. Создание мужской культуры было призвано оправдать приниженное положение женщин, особенно преуспели в этом религии, которые много сделали для формирования мизогинистских традиций. Оформление патриархального государства, созданного в интересах мужчин, лишь усилило незавидную участь женщин. К индивидуально-личностным и социокультурным гендерным притеснениям прибавились и структурные, которые норвежский исследователь Й. Галтунг связывает с политическим господством одной социальной группы над другими [4]. Патриархальное общество утверждает превосходство мужчины во всех сферах жизни и осуществляет дискриминацию по признаку пола. В таком обществе женщина, как правило, рассматривается, прежде всего, как существо биологическое с преобладанием репродуктивных начал.

Многочисленные революции и смены государственных формаций ничего существенно нового женщинам не приносили, так как проводились в рамках того же патриархата. Активное женское участие в этих процессах начисто игнорировалось. За тысячелетия господства патриархата, продолжающегося и сейчас, положение дел оставалось неизменным до рубежа XX века, когда возникло мощное движение женщин, объединившихся в борьбе за равноправие, известное под названием феминизм. Главными женскими интересами становятся: право на общественно полезный труд и равную с мужчинами его оплату, право на экономическую самостоятельность и равные права наследования, право на образование, избирательное право, право устраивать свою личную жизнь, право на расторжение брака, право на аборт и осознанное материнство.

Гендерный аспект повышения эффективности рынка труда охватывает проблемы женской безработицы, равенства полов в профессиональной сфере, женщина – руководитель и женское предпринимательство.

В последние десятилетия произошло переосмысление гендерного разделения труда и общественного признания трудовой деятельности женщины с одной стороны, а с другой стороны, обострилась проблема совмещения ухода за детьми или заботы о близких с собственной профессией. Традиционная модель кормильца, когда мужчина трудится полный рабочий день по найму и обеспечивает доход, а женщина заботится о семье и работает по дому, сохраняет всё меньшую ценность. Во многих семьях оба родителя должны или хотят работать.

Исторические условия сложившиеся в начале XXI века обострили противоречия в отношениях: складывающиеся как между мужчиной и женщиной, так и между женщинами и женщинами, женщинами и обществом в целом, и что также на наш взгляд немало важно между мужчинами и мужчинами по поводу женщин. Финансовая и социальная независимость женщин, породившая их самостоятельность, не просто поменяла гендерные роли между мужчиной и женщиной. По сути, создала феномен современной женщины, живущей в новых для себя и общества, исторических условиях, практики существования в которой у женщины ежедневно хоть отбавляй, а теоретического осмысления, к сожалению, нет.

Женщина как объект внимания социологии, сексологии, психологии достаточно исследована, однако автор настаивает на экономической природе данного феномена как по природе его породившего, так и по последствиям, к проявлению которых привело его появление.

Атомарность семьи как объекта экономического анализа в существующих концепциях ставило женщину не просто в подчиненное положение по отношению мужчине, а зачастую просто отказывалась рассматривать ее как полноценную хозяйствующую единицу. Хрестоматийный пример про хозяйство Робинзона Крузо присутствует почти во всех учебниках по Экономике, а примеров эффективно хозяйствующей одинокой женщины в учебниках нет. Современная женщина не просто самостоятельная хозяйствующая единица, ее одиночество зачастую ее осознанный рациональный выбор. Ежечасно ей приходится вступать в экономические отношения с мужчинами, другими женщинами экономическими институтами как полноправный субъект этих отношений. [5]

Женщины все чаще стремятся к профессиональной и финансовой независимости.

В развитых странах акцент политики равноправия делается на рынке труда. Здесь имелся и имеется многочисленный инструментарий, который форсирует доступ к рынку труда и сокращение дискриминации. Особенно здесь актуализируется, в качестве центральной, тема равноправного представительства женщин в правлениях предприятий (ключевое слово - женская квота в совете директоров и наблюдательном совете) и обеспечение равенства женщин в области заработной платы.

Сказывается степень трудовой активности различных групп населения. В ряде стран, например, рост предложения рабочей силы обусловлен значительным увеличением численности работающих женщин.

В Европейском Союзе гендерный мейнстрим согласуется, как и прежде, в основном, с женской политикой равных возможностей, что также проявляется в различных пунктах отчетности о гендерном равенстве. [6]

Использование социально-гендерных ресурсов занимает в данном случае далеко не последнее место. Это проявляется в новых ресурсных возможностях женщин реализоваться на рынке труда, занятости и профессий, в развитии социальной и, прежде всего, профессиональной мобильности, предметной и карьерной профессионализации, деловой активности, в мотивации деятельности технической интеллигенции и получения удовлетворения от своей работы. Что безусловно призвано повысить эффективность рынка труда.

Следует отметить и еще крайне важный момент в определении социогендерных противоречий для реализации новой инновационной экономики. Данные статистики показывают, что женщины в большей степени, чем мужчины удовлетворены режимом работы и условиями труда, испытывают профессиональную и моральное удовлетворение. Как видим, это такие компоненты занятости, которые не требуют значительных материальных вложений. Представляется, что их также

необходимо учитывать при прогнозировании социальных рисков, корректировке стратегий технологического развития страны использовать и использовать, а использование социально-гендерных ресурсов и возможностей женщин при реализации новой экономической политики сможет стать мощным стимулом для построения отечественной экономики на высокотехнологичной основе.

Гендерные взаимоотношения под влиянием объективных обстоятельств претерпевают изменения, но не всегда прогрессивного порядка. В российской истории новейшего времени, например, в этом отношении произошёл регресс общественно-значимых ценностей в сторону откровенно патриархальных, то есть к возрождению аргументации по признаку биологического пола в определении роли индивида в социальной, политической, экономической, культурной и других сферах человеческой жизни. Такое ощущение, что для российских женщин наступила контрамощия. Да и что ждать от Думы, в которой 96% – мужчины. Вот несколько примеров последних 30 лет.

Прежде всего, на ум приходит начало 90-х годов прошлого века и процесс, называемый приватизацией, который коснулся в основном мужчин. Наконец-то раскрылась загадка превращения общинной собственности в частную, оно осуществлялось насильственными действиями на уровне криминала, куда женщины не допускались. Анализ этого периода демонстрирует, что в результате только 3% общенародной собственности отошли женщинам.

С рабочих мест увольнялись, прежде всего, образованные женщины, которым предлагалось вернуться в лоно семьи и приступить к исполнению своего естественного предназначения, включающего заботу о главе семьи и детях. Не принималось во внимание, что многие мужчины стремительно теряли статус кормильца.

По-прежнему в стране существует список запрещенных для женщин профессий длиной в 456 позиций. Лицемерные объяснения, что это делается репродуктивного здоровья ради, не выдерживают никакой критики. Если проанализировать список с точки зрения размера зарплаток, то в нем обнаружатся наиболее высокооплачиваемые специальности. Да, они часто являются и наиболее опасными, но кто сказал, что женщина не имеет права рисковать своей жизнью наравне с мужчиной.

Формально с сентября 1917 г. в стране существует избирательное право для женщин, введенное Временным правительством под давлением «буржуазных» феминисток. Кстати, Советы рабочих и солдатских депутатов не поддерживали требования женщин о предоставлении им избирательных прав, мотивируя это тем, что работа в этом направлении отвлекает женщин от классовой борьбы. Сейчас в стране избирательное право для женщин выполняется в основном в своей активной части (избирать), пассивная часть (быть избранной) настолько затруднена, что в Думу попадают в основном женщины, безоговорочно поддерживающие предложения мужчин, которые не способствуют снижению гендерного неравенства.

Существующие концепции не способны адекватно описать феномен под названием женщина, постичь его самобытность и глубину, а самое главное не обладают прогностической силой, позволяющей на практике эффективно вступать с ней в отношения.

На основании проведенного анализа гендерного аспекта проблем формирования эффективного рынка труда в российской экономике можно сформулировать следующие основные обобщения.

1. Состояние рынка труда определяется не только политикой государства, но и культурным наследием предыдущих форм общественных отношений. Действие этих факторов приводит к появлению негативных тенденций в области труда и занятости.

2. В экономике России наблюдается гендерная асимметрия процесса формирования нового облика рабочей силы. В гендерной структуре рабочей силы усиливаются сдвиги, выражающиеся в недостаточном равноправии женщин на рынке труда, в карьерном и стоимостном неравенстве. Такая ситуация не отвечает требованиям развивающейся рыночной экономики.

3. Трансформируется гендерная структура рабочей силы. В частности, это выражается в половой дискриминации рабочей силы. Доля женского труда в общем объеме высококвалифицированного труда составляет незначительную величину. В качестве положительной тенденции следует отметить позитивную его динамику женского предпринимательства.

4. Российский рынок труда по своей структуре иррационален. В целях предотвращения его дальнейшей деформации и обеспечения надлежащего эффекта от включения России в процесс международного разделения труда необходима реализация государственной программы по содействию сокращения гендерного неравенства, что будет способствовать инновационной перестройке отечественной экономики.

Основные меры в области повышения эффективности защиты трудовых прав женщин на рынке труда могут быть сконцентрированы на следующих направлениях: 1) совершенствование досудебных механизмов защиты трудовых прав женщин; 2) введение новых законодательных норм расширяющих возможности женщин в защите трудовых прав; 3) поддержка общественных организаций, занимающихся вопросами защиты трудовых прав женщин; 4) информационно-методическая поддержка гражданской самозащиты в сфере труда и занятости женщин.

Литература

1. Айслер Р. Чаша и клинок. - М.: Дерево жизни, 1993. С. 18–30.
2. Маших Л.А. Всемирная история женщин [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.tvkultura.ru/issue.html?id=119382>
3. Connell R.W Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge: Polity Press. 1987.

Гончарова Е.П.

4. J. Galtung. Woman Man Peace War? Peace theory, feminist theory and epistemological adequacy. In: Peace Research for the 1990s. Edited by J. Balazs and H. Wi-berg. Akademiai Kiado, Budapest, 1993. P. 29–38.

5. Чапля В.В. Экономическая природа гендера: между ценностью и стоимостью / Новая социальная реальность и гендерное равноправие в России и за рубежом 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты Материалы XVIII Международных Гендерных чтений, посвященных 100-летию юбилею Октябрьской революции. Под научной редакцией Г. Силласте. 2017, Издательство: Научно-исследовательский институт экономики Южного федерального округа (Краснодар)

6. Gesterkamp, Thomas (2015): Männerpolitik und Antifeminismus, WSI Mitteilungen, Nr. 1, S. 59–61. https://www.boeckler.de/wsi-mitteilungen_52679_52686.htm

7. Сидоров В.А. Основное экономическое противоречие капитализма в контексте становления инновационной экономики / Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Бизнес, инновации, информационные технологии, моделирование // [электронный ресурс] : сб. науч. тр. материалы VII междунар. науч.-практ. конф. по экономике (Сочи, 27–31 марта 2019 г.) / под ред. д-ра экон. наук, профессора Сидорова В.А. и д-ра экон. наук., профессора Ядгарова Я.С. – Майкоп, издательство ЭЛИТ– 2019. С. 77–86.

THEORY OF ECONOMIC INTERESTS: MODERN INTERPRETATION IN THE CONTEXT OF THE MARKET PHENOMENON FARMS

Goncharova E.P.

PhD in Economics, Professor, Senior Lecturer of the Department of theoretical Economics, «Kuban state University»

Abstract. *This article examines the issue of gender stratification within the framework of labor activity. Analysis of scientific facts and experimental results allows us to draw conclusions about the impact of harmonious gender relations in society.*

Key words: *economic interests, needs, market economy, economic law, implementation mechanism.*

УДК 330.341.1

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В. Ю. Ильин,

*д.э.н., профессор кафедры бизнес-информатики
Луганский национальный аграрный университет, г. Луганск*

И. В. Жданова,

*к.т.н., доцент, заведующая кафедрой финансов
Донбасский государственный технический университет, г. Алчевск*

В. В. Ратникова,

*аспирант кафедры бизнес-информатики
Луганский национальный аграрный университет, г. Луганск,*

***Аннотация.** Раскрыта экономическая суть инноваций и инновационного процесса различными учеными. Исследованы условия и принципы инновационного развития предприятий. Уточнены особенности и препятствия на пути использования инновационных процессов в работе сельскохозяйственных предприятий.*

***Ключевые слова:** инновации, инновационное развитие, инновационный процесс, сельское хозяйство, развитие, экономика.*

Постановка проблемы. Современные перспективы экономического развития связаны с высокотехнологичными и конкурентоспособными предприятиями, хозяйственная деятельность которых создавала бы синергетический эффект с национальной экономической системой. Такой эффект возможен лишь при наличии инновационного развития предприятий, которые составляют основу конкурентоспособности национальной экономики. Повышение активности инновационной деятельности отечественных предприятий является одной из главных предпосылок стабильности и устойчивого развития в целом экономики.

Успешное функционирование организации возможно лишь при условии систематического и целенаправленного новаторства, нацеленного на поиск новых разнообразных возможностей, которые предоставляет среда хозяйствования. Такое новаторство является содержанием инновационной деятельности, его результаты обогащают и совершенствуют производственно-хозяйственные процессы, определяют направления будущего развития организации, основанные на новых подходах к удовлетворению потребностей рынка.

Управление инновационной деятельностью должно быть ориентировано на развитие инновационной активности предприятия и его инновационного потен-

циала, а также обеспечение эффективного осуществления систематического, целенаправленного планирования, разработки, внедрения и использования инноваций.

Анализ последних исследований и публикаций. Выполненный анализ теоретических исследований в рамках инновационной экономики предприятий, свидетельствует о существовании большой научной базы, которая состоит из трудов зарубежных и отечественных ученых. Так, основные теоретические и методологические положения, связанные с выявлением сущности и содержания инноваций изложены в работах ведущих ученых и их последователей, таких как: Ф. Никсона, Б. Санто, И. Шумпетера [8], Т.Г. Дудара [2], Н.М. Корсиковой, М.М. Меркуловой, В.И. Захарченко [3], Р.А. Фатхутдинова [7] и других.

Вопросом исследования современных проблем развития инновационной деятельности в сельском хозяйстве посвящены работы: Н.В. Алтуховой [1], М.Ф. Бабиенко, П.А. Лайко [4], П.М. Музыки, С.В. Степной [6], А.В. Шумского [9] и других.

Несмотря на значительное количество исследований в области «инноваций» и «инновационной деятельности», в научной литературе имеет место разная трактовка содержания используемых понятий и разная интерпретация взаимосвязи между этими категориями. В частности, на наш взгляд, требуют дальнейшего уточнения определения принципов и факторов инновационного развития сельскохозяйственного предприятия. Остается открытым вопрос о необходимости и возможности установления единого показателя эффективности управления инновационной деятельностью предприятий.

Кроме того, анализ соответствующих публикаций, как мы видим, по данной проблеме приводит к выводу, что в настоящее время недостаточно полно разработана теоретическая и методологическая база процессов управления инновационной деятельностью сельскохозяйственных предприятий в условиях сложных рыночных отношений. Это находит отражение в определенном субъективизме различных подходов к определению понятия новшество, к содержанию инновационной деятельности как объекта предпринимательства, к формированию организационно-экономических механизмов управления инновациями, а также постановки и решения задач инновационного развития.

Постановка задания. Целью исследования является изучение экономической сущности инноваций и инновационного процесса, анализ современного состояния инновационного развития сельскохозяйственных предприятий.

Изложение основного материала. Инновации являются экономической категорией научно-технического прогресса, обеспечивающего качественные изменения в функциональных возможностях предприятий и рыночных преимуществ современного производства с учетом дифференцированного влияния отраслево-технологической специфики. Проблема нововведений является важнейшей и самой сложной среди других проблем, с которыми сталкивается бизнес, поэтому как в отечественной, так и мировой литературе характерна многогранность взглядов на сущность понятия «инновация». Трактовка категорий инновации зависит

от объекта и предмета исследования. Например, Ф. Никсон считает, что инновация – это совокупность производственных, технических и коммерческих мероприятий, которые ведут к появлению на рынке новых и усовершенствованных промышленных процессов и оборудования [2, С. 11].

По мнению Б. Санто, инновация - это такой общественно-технико-экономический процесс, который через практическое использование идей и изобретений приводит к созданию лучших по своим качествам изделий, технологий и дает прибыль в случае, если инновация ориентирована на экономическую выгоду, ее появление на рынке может принести добавочный доход [5, С. 14].

В свою очередь, Й. Шумпетер, трактует инновацию как новую научно-организационную комбинацию производственных факторов, созданную предпринимательским духом. Именно Й. Шумпетером впервые был введен в научный лексикон термин «инновация», что в буквальном переводе означает «воплощение научного открытия, технического изобретения в новой технологии или в новом виде изделия». Кроме того, инновация рассматривалась И. Шумпетером как новая функция производства «новая её комбинация» [8, С. 17].

На наш взгляд, следует согласиться с Р. А. Фатхутдиновым, который дает определение инновации как конечного результата внедрения новации с целью изменения объекта управления и получения экономического, социального, экологического, научно-технического или иного вида эффекта [7, С. 16].

Как мы видим, в научных исследованиях отечественных экономистов преобладает мнение, что инновации – это технические, организационные, экономические, управленческие изменения, которые имеют положительное воздействие на предприятие с целью получения прибыли на основе удовлетворения общественных потребностей. Инновация - это положительные изменения состояния объекта, это то, что обеспечивает процесс позитивных изменений на предприятии, а также – это средство практического использования в воспроизводственном процессе [6, С. 12].

Анализ приведенных определений показывает, что под термином «инновация» одни авторы понимают объекты внедрения, другие – процесс, что ведет к появлению чего-то нового – новации для получения определенного вида эффекта.

Обобщая выше сказанное, следует указать, что инновация – это новшество, любое позитивное изменение, которое вносится инициатором в собственную деятельность с целью улучшения методов управления и других производственных факторов на всех этапах производства и сбыта товаров для повышения своей конкурентоспособности и экономической эффективности производства.

Мы согласны с позицией А.В. Крисального и других ученых, которые утверждают, что инновация заканчивает свое развитие после широкого использования в производстве при условии окупаемости затрат на ее получение. После этого инновационная продукция перерастает в достижение научно-технологически-технического процесса, приобретая широкое применение [4, С. 87].

Период времени от возникновения идеи, создания и распространения новшества и до его использования называют жизненным циклом инновации. Учитывая последовательность проведения работ, жизненный цикл инновации рассматривают как инновационный процесс.

Инновационный процесс-комплекс связанных между собой действий, ведущих к возникновению научных идей и превращению их в материальные средства, предоставляемые к практическому использованию [6, С. 12]. Также инновационный процесс можно рассматривать как преобразование научного знания в инновацию, которое удовлетворяет новые общественные потребности; последовательная цепь действий, охватывающая все стадии создания новинки и внедрения в практику [2, С. 42].

Таким образом, инновационный процесс следует рассматривать как совокупность целенаправленных действий, которые охватывают период становления неизвестных ранее объективных закономерностей, свойств и явлений материального мира до массового выпуска инновационной продукции и приобретения широкого применения. Только после внедрения инновации и выяснения как она удовлетворяет потребности рынка и потребителей, можно оценить эффективность инновационного процесса.

Важное значение при этом имеет моделирование инновационного процесса, которое позволяет выделить в инновационной деятельности составляющие, создавая тем самым возможность сквозного планирования инновации по стадиям с учетом конъюнктурных изменений.

Для России характерна зависимость экономического роста от экспорта сырья и агропромышленной продукции с низкой степенью переработки, которая исключает или значительно снижает инновационную составляющую производства. Неподготовленность большинства предприятий к реалиям современной экономической ситуации России объясняется, в первую очередь тем, что прошлое было практически полностью определено и ограничено плановыми заданиями, внешняя среда не стимулировала, а часто даже препятствовала формированию инновационных моделей управления. Через это, при вхождении предприятия, ориентированного на инновации в новую динамическую среду, возникает конфликт, что ведет к необходимости, либо постоянно оперативно подстраиваться под изменения, которые уже произошли, или формировать специфические механизмы управления, позволяющие прогнозировать будущие изменения и адекватно на них реагировать, то есть создавать механизмы управления инновациями.

Сложная структура процесса создания новшества, новые формы его организации требуют существенной реконструкции и совершенствования действующей системы управления этим процессом. Они должны осуществляться комплексно: сверху вниз, реализуя общие принципы и требования применительно к единой централизованной системе управления, и снизу вверх, реализуя особенности общих принципов и требований применительно к конкретному процессу, увязывая при этом показатели и методы оценки, планирования и стимулирования в единую действенную систему.

Инновационные процессы не обладают автоматизмом действия даже в условиях рыночных отношений. Они нуждаются - как в макро регулировании (на уровне государства), так и микро регулировании (на уровне отдельного хозяйственного образования). Это приобретает очень важное значение, ведь на сегодняшний день сложились неблагоприятные условия и тенденции в области управления инновационной деятельностью, особенно сельскохозяйственных предприятий.

В экономической литературе выделяют три направления развития организации: экстенсивный, интенсивный и инновационный, который сегодня привлекает особое внимание.

Инновационный тип развития – способ экономического роста, основанный на постоянных и систематических нововведениях, направленных на существенное улучшение всех аспектов деятельности хозяйственной системы, для создания инновационных товаров и формирования конкурентных преимуществ, на периодической перегруппировке сил, обусловленный логикой НТП, целями и задачами развития системы, возможностью использования определенных ресурсных факторов в создании инновационных товаров и формировании конкурентных преимуществ [3, С. 58].

Выбор такого типа развития предприятия обусловлен объективными причинами:

- инновационный товар способен создать значительные конкурентные преимущества, которые позволят повысить конкурентоспособность и экономическую устойчивость предприятия;

- свою нишу на рынке можно занять, выпустив качественно новый товар, который сможет выделиться на переполненном рынке товаров и услуг;

- общей тенденцией к персонализации потребностей и потребительских характеристик товара;

- мелкие товаропроизводители должны придерживаться инновационной стратегии для обеспечения устойчивости своего существования и противостояния корпорациям, которые стремятся монополизировать рынок.

Для практической реализации инновационного пути развития экономики необходимо формирование определенной модели развития, которая предусматривает использование новых организационных форм в производственной и предпринимательской сфере, что существенно ускорит процессы передачи инновационных разработок в различные отрасли хозяйствования.

Инновационная модель развития экономики – это теоретическое выражение инновационных приоритетов, направлений, структур, систем мотивации, стратегий, механизмов и др., которые направлены на формирование инновационного типа развития национальной экономики [3, С. 59].

Далее считаем целесообразно рассмотреть концептуальную модель инновационного развития экономики с помощью рисунка 1.

Рис. 1 – Концептуальная модель инновационного развития экономики

Эффективная стратегия инновационного развития предприятия направляется на устранение слабых сторон, которые препятствуют его успешной деятельности и мешают использовать потенциальные возможности. Следует отметить, что она базируется на определении и использовании факторов, под воздействием которых сельскохозяйственное предприятие может эффективно функционировать и способствует созданию конкурентных преимуществ. При этом важно учесть условия постоянных изменений внешней среды, которые особенно характерны для отрасли сельского хозяйства, где сильные стороны субъекта хозяйствования со временем могут превратиться в слабости. Поэтому стратегия инновационного развития должна быть ориентирована не столько на максимально эффективное использование существующих возможностей, сколько на выявление и развитие тех возможностей и характеристик, определяющих успех предприятия в будущем [6, С. 14].

Для получения положительных результатов в виде прибыли, повышение эффективности деятельности, рост конкурентоспособности, предприятие, ставшее на инновационный путь развития, должно придерживаться таких принципов, как:

- сбалансированность внешних и внутренних возможностей развития и их адаптация к нуждам сельскохозяйственных предприятия;
- самостоятельность в обмене ресурсами между элементами производственно-сбытовой системы предприятия и между сельскохозяйственным предприятием и окружающей его средой;
- оперативная корректировка механизма управления в соответствии с уже произошедшими или прогнозируемыми изменениями [1, С. 49].

На основании изученной литературы мы считаем, что инновации в агропромышленном комплексе (в частности, в сельском хозяйстве) – это, с одной стороны, процесс исследований, разработок и распространения новых видов продуктов, новых технологий, организационных форм и маркетинговых методов в агропромышленном комплексе, а с другой стороны, материализованный результат этого процесса, выраженный в изменении всего хозяйственного механизма сельскохозяйственного предприятия, перехода его в новое состояние, что позволяет предприятию повысить эффективность своей деятельности посредством повышения конкурентоспособности продукции.

С внедрением инноваций в сельском хозяйстве виды продукции, как правило, не изменяются, а приобретают улучшенных свойств. Инновации, внедренные в одном сельскохозяйственном предприятии, могут затем распространяться на коммерческой основе в других организациях. Скорость их распространения (диффузии) зависит от относительной потребности в инвестициях и эффективности каждой инновации. В связи с этим, мы считаем, что чем больше число организаций использовало данную инновацию, тем выше потери тех предприятий, которые ее не использовали и тем ниже темпы развития отраслевого сельскохозяйственного производства в целом [9, С. 26].

Для сельскохозяйственных предприятий присущи как общепринятые инновации: организационно-управленческие и экономические, производственные и технико-технологические, социально-экологические; так и специфические, обусловленные особенностью функционирования сельскохозяйственного предприятия, то есть селекционно-генетические.

В связи с этой спецификой отрасли и особенностями производственных процессов в сельском хозяйстве можно выделить следующие основные особенности инновационного процесса протекающих в сельскохозяйственных предприятиях:

- выбор технологий производства сельскохозяйственной продукции зависит от природно-климатических условий;
- организационная разорванность между исследованиями и разработками (выполняемыми специальными научно-исследовательскими организациями) новаций и непосредственным производством;
- сезонность производства и длительный производственный цикл для некоторых видов сельскохозяйственной продукции;
- сосредоточенность на большой территории сельскохозяйственного производства.

Данные особенности инновационных процессов сталкиваются с большим количеством препятствий на пути их использования в сельскохозяйственном производстве. К таким препятствиям можно отнести:

- низкий спрос на инновационные разработки среди производителей на внутреннем рынке;
- не сформированность государственной инновационной политики;
- низкая поддержка и стимулирование предприятий государством для осуществления инновационной деятельности;
- ограниченные финансовые возможности аграрных предприятий.

Традиционные и новые функции элементов модели инновационного развития экономики сельскохозяйственных предприятий считаем целесообразно рассмотреть в таблице 1.

Таблица 1 - Традиционные и новые функции элементов модели инновационного развития экономики сельскохозяйственных предприятий

Элементы / функции	Традиционные функции в инновационном развитии	Новые функции
Образование	Подготовка и обучение кадров, распространение новых знаний, проведение фундаментальных и прикладных исследований	Создание совместных инновационных формирований, стимулирующих инновационное развитие, проведение технологического предвидения
Наука	Проведение фундаментальных и прикладных исследований; производство научно-технической продукции, подготовка высоко обученных специалистов	Инициирование сотрудничества с производством; продвижение инновационных разработок; Трансфер научно-технических достижений; проведение технологического предвидения
Производство	Изучение спроса на инновационный продукт, отбор инновационных проектов, внедрение НИОКР в производство, выпуск, реализация инновационной продукции и услуг	Продвижение и стимулирование использования новых технологий, расширение финансирования внедрения научно-технических новшеств, стимулирование проведения НИОКР, сотрудничество с поставщиками и передовыми покупателями, участие в технологическом предвидении

Как мы видим из таблицы 1, воплощение в жизнь традиционных и воспроизведение элементов инновационного развития экономики новыми функциями разрешит увеличить связь между ними и будет способствовать активизации инновационного процесса в деятельности сельскохозяйственных предприятий.

Учитывая данную ситуацию, сельскохозяйственные предприятия не спешат повышать свою инновационную активность, оставляя её на низком уровне. Для эффективного функционирования сельского хозяйства необходимо постоянное обновление продукции, внедрение новых методов управления и современных технологий, формирование полноценной инфраструктуры. Повышение активности

инновационной деятельности сельскохозяйственных предприятий является одной из главных предпосылок стабильности и устойчивого развития аграрного сектора экономики, поскольку это позволяет не только изменить характер производственной деятельности, но и наполнить ее новым значением и практическим содержанием. При таких условиях хозяйствующие субъекты должны выбирать развивающую рыночную стратегию функционирования, которая становится определяющим фактором достижения экономического лидерства, важнейшим инструментом в конкурентной борьбе.

Выводы. Научные исследования в области научно-технического развития сельского хозяйства позволяют установить, что не решенными остаются вопросы организации и управления инновационной деятельностью и инновационным развитием аграрной отрасли. Повышение активности инновационной деятельности сельскохозяйственных предприятий обеспечит повышение конкурентоспособности и экономической эффективности производства. Для активизации инновационных процессов в агропромышленном производстве важным условием является преодоление препятствий, а именно ограниченности финансовых возможностей, слабой поддержки со стороны государства и низкого спроса на инновационные разработки.

Литература

1. Алтухова Н.В. Проблемы инновационного развития агропромышленного комплекса Украины / Н.В. Алтухова // *Агросвит*. – 2012. – № 2. – С. 48-54.
2. Дударь Т. Г. Инновационный менеджмент: учеб. пособие / Т.Г. Дударь, В.В. Мельниченко. – К.: Центр учебной литературы, 2009. – 256 с.
3. Захарченко В. И. Инновационный менеджмент: теория и практика в условиях трансформации экономики: учеб. пособие / В.И. Захарченко, Н.М. Корсикова, М.М. Меркулова. – К. : Центр учебной литературы, 2012. – 448 с.
4. Лайко П.А. совершенствование инновационной деятельности в АПК-требования времени / П.А. Лайко, М.Ф. Бабиенко, П.М. Музыка, Е.А. Бузовский, О.И. Гойчук, М.М. Кулаец // *Экономика АПК*. – 2007. – № 12. – С. 85-91.
5. Санто Б. Инновация как средство экономического развития: пер. с венг. / Б. Санто. – М. : Прогресс, 1990. – 256 с.
6. Степная С.В. Экономические аспекты активизации инновационной деятельности предприятий АПК / С.В. Степная // *Экономика АПК*. – 2010. – № 23. – С. 11-17.
7. Фатхутдинов Р.А. Инновационный менеджмент. Учебник для вузов. 6-е изд. / Р.А. Фатхутдинов. - СПб: Питер. 2008. – 448 с.
8. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала и цикла конъюнктуры): Пер. с нем. Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982. – 358 с.
9. Шумский А.В. Управление инновационным развитием агропромышленного производства: состояние и перспективы развития / А.В. Шумский // *Инновационная экономика*. – 2012. – № 5. – С. 24-29.

**FEATURES OF THE INNOVATIVE DEVELOPMENT
OF AGRICULTURAL ENTERPRISES**

V. Yu. Ilin,

*Doctor of Economics, Professor of the Department of Business Informatics
Lugansk National Agrarian University, Lugansk*

I.V. Zhdanova

*Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department
of Finance Donbass State Technical University, Alchevsk, Lugansk*

V.V. Ratnikova

*Postgraduate Student, Department of Business Informatics Lugansk
National Agrarian University, Lugansk*

Abstract Exposed economic essence of innovations and innovative process by different scientists. Investigational terms and principles of innovative development of enterprises. Specified features and obstacles are on the way of the use of innovative processes in agricultural enterprises.

Key words: innovation, innovative development, innovation process, agriculture, development, ekonomika.

научное электронное издание

ФЕНОМЕН РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА: ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ.

ПАРТНЕРСТВО В УСЛОВИЯХ РИСКА И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Сборник научных трудов

**VIII Международная научно-практическая конференция по экономике, посвященная памяти известного ученого и крупного организатора экономической науки в Средней Азии и на Юге России доктора экономических наук, профессора А.Ф. Сидорова
г. Самарканд – г. Карши
1–5 апреля 2020 г.**

Усл. печ. л. 30,7

Подписано к использованию 30.03.2020 г.

ООО «ЭЛИТ». 385020, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 374/52.
Тел.: (928) 4-719-729. E-mail: elit-publishing@ya.ru.